

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Одиннадцатой Международной
научно-практической конференции**
17–19 мая 2023 года



Часть II



Департамент культуры Минобороны РФ
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи



Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Одиннадцатой Международной
научно-практической конференции**

17–19 мая 2023 года

Часть II

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС**

2023

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В. И. Кобякова, старший научный сотрудник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Одиннадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Информационная поддержка



Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

*На обложке: Вид Старого арсенала на Литейном проспекте. Галактионов С. Ф.
1822 г. Литография*

© ВИМАИВиВС, 2023

© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-7937-2331-2

С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)

МЕМОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В 2023 г. исполняется 320 лет со дня начала формирования собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) – старейшего военного музея в России и одного из крупнейших в мире. 29 августа 1703 г. Петром I на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге был заложен Цейхгауз для хранения и «памяти на вечную славу» уникальных исторических образцов вооружения, военных трофеев и реликвий.

Мемориальные вещи, принадлежавшие Петру Великому, ныне хранящиеся в музее, являются предметом особой гордости для его сотрудников¹. История этого уникального комплекса ведет свое начало с 1827 г. (по другим сведениям – с апреля 1826 г.), когда из Придворной конторы Министерства Императорского Двора «по повелению государя императора» Николая I в арсенал были переданы предметы гардероба Петра I, а также мемориальные вещи его преемников. В письменном распоряжении генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича было сказано, что все эти предметы помещены в арсенал «для вечного хранения».

Среди наиболее ценных меморий хранился мундир по форме офицера лейб-гвардии Преображенского полка, в котором Петр был в Полтавском сражении, личное оружие и предметы гардероба государя. Эти вещи были помещены по распоряжению императрицы Анны Иоанновны в 1732 г. в Кунсткамеру, где были выставлены для посетителей². Составитель каталога-путеводителя «Кабинет Петра Великого» О. П. Беляев с пиететом писал о «полтавском» мундире: «Взирая на него со вниманием, приходишь в священное некое очарование; и кажется, что уже стоишь на Полтавском поле между тучею ядер, отовсюду на Ироя нашего стремящихся. Кажется, видишь Петра Великого... Слышишь

светлый Его глас, раздающийся по воинству: Дерзайте! Где больше опасности, там больше славы»³.

Праправнук первого российского императора посчитал, что личным вещам Петра Великого не место среди научных коллекций и приказал большую их часть разместить в Достопамятном зале «Собственного Его Величества Арсенала»⁴. Этот зал был создан по указу императрицы Елизаветы Петровны на основе Цейхгауза, заложенного еще самим Петром I.

После событий 1825 г. царь отчетливо сознавал необходимость в подъеме престижа российской монархии. В то же время русское общество проявляло все больший интерес к хранилищу отечественных достопамятностей. В связи с этим артиллерийское ведомство приняло решение составить иллюстрированное историко-хронологическое описание предметов Достопамятного зала и издать его на русском и французском языках для продажи посетителям.

Составление «Описания» было поручено полковнику В. А. Эрдману. Работу непосредственно курировал генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович. Он трижды просматривал (в 1830, 1832 и 1837 гг.) варианты рукописи и вносил свои замечания⁵.

Пристально наблюдал за деятельностью Эрдмана и сам император Николай I. В декабре 1838 г. «Описание достопамятных предметов, хранящихся в Санкт-Петербургском арсенале» – первый научный каталог музея – было завершено⁶. Благодаря этому описанию сохранился первый список мемориальных вещей, принадлежавших Петру Великому.

Император Николай с удовольствием рассмотрел труд Эрдмана и поручил ему составить такое же исчерпывающее описание всего ручного огнестрельного и холодного оружия русской армии с начала XVIII в. Недостающие в Достопамятном зале образцы приказано было прислать с заводов и арсеналов. Для размещения оружейной коллекции предоставлялось самое красивое помещение в Новом арсенале – большой 16-колонный зал, специально оборудованный для этой цели. Большое внимание в труде Эрдмана уделено описанию памятников Петровской эпохи и Северной войны. Так, например, в разделе «Комната № 10. Предметы, хранящиеся в память в Бозе почивших особ Императорской фамилии» перечисляются мемориальные вещи Петра Великого⁷.

Эрдман пишет и о ключах от города Дербента, поднесенных в 1795 г. генерал-губернатору Кавказского наместничества графу В. А. Зубову: «По преданию они те же самые, с которыми Ноября 23-го 1722 года дербентский Наиб (губернатор) встретил Государя Императора Петра Великого. Уверяют также, что тот самый старик, который поднес ключи генералу графу Зубову, находился при сей церемонии в 1722 году»⁸.

Автор приводит сведения о трофейных шведских знаменах, взятых в сражениях при Лесной, Полтаве, во время кампании в Прибалтике (1710) и Финляндии (1713–1714)⁹.

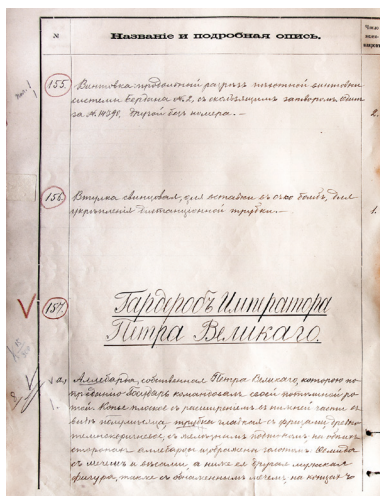
В описании упомянута деревянная кровать, доставленная из Выборгского гарнизона и получившая наименование «Кровать Петра Великого», а также расшитый золотом государственный герб Российской империи, висевший в Военной коллегии¹⁰.

В 1862 г. заведующий Достопамятным залом И. Д. Талызин создал второе после Эрдмана иллюстрированное описание собрания. Оно носило название «Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года» и включало 10 113 предметов. К сожалению, некоторые из этих исторических памятников прошлого не сохранились до сегодняшнего дня¹¹.

В «Описании» был дан перечень предметов, хранившихся в так называемой «Комнате гардеробной императора Петра Великого». Среди них: полковничий мундир Петра, который был на нем во время Полтавской баталии, шляпа, пробитая шведской пулей, офицерский шейный знак, 17 различных портупей, еще один мундир темно-зеленого сукна с золотым позументом, три колета (кожана), нижнее платье, башмаки со стальными шпорами и два офицерских шарфа. Оружие царя-преобразователя было представлено тремя шпагами и тремя эспантонами (с одним Петр командовал потешными, с другим участвовал в Азовском походе, а третий получил в 1706 г., став полковником лейб-гвардии Преображенского полка)¹².

13 октября 1872 г. заведующим музеем был назначен известный уже специалист в области истории вооружения Николай Ефимович Бранденбург (1839–1903)¹³. В невиданно короткие сроки он превратил плохо описанное и труднодоступное для посетителей собрание «достопамятностей» в музей в собственном смысле этого слова.

В «Описи Артиллерийского музея» (в так называемых «Красных книгах», названных по цвету переплета), составленной



Ил. 1, 2. Опись Артиллерийского музея. Часть I. Книга I. 1882 г. Обложка и страница с описанием мемориальных предметов Петра Великого

в 1882 г., Н. Е. Бранденбург дает полное перечисление мемориальных предметов Петра Великого, хранившихся на то время в музейном собрании (ил. 1, 2).

«Гардероб императора Петра Великого.

а) Алебарда собственная Петра Великого, которой, по преданию, государь командовал своей потешной ротой. Копье плоское с расширением в нижней части в виде полумесяца, трубка гладкая с фризами, древко темнокоричневое с железным подтоком; на обеих сторонах алебарды изображены золотом Фемиды с мечом и весами, а ниже ее другая мужская фигура, также с обнаженным мечом; на концах расширения арматуры, между фигурами на золотой ленте следы бывших букв, означавших по видимому год.

б) Алебарда собственная Петра Великого, с которой, по преданию, государь состоял волонтером в Азовском походе 1695 года. Копье плоское с расширением в нижней части в виде полумесяца; трубка гладкая с фризами, древко черное без подтока. На одной стороне алебарды выгравированы изображения: наверху рука с обнаженным мечом, под которой надпись (далее пропуск. — С. Е.) и ниже женская фигура с поднятым кверху мечом, еще ниже в круглом щите с арматурой выгравированы две человеческие

фигуры. С другой стороны алебарды наверху рука с обнаженным мечом и под ней «Анно 1659», ниже арматура из пушки, барабана и копий, под которой надпись (далее пропуск. – С. Е.) (Единому Богу слава). Еще ниже в круглом щите с арматурой выгравированы также две человеческие фигуры.

в) Знак офицерский собственный Петра Великого, серебряный вызолоченный, с Андреевским крестом под короной (последняя отломана во время кражи, совершенной в музее в 1871 г.). Подбивка знака зеленая бархатная, при нем остаток красной ленты. Примечание: Этот знак был на Петре Великом в день Полтавской битвы.

г) Камзол собственный Петра Великого из темнозеленого сукна, на узорчатой зеленой шелковой подкладке, без воротника. По борту, карманам и концам рукавов обшит золотым позументом; пуговицы гладкие, выпуклые, золоченые. Попорчен молью. При нем короткие штаны из темнозеленого сукна на белой холщевой подкладке; на разрезах у колен расшиты золотым позументом; пуговицы золоченые гладкие выпуклые.

д) Колет собственный Петра Великого, белый, лосиный, с маленьким воротником и длинными рукавами, без подкладки, которая имеется только в конце рукавов. На последних по пяти золоченых пуговиц. Примечание: колет этот Петр Великий одевал иногда в бою под мундир, в виде лат.

е) Колет собственный Петра Великого, белый, лосиный, без воротника, с длинными рукавами. Примечание: В колете этом Петр Великий работал на корабельной верфи в Саардаме.

ж) Краги собственные Петра Великого, из черной кожи, с широкими раструбами и стальными шпорами. Примечание: Эти краги были на Петре Великом в день Полтавской битвы.

з) Мундир собственный Петра Великого, полковничий Л. Гв. Преображенского полка, из темнозеленого сукна, с таким же маленьким воротником и красными обшлагами. По борту, обшлагам и карманам золоченые конические пуговицы. Подкладка шелковая пепельного цвета, попорчена молью. Примечание: Мундир этот был на Петре Великом в день Полтавской битвы.

и) Португезя собственная Петра Великого, лосиная, украшенная золотым шитьем, без пряжек.

к) Португезя собственная Петра Великого, лосиная, на красной холщевой подкладке, украшена по краям простым золотым шитьем в виде дорожки. Наконечник вызолоченный.

л) Португеи собственные Петра Великого, лосиные, на белой шелковой подкладке, по краям и на лопасти обшиты позументом (одна золотым, другая серебряным). Без пряжек. 2 штуки.

м) Португеи собственные Петра Великого, лосиные, по краям и лопасти украшены простым золотым шитьем в виде дорожки. Одна португея с золочеными пряжками, другая без них. 2 штуки.

н) Португея собственная Петра Великого, кожаная, обтянута красной шерстяной материей, на шелковой подкладке. без пряжек. Весьма испорчена молью.

о) Португея собственная Петра Великого, простая, кожаная, со стальной пряжкой.

п) Португея собственная Петра Великого, лосиная, обложенная по краям золотым позументом и с одной стороны бахромой. Пряжки вызолоченные. При ней такая же лопасть, обложенная золотым позументом и по одному краю бахромой, наконечники вызолоченные.

р) Португеи собственные Петра Великого, лосиные, обтянуты красной шелковой материей, без пряжек. 2 штуки.

с) Португеи собственные Петра Великого, лосиные, обтянуты грубым черным сукном, без пряжек, попорчены молью. 2 штуки.

т) Португея собственная Петра Великого из синей шелковой тесьмы, на красной шелковой подкладке, пряжки вызолоченные, без каменьев, которыми были украшены.

у) Португея собственная Петра Великого, крашенная (из крашеного домотканного полотна. – С. Е.), обтянутая зеленым сукном на шелковой пепельного цвета подкладке, на конце две золоченых конических пуговицы, весьма повреждена молью.

ф) Протазан собственный Петра Великого, которым, по преданию, государь командовал Преображенским полком в чине полковника. Копье плоское с вызолоченным расширением в нижней части, в виде полумесяца; на расширении с обеих сторон расположена арматура, в середине которой, в венке, Андреевский крест и над ним корона. Трубка гладкая, с фризами и надетой на нее золотой кистью; древко черное, без подтока.

х) Шарфы собственные Петра Великого, шелковые, вязаные, с шелковыми на концах кистями. Вдоль шарфа три полосы (голубая, красная и белая). 2 штуки.

ц) Шарф собственный Петра Великого, шелковый, вязаный, без кистей. Вдоль шарфа три полосы (голубая, красная и белая).

ч) Шарф собственный Петра Великого, вязаный частью из канители, частью из шелка и частью из шелка обвитого канителью. По концам золотые кисти. Вдоль шарфа три полосы (красная, голубая и белая).

ш) Шляпа собственная Петра Великого, пуховая, черная, треугольной формы, бывшая на государе в день Полтавской битвы и пробитая пулей, крайне ветха и порвана¹⁴.

щ) Шпага собственная Петра Великого 1720 года, клинок прямой обоюдоострый, длиной 32 дюйма; у основания на обеих сторонах надписи. С одной: «Виват Царь Петр Первый, Император Всероссийский». С другой: «Олонецкой работы 1720». Эфес медный золоченый, с кривой дужкой и двумя на обе стороны чашками. Крыж увит золоченой проволокой, головка крыжа граненая. Ножны из нечерненной кожи, с золочеными гайкой, наконечником и портупейным крючком.

ю) Шпага собственная Петра Великого, клинок прямой обоюдоострый длиной 29,6 дюймов, у основания с обеих сторон украшен гравировкой и позолотой. Эфес золоченый, с кривой дужкой и двумя на обе стороны чашками. Крыж обвит скрученной железной лентой, головка крыжа граненая; ножны из нечерненной кожи, с кожаным наконечником, без гайки и крючка. При ней кожаная портупея, обтянутая черным вытершимся бархатом, со стальными полированными пряжками, и такая же лопасть.

я) Штаны собственные Петра Великого, из синего стамеда (вида шерстяной ткани. – С. Е.), на холщевой подкладке. Пуговицы синие, шелковые¹⁵.

Рядом с каждым предметом сделана приписка: «В 1827 г. от Министерства Императорского Двора».

Это описание петровских мемориальных вещей представляется наиболее полным на момент, когда музей еще не был затронут эвакуацией в Ярославль в годы Первой мировой войны, революционными потрясениями 1917 г. и Гражданской войной.

Таким образом, список мемориальных вещей Петра Великого состоял из 32 предметов и включал в себя: 2 алебарды (протазана), 1 протазан, знак шейный офицерский, камзол, штаны, мундир полковничий лейб-гвардии Преображенского полка, 2 кожаных колета, шляпа, краги, 15 портупей, 4 шарфа, 2 шпаги (одна из них с портупейей). По возвращении из эвакуации петровские мемории были сверены с описью. В «Красных книгах» рядом



Ил. 3. «Полтавский» мундир Петра I в экспозиции Артиллерийского музея. Фотография конца XIX – начала XX в.

с каждым из предметов сделана карандашная запись: «На лицо». Потерь не было.

В 1920–1930-е гг. фонды музея пополнялись за счет передачи собраний полковых музеев, музея общества ревнителей истории, музея Военно-учебных заведений, знаменного собрания Трофейной комиссии и национализированных частных коллекций, конфискованного органами милиции и НКВД оружия.

Например, из бывшего музея лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады, расформированного еще в 1918 г., в АИМ были переданы две потешные пушечки, подаренные царевичу Петру его отцом царем Алексеем Михайловичем.

АИМ не только пополнял собрание предметов Петровской эпохи и «меморий» первого российского императора, но и делился ими с другими музеями.

В 1937 г. мемориальный «полтавский» мундир Петра I (ил. 3) отправили в Эрмитаж на временную выставку «Военное прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения XVII – начала XIX в.»¹⁶. В годы Великой Отечественной войны мундир вместе с эрмитажным собранием оказался в эвакуации в Свердловске, где некоторое время экспонировался на выставке «Героическое прошлое русского народа».

После войны этот уникальный памятник российской истории в АИМ уже не вернулся. В 1946 г. он демонстрировался на выставке «Героическое прошлое русского народа» в Гербовом зале Зимнего дворца. В 1959 г. по распоряжению Министерства культуры СССР мундир окончательно был передан в Государственный Эрмитаж и в том же году представлен на выставке, посвященной 250-летию Полтавской победы¹⁷. В АИМ остались только кожаные краги со шпорами для конного строя, надевавшиеся

поверх башмаков. Таким образом, мундир Петра I оказался разделенным между музеями. Неизвестна судьба «полтавских» башмаков. Относительно последних можно предположить, что в годы послереволюционной разрухи царская обувь вполне могла еще пригодиться для повседневной носки. Достаточно вспомнить рассказ М. Зощенко «Царские сапоги», в котором главный герой приобрел на музейной распродаже якобы сапоги самого Николая II, оказавшиеся, впрочем, дешевой подделкой.

Затерялась и шпага от «полтавского» мундира. По некоторым сведениям, она может находиться в оружейном собрании Государственного исторического музея.

С первых послевоенных лет и до начала 1950-х гг. музей делился своими памятниками с другими музеями, пострадавшими в годы Великой Отечественной войны. За счет его фондов был почти полностью восстановлен Мемориальный музей А. В. Суворова в Ленинграде и Музей истории Полтавской битвы на Украине. Много предметов было передано в государственные и краеведческие музеи Кишинева, Львова, Харькова, Минска и в другие города, разоренные войной.

Теперь остановимся теперь на тех мемориальных вещах императора Петра Великого, которые сохранились и в настоящее время находятся в собрании музея.

К наиболее ранним по времени изготовления предметам гардероба Петра I относятся две кожаные куртки (кожана)¹⁸ (ил. 4). Согласно устоявшейся легенде считалось, что царь-плотник работал в них на Ост-Индских верфях в Амстердаме во время



Ил. 4. Кожаная куртка (кожана)
Петра I. Конец XVII – начало XVIII в.
ВИМАИВиВС 12/587

Великого посольства 1697–1698 гг. Однако трудно себе представить человека, работающего топором, долотом и пилой в толстой кожаной куртке. Заниматься кораблестроительными работами в такой одежде и неудобно, и жарко.

Куртки из толстой буйволиной, воловьей или лосиной кожи стали популярным защитным вооружением кавалеристов с 30–40-х гг. XVII в. Их изготавливали из кожи, дубленой в рыбьем жиру, отчего та становилась эластичной и прочной.

Считалось, что мода на кожаные защитные куртки пришла из Швеции. В начале 1630-х гг. король Густав Адольф реорганизовал и перевооружил шведскую кавалерию, сформировав из нее полки по 1000 человек. Официально такие полки считались легкой кавалерией, но, по сути дела, стали образцом для тяжелой кавалерии Европы. Ради увеличения скорости Густав Адольф решил отказаться от тяжелых доспехов, сохранив только шлем и кирасу. В качестве дополнения защитного вооружения стали использовать толстые кожаные куртки. Они вполне могли защитить от удара сабли, пики или даже пули.

Петр I сам неоднократно участвовал в боевых действиях. В Полтавском сражении он, по преданию, лично возглавил кавалерийскую контратаку против шведов. Таким образом, защитные куртки могли быть необходимой составляющей его военного гардероба¹⁹.

К мемориальным памятникам Полтавской битвы относятся кожаные краги²⁰, которые были на Петре I во время сражения. Эти краги – единственное, что сохранилось в музее от так называемого «полтавского» мундира Петра I (ил. 5).

Мундир по форме офицера лейб-гвардии Преображенского полка включал в себя кафтан с широкими красными обшлагами и золочеными пуговицами, камзол, шляпу-треуголку черного цвета из фетра, бело-сине-красный офицерский шарф и офицерский шейный знак – горжет.

В шейном знаке сохранилась небольшая вмятина, возможно, это след от шведской пули.

Датский посланник Юст Юль отмечал, что во время боя треуголку царя «вдоль [ее] поля чиркнула пуля. Захвати эта пуля хотя бы всего на один палец в сторону, и царь был бы убит; из этого видно, что [самому] Богу было угодно сохранить его жизнь»²¹.

По мнению старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа С. Л. Плотникова, исследовавшего все известные

изображения Петра I в этом мундире, выстрел в царя был сделан снизу вверх. Скорее всего, в государя, сидевшего на лошади, выстрелил шведский пехотинец.

К сожалению, «историческое» отверстие в шляпе было аккуратно кем-то заштопано во время позднейших реставраций.

Петр I очень гордился своим боевым мундиром. В дни празднования годовщины Полтавской победы, а таковая отмечалась ежегодно и была «викториальным» днем, царь надевал его во время торжественного молебна и парада. Тот же Ю. Юль писал 8 июля (27 июня по русскому стилю) 1710 г.: «В этот день на царе была шляпа, которую он носил в Полтавском бою».

Другой иностранный наблюдатель, камер-юнкер голштинского герцога Ф.-В. Берхгольц во время торжеств 27 июня 1721 г. видел царя «в том самом одеянии, которое было на нем в день Полтавского сражения, то есть в зеленом кафтане с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая черная кожаная португеза. На ногах у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику как полковник гвардии, а левою придерживал под мышкой старую, очень простую шляпу»²².

Как уже отмечалось выше, после смерти Петра Великого его полтавский мундир хранился в Кунсткамере при Санкт-Петербургской Академии наук. В 1827 г. по распоряжению императора Николая I он вместе с другими военными реликвиями был передан в Достопамятный зал, преобразованный затем в Артиллерийский музей.

В 1937 г. мундир отправили в Эрмитаж на временную выставку, где он «задержался» до начала Великой Отечественной войны и был отправлен с эрмитажным собранием в Свердловск. После войны мундир в АИМ уже не вернулся. Уникальный памятник



Ил. 5. Краги кожаные для конного строя, которые были на Петре I во время Полтавского сражения 27 июня 1709 г. Россия. Начало XVIII в. ВИМАИВиВС 13/1811



Ил. 6. Камзол офицерский гвардейской пехоты обр. 1720 г. Принадлежал Петру Великому. Россия. 1720–1725 г. ВИМАИВиВС 12/1605



Ил. 7. Штаны (панталоны) от офицерского камзола гвардейской пехоты обр. 1720 г. Принадлежали Петру Великому. Россия. 1720–1725 г. ВИМАИВиВС 12/5131

русской истории – полтавский мундир Петра I оказался разделенным между музеями²³. В настоящее время он экспонируется в Музее российской гвардии Государственного Эрмитажа.

Петру Великому принадлежал и офицерский камзол гвардейской пехоты обр. 1720 г.²⁴ (ил. 6). Камзол темно-зеленого сукна с подкладкой из зеленой узорчатой шелковой ткани. Обшит узким позументом по бортам и обшлагам. Позументы и пуговицы позолочены. Камзол составляет пару с кафтаном²⁵, хранящимся в Государственном историческом музее.

В 1720 г. все гвардейские офицеры получили одинаковые темно-зеленые кафтаны, имевшие застежку до пояса, небольшой отложной воротник, разрезные обшлага и срезанные тупым углом карманные клапаны. По борту, воротнику, обшлагам, карманным клапанам, в фалдах и по заднему разрезу кафтан обр. 1720 г. обшивался в один ряд золотым галуном. Камзолы и штаны также были темно-зелеными и обшивались галуном. Судя по портретам и мемориальному мундиру Петра Великого, тогда же устанавливается особый рисунок гвардейского офицерского галуна – с продольными полосками в центре и зубчиками по краям. Цвет мундира, рисунок и расположение галуна оставались неизменными (с небольшими перерывами) до 1796 г.²⁶

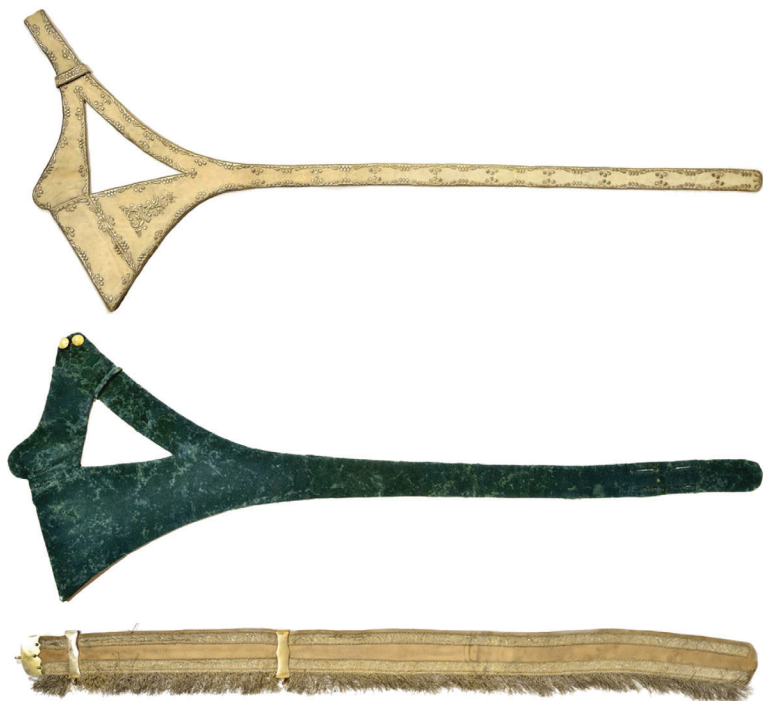


Ил. 8, 9. Шарфы офицерские. Принадлежали Петру Великому.
ВИМАИВиВС 13/5233, 13/5049

Штаны (панталоны) от офицерского камзола гвардейской пехоты обр. 1720 г. также принадлежали Петру Великому²⁷ (ил. 7).

В музее сохранились два офицерских шарфа²⁸ царя-реформатора (ил. 8, 9). На рубеже XVII–XVIII вв., в эпоху Петра I, европейский шарф становится одним из элементов русского военного костюма, отличительным знаком офицеров. Точная дата его появления в русской армии не известна. Достоверно можно говорить лишь о декабре 1699 г., когда во время похорон генерала Патрика Гордона на капитанах Бутырского полка были шарфы черного цвета, а шарф самого покойного несли перед его гробом среди прочих регалий. Это свидетельство указывает на то, что в Россию шарф пришел уже как один из важнейших символов офицерского звания и дворянской чести.

Шарфы петровской армии до начала 1700-х гг. не имели четко установленного цвета, а позднее их ткали из белого, синего и красного шелка. К концам шарфа прикрепляли по две кисти. У обер-офицеров они были серебряные, у майоров и подполковников – золоченые. Кроме того, у полковников в красную полосу шарфа вплеталась золоченая нить. Помимо бело-красно-синих



Ил. 10–12. Портупеи. Принадлежали Петру Великому. ВИМАИВиВС
13/1839, 13/4501, 13/4944

шарфов активно использовались тканые из белого шелка, золотые и т. д. Шарфы носили только в строю, как на поясе, так и через плечо²⁹.

Из пятнадцати петровских портупей, хранившихся в музее до революции, до настоящего времени сохранились всего три³⁰ (ил. 10–12).

Лопасть от одной из них³¹ в настоящее время хранится в Государственном историко-культурном заповеднике «Поле Полтавской битвы»³² (ил. 13). Скорее всего, лопасть была отделена от самой портупеи и передана наряду со многими другими экспонатами в воссоздаваемый в послевоенные годы Музей истории Полтавской битвы. На лопасти сохранился инвентарный номер АИМ с указанием на «Красные книги». Таким образом, еще одна из петровских меморий оказалась разделенной между музеями.

Отдельную группу предметов составляет мемориальное оружие, принадлежавшее Петру I. С офицерским протазаном³³ царь участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 гг. (ил. 14, 15). На одной стороне пера протазана изображение руки с мечом (саблей), выходящей из облака. Ниже датирующая надпись: «Анно 1659» (1659 г.). Под ней ствол пушки, поверх которого находится барабан, знамена и шесть копий. Ниже находится надпись: «Soli Deo Gloria» (в переводе с лат. – «Одному Богу слава»). Это известная христианская теологическая доктрина, которая заключается в том, что человек должен почитать и поклоняться только Богу, так как спасение даруется только и единственно через Его волю и действия, не только дар Искупления Иисуса Христа на кресте, но также дар веры в это Искупление, созданной в сердцах верующих Святым Духом.

Между отрогами протазана, в кругу, изображение двух воинов,



Ил. 13. Лопась от португеи, принадлежавшей Петру Великому. Государственный историко-культурный заповедник «Поле Полтавской битвы». Фотография С. И. Шаменкова



Ил. 14, 15. Протазан офицерский, с которым Петр I участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 гг. ВИМАИВиВС 124/461



Ил. 16. Протазан офицерский (полковничий). Принадлежал Петру I. Россия. 1706 г. ВИМАИВиВС 122/342

одетых в форму мушкетеров XVII в. (широкополые шляпы с перьями, короткие колоты, перчатки с крагами, сапоги с отворотами) с ружьями и шпагами. Слева и справа от них военная арматура.

На другой стороне пера протазана также присутствует изображение руки с мечом, под которым надпись на латыни: «*Pare Sterofanes*».

Ниже изображение фигуры в шлеме на голове, в длинных одеждах, с поднятым вверх мечом в правой руке (возможно, богиня Правосудия). Внизу также изображение мушкетеров в круге и военной арматуры.

Протазан первоначально представлял собой не что иное, как рунку с короткими отростками. Хотя, по мнению некоторых оружиеведов, он эволюционировал в XV в. из «крылатого копья». Скорее всего, название произошло от оружия «соратников» или «партизан» (нем. Partisan). В XV и XVI вв. «партизанами» обычно называли некоторое количество воинов по числу шлемов или копий.

Ранние протазаны имели очень длинное и широкое обоюдоострое лезвие-перо (до 70 см), расширяющееся к основанию и имеющее два небольших загнутых вверх выступа. Выступы, служащие для отражения ударов, у более поздних протазанов преобразовались в сложные и декоративные формы.

Протазан широко применялся в ландскнехтских войсках как древковое оружие командиров. В XVII–XVIII вв. он оставался популярным в армиях европейских стран, где стал постепенно не столько оружием, сколько знаком воинского звания офицеров.

В России офицеры носили протазаны и их облегченную модификацию – эспонтон (т. е. копьё, лат. *espietus*) до эпохи Павла I.

С этим протазаном Петр I под именем командора Петра Алексеява шел в колонне Морского регимента во время торжественного вступления русских войск в Москву 30 сентября 1696 г. после взятия Азова³⁴.

Второй офицерский (полковничий) протазан³⁵ был вручен Петру I при присвоении чина полковника (старшего генерал-лейтенанта) лейб-гвардии Преображенского полка в 1706 г. главнокомандующим русской армией генерал-фельдмаршалом Б. П. Шереметевым. Протазан был прислан царю в качестве подарка из Москвы князем-кесарем Ф. Ю. Ромодановским вместе с грамотой, извещавшей о производстве царя в полковники (ил. 16).

6 августа 1706 г., в день полкового праздника Петр принял звание полковника. Он писал Ромодановскому: «Сего месяца в 6 день, по указу вашего величества (т. е. князя-кесаря. – С. Е.) господин крикс-комиссарий объявил мне чин полковника к полку Преображенскому, которая вашего величества милость не по долгу службы нашей, но единых ради щедрот ваших. В чем недоумеваемся, какое благодарение принести вам за сие, точию еще и зее малою, но усердною службы должность»³⁶.

Протазан имеет плоское копыце, расширяющееся книзу в форме полумесяца. Нижняя часть копыца вызолочена и украшена изображениями воинской арматуры. В середине, в венке, Андреевский крест под короной. Древяно украшено позолоченной кистью.

Петру I принадлежал и клинок сабли³⁷, которая поступила в музейное собрание в 1920–1930-х гг. На одной стороне клинка – изображение в овале Богородицы с Младенцем Христом на руках. Над ними два ангела, держащих в руках корону. Голова одного ангела утрачена. Еще один ангел находится под овалом. Ниже его – два подсвечника с горящими свечами. Изображения окружают семнадцать шестиконечных звезд. По голомени, вдоль обуха надпись по-гречески: «ΠΑΝΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΝΘΗΤΟΝ ΔΟΤΛΟΝ ΣΟΥ ΕΤΟΣ ΑΠ[Ο] Χ[ΡΙΣΤ]ΟΥ» («Пресвятая Богородица, помози рабу своему. В год [по пришествии] Христа») (ил. 17–19).

На клинке сохранились круглые выемки, где когда-то находились драгоценные (или полудрагоценные) камни – под нижним и под верхними ангелами; в начале, в середине и в конце надписи; в районе елмани.

На другой стороне клинка в овале изображение Георгия Победоносца на коне, поражающего копьём змея.

Рукоять и гарда сабли не сохранились. На черени гравированная надпись, с одной стороны: «Клинок от шашки, принадлежавшей // Императору Петру Великому, // перед Швейцарским



Ил. 17–19. Клинок сабли. Принадлежал Петру I. Россия. Конец XVII в. ВИМАИВиВС 117/725

походом // Императором Павлом I». С другой стороны продолжение: «этот клинок был передан // сыну своему Вел. Кн. Константину Павловичу, // от которого перешел по наследству // Кн. П. Д. Львову».

Второй сын императора Павла I великий князь Константин Павлович (1779–1831) участвовал в Итальянском и Швейцарском походе 1799 г. под началом генерал-фельдмаршала А. В. Суворова. Константин отличился в сражениях при селении Бассиньяно, у р. Треббия и г. Нови. За это отцом был награжден (в нарушение «Учреждения об императорской фамилии» 1797 г.) титулом цесаревича, который мог носить только наследник престола, и орденом Св. Иоанна Иерусалимского.

В семью Львовых мемориальная сабля попала через Павла Константиновича Александрова (1808–1857) – внебрачного сына цесаревича Константина Павловича и его гражданской жены Жозефины (Ульяны Михайловны) Фридрихс, урожденной Мерсье (1778–1824). Фамилию мальчика произвели от имени его крестного отца – императора Александра I. В 1812 г. он был возведен в дворянское достоинство, записан юнкером в лейб-гвардии Конный полк и через несколько дней произведен в корнеты – младший обер-офицерский чин в кавалерии. В 1823 г. поступил на действительную военную службу. Участвовал в кампаниях



Ил. 20. 1/2-гривенковая пушка, подаренная царевичу Петру его отцом царем Алексеем Михайловичем. Россия. Конец XVII в. ВИМАИВиВС 1/24

1831 и 1832 гг. В 1837 г. – полковник, в 1846 – генерал-майор, в 1855 – генерал-адъютант, в 1856 г. – генерал-лейтенант. Был женат (1833) на Анне Александровне, урожд. княжне Щербатовой (1808–1870). Имел дочь княжну Александру (1836–1884), в замужестве княгиню Львову.

Владелец клинка, упоминаемый в гравированной надписи – князь Павел Дмитриевич Львов (1864–1919?), театральный меценат и большой поклонник спорта, близкий друг танцовщика В. Нежинского. Финансировал проведение за границей «Русских сезонов» 1909 г. Он был младшим сыном князя Дмитрия Александровича Львова (1833–1874) флигель-адъютанта, шталмейстера Двора Его Императорского Величества. Его матерью была Александра Павловна Александрова (1836–1884), внучка цесаревича Константина.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи находятся две 1/2-грив. потешные пушки³⁸, отлитые во второй половине XVII в. и, по преданию, подаренные царевичу Петру его отцом царем Алексеем Михайловичем. В начале XVIII в. эти «потешные» пушечки были переданы Петром I в бомбардирскую роту лейб-гвардии Преображенского полка, где хранились до 1796 г. В том же

году, после расформирования роты, пушки попали к ротному командиру, герою наполеоновских войн генерал-майору Павлу Сергеевичу Ланскому (1757–1832). Затем они перешли к его родственнику, офицеру лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады Родионову, который подарил пушки генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Николаевичу. В 1894 г. он передал уникальные реликвии в Исторический музей гвардейской артиллерии. После расформирования музея в 1918 г. пушки поступили в собрание Артиллерийского исторического музея³⁹ (ил. 20).

Как известно, интерес, а затем и увлечение артиллерийским делом появились у Петра еще в раннем детстве.

В июле 1676 г. живописцу Дорофею Ермолаеву было выдано 1 рубль 19 алтын 4 деньги на золото и краски, которыми он расписывал потешные игры для четырехлетнего царевича Петра – две пищали, пару пистолетов, три булавы, три пернача, три обушка, три топорика и три ножичка. Позднее Ермолаев расписывал золотом потешную пушечку со станком и колесами, которая была отправлена царевичу в Преображенский дворец. В декабре того же года царевичу делают пять барабанцев, потешные деревянные пистолы, карабины и пищали винтованные с замками.

Таким образом, с раннего детства в хоромах царевича Петра Алексеевича находились военные игрушки. По мере взросления государя эти игрушки развивались в военные «потехи». В начале 1682 г. для царевича в Кремле устраивается потешная площадка с деревянным шатром, потешной избой. На этой площадке были поставлены деревянные пушки.

Сохранились многочисленные записи об изготовлении и выдаче из Оружейной палаты по требованию Петра различных предметов вооружения. Так, например, 13 января 1683 г. велено было сделать в покои малолетнего царя две пушки деревянные потешные, одна длиной в аршин, другая – в полтора аршина, на станках, с дышлами и окованными железом колесами. Внутри пушки были опаяны жостью и высеребрены, станки, дышла и колеса расписаны «зеленым аспидом», кайма, клейма и прочие украшения отлиты из олова.

Стольник Оружейного приказа Афанасий Нестеров, знаток оружейного дела, руководил Петром в его воинских играх «потешках» и в самом выборе «потешек». В ведомостях о выплате жалования он упоминался «учителем» Петра до 1692 г.



Ил. 21–23. Два парных охотничьих штуцера, изготовленных для Петра Великого на Сестрорецком оружейном заводе в 1725 г. ВИМАИВиВС 17/49, 17/61

После переезда двора царицы Натальи Алексеевны на лето в село Воробьево в мае 1683 г. военные забавы царя приобрели более широкий размах. На загородных полях было гораздо больше простора, нежели среди кремлевских теремов. В Воробьево производится стрельба уже не из деревянных, а из настоящих пушек. В день рождения государя 30 мая 1683 г. была «потешная огнестрельная стрельба». Ею руководил огнестрельный мастер Симон Зоммер и действовавшие под его началом русские мастера гранатного и огнестрельного дела из Пушкарского приказа. За эту потеху мастера получили царскую награду.

В июне Зоммер вновь проводит потешную стрельбу в селе Преображенском. За это он был пожалован государевым жалованием – «сукном английским добрым 5 аршин». Таким образом, первым наставником Петра в артиллерийском искусстве стал «огнестрельный мастер» Симон Зоммер, приехавший в Россию из Бранденбурга в 1682 г. и принятый на государеву службу в чине капитана в полк генерала А. А. Шепелева. При поступлении на службу ему был пожалован от великих государей Петра I и Ивана V «за выезд, против братии нововыезжих иноземцев, портище (кусок) камки адамашки (дамасской ткани) из Казенного Приказа». К 1691 г. он дослужился уже до подполковника⁴⁰.

С большой долей вероятности можно утверждать, что для Петра Великого на Сестрорецком оружейном заводе в 1725 г. были изготовлены два парных охотничьих штуцера⁴¹. Они поступили в музей в 1931 г. из Государственного Эрмитажа в составе коллекции оружия арсенала Аничкова дворца (ил. 21–23).

Как известно, в отличие от своего отца император Петр Великий не любил охоты. Рассказывают, что во время пребывания царя в Польше местные магнаты предложили ему принять участие в охоте. Петр поблагодарил их и ответил: «Довольно охоты той, чтоб гоняться за шведами».

По словам И. И. Голикова, одного из первых историографов Петра I, однажды в ранней юности царь остроумно посмеялся над боярами, любителями охоты. Несколько бояр начали восхвалять пред ним псовую и птичью охоты как благородные забавы, прося государя принять участие в охоте. Петр назначил день и место для псовой охоты. Выехав затем в поле, он объявил боярам, что желает иметь дело только с ними, а не с псарями-холопами. Псари должны были удалиться, передав собак господам. Господа же тотчас «привели псов в расстройку». Напуганные собаками лошади унесли далеко в поле своих седоков; некоторых сбили с седла; других же собаки, путаясь в сворах, стащили с лошадей. Когда на другой день Петр пригласил бояр – тех, которые не лежали в постели после псовой охоты, – участвовать в соколиной охоте, то они благоразумно отказались, помня полученный урок. Тогда юный Петр сказал им следующее: «Аще светлая слава есть в оружии, то почто же мя ко псовой охоте от дел царских отвлекаете и от славы к бесславию приводите? Аз Царь есмь и подобает ми быти воину, а охота оная прилежит псарям и холопам».

Во время своего второго путешествия по Западной Европе в 1716–1717 гг. Петр I посетил Париж, где в честь него, наряду с другими торжествами, была устроена охота на оленя. Современник писал: «В воскресенье, 30 Мая, он отправился с Бельгардом, сыном д'Антеа и преемником его по управлению зданиями и многими станциями, обедать к д'Антеу в Пети-Бур. После обеда д'Антеа показывал ему Фонтенбло, где царь провел ночь; а на другой день они поехали на охоту за оленем, которую имел честь разделять с ними граф Тулузский. Место несколько понравилось царю, а самая охота вовсе не понравилась, где он

чуть не упал с лошади; упражнение это он нашел чересчур сильным, к какому он не привык. По возвращении он изъявил желание обедать один с своей свитой на острове в пруде на фонтанном дворе и возвратился в Пети-Бур в одной карете с тремя лицами из своей свиты».⁴²

Еще три предмета, являющихся петровскими мемориями, связаны с последней военной компанией Петра Великого – Персидским походом. В июле 1722 г. начался поход русской армии и флота в принадлежавшее Персии юго-восточное Закавказье и Дагестан.

Император Петр Великий отплыл из Астрахани с войсками морем. Конница направилась сухопутным путем к Дербенту вдоль Каспийского моря. 25 июля 1722 г. Петр Великий писал персидскому шаху Хусейну I о начале и причинах Каспийского похода: «Мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали». Крепость Дербент была ключевой точкой в этом походе. Предполагалось, что она будет местом, куда русские купцы будут привозить товары с Востока для торговли с Европой. 15 августа передовой отряд русской армии под командованием подполковника Наумова подошел к Дербенту и начал переговоры с наибом (наместником) Имам-Кули-беком о сдаче города.

23 августа к Дербенту подошли основные сухопутные силы русских во главе с императором Петром Великим. Наиб во главе делегации из почетных горожан встретил российского монарха за версту от города. По-восточному в витиеватой верноподданнической речи Имам-Кули-бек сказал: «...Город наш, хотя и отстроен по вкусу персидских царей, однако ж много есть доказательств, что он получил основание свое от Александра Великого. Поэтому нет ничего приличнее и справедливее, как город, основанный Великим, передать во власть не менее Великого монарха». Встав на колени, наиб поднес российскому императору на блюде, покрытом отрезом парчи, два серебряных ключа от городских ворот.

Затем русские войска во главе с Петром Великим вступили в город: «...В четвертом часу пополудни пошли к городу строем, с распущенными знаменами и музыкой, и шли таким образом: перво шел батальон гренадеров, перед которыми его Величество ехал на лошади яко полковник, с обнаженной шпагою. По сторонам шли пешком его Величества четыре пажа в уборном



Ил. 24. Блюдо, на котором Петру Великому были поднесены ключи от г. Дербента в 1722 г. Персия. Первая четверть XVIII в. ВИМАИВиВС 8/630

платье. За его Величеством следовала гвардия, позади изволили ехать в карете ее Величество Государыня императрица. А за ее Величеством в четырех каретах ехали гофдамы. За ними шли Астраханский, Ингерманландский и прочие походные полки от авангардии». О благополучном вступлении в Дербент император сообщал сенаторам: «...Наиб сего города и ключ поднес от ворот.



Ил. 25. Отрез парчи, покрывавший блюдо, на котором Петру Великому были поднесены ключи от г. Дербента в 1722 г. Персия. Первая четверть XVIII в. ВИМАИВиВС 8/1242

Правда, что сии люди не лицемерно, любовно приняли и были так рады, как бы своих из осады выручили».

В награду за верноподданство наиб Имам-Кули-бек был назначен правителем Дербента и начальником «туземного» войска, ему были пожалованы чин генерал-майора, постоянное годовое жалование, портрет с изображением Петра I с алмазами и тысяча червонцев. Жителям Дербента император выдал жалованную грамоту, которой, в частности, даровал им свободу торговли в России.

В городе император поселился в подготовленной Наумовым землянке в нижней, незаселенной части города, где расположились русские войска.

26 августа 1722 г., отслужив торжественный молебен «за получение фута в сей земле», русская армия во главе с императором двинулось на юг, на Баку и Шемаху. Однако 5 сентября 1722 г. на военном совете на р. Рубас было принято решение завершить поход.

В Дербенте был оставлен гарнизон в составе двух батальонов пехоты и 72 гренадеров под командованием полковника А. Юнгера.

В сентябре 1723 г. сын шаха Тахмасп II согласился на поставленные условия по мирному договору, который гласил, что персидский правитель «... уступает Его Императорскому Величеству Всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами». В 1735 г. Дербент вновь отошел к Персии по Гянджинскому мирному договору⁴³.

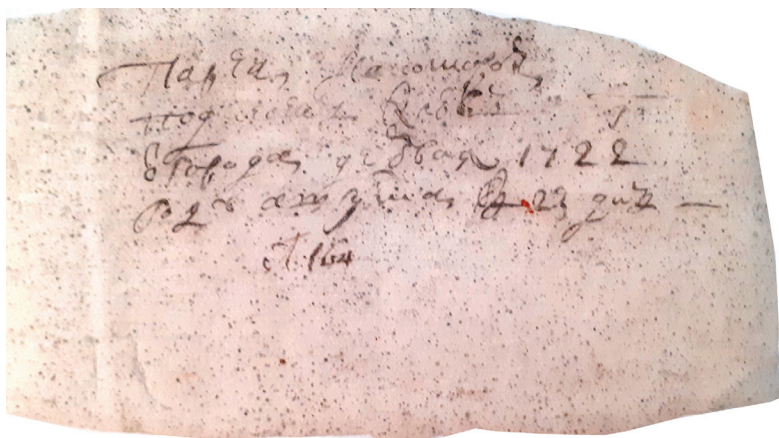
В музее хранится блюдо⁴⁴ (ил. 24), покрывавший его отрез парчи⁴⁵ (ил. 25), на котором Петру Великому были поднесены ключи от г. Дербента (сохранился один из ключей) (ил. 26)⁴⁶.

Вместе с отрезом парчи сохранился бумажный ярлык, на котором скорописью первой четверти XVIII в. написано: «Парча на которой поднесен ЕИВ (Его Императорскому Величеству. – С. Е.) ключ от города Дербеня 1722 году августа в 23 день» (ил. 27).

Кабинет-секретарь государя А. В. Макаров в письме лейб-медику императора Л. П. Блюментросту просил принять некоторые из них на хранение в Кунсткамеру: «Государь мой, Лаврентий Лаврентьевич! В прошлом 1722-м году, августа в 23-го числа, в прибытие Его Императорского Величества к персидскому городу Дербеню (Дербенту. – С. Е.), поднес Его Величеству владелец,



Ил. 26. Ключ от г. Дербента, поднесенный императору Петру Великому дербентским наибом Имаммом-Кули-Бекком 25 августа 1722 г. Персия. Первая четверть XVIII в. ВИМАИВиВС 8/1228



Ил. 27. Бумажный ярлык, сохранившийся вместе с отрезком парчи, покрывавшим блюдо, на котором Петру Великому были поднесены ключи от г. Дербента

наип (наиб, араб. – заместитель, уполномоченный, наместник. – С. Е.), того города серебряный ключ на блюде деревянном, которое было покрыто персидским изарбатом (вид шелковой ткани. – С. Е.). Да в нынешнем 1723-м году, мая 25-го числа из Астрахани генерал-майор господин Матюшкин писал в кабинет Его Величества, что апреля 7 числа морского флота капитан Золотарев с Кизылбашами⁴⁷ имел бой близ персидского города Зинзмлии, которые с батареей по нашим судам стреляли медными ядрами и один гукор⁴⁸ наш пробил. И то ядро прислано ныне сюда⁴⁹. А понеже оный ключ, блюдо и изарбат, також и ядро медное, указал Его Величество отослать в кунст-камору для куриозите, того для оное прикажите принять и записать в книгу

для памяти на предбудущее время. Слуга ваш Алексей Макаров. 16 июня 1723 г.»⁵⁰.

По распоряжению императора Николая I эти петровские мемории, привезенные из Персидского похода, также были переданы из Кунсткамеры в Достопамятный зал.

Почти за двести лет пребывания петровских меморий в собрании музея до настоящего времени сохранилось 20 предметов: два кожана, краги, офицерский камзол, штаны, два офицерских шарфа, три портупей, два протазана, клинок сабли, две потешные пушки, два штуцера, блюдо, отрез парчи и ключ от Дербента. Следует отметить, что три из них поступили в музей уже после революции 1917 г.

Как отмечалось выше, в советское время отдельные предметы были переданы в другие музеи. Часть из них оказались «обезличенными» и растворились в музейных собраниях, где ничего уже не говорит об их принадлежности великому императору. Оставшиеся в ВИМИАВиВС мемориальные вещи Петра Великого в настоящее время тщательно сберегаются, реставрируются, экспонируются и изучаются. Наряду с военными памятниками петровской эпохи, а их в музее более трехсот, они являются уникальными реликвиями эпохи, когда «Россия вошла в Европу как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек»⁵¹.

¹ О формировании собрания памятников петровской эпохи, в том числе личных вещей Петра Великого см.: Ефимов С. В. 1) Петр Великий и русская армия. Памятники Петровской эпохи в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2022; 2) «На вечную память поставить...»: Памятники эпохи Петра Великого в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Сборник материалов и исследований Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2022. Вып. XII. С. 294–337.

² Беляев О. Кабинет Петра Великого: в 3 частях. СПб., 1800. С. 29.

³ Там же. С. 34.

⁴ Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых – в собрание музея. История коллекции «Гардероб Петра I». СПб., 2022. С. 41.

⁵ Эти варианты хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 550. Ф. IV. 366, 614, 613, 615).

⁶ См. подробнее: Рудакова Л. П. История создания и бытования альбомов чертежей достопамятностей Санкт-Петербургского арсенала // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. Ч. III. С. 167–185.

- ⁷ Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале. 1838 г. // РНБ. ОСРК. Ф. IV. Д. 616. Л. 294–297.
- ⁸ Там же. Л. 292.
- ⁹ Там же. Л. 256–263.
- ¹⁰ Там же. Л. 106.
- ¹¹ Тальзин И. Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года / Подг. текста А. И. Вознесенская, Л. К. Маковская, И. В. Кобак. СПб., 2006.
- ¹² Там же. С. 84–85.
- ¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 29. Л. 113.
- ¹⁴ «Полтавская» треуголка Петра I уже во второй половине XVIII в. находилась в удручающем состоянии. Упомянувшийся уже Осип Беляев приводит примеры, когда высокопоставленным посетителям Кунсткамеры дозволялось взять в руки знаменитую шляпу, пробитую шведской пулей в Полтавском бою. Так, в 1775 г. ландграфиня Гессен-Дармштадтская поцеловала царский головной убор со словами: «O grand home!». Император Иосиф II, побывавший в Кунсткамере в 1780 г., внимательно рассмотрел шляпу со всех сторон и, возвращая ее на место, обратился к сопровождавшим его со словами: « Се памятник примерныя неустрашимости». Впрочем, иногда треуголку разрешали подержать и обычным посетителям музея (Беляев О. Кабинет Петра Великого С. 38, 39).
- ¹⁵ Там же. Ф. АИМ. Оп. 111. Д. 1. Л. 39 об. – 46 об.
- ¹⁶ Военное прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения XVII – начала XIX в.: Очерк-путеводитель по выставке. Л., 1939. С. 39; Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых – в собрание музея. С. 71–72.
- ¹⁷ Полтавская победа в исторических и художественных памятниках из собрания Эрмитажа. СПб., 2009. С. 26–29; Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых – в собрание музея. С. 78–79.
- ¹⁸ ВИМАИВиВС 12/1587, 12/1623.
- ¹⁹ Лит.: Ефимов С. В. Памятники Полтавской битвы в собрании Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 295–306.
- ²⁰ ВИМАИВиВС 13/1811.
- ²¹ Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом / Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 189.
- ²² [Берхгольц Ф.-В.] Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1, 2 / Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 145–146.
- ²³ Ефимов С.В. Петр Великий и русская армия. С. 458–459; Тарасова Н.И. Из дворцовых кладовых – в собрание музея. С. 71, 78–79.
- ²⁴ ВИМАИВиВС 12/1605.
- ²⁵ Государственный исторический музей. Инв. № 68257/12276 Т-195.
- ²⁶ См.: Летин С. А., Леонов О. Г. Русский военный мундир. От Петра I до Петра III. М., 2008. С. 99.
- ²⁷ ВИМАИВиВС 12/5131.
- ²⁸ ВИМАИВиВС 13/5049, 13/5049.

- ²⁹ «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 342; Печейкин А. В. Парадный офицерский пояс // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 78–79.
- ³⁰ ВИМАИВиВС 13/1839, № 13/4501, № 13/4944.
- ³¹ Лопасть от португези (ВИМАИВиВС. № 13/4944). В «Красных книгах» Н. Е. Бранденбурга (№ 157, пункт П) указано, что португеза была с лопастью (Архив ВИМАИВиВС. Ф. АИМ. Оп. 111. Д. 1. Л. 43 об.).
- ³² Благодарю за предоставленную информацию Б. В. Мегорского, руководителя военно-исторического клуба «Лейб-гвардии Преображенский полк 1709».
- ³³ ВИМАИВиВС 124/461.
- ³⁴ Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное отуды с победоносным воинством возвращение в Москву / Изд. Василий Рубан. СПб.: [Тип. Мор. кадет. корпус], 1773; Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900. С. 300; Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940. С. 347; Гордон П. Дневник. 1696–1698 / Ред. М. Р. Рыженков. М.: Наука, 2018.
- ³⁵ ВИМАИВиВС 122/342.
- ³⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. IV (1706 г.). С. 331. № 814; Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. II. С. 97; Ефимов С. В. 1) Петр Великий и военно-исторические реликвии // Victoria. Gloria. Fama. Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Секция «Военно-исторические музеи мира: коллекции, традиции, современность». СПб., 2003. С. 48–49; 2) Памятники Полтавской баталии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. С. 295–306.
- ³⁷ ВИМАИВиВС 117/725.
- ³⁸ ВИМАИВиВС 1/23, 1/24.
- ³⁹ Потоцкий П. История гвардейской артиллерии. СПб., 1896. С. 4; Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. Историко-бытового музея. Оп. 110/6. Д. 37. Л. 48; Там же. Ф. ЗР. Оп. 9. Д. 7. Л. 13; Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 169–170.
- ⁴⁰ См.: Сборник выписок и архивных бумаг о Петре Великом / Сост. Г. В. Есипов. М., 1872. Т. 1; Астров Н. Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. 1875. Кн. 2; Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689 гг. М., 1875; Каталог материальной части отечественной артиллерии / Сост. В. П. Вышенков, Л. К. Маковская и Е. Г. Сидоренко. Л., 1961. С. 169–170. С. № 313; Ефимов С. В. 1) Державный бомбардир (Артиллерийское образование Петра I) // Бомбардир. 2002. № 15. С. 135–138; 2) «Признать и почитать за совершенного, в метании бомб острогожного и искусного огнестрельного художника...». Петр I как артиллерист // Бомбардир. 2022. № 32. С. 40–51.
- ⁴¹ ВИМАИВиВС 17/49, 17/61.
- ⁴² Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. СПб., 1788. Т. I. С. 365; Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. 3-е изд., вновь испр. Ч. 1–4. М., 1830. С. 104; Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 году // Отечественные записки.

1822. Т. 12. № 32. С. 326; О пребывании Петра Великого в Париже, в 1717 году. Из записок герцога де Сен-Симона // Журнал министерства народного просвещения. 1856. Ч. 89. № 1. С. 16; Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 44; Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков: Каталог. М., 1990. № 418. С. 232–233.

⁴³ См. подробнее: Лысцов В. П. Персидский поход Петра I: 1722–1723. М., 1951. Кавказский вектор российской политики. Т. 1. XVI–XVIII вв. / Сост. М. А. Волховский, В. М. Муханов. М., 2011; Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2019.

⁴⁴ ВИМАИВиВС 8/630.

⁴⁵ ВИМАИВиВС 8/1242.

⁴⁶ ВИМАИВиВС 8/1228.

⁴⁷ Кызылбаши (кизильбаши, от тюркск. «красноголовые») – объединение тюркских кочевых племен, кочевавших на территории Персии, Анатолии и Азербайджана.

⁴⁸ Гукор – парусное двухмачтовое судно с широким носом и круглой кормой водоизмещением 60–200 тонн.

⁴⁹ О ядрах из Персидского похода, переданных в Кунсткамеру, см. подробнее: Копанева Н. П. «Для памяти на предбудущее время» // Кунсткамера. № 2 (8). 2020. С. 91–99.

⁵⁰ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб., 1885. С. 8.

⁵¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. VII. Критика и публицистика. Л.: Наука, 1978. С. 211.

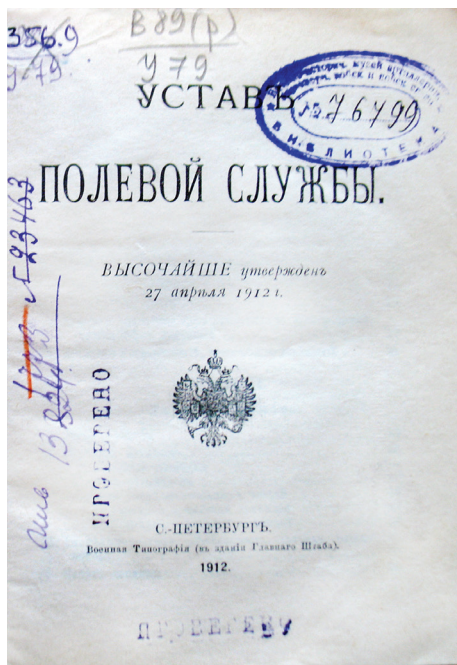
*А. П. Жарский (Санкт-Петербург),
В. Н. Шентура (Москва)*

ВЗГЛЯДЫ НА ОРГАНИЗАЦИЮ УПРАВЛЕНИЯ И СВЯЗИ В ВЫСШИХ ЗВЕНЬЯХ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ (СТАВКА–ФРОНТ–АРМИЯ) НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

ВЗГЛЯДЫ высшего военного командования Русской Императорской армии¹ на организацию управления и связи формировались с учетом опыта Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Девять лет, прошедшие между Русско-японской и Первой мировой войнами, стали важным периодом во всестороннем развитии армии как в области совершенствования вооружения и организационной структуры, так и системы управления войсками².

В апреле 1912 г. был Высочайше утвержден новый «Устав полевой службы» (ил. 1) [первый раздел которого был полностью посвящен вопросам управления войсками, а IV глава этого раздела – «поддержанию непрерывной связи» в бою (операции)]. Накануне войны (в июле 1914 г.) вводится в действие и новое «Положение о Полевом управлении войск в военное время» (далее – Положение) (ил. 2).

В соответствии с Положением в угрожаемый период (с началом от мобилизации) корпуса должны были объединяться в высшие войсковые соединения³ – армии (в составе двух и более корпусов)⁴, которым присваивались номера или наименования. «Несколько армий, предназначенных для достижения одной стратегической цели и действовавших на определенном фронте объединялись (как сказано в Положении. – *А. Ж., В. III.*) в еще более высокие войсковые соединения, образуя армии данного



Ил. 1. Устав полевой службы 1912 г.

планом), создавались на базе штабов военных округов. Так, полевое управление Северо-Западного фронта было сформировано Варшавским военным округом, а возглавил армии фронта командующий войсками округа генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский. Полевое управление Юго-Западного фронта с началом войны было развернуто на базе военно-окружного управления Киевского военного округа, а главнокомандующим фронтом был назначен генерал от артиллерии Н. И. Иванов.

Для руководства вооруженной борьбой на театре военных действий Положением предусматривалось создание Ставки Верховного Главного командования во главе с Верховным главнокомандующим, который «облекался чрезвычайной властью» и был подотчетен только императору.

Главным органом руководства войсками являлся штаб Верховного главнокомандующего (см. организационную структуру Полевого управления Русской Императорской армии на ил. 3), который состоял из управлений⁶ генерал-квартирмейстера;

фронта». Армии, не входившие в состав фронта, получали наименование отдельных армий. Во главе армий стояли командующие, а во главе фронтов и отдельных армий – главнокомандующие армиями фронта или отдельными армиями. Для управления армиями фронта и отдельной армией с началом мобилизационного развертывания «при главнокомандующих» формировались полевые управления, а в армиях – штабы армий⁵.

Полевые управления фронтов и армий, как правило (в соответствии с мобилизационным

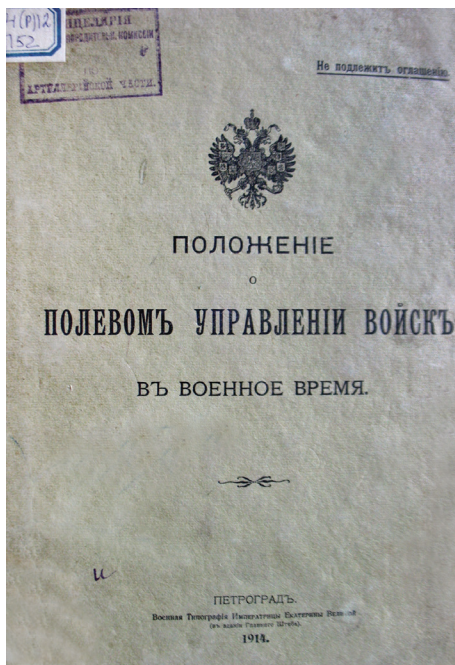
дежурного генерала и военных сообщений. В случае наличия на ТВД сил флота в состав штаба могло включаться военно-морское управление. Начальник штаба являлся первым заместителем Верховного главнокомандующего и «в случае смерти или болезни» последнего немедленно («до принятия решения государем») приступал к исполнению его обязанностей.

На управление генерал-квартирмейстера, игравшее в штабе исключительно важную роль, возлагались задачи по сбору и обработке сведений о неприятеле;

данных о расположении, действиях и степени обеспеченности высших соединений, непосредственно подчиненных Верховному главнокомандующему; разработка оперативных вопросов, связанных с планированием и проведением операций на ТВД⁷; «... организации службы связи и заведывании таковой»⁸; вопросы по службе офицеров Генерального штаба. В Положении подчеркивалось, что «генерал-квартирмейстер является первым помощником начальника штаба» и в случае гибели или болезни его приступает к исполнению обязанностей последнего.

На дежурного генерала возлагались вопросы укомплектования личным составом. В его распоряжении находился также комендант Главной квартиры⁹ с подчиненным ему конвоем Верховного главнокомандующего.

Начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем должен был осуществлять руководство эксплуатацией всех железных, шоссейных и водных путей сообщения, а также



Ил. 2. Положение о Полевом управлении войск 1914 г.



Ил. 3. Организационная структура Полевого управления Русской Императорской армии к началу Первой мировой войны

в его распоряжении находились все общегосударственные (почтово-телеграфные) средства связи на ТВД.

Полевое управление главнокомандующего армий фронта включало в себя штаб [в составе управлений генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и военно-морского (в том случае, если главнокомандующему армий фронта были подчинены силы флота)] и управление главного начальника снабжений [в составе управлений военных сообщений; начальников артиллерийского снабжения, инженерного снабжения; интенданта армий фронта; начальника санитарной части фронта; начальника ветеринарной части фронта; главного казначея; главных начальников (командующих) военных округов, находящихся в районе армий фронта]¹⁰.

Начальник штаба армий фронта (как и начальник штаба Ставки ВГК) был первым заместителем главнокомандующего армий фронта, а генерал-квартирмейстер – его первым помощником¹¹. Управления генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и начальника военных сообщений штаба армий фронта занимались вопросами, аналогичными решаемым в штабе Ставки ВГК. Положение, излагая обязанности начальников вышперечисленных управлений, прямо давало ссылки на соответствующие статьи, касающиеся штаба Ставки.

Места размещения Ставки ВГК и Полевого управления армий фронта именовались Главными квартирами¹², которые представляли собой единый, не эшелонируемый пункт управления, соответственно Верховного главнокомандующего и главнокомандующих армиями фронта и отдельными армиями.

Штаб армии включал в себя отделы генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и этапно-хозяйственный. Управление армией также осуществлялось с единого пункта управления, называвшегося штаб-квартирой армии¹³. Излагая предназначение отделов генерал-квартирмейстера и дежурного генерала, Положение (как и в случае с одноименными управлениями штаба армий фронта) отсылает к соответствующим статьям, регламентирующим их деятельность в Ставке и фронте. Этапно-хозяйственный отдел выполнял (в рамках армейского объединения) те же задачи, что во фронте управление Главного начальника снабжений (т. е. ведал тылом и военными сообщениями армии).

Из вышеизложенного нетрудно заметить, что Ставка вопроса тыла не занималась вообще. Эти задачи во фронте были возложены на главного начальника снабжений армий фронта, а в армии на начальника этапно-хозяйственного отдела штаба армии. В соответствии со 146-й статьей Положения¹⁴, кандидатуры на должность главных начальников снабжений армий фронтов рассматривались лично императором по представлению начальника Генерального штаба (еще в мирное время) и утверждались (с объявлением мобилизации) Указом Правительствующему Сенату¹⁵.

Опыт Русско-японской войны показал исключительно важную роль системы связи в операции, что и было закреплено в требованиях Полевого устава (1912). Статья 25 Устава требовала от всех командиров поддерживать «прочную связь: в глубину – между непосредственными начальниками и подчиненными (связь командования) и по фронту – с соседними частями (соединениями) в каждом роде войск и, кроме того, между соседними частями разных родов войск (связь взаимодействия)¹⁶.

Что касается основополагающих принципов организации связи, то надо заметить, что военному руководству России накануне войны к единому мнению в этом вопросе прийти не удалось. Примером тому является острая дискуссия по поводу принципа организации «связи командования», развернувшаяся на страницах «Известий императорской Николаевской академии Генерального штаба» в 1912 г.¹⁷ Возобладал принцип «снизу

вверх» (т. е. от младшего начальника к старшему). Один из теоретиков военной связи того периода генерал М. Бонч-Бруевич обосновывал это тем, что, организуя связь «сверху вниз», вышестоящее командование будет сковывать инициативу подчиненных. Тогда как, по его мнению, старший начальник только должен был сообщать местоположение своего штаба, а младший – обеспечить с ним связь¹⁸.

Подчеркивая необходимость и важность связи взаимодействия, Устав полевой службы, вместе с тем, никаких конкретных указаний на порядок ее организации не давал. Поэтому некоторое время после начала войны, организация связи взаимодействия в высших звеньях управления обеспечивалась по разному [«справа–налево» (т. е. от правого соседа к левому), «слева–направо» (от левого соседа к правому) либо в соответствии с указаниями генерал-квартирмейстера].

Основным требованием, предъявляемым к военной связи, была ее непрерывность¹⁹, которую предполагалось достичь комплексным применением технических и подвижных средств связи²⁰. По характеру передаваемых сообщений и применяемых оконечных устройств техническая связь делилась на телеграфную и телефонную, а в зависимости от используемых линейных средств и способов распространения сигналов – на проводную, «искровую» (радиосвязь) и оптическую.

В высших звеньях управления основным видом связи была телеграфная, которая использовалась как для передачи документов, так и для прямых переговоров. Телефонную связь в звене Ставка – фронт – армия планировалось, в основном, использовать для внутренней связи на пунктах управления (главных квартир фронтов, штаб-квартир армий). Радио предполагалось применять только в случае невозможности использования проводных средств, соблюдая при этом соответствующие правила обмена (т. е. обязательным шифрованием передаваемых по радио оперативных документов). В качестве подвижных средств (летучей почты) предполагалось применять аэропланы, автомобили, мотоциклистов, велосипедистов, конных посыльных и голубей.

Связь в высших звеньях управления планировалось организовать (обеспечить) как силами и средствами общегосударственной сети связи, так и штатных войсковых подразделений связи Военного ведомства, выделявшихся в оперативное подчинение управления генерал-квартирмейстеров из состава инженерных

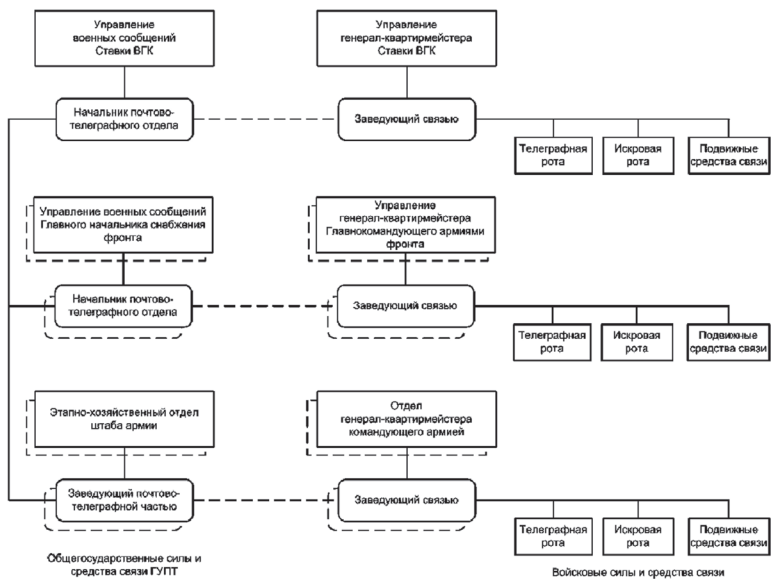
войск. При этом основой системы связи Ставки, фронтов и армий должен был стать так называемый «полевой телеграф», который в соответствии с планом мобилизационного развертывания армии создавался на ТВД силами и средствами Главного управления почт и телеграфов (ГУПиТ) Министерства внутренних дел Российской империи.

К 1914 г. ГУПиТ имел достаточно разветвленную (особенно в европейской части) сеть постоянных воздушных линий связи (ПВЛС), а также 19 стационарных радиостанций. В соответствии с Почтово-телеграфным уставом 1912 г. государство было разделено на 30 почтово-телеграфных округов²¹. Для обмена почтово-телеграфной корреспонденцией в населенных пунктах имелись почтово-телеграфные конторы (подразделявшиеся, в зависимости от числа жителей и административной значимости города, на шесть разрядов) и почтово-телеграфные отделения. Всего к началу войны в составе этих округов насчитывалось 17 493 почтово-телеграфных учреждения, на которых работало 47 503 служащих. Протяженность проводных линий связи к началу войны составляла более 208 тыс. км²².

Использование общегосударственной сети связи в интересах оборонного ведомства регламентировалось соответствующими приложениями к Положению. Так приложение № 6 представляло собой «Положение о почтово-телеграфных учреждениях на театре военных действий»²³; № 7 – «Положение о полевой телефонной сети»²⁴, № 8 – «Положение о рабочих колоннах связи»²⁵ и № 9 – «Положение о военных курьерах»²⁶ (определяло порядок организации фельдъегерско-почтовой связи на ТВД).

С началом от мобилизации, по согласованию с начальником Генерального штаба, начальник ГУПиТ обязан был приступить к формированию структур «полевого телеграфа». При этом вся общегосударственная сеть связи на ТВД передавалась в распоряжение военного командования, а из состава чиновников почтово-телеграфных округов (в соответствии с мобпланом) формировались почтово-телеграфные отделы управлений военных сообщений Ставки, армий фронтов и отделений этапно-хозяйственных отделов армий²⁷.

Начальники отделов назначались по представлению начальника ГУПиТ (как правило) из числа начальников почтово-телеграфных округов. Положение о государственных почтово-телеграфных учреждениях на театре военных



Ил. 4. Руководство связью в высших звеньях управления Русской Императорской армии накануне Первой мировой войны

действий предписывало отбирать кандидатуры на замещение должностей в отобилизовываемые структуры еще в мирное время. Таким образом, заблаговременно, в мирное время предусматривалось, чтобы каждое должностное лицо Почтово-телеграфного ведомства страны знало, на какую должность предназначается, куда и к какому сроку ему надлежит прибыть с началом войны. Одновременно с развертыванием почтово-телеграфных отделов формировались (в соответствии с прилагаемым к Положению о государственных почтово-телеграфных учреждениях на ТВД штатами) специальные почтово-телеграфные отделения главных квартир и штаб-квартир Ставки, фронтов и армий. Развертывание этих отделений возлагалось на начальников почтово-телеграфных отделов. Их комплектование осуществлялось (как правило) из числа служащих того почтово-телеграфного округа, от которого по плану отобилизования назначался и начальник почтово-телеграфного отдела фронта (армии)²⁸. Кроме того, для эксплуатационного обслуживания сети связи «полевого телеграфа»,

ее наращивания и восстановления в случаях разрушения развертывались рабочие колонны связи численностью 65 чел. каждая²⁹.

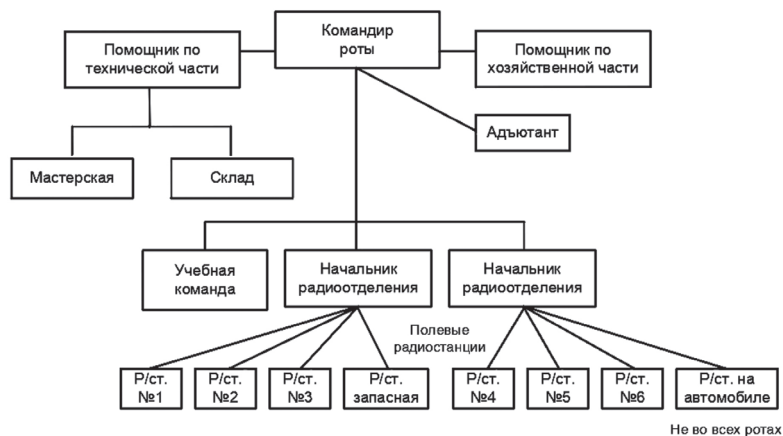
Таким образом, силами и средствами общегосударственной сети создавалась основная часть системы связи на ТВД, именуемая «полевым телеграфом». Она включала в себя: линии и узлы связи, рабочие колонны связи и почтовые учреждения. Как видно из ил. 4, в организационно-технических вопросах начальники почтово-телеграфных отделов фронтов (отделений в армиях) подчинялись своему старшему начальнику «полевого телеграфа», а в оперативном отношении – заведующему связи (которым был один из офицеров Генерального штаба из общего отделения управления генерал-квартирмейстера).

Начальники почтово-телеграфных отделов как Ставки, так и фронтов имели значительные полномочия и пользовались властью начальника Главного управления почт и телеграфов Российской империи. Им подчинялись начальники почтово-телеграфных округов страны и все без исключения учреждения почтово-телеграфного ведомства на ТВД (в Ставке) или в зоне ответственности фронтового района (во фронте), соответственно.

За связь Ставки ВГК и штабов армий фронта с правительственными учреждениями страны отвечал непосредственно начальник ГУПиТ, на него же были возложены обязанности по всестороннему техническому обеспечению и подготовке кадров для структур всего «полевого телеграфа» в ходе войны. С 1913 по 1917 г. эту должность занимал действительный статский советник Владимир Борисович Похвиснев (1858–1927)³⁰ (ил. 5). Он показал себя как весьма энергичный, эффективный руководитель³¹.



Ил. 5. Начальник Главного управления почт и телеграфов действительный статский советник Владимир Борисович Похвиснев



Ил. 6. Организация искровой (радио) роты Русской армии к 1914 г.

Что касается войсковых сил и средств связи, то здесь следует отметить следующее. В мирное время в 11 саперных батальонах (из 39) имелось по две телеграфные роты. Вторые роты этих батальонов с началом от мобилизации выделялись в отдельные части и предназначались для обеспечения связи штабам фронтов и армий³². Все телеграфные роты имели одинаковую организацию (ил. 6) и, насчитывая 425 чел. личного состава, состояли из двух кабельных и двух шестовых отделений. Роты должны были в основном использоваться для привязки узлов связи пунктов управления (ПУ) к общегосударственной сети связи и обеспечения должностным лицам ПУ телефонной связи. В каждой роте имелось 4 телеграфных аппарата Морзе, 72 телефонных аппарата, 4 телефонных коммутатора, 8 гелиографов, 32 версты кабеля телефонного и 84 версты телеграфного³³. Впоследствии в ходе войны, по мере наращивания войсковых сил и средств их стали использовать и для развертывания специального узла оперативной связи.

К началу войны заведующие связью Ставки, фронтов и армий располагали и средствами радиосвязи. Военное министерство имело значительный парк стационарных радиосредств (при штабах военных округов, в крепостях и др.)³⁴. В составе инженерных войск имелось 8 искровых рот, каждая из которых состояла из двух отделений [по 4 (по тому времени достаточно надежных)³⁵, с дальностью действия до 250 верст) автомобильных (или

смонтированных на двуколках) радиостанций (типа «Маркони» или «Телефункен») в каждом]. Командир роты (подполковник–полковник) одновременно являлся и заведующим радиотелеграфом фронта (армии). Организация искровой роты представлена на ил. 6.

Выделяя находящиеся в подчинении заведующего радиотелеграфом радиостанции подчиненным соединениям, радиосвязь планировалось поддерживать до кавалерийской дивизии включительно. Генерал В. Дубовко, участник Первой мировой войны, в своих воспоминаниях подчеркивает тот факт, что подготовка личного состава радиоспециалистов находилась на достаточно высоком уровне³⁶.

Таким образом, подводя краткие итоги вышеизложенному, можно сделать следующие выводы: принятая перед войной структура органов управления и связи в высших звеньях управления Русской Императорской армии в основном выдержала испытание в ходе широкомасштабной вооруженной борьбы в годы Первой мировой; вместе с тем, обеспечение непрерывной связи Ставке и командованию фронтов и армий при отсутствии Центрального органа оперативно-технического руководства военной связью на ТВД, при отсутствии у Военного ведомства своих комплектов линейных и узловых сил и средств связи (Ставки, фронтов и армий) оказалось весьма сложным и проблематичным, что не было учтено и при подготовке военной связи высших звеньев управления к Великой Отечественной войне.

¹ Примечание авт.: Накануне Первой мировой войны основной организационной единицей Русской армии (насчитывавшей 1 423 000 чел.) был армейский корпус, который состоял из двух пехотных и одной кавалерийской дивизии. В 12 военных округах дислоцировалось (не считая гвардейского и гренадерского) 37 армейских корпусов; Бескровный Л. Г. Армия и флот России вначале XX в. М.: Наука, 1986. С. 11, 19.

² См.: Военные реформы 1905–1912 гг. Советская военная энциклопедия. М.: Военное издательство, 1976. Т. 2. С. 262–263.

³ Оперативные и оперативно-стратегические объединения в Русской Императорской армии было принято именовать высшими соединениями. Армейские и фронтовые объединения вплоть до Великой Отечественной войны в РККА также принято было называть высшими соединениями.

⁴ В Русско-турецкую войну (1877–1878) такие соединения назывались отрядами.

⁵ Положение о Полевом управлении войск в военное время. СПб.: Военная типография Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1914. С. 1.

⁶ Там же.

⁷ В последующем (в РККА) управление генерал-квартирмейстера стало именоваться оперативным управлением.

⁸ Положение о Полевом управлении войск в военное время. С. 7.

⁹ Так назывался единый, не эшелонируемый пункт управления Ставки ВГК.

¹⁰ Позднее, в советский период развития организационной структуры Вооруженных сил, эта должность стала называться «начальник тыла».

¹¹ Положение о Полевом управлении войск в военное время. С. 14.

¹² Там же. С. 8, 17.

¹³ Там же. С. 59.

¹⁴ Там же. С. 18.

¹⁵ Примечание авт.: Финансы, торги, различные заготовки и закупки, реквизиции были подведомственны Главному начальнику снабжений фронта.

¹⁶ Устав полевой службы. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1912. С. 14.

¹⁷ См. например: Жарский А. П., Шептура В. Н. и др. Подготовка офицеров-связистов в Академии Генерального штаба. История и современность. М.: ВАГШ ВС РФ, 2014. С. 19.

¹⁸ М. Бонч-Бруевич. Разведывание. Охранение. Связь. Киев: типография Киевского военного округа, Банковская 11, 1909. С. 187, 188.

¹⁹ Там же. С. 160.

²⁰ Устав полевой службы. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1912. С. 222.

²¹ Архангельский (Архангельская, Олонецкая губернии и Кречетовское почтовое отделение Новгородской губернии); Варшавский (Варшавская, Плоцкая, Петроковская, Калишская, Келецкая и Радомская губернии); Виленский (Виленская, Ковенская, Сувальская губернии, Докшицкая почтово-телеграфная контора Минской губернии и Боровское почтовое отделение Курляндской губернии); Владикавказский (Ставропольская и Черноморская губернии, Терская, Дагестанская и Кубанская области); Гродненский (Гродненская, Ломжинская, Холмская и Люблинская губернии); Екатеринославский (Екатеринославская и Полтавская губернии); Забайкальский (Забайкальская область); Иркутский (Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область); Казанский (Казанская, Нижегородская и Симбирская губернии); Кишинёвский (Бессарабская и Подольская губернии); Киевский (Киевская, Вольнская и Черниговская губернии); Минский (Минская и Могилёвская губернии); Московский (Московская, Владимирская и Тверская губернии); Одесский (Херсонская и Таврическая губернии); Омский (Тобольская губерния и Акмолинская область); Орловский (Орловская, Калужская и Тульская губернии); Пермский (Пермская, Уфимская и Вятская губернии); Приамурский (Амурская, Камчатская, Приморская и Сахалинская области); Рижский (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии); Ростовский (область Войска Донского); Самарский (Самарская и Оренбургская губернии, Тургайская область); Петроградский (Петроградская, Тверская и Новгородская губернии); Саратовский (Саратовская, Астраханская губернии и Уральская область); Смоленский (Смоленская и Витебская губернии); Тамбовский (Тамбовская, Пензенская и Рязанская губернии); Тифлиссский (Тифлисская, Кутаисская, Эриванская, Бакинская и Елисаветпольская губернии); Томский (Томская губерния и Семипалатинская область); Туркестанский

(Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская, Семиреченская и Закаспийская области); Харьковский (Харьковская, Курская и Воронежская губернии); Ярославский (Ярославская, Вологодская и Костромская губернии).

²² Сети, как проводной, так и радиосвязи, в этот период расширялись быстрыми темпами. Так, для строительства в Москве (на Ходынке) и в Красном Селе (под Петербургом) двух сверхмощных по тому времени (300 кВт) радиостанций (для поддержания связи со странами Антанты) русским инженерам компании РОБТиТ потребовалось всего 100 дней.

²³ Приложения к положению о полевом управлении войск в военное время. СПб.: Тип. Императорской Николаевской Военной академии. Суворовский 32Б, 1914. С. 44–78.

²⁴ Там же. С. 78–85.

²⁵ Там же. С. 85–89.

²⁶ Там же. С. 89–91.

²⁷ Там же. С. 44–46.

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Эти колонны комплектовались вольнонаемными рабочими // Архив ВИМАИВиВС. Ф.10Р. Оп. 1. Д. 110. Л. 147.

³⁰ Владимир Борисович Похвиснев родился в 1858 г. Службу начал в 1878 г. в лейб-гвардии Измайловском полку. В 1882 г. был зачислен в запас, а затем и уволился в отставку. В конце 1905 г. вернулся на государственную службу. С февраля 1906 г. по октябрь 1913 г. занимал должность московского почт-директора. 26 октября 1913 г. был назначен начальником Главного управления почт и телеграфов. В. Б. Похвисневу было суждено стать последним руководителем почтово-телеграфного ведомства Российской империи.

³¹ Примечание авт.: Даже в условиях военного времени В. Б. Похвиснев продолжал работы по развитию общегосударственной сети связи страны. Так, в 1915 г. было завершено строительство телеграфной линии Де-Кастри–Императорская Гавань (Советская Гавань), а 20 февраля 1916 г. почтово-телеграфным ведомством была введена в строй мощная радиостанция на о. Сахалин.

³² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 10Р. Оп. 1. Д. 110. Л. 138.

³³ Генерал-майор войск связи В. Дубовко. Из истории войск и службы связи. Связь в Красной Армии // ГУСКА. №6 (48), июнь 1946 г. С. 24–27.

³⁴ С помощью двух переприемов (в Чите и Ташкенте) военное ведомство могло обеспечить радиосвязь между Владивостоком и Москвой. В 1912 г. началось строительство сети военных радиостанций на побережье Северного Ледовитого океана: на острове Вайгач, мысе Канин Нос, на полуострове Ямал.

³⁵ Генерал-майор войск связи В. Дубовко. Из истории войск и службы связи. С. 16–19.

³⁶ Там же. С. 18.

Ю. Л. Жмодиков, А. Г. Румянцев (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИ ОПОЛЧЕНИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ 1812 ГОДА

В КОЛЛЕКЦИИ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится копия знамени С.-Петербургского ополчения 1812 г. Подлинное знамя не сохранилось, но в начале XX в. оно еще существовало – первый историк Петербургского ополчения А. Миронов по большому счету возвратил это знамя из небытия и опубликовал очерк, в котором осветил некоторые страницы его истории¹.

Первоначально для ополчения Петербургской губернии предполагалось сделать много знамен. 19 июля (по ст. ст.) 1812 г. М. И. Кутузов, тогда начальник Петербургского ополчения, известил Александра I о своем «предположении» дать в каждую дружину ополчения (отряд в 600–700 чел.) по два знамени, «под коими бы новопоступающие воины приводились к присяге». В этом обращении давалось и описание будущих знамен: белые с красным крестом и надписью «Сим знаменем победиши», а также сообщалось, что «оные знамена уже делаются»². Но в конечном счете ополчение получило только одно знамя. И дело, очевидно, было не столько в том, что не успели сделать 30 знамен (ополчение состояло из 15 дружин), а, скорее всего, в том, что идея приведения ополченцев к присяге не могла быть одобрена императором. Согласно императорским манифестам о сборе ополчений в 1812 г. помещичьи крестьяне, из которых формировалось ополчение, или, как его тогда нередко именовали, «земское войско», сохраняли свой статус крепостных и по роспуске ополчения возвращались в свое «первобытное состояние», т. е. к своим помещикам. Это было основным отличием ополченцев от рекрутов – таких же крепостных, но поступавших в регулярную армию: последние становились лично свободными людьми.

И приведение воинов ополчения к присяге подобно солдатам-новобранцам противоречило социальному статусу первых как несвободной категории населения³.

Однако имеется несколько свидетельств того, что ополченцы-крестьяне в той или иной форме все-таки присягали. Одно из них содержится в рапорте А. А. Бибикова (тогда командира 1-го отряда Петербургского ополчения) начальнику 2-го округа ополчения П. И. Меллеру-Закомельскому от 14 сентября 1812 г. о трудностях, с которыми столкнулся его, Бибикова, отряд при следовании на театр военных действий, в том числе и о многочисленных побегах воинов: «в отвращение онаго, – сообщает Бибиков, – пойманному из числа бежавших я велел, пред воинами наказав, выбрить лоб и сказать ему, что за нарушение присяги его преступления [sic] останется навсегда салдатом»⁴. Другое свидетельство – один из «анекдотов», приводимых В. И. Штейнгейлем, первым историком С.-Петербургского ополчения, а в 1812 г. офицером 13-й дружины: «После присяги, один из почтенных Штаб-офицеров 13 дружины говорил воинам, что, присягнув теперь пред Богом умереть за веру и Царя, не должен уже никто пятиться назад...»⁵. И наконец, в дневниковых записях С. Н. Корсакова, офицера 5-й дружины, имеется такая фраза: «4 сентября по утру на Семеновском плац-параде приведены были дружины 2-го отряда к присяге»⁶.

Есть все основания предполагать, что присягу давали ратники 1-й дружины, составленной из мещан и ремесленников Петербурга и других городов губернии, т. е. из лично свободных людей. И, несомненно, присягали офицеры ополчения – сохранились «присяжные листы» (текст присяги с личными подписями) нескольких дружин⁷.

31 августа (по ст. ст.) состоялась церемония прибития знамени к древку, в которой участвовали все офицеры ополчения и по несколько урядников и воинов от каждой из 15 дружин. А на следующий день, 1 (13 по нов. ст.) сентября, – его освящение. Литургия проходила перед Исаакиевским собором. Затем знамя, по свидетельству Корсакова, пронесли вдоль строя ополчения, стоявшего «в две линии около Исакиевской площади», и «оное было поручено 1-ой дружине»⁸.

Поскольку 1-я дружина вошла в состав 1-го отряда ополчения, выступившего из Петербурга 3 (15) сентября, знамя сначала находилось при этом отряде, но где именно – в 1-й дружине или

у А. А. Бибикова – неизвестно. Известно только, что 10 (по ст. ст.) сентября Бибиков произносил перед ополчением речь, призванную поддержать боевой дух его войска, «при распущенных знаменах» ополчения и Воронежского пехотного полка, входившего в состав его отряда⁹.

Каких-либо сведений о том, что знамя развевалось на полях сражений, в которых участвовала «Петербургская военная сила» в 1812 г. (а таких сражений было по крайней мере четыре), не имеется. Очевидно, одной из причин того, что знамя фактически не использовалось как строевой и моральный «инструмент», подобно знаменам регулярных войск, было то обстоятельство, что по прибытии на театр военных действий Петербургское ополчение фактически потеряло свое организационное единство: дружины были по одной распределены между пехотными полками регулярных войск и вместе с этими «своими» полками совершали все переходы и участвовали в боях.

В марте 1813 г. Петербургское ополчение прибыло под Данциг (совр. польский Гданьск) и вошло в состав корпуса, осаждавшего эту крепость. Знамя, как можно заключить из текста документа от 29 мая, было при нем: в этот день В. В. Адодуров, возглавлявший Петербургское ополчение вместо оставшегося «по болезни» в Кенигсберге Бибикова, рапортует последнему, что 24 мая знамя было перенесено в главную квартиру командующего осадным корпусом принца Александра Вюртембергского¹⁰.

В следующий раз знамя Петербургского ополчения фигурирует в документах только в июле 1813 г. За девять предшествующих месяцев участия в боевых действиях ополчение понесло большие потери убитыми, ранеными, заболевшими, отставшими, а также бежавшими. Поэтому в июле 1813 г. оно было переформировано в пять сводных дружин, и та сводная дружина, в которую поступили ратники бывшей 1-й дружины (т. е. петербургские мещане и ремесленники), получила номер 3-й, чтобы, как значится в соответствующем приказе по ополчению, «вверенное государем императором вошедшей в состав оной [т. е. 3-й сводной дружины] мещанской дружины знамя [sic!] находилось в середине ополчения [т. е. в середине общего строя всех пяти сводных дружин]»¹¹. В такой формулировке этого пункта приказа обращает на себя внимание следующее обстоятельство: знамя всего Петербургского ополчения воспринималось порой как знамя только 1-й, «мещанской» дружины.

А 8(20) августа 1813 г. состоялось официальное вступление В. В. Адодурова в должность начальника Петербургского ополчения. Для этой торжественной церемонии «ополчение собрано было в каре пред биваками, и после молебствия о поспешствовании оружию нашему во время предстоящей брани, сенатор Бибииков со знаменем в руке произнес к войскам отеческими чувствами исполненное прощальное приветствие и вручил знамя генерал-майору Ададурову...»¹².

Теперь знамя хранилось в канцелярии Адодурова. Судя по всему, за весь период с осени 1812 г. у ополчения так и не было официального знаменосца. И только в январе 1814 г., когда после капитуляции Данцига (ноябрь 1813 г.) Петербургское ополчение перешло на кантонир-квартиры и стало готовиться к обратному походу, к знамени, пока остававшемуся в главной квартире Адодурова в г. Мариенбурге, был приставлен офицер 3-й сводной дружины «при следующем [т. е. полагающемся. – Ю. Ж., А. Р.] карауле».¹³

В марте 1814 г. Петербургское ополчение двинулось в обратный путь. Перед этим оно передало регулярным войскам почти все свое огнестрельное оружие. И только 15 знаменным рядам оно, по настоянию Адодурова, было сохранено¹⁴. Однако, при какой дружине находилось знамя или от каких дружин были выделены ратники в эти знаменные ряды – неизвестно.

12(24) июня ополчение вступило в столицу. Основная часть церемонии его встречи проходила на площади у Исаакиевского собора, и по ее завершении знамя было торжественно внесено внутрь здания. Однако уже через несколько дней Комитет Петербургского ополчения извещает Адодурова, что «хоругвь», как значится знамя в документах того периода, была «перенесена без всякой церемонии [sic!] из Исакиевской церкви в арсенал»¹⁵. Там, согласно рапорту командира арсенала генерал-майора Тимлера вице-директору Артиллерийского департамента генерал-майору И. Г. Гогелю от 5 августа, для «хоругви», при которой также имелся «чехол коженной на холстинной подкладке с медным наконешником», была «сделана... тумба и поставлена в новь выстроенном арсенале, о которой [т. е. хоругви] повеления никакого не имеетца...». В ответ Гогель 12(24) августа «рекомендует» Тимлеру «хоругвь... приказать записать при арсенале в приход и содержать ее в прежнем [слово написано поверх зачеркнутого «удобном» и читается предположительно] месте в бережении»¹⁶.

В Новом арсенале знамя простояло до 1855 г. В начале июня этого года оно было пожаловано С.-Петербургской 1-й дружине государственного подвижного ополчения, формировавшегося в связи с начавшейся Крымской (Восточной) войной. От арсенала на Литейном проспекте до Екатерингофа, где формировалась дружина, знамя торжественно нес ставший уже известным к этому времени ратник Филипп Матвеев (известность он получил тем, что в 1812 г. был в Рязанском ополчении, а в 1855 г. вновь оказался в ополчении, теперь уже в Петербургском, так как к этому времени перебрался в столицу). В апреле 1856 г. часть дружин, в том числе и 1-я, возвратилась из похода, и их знамена были помещены в церкви Св. Исаакия Далматского в Адмиралтействе, где они должны были храниться до завершения отделки Исаакиевского собора¹⁷.

Когда знамя было перенесено в Исаакиевский собор, неизвестно (очевидно, в ближайшее время по завершении в нем отделочных работ). К 1913 г. оно было уже там и располагалось на правом клиросе «без какой-либо надписи», как свидетельствует А. Миронов. Судя по сделанной, очевидно, тогда же фотографии, оно было в очень плохом состоянии¹⁸.

В том же 1913 г. возник вопрос о переносе знамени в другое место. Сначала 19 марта на заседании разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества было принято решение передать знамя 1812 г., как и четыре знамени 1855 г., на хранение в Артиллерийский музей в С.-Петербурге. Однако это решение было отменено в связи с вмешательством «Особого комитета по устройству в Москве музея 1812 года», председатель которого генерал В. Г. Глазов предложил передать знамя в Москву, поскольку «подобная реликвия великой Отечественной войны должна по справедливости занять весьма почетное место». Председатель Императорского Русского военно-исторического общества генерал Д. А. Скалон в своем отношении от 14 декабря 1913 г. на имя С.-Петербургского губернского предводителя дворянства князя И. Н. Салтыкова поддержал предложение о передаче знамени в Москву, аргументируя это тем, что нахождение знамен в церквях нежелательно, поскольку, помимо небрежного с ними обращения, они «сильно страдают от копоты и особенно влажности, появляющейся во время службы при большом скоплении народа». Однако 20 января 1914 г. С.-Петербургское дворянское

депутатское собрание не приняло это предложение, так как посчитало, что для С.-Петербурга и С.-Петербургской губернии знамя являлось священнейшей и ценнейшей реликвией¹⁹.

В июне 1914 г. на заседании Техническо-художественного совещания Исаакиевского собора обсуждался вопрос о передаче знамени в помещение Дворянского депутатского собрания. Поскольку со стороны собора препятствий не встречалось, 17 сентября 1914 г. последовало Высочайшее соизволение на передачу знамени ополчения 1812 года в помещение Дворянского собрания²⁰.

На этом основании 18 октября 1914 г. знамя 1812 г. и четыре знамени ополчения 1855 г. были перенесены в здание Петроградского дворянского депутатского собрания²¹. Впоследствии (в ноябре 1814 и в апреле 1815 г.) знамена ополчения времен Крымской войны были переданы четырем пешим дружинам Петроградского ополчения, сформировавшегося в связи с начавшейся Первой мировой войной²². Знамя ополчения 1812 г., судя по тому, что нет никаких сведений о выдаче его каким-либо воинским формированиям, по-видимому, продолжало находиться в доме Дворянского собрания, но как долго и какова была его последующая судьба – неизвестно.

¹ Миронов А. Знамя Петербургского ополчения 1812 года // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1913. Кн. 7–8. С. 348–351.

² М. И. Кутузов. Сборник документов. М, 1954. Т. IV, ч. I. С.16.

³ См. Ливчак Б. Ф. Принципы комплектования и правовое положение ратника в народном ополчении 1812 года // Ученые записки Свердловского юридического института. ОГИЗ; Свердловгиз, 1947. Т. 2. С. 8, 9, 28.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 218. Л. 365 об.

⁵ Штейнгель В. И. Записки касательно составления и самого похода санктпетербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах. СПб., 1814. Ч. 1. С. 237.

⁶ РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 10.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 224. Л. 24–25, 93–94.

⁸ РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 8–9.

⁹ Штейнгель В. И. Указ. соч. С. 91.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 224. Л. 404.

¹¹ Там же. Д. 276. Л. 15 об.

¹² Штейнгель В. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 91.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 324. Л. 67.

¹⁴ Там же. Д. 323. Л. 179–179 об.

¹⁵ Там же. Л. 36 об.

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 302. Л. 42–43.

¹⁷ Байков А. М. Воспоминания о С.-Петербургской первой дружине Государственного ополчения // Военный сборник. Т. LV. 1867. № 5. С. 120–121, 138–139.

¹⁸ Миронов А. Указ. соч. С. 348–349.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 34. Д. 615. Л. 2–3 об.

²⁰ Голованова А. В. Знамена Санкт-Петербургского ополчения в Исаакиевском соборе // Сохраненное равно приобретенному. Сб. науч. ст. / Сост. А. В. Квятковский, Е. К. Чернышева. СПб., 2012. С. 99–100.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 34. Д. 621. Л. 11.

²² Там же. Л. 14, 17, 43.

Д. Ю. Жуков (Москва)

ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУРДОВ В СОСТАВЕ РУССКОЙ АРМИИ

Формирование частей в период Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. на Кавказском театре военных действий

В ОКТЯБРЕ 1853 г. с началом войны в состав Эриванского отряда вошла так называемая Куртинская кавалерия, сформированная из курдов, проживающих на вновь присоединенных территориях и вдоль границы с Турцией¹, из которых было сформировано два Куртинских конных полка № 1 и № 2². Отряд был предназначен для защиты от набегов территории Эриванской губернии.

В апреле 1854 г. Эриванский отряд ввиду своей малочисленности был усилен IV-м конно-мусульманским полком, сформированным из местных жителей и состоявшим из трех сотен мусульман (одна сотня была сформирована из курдов) и двух сотен армян. Формирование полка происходило в очень сжатые сроки, и качество добровольцев, поступивших на службу в полк, оставляло желать лучшего. В полк в основном были набраны крестьяне из местных жителей, по укладу своей жизни занимавшихся сельским хозяйством, не имевших отношения к оружию и военной службе. После зачисления в полк всадники проходили минимальное обучение стрельбе, владению холодным оружием и кавалерийским приемам. Дисциплина в полку, так же как и подготовка всадников, оставляла желать лучшего. Своих лошадей и оружия всадники, зачисляемые в полк, не имели. В IV-й конно-мусульманский полк всадники были наняты на шесть месяцев за счет жителей Эриванской губернии, денежное довольствие им выдавали вперед для приобретения коня



Ил. 1. Башибузуки в засаде

и оружия. Всадники в период всей своей службы получали от казны жалование и деньги на продукты: говядину, муку и фураж³.

В скором времени IV-й конно-мусульманский полк принял боевое крещение. 23 июня 1854 г. возле Орговского поста всадники этого полка совместно с казаками участвовали в яростной перестрелке с турецкими башибузуками (ил. 1). После перестрелки атаковали их и рассеяли одну часть, а другую обратили в бегство.

16 июля при движении в сторону границы к Чингильским высотам в отряд полковника Хрещатицкого входил IV-й конно-мусульманский полк, две сотни Бекской дружины и отдельная сотня курдов. Задачей отряда было занятие перевала вблизи Орговского поста и удержание его до подхода основных сил. Кавалерия была распределена таким образом, чтобы казачьи сотни действовали совместно с частями милиции. 17 июля отряд прибыл к месту, где у него завязалась первая стычка с башибузуками. В этот же день иррегулярные кавалерийские части под командованием полковника Хрещатицкого действовали на левом фланге русских войск в Чингильской битве с турецким Баязетским корпусом. С общей атакой русских войск вся русская кавалерия бросилась в «шашки» и «пики» во фланг

турецкой пехоты и одновременно на артиллерийские расчеты. Турки, не выдержав атаки, в панике побежали. Преследование бежавших турок кавалерией под командованием полковника Хрещатицкого продолжалось более трех километров. В результате русские войска захватили четыре турецких орудия. Итогом сражения явились: 400 пленных, четыре орудия и 23 знамени и значка, убитых турок было около 2 тыс. человек. Следствием этого поражения было оставление крепости Баязет турецкими войсками. Но самым большим достижением этой битвы было то, что турецкий корпус был полностью разгромлен. Более того, была снята угроза Эриванской губернии со стороны турецкой армии и нападения иррегулярных курдских отрядов⁴. 18 июля по приказу командующего барона фон Врангеля кавалерия полковника Хрещатицкого направилась на рекогносцировку. 19 июля отряд выступил к Баязету, а на следующий день соединился с основными силами под Баязетом. Позже турецкая цитадель была занята.

Для боевых действий в 1855 г. вновь формировали части из курдов по такому же принципу, как и в предыдущем году⁵. Эриванский отряд для будущих военных действий формировался практически в старом составе. Как и в 1854 г., в его состав вошли мусульманские иррегулярные части: две сотни Бекской дружины; пятисотенный IV-й конно-мусульманский полк, пять сотен курдской конницы⁶. Все иррегулярные части прибыли в Эриванский отряд 15 мая для подготовки к боевым действиям. В конце мая после сосредоточения Эриванского отряда на правой стороне р. Аракс в его состав вошла кавалерийская сотня курдов, сформированная их старейшиной Джафар-агою⁷.

В мае 1855 г. на Кавказском театре военных действий (ТВД) в действующем корпусе вновь потребовалось формирование новых частей, в том числе и из иностранцев – подданных Турецкой Порты. Прежде всего это было связано с потерями русских войск от болезней и тяжелых условий пребывания в крае и невозможностью быстрого восполнения потерь. В основном части милиции формировались из покорившихся России курдов⁸, карапахов⁹, турецких армян и греков. Эти части отличались наличием боевого опыта, расторопностью личного состава и выносливостью лошадей, знанием местности, отвагой, силой и ловкостью. Организационно они входили в состав дружины Михаила Тариэловича Лорис-Меликова



Ил. 2. М. Т. Лорис-Меликов

(ил. 2), были незаменимыми для остальных отрядов проводниками и самыми надежными курьерами для доставки важной корреспонденции в разные отдаленные места.

Из курдов-мусульман, добровольно поступивших на русскую службу, было сформировано два полка: 1-й – из жителей Эривани, входивший в Эриванский отряд, 2-й – из езидов¹⁰ и курдов, перешедших в область из турецких владений. Эти полки входили в состав Александропольского отряда. Всадники этих полков, в том числе, служили и для

поддержания связей с их соотечественниками, готовыми восстать против Турецкой Порты¹¹. Вооружение полков составляли кремневые турецкие ружья, турецкие или национальные сабли и кинжалы, а также пики.

В это же время дополнительно в составе Эриванского отряда, которым на тот момент командовал генерал-майор Суслов, были сформированы пять сотен курдов из числа турецких подданных, которые позже были сведены в пятисотенный полк. Все эти формирования активно применялись для проведения рекогносцировок, охраны границ в захваченных турецких санджаках¹², защиты тыловых транспортов русской армии, выслеживания и захвата караванов противника, перехвата его корреспонденции, проведения поисковых мероприятий. Выполняли задачи в авангардах, боевом охранении войск, сообщениях между частями, разведке, участвовали в рейдах по территории противника, блокаде крепостей, штурме городов и захвате населенных пунктов¹³.

18 июля 1855 г. Эриванский отряд в полном составе выступил по направлению к г. Ван для совместных действий против турецкого корпуса генерала Вели-Паши¹⁴. По пути следования отряда куртинская кавалерия активно принимала участие в боевых действиях против турецких войск.

Формирование курдских частей в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В 1874 г. в Российской империи был разработан проект организации туземных войск и правила воинской повинности с учетом национальных особенностей племен и народностей. Из народов Кавказского края должны были комплектоваться пешие и конные части, причем из мусульман – конные. Отбывание ими воинской повинности должно было проходить в Кавказском военном округе¹⁵. Призыв туземного населения для ведения военных действий без особых усилий мог предоставить в распоряжение русской армии на Кавказе до 200 конных и 85 пеших сотен, или 25 200 всадников и 14 000 пеших воинов, всего от 39 200 до 42 000 чел. Некоторые части иррегулярных войск служили весьма существенным подспорьем частям регулярной армии, неся службу в гарнизонах по охране коммуникаций и тыла действующей армии.

С 1 ноября 1876 г. по 12 апреля 1877 г. в составе войск Кавказского корпуса шел сбор и формирование иррегулярных частей. Было сформировано 44 конные сотни для главного и девять для Приморского ТВД.

Мусульманские конно-иррегулярные части в основном вошли в состав главных сил Кавказского корпуса и должны были действовать в Александропольском и Эриванском отрядах. В состав Эриванского отряда вошел сформированный из курдов Куртинский конно-иррегулярный полк¹⁶.

Значительный размах приняло участие курдов в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Курдские части получили самое широкое боевое применение. Они прежде всего использовались для проведения всех разведывательных мероприятий. Из них формировались боевые разведывательные дозоры, разведывательные отряды. Курды успешно проводили засады, налеты и поиски, разведку боем. Куртинская кавалерия действовала в составе специальных летучих отрядов.

Курды привлекались для фельдъегерской службы, во время переходов действовали в боевом походном охранении, а в сражениях осуществляли охрану флангов войск. Курдские части хорошо себя зарекомендовали во время блокады крепостей. Умело действовали в авангардных и арьергардных боях, при штурмах населенных пунктов. Широко применялись для отвлекающих

действий и ложных маневров, для выманивания основных сил турецкой армии. Под руководством офицеров русской армии у куртинской кавалерии было налажено взаимодействие с регулярными частями русской армии. Нередко она применялась для организации прорывов и штурмов укрепленных позиций. Курдские всадники одинаково хорошо действовали верхом на лошадях, спешившись, владели огнестрельным и холодным оружием, нередко в пешем строю действовали совместно с пехотными батальонами.

В формируемые части в первую очередь зачислялись лица возрастом от 18 до 40 лет, обладающие крепким здоровьем и имеющие свое полное боевое снаряжение – коня, сбрую, теплую одежду, а также владеющие русским языком и грамотой, даже арабской. Полное снаряжение всадника стоило от 150 до 1000 рублей. Большинство из призванных таких денег не имели. По просьбе личного состава Главнокомандующий русской армией на Кавказе разрешил выдать всадникам в качестве аванса треть будущего жалования, чтобы те смогли «снарядить себя всем необходимым к предстоящему зимнему походу».

Одновременно было приказано приступить к формированию войск из перешедших на сторону русской армии турецких курдов и карапахов Баш-Шурагельскую и Темрюковскую сотни (табл. 1). Они отличались воинственностью, хорошим вооружением и снаряжением, отличным знанием местности, имели большое количество родственников по обе стороны границы, обладали высокой организованностью.

Таблица 1

Временный штат сотни от 14.11.1876 г.

№	Название чинов	Количество	Денежное содержание
Офицерский состав			
1	Командир сотни, капитан или штабс-капитан	1 чел.	549 р.
2	Поручик	1 чел.	468 р.
3	Подпоручик или прапорщик	1 чел.	441 р.
4	Всего офицеров	3 чел.	
Нижние чины			
1	Юнкер	2 чел.	12 р.

Военизированные формирования курдов в составе Русской армии

2	Урядник	4 чел.	90 р.
3	Трубач	1 чел.	15 р.
4	Всадник	12 чел.	60 р.
5	Всего строевых нижних чинов	127 чел.	
Нестроевые нижние чины			
1	Азиатский лекарь	1 чел.	180 р.
2	Писарь из регулярных войск	1 чел.	35 р.
3	Итого нестроевых нижних чинов	2 чел. ¹⁷	

Конные иррегулярные полки были вооружены винтовками разных систем, 6 и 7-линейными системы Таннера казачьего образца и собственными «азиатскими» образцами¹⁸.

В конце января 1877 г. практически все части закончили свое формирование и вошли в состав отрядов Кавказской армии, большая часть сформированных полков была в пути или готовилась к выступлению.

Но обстоятельства войны очень скоро потребовали увеличения сил армии, и в первую очередь путем формирования новых иррегулярных частей из местного и приграничного населения Турции.

С 1 ноября 1876 г. по 12 апреля 1877 г. шел дополнительный сбор и формирование мусульманских иррегулярных частей. В это время в составе Эриванского отряда был дополнительно сформирован Куртинский конно-иррегулярный дивизион¹⁹. Формирование иррегулярных частей и подразделений проходило по временным штатам, принятым 14 ноября 1876 г. (табл. 2).

Таблица 2

Временный штат дивизиона от 14.11.1876 г.

№	Название чинов	Количество	Довольствие
Офицерский состав			
1	Командир дивизиона, подполковник	1 чел.	795 р.
2	Адъютант (он же казначей), поручик или штабс-капитан	1 чел.	549 р.
3	Командир сотни	2 чел.	549 р.
4	Поручик	2 чел.	468 р.
5	Подпоручик или прапорщик	2 чел.	441 р.
6	Всего штаб- и обер-офицеров	8 чел.	

Нижних чинов			
1	Юнкер	4 чел.	120 р.
2	Урядник	8 чел.	90 р.
3	Трубач	3 чел.	15 р.
4	Всадник	240 чел.	60 р.
5	Всего строевых нижних чинов	255 чел.	
Нестроевых нижних чинов			
1	Азиатский лекарь	1 чел.	180 р.
2	Писарь из регулярных войск	2 чел.	35 р.
3	Старший фельдшер	1 чел.	90 р.
4	Всего нестроевых нижних чинов	4 чел. ²⁰	

С 16 февраля 1877 г. в Эриванском отряде из добровольцев курдов началось формирование Куртинского конно-иррегулярного полка²¹. Формирование полка было окончено к 1 апреля 1877 г., за десять дней до объявления Российской империей войны Османской Турции (табл. 3)²².

Таблица 3

Временный штат полка от 14.11.1876 г.

№	Название чинов	Количество	Довольствие
Офицерский состав			
1	Командир полка, полковник	1 чел.	жалование по чину
2	Полковой адъютант, поручик, штабс-капитан	1 чел.	549 р.
3	Полковой квартирмейстер, поручик, штабс-капитан	1 чел.	549 р.
4	Командир сотни, капитан, штабс-капитан	4 чел.	549 р.
5	Поручик	4 чел.	468 р.
6	Подпоручик или прапорщик	4 чел.	441 р.
7	Всего штаб- и обер-офицеров	15 чел.	
Нижние чины			
1	Юнкер	8 чел.	120 р.
2	Урядник	16 чел.	90 р.
3	Штаб-трубач	1 чел.	30 р.
4	Трубач	4 чел.	15 р.
5	Всадник	480 чел.	60 р.
6	Всего строевых нижних чинов	509 чел.	

Нестроевых чинов			
1	Младший врач по должности VI класса	1 чел.	498 р.
2	Азиатский лекарь	1 чел.	180 р.
3	Писарь из регулярных войск	4 чел.	35 р.
4	Старший фельдшер	1 чел.	90 р.
5	Младший фельдшер	1 чел.	54 р.
6	Всего нестроевых нижних чинов	7 чел. ²³	

С 12 апреля по 28 июня 1877 г. в главных силах Кавказского корпуса после взятия Ардагана Куртинский дивизион был развернут в конно-иррегулярный полк. Специально для местной службы в Ахалцыхе и Ахалкалаки из курдов были сформированы по две сотни конной милиции. В Эриванском отряде: 5 мая были сформированы Баязетская и Ечмедзинские конные сотни. В течение войны формирование туземных иррегулярных частей продолжалось вплоть до 18 февраля 1878 г., не считая 2200 милиционеров, явившихся на службу в части Кавказского корпуса из Турции.

С разрешения Главнокомандующего Русской армией Его Императорского Высочества 17 апреля 1877 г. Баш-Шурагельский дивизион был развернут в конно-иррегулярный полк в составе 400 чел. Три сотни были поручены главным вожакам прежних формирований, а четвертая – переселенцу из Эриванской губернии, видному местному старшине Тагибеку по той простой причине, что он обладал большим влиянием как среди карапахов, так и среди местных курдов. В состав вновь сформированного конно-иррегулярного полка также вошли каскалинские и зиланские курды, проживающие на левом берегу Аракса. 25 апреля все карапахи, бывшие на службе в турецкой армии, перешедшие на сторону Русской армии, были зачислены во вновь формируемый Шурагельский конно-иррегулярный полк четырехсотенного состава.

Каждому всаднику, согласно утвержденным Главнокомандующим штатам, было назначено жалование по 10 р. в месяц, 6 р. провиантских денег и фураж на одну лошадь, что в сумме составляло от 30 до 35 р. в месяц. Командиры сотен, кроме штатного жалования, получали еще по 100 р. в месяц. С 12 апреля по 28 июня 1877 г. в силах главного Кавказского корпуса из турецких подданных были дополнительно сформированы различные

части и подразделения. В день перехода русскими войсками турецкой границы в их состав влился отряд карапахов в количестве 200 всадников²⁴.

Вновь сформированный Шорагельский конно-иррегулярный полк привлекался для ведения разведки. Карапахи и курды были незаменимыми разведчиками, имея всюду родных, близких и многих знакомых среди местного населения, они доставляли командованию русских войск важные и своевременные сведения о противнике. Знание ими местности избавляло командование искать проводников среди местного населения, которые, опасаясь мести турок, неохотно брались указывать дорогу российским войскам.

Карапахи и курды часто заменяли казаков для дальних разъездов и поисков, а главное – служили одним из способов поддержания устойчивой связи между русскими войсками, они нарочно доставляли корреспонденцию в дальние гарнизоны²⁵.

Благодаря тому, что курдские всадники были искусными кавалеристами, способными проводить длительные и стремительные марши, они хорошо подходили для проведения разведывательных мероприятий и рейдов в глубоком тылу противника. При этом добывали очень важные сведения для командования армии. Курды, отправленные для проведения разведывательных мероприятий 22 июля 1877 г., установили, что турецкие войска проводят усиленные работы на Аладжинском хребте по подготовке путей и разработке спусков у аулов Козлуджи и Джала для следования войск в направлении к главным переправам на Арапчай. Эти сведения позволили русскому командованию предпринять меры и исключить внезапное нападение турецких войск с направления Аладжинских высот и тем самым попытаться предотвратить их вторжение на территорию Российской империи²⁶. 9 октября 1877 г. Куртинский конно-иррегулярный полк вошел в состав летучего отряда полковника Баратова и был отправлен для разведки и поиска отступавших турецких войск в район Сурб-Оганеза²⁷. С окончанием боевых действий все курдские иррегулярные части и подразделения были расформированы.

Немаловажными причинами, послужившими массовому привлечению турецких курдов к службе в составе Русской армии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и формированию из них иррегулярных частей, были:

– географические свойства будущего ТВД, его значительные размеры; в составе Русской армии ощущалась острая нехватка частей и подразделений легкой кавалерии, которые решали специфические задачи на местном ТВД;

– стремление русского командования избежать повторения печального опыта войны 1853–1856 гг. и обезопасить от набегов со стороны турецких курдов приграничные территории Российской империи. Уроки прошлой войны не прошли даром и требовали от руководства края иных мер. Генерал-адъютант Лорис-Меликов хорошо понимал, что одними лишь военными мерами решить данную проблему не получится, по этой причине и было принято решение об их привлечении для службы в составе сил Кавказской армии.

Деятельность военного руководства Российской империи по формированию курдских частей в ходе Первой мировой войны

Традиционно на Кавказе и в регионе в целом российское правительство старалось проводить взвешенную политику и пыталось привлечь на свою сторону не только христианское население края, но и мусульманское. Это особенно становилось актуальным на фоне непрекращающихся попыток Османской Турции и Персии сплотить всех мусульман в священной войне – «джихаде» против Российской империи. Во многом политика, проводимая правительством Российской империи по отношению к мусульманам края, в том числе проживающим на территории Турции и Персии, была взвешенной и продуманной.

К началу Первой мировой войны так же, как немцы и турки, российские политики и дипломаты опирались на поддержку курдских вождей, например, таких, как Исмаил-хан Симко, глава курдского племени Шакак, в то же время вели активную пропаганду среди курдов против турок и пытались привлечь их на сторону Русской армии²⁸. Такая работа проводилась как на территории Турции, так и в Персии. Нельзя не отметить, что деятельность российских политиков и дипломатов по привлечению курдов на сторону Русской армии не была в новинку. Во всех предыдущих русско-турецких войнах командованию удавалось привлечь то или иное количество курдов, из которых формировались части легкой кавалерии. Особенно в войну 1877–1878 гг.



Ил. 3. Генерал Д. К. Абадиев

дов на сторону русских войск. Специально для этих целей российским правительством ему были выделены денежные средства²⁹. После обращения командира полка курдов Магомет-бека к русскому консулу в г. Баязете с просьбой предоставить ему подданство Российской империи по поручению начальника штаба Кавказского округа с Магомет-беком начались переговоры о его переходе со своим полком на сторону русской армии. Позже в г. Игдырь Магомет-бек обратился к генералу Дмитрию Константиновичу Абадиеву (Дзамболату Константиновичу Абадзиеву. – Д. Ж.) (ил. 3) и просил принять его на русскую службу вместе с его полком, на что получил разрешение. Лично генералом Абадиевым Магомет-беку было обещано исходатайствовать для него чин за боевые отличия. Таким же образом поступали и с другими курдскими главарями. Зная об отсутствии преданности курдских главарей, генералу Абадиеву «на всякий случай» рекомендовали соблюдать с курдами большую осторожность и установить за их главарями наблюдение.

При приближении русских войск командир 13-го Куртинского полка Магомет-бек обещал привести на русскую службу не только свой полк, но и полки еще одного курдского главаря – Гуссейн-паши. Магомет-бек был зачислен офицером в действующую армию с назначением ему оклада денежного содержания. 9 ноября

на стороне Российской империи против турецкой армии воевали все курды Карского пашалыка, привлеченные целым рядом принятых в отношении них мер, в том числе и с помощью подкупа. Тогда в ходе военных действий курдские иррегулярные части доказали свою высокую боевую эффективность.

Первая мировая война не стала исключением, курдский главарь и политический деятель Абдул-Резак после проведенных с ним переговоров обещал русскому военному руководству привести кур-

1914 г. еще один курдский главарь – Садык-бек был также принят на службу в действующую Русскую армию вместе со своим подразделением³⁰.

В Западной Персии российское военное руководство привлекало местных курдов к охране персидско-турецкой границы, к охране учрежденных там таможенных постов и к отражению набегов турецких курдов и солдат на области, возвращенные Персии после турецкой оккупации. Это позволило существенно снизить количество нападений на приграничные территории Персии.

¹ Лихутин М. Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863. С.277.

² Шенк В. Казачьи войска. СПб., 1912. С. 43.

³ Лихутин М. Указ. соч. С. 10–12.

⁴ Там же. С. 63–64, 78, 99–100,104.

⁵ Гизетти А. Сборник сведений о Георгиевских Кавалерах и боевых знаков отличия Кавказских войн. Тифлис, 1901. С. 275.

⁶ Лихутин М. Указ. соч. С. 277.

⁷ Богданович М. Восточная война. СПб., 1876. Т. II. С. 163, 164.

⁸ Там же. С. 234, 236, 237.

⁹ Карапахаи – группа тюркских племен, проживающих в Турции, Иране и Азербайджане.

¹⁰ Езиды – курдская этноконфессиональная группа. Религия езидов – езидизм, на основе зороастризма.

¹¹ Богданович М. Указ. соч. С. 238–239.

¹² Санджак – турецкий округ.

¹³ Богданович М. Указ. соч. С. 253–265, 260.

¹⁴ Лихутин М. С. 330.

¹⁵ РГВИА. Путеводитель. М., 2007. Т. 2. С. 203–205.

¹⁶ Колюбакин Б. Русско-турецкая война на Кавказе и в Малой Азии в 1877–1878 гг. СПб., 1906. Ч. I. С. 121.

¹⁷ Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. СПб., 1904. Т. I. С. 109.

¹⁸ Колюбакин Б. Указ. соч. С. 121.

¹⁹ Шенк В. Указ. соч. С. 44.

²⁰ Материалы для описания Русско-турецкой войны... С. 108.

²¹ Колюбакин Б. Указ. соч. С. 146.

²² Материалы для описания Русско-турецкой войны... С. 85.

²³ Там же. С. 106–107.

²⁴ Там же. С. 147–148.

²⁵ Киминев С. Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг. СПб., 1884. С. 55–57.

²⁶ Там же. С. 249–250, 253.

²⁷ Там же. С. 402.

²⁸ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 501. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 646. Л. 67.

³⁰ Там же. Д. 729. Л. 4, 5, 10.

И. Н. Заводсков (Сызрань)
Л. В. Климович (Ульяновск)

УЛЬЯНОВСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ СВЯЗИ В 1930-е гг.: РОЛЬ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ

В 1930-е гг. международная ситуация характеризовалась резким обострением межгосударственных противоречий. События того периода ясно показывали неизбежность военного конфликта. Все это требовало необходимости укрепления обороноспособности государства и боевого могущества Красной армии. Успешно развивавшийся оборонно-промышленный комплекс снабжал армию и флот боевой техникой и оружием, росла боевая мощь и техническая оснащенность всех видов и родов вооруженных сил. Появились новые рода войск, активное развитие получили войска связи. История развития войск связи связана с изобретением в 1895 г. русским ученым А. С. Поповым радио. Как самостоятельное направление, войска связи организационно оформилось в нашей стране в разгар Гражданской войны¹, когда 20 октября 1919 г. был создан центральный орган по руководству военной связью – Управление связи РККА (УСКА), введены должности начальников войск связи фронтов, дивизий и бригад².

День 20 октября 1919 г. стал днем рождения войск связи Вооруженных сил страны как самостоятельных специальных войск³. По положению, объявленному приказом Революционного Военного Совета Республики № 1885/396 от 12 ноября 1919 г., на УСКА возлагалось заведование и управление всеми средствами связи, приданными войскам, штабам,

управлениям и учреждениям, с 1920 г. – инспектирование всех частей, учреждений и управлений связи РККА, снабжение их специальным имуществом связи, для чего в его состав передавались из Главного военно-инженерного управления Красной Армии телеграфно-телефонный и радиотелеграфный отделы и военный отдел Электротреста⁴. Техническая сложность средств радиосвязи требовала организации инженерной подготовки специалистов для их обслуживания и боевого использования.

Потребность в специалистах способствовала возникновению военно-учебных заведений. Опыт подготовки связистов в довоенные годы выступает актуальной темой, так как в Великой Отечественной войне советские связисты внесли большой вклад в достижение Победы над нацистской Германией.

История Ульяновского высшего военного инженерного училища связи не исключение. В середине 1930-х гг. в стране были созданы Воронежская, Орджоникидзевская, Саратовская школы связи, а в мае 1936 г. – Ульяновская школа особой техники⁵. Вновь созданное учебное заведение несколько раз меняло название и реорганизовывалось: в 1937 г. школа преобразована в Военно-техническое училище им. тов. Орджоникидзе; в 1938 г. училище реорганизовано в Ульяновское военное училище связи; в 1969 г. – в Ульяновское высшее военное командное училище связи; в 1991 г. – в Высшее военное инженерное училище связи; в 1998 г. – в филиал Санкт-Петербургского военного университета связи; в 2004 г. – в Ульяновское высшее военное инженерное училище связи (военный институт) имени Г. К. Орджоникидзе, которое осуществляло свою деятельность до 2008 г.⁶

Первым начальником был назначен комбриг Тихон Павлович Каргополов⁷ – генерал-лейтенант войск связи в отставке. Он внес большой вклад в становление военно-учебного заведения, организацию учебного процесса, набора курсантов и комплектование педагогического состава. Как участник Гражданской войны, был награжден орденами за храбрость и мужество, проявленные в боях. Обладал глубокими знаниями военного дела, умением организовать работу подчиненных, побудить их к личной инициативе. В 1933 г. Т. П. Каргополов был назначен заместителем начальника Ленинградской военной школы связи, в январе 1935 г. – начальником штаба Инженерно-технической

академии связи им. Подбельского. Солидный опыт руководящей работы в соответствующей области способствовал успешной службе на новой должности⁸.

Ульяновская школа особой техники осуществляла специализированную военную подготовку молодежи. Набор в нее проводился на добровольных началах, что позволяло юношам, окончившим среднюю школу или индустриальные техникумы, проходя конкурсный отбор, быть зачисленным на обучение⁹. Подготовка во вновь открытом военно-учебном заведении велась по общеобразовательным, социально-экономическим, техническим и общевойсковым дисциплинам¹⁰.

Военно-патриотическое воспитание молодых курсантов регламентировалось твердо установленным распорядком дня, учебным расписанием и планом политико-массовой работы¹¹.

Занятия были рассчитаны на два года. Несмотря на сложности с аудиторным фондом и необходимостью проводить ремонтно-строительные работы для обустройства казарм, аудиторий и прочего необходимого материального фонда, первый учебный год начался 1 сентября 1936 г.: «Трудовая доблесть курсантов проявилась в последующие месяцы, когда они стали заниматься по учебному плану и одновременно работали по строительству и благоустройству школы»¹².

Курсанты осваивали, в том числе, новую специальность – воентехник по блок-приборам, которая включала в себя исследования по телемеханике, то есть управлению процессом и контролем над ним по каналам связи на расстоянии¹³. Таким образом, велась подготовка специалистов по эксплуатации систем дистанционного управления танками. По данной специальности было произведено три выпуска в 1938 г., два в 1939 г. Разработка дистанционно управляемых танков (телетанков) в СССР велась с конца 1920-х гг. В 1932 г. был испытан отечественный двухбашенный танк Т-26, который положил начало формированию так называемых телемеханических групп, включающие в себя танки управления (в которых находился экипаж) и танки-роботы, которые управлялись операторами из танка-управления. Именно таких операторов танков-роботов готовили в Ульяновске. Во время учений телетанки нередко теряли управление, как вспоминали выпускники: «радиосигнал терялся на пересеченной местности, в частности при попадании в большую воронку, образованную взрывом снаряда»¹⁴. По задумке конструкторов такие

дистанционно управляемые танки предполагалось использовать для разведки минных полей, уничтожения дотов, огнеметания, а также постановки дымовых завес и снятия экипажа с подбитых танков.

Подготовка специалистов велась в Ульяновской школе по особой технике и по другим направлениям, требующим специалистов в войсках связи. Стоит отметить, что кроме учебных занятий, для воспитания молодежи использовались разнообразные приемы и методы. Систематически проводились лекции, беседы на военно-технические темы, организовывались коллективные посещения театра, краеведческого музея, памятных ленинских мест, велась большая спортивная работа¹⁵. Это способствовало формированию патриотизма и любви к Родине, готовности защищать свою страну.

Физической подготовке учащихся уделялось особое внимание. День курсанта начинался с утренней зарядки при любой погоде. Увлечение хоккеем, лыжами, футболом приносило свои плоды. Результаты, показанные курсантами, свидетельствовали об их высоком уровне физической готовности. Так, в феврале 1937 г. лыжная команда школы стала первой на городских соревнованиях, посвященных XIX годовщине РККА¹⁶. Кроме этого, учащиеся принимали участие в соревнованиях по конькам, гимнастике, первенству по хоккею, сдавали нормы ГТО.

В марте 1937 г. школа была переименована в Военно-техническое училище им. тов. Орджоникидзе¹⁷. 1 мая 1937 г. курсанты приняли присягу на верность Родине¹⁸. Первые итоги показали, что курсанты успешно выполняют взятые на себя обязательства. Почетной грамотой Военного Совета Приволжского военного округа были награждены курсанты И. И. Веселов, С. Г. Шибанов, А. К. Степанов, старший водитель В. А. Шелудченко, красноармеец Ф. А. Сиротин¹⁹.

К сожалению, внутренняя ситуация в СССР конца 1930-х гг. коснулась руководства училища. Так, в октябре 1937 г. был отстранен от должности начальник и комиссар училища Т. П. Каргополов, обвиненный во вредительстве вместе с другими руководителями. Следствие не нашло в его действиях следов преступной деятельности, и он был освобожден. Но в Ульяновск он не вернулся, а был назначен старшим преподавателем Военной академии им. Фрунзе²⁰.

В июне 1938 г. училище было реорганизовано в Ульяновское военное училище связи с целью подготовки специалистов радиосвязи: командиров подразделений (лейтенантов) и технического состава (воентехников)²¹. Параллельно при училище были созданы курсы младших лейтенантов с шестимесячным сроком обучения. На курсы принимались лица из числа сержантского состава, имеющие большой практический опыт, но не обладающие достаточной военно-технической подготовкой.

Проверка училища штабом Приволжского военного округа в августе 1938 г. выявила, что «состояние боевой подготовки в училище вполне удовлетворительно, но не хватает преподавателей, командиров и техники связи»²². Осенью 1938 г. состоялся первый выпуск командиров-связистов, из них лейтенанты А. В. Старостин и А. К. Степанов были оставлены командирами учебных взводов в училище²³. В 1939 г. в целом по Ульяновску было подано 800 заявлений о приеме в военные училища, что было лучшим показателем работы райвоенкомата, так как, например, в Куйбышеве было подано 900 заявлений, хотя там имелись лучшие возможности²⁴.

В 1939 г. произошли коренные изменения на международной арене. Обороноспособность Красной армии росла, прошел модернизацию существующий парк технических средств управления²⁵. В 1939 г. в училище дополнительно было создано два батальона курсантов²⁶. События на Дальнем Востоке дали новый боевой опыт в области организации связи танковых войск. Начало Второй мировой войны привело к перестройке всего учебного процесса. Учебный день был увеличен до 8 часов плановых занятий: «основное внимание в учебном процессе уделялось изучению устройства и боевого применения средств связи, привитию твердых практических навыков в работе на них, а также тактической, топографической, инженерной, физической и строевой подготовке курсантов»²⁷. Выросла численность курсантов до четырех батальонов, что привело к питанию в две смены и размещению в казармах в два яруса²⁸. Возросшая роль танковых войск потребовала увеличения выпуска специалистов радиосвязи, в связи с этим оптимизируется учебный процесс: «большое внимание стало уделяться немецкому языку. Курсанты с большой настойчивостью овладевали боевой техникой, добывались качественного

усвоения учебной программы»²⁹. Важную роль в успешной подготовке курсантов сыграло усиление преподавательского состава в лице выпускников Военной электромеханической академии имени С. М. Буденного. Новые преподаватели уже имели боевой опыт во время боев на Карельском перешейке, который использовали в учебном процессе.

Несмотря на высокую загруженность на учебных занятиях, молодые люди занимались спортом, участвовали в художественной самодеятельности. К 1940 г. в училище работало 11 команд и спортивных секций, участники которых неоднократно становились призерами городских соревнований³⁰. В 1940 г. был создан ансамбль песни и пляски в составе 85 человек³¹, который выступал в воинских частях ульяновского гарнизона, учебных заведениях и предприятиях города³².

Комиссия Главного Управления связи Красной Армии (ГУСКА) в январе 1941 г., проводя инспекцию училища, отмечала успехи в подготовке кадров, при этом указала на «недостаточно четкое планирование учебного процесса...»³³. С марта 1941 г. согласно приказу Народного комиссара обороны СССР с целью подготовки командного состава и специалистов для танковых войск училище было реорганизовано «в военное училище связи для подготовки командиров-проволочников и радистов танковых войск численностью 1600 человек переменного состава (на каждом курсе по 800 человек)»³⁴ (название училища осталось прежним). 11 июня 1941 г. был осуществлен последний довоенный выпуск лейтенантов-связистов.

За первые пять лет работы училище справилось с задачей по подготовке высококвалифицированных командиров-связистов для Красной армии. Оно превратилось в крупное военно-учебное заведение, в этом была заслуга всего состава руководителей, преподавателей и курсантов.

¹ Маньков А. В. «Ульяновская связь» – уникальный центр подготовки военных связистов в стране (к 80-летию начала Великой Отечественной войны и юбилею Ульяновского высшего военного училища связи) // Исторический поиск. 2021. Т. 2, № 1. С. 30.

² Войска связи. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://uvus.ru/vojska-svyazi> (дата обращения 10.01.2023).

- ³ История создания войск связи Вооруженных Сил Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://svyaz100.mil.ru/> (дата обращения 10.01.2023).
- ⁴ Центральный государственный архив Советской армии: в 2 т. Т. 1. Путеводитель. 1991. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://guides.rusarchives.ru/funds/19/upravlenie-svyazi-krasnoy-armii-uska> (дата обращения 10.01.2023).
- ⁵ Ульяновское высшее военное инженерное училище связи: Исторический очерк. Ульяновск: «Дом печати», 1996. С. 7.
- ⁶ История УВУС. Историческая справка. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://uvus.ru/istoricheskaja-spravka> (дата обращения 10.01.2023).
- ⁷ Ульяновское высшее военное инженерное училище связи... С. 7.
- ⁸ Ульяновское высшее военное инженерное училище связи. Каргополов Тихон Павлович. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://uvus.ru/kargopolov-t-p> (дата обращения 10.01.2023).
- ⁹ Ульяновское военное высшее училище связи имени Г. К. Орджоникидзе. Краткий очерк. Приволжское книжное издательство, 1966. С. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 10.
- ¹¹ Там же. С. 11.
- ¹² Там же. С. 10.
- ¹³ Маньков А. В. «Ульяновская связь» – уникальный центр подготовки военных связистов в стране... С. 33.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Ульяновское военное высшее училище связи имени Г. К. Орджоникидзе. Краткий очерк. С. 13.
- ¹⁶ Ульяновское высшее военное инженерное училище связи: Исторический очерк. С. 10.
- ¹⁷ Ульяновское военное высшее училище связи имени Г. К. Орджоникидзе. Краткий очерк. С. 13.
- ¹⁸ Ульяновское высшее военное инженерное училище связи: Исторический очерк. С. 11.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Ульяновское высшее военное инженерное училище связи. Каргополов Тихон Павлович.
- ²¹ Ульяновское военное высшее училище связи имени Г. К. Орджоникидзе. Краткий очерк. С. 16.
- ²² Ульяновское высшее военное инженерное училище связи: Исторический очерк. С. 12.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 13. Оп. 1. Т. 2. Д. 1790. Л. 3.
- ²⁵ Ульяновское высшее военное инженерное училище связи: Исторический очерк. С. 13.
- ²⁶ Там же. С. 14.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 15.

³⁰ Ульяновское военное высшее училище связи имени Г. К. Орджоникидзе. Краткий очерк. С. 21.

³¹ Ульяновское высшее военное инженерное училище связи: Исторический очерк. С. 17.

³² Там же.

³³ Ульяновское военное высшее училище связи имени Г. К. Орджоникидзе. Краткий очерк. С. 23.

³⁴ Приказ о мероприятиях по подготовке командного состава и специалистов для танковых войск и усилению начальствующим составом частей противовоздушной обороны № 0127 от 28 марта 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М.: ТЕРРА, 1994. С. 262.

К. Г. Игошин (Москва)

ИНОСТРАННОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

В ОПРОС ЗАИМСТВОВАНИЯ российскими специалистами иностранного научного и технологического опыта периодически затрагивается в литературе, посвященной истории отечественной артиллерии. При этом выводы об объемах, характере и природе заимствований порой делаются не на основании прямых свидетельств источников, а на обобщениях и предположениях. Наиболее часто такой подход встречается в литературе, посвященной истории до нарезной артиллерии. В данной работе на примерах выявленных в деловой переписке органов военного управления иностранных заимствований, имевших место в отечественной полевой артиллерии в период наполеоновских войн, будет показан механизм поступления информации, ее переработки и адаптации и реализации в производстве.

Каналами поступления информации о зарубежных научных открытиях, новых технологиях и конструктивных решениях в области вооружения являлись:

- иностранные ученые и технические специалисты, поступившие на российскую службу или предложившие свои услуги одновременно;
- научная и научно-техническая литература, находящаяся в международном доступе;
- иностранные образцы вооружений, попавшие в Россию по обмену или в ходе закупок;
- трофейные образцы вооружений и военнопленные;
- российские специалисты, обучавшиеся или работавшие за рубежом;

– сведения, полученные от путешественников, дипломатов и разведки.

Для того чтобы информация такого рода была осмыслена, адаптирована и на ее основе были разработаны и внедрены в отечественное производство новые решения, в России также должны были сложиться действенные механизмы.

В интересующий нас период органом, управлявшим «хозяйственной частью» сухопутной артиллерии, являлась Артиллерийская экспедиция Военной коллегии¹ (с сентября 1802 г. в подчинении министра военных сухопутных сил), переформированная в начале 1812 г. в Артиллерийский департамент военного министерства. Руководил Артиллерийской экспедицией (департаментом) инспектор всей артиллерии, имевший собственную канцелярию.

Для решения возникавших научно-технических задач на протяжении XVIII в. создавались временные комиссии или комитеты, составлявшиеся в основном из чиновников высшего артиллерийского управления и местных артиллерийских генералов и офицеров. Первой попыткой создать постоянный орган, который бы отвечал за научно-техническое обеспечение отечественной артиллерии, было учреждение весной 1798 г. при Артиллерийской экспедиции чертежной, предназначенной среди прочего «к разсматриванию всякаго рода планов, прожектов, смет и прочаго, как по Артиллерийской, так равно и по Инженерной частям...»². Однако это начинание не оправдало своего назначения, особенно после того как в 1802 г. произошло разделение артиллерийского и инженерного ведомств, следствием которого стало сокращение числа специалистов чертежной.

Автор «Краткого обозрения состояния артиллерии с 1798 по 1848 год» утверждает, что предшественники графа А. А. Аракчеева на должности инспектора всей артиллерии «устраняли себя от хозяйственной части», в то время как Аракчеев «напротив того, принимал деятельное участие в делах экспедиции»³. Схожую картину рисует Д. П. Струков в своем «Историческом очерке», описывая деятельность Главного артиллерийского управления царствований императоров Павла I и Александра I⁴.

По поручению министра военно-сухопутных сил С. К. Вязмитинова при прямом участии графа Аракчеева в феврале 1804 г. при Артиллерийской экспедиции был создан «Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии»,

ставший основой для постоянного научно-технического органа, существовавшего в различных ипостасях до революции 1917 г. В его состав вошли артиллерийские специалисты, представлявшие действующую артиллерию, артиллерийское управление, производство и отечественную артиллерийскую науку (в том виде, в котором она тогда существовала), не освобождавшиеся при этом от своих прежних обязанностей. Несмотря на то, что комитет изначально был создан для рассмотрения проекта действительного статского советника К. К. Гаскойна (британского промышленника и изобретателя, перешедшего на российскую службу в правление Екатерины II) «Об уменьшении пропорции чугунных орудий гарнизонной артиллерии», почти сразу круг его деятельности существенно расширился. С того же 1804 г. силами комитета осуществлялись научно-экспериментальные изыскания и экспертная оценка технических нововведений в сухопутной артиллерии в целом⁵. Тогда же для практических занятий комитета на Волковом поле был организован испытательный полигон.

Шагом в дальнейшей институционализации работы Временного артиллерийского комитета как постоянного органа стала регламентация его взаимодействия с Канцелярией инспектора всей артиллерии. 31 марта 1807 г. Аракчеевым было введено в употребление новое положение о канцелярии, согласно которому V отделению предписывалось иметь предметом «теоретические и практические артиллерийские науки», в том числе: «Журналы практического учения, издавание Артиллерийского журнала. Прожекты, касающиеся до артиллерии и разсматривание оных. Переводы книг, касающихся до артиллерии и математики. Разсматривание математических инструментов. Гравирование чертежей артиллерийских орудий и прочего и собрание планов»⁶. При этом материальное снабжение Артиллерийского комитета должно было осуществляться через II отделение канцелярии⁷.

В конце 1807 г. были высочайше утверждены штаты создаваемой при комитете по предложению графа Аракчеева типографии, главной целью которой было издание упоминавшегося выше специализированного «Артиллерийского журнала»⁸. Функционировать типография начала весной 1808 г.

Наконец, в июне 1808 г. император Александр I де-юре закрепил за комитетом статус, который он к этому времени уже имел де-факто. Высочайшим указом Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии был

переименован в «Ученый комитет по артиллерийской части»⁹, а в декабре того же года была формально определена сфера его компетенции, утверждены постоянный штат и казенные помещения (включая помещение для специализированной библиотеки), определены механизмы взаимодействия с прочими органами артиллерийского управления¹⁰. При этом комитет должен был подчиняться непосредственно генерал-инспектору всей артиллерии Аракчееву, который к этому времени уже был военным министром.

Ученый комитет по артиллерийской части просуществовал до весны 1812 г., когда, в связи с реорганизацией министерства военных сухопутных сил в военное министерство, он был упразднен. Его функции и все незавершенные дела перешли к новому Военно-ученому комитету, который должен был отвечать за весь спектр военных теоретических и научно-технических разработок и подчинялся напрямую военному министру на правах «особенного установления при военном министерстве». При этом предполагалось, что артиллерийскими вопросами в новом комитете должны заниматься всего два сотрудника. Издание специализированного «Артиллерийского журнала» прекращалось, вместо этого комитет должен был взять на себя труды по изданию универсального «Военного журнала» (впрочем, до конца правления императора Александра I последнее так и не было сделано)¹¹.

В отечественной историографии утвердилось почти единодушное мнение, что данная реорганизация негативно сказалась на научно-технической работе по артиллерийскому направлению¹². Не оспаривая такую точку зрения в целом, заметим, что ослабление интенсивности и качества работы Артиллерийского комитета началось за несколько лет до этой реорганизации и было связано с изменением его персонального состава. С осени 1809 по весну 1810 г. в Ученом комитете по артиллерийской части произошла почти полная смена коллектива (остался только председатель комитета генерал-майор И. Г. Гогель), а число членов сократилось до трех, включая председателя (единственного профессионального артиллериста в новом составе комитета)¹³. Именно в этот период граф Аракчеев перестал контролировать работу комитета, так как 17 января 1810 г. был назначен председателем Военного департамента Государственного совета. Руководство артиллерийским ведомством полностью перешло к инспектору всей артиллерии генерал-лейтенанту барону П. И. Меллеру-Закомельскому.

В 1812 г. все три члена Ученого комитета по артиллерийской части перешли в состав Военно-ученого комитета (ВУК), который возглавил все тот же Гогель. В том же году наличный состав комитета увеличился вдвое¹⁴. И насколько можно судить по выявленным делам ВУК периода 1812–1814 гг., разделения на специализации по темам (артиллерийская, инженерная, квартирмейстерская) среди его сотрудников еще не произошло.

Помимо Артиллерийского комитета независимыми научно-практическими изысканиями в области артиллерии в этот период занимался в Стрельне цесаревич Константин Павлович. При этом роль испытательной команды играла находившаяся с 1803 г. в его подчинении и управлении гвардейская конно-артиллерийская рота¹⁵. В гвардейской пешей артиллерии также служили образованные и амбициозные молодые офицеры, стремившиеся к усовершенствованию своего рода оружия. Более того, в период управления военным министерством М. Б. Барклаеде-Толли они привлекались к экспертной и испытательной работе даже по уже принятым Ученым комитетом по артиллерийской части решениям¹⁶. К сожалению, нам не удалось обнаружить в отечественной историографии исследований, которые бы системно описывали научно-испытательскую деятельность гвардейских артиллеристов, как конных, так и пеших.

Материальная часть российской полевой артиллерии складывалась в последнюю треть XVIII в.¹⁷ главным образом под влиянием науки и практики артиллерий соседних стран – Швеции, Пруссии и Священной Римской империи, с которыми Россия имела военное взаимодействие или как противник, или как союзник.

Последние серьезные перемены в конструкции артиллерийских орудий и повозок артиллерийского обоза (из числа описанных в историографии) произошли в начале 1797 г., вскоре после вступления на престол императора Павла I¹⁸. Мы не разделяем точку зрения Е. И. Юркевича о «заметном влиянии» на перемены в конструкции материальной части гатчинской, а затем и всей русской артиллерии этого периода разработок Ж.-Б. В. де Грибоваля¹⁹. Напротив, мы не видим никаких признаков французского влияния в это время.

Известный историк русской артиллерии В. Ф. Ратч утверждал: «Генерал-Майор Эйлер, по приглашениям Его Высочества часто бывавший в Гатчине, составлял чертежи материальной

части, согласно требованиям Великого Князя. По восшествии на Престол Государя Императора Павла Петровича Генерал Эйлер составлял чертежи всей материальной части, с дальнейшими усовершенствованиями Гатчинской конструкции, и со всеми улучшениями и замечаниями своими относил к Его Величеству»²⁰. При этом Ратч опубликовал письмо Эйлера к императору Павлу от 31 марта 1799 г. на немецком языке. Позволим себе привести перевод нескольких фрагментов этого письма: «Ваше Императорское Величество соблаговолили указать производить ту новую артиллерию, для которой мне посчастливилось конструировать стволы, а также делать чертежи устройства лафетов, смиренно преподнесенные к вашим стопам... У зарядных фур, сделанных в настоящее время по австрийским образцам, есть преимущество над прусскими, они более поворотливы, но с другой стороны у них столь много недостатков, что это преимущество полностью теряется»²¹. Как видно из процитированного источника, родившийся в Берлине младший сын великого Леонарда Эйлера, бывший офицер прусской артиллерии, а теперь русский генерал Х. Л. Эйлер в своей работе над усовершенствованиями русской артиллерии французским опытом не руководствовался. О том, что новые пушки были сконструированы с оглядкой на прусские образцы, говорят и авторы рукописи 1953 г. «Русская артиллерия во второй половине XVIII века»²².

Помимо прусского влияния в конце XVIII в. существенным было британское. Оно отразилось главным образом на модернизации производственных процессов в области технологий литья, металлообработки и станкостроения. Начался этот процесс еще в правление Екатерины II, когда в Россию был приглашен директор Карронского металлургического завода Чарльз (в России Карл Карлович) Гаскойн со значительным количеством специалистов. В 1793 г. из Великобритании для модернизации литейного производства в Санкт-Петербурге был приглашен литейный мастер Томас Инглиш с группой коллег. Под руководством Инглиша в период 1794–1798 гг. было осуществлено строительство новых производственных помещений Петербургского арсенала, по его проектам построена новая литейная печь и главное – в 1795 г. начали работу две горизонтальные сверлильные машины для обработки стволов полевой артиллерии, заменившие вертикальные. Затем на протяжении еще четырех лет наладкой производства и исправлением недочетов предшественников

занимались британцы братья Вильсоны со своей командой²³. Опыт, полученный от британских специалистов, позволил в 1804–1809 гг. осуществить модернизацию Брянского арсенала уже без привлечения иностранцев²⁴. Наконец, в 1810 г. в Петербургском арсенале для приведения в действие станков была поставлена паровая машина, изготовленная на заводе еще одного выходца из Великобритании, бывшего сотрудника К. К. Гаскойна К. Н. Берда²⁵.

Участие Берда в модернизации российского артиллерийского производства не ограничивалось паровыми машинами. Его завод также разрабатывал и изготавливал ряд сверлильных, штамповальных и прочих машин для арсеналов. Однако этот вопрос пока не был должным образом изучен. Сюда же можно отнести проекты петербургского фабриканта британского происхождения Карла Грейсона, предложившего в 1807 г. способ сокращения угара свинца при литейных работах²⁶, который был принят в 1809 г.²⁷, а также разработавшего в 1810 г. оральные чугунные пули и предложившего в 1811 г. такие же ядра²⁸. Подробнее о проектах Грейсона писал В. И. Хозиков в 2016 г.²⁹

Несмотря на существенное британское влияние в области производства, на конструкцию полевых орудий в этот период британский опыт никакого влияния не оказал. Хотя в 1800 г. в Россию поступила партия британских полевых пушек, полученная в качестве компенсации за потерянные в ходе неудачной голландской экспедиции 1799 г. (взамен утраченных 3 полевых и 17 полковых орудий³⁰ в Россию были отправлены 2 британские 12-фунтовые пушки и 17 6-фунтовых пушек с передками и прочими повозками, а также зарядами и принадлежностью³¹), здесь ограничились приспособлением части из них к использованию в российской артиллерии, но не стали заимствовать какие-либо технические решения³².

Изменения в конструкции стволов орудий полевой артиллерии, а именно положения затравок, имевшие место в 1807 и 1812 гг., и формы дна каналов/камор (1812) были уже нами подробно описаны в 2011 г.³³ Данные конструктивные перемены невозможно отнести к влиянию конкретной национальной артиллерийской школы, так как в этом вопросе русская артиллерия с поддержкой следовала в русле общеевропейских тенденций.

Прикладной интерес к французской артиллерии возник в России только после знакомства с ней на поле боя в самом

конце XVIII в. При этом одновременно оказались задействованы несколько каналов получения информации: российские специалисты стали обращать более пристальное внимание на соответствующую литературу; в их распоряжение попало некоторое количество трофейных образцов артиллерийского вооружения³⁴; на русскую службу поступило некоторое количество французских артиллерийских офицеров-эмигрантов.

В 1804 г. по высочайшему повелению был напечатан перевод книги французского ученого и государственного деятеля Г. Монжа «Искусство лить пушки»³⁵. В этой книге, помимо прочего, описывался новый для русских способ формовки стволов артиллерийских орудий в чугунные опоки на медном разборном болване, так называемая «песочная формовка» или «скорая формовка». С 1806 г. по поручению Аракчеева в Санкт-Петербургском арсенале под руководством капитана гвардейского артиллерийского батальона князя И. С. Абамелека проводились эксперименты по формовке и отливке орудий по описанной Монжем технологии. В октябре 1808 г. было принято решение об изготовлении необходимых комплектов опок и болванов для орудий всех калибров и пропорций для обоих (Петербургского и Брянского) арсеналов³⁶. Это был один из последних этапов в наверстывании технологического отставания в производстве артиллерийских орудий в России, по сравнению с Западной Европой.

Осенью 1804 г. полковник 8-го артиллерийского полка И. Г. Гогель 2-й преподнес в дар императору Александру I перевод книги капитана датской артиллерии Генриха Отто фон Шееля «Артиллерийския записки касательно Новой артиллерии, или перемен во французской артиллерии с 1765 года последовавших»³⁷, в которой были подробно описаны технические характеристики орудий системы Грибоволя³⁸. Иван Григорьевич получил благоволение императора и разрешение издать книгу за казенный счет, оставив при этом тираж в своем распоряжении³⁹. Этот перевод был опубликован в 1807 г. тиражом 600 экземпляров⁴⁰, при этом 200 экземпляров по распоряжению генерал-инспектора графа Аракчеева должны были быть выкуплены у Гогеля и разосланы в артиллерийские роты «с тем, чтобы господа офицеры могли ими заимствоваться для приобретения заключающихся в оных полезных сведений»⁴¹.

В 1805 г. полковник Гогель в очередной раз обратил на себя внимание инспектора всей артиллерии, представив ему «Мнение

о диоптрах артиллерийских орудий»⁴², в котором предложил заменить существующий в войсках диоптр на диоптр собственной конструкции, чрезвычайно напоминавший изображенный в книге Шееля французский выдвижной прицел (la Hausse)⁴³. В результате обсуждений, затянувшихся до начала 1807 г., в качестве универсального прицела для русской полевой артиллерии был принят находившийся в разработке с 1803 г. и уже состоявший в использовании в некоторых ротах стоечный прицел (диоптр) члена Артиллерийского комитета подполковника 2-го Кадетского корпуса А. И. Маркевича. Маркевич также был знаком с конструкцией французского прицела и критиковал его еще в 1799 г.⁴⁴

Самое действенное влияние французская артиллерийская школа оказала на комплексные изменения боеприпасов российской артиллерии, имевших место в 1803–1808 гг. Мы уже освещали этот вопрос в 2014 г.⁴⁵, поэтому ограничимся кратким перечислением, выделив роль французской литературы и специалистов.

В 1804 г. был принят новый пороховой состав, разработанный французским офицером-эмигрантом, командиром Охтенского порохового завода полковником Ф. Н. Де-Понтлеруа (А. Сарребургс-де-Понт-Леруа). Впрочем, состав этот не соответствовал французскому, а был найден экспериментальным образом на основе имевшегося в использовании в России сырья. Само же производство пороха происходило «посредством бегунов», по технологии, использовавшейся «во многих местах Германии»⁴⁶.

Летом 1808 г. была утверждена новая, предложенная Артиллерийским комитетом, конструкция бомб и гранат, в основу которой легли устройство и пропорции французских (грибовалевских) разрывных снарядов, так называемые «концентрические гранаты с сегментом». Разработка новых бомб и гранат велась с 1803 г. и сопровождалась разногласиями в коллективе создателей, так как принципиальной разницы между «французскими» «концентрическими» и прежними «эксцентрическими» гранатами не было⁴⁷.

В это же время Артиллерийский комитет рассматривал ряд проектов по изменению величины зазора (разницы диаметров снаряда и канала ствола) в российской медной артиллерии. В ходе работы специалисты Артиллерийского комитета вновь предлагали ориентироваться на «пример французской артиллерии» и уменьшить зазор у полевых и осадных орудий до принятой во

Франции величины. При этом среди прочего опирались на справочную книжку генерала Дуртуби⁴⁸. Однако в итоге российские специалисты пришли к выводу, что из-за разницы в конструкции унитарных зарядов французский зазор для русских полевых орудий будет слишком мал. Зазор для пушек остался прежним, а зазор для гранат хоть и сократился (за счет увеличения их диаметра), но не столь решительно.

Опыт кампании 1805 г. показал превосходство французской картечи над русской. Сразу же по окончании военных действий начались исследовательские работы, охватившие широкие круги российских профессиональных артиллеристов и доброхотов. Среди различных проектов лучшим оказался предложенный весной 1806 г. бывшим капитаном французской королевской артиллерии, а теперь российским полковником А. А. Бельгардом. Это было описание картечи, введенной во Францию в ходе реформ Грибоваля, с поправками на российский калибр. Летом 1808 г., после ряда экспериментов и доработок под условия российского производства, а также после боевых испытаний в ходе русско-шведской войны, новая картечь была утверждена.

В последующие годы российские специалисты продолжали изучать французские новинки. Например, осенью 1808 г. граф Аракчеев приказал Артиллерийскому комитету рассмотреть изобретенные господином Каде, «химиком, живущим в Париже на улице С. Гоноре», новые пальники «вместо употребляемых ныне палительных свеч»⁴⁹. Вероятно, речь шла о химике и фармацевте Шарле Луи Каде де Гассикуре, так как его отец Луи Клод к этому времени уже умер. Рассматриваемые палительные трости были одобрены генерал-инспектором французской артиллерии Ж. Ж. де Гассенди. Преимущество деревянных метровых тростей, вываренных в химических составах, заключалось в том, что они, якобы, горели до полутора часов, не затухая в непогоду, вместо получаса, как это было свойственно обычным палительным свечам. Испытания тростей в России шли весьма неспешно, и по состоянию на лето 1810 г. еще не было принято никаких решений. В учебниках по артиллерийскому делу, подготовленных Военно-ученым комитетом (1816) и генерал-майором А. И. Макевичем (1820), таковые трости не упоминаются⁵⁰.

Последним, выявленным нами, серьезным прямым заимствованием у французских артиллеристов было введение в 1811 г. «отвозов» французской конструкции, так называемых «пролонжей».

В историографии этот вопрос отражен в весьма искаженном виде, поэтому мы остановимся на нем подробнее.

Французский генерал и ученый И. Фаве в 1863 г. в своей работе «О прошлом и будущем артиллерии», описывая заслуги Грибовала, весьма восторженно отозвался о введении им кроме прочего артиллерийских отвозов: «Человек, который ввел отвоз (prolonge) в артиллерии, заслуживает одним только этим, чтобы его имя чтили»⁵¹. Такая формулировка позволила некоторым авторам полагать, что отвоз как изобретение появился в артиллерии именно во Франции и именно усилиями Грибовала⁵². В свою очередь, ряд исследователей русской артиллерии ошибочно предположили, что отвозы появились в России впервые в гатчинской артиллерии и были прямым заимствованием у французов⁵³.

Между тем, прусский артиллерийский офицер, военный теоретик К. Деккер в 1816 г. в книге «Die Artillerie für alle Waffen» (в русском сокращенном переводе С. А. Маркевича 1833 г. «История артиллерии») утверждает: «Пруссаки первые вздумали маневрировать полковыми орудиями на людях, в чем Австрийцы, Датчане и Французы им скоро последовали. Изобретение отвоза принадлежит Пруссакам, а не Французам. Грибоваль ввел его во Францию в исправленном виде»⁵⁴. В современном британском исследовании «Наполеоновская артиллерия» утверждается, что отвоз (как способ перемещения орудия в полевых условиях на небольшие расстояния при помощи конной тяги без взятия на передок) впервые был принят в Пруссии в 1731 г., затем до конца XVIII в. был заимствован в большинстве европейских стран⁵⁵. Этот вариант отвоза позволял перемещать орудие при помощи первой (уносной) пары лошадей из упряжки как вперед стволом при наступлении, так и вперед хоботом лафета при отступательном движении. (При этом авторы употребляют немецкоязычный термин «Schleppseil».) Грибоваль же разработал свою версию отвоза на опыте австрийской артиллерии периода реформ И. В. фон Лихтенштейна. Отличие французского отвоза заключается в том, что он был предназначен для гибкого соединения передка и хобота орудия. (Для французского варианта отвоза употребляется термин «prolonge».)

Российская историография согласуется в этой версии. Так, например, А. П. Барбасов и А. М. Агеев на страницах многотомной «Истории отечественной артиллерии» пишут: «В 1758 г. [в русской артиллерии. – К. И.] были введены лямки... Позднее,

в 1759 г., К. Б. Бороздин предложил передвигать орудия на поле боя с помощью отвоза⁵⁶. Надо полагать, что это было заимствование удачного решения у противника.

Опубликованные источники рисуют следующую картину. В учебном пособии по артиллерии 1789 г. «Краткие артиллерийские записки» присутствуют «оттужные канаты», использующиеся для преодоления пересеченной местности («оттужной канат к орудиям полагается для спуску их с гор, дабы орудия раскатясь людям, лошадям, и лафетам не могли чинить вреда, по чему оной прикрепляется под орудием у оси к крюку, за которой поддерживается людьми»), перемещение 6-фунтовых пушек на уносной паре осуществлялось посредством крюков, закрепленных на оси и хоботе лафета⁵⁷. Подробно описано использование в гатчинской артиллерии переднего канатного отвоза в диссертации Е. И. Юркевича, где в качестве приложений приводятся инструкции гатчинской артиллерийской команды⁵⁸. В справочных чертежах 1805 г. можно увидеть конструкцию переднего и заднего канатных отвозов⁵⁹. Этот же чертеж воспроизведен и в издании чертежей 1817 г.⁶⁰, а в учебнике «Основания артиллерийской и понтонной науки» (1816) отвозы упоминаются (в связи с оттужным канатом), но не описываются подробно⁶¹.

Судя по приведенным описаниям употребления и чертежам, отвозы, которые использовали русские артиллеристы в этот период, соотносятся с германскими образцами, но не с грибовалевским «пролонжем».

Однако в учебнике для великих князей А. И. Маркевича (1820) присутствуют и описание, и рисунок отвоза, которые гораздо больше соответствуют конструкции и применению именно грибовалевского варианта (при этом отвоз назван «la prolonge» или «Avancier-Tau»): «Сей отвоз закрепляется тем концом своим, на котором клепень, за находящееся под шворнем кольцо передка таким образом, чтобы клепень отстоял от передкового шворня на одну сажень. И когда нужно идти с орудием на отвозе вперед, тогда длинный конец отвоза, который с петлюю, закладывается за передние крюки лафета, сверх лодыг находящиеся и вложка клепень в первую петлю, что на конце отвоза, орудие везется вперед лошадьми, в передок впряженными. Когда же нужно отступить с орудием на отвозе назад, тогда тот же длиннейший конец отвоза продевается сквозь кольца лафета, по сторонам хобота имеющиеся, и заложив клепень во вторую петлю, первая накладывается на

передковый шворень, и таким образом орудие везется назад, будучи обращено жерлом в противную сторону»⁶².

Когда именно и при каких обстоятельствах произошел переход от немецкого типа отвозов к модифицированному французскому пролонжу? На первый взгляд может показаться, что это должно было произойти в период между 1817 (год 2-го издания справочных чертежей) и 1820 г. (год выхода 1-го тома учебника Маркевича). Однако в нашем распоряжении имеются сведения, позволяющие уточнить дату.

1 ноября 1811 г. инспектор всей артиллерии Меллер-Закомельский в соответствии с высочайшей волей приказал внести ряд изменений в конструкцию хоботов лафетов российских полевых орудий всех калибров⁶³. Среди изменений (о которых мы подробнее говорили в 2013 г.⁶⁴) было увеличение «для вводимых вновь отвозов» диаметра колец, расположенных с боков хобота на клепани с хоботовыми крюками. В справке, подготовленной по запросу управляющего военным министерством князя А. И. Горчакова 1-го, об имевших место изменениях в материальной части российской артиллерии указывается: «кольцы для пролонжей, вместо прежних небольших введены больше и толще»⁶⁵.

Мы не располагаем сведениями об обстоятельствах разработки этого нововведения. Позволим себе предположить, что адаптация французского типа отвоза (пролонжа) в России была осуществлена силами гвардейских артиллеристов без участия специалистов Ученого комитета по артиллерийской части. Такое предположение дает правдоподобное объяснение, почему эта перемена не нашла своего отражения в образцовых чертежах издания 1817 г., в то время как все прочие перемены, включая увеличение колец на хоботах, были учтены.

Иных доведенных до реализации в российской полевой артиллерии этого периода иностранных заимствований выявлено не было.

Подводя итог, мы можем, с небольшими коррективами, повторить выводы, сделанные нами в 2014 г.⁶⁶ В эпоху наполеоновских войн российское артиллерийское руководство ценой напряженных усилий смогло в целом преодолеть отставание в вопросах артиллерийского вооружения от европейских научных и технологических лидеров – Великобритании и Франции. Это удалось сделать до главного испытания – Отечественной войны 1812 года. При этом российским специалистам пришлось в значительной

степени опираться на западноевропейский научный и технологический опыт. Однако заимствование было творческим, учитывающим реалии российского вооружения и производства.

¹ Также иногда употреблялось название «Артиллерийский департамент» с тем же значением. См.: Струков Д. П. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. VI. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. СПб., 1902. Ч. 1, кн. 1. С. 363.

² Струков Д. П. Столетие Военного министерства. С. 404–405; ПСЗРИ. Т. 43. Книга штатов. Часть 1. № 18308. С. 30; Очерк учреждения и развития артиллерийского комитета (1804–1859 гг.) // Артиллерийский журнал. СПб., 1885. № 9. С. 661–662.

³ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год. СПб., 1853. С. 211.

⁴ Струков Д. П. Столетие Военного министерства. Отделы IV и V.

⁵ Там же. С. 405, 411; Очерк учреждения и развития артиллерийского комитета. С. 663.

⁶ Струков Д. П. Столетие Военного министерства. Т. VI. С. 396, 399.

⁷ Там же. С. 368.

⁸ ПСЗРИ. Т. 29. Т. 43. Ч. 2. № 22708.

⁹ Там же. Т. 30. № 23063.

¹⁰ Там же. № 23399.

¹¹ Там же. Т. 32. № 24971. Гл. X. С. 35.

¹² Краткое обозрение состояния артиллерии. С. 203–204; Очерк учреждения и развития артиллерийского комитета. С. 668–640; История отечественной артиллерии / Под ред. Б. А. Светлосанова. М., 1962. Т. 1, кн. 3. С. 58–59; Уколова И. П. Опытный плац российской артиллерии: Волково поле в 1804–1879 гг. // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. СПб., 1997. № 5. С. 188–189.

¹³ Научный архив (НА) ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 50. Л. 31.

¹⁴ Очерк учреждения и развития артиллерийского комитета. С. 668.

¹⁵ Ратч В. Ф. 1) Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии полковником (ныне генерал-майор) Ратчем в 1860 году // Артиллерийский журнал. 1861. № 1. Раздел II. Отдел ученых и технический. С. 24–25; 2) Публичные лекции, читанные генерал-майором Ратчем г. офицерам гвардейской артиллерии в 1861 году // Артиллерийский журнал. 1861. № 10. II. Отдел ученых и технический. С. 758, 760; Терентьев А. С. Военно-учебный лагерь цесаревича Константина Павловича в Стрельне накануне Отечественной войны 1812 года // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Международной научной конференции, 3–6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 163–170.

¹⁶ См. например: Записки А. А. Эйлера / Сообщ. А. А. Эйлер [младший] // Русский архив. 1880. Кн. 2. Вып. 4. С. 356; Игошин К. Г. Материальная часть российской полевой артиллерии в эпоху Наполеоновских войн. 1805–1815. Ч. 2 // Старый цейхгауз. 2013, № 3(53). С. 7, 9.

¹⁷ Подробнее см.: Игошин К. Г. Материальная часть российской полевой артиллерии конца XVIII – первой четверти XIX века // Война и оружие. Новые

исследования и материалы: Труды Девятой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2019 года. СПб., 2019. Ч. I. С. 456–460.

¹⁸ Там же. С. 465–466; Игошин К. Г. 1) «Эйлаусская пушка» из коллекции ВИМАИВиВС. К вопросу о российской полковой артиллерии в русско-прусско-французской войне 1806–1807 годов // Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн: сб. материалов XVII науч. конф. Калининград, 2020. С. 56–65; 2) О русском единороге. К вопросу о разработке и развитии единорогов как артиллерийской системы // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Десятой Международной научно-практической конференции 12–14 мая 2021 года. СПб., 2019. Ч. II. С. 77–98.

¹⁹ Такую точку зрения Е. И. Юркевич высказал в своей кандидатской диссертации в 2003 г. и позднее неоднократно повторил ее в своих статьях: Развитие материальной части артиллерии и инженерной команды Гатчинских войск // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2006. Вып. VIII. С. 361; Совершенствование русской полевой артиллерии в конце XVIII – начале XIX века // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 43; Артиллерия Гатчинских войск великого князя Павла Петровича (1783–1796) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. V. С. 571–649 <<http://www.milhist.info/2019/04/29/yrkevich>> (29.04.2019). С. 594, 631; Русская артиллерия в царствование Императора Павла I: 1796–1801 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2020. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. VI. С. 651–698 <http://www.milhist.info/2020/04/12/yrkevich_1> (12.04.2020). С. 669.

²⁰ Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии гатчинских войск. СПб., 1851. С. 124.

Также об участии Х. Л. Эйлера в разработке конструкции орудий Ратч пишет в другой своей работе: Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. Собранные Василием Ратчем. [СПб., 1864.] С. 82.

²¹ Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии гатчинских войск. С. 124–125.

²² Шкатов. Русская артиллерия во второй половине XVIII века: отчет по теме № 154-52-10 / НИИ-1 Командующего артиллерией. Л. 1953 [Машинописный текст]. С. 204. О рукописи см. подробнее: Игошин К. Г. О русском единороге. К вопросу о разработке и развитии единорогов как артиллерийской системы. С. 78.

²³ Родзевич В. М. Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования. 1712–1912 гг. СПб., 1914. С. 137–143.

²⁴ НА ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ). Д. 5607. Л. 5–5об.

²⁵ Родзевич В. М. Историческое описание С.-Петербургского арсенала. С. 340.

²⁶ НА ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская (Инсп.). Д. 733. Л. 202 об.–203.

²⁷ ПСЗРИ. Т. 30. № 24009; Артиллерийский журнал. 1809. № 4. С. 64–68.

²⁸ НА ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 43.

²⁹ Хозиков В. И. Завод Грейсона – первое специализированное частное военное предприятие Санкт-Петербурга // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. СПб., 2016. Ч. V. С. 233–245.

³⁰ Милютин Д. А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. СПб., 1853. Т. 5. С. 57, 361.

³¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/1596. Т. 2. Ч. 1. Св. 2. Д. 35. Л. 1–1об.

³² Подробнее об этом см.: Игошин К. Г. Британские орудия на вооружении российской полевой артиллерии в эпоху наполеоновских войн // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. СПб., 2016. Ч. II. С. 390–403.

³³ Игошин К. Г. Эволюция конструкции стволов орудий российской полевой артиллерии в период 1805–1812 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Вторая Международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. I. С. 301–315.

³⁴ См., например: Панчулидзе С. А. История Кавалергардов 1724–1799–1899. СПб., 1901. Т. 2. С. 189.

³⁵ Монж Г. Искусство лить пушки. СПб., 1804. Переводчиками были чиновники Артиллерийской экспедиции Адмиралтейств-коллегии П. И. Раткевич и И. А. Горбовский. Французский оригинал: Monge G. Description de l'art de fabriquer les canons, faite en exécution de l'arrêté du comité de salut public, du 18 pluviôse de l'an 2 de la République française, une et indivisible / Par Gaspard Monge. Paris, [1794].

³⁶ ПСЗРИ. Т. 30. № 23300.

³⁷ Scheel Н.О. Mémoires d'artillerie, contenant l'artillerie nouvelle, ou les changemens faits dans l'artillerie françoise en 1765: Avec l'Exposé et et l'analyse des objections qui ont été faites à ces changemens / Recueillis par M. de Scheel, capitane au Corps de l'artillerie en Dannemarck. À Copenhague, 1777.

³⁸ В 1802 г. Гогель уже обращал на себя внимание государя поднесением ему перевода с немецкого книги саксонского офицера и известного военного писателя И. Г. Тильке «Нужнейшия познания инженеру и артиллеристу в поле», которая была издана в Петербурге в 1803 г.

³⁹ НА ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Генеральное повытье. Д. 1922. Л. 1, 13, 16.

⁴⁰ Артиллерийския записки касательно Новой артиллерии, или перемен во французской артиллерии с 1765 года последовавших. Изданныя артиллерии капитаном Шелем. А с французскаго на российской язык переведенныя артиллерии полковником Гогелем 2. В Москве 1804 года. Т. I–II. СПб., 1807.

⁴¹ НА ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. ШГФ. Д. 5498. Л. 91–91 об.

⁴² Там же. Оп. Инсп. Д. 764. Л. 46–56 об.

⁴³ Все эти поступки изрядно способствовали карьере Гогеля: в октябре 1806 г. он был назначен директором Пажеского корпуса (взамен умершего брата) и примерно тогда же вошел в состав Артиллерийского комитета, где вскоре стал главным присутствующим.

⁴⁴ Маркевич А. И. Новые легчайшие и вернейшие способы ставить диоптры и мушки на артиллерийских орудиях и наводить оныя на градусы, с приобщением разсуждения о прицеливании орудий, высоте и виде мушек и диоптров на оных; предложены артиллерии майором Маркевичем. СПб., 1799. С. 29–31.

⁴⁵ Игошин К. Г. Развитие боеприпасов отечественной артиллерии в период наполеоновских войн // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. СПб., 2014. Ч. II. С. 194–210.

⁴⁶ Маркевич А. И. Руководство к артиллерийскому искусству для употребления их императорских высочеств государей и великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича. СПб., 1820. Т. I. С. 212, 217.

⁴⁷ Резвой О. П. Артиллерийския записки, составленные Инспектором классов Артиллерийского училища полковником Резвым, для преподавания Его императорскому высочеству Великому князю Константину Николаевичу. СПб., 1844. Ч. I. С. 59–60.

⁴⁸ Справочная книжка генерала Т. д'Ур্তুби (d'Urtubie или после революции Durtubie) «Manuel de l'artilleur» издавалась Париже неоднократно с 1785 по 1795 гг. Нам не известно, каким именно изданием пользовались члены Артиллерийского комитета, но, судя по написанию фамилии автора, это было издание 1790-х гг.

⁴⁹ НА ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 18. Л. 1, 3–6.

⁵⁰ Гогель И. Г., Фицтум И. И., Гебгард К. К. Основания артиллерийской и понтонной науки, изданныя председателем Военнаго ученаго комитета генерал майором Гогелем 1 и членами онаго полковником Фицтумом и подполковником Гебгардом 1. СПб., 1816. Ч. I–II; Маркевич А.И. Руководство к артиллерийскому искусству. СПб., 1820. Т. I.

⁵¹ Fave I. Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie, ouvrage continué sur le plan de l'empereur par Favé. T. IV. Histoire des progress de l'artillerie. Livre II. Paris, 1863. P. 138.

⁵² Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 166; Kiley K. F. Artillery of the Napoleonic Wars, 1792–1815. London, 2004. P. 36–37.

⁵³ Нилус А. А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904. Т. I. С. 250, 273; Юркевич Е. И. 1) Развитие материальной части артиллерии и инженерной команды Гатчинских войск. С. 357; 2) Артиллерия Гатчинских войск великого князя Павла Петровича (1783–1796). С. 590.

⁵⁴ Деккер К. История артиллерии от ее происхождения до 1822 года. Сочиненная Деккером. Перевел с немецкого С. Маркевич, Втораго Кадетскаго Корпуса Капитан. СПб., 1833. С. 178.

⁵⁵ Dawson A. L., Dawson P. L., Summerfield S. Napoleonic Artillery. Ramsbury, 2007. P. 224–225.

⁵⁶ История отечественной артиллерии. М., 1960. Т. 1, кн. 2. С. 196.

⁵⁷ Краткия артиллерийския записки, для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах. СПб., 1789. С. 60–61.

⁵⁸ Юркевич Е. И. Артиллерия гатчинских войск великого князя Павла Петровича (1783–1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII – 1-й четверти XIX веков. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. [На правах рукописи]. С. 294–309.

⁵⁹ Маркевич А. И., Плотто К. К. Чертежи всем полковым и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий. Сочинены по Высочайшему повелению Его Императорскаго Величества в правление артиллерию его сиятельства всей артиллерии инспектора графа Аракчеева. СПб., 1805. Чертежи 19, 20. Фигуры С и D.

⁶⁰ Маркевич А.И., Плотто К.К. Чертежи всем легким и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий. 1805 года. Сочинены по Высочайшему повелению Его Императорскаго Величества в правление артиллерию его сиятельства всей

артиллерии инспектора графа Аракчеева. Ныне Военным Ученым комитетом вторым тиснением изданы с переменами после первого издания последовавшими. СПб., 1817. Чертежи 22, 23. Фигуры С и D.

⁶¹ Гогель И. Г., Фицтум И. И., Гебгард К. К. Основания артиллерийской и понтонной науки. Ч. I. С. 108.

⁶² Маркевич А. И. Руководство к артиллерийскому искусству. СПб., 1820. Т. I. С. 24–25.

⁶³ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Арсенальная (Арс.). Д. 2318. Л. 5–6.

⁶⁴ Игошин К. Г. Материальная часть российской полевой артиллерии в эпоху Наполеоновских войн. 1805–1815. Ч. 2 // Старый цейхгауз. 2013, № 3(53). С. 6.

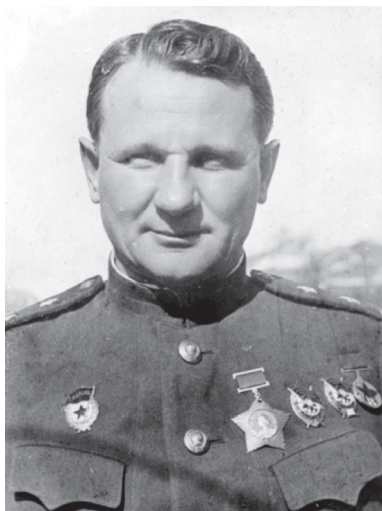
⁶⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Арс. Д. 2318. Л. 19 об.

⁶⁶ Игошин К. Г. Развитие боеприпасов отечественной артиллерии в период наполеоновских войн. С. 207–208.

В. В. Изонов (Москва)

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВОТАНКОВЫХ РЕЗЕРВОВ 6-й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ В ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 5–8 ИЮЛЯ 1943 г.

80 ЛЕТ МИНУЛО с той поры, когда залпы советской артиллерии возвестили всему миру о начале Курской битвы. Артиллерия Красной армии блестяще сыграла роль щита и ударного кулака при разгроме отборных танковых и моторизованных дивизий врага. В блестящую победу советских Вооруженных сил в битве под Курском артиллеристы внесли свой достойный вклад.



Ил. 1. Командующий 6-й гвардейской армией гвардии генерал-лейтенант И. М. Чистяков

После Сталинградской битвы Красная армия, перейдя в общее наступление, продолжала наносить непрерывные удары по вражеским войскам, гнала их прочь с советской земли. В центре советско-германского фронта в рассматриваемое время образовался выступ (Курская дуга) глубиной около 150 км и шириной до 200 км, устремленный в западную сторону. В период оперативной паузы с апреля по июнь 1943 г. стороны активно, в строгой секретности готовились к летней кампании.

6-я гвардейская армия (командующий – гвардии

генерал-лейтенант И. М. Чистяков (ил. 1)) имела в своем составе семь стрелковых дивизий (67-я, 71-я, 90-я, 51-я, 52-я и 89-я гвардейские, 375-я стрелковая) и одну 96-ю танковую бригаду. При этом в первом эшелоне оборонялось четыре дивизии, во втором – три. Решением Военного совета Воронежского фронта армия усиливалась накануне наступления противника десятью истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками и двумя бригадами¹. При этом восемь из этих полков придавались соединениям первого эшелона, а 27-я (командир подполковник Н. Д. Чеволла (ил. 2)) и 28-я (командир майор В. П. Косачев (ил. 3)) истребительно-противотанковые бригады РВГК (каждая в составе двух истребительно-противотанковых артиллерийских полков), 493-й и 496-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки составляли противотанковый артиллерийский резерв армии, в котором всего насчитывалось шесть полков и 128 орудий. Резерв был разбит на четыре группы, которые располагались в четырех районах, где держали оборону стрелковые дивизии первого эшелона, с удалением от наиболее вероятных направлений



Ил. 2. Командир 27-й истребительно-противотанковой бригады РВГК подполковник Н. Д. Чеволла



Ил. 3. Командир 28-й истребительно-противотанковой бригады РВГК майор В. П. Косачев



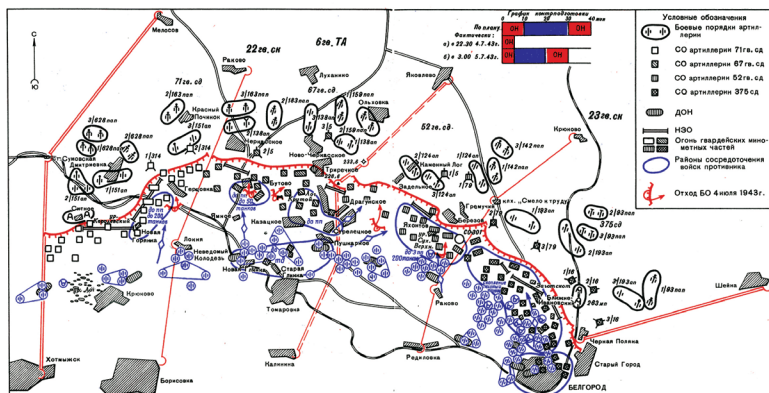
Ил. 4. Командующий артиллерией 6-й гвардейской армии гвардии генерал-майор Г. А. Макаров

их применения от 2 до 18 км. Средняя плотность противотанковой артиллерии в 64-километровой полосе обороны армии составляла 9 орудий на 1 км фронта². В соответствии с указаниями командующего артиллерией 6-й гвардейской армии гвардии генерал-майора Г. А. Макарова (ил. 4) для проверки возможности реализации плана маневра противотанкового резерва нередко проводились тренировочные выезды некоторых его батарей на намеченные заранее рубежи развертывания.

Штаб артиллерии Воронежского фронта с целью ослабления силы возможного первого удара врага, который изготовился к наступлению, в полосе обороны 6-й гвардей-

ской армии заранее спланировал артиллерийскую контрподготовку. 4 июля в 22.30 в полосе объединения был осуществлен пятиминутный огневой налет по 46 объектам, в том числе 17 районам сосредоточения танков и пехоты врага, 12 артиллерийским батареям, 17 наблюдательным пунктам и ряду других выявленных целей³.

5 июля в 3 часа ночи артиллерийская контрподготовка была проведена согласно плану в полном объеме в течение 25 мин. При этом в ходе контрподготовки артиллеристы израсходовали до половины боекомплекта боеприпасов. К контрподготовке кроме штатной артиллерии привлекалась и артиллерия соседней 40-й армии (командующий – генерал-лейтенант К. С. Москаленко). Всего в ней участвовало 686 орудий и минометов. Реальные результаты контрподготовки доподлинно неизвестны, явно не достает документального материала. В настоящее время российские исследователи уже не повторяют завышенные цифры потерь противника в живой силе и танках в результате контрподготовки.



Ил. 5. Копия схемы огня и боевого порядка артиллерии 6-й гв. армии в контрподготовку 4 и 5 июля 1943 г.

Очевидно, что огонь советской артиллерии пришелся по укрытой живой силе противника⁴. Безусловно, какой-то урон в живой силе и боевых машинах был нанесен. Кроме того, была нарушена проводная связь, что в некоторой мере затруднило управление огнем в ходе артиллерийской подготовки.

Учитывая данные войсковой разведки, командующий армией гвардии генерал-лейтенант И. М. Чистяков до начала наступления вражеской группировки приказал передать из резерва объединения в распоряжение командира 71-й гвардейской стрелковой дивизии (гвардии полковник И. П. Сиваков) 493-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, который к 3.30 5 июля занял боевой порядок в районе Коровино, Черкасское.

Известно, что 5 июля в 6.00 противник перешел в наступление на двух направлениях. Так, главный удар был нанесен в полосе 6-й гвардейской армии силами двух танковых корпусов 4-й танковой армии (командующий – генерал-полковник Г. Гот). При этом в полосе армии враг нанес удар одновременно на двух участках фронта: Коровино, Черкасское шириной 6 км, где наступало до 300 танков и штурмовых орудий 48-го танкового корпуса (генерал танковых войск О. фон Кнобельсдорф), и Задельное, Березов шириной 6 км, где атаковало около 400 боевых машин II танкового корпуса СС (командир обергруппенфюрер СС П. Хауссер) (ил. 5). В первом эшелоне ударной группировки генерал-полковника Г. Гота наступали четыре танковые

(3-я, 11-я, «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх»), одна моторизованная («Великая Германия») и две пехотные (167-я, 332-я) дивизии. Генерал-полковник Г. Гот решил прорываться вдоль крупных грейдерных дорог. Рывок вдоль них позволял обойти хорошо укрепленные поймы рек Воркслы и Ворсклицы, не ввязываться в тяжелые бои, а окружить в этом районе войска 6-й гвардейской армии.

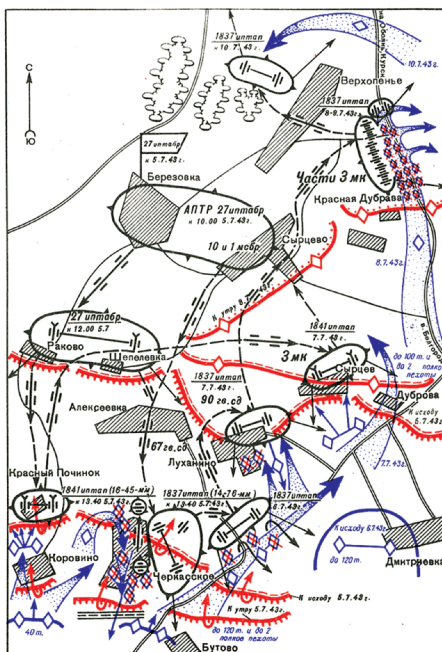
Следует подчеркнуть, что при примерно равном общем соотношении в бронетехнике в полосе армии врагу на участках прорыва в пределах тактической зоны обороны удалось создать 5–6-кратное превосходство в танках. Кроме того, на намеченных участках прорыва противник сосредоточил огонь основной массы артиллерии, создав 2–3-кратное превосходство в артиллерии и минометах. Соединения 48-го танкового корпуса поддерживало до 100 самолетов, 2-го танкового корпуса СС – до 400 самолетов. При этом важно подчеркнуть, что приданная 6-й гвардейской армии 26-я зенитная артиллерийская дивизия РВГК, имевшая в своем составе 80 орудий различного калибра и 62 зенитных пулемета, не смогла отразить столь массированных налетов в полосе шириной 64 км⁵.

После нанесения артиллерийского и авиационного удара по огневым средствам обороняющихся противник предпринял первую атаку в направлении на Черкасское, которая была отражена. В отчете штаба Воронежского фронта отмечается, что «широко развитая система траншей и убежищ в нашей обороне» привела к незначительным потерям в живой силе от артиллерии и авиации⁶. Вскоре противник, несмотря на большие потери, наращивая усилия, начал вторую атаку в том же направлении силами до двух пехотных полков со ста танками. В ходе атаки враг широко применял дымовые завесы на фронте 1,5–2 км для ослепления командных и наблюдательных пунктов обороняющихся и прикрытия своих выдвигающихся воинских частей и подразделений. Противотанкисты снова открыли сосредоточенный огонь и подбили 10 вражеских боевых машин, однако около 40 танков все же прорвались западнее Черкасского, где были остановлены сосредоточенным огнем артиллерии. Оставшиеся танки и пехота врага, отсеченные огнем артиллерии, с потерями отошли на юг. На это направление для усиления штаб артиллерии армии выдвинул 496-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, а затем 27-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую

бригаду из противотанкового резерва армии. В результате плотность противотанковой артиллерии увеличилась с 9–11 до 15–20 орудий на 1 км фронта⁷ (ил. 6)

Почти одновременно в район Быковки по приказу командующего армией подошла из противотанкового резерва 28-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада с задачей задержать продвижение танков врага, прорвавшихся в район Березова в полосе соседней 52-й гвардейской стрелковой дивизии (командир гвардии полковник И. М. Некрасов). К сожалению, распоряжение гвардии генерал-лейтенанта И. М. Чистякова не было реализовано в полном объеме. Как потом выяснилось, бригада имела 50%-ный комплект средств тяги. Те батареи, которые имели автотранспорт, опоздали с выходом на назначенные рубежи из-за непрерывных бомбежек⁸. К этому времени противотанковые полки, приданные гвардейцам, потеряли почти половину огневых средств⁹. Соединение гвардии полковника И. М. Некрасова, лишённое поддержки противотанкистов, под натиском противника оставило важный опорный пункт.

Следует отметить, что во второй половине дня враг продолжил наступление крупными силами боевых машин в обход Черкасского одновременно с востока и запада. В ожесточенном бою за Коровино и Черкасское противотанковая артиллерия подбила и уничтожила до 80 вражеских танков и штурмовых орудий.



Ил. 6. Маневр противотанкового резерва 6-й гв. армии 27-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады и бой с танками противника с 5 по 10 июля 1943 г.



Ил. 7. Командир 1-й батареи 1837-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка майор Н. Е. Плысюк

Поучительными в этих оборонительных боях явились действия 27-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады подполковника Н. Д. Чеволы. В то время, когда колонна из 30 вражеских танков подошла к Черкасскому, 1-я батарея 1837-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка (командир майор Н.Е. Плысюк (ил. 7)) открыла по ним огонь с дистанции не менее 1000 м и сразу подбила три танка. Получив жесткий отпор, колонна танков вынуждена была повернуть в северном направлении с целью обойти Черкасское с севера. Оценив обстановку, командир 1-й батареи решил параллельно ей двинуть свое подразделение. И как только боевые машины врага, обходя Черкасское, подставили свои борта, батарея не замедлила развернуться и с ходу открыла по ним меткий огонь. Следует отметить, что почти одновременно открыли огонь также 3-я и 5-я батареи. Как бывало не раз, артиллеристы первыми выстрелами подожгли 10 танков, а остальных принудили отойти и скрыться в ложине. Всего в этом бою противотанкисты под командованием майора Н. Е. Плысюка уничтожили «танков средних – 30, танков Т-6 «тигр» – 5, пушек самоходных – 1, автомашин – 11, вражеских солдат и офицеров – 330»¹⁰. За этот бой командир полка был удостоен ордена Ленина.

Немаловажную роль сыграл командир бригады, который, достоверно выяснив направление подготавливаемой новой атаки противника, принял решение ночью перебросить оба полка в район южнее Луханина. Утром 6 июля танковая колонна противника предприняла попытку двинуться по дороге на Дубраву и, попав под фланговый огонь 1837-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, потеряла 12 танков, после чего вынуждена была отойти на исходный рубеж.

В это время командующий армией, разгадав замысел противника, в ночь на 8 июля распорядился перебросить бригаду в район Верховенья. Как свидетельствуют документы, все батареи 1837-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка оперативно заняли хорошо замаскированные огневые позиции вдоль шоссе на расстоянии не более 500 м от него. При этом два 76-мм орудия из четырнадцати были выставлены отдельно у шоссе с задачей открыть огонь по танкам с дальности до 2000 м, для того чтобы привлечь на себя их внимание.

Противник по-прежнему продолжал атаковать позиции противотанкистов. Так, утром 8 июля два полка мотопехоты противника при поддержке до 100 танков и штурмовых орудий начали наступление вдоль шоссе на север. При этом два так называемых «заигрывающих» орудия противотанкистов с дистанции 2000 м открыли огонь по головным вражеским танкам. Огнем из танков противник сумел уничтожить оба орудия с расчетами и устремился вперед, не обнаружив расположенных и хорошо замаскированных на его фланге батарей полка. Затем, когда колонна втянулась в сектор обстрела, все батареи одновременно открыли внезапный фланговый огонь. Дальнейшие события развивались стремительно. Так, в течение 8 минут полк подбил и сжег 29 танков и 7 штурмовых орудий противника¹¹. В результате вражеская атака была сорвана.

После войны по инициативе местных органов власти и ветеранских организаций на месте гибели героических расчетов двух орудий установлен памятник артиллеристам 6-й гвардейской армии как символ доблести противотанкистов.

Всего с 5 по 9 июля 27-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада уничтожила 66 танков, из них 14 танков Т-VI и штурмовых орудий противника, потеряв при этом 19 орудий с расчетами. В данном случае опыт боев показал, что создание огневого мешка стало основной формой действия групп орудий и лучшим способом наиболее эффективного использования их огня. Гвардии подполковник Н. Д. Чевола за мужество и героизм, умелое руководство соединением в этих боях был награжден орденом Ленина.

Прорвавшиеся в глубину обороны танки и штурмовые орудия противника, пытавшиеся «утюжить» окопы, стрелки уничтожали противотанковыми гранатами РНГ-40 и бутылками с зажигательной смесью «КС». На переднем крае и в глубине обороны

воинских частей первого эшелона умело действовали 5-я и 95-я отдельные роты фугасных огнеметов. Особенную стойкость проявили воины взвода лейтенанта З. Ф. Фасхиева из 95-й отдельной роты фугасных огнеметов (командир роты старший лейтенант Пахомов) на подступах к населенному пункту Быковка. 5 июля взвод «уничтожил 7 танков и до 40 солдат и офицеров». Продвижение противника было остановлено на 1,5 часа. За личное мужество и умелое руководство подразделением командир взвода был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

Для борьбы с вражескими танками в первый день наступления применили эффективное в рассматриваемое время средство: собачья истребительная рота танков. Так, одна из рот 27-го отдельного батальона собак-миноискателей и истребителей танков (командир роты капитан Н. Д. Шишов) действовала на переднем крае в полосе обороны 52-й, 67-й гвардейских и 375-й стрелковых дивизий повзводно. Например, 5 июля «четвероногие бойцы» взвода лейтенанта А. Г. Лисицына в районе Черкасского «при отражении ожесточенных атак танков и пехоты противника... подорвали 4 танка противника и истребили до 150 солдат и офицеров противника»¹². За личное мужество и умелое руководство подразделением командир взвода был награжден орденом Красного Знамени. 27-й отдельный батальон собак-миноискателей и истребителей танков в период ожесточенных боев 4–12 июля на белгородском направлении подорвал собаками 15 танков¹³.

В составе 52-й гвардейской стрелковой дивизии успешно действовал 133-й отдельный батальон противотанковых ружей.

Таким образом, опыт ожесточенных оборонительных боев 5–8 июля 1943 г. показал, что наличие сильного противотанкового резерва позволило командующему 6-й армией гвардии генерал-лейтенанту И. М. Чистякову в результате своевременного маневра воинскими частями резерва значительно повысить плотности противотанковых средств на угрожаемых направлениях, а потом во взаимодействии с огнем стрелковых подразделений и воинских частей, а также танков успешно парировать массивные атаки танков противника.

¹ См.: Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны: В 2 т. М.: Воениздат, 1961. Кн. 2. С. 157.

² Перельский Г. Е. и др. Артиллерия в бою и операции. М.: Воениздат, 1980. С. 106.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 335. Оп. 5122. Д. 109. Л. 121.

⁴ См.: Лопуховский Л. Н. Прохоровка без грифа секретности. М.: Яуза Эксмо, 2012. С. 71–79.

⁵ Хазанов Д. Б., Горбач В. Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Оборонительный период. М., 2004. С. 109.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 362. Оп. 2673. Д. 120. Л. 205.

⁷ Передельский Г. Е. и др. Артиллерия в бою и операции. С. 107.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 9700. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 5.

⁹ Там же. Ф. 3413. Оп. 1. Д. 26. Л. 155 об.

¹⁰ Интернет-ресурс: <http://podvignaroda.ru/?#id=12096317&tab=navDetailManAward> (дата обращения – 17.01.2023 г.).

¹¹ Бирюков Г. Ф., Мельников Г. В. Борьба с танками. М.: Воениздат, 1967. 184 с.

¹² Интернет-ресурс: <http://podvignaroda.ru/?#id=17395408&tab=navDetailDocument> (дата обращения – 20.01.2023 г.).

¹³ Интернет-ресурс: <http://podvignaroda.ru/?#id=16879651&tab=navDetailManAward> (дата обращения – 20.01.2023 г.).

Т. Н. Ильина, А. Н. Митяев (Санкт-Петербург)

**ПУШКИ В. С. БАРАНОВСКОГО.
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ.
КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ***

Часть III. 2,5-дюймовые пушки В. С. Барановского

**Глава 1. Работа над новым образцом скорострельной пушки.
1875–1877. Сталь или бронза. Выбор калибра**

Этап работы с 2-дм пушкой завершился. Уникальное оружие переходного периода от ружья к пушке отправилось в Артиллерийский музей.

Наступил новый этап работы комиссии, в ходе которого предстояло ответить на следующие вопросы: какой калибр орудия все же следует избрать – 2,5-дм или 3-дм; какие стволы орудий изготовить – стальные или бронзовые? Предстояло доработать конструкции затворов и боеприпасов, устранив выявленные недостатки.

Важнейшей проблемой оставались свойства металла. 16 марта 1875 г. полковник Лавров обратился в Артком: со времени водворения у нас сталепушечного производства наши заводы добились многих усовершенствований. Обуховский завод много потрудился для улучшения качества металла. По заявлению приемщика орудий на этом заводе полковника Н. В. Калакуцкого¹, ему нередко удается видеть ныне на заводе

¹Первая и вторая части материала опубликованы: Ч. I, гл. 1 и 2; Ч. II, гл. 1 – в сборнике «Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной практической конференции 12–14 мая 2021 г.»; СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. Ч. 2. С. 109–136; Ч. II, гл. 2 и 3 – в «Сборнике исследований и материалов ВИМАИВиВС». Вып. XII. СПб.: ВИМАИВиВС, 2022. С. 39–82. Номера иллюстраций во всех статьях продолжают по единой нумерации.

образцы стали настолько вязкие и тягучие, что эти образцы при их растягивании удлиняются перед разрывом до 30 % своей первоначальной длины. Орудия из такого металла были бы так же безопасны, как и бронзовые, но он не употребляется для их изготовления, поскольку предел упругости (предел прочного сопротивления) такой стали весьма низок.

А. С. Лавров предложил для мягкой стали применить метод продавливания к приготовлению стальных скрепляющих колец и самих стволов, чтобы «как увеличить предел прочного сопротивления стали в этих предметах, так и уничтожить вредные натяжения, которые могут быть наведены наружною ковкою, что, сколько известно, составляет одну из основных причин ненадежности стальных орудий, не скрепленных кольцами. Более чем вероятно, что стальной ствол после обработки его продавливанием получит полезные натяжения, т. е. примет структуру скрепленного орудия. В кольцо прогоняют последовательно пуансоны. Результаты подобных опытов опубликованы в февральском номере "Revue d'artillerie". Способ продавливания с успехом можно применить к приготовлению 2,5-дм пушек. Можно было бы заказать несколько болванок для этих орудий из самой мягкой стали (с окончательным удлинением не ниже 25 %) на Обуховском заводе, и, убедившись, что металл этих болванок действительно имеет требуемые качества, приготовить из них орудия с продавливанием канала, исполнив эту работу на прессе, который ныне имеется в виду установить в Петербургском арсенале»².

Рассмотрев это письмо, генерал А. А. Баранцов указал изготовить на Обуховском заводе две ствольные болванки из самой мягкой стали, а испытание 2,5-дм стальной скорострельной пушки с медной оболочкой калибром 53,4 (63,5 мм), длиной ствола 60 дм (152,4 см), длиной оболочки 24 дм (61 см) отложить до особого распоряжения³.

С. К. Каминский продолжал испытания стрельбой из стальной 2,5-дм пушки. К 28 марта 1875 г. из нее было сделано 510 выстрелов. На 510-м сломалась внутренняя стальная трубка затвора. Для ремонта использовали трубку от разорвавшейся пушки. Из медной пушки к этому времени сделали всего 200 выстрелов. Ее наложили на лафет от разорвавшейся стальной пушки, сделали 25 выстрелов, после чего отломался якорь. Всего с этого лафета до поломки якоря было сделано 679 выстрелов.

В. С. Барановский не оставлял надежды увеличить калибр орудия. 2 апреля он отправил докладную записку о том, что может изготовить: «3-дм стальную скорострельную пушку моей системы за 2500 рублей, стальной лафет к ней с дугообразной стальной осью и колесами с бронзовыми ступицами за 1000 рублей. Передок на рессорах с укладкой 42-х 3-дм патронов – за 750 рублей. Такой же передок с укладкой 45 2,5-дм патронов – 750 рублей. 3-дм гранат обыкновенных с медными поясками – по 4 рубля. 3-дм картечные гранаты из железа и чугуна – по 7 рублей. 3-дм жестяные патронные гильзы системы полковника Каминского – по 2 рубля. Обуховский сталелитейный завод обещает изготовить заказ за два месяца. Передки на заводе Осберга и Баде в Гельсингфорсе будут готовы к 1 июля сего года».

В ГАУ рассмотрели предложение В. С. Барановского. Для изготовления всего перечисленного Владимиром Степановичем требовалось 9000 рублей. В свое время отказались от изготовления 3-дм медной скорострельной пушки, вместо нее заказали 2,5-дм пушку, поскольку необходимо было решить вопрос о металле для одноствольных скорострельных пушек системы Барановского, а для этого требовалось сравнение одинаковых орудий. Проведенные стрельбы из 2,5-дм стальной и бронзовой пушек показали, что обе могут стрелять без отката. Теперь встал вопрос, при каком наибольшем калибре орудий можно стрелять без отката. Поэтому ГАУ решило изготовить 3-дм пушку, обратилось в Военный Совет и получило требуемую для заказа сумму.

14 мая 1875 г. В. С. Барановский получил заказ на изготовление: 3-дм стальной пушки, лафета к ней, передка к лафету с укладкой 42 патронов, 300 обыкновенных гранат, 200 картечных гранат, 500 гильз и лафетного передка к 2,5-дм пушке с укладкой 45 патронов.

5 апреля того же 1875 г. С. К. Каминский получил распоряжение начальника ГАУ генерала А. А. Баранцова: «Признавая, что со стороны г. Барановского сделано уже все, касающееся выработки образца предложенной им одноствольной 2,5-дм скорострельной пушки, предлагаю Вам заняться окончательной выработкой в артиллерийском отношении образца означенного орудия»⁴.

31 мая С. К. Каминский рапортовал в Артком: стальная 2,5-дм пушка, состоящая на Волковом поле и изготовленная на Обуховском заводе, снабжена скользящим поршневым

затвором. Пушка эта выдержала 530 выстрелов, причем ни в канале, ни в камере ее не произошло никаких изменений. Запирающий механизм этого орудия оказывается не вполне удовлетворительным и уступающим механизму, приспособленному к медной 2,5-дм пушке.

Медная 2,5-дм пушка, скрепленная в казенной части стальной цилиндром, после 200 выстрелов получила в камере заметное расширение и выгорание. Местами камора увеличилась до 7,5 точек.

В результате, писал Каминский, ни 2,5-дм стальная, ни 2,5-дм медная пушки не годятся для сравнительных опытов с заказанной Обуховскому заводу 3-дм пушкой. Для такого сравнения хотелось бы иметь исправную пушку 2,5-дм калибра с механизмом более удобным, чем у ныне существующей стальной.

В ответ на это обращение А. А. Баранцов приказал разработать проект заказа Обуховскому заводу стальной 2,5-дм пушки с механизмом, который В. С. Барановский спроектировал для 3-дм пушки.

В. С. Барановский, находясь за границей, узнал, что обе пушки уже не годятся для дальнейших испытаний, и заказал за свой счет в Карлсруэ Машиностроительному обществу одну 2,5-дм стальную скорострельную одноствольную пушку своей системы с усовершенствованным запирающим механизмом, 300 обыкновенных гранат с медными поясками и 300 гильз. Стоимость заказа составила 3125 рублей.

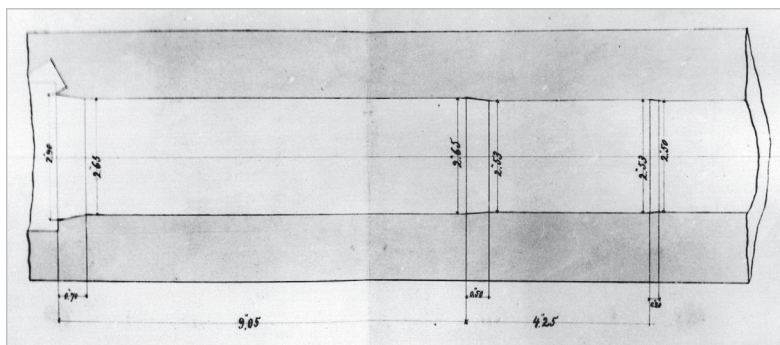
Генерал А. А. Баранцов поддержал Барановского, предложив закупить пушку с патронами за казенный счет. Военный Совет рассудил: «хотя завод Карлсруэского Машиностроительного общества пользуется известностью и отличается доброкачественностью своих изделий, во всяком случае, при удачном исходе опытов над 2,5-дм одноствольными скорострельными пушками и при решении ввести такие орудия в состав нашей полевой артиллерии, мы ни каким образом не должны ставить наше вооружение даже в самую ничтожную зависимость от заграничных заводов»⁵.

Руководствуясь этим незыблемым правилом, ГАУ и Военный Совет решили карлсруэские изделия купить, но заказать и Обуховскому заводу такую же пушку с усовершенствованным запирающим механизмом, а заводу Барановского – 500 гранат и 500 гильз.

Для исправления 2,5-дм пушки Барановского С. К. Каминский предложил внести в ее конструкцию следующие изменения: на ствол поместить обыкновенный прицел и мушку, что важно и для поверки, насколько волосяное перекрестие прицельной зрительной трубки может нарушиться от стрельбы. Увеличить камору в стволе орудия, сделав ее с двумя скатами, поскольку при нынешней каморе в ней помещается только небольшая часть снаряда со свинцовым пояском у дна, а большая часть – в нарезной части ствола. Кроме того, считал Каминский, надо сделать так, чтобы снаряд входил в нарезную часть ствола с наименьшим зазором. При зазоре в одну точку⁶ его быстро заполняет пороховой нагар, снаряд приходится вгонять. Когда зазор увеличили до двух точек, то нарушилось центрование снаряда, следовательно, ухудшилась меткость стрельбы. Чугунный корпус снарядов врезался в нарезы, что «вредно для прочности нарезов».

Каминский предложил диаметр снаряда уменьшить на 5 точек, чтобы диаметр снаряда был менее калибра орудия на 7 точек. Кроме того, он предложил облить цилиндрическую часть снаряда твердой свинцовой оболочкой с двумя поясками, из которых передний меньшего диаметра служит для направления движения передней части снаряда, задний поясок – для придания снаряду вращения. Свинцовая оболочка нужна для того, чтобы чугун не касался нарезов. На испытаниях у медной пушки, кроме выгорания и расширения каморы, еще на 220-м выстреле сломался центральный стержень затвора, у стальной пушки это произошло на 510-м выстреле, что говорило о закономерности. Заводу Л. Нобеля поручили усилить части каморы в месте излома и внести остальные усовершенствования (ил. 62).

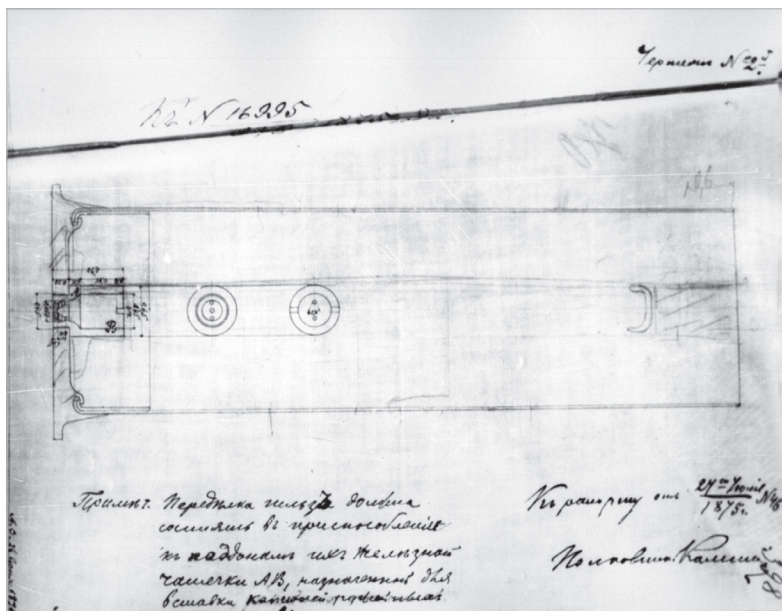
Надежная конструкция патронных гильз была одной из главных проблем создателей нового оружия. С самого начала опытов еще с 1,5-дм и 2-дм пушками к патронным гильзам В. С. Барановским были приняты капсули Гочкиса, привезенные из Вены Бродвелем. Когда они закончились, он стал использовать капсули, оставшиеся после опытов полковника Загоскина над 6-линейными картечницами. Но они приводили к частым осечкам и сквозным пробиваниям капсулей. Капсюльному отделу Санкт-Петербургского патронного завода поручили изготовление капсулей по образцу доставленных Бродвелем, но они



Ил. 62. Чертеж каморы с двумя скатами для медной и стальной 2,5-дм пушек. К рапорту Каминского от 16 июня 1875 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 146. Л. 379.

либо вовсе не взрывались, либо после 2–3 удара. С одобрения А. А. Баранцова 27 июня 1875 г. приняли следующие меры: решили испытать на 2,5-дм пушке новые капсюли Lowel, заказанные Барановским в Карлсруэ. Эти капсюли были испытаны компанией Гатлинга в Америке. Попытались добиться воспламенения порохового заряда гильзы с помощью обычной скорострельной трубки и испытать это на 2,5-дм пушке Обуховского завода. Капсюльному отделу Санкт-Петербургского патронного завода поручили заняться капсюлями, повышая их чувствительность и используя для этого специальный прибор, разработанный состоящим при ГАУ механиком Секстоном. Пока же решили использовать капсюли ружейных патронов, «приспособив к поддонам железные чашечки, чтобы эти капсюли вставлять». Военный Совет санкционировал расход 10 000 рублей на заказ двух стальных пушек Барановского (ил. 63–64).

27 июня 1875 г. загруженный тяжелой работой выше головы С. К. Каминский взмолился: «3-дм пушка на Обуховском заводе еще не нарезана, к ней еще не приспособлены ни прицел, ни затвор. 500 снарядов к этой пушке на заводе Л. Нобеля будут готовы только в первых числах августа. Передки к 2,5-дм и 3-дм пушкам, заказанные в Гельсингфорсе, по словам Осберга и Баде, доставят в Петербург около 15 июля. Только к концу июля исправят 2,5-дм медную и стальную пушки. Стальная 2,5-дм пушка прибудет из Карлсруэ в Петербург не ранее 15 августа, а 2,5-дм пушка Обуховского завода будет готова

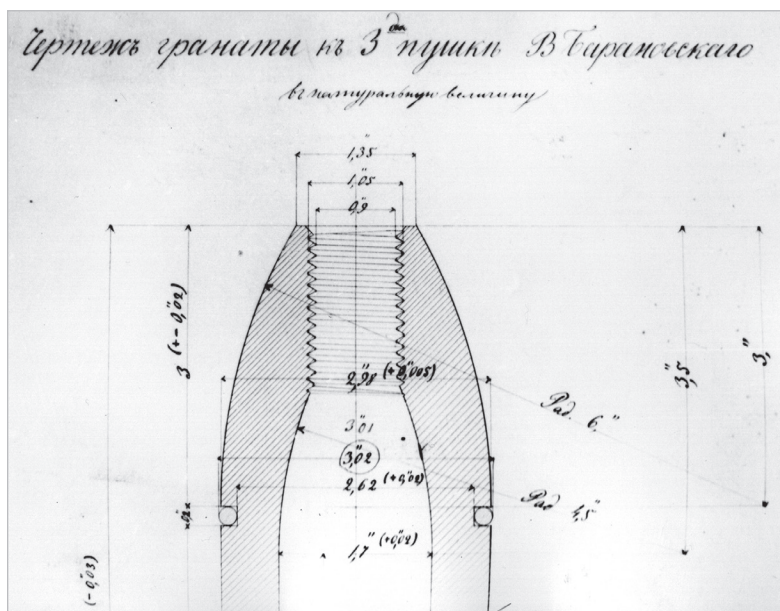


Ил. 63. Чертеж (калька). 2,5-дм гильза к рапорту Каминского от 24 июня 1875 г. Показана переделка гильзы: к поддону приспособлена железная чашечка (АВ), предназначенная для вставки капсюлей ружейных патронов. Подписан полковником Каминским. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 146. Л. 398.

значительно позже. Поэтому прошу отпустить меня 1–12 июля повидаться с семейством, проживающим Гапсале (город Хаапсалу)». Генерал А. А. Баранцов отпустил офицера в краткосрочный отпуск.

В это время работа кипела: Артком закупил у В. С. Барановского 2,5-дм стальную скорострельную пушку, изготовленную в Карлсруэ с усовершенствованным запирающим механизмом, 300 обыкновенных гранат и 300 гильз за 3125 рублей. Обращает на себя внимание, что адрес Владимира Степановича к этому времени изменился. Уведомление о закупке Артком отправил ему по адресу: СПб., Вознесенский проспект, дом 6, квартира 8.

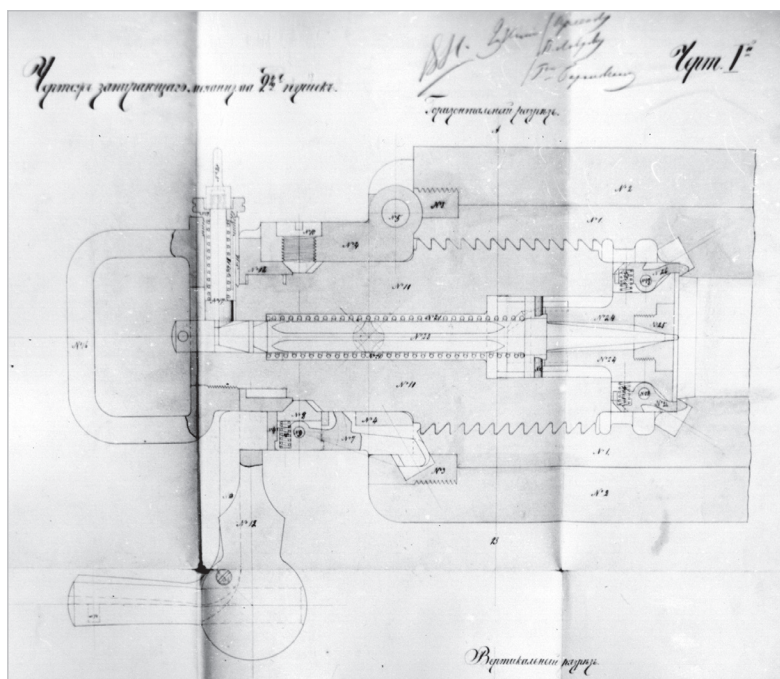
3 июля 1875 г. полковник Снегосорев рапортовал, что на заводе Л. Нобеля уже изготовлен из литой стали инструмент (17 предметов) для приготовления металлических гильз к 2,5-дм



Ил. 64. Чертеж гранаты к 3-дм пушке В. С. Барановского, им подписан. 1875 г. К рапорту полковника Каминского от 27 июня 1875 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 146. Л. 399.

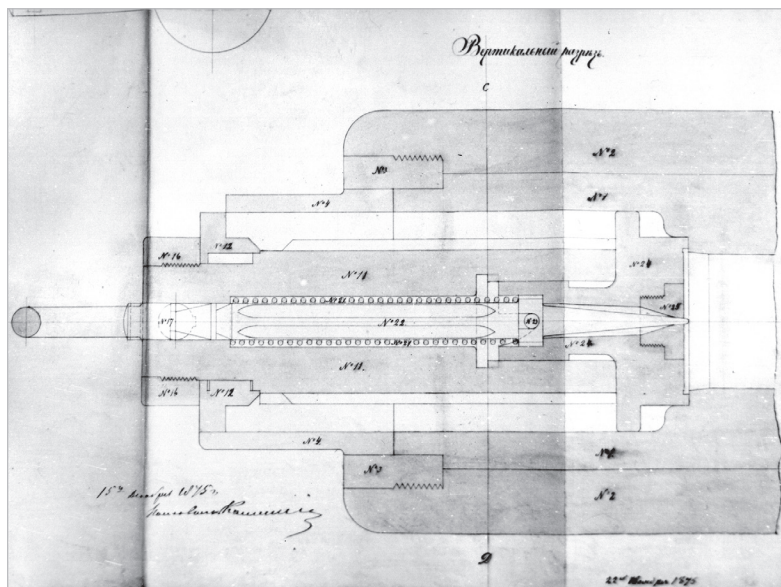
пушкам. ГАУ потребовало: «Вы уезжаете в отпуск на 11 месяцев, не оставляйте инструмент на заводе Нобеля, доставьте на Волково поле». 15 июля 1875 г. у Барановского приняли для испытаний 241 облитую свинцом картечную гранату, 100 облитых свинцом обыкновенных гранат и 100 гильз конструкции полковника Каминского. Обуховский сталелитейный завод приступил к изготовлению 2,5-дм стальной пушки по чертежу Барановского, объявив стоимость работ 2500 рублей серебром. 23 октября 1875 г. В. С. Барановский сдал С. К. Каминскому 3-дм стальную скорострельную пушку на стальном лафете, рессорный передок к ней и рессорный передок к 2,5-дм пушке. Все это обошлось ему в 5000 рублей серебром.

Уже 25 октября С. К. Каминский провел на Волковом поле стрельбы из всех полученных скорострельных пушек: 2,5-дм стальной, 2,5-дм медной и 3-дм стальной. На следующий день, 26 октября, он рапортовал А. А. Баранцову, что на третьем выстреле из пушки Обуховского завода сломался якорь



Ил. 65. Чертеж запирающего механизма пушки 2,5-дм калибра. Горизонтальный разрез. Составлен 22 ноября 1875 г. Подписан полковником Каминским 15 декабря 1875 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6 р. Оп. 3. Акт 106. Д. 46. Л. 5.

лафета; после 10 выстрелов на дальность 300 выстрелов обыкновенными гранатами и 5 выстрелов картечными, оказалось, что 3-дюймовый калибр слишком велик для стрельбы большими относительными зарядами без отката; уменьшение отката, производимое якорем у хобота лафета, чрезвычайно увеличивает вертикальный разлет снарядов; снаряды с передним ведущим проволочным пояском стреляют лучше, чем без него. Он говорил об этом Барановскому, но тот уже изготовил все 3-дюймовые гранаты без проволочного пояска; ни одна из пяти выстреленных 3-дм картечных гранат с корпусами из железной трубы не разбилась в канале; капсюли Лоуэля, выписанные господином Барановским из Америки, действовали очень хорошо: не дают осечек, как и наши ружейные капсюли, но и не пробиваются насквозь.



Ил. 66. Чертеж запирающего механизма пушки 2,5-дм калибра. Вертикальный разрез. Составлен 22 ноября 1875 г. Подписан полковником Каминским 15 декабря 1875 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6 р. Оп. 3. Акт 106. Д. 46. Л. 5.

На основании этих результатов Сергей Климентьевич пришел к выводу, что дальнейшее испытание 3-дм пушки будет весьма полезно для выяснения лучшего устройства снарядов и нарезов 2,5-дм пушек. Он просил В. С. Барановского сделать якорь на лафете отделяемым, чтобы провести стрельбу на меткость «на полном откате» – на дальность более 800 сажень (ок. 1800 м), а местному арсеналу поручили приспособить к 60 гранатам медные проволочные пояски по указанию полковника Лаврова.

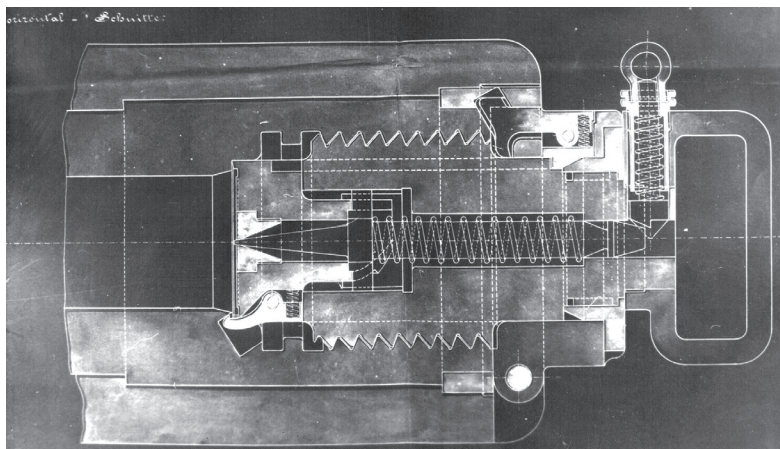
13 ноября 1875 г. С. К. Каминский докладывал результаты очередных испытаний: «2,5-дм пушку из Карлсруэ испытали, результаты стрельбы превосходны, но в механизме выявлены недостатки. Ударная игла слишком длинная и толстая. Пробивала насквозь капсюли Лоуэля»⁷. В. С. Барановский все исправит. Кроме того, при стрельбе снаряды срывались с проволочных поясков. Их следовало переделать по способу, выработанному арсеналом.

20 ноября 1875 г. к А. А. Баранцову обратился В. С. Барановский: из Карлсруэ прислали образец 4-линейной картечицы, 150 гильз для 2,5-дм пушки, но таможенники не отдают без удостоверения, что это для ГАУ. А. А. Баранцов приказал подтвердить, что предметы назначены для Военного ведомства (ил. 65–66).

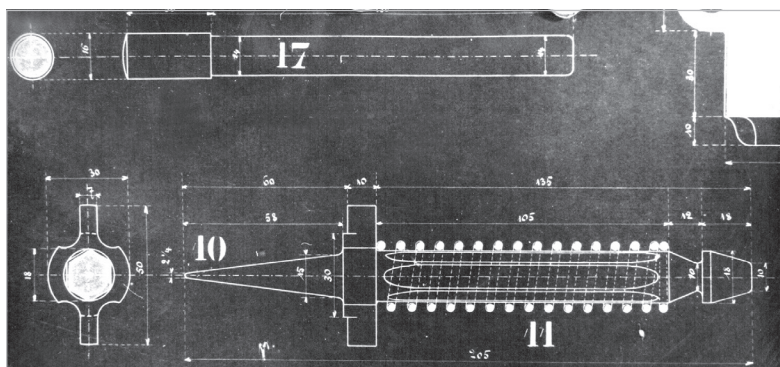
В 1876 г. встал вопрос о войсковых испытаниях новых 2,5-дм пушек. Для этого необходимо определиться с их конструкцией. В начале 1876 г. Артком пригласил С. К. Каминского на заседание: «Канцелярия Арткома имеет честь покорнейше просить Его Высокоблагородие Станислава Климентьевича пожаловать в оную, если можно, сегодня, 5 января или в среду 7 января для объяснений касательно предстоящего заказа 2,5-дм скорострельных пушек, лафетов к ним и прочего»⁸.

Чтобы определиться с заказом, вновь активизировали испытания. На заводе Л. Нобеля исправили медную 2,5-дм пушку, переделали 3-х и 2,5-дм снаряды, якорь на лафете и все доставили на Волково поле. Приняли у Барановского те 117 гильз, которые ранее С. К. Каминский посчитал неудовлетворительными.

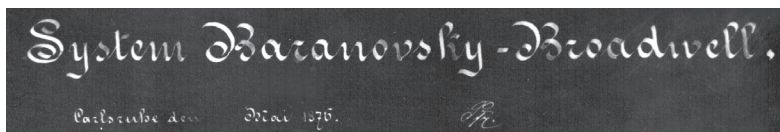
26 апреля 1876 г. С. К. Каминский рапортовал о результатах испытаний: несмотря на превосходные результаты стрельбы (из 2,5-дм пушки из Карлсруэ и 3-дм пушки) снарядами с латунными проволочными поясками, от такого устройства снарядов отказались, так как пояски трудно крепить на железную гильзу патрона. Испытали снаряды с широкими латунными кольцами. При испытаниях стрельбой литые латунные кольца срывались со снарядов. Тогда на изготовление колец стали употреблять куски тянутых латунных цилиндрических труб, кроме того, увеличили толщину колец. Испытания показали удовлетворительные результаты. Испытывали и кольца из красной меди, сравнивая их с латунными. В целом, существенной разницы в меткости стрельбы не увидели, но латунные пояса на 30–50 % дешевле. Изготовление колец не из проволоки, а резкой цельнотянутых труб проще и удобнее при серийном производстве, чем ручной способ закрепления проволочных колец заколачиванием проволоки в желобки, сделанные в виде ласточкина хвоста, да и пояски могут быть не широкими (ил. 67–85).



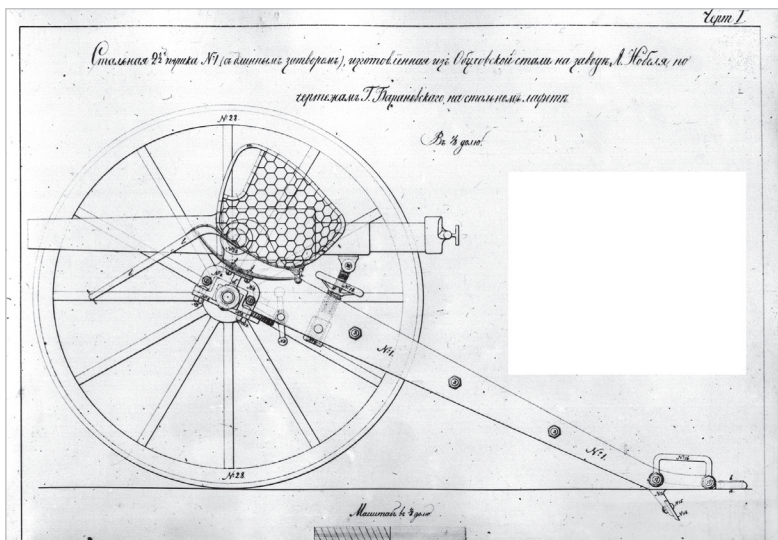
Ил. 67. Чертеж казенной части 4-фн. (63,5-мм) пушки Барановского-Бродвелля. Май 1876 г. Синька. «4st. Panzer-Kanonen System. Karlsruhe». Длина ствола орудия 2100 мм, длина кожуха 1140 мм. Внешний диаметр ствола 95 мм. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6 р. Оп. 3. Акт 106. Д. 46. Л. 17.



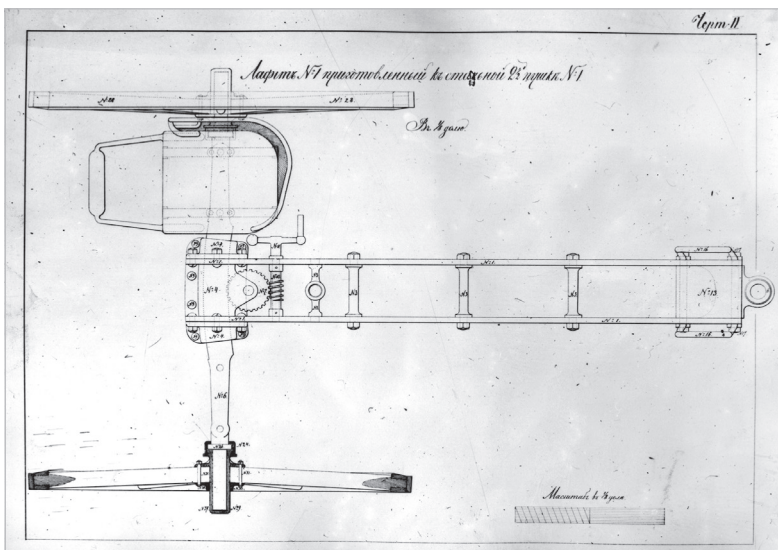
Ил. 68. Ударник 4-фн. (63,5-мм) пушки Барановского-Бродвелля. Май 1876 г. «4 st. Panzer-Kanonen System. Karlsruhe». Чертеж, синька. К рапорту подполковника Сигунова от 27 августа 1877 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6 р. Оп. 3. Акт 106. Д. 46. Л. 16.



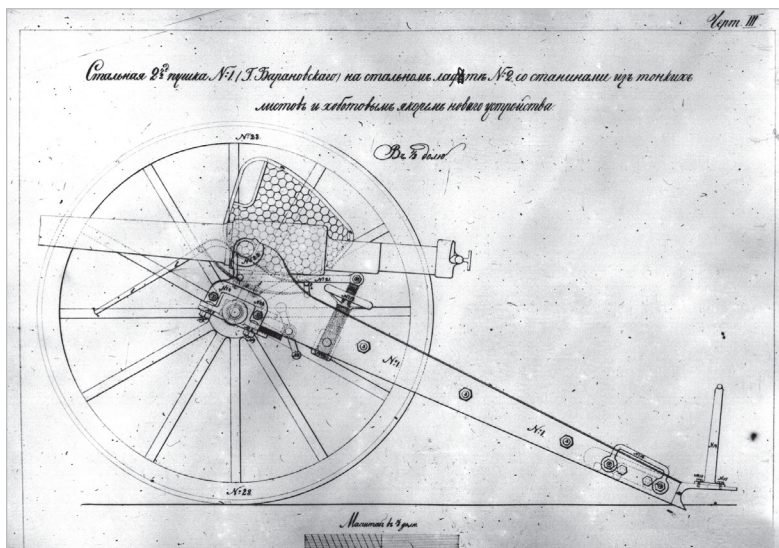
Ил. 69. Подпись «System Baranovsky-Broadwell. Karlsruhe. Mai 1876» под чертежом 4-фн. пушки. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6 р. Оп. 3. Акт 106. Д. 46. Л. 16.



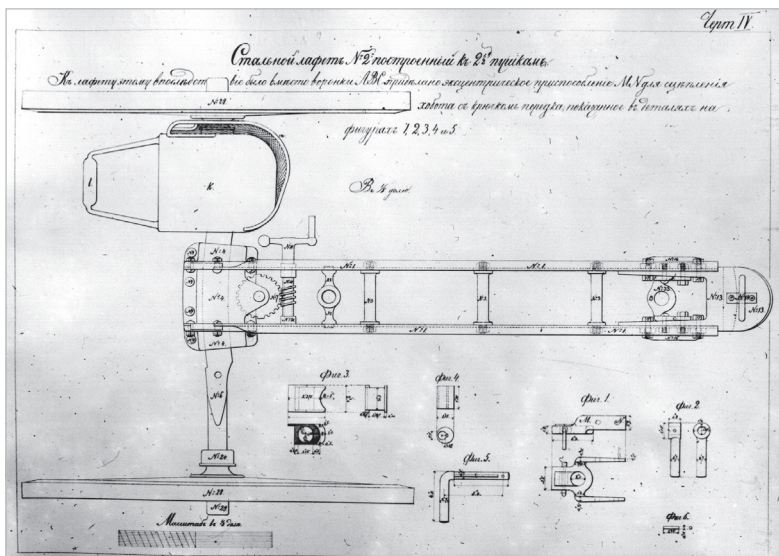
Ил. 70. Стальная 2,5-дм пушка № 1 (с длинным затвором), изготовленная из обуховской стали на заводе Л. Нобеля по чертежам г. Барановского на стальном лафете. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картоотека «Пушки». Д. 187. Л. 2.



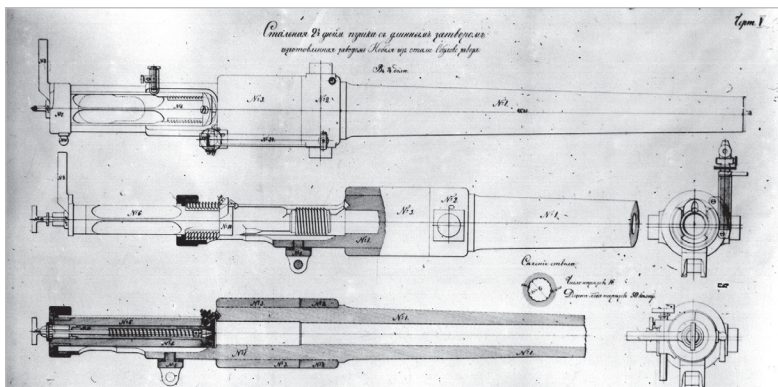
Ил. 71. Лафет № 1, приготовленный к стальной 2,5-дм пушке № 1. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картоотека «Пушки». Д. 187. Л. 3.



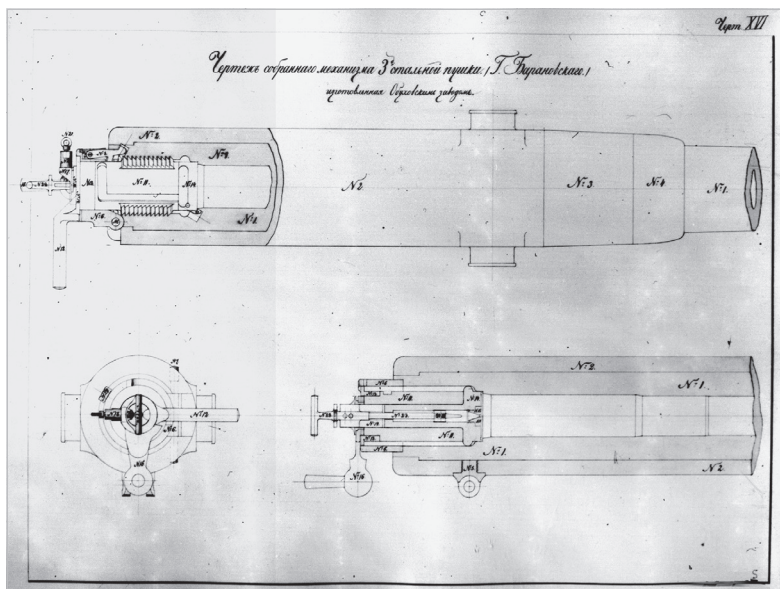
Ил. 72. Стальная 2,5-дюймовая пушка № 1 (г. Барановского) на стальном лафете № 2 со станинами из тонких листов и хоботовым якорем нового устройства. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картотека «Пушки». Д. 187. Л. 4.



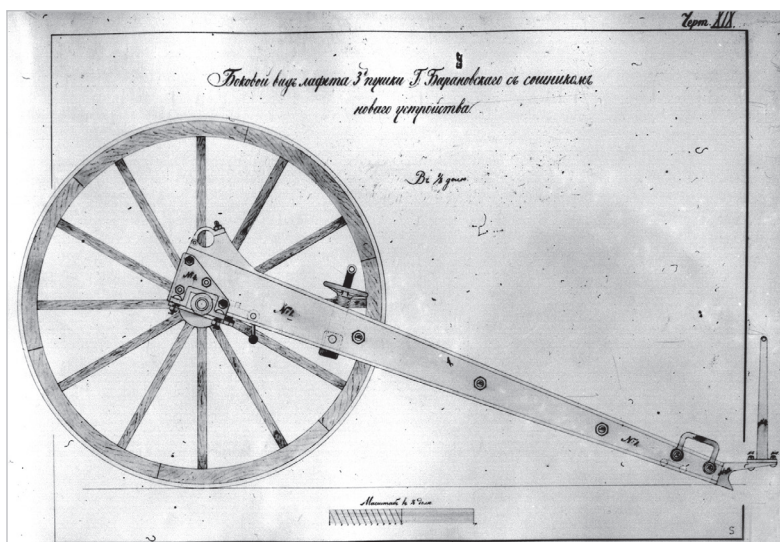
Ил. 73. Стальной лафет № 2, построенный к 2,5-дюймовой пушке. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картотека «Пушки». Д. 187. Л. 5.



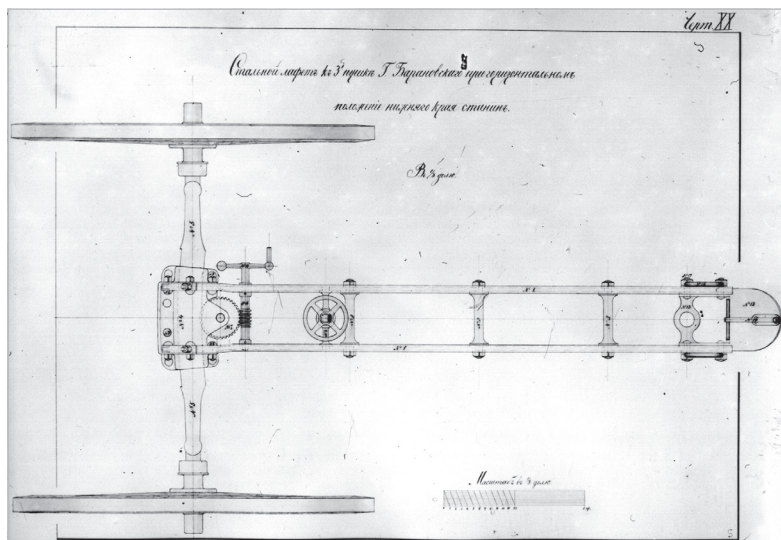
Ил. 74. Стальная 2,5-дм пушка с длинным затвором, изготовленная предприятием Нобеля из стали Обуховского завода. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картоотека «Пушки». Д. 187. Л. 6.



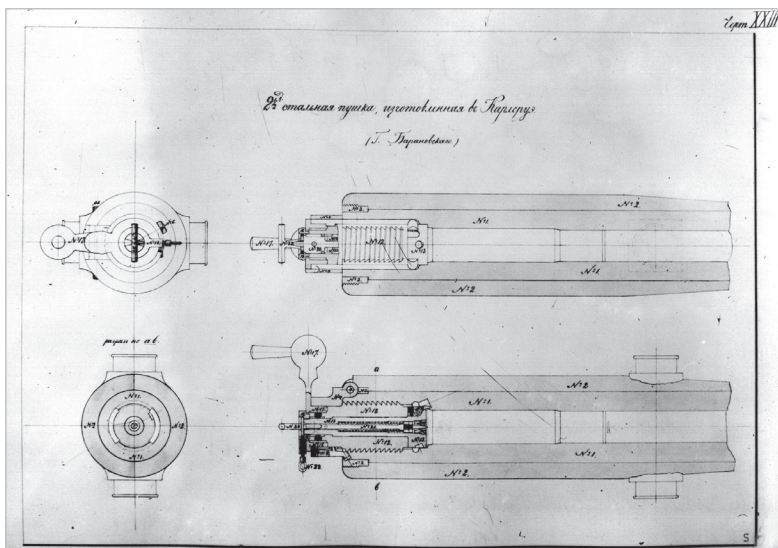
Ил. 75. Чертеж собранного механизма 3-дм стальной пушки (г. Барановского), изготовлена Обуховским заводом. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картоотека «Пушки». Д. 187. Л. 15.



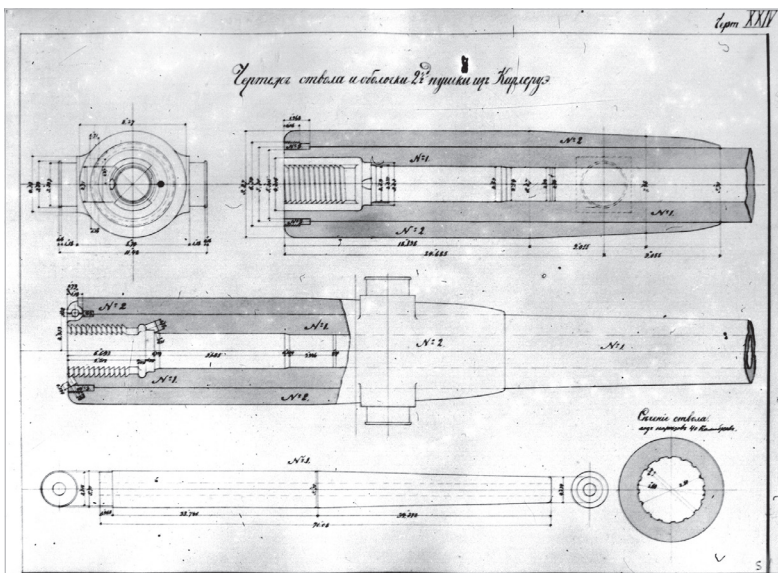
Ил. 76. Лафет 3-дм пушки Барановского с сошником нового устройства. Вид сбоку. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Карточка «Пушки». Д. 187. Л. 18.



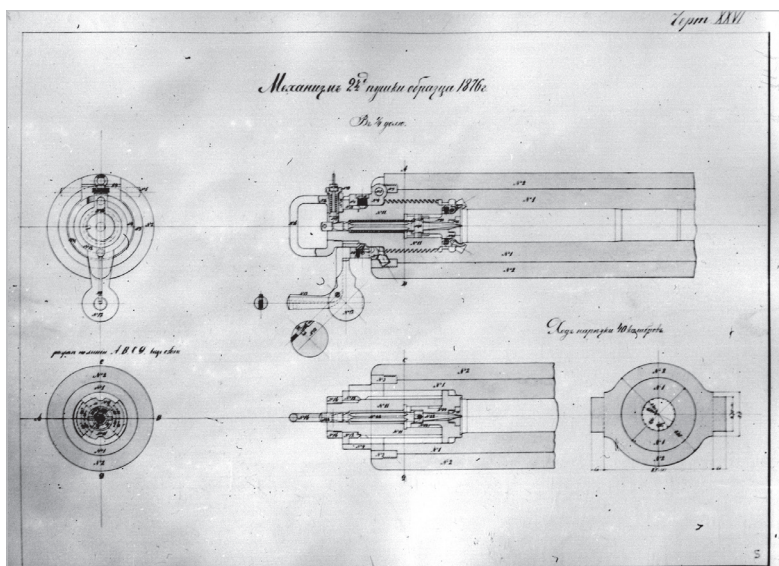
Ил. 77. Стальной лафет к 3-дм пушке г. Барановского при горизонтальном положении нижнего края станин. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Карточка «Пушки». Д. 187. Л. 19.



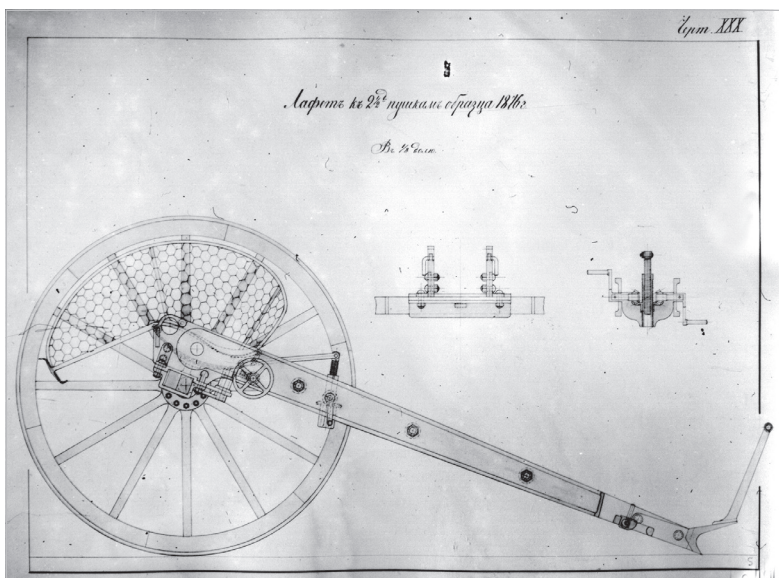
Ил. 78. 2,5-дм стальная пушка, изготовленная в Карлсруэ (г. Барановского). 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картотека «Пушки». Д. 187. Л. 22.



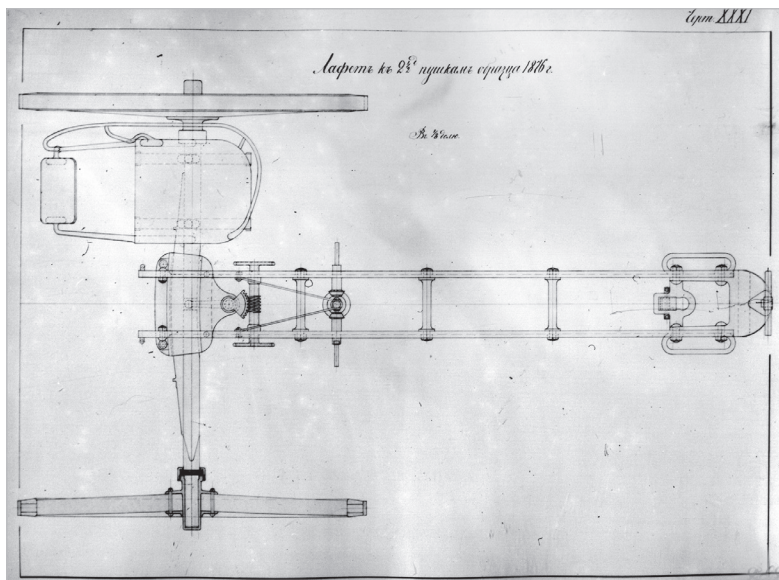
Ил. 79. Чертеж ствола и оболочки 2,5-дм пушки из Карлсруэ. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картотека «Пушки». Д. 187. Л. 23.



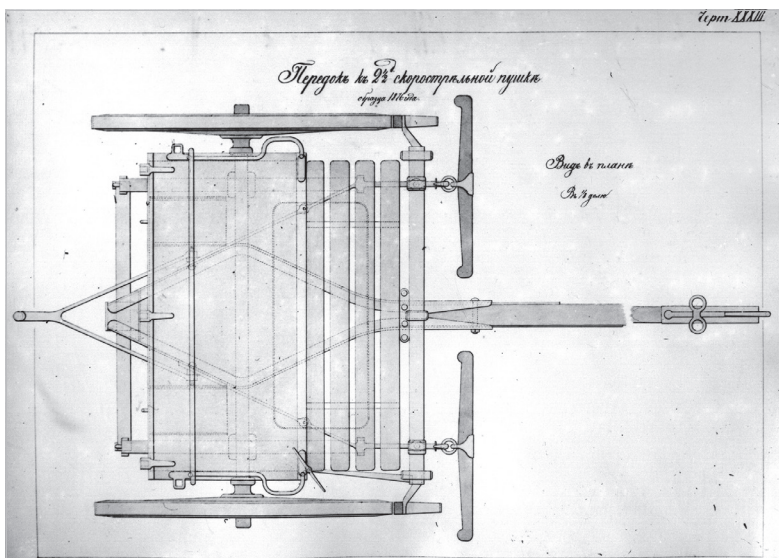
Ил. 80. Механизм 2,5-дм пушки образца 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картоотека «Пушки». Д. 187. Л. 25.



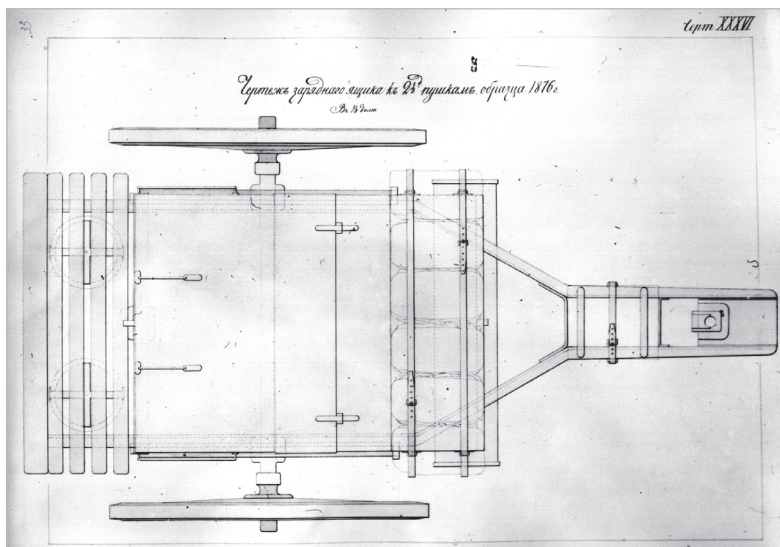
Ил. 81. Лафет к 2,5-дм пушкам образца 1876 г. Вид сбоку. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картоотека «Пушки». Д. 187. Л. 28.



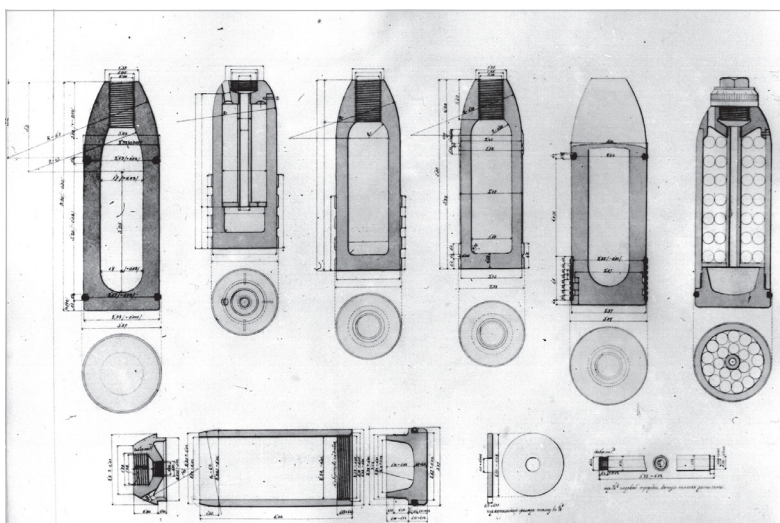
Ил. 82. Лафет к 2,5-дм пушкам образца 1876 г. Вид сверху. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картотека «Пушки». Д. 187. Л. 29.



Ил. 83. Передок к 2,5-дм скорострельной пушке. Вид в плане. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картотека «Пушки». Д. 187. Л. 31.



Ил. 84. Чертеж зарядного ящика к 2,5-дм пушкам образца 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картотека «Пушки». Д. 187. Л. 33.



Ил. 85. Снаряды для 2,5-дм и 3-дм пушек системы г. Барановского. 1876 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. 1876. Картотека «Пушки». Д. 187. Л. 36.

Обуховский сталелитейный завод изготовил три стальных 2,5-дм пушки, принялся за четвертую. В. С. Барановский 15 июля 1876 г. писал, что в Карлсруэ на заводе Машиностроительного общества уже готовы заказанные им четыре 2,5-дм стальные скорострельные пушки его системы с механизмами, покрытыми никелем, по 2000 рублей. С доставкой за все следует уплатить 8000 рублей. «Я беру на себя полную ответственность в том, что эти пушки должны удовлетворить всем требуемым качествам» – писал Владимир Степанович⁹. Но Артком его пыл охладил: «Для наших опытов четырех 2,5-дм стальных пушек Обуховского завода достаточно. На приобретение у Вас четырех орудий из Карлсруэ 8000 недостаточно, поскольку нужны будут лафеты, передки и прочее. Товарищ генерал-фельдцейхмейстера не находит возможным воспользоваться Вашим предложением касательно этого приобретения»¹⁰. Барановский не отступил, но несколько скорректировал планы: «В Карлсруэ изготовлены две 2,5-дм стальные скорострельные пушки моей системы и два железных лафета. Они отличаются тем, что механизмы пушек, механизмы лафетов и оси лафетов покрыты никелем, а это означает, что покрытые никелем механизмы не требуют смазки и не заедают, предохраняются от ржавчины. С доставкой две пушки и два лафета стоят 6000 рублей серебром»¹¹. В этих пушках никелем были покрыты запирающий механизм, прицелы с коробкой, подъемный винт с маткой и винт с рукояткой и шестерней для направления орудия в стороны, а у лафетов – лопасть стальной оси¹².

9 ноября 1876 г. Артком доложил начальнику ГАУ генералу Баранцову: для испытания 2,5-дм пушек Барановского по представлению ГАУ от 20 апреля с. г. было заказано три 2,5-дм стальных скорострельных пушки (четвертая заказана еще в 1875 г.). Еще не сдали эти пушки заказчику. Опыты замедляются, а пушки из Карлсруэ и лафеты с сиденьями для прислуги уже готовы. Господин Барановский уже испытал эти пушки там, на заводе, усиленными зарядами прусского крупнозернистого пороха.

Генерал А. А. Баранцов принял решение: просить Военный Совет санкционировать закупку. Военный Совет рассудил: по смете на артиллерийские опыты запланированы 50 тысяч рублей. Совет может выделить деньги из сэкономленных за счет несостоявшегося заказа 25 чугунных мортир. Есть свободный остаток 26 250 рублей, из него и можно взять требуемые 6000 рублей.

1 декабря 1876 г. Военный Совет мнение А. А. Баранцова утвердил, пушки с лафетами закупили.

Из четырех пушек Барановского, изготовленных на Обуховском заводе, сформировали дивизион¹³ для испытания в строевых частях артиллерии, а две пушки из Карлсруэ использовали для опытов на Волковом поле.

В феврале 1877 г. на заводе Нобеля изготовили передки и зарядный ящик к 2,5-дм пушкам. Для их испытания понадобились «2 кирко-мотыги¹⁴, 4 лопаты, 1 топор, 4 ранца с полной укладкой, железная мера для овса, 1 ведро, 2 десятичных котла, 3 коновязных кола, 1 железный молоток весом около 15 фунтов для вколачивания кольев, 2 складные ракетные палки»¹⁵.

В результате испытаний, специалисты определили калибр орудий – 2,5 дюйма, выбрали конструкцию унитарных патронов системы Каминского, материальную часть. Определившись, приступили к формированию опытной конной батареи для войсковых испытаний. Но пушек не хватало.

Итак, к весне 1877 г. завершился очередной этап испытаний орудий Барановского. Конечно, изучение, испытания и модернизация пушек по результатам стрельб продолжались, но достигнутые результаты дали возможность перейти к следующему этапу работы.

¹ Калакуцкий Николай Вениаминович (1831–1889). Родился в г. Златоусте в семье артиллерийского приемщика. Обучение проходил в тульской гимназии и Дворянском полку, после окончания которого в 1849 г. произведен в офицеры и направлен в 4-ю артиллерийскую бригаду. С 1861 г. артиллерийский приемщик в Златоусте. В 1870 г. призван в Петербург для решения задач производства стальных ружейных стволов. Затем – приемщик на Обуховском сталелитейном заводе, правителем 2-го отдела Арткома ГАУ. После отставки в 1884 г. по приглашению Морского министерства состоял техником на Обуховском заводе // Артиллерийский журнал. 1899. № 12 (некролог); Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 44/1. Д. 17. Л. 240.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 146. Л. 320–321.

³ Чертеж стальной 2,5-дм скорострельной пушки с бронзовой оболочкой. Подписан В. Барановским 24 февраля 1875 г. Калибр 53,4 (63,5 мм). Длина ствола 60 дм (152,4 см). Длина оболочки 24 дм (61 см) // Там же. Л. 324.

⁴ Там же. Оп. 39/3. Д. 146. Л. 343.

⁵ Там же. Л. 368–373.

⁶ 1 точка = 0, 254 мм

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 146. Л. 476.

⁸ Там же. Л. 508.

⁹ Там же. Л. 593.

¹⁰ Там же. Л. 597.

¹¹ Там же. Л. 619.

¹² Там же. Л. 659.

¹³ До 1895 г. дивизион – два орудия в батарее из 8 орудий, с 1895 г. дивизион – две батареи.

¹⁴ Кирко-мотыга – саперный шанцевый инструмент, введенный в русской армии по табели 1821 г., когда кирку и мотыгу (топор) стали изготавливать как один инструмент. В дальнейшем на основании опыта практического применения менялись образцы (1870, 1906) // Юшкова Л. А. Из истории шанцевого инструмента // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18-20 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. V. С. 430-465.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 149. Л. 649.

Т. Т. Ильясов (Уфа)

**МУЗЫКА ВОЙНЫ:
КУРАИСТЫ НА ПОЛЯХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.**

ПОСЛЕ добровольного вхождения в состав Русского государства и до наших дней башкиры несли постоянную военную службу, которая делилась на внутреннюю и внешнюю. Они участвовали во всех крупных войнах, практически во всех локальных военных конфликтах, в которых затрагивались интересы России. Башкирские части действовали как в качестве отдельных самостоятельных войсковых соединений, так и в составе регулярных войск. В ходе любых военных действий, во время несения службы случались краткие перерывы для отдыха. Для башкирских воинов в эти моменты звучание национального музыкального инструмента – курая, как будто передающего знакомые, дорогие мелодии родного края, носили эмоциональный характер. Эта музыка малой родины вдохновляла на новые подвиги, на время отвлекала от военных тягот и лишений. Довольно простой в изготовлении, этот музыкальный инструмент не требовал особых условий хранения, ему всегда находилось место в условиях военной жизни. Настоящих кураистов было немного: не каждый башкир был искусным музыкантом, поэтому в таких условиях традиционные исполнители особо ценились.

Военная служба башкир была исторически сложившимся видом повинности. С древнейших времен в случае опасности башкир-общинник по зову бия должен был явиться к нему в полной боевой готовности. Башкирское войско отличалось мобильностью и строгой дисциплиной. Военная тактика башкир определялась главенствующей ролью конницы и выработывалась в постоянных столкновениях с соседями-кочевниками¹.

Любовь к родному краю у башкир сочеталась с чувством принадлежности к «большой» Родине. Это подтверждает и тот факт, что башкиры практически сразу после вхождения в состав Русского государства предлагали свою военную помощь для защиты интересов государства. Как отмечает башкирский историк А. Н. Усманов, башкиры еще в 1557–1558 гг. в составе русских войск участвовали в Ливонской войне. В те же годы велась война с Крымом, в которой также отмечается участие башкир². Известно, что башкиры в составе русских войск принимали участие в Азовском походе Петра I, были в ополчении Минина и Пожарского, воевали в Семилетней войне³.

Сильное этническое самосознание башкирского этноса выразилось в охране своих границ, защите своего народа, что отразилось в народном творчестве. Полукочевое скотоводство, которым занимались башкиры, формировало в них качества, необходимые для несения тяжелой военной службы. Дети с малых лет обучались верховой езде и владению оружием. В системе башкирских народных игр были такие, которые имели непосредственно военно-прикладное назначение и развивали навыки и качества, необходимые для воина. Среди них стрельба из лука, борьба (көрәш), скачки на лошадях (бәйге), бег в запуски (йүгерәү)⁴, бег в мешках, бой с мешками, влезание на намыленный шест и др⁵. Если вышеперечисленное влияло на физическое воспитание, то на формирование духовного мира башкирского воина оказывали воздействие устно-поэтическое творчество, традиционная народная музыка, вырабатывая такие качества и чувства как стойкость духа, любовь и преданность родине, своему народу. Жизнь по соседству с разноплеменными степными народами, широко практиковавшими карымту (кровная месть) и барымту (экономическая месть), нередко вынуждала миролюбивый по природе башкирский народ братья за оружие⁶.

В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. участвовало много кураистов. Звуки курая напоминали солдатам и офицерам о родном крае. Это ярко видно в воспоминаниях ветерана Нугумана Ахмадулловича Абдуллина: «Концерт не прервали, мелодия курая влилась в зловещий гул самолета. Играет курай – то плачет, то смеется. Вспомнил я тогда дом свой, Агидель свою... И так это все здорово получается, аж слезы на глазах вот-вот покажутся. Да нельзя офицеру плакать, солдаты засмеют»⁷.

Известно, что у людей, находящихся на чужбине, возникает особое психологическое состояние – ностальгия, для которого характерны чувства тоски, тревоги, подавленности и т. д. Исходя из гипотезы Л. Н. Гумилева об этническом поле в этнологии, существует определенное единство поведения и реакций на окружающую среду для членов одной этнической системы⁸. Ностальгия вызывается воздействием на человека среды с чуждым ритмом этнического поля, а также отрывом от своей среды. Пребывание вдали от привычных мест, родного края в условиях военного похода или несения военной службы отражалось на душевном состоянии башкирского воина, вызванном сильной привязанностью к родному краю. Конечно, это может быть следствием также того, что сами условия военной службы были очень тяжелыми и длительными.

Такмак генерала Шаймуратова подробно раскрывает, чего так не хватает башкирскому солдату в военное время:

«Атай минэ ат кэрэк,
Атыр осон ук кэрэк,
Тартырга курай кэрэк,
Яратырга кыз кэрэк»⁹.

Перевод (выполнен мною. – *Т. И.*):

«Отец, мне нужен конь,
Нужен лук, чтобы стрелять,
Нужен курай, чтобы играть,
Нужна девушка, чтобы любить».

В документальной повести А. Ихсана, посвященной 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, описывается несколько эпизодов похорон башкирских солдат, которые попали в плен немцам, когда прикрывали переход войск своей части. Следует отметить, что эта дивизия была сформирована в Уфе и в начале войны была укомплектована в основном башкирами. Во время похорон воинов, погибших в ходе войны, играли на курае. Если в одном случае перед погребением кураист играл мелодию «Урал»¹⁰, то при похоронах майора дивизии Хайруллина игра на курае Айбара Утяшева сопровождалась чтением стихов Мухаметом Ямиловым¹¹.

Накануне выполнения новой поставленной задачи и выхода в дорогу кураист дивизии Гайфулла Сарбаев играл на курае после долгих минут молчания. Так солдаты вспоминали своих погибших товарищей¹².

В дневнике погибшего артиллериста Асхата Назирова после эпиграфа в одной из песен были такие слова:

«Фашистэрзе енеп кайтан ине,
Таш Берлиндэ курай уйнагыш»¹³.

На русский язык это можно перевести так:

«Эх, вернуться бы с победой над фашистами,
Сыграв на курае в каменном Берлине».

Музыка на войне понятна каждому: и своим, и врагам. Кураист Утяшев (Хажиахмет Утяшев из деревни Таштугай Хайбуллинского р-на Башкирской АССР) играл мелодию, посвященную великому русскому полководцу Кутузову, рядом сидели несколько солдат и слушали. Кураист, закончив играть, отложил инструмент, достал кисет, принялся скручивать сигарету. В это время со стороны пленных немцев, находившихся неподалеку, раздался голос: «Бак-шир!. Играй!.. Играй!»¹⁴

Долгое время было практически ничего не известно о судьбе прославленного кураиста Юмабая Исянбаева. Его сын в письме Рашиту Шакуру пишет: «Отец погиб в боях на Воронежском фронте в 1943 году...». Это очень важное сведение, потому что в 1940 г. Юмабай Исянбаев был арестован по ложному обвинению. В буклете, изданном в честь 100-летия и посвященном этому кураисту, последнее известие от него датировано 1941 г. В письме сообщалось об отправке на фронт из г. Ульяновска¹⁵. В 1944 г. умерла жена кураиста Сафия. Многие фотографии и письма пропали в этот период¹⁶.

Мухамет Нургалеевич Кадыргулов. Призван в армию в 1939 г. Минометчик. Прошел боевой путь в рядах 225-й (95-й) Полтавской стрелковой гвардейской дивизии от берегов Волги и Сталинграда до Эльбы и Праги. Сохранились его воспоминания о том, как он делал на войне курай: «Башкиры в то время составляли половину дивизии. Курай в этих краях не растет. А в поле... подсолнухи. Срезал один, вычистил шомполом дудку. Сделал несколько отверстий, подул. Сел, заиграл»¹⁷. Разведчики позже нашли и доставили кураисту алюминиевую трубу, снятую со сбитого самолета¹⁸.

Патриотизм всегда национален. Общенациональный патриотизм не исключает и не вытесняет патриотизм национальный. Оба вида патриотизма гармонически сочетаются, являясь разными уровнями патриотизма, рожденного в союзном многонациональном государстве. Об этом красноречиво свидетельствует

следующий пример: «Однажды перед атакой у реки Хопер меня вызвал политрук. На передовой установили усилитель, я сыграл для солдат. На привалах в минуты затишья соратники: русские, украинцы, белорусы, башкиры, татары, – вспоминал М. Н. Кадыргулов, – под звуки курая затягивали любимые песни: "Огонек", "Катюшу"». А если он задорно заводил «Барыню», «Польку» или «Краковяк», бойцы один за другим пускались в пляс¹⁹.

«Перед началом операции Висла-Одер, перед общим наступлением я принимал участие в большом концерте. Присутствовали и командующие, собравшиеся на военный совет, – рассказывал Мухамет-агай. – Один играет на скрипке, другой на гармонии, а я на курае. Звучали там башкирские, русские, украинские мелодии». Командующий Белорусским фронтом К. И. Рокоссовский удивился мелодичному голосу курая, осмотрел инструмент, заглянул даже в горло кураисту. После войны Кадыргулов подарил курай музею музыкальной культуры имени М. И. Глинки²⁰.

На этой войне часто использовались металлические кураи, что не означает отсутствие в практике травяных кураев. В Национальном музее Республики Башкортостан хранится растительный курай, служивший в рейде Башкавдивизии в Великой Отечественной войне²¹.

Галистан Ишдавлетович Шамсетдинов. В 1941 г. артисты Башкирского государственного драматического театра готовились к предстоящей декаде в Москве, когда началась Великая Отечественная война. Артист и кураист Г. И. Шамсетдинов ушел на фронт. Среди провожавших на вокзале были и два кураиста. Галистан Ишдавлетович попросил сыграть сочиненную им плясовую мелодию, начал танцевать. «Будете играть эту мелодию, меня вспомните». Он погиб на войне. Друзья Шамсетдинова в честь него назвали мелодию «Мелодия кураиста Шамси»²².

В 112-й Башкирской кавалерийской дивизии был создан ансамбль кураистов. Такие кураисты, как Ахметшин, Сарбаев и в тяжелых походах не бросили играть на курае²³.

Мелодия курая вдохновляла башкирских воинов на новые подвиги. «...В декабре 1942 года мы участвовали в тяжелых боях под Ленинградом. Как-то вечером после тяжелого боя меня и еще нескольких башкирских парней вызвал командир батальона. На вопрос: «Вы из своей Уфы курай услышать хотите?» – мы даже не успели ответить, как он настроил диапазон радиоприемника

на уфимскую волну, и тесную землянку наполнил сильный звук курая. Слушали старинные башкирские мелодии «Буранбай», «Урал», «Туяляс» в исполнении Гаты Сулейманова. В тот вечер нашему счастью не было границ. Сердца наполнялись радостью и гордостью, грудь наполнялась ненавистью к врагу. Боец Ишбулат Уралбаев после того, как послушал эти песни, вызвался добровольцем на разведку в тыл врага»²⁴.

Другой солдат в ходе одного ожесточенного боя получил ранение. Понимая, что рана очень тяжелая, после которой не сможет выжить, играя на курае «Интернационал», погиб смертью храбрых²⁵.

Эти и множество других примеров характеризуют башкирских солдат как патриотов своего Отечества, горячо любящих свою родину, чтящих народные традиции, как воинов с высоким чувством гражданственности, выполнявших свой долг перед Родиной. Мелодии курая воодушевляли бойцов на подвиги, наполняя их духовной силой, напоминали о родных краях, славных боевых традициях народа, согласно которым каждый башкирский джигит считал своим долгом защищать свои земли.

«После долгих сражений, тяжелых потерь остановились на отдых у р. Дон. Наш Кусимовский полк устроил сабантуй. Гайфулла Сарбаев на курае играл, я пел песню, которую сам сочинил», – вспоминал Бакий Валеевич Валеев²⁶. Следует заметить, что полк под командованием Тагира Кусимова 112-й Башкирской кавалерийской дивизии (16-й Черниговской гвардейской) всегда бросали в бой первым при ведении различных наступательных операций. Известие об удачно выполненных маневрах воодушевляло остальных бойцов дивизии. Доблесть солдат Башкавдивизии отмечена государственными наградами: 3860 воинов награждены орденами и медалями, 76 присвоено звание Героя Советского Союза²⁷.

Уже немолодого Давлеткола Хасанова должны были призвать на войну. Перед отправкой, находясь на станции Дема, он играл на курае. Военное начальство было настолько вдохновлено его игрой, что решило никуда его не отправлять, а оставить на станции, чтобы кураист играл для солдат, отправлявшихся из Башкирии на войну, поднимая их боевой дух²⁸.

Полевые исследования показали, что многие информаторы, проходя службу в армии, сами играли на курае, используя для изготовления инструмента подходящие трубчатые предметы.

В наши дни башкирские юноши-кураисты, уходя на службу в армию, берут с собой либо просят прислать курай в места несения военной службы²⁹. Курай тем самым выступает в качестве собирательного образа родной земли, воплощенного в этом инструменте, и служит источником «связи» с родным краем.

В современных условиях, когда материальная культура содержит значительно меньше народной специфики и не всегда выступает «опорой» этнического самосознания, ориентация на духовную культуру в значительно большей степени служит выражением этнического самосознания. Курай, будучи элементом традиционной культуры башкирского этноса, выполняет этнодифференцирующую функцию, становясь основой для различения «мы» и «они». В то же время, имеющийся опыт этнических взаимодействий, полученный в мирное и военное время, может быть использован для развития межэтнических связей, построения толерантного общества. Не случайно цветок курая в современный период является символом дружбы, семь его лепестков символизируют семь древних башкирских родов, положивших начало консолидации и единению народов Башкортостана на его территории. Выступая в таком качестве, символ курая служит межнациональному согласию, объединению народов.

В башкирском инструментальном фольклоре значительное место занимают мелодии, посвященные участию башкир в войнах, военных походах, несению сторожевой службы по охране границ Российского государства. Также есть мелодии, воспевающие предводителей башкирских восстаний, в других – имена некоторых карателей, от которых больше всего пострадал народ при подавлении башкирских восстаний. Сильный воинский дух, неприхотливость в военно-походных условиях, отвага и героизм – это те стороны башкирского воина, которые неоднократно подчеркивались свидетелями разных эпох. На наш взгляд, это было бы не совсем возможно без присутствия под рукой традиционного музыкального инструмента башкир. Музыка на войне значительно влияет на психико-эмоциональное состояние воина. Для башкирского воина звук курая, напоминая о родине, семье, красоте родного края, былых героических событиях, воодушевлял на военные подвиги, помогал стойко переносить тяготы военной службы.

Музыкальное исполнительство на курае и военное дело башкир на протяжении долгого времени находились во взаимодействии. Во многих народных музыкальных произведениях отражены

их военные корни. Традиционный музыкальный инструмент курай – это спутник башкирского воина. Музыкальный инструмент, по всем характеристикам подходящий для кочевого образа жизни, соответствует его использованию и в суровых военно-походных условиях, поднимая боевой дух солдат.

В самом мастерстве игры на курае и традиционном исполнительстве (с исполнением и знанием легенд мелодий) отражается история народа во всей ее противоречивости. Традиционное обучение игре на курае дает ученикам знание легенд, преданий, мелодий военной тематики, тем самым передает исторические знания о военных походах, победах и поражениях, участиях в многочисленных войнах в защиту Отечества, что формирует в новом поколении чувство патриотизма. Воплощая в себе историю башкирского народа, курай может влиять на этот народ, воздействовать на сознание, на чувства башкирского этноса, в какой-то степени транслируя традиции, ценности и духовный опыт башкир.

Башкирские воины, защищая свою территорию, Родину «ата-бабалар ере» («край отцов»), объединенные сопричастностью к интересам страны, помогали на протяжении многих веков Русскому государству во внешних и внутренних конфликтах, тем самым активно служили защите всего Отечества. В боях за свободу Родины крепла дружба башкирского народа с другими народами страны. Такой патриотизм необходим сегодня России и для того, чтобы занять подобающее ей место в сообществе цивилизованных государств на международной арене. И в этом смысле башкирский народный музыкальный инструмент курай имеет необходимый потенциал для формирования чувства любви к своей родине, а вместе с этим и любви к Отечеству, высокой гражданственности, сопричастности к интересам страны.

¹ Бахтиярова Г. В., Искужин Р. К. Военная служба башкир // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. С. 209.

² Усманов А. Н. Башкиры в Отечественной войне 1812 г. Уфа: Башкортостан, 1964. С. 9.

³ Там же. С. 10–13.

⁴ Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. С. 234–238.

⁵ Султангареева Р. А., Бахтиярова Г. В. Башкирские народные игры // Башкортостан: Краткая энциклопедия. С. 289.

- ⁶ Мурзабулатов М. В. Культура башкир. Уфа: Гилем, 2007. С. 22.
- ⁷ Филиппов А. Курай // Истоки: информационно-публистический еженедельник. 6 апреля 2005 г.
- ⁸ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 312–320.
- ⁹ Ихсан А. Сакма тояк аттарза. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1966 (на башк. языке). С. 124.
- ¹⁰ Там же. С. 63–64.
- ¹¹ Там же. С. 112.
- ¹² Там же. С. 239. См. Приложение. Ил. 1–4.
- ¹³ Там же. С. 57.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Юмабай Исянбаев (знаменитый кураист башкирского народа). Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991.
- ¹⁶ Шакур Р. З. Кураист, который покори́л мир // Бельские просторы. 2004. № 6. С. 142–145.
- ¹⁷ Бадретдинов С. Башкирский курай. (пер с башк. яз. С. Шанареевой) // Ватандаш. 2000. № 1. С. 130–135.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Национальный музей Республики Башкортостан. Оф. 6031.
- ²² Сулейманов Г. З. Мелодия кураиста Шамси (на башк. языке) // Агидель. 1979. № 9. С. 112–114.
- ²³ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. р-1639. Оп. 1 л. Д. 6. Л. 182.
- ²⁴ Там же. Л. 37–39.
- ²⁵ Там же. Л. 182.
- ²⁶ Каримова Ф. М. Страна кураистов. Сибай: Сибайская городская типография, 2006 (на башк. языке). С. 93.
- ²⁷ Хусаннова Г. Т. Башкирские кавалерийские дивизии // Башкортостан: краткая энциклопедия. С. 153.
- ²⁸ ПМА. Хайбуллинский район. 2008 г. Илимбетов Камиль Нигматьянович.
- ²⁹ ПМА. Хайбуллинский район, г. Уфа, 2008–2009 гг. Илимбетов К. Н., Рахимов Р. Р., Юнусов И. А., Бидалов С. Г.

А. С. Ирютин (Москва)

ДЕСАНТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ СЕВЕРНОГО ФЛОТА В 1941–1944 гг.

Н АЧАЛО 40-Х ГОДОВ прошлого столетия ознаменовалось усилением роли Советского Севера, прежде всего территорий современных Мурманской и Архангельской областей, в экономической жизни страны. Результатом обширных геолого-разведочных работ, проведенных в конце 1920 – начале 1930-х гг., стало открытие богатейших месторождений апатита, нефелина, кианита, медно-никелевой и железной руд, слюды и других полезных ископаемых. Не менее важным обстоятельством, обусловившим стратегическое значение Севера для страны, стал выход на океанские коммуникации, по которым осуществлялись международные перевозки. Географические особенности Мурманского порта позволяли использовать его круглогодично. Существенную роль в усилении роли Мурманского и Архангельского портов в структуре советских внутренних перевозок сыграло интенсивное развитие Северного морского пути, связавшего их с Дальним Востоком. Привлекательность этой транспортной артерии заключалась в ее сравнительно небольшой протяженности: при доставке грузов из порта Одессы на Колыму с прохождением Суэцкого канала судам требовалось преодолеть свыше 22 000 км, а из Мурманска Северным морским путем – всего 5200¹.

Экономическое значение Севера, очевидное для советского руководства, было принято во внимание при планировании наступательных действий и германским командованием. Овладение полярными портами предполагалось осуществить проведением стремительной сухопутной наступательной операции.

29 июня 1941 г. 19-й немецкий горно-стрелковый корпус начал наступление на восток из района Петсамо. Два полка советской 14-й стрелковой дивизии (14-я сд) 14-й армии (14-я А)

Карельского фронта, распложенные вблизи границы, не смогли сдержать натиска противника. Северному флоту, находившемуся в оперативном подчинении командующего Карельским фронтом, была поставлена задача оказывать содействие сухопутным войскам при отражении наступления на Мурманск.

В этих условиях кроме оказания сухопутным войскам помощи в виде артиллерийской, авиационной поддержки Северный флот высаживал тактические морские десанты. В первом периоде войны большинство тактических десантов имели цель сковать или замедлить продвижение наступавшего вдоль побережья противника и тем обеспечить войскам Красной армии возможность задержаться на оборонительных рубежах. Характерной особенностью первого периода Великой Отечественной войны в Заполярье стало формирование подразделений морской пехоты, осуществлявшееся в ходе боевых действий. О создании таких подразделений вспоминает командующий Северным флотом контр-адмирал А. Г. Головкин: *«Морской пехоты на Севере в ту пору мы не имели. Первые, так называемые морские отряды, составленные из моряков-добровольцев, подавляющее большинство которых являлись квалифицированными корабельными специалистами четвертого и пятого годов службы, в силу крайней необходимости были сформированы буквально в считанные часы...»*².

Первая бригада морской пехоты Северного флота – 12-я Особая – появилась на фронте только осенью 1941 г., до этого при планировании и осуществлении высадки десантов использовались отряды моряков из числа экипажей кораблей и береговых частей Северного флота. Считать их морской пехотой нельзя по причине несоответствия штата, вооружения, экипировки и подготовки личного состава.

Создаваемые отряды моряков вооружались лишь стрелковым оружием, что негативно сказывалось на эффективности их действий. Использованию артиллерии при высадке морских десантов препятствовало отсутствие в корабельном составе Северного флота специальных высадочных средств. Этот недостаток артиллерии и минометов компенсировали привлечением корабельной артиллерии. Непременным условием такого взаимодействия была надежная работа связи, организовать которую получалось далеко не всегда.

Классическим примером тактического морского десанта является десант 16 июля на участок берега в районе впадения реки

Западная Лица в Мотовский залив. Для усиления 325-го стрелкового полка был высажен десант в составе 700 моряков. Получив подкрепление, стрелковый полк предпринял попытку перерезать дорогу на Титовку и окружить тем самым части противника, расположенные на берегу устья. Активные действия советских войск вынудили немецкое командование приостановить наступление и бросить на ликвидацию десанта 136-й горнострелковый полк. Моряки, располагая всего одним 76-мм орудием и несколькими минометами, не смогли сдержать натиска противника и 18 июля начали отходить³.

Тем не менее благодаря помощи Северного флота 14-й А удалось сорвать наступление немецких войск на Мурманск летом и осенью 1941 г. и перевести блицкриг в позиционную войну. Тактические десанты Северного флота и артиллерийская поддержка войск на берегу позволили отстоять Мурманск и нанести противнику ощутимые потери. Начальник немецкого Генерального штаба генерал Гальдер в своем дневнике записал, что наступление Дитля на Мурманск будет иметь смысл только в том случае, если к середине августа прибудет еще одна горнострелковая дивизия, находившаяся в Греции (6-я гсд). Он считал, что Мурманская операция преследует чисто политические цели и в оперативном отношении неудовлетворительна⁴.

После сентябрьского наступления на Мурманск и Полярный в 1941 г. немецкое командование не отказалось от новой попытки взять Мурманск. Командир немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия» генерал Эдуард Дитль убеждал высшее командование, что для захвата Мурманска надо значительно больше войск, чем усиленный корпус. Если же создать такую группировку, то ее невозможно обеспечить в условиях Арктики различными видами снабжения. Он уже тогда испытывал затруднения со снабжением, так как советские подводные лодки и авиация постоянно нарушали перевозки вдоль берегов Северной Норвегии. Кроме того, Дитль опасался ударов с моря и требовал прикрытия приморского фланга. Однако Гитлер настаивал на взятии Мурманска. Новое наступление на Мурманск немцы планировали на весну 1942 г.⁵

В этих условиях советским командованием была разработана и осуществлена совместная операция 14-й А и Северного флота по предотвращению немецкого весеннего наступления и при успехе операции возможного прорыва немецкой линии обороны.

По замыслу операции, главный удар наносили 72-я морская стрелковая бригада (72-я мск) и 10-я гвардейская стрелковая дивизия (10-я сд) 14-й А, которые должны были прорвать оборону противника южнее озера Чапр, обойти его правый фланг и во взаимодействии с десантом Северного флота окружить и уничтожить части 6-й горно-егерской дивизии (6-й гед) западнее реки Западная Лица, в дальнейшем, развивая наступление, выйти в тыл противника, действовавшего у перешейка полуострова Средний, уничтожить его живую силу и огневые средства и выйти на участок государственной границы от побережья губы Малая Волоковая до озера Чапр. Для содействия наступающим с фронта войскам 14-й А и нанесения удара по правому флангу обороны противника на южное побережье Мотовского залива в составе оперативно-тактического десанта была высажена 12-я особая бригада морской пехоты (12-я обмп) полковника В. В. Россохина с задачей разгромить обороняющиеся на берегу подразделения противника, а в дальнейшем наступать навстречу главной группировке войск 14-й А, содействуя ей в разгроме 143-го горно-егерского полка (143-го геп). Морским пехотинцам приходилось действовать в исключительно сложных условиях. Перед десантной операцией в районе губы Большая Западная Лица с войсками и кораблями были проведены учения и тренировки по отработке взаимодействия десанта с кораблями артиллерийской поддержки и авиацией. Одновременно проводились воздушная разведка группировки и характера противодесантной обороны противника и аэрофотосъемка района высадки, создавались наблюдательно-корректировочные посты. Для обеспечения быстрой высадки десанта на необорудованное побережье и выгрузки техники были построены три боновых причала, в районе высадки организованы эвакуопункты, подготовлен аварийно-спасательный отряд. Штабы разработали необходимые боевые документы⁶. С целью ввода в заблуждение противника относительно участка высадки главных сил накануне в Титовской губе, в 10 км от участка высадки бригады был высажен демонстрационный десант в составе 170 человек разведывательного отряда штаба Северного флота во главе с лейтенантом В. Н. Леоновым⁷. Заметим, что в Решении Военного совета Северного флота по итогам десантной операции Северного флота 27.04–13.05.42 г. этому, казалось бы, рядовому событию уделено внимание, а именно: указаны неправильные действия катеров

типа МО (морской охотник) при высадке в пункте №3 (мыс Пикшуев), открывших огонь по домику на берегу без всяких оснований и необходимости в этом, хотя никакого противодействия с берега в этом месте не было⁸. Сложно сейчас утверждать, был ли обстрел бесцельным или действительно имелась на это основания, но по счастливому стечению обстоятельств обнаружения десанта не произошло. Бригада скрытно, без артиллерийской подготовки, произвела высадку в трех пунктах Мотовского залива на участке до 6 км в условиях полярного дня с неустойчивой погодой, без огневой подготовки, но с применением дымовых завес. Благодаря организованной подготовке, высадка десанта была проведена в установленный срок и без потерь. К 08.00 28 апреля все части бригады высадились на берег и обозначенные планом операции рубежи. Застигнутый врасплох противник не смог оказать серьезного сопротивления. К исходу 28 апреля бригада захватила плацдарм по фронту до 7 км и в глубину до 5 км, выполнив тем самым свою ближайшую задачу. 28 апреля 1942 г. в 10 часов 12-я обмп приступила к выполнению задачи⁹.

Оборона противника в Заполярье представляла собой сеть опорных пунктов на господствующих высотах с линиями связи и транспортными коммуникациями между пунктами. Апрельско-майская десантная операция по своим особенностям и условиям явилась одним из тяжелейших испытаний, выпавших на долю морских пехотинцев 12-й обмп. Первого мая резко ухудшилась погода, помешавшая вводу в бой второго эшелона 14-й А – 52-й сд. Резко понизилась температура, начались снегопады и метели. Всякое передвижение по дорогам стало невозможным. Ураганный ветер срывал снег с сопок и нес его в лощины. С 28 апреля стало невозможным использование авиации. Целую неделю с 4 по 11 мая свирепствовала пурга. Вихри мокрого снега сменялись холодным ветром, земля покрывалась ледяной коркой, по которой невозможно было передвигаться. Участники тех боев утверждали, что ничего более страшного из пережитого в Заполярье они не видели. Отсутствие сухопутных коммуникаций в районе десантной операции делало задачу доставки необходимого имущества до подразделений бригады практически невыполнимой. Вся местность, где развернулись бои, была изрезана ущельями и гранитными скалами, где по-настоящему укрыться, окопаться и замаскироваться не представлялось возможным. Раненых и обмороженных,

орудия и минометы, стрелковое вооружение, боеприпасы и продовольствие морские пехотинцы несли на себе по обрывистым, обледеневшим скалам. Основа сухого пайка – концентраты себя не оправдали, из-за отсутствия дров и кухонь приготовить горячую пищу было невозможно. Личный состав принимал концентраты в сухом виде, запивая холодной водой, в результате чего были случаи заболевания со смертельным исходом. Бойцы были одеты в полужимнее обмундирование, выданные ботинки американского производства в боевой обстановке себя не оправдали (маломерки, пропускали воду, быстро изнашивались в условиях горной местности), 2 из 8 батальонов не имели масхалатов, в районе боевых действий отсутствовал сплошной снежный покров, и лыжи использовать было нельзя¹⁰.

Недостатки в снабжении и оснащении морских пехотинцев также отражены в политдонесении начальнику политотдела 12-й обмп от 3 мая 1942 г., где отмечаются случаи заболевания с частичной потерей зрения среди командирского политсостава бригады, вызванной солнечным светом, поскольку, в отличие от немецких горных егерей, наши морские пехотинцы солнцезащитных очков не имели. Всего в донесении отмечается заболевание у 13 человек, кроме того, 22 человека вышли из строя из-за опухания ног¹¹.

Несмотря на это, личный состав бригады продолжал выполнять боевую задачу, и имели место случаи сокрытия бойцами фактов ранения и отказ эвакуироваться в тыл на лечение¹². Воспользовавшись тем, что наступление соединений 14-й А с юга не получило развития, противник снял часть сил с этого участка и, использовав их как резервы, атаковал морских пехотинцев. Позднее кроме резервов 6-й и 2-й гед немцы ввели в бой и свои оперативные резервы. 3–4 мая 1942 г. силами пяти–шести батальонов при поддержке артиллерии гитлеровцы нанесли ряд сильных ударов во фланг 12-й обмп и потеснили ее подразделения, действовавшие в районе реки Западная Лица. Ночью 4 мая части бригады перешли в наступление, но вскоре были остановлены противником, который, начав контр наступление, сумел прорвать ее оборону, но понес большие потери. В последующие дни действия немцев сводились к попыткам штурмовых групп пробиться в расположение бригады. Личный состав 12-й обмп в результате многодневных боев и крайне тяжелых погодных условий был ослаблен физически, понес потери от заболеваний

и обморожений, но продолжал героически сражаться, ведя тяжелые оборонительные бои. 6 мая на плацдарм был высажен 3-й батальон 125-го горно-стрелкового полка морской пехоты Мурманского укрепленного района, а 9 мая – 9-й оленельжный батальон. Сосредоточение в районе высадки десанта, на все его время действия на берегу, достаточного количества мелких плавучих средств с рассредоточением их дислокации наилучшим образом обеспечивало перевозку грузов и раненых 12-й обмп и готовность в любой момент, при необходимости, к эвакуации¹³. Использование небольших кораблей и катеров для высадки, снабжения и эвакуации десанта является характерным для Северного флота. Во-первых, это позволяло высаживать десанты практически на любом необорудованном побережье, во-вторых, малоразмерная цель трудна для поражения ее авиацией и артиллерией противника, а использование против катеров и мотоботов подводных лодок неэффективно и не позволяет использовать торпеды. Все это делало побережье прифронтовой полосы от устья Титовки до устья Западной Лицы крайне уязвимым против советских морских десантов и приковывало значительные силы немцев к обороне побережья, созданию опорных пунктов и введению лыжных и воздушных патрулей. Получив 6 мая подкрепление, бригада прочно закрепилась на новых рубежах обороны. К исходу 9 мая все командиры батальонов 12-й обмп получили приказ организовать сбор вооружения, снаряжения, обмундирования, похоронить убитых¹⁴. Активные боевые действия прекратились. В ночь с 10 на 11 мая бригада вела перестрелку с отдельными группами противника и проводила разведку. В районе высоты 227.4 был захвачен пленный 2-й роты 136-го горно-егерского полка (136-го геп), показавший, что два взвода этой роты потеряли 100% состава убитыми, ранеными, обмороженными. По его показаниям, 10 мая 136-й геп должен быть сменен подразделением резервного полка. Исходя из этого, был сделан вывод о том, что противник заменяет части, готовясь к новому наступлению¹⁵. 11 мая командующий Карельским фронтом, на основании распоряжения Ставки ВГК, дал директиву 14-й А прекратить наступление и закрепиться на достигнутых рубежах, а Северному флоту эвакуировать и вывести в резерв 12-ю обмп. В 21.00 11 мая командование 12-й обмп получило указание командующего Северным флотом об отводе бригады на восточный берег Западной Лицы. 12 мая в 09.00 12-я

обмп закончила перегруппировку сил и заняла оборону, а в 12.00 до личного состава был доведен боевой приказ № 020 о переброске бригады на правый берег губы Большая Западная Лица¹⁶.

На 15-е сутки боевых действий в тылу противника подразделения бригады начали организованный отход с позиций в указанные командованием флота пункты посадки на побережье Мотовского залива. К 12.00 13 мая подразделения бригады полностью переправились на правый берег губы Большая Западная Лица и сосредоточились в указанных в приказе квадратах¹⁷.

Обратная посадка десанта проходила по продуманному плану, принятому и командиром высадки, и командиром десанта, и ей предшествовала соответствующая двухдневная подготовка: вывозка излишней материальной части, выбор и обследование мест снятия десанта, которые были наименее уязвимы для огня и наблюдения противника. В итоге 12-я обмп поставленную задачу выполнила и продвинулась на 18 км вглубь территории, занятой противником. Только вследствие того, что 14-я А не смогла прорвать немецкую оборону с фронта и не вышла на соединение с бригадой, противник получил возможность использовать резервы против бригады, которая вынуждена была перейти к обороне. В ходе упорных и ожесточенных боев в сложных условиях войска 14-й А во взаимодействии с Северным флотом сорвали готовящееся наступление немецких войск на Мурманск. В докладе командованию Северного флота командиром 12-й обмп полковником В. В. Россохиным отмечались недостатки связи между бригадой и действовавшей в ее интересах авиации Северного флота. Взаимодействие с авиацией бригады шло через командование Северного флота, последним обеспечивались ее заявки на авиацию, но нужного эффекта не было видно. Авиация противника три раза в день по 25 самолетов производила налеты на части бригады и не менее двух раз ежедневно вела разведку расположения бригады¹⁸. Что выглядит само по себе странным, учитывая напряженную работу авиации, судя по документам штаба Северного флота. Содействие ВВС СФ десанту на берегу, а также десантным кораблям при перевозке десанта морем, выразилось в исключительно большом по напряжению объеме бомбардировочной, штурмовой, разведывательной и ПВО деятельности. Однако такой интенсивной деятельности и большим при этом потерям ВВС СФ (24 самолета) не соответствовала зафиксированная эффективность воздействия на противника. Отмечалась

и роль артиллерийской поддержки морской пехоты: «огневая поддержка наступления бригады состояла из минометов, артогня 45-мм пушек, корабельной артиллерии и артиллерии 14-й сд. Особенно эффективным и действительным огнем являлись минометы и 45-мм пушки, которые непосредственно сопровождали подразделения своим огнем, успешно обеспечивали наступление и атаку пехоты. Корабельная артиллерия и артиллерия 14-й сд вследствие плохого наблюдения, отсутствия связи и корректировки не давали ощутимых результатов»¹⁹. Несмотря на большие потери и неудачу десантной операции, 12-я обмп сохранила боеспособность. 22 мая 1942 г. она была передислоцирована на полуостров Рыбачий на отдых и пополнение, впоследствии войдя в состав Северного оборонительного района (СОР).

В документах бригады и штаба Северного флота отмечают очень большие потери. Из 6016 человек (с приданными частями 7165) бригада к концу операции потеряла убитыми, ранеными, обмороженными и пропавшими без вести 4503 человека (с приданными частями 4992). Это составило около 75 % (с приданными частями 70 %) ²⁰. В этом десанте не было определено направление главного удара, хотя возможность для соблюдения этого важнейшего тактического принципа была, если учесть, что боевой порядок бригады эшелонирован. На всех этапах операции разведка как основной вид боевого обеспечения проводилась слабо, это приводило не только к незнанию сил противника, но и путанице в опознании своих частей и врага. Вместе с тем, можно отметить четкую работу эвакуационного пункта, развернутого в Порт-Владимире, который в ходе операции был превращен в эвакуационный госпиталь, сыграв исключительную роль не только в эвакуационном отношении, но и в спасении жизней многих раненых, которых успевали доставлять на эвакуационный пункт через два часа после ранения и тут же оперировали²¹.

Основная заслуга бойцов и командиров 12-й обмп – это срыв готовящегося немецкого наступления на Мурманск весной 1942 г., нанесение противнику больших материальных и людских потерь.

В Решении Военного совета Северного флота по итогам десантной операции проведен анализ действий как бригады морской пехоты, так и всех частей подразделений СФ, участвовавших в операции. Штабу Северного флота поручалось переработать предложения командования 12-й обмп и доложить

Военному совету СФ к 25.06.42 г. об изменениях, направленных на создание гибкой организации бригады²². Как описал в своей книге «Фронтные будни Рыбачьего» Герой Советского Союза И. П. Барченко-Емельянов, бригада была переформирована с учетом опыта операции весны 1942 г.: «Наша 12-я бригада была сокращена до четырех батальонов вместо прежних шести, зато в ее состав вошли заново организованные артиллерийский и минометный дивизионы. На базе 135-го сп была создана 254-я бригада морской пехоты (254-я бмп) под командованием бывшего командира этого полка подполковника С. А. Косатого. К этому времени на Рыбачий прибыло новое соединение – 63-я бмп, которой командовал полковник А. М. Крылов»²³.

Десантная операция весной 1942 г. была последней крупной десантной операцией Северного флота в 1941–1942 гг. На мурманском направлении советско-германского фронта наступило затишье, обе противоборствующие стороны накапливали силы, совершенствовали фортификационные сооружения. Наступил период позиционной войны, в который командование Северного флота спланировало и осуществило целый ряд диверсионных десантов на побережье, занятое немецкими войсками. Диверсионный десант имел цель – производство диверсионных действий в тылу противника, воздействие на устойчивость его экономической, политической или военной мощи. Состав десанта определялся каждый раз конкретной задачей и мог колебаться от одного десантника до нескольких значительных групп, что, в свою очередь, определяло и время его проведения. Кроме того, на диверсионные десанты могли возлагаться задачи производства демонстраций с целью отвлечения внимания противника от направления главного удара²⁴. Первый такой десант был высажен 14 июля 1941 г. в районе мыса Пикшуев. В десантах принимали участие в основном морские пехотинцы разведрот бригад, разведвзводов батальонов, а впоследствии и бойцы разведывательного отряда штаба Северного оборонительного района (СОР). Военные советы Карельского фронта и Северного флота систематически анализировали работу разведки в частях и соединениях и давали указания по ее организации, формам и способам ведения. Позиционный характер боевых действий позволял проводить интенсивную боевую подготовку диверсионно-разведывательных групп и совершенствовать тактику их применения. «Расцветом» диверсионных десантов морской пехоты можно назвать летне-осенний период

1942 г. Связано это с тем, что после Мурманской наступательной операции весны 1942 г. 12-я обмп была выведена для пополнения и отдыха на полуострова Средний и Рыбачий, которые являлись удобным плацдармом для диверсионных десантов на побережье, занятое противником. К концу августа 1942 г. на основе полученных разведданных было установлено, что на южном побережье Мотовского залива немцы создали систему опорных пунктов, своим огнем препятствовавших движению кораблей Северного флота в Мотовском заливе и осуществлению погрузочно-разгрузочных работ в губе Эйно и губе Озерко. При этом наиболее интенсивный огонь велся противником из района мыса Пикшуев. Точное расположение огневых средств, состав гарнизонов, размещенных на южном побережье Мотовского залива опорных пунктов противника разведкой установлены не были, однако стало известно, что каждый из них включал до усиленной роты из состава 6-й гед. Кроме того, 16 октября 1942 г. от пленных были получены данные, что 6-я гед готовилась к отправке на Кавказский фронт. В целях удержания ее на мурманском направлении командующий Карельским фронтом приказал командующим 14-й А и Северным флотом систематически наносить удары по 2-й гед и держать противника в постоянном напряжении, заставляя его иметь в готовности резервы²⁵. По имеющимся сведениям, командованием 19-го горно-егерского корпуса готовится наступление на мурманском направлении с целью овладения главной базой Северного флота Полярным и Мурманском. Командующий Северным флотом своей директивой от 25 августа 1942 г. поставил командующему Северным оборонительным районом задачу систематически производить разведывательные поиски для выявления состава сил и намерений противника, а также высаживать диверсионные десанты для уничтожения вражеских опорных пунктов с обязательным захватом пленных²⁶. Кроме того, высадка разведывательных и диверсионных десантов имела целью создать видимость подготовки крупной десантной операции с целью срыва предстоящего немецкого наступления путем нарушения его планомерной подготовки. Энергичные действия морской пехоты вынудили противника создать сеть опорных пунктов с целью противодесантной обороны. По добытым разведданным, немецкое командование выделило 67-й самокатный батальон для противодесантной обороны побережья. По показаниям пленных удалось установить, что на побережье создана сеть в количестве 8 опорных пунктов (таблица 1)²⁷.

Таблица 1

№ п/п	Название опорного пункта	Кол-во л/с	Артиллерия	Мино-меты	Пуле-меты	Фортификаци-онные и иные сооружения	Направление огневой системы	
1	Могильный	80–100	1 (75-мм)	2	6	4 тяжелопулеметных дзота, 10 окопов для стрелков	В сторону Мотовского залива и Титовской губы	
2	Обергоф	100–120	–	2	11–12	4 тяжелопулеметных дзота, 5–6 легкопулеметных дзотов, до 15 окопов для стрелков, 12 землянок, НП, кухня	Круговая	
3	Пикшуев	120	2 (75-мм)	2	10	2 тяжелопулеметных дзота, 8 легкопулеметных дзотов, 12 землянок, НП	Круговая	
4	Гольцберг	100	–	2	6	Нет разведанных		
5	Фишерштайн	Нет разведанных						
6	Герцогштайн	60	–	4	4	Нет разведанных		
7	Зоммерберг	20–30	Нет разведанных					
8	Зееэнге	40	Нет разведанных					

Во исполнение директивы Северный оборонительный район в сентябре 1942 г. осуществил две высадки крупных диверсионных десантов в районе мыса Пикшуев. Наиболее эффективной явилась высадка 11 сентября 1942 г. сводного отряда 12-й обмп. К этому времени визуальным наблюдением за огневыми точками противника, а также детальным изучением рельефа местности по карте было установлено, что естественным и наиболее вероятным рубежом для организации системы огня и взаимодействия основных огневых средств является участок побережья от безымянного ручья до мыса Пикшуев и далее на юго-запад. Основным районом сосредоточения сил и средств противника предположительно являлся район безымянных высот. Замыслом боевых действий по уничтожению опорных пунктов 6-й гед на мысе

Пикшуев предусматривалось произвести высадку сводного отряда 12-й обмп в двух пунктах высадки: пункте № 1 – безымянный ручей – группа № 1 ст. лейтенанта И. П. Белозерова и пункте № 2 – лощина – группа № 2 лейтенанта Н. И. Грачева. После чего, осуществив охват опорных пунктов с флангов, отрезать противнику пути отступления и не допустить подхода его резервов, а затем совместным ударом с тыла в направлении мыса Пикшуев уничтожить живую силу и огневые средства противника в опорных пунктах²⁸.

В основу успеха боя положены внезапность высадки и стремительность действий десанта на берегу в тесном взаимодействии с поддерживающими силами и средствами. В состав сводного отряда под командованием майора А. П. Боровикова численностью 236 человек вошли две разведывательные группы: № 1 (командир старший лейтенант Н. П. Белозеров), включавшая отдельную роту автоматчиков бригады и два саперных отделения; № 2 (командир старший лейтенант Н. И. Грачев), включавшая отдельную разведывательную роту и саперное отделение. Кроме того, в каждую группу включены корректировочные посты, возглавляемые офицерами-артиллеристами. Для перевозки десанта к пунктам высадки первоначально было решено привлечь три катера типа МО (морской охотник). Артиллерийскую поддержку действий сводного отряда на берегу должны осуществлять батареи 104-го пушечно-артиллерийского полка. 7 сентября 1942 г. сводный отряд был сформирован и под видом проведения сбора автоматчиков сосредоточен в Майнаволоке в районе губы Зубовская (северное побережье полуострова Рыбачий). В течение 8 и 9 сентября проводилась интенсивная целенаправленная подготовка отряда к действиям в составе диверсионного десанта.

К ночи 10 сентября в районе бухты Эйна на южном побережье полуострова Рыбачий сосредоточился весь сводный отряд, все средства высадки.

Посадка сводного отряда 12-й ОБМП с причалов Эйна началась в 22.00 и закончилась в 22.40. При этом удалось погрузить 375 человек личного состава с оружием и снаряжением (ил. 1).

В результате высаженного 11 сентября 1942 г. на мыс Пикшуев диверсионного десанта 12-й обмп были полностью разгромлены три опорных пункта противника, уничтожено около 180 и взято в плен 9 солдат и офицеров противника, уничтожено 6 дотов, 13 дзотов, три продовольственно-вещевых склада и пять складов



Ил. 1. Высадка диверсионного десанта

боеприпасов, десять землянок, две палатки; захвачено четыре 75-мм, четыре 51-мм, четыре 81-мм орудия и два 120-мм миномета, сорок ящиков снарядов, 16 станковых и ручных пулеметов, 200 автоматов и винтовок, продовольствие, 63 ящика винтовочных патронов, одна ветряная электростанция и одна метеостанция. Потери отряда составили 24 человека убитыми и умершими от ран (в том числе пять младших офицеров) и 37 ранеными (из них три младших офицера). Таким образом, цель операции – уничтожение опорных пунктов противника на южном берегу Мотовского залива – была успешно выполнена. Народный комиссар ВМФ в своей директиве дал высокую оценку действиям диверсионного десанта морской пехоты Северного флота и поставил их в пример всем флотам и флотилиям Военно-Морского Флота.

В 1942–1943 гг. было высажено множество диверсионных десантов на побережье, занятое противником, были среди них и неудачные, приведшие к большим потерям. Так, в марте 1943 г. погибла почти полностью группа капитана Юневича. Но свою роль десанты сыграли, противник повысил бдительность и усилил охрану своих опорных пунктов. Это увеличило нагрузку на

немецкие войска, дополнительно выделяемые силы не могли действовать на Мурманском направлении и на перешейке полуострова Средний. Войска противника уже испытывали затруднения в связи с нехваткой людских резервов. В 1944 г. на целом ряде стратегических направлений советско-германского фронта немецко-фашистские войска были вынуждены сначала перейти к обороне, а затем и вовсе отступить за государственную границу СССР. В этих условиях возникли предпосылки к планированию и осуществлению наступательной операции по освобождению Советского Заполярья. В соответствии с замыслом Петсамо-Киркенесской стратегической наступательной операции штабом Северного флота был разработан ряд десантных операций, которые должны были помочь войскам Карельского фронта прорвать оборону гитлеровских войск на мурманском направлении. Однако из вспомогательных эти операции превратились в один из решающих факторов победы в Заполярье. За годы позиционной войны обученные воевать в горных условиях и имеющие высокую мотивацию немецкие горные егеря оказали войскам наступающей Красной армии ожесточенное сопротивление. Из-за плохой погоды в начальный период проведения операции и недостаточных разведанных авиация Карельского фронта и Северного флота не могла действовать эффективно. В горных условиях применение танков и САУ против укрепленных пунктов противника из-за отсутствия развитой сети дорог и сложности рельефа не стало решающим фактором в прорыве обороны, хотя и оказало высокий деморализующий эффект. В этих условиях удачно проведенные Северным флотом десантные операции на приморском фланге обороны противника оказались ключом к победе. Первым шагом к успеху стали действия частей морской пехоты Северного оборонительного района (СОР). Командующему Северным оборонительным районом СФ предстояло силами десанта в составе 63-й обрмп с частями усиления овладеть побережьем фиорда Мааттывуоно. После высадки десантникам предстояло вести наступление для выхода в тыл обороны противника на западном участке перешейка между материком и полуостровом Средний, а затем совместными действиями 12-й обрмп с фронта и 63-й обрмп с тыла прорвать и уничтожить вражескую оборону. В дальнейшем 12-я и 63-я обрмп с приданными частями, при поддержке артиллерии СОР и авиации флота, перерезали дорогу Пороваара-Титовка,

воспрепятствовав тем самым отходу войск противника на Петсамо. После этого морская пехота СФ и части СОР развивали наступление на Петсамо, соединившись там с войсками 14-й армии Карельского фронта²⁹.

С начала сентября артиллерия Северного оборонительного района начала систематическое подавление огневых точек на переднем крае и артиллерийских батарей в глубине обороны противника. Для введения командования германской группировки в заблуждение относительно направления главного удара огневое поражение осуществлялось по всему фронту. Авиация Северного флота наносила бомбоштурмовые удары по объектам противника и его коммуникациям. 12-я бригада морской пехоты с конца сентября и до начала октября 1944 г. готовилась к прорыву обороны противника на специально подготовленной в инженерном отношении местности. В каждом батальоне были сформированы штурмовые группы в составе от одной до полутора рот со средствами усиления. Для преодоления крупных горных подъемов и спусков проводились учения по альпинистской подготовке, изготавливались штурмовые лестницы, крючья и необходимый шанцевый инструмент.

Все соединения и части врага были хорошо подготовлены к ведению боевых действий в специфических условиях Крайнего Севера. Они создали в Заполярье несколько развитых в инженерном отношении оборонительных полос и рубежей, эшелонированных на 150 км (ил. 2).

Опыт ведения боевых действий в Заполярье 1941–1944 гг. наглядно показал обеим противоборствующим сторонам, что в условиях слаборазвитой сети коммуникаций, сложности рельефа, погодных и природных условий успеха добивается не тот, кто имеет численный перевес, а тот, кто контролирует транспортную инфраструктуру и может организовать своевременный подвоз всех видов обеспечения, осуществлять эвакуацию раненых и подход подкреплений. «Опыт показал, – писал командующий 20-й немецкой армией генерал Лотар Рендулич, – что русские прекрасно понимали и мастерски использовали возможности местности... и все же бездорожье резко снижало темпы их наступления. Эти же причины сковывали действия и обороняющейся стороны: сужались возможности быстрого ввода в бой резервов. Требовалось много времени и усилий, чтобы доставить их в нужное место и в нужное время»³⁰.



Ил. 2. Немецкий узел обороны на берегу Мотовского залива, траншея вырублена в толще скалы. Фото автора

В сложившихся условиях для поддержания темпов наступления и лишения противника возможности маневра своими резервами важное значение имело овладение портами Печенга и Лиинахамари. Быстро захватить и использовать их в условиях глубоко эшелонированной обороны немецкой группировки можно было только путем высадки десантов. Командование Карельского фронта и Северного флота нашло верное решение – с юга и севера нанести удары по открытым флангам противника. С юга должны были ударить специально созданные для действий в условиях бездорожья легкие стрелковые корпуса (126-й, 127-й), способные действовать на удалении до 100 км от пунктов снабжения. С севера охват открытого фланга противника, отсечение его от основных сил и коммуникаций должны были выполнить морские пехотинцы Северного флота. В ночь на 10 октября корабли Северного флота высадили тактический десант в составе 63-й бригады морской пехоты, всего 2837 человек³¹, с задачей оказать содействие 12-й бригаде морской пехоты с приданными ей частями в губе Малая Волоковая с целью обойти главную



Ил. 3. Современное состояние одного из зданий КП немецкой группировки «Норд» на полуострове Средний. Фото автора

линию обороны противника на перешейке между полуостровами Средний и Рыбачий. Полосу обороны протяженностью 9 и глубиной 3 км на перешейке полуострова Средний занимала дивизионная группа «Норд», в составе 503-й авиаполевой бригады и 193-го пехотного полка с подразделениями усиления. Основу обороны противника составляли ротные опорные пункты, объединенные в батальонные узлы сопротивления (ил. 3).

Утром 10 октября перешли в наступление 12-я и 63-я отдельные бригады морской пехоты СОР. Боевые действия начались с высадки двух десантных групп численностью 44 человека на южное побережье Мотовского залива в районе мыса Пикшуев с целью отвлечения внимания противника от района высадки основного десанта. Приняв его за превосходящие силы, противник открыл сильный огонь из стрелкового оружия, но в результате огня корабельной артиллерии поспешно оставил свои позиции. Так демонстративный десант отвлек внимание противника и способствовал успешной высадке основных сил 63-й отдельной бригады морской пехоты (обрмп). На следующий день на южное побережье фьорда Маативуоно (Малая Волоковая) скрытно от противника была высажена 63-я обрмп и сводный



Ил. 4. Морская пехота 12-й обрмп на марше после прорыва немецкой обороны на хребте Муста-Тунтури, п-ов Средний

разведотряд численностью 195 человек, возглавляемый капитаном И. П. Барченко-Емельяновым. Около 2.00 10 октября 10 больших охотников, 8 сторожевых и 12 торпедных катеров, приняв на борт 2837 морских пехотинцев и около 16 т груза, тремя отрядами вышли из базы Земляное.

Район высадки бригады был крайне неудобным, не имел ни одной песчаной отмели, имел сложный скалистый рельеф дна, что делало высадку десанта опасной для плавсредств. Морским пехотинцам пришлось высаживаться на крутой скалистый берег. Тем не менее, высадка прошла успешно. Утром 10 октября часть подразделений 63-й обрмп, развивая наступление, вышла во фланг и тыл обороны противника на перешейке п-ова Средний, передний край которой проходил по хребту Муста-Тунтури. В бою на Муста-Тунтури помощник командира взвода автоматчиков сержант А. Клепач, будучи раненым, повторил подвиг А. Матросова, закрыв собой амбразуру дзота и дав возможность роте завершить атаку.

К полудню 12-я обрмп соединилась у озера Тие-Ярви с батальонами 63-й обрмп, после чего получила задачу завершить окружение противника, а 63-я обрмп, усиленная 624-й отдельной танковой и пулеметной ротами, – захватить узел дорог южнее Усто-Ярви (ил. 4).

К 11 октября 1-й батальон 63-й обрмп захватил высоту 268,0, у подножия которой проходила дорога Титовка–Пороваара. Эта дорога, построенная инженерными частями немецкой армии за три месяца и названная «немецкой» или «швабской», играла важную роль в снабжении немецкой группировки войск на полуострове Средний. Овладение высотой 268,0 позволяло контролировать путь отхода противника к деревне Пороваара, а именно это являлось конечной задачей, поставленной командующим Карельским фронтом морской пехоте СОРа. Противник силой до батальона четыре раза безуспешно штурмовал эту высоту. После 12-часового боя 1-й батальон 63-й обрмп потерял треть личного состава, израсходовал большую часть боеприпасов, но с высоты не отступил.

В результате непродолжительной, но мощной артиллерийской подготовки батальон Петрова 12-й обрмп, который присоединился к 63-й обрмп в ходе наступления, и батальон 63-й обрмп Красильникова взяли штурмом последнюю высоту в обороне дивизионной группы «Норд». Хотя окружить и отрезать пути отступления немецкой группировки не удалось ввиду заблаговременного отвода противником своих сил с полуострова Средний, выполнение такой сложной боевой задачи имеющимися силами и в такие короткие сроки является уникальным событием в истории не только отечественной морской пехоты. Фактически созданная на протяжении более трех лет система позиционной обороны на господствующих высотах в условиях скального грунта на самом экстремальном в климатическом отношении участке Восточного фронта была прорвана за несколько суток.

Особую роль в операции сыграли действия объединенного отряда в составе отдельного разведотряда СОР и разведотряда СФ под командованием капитана И. П. Барченко-Емельянова, имевшего задачу уничтожить противника на мысе Крестовом и облегчить высадку десанта в залив Петсамо-Вуоно.

В ночь на 10 октября отряд, усиленный группами артиллеристов, саперов, радистов и медработников, общей численностью 195 человек, быстро и организованно высадился в губе Малая Волоковая (Варангер-фьорд), стремительным броском занял прибрежные высоты и без потерь вышел из зоны огня противника.

После доклада командованию отряд начал движение к м. Крестовый. К утру 11 октября измотанные ночным переходом бойцы вышли в район озера Сясяярви, где расположились на отдых.

В сумерках разведчики продолжили движение и к наступлению темноты вышли на прибрежные отроги у залива Петсамо-Вуоно, с которых просматривались контуры мыса Крестовый, за которым на противоположном берегу виднелся порт Лиинахамари. Атака началась в пятом часу утра. Внезапное появление разведывательного отряда ошеломило противника. Ряды колючей проволоки и сильный огонь чуть было не остановили отряд Леонова. Здесь совершил свой подвиг разведчик-силач И. Лысенко. Он нечеловеческим усилием вырвал секцию заграждений из колючей проволоки и открыл путь своим товарищам, но сам погиб. Противник подверг м. Крестовый массированному огневому налету артиллерийских батарей крупного калибра, после чего к полудню на мыс было высажено несколько десантных групп. Отряд понес значительные потери. Позиции 88-мм зенитной батареи несколько раз переходили из рук в руки. В один из напряженных моментов боя авиационную поддержку отряду оказала авиация Северного флота. С самолетов были сброшены боеприпасы и продовольствие. Произведя перегруппировку, разведывательный отряд продолжил наступление и к исходу дня взял под контроль весь берег, лишив противника возможности переправлять через залив подкрепления. В это же время все оставшиеся в живых немцы были заблокированы в районе огневых позиций 150-мм батареи. После прибытия на м. Крестовый обещанной помощи – разведроты 63-й обрмп во главе с капитаном Ильясовым – немецкий гарнизон Крестового капитулировал.

Вечером 12 октября, когда после донесения Барченко-Емельянова была уточнена обстановка на мысе Крестовом, командующий Северным флотом решил высадить десант в порту Лиинахамари. Такое решение было принято не только вследствие успеха объединенного разведотряда Барченко-Емельянова, но и в связи с разгромом морской пехотой дивизионной группы «Норд».

В состав десанта был назначен 349-й отдельный пулеметный батальон морской пехоты СОР майора И. А. Тимофеева в количестве 338 человек и отряд 125-го полка морской пехоты, включавший разведывательную роту и роту автоматчиков в количестве 320 человек под командованием ст. лейтенанта Б. Ф. Петербургского. Десант под командованием майора Тимофеева получил задачу высадиться на причалы в Лиинахамари, захватить порт и удерживать его до подхода 12-й обрмп (ил. 5).



Ил. 5. Высадка десанта

Вечером 12 октября была осуществлена смелая по замыслу и исполнению высадка в порт Лиинахамари сводного отряда морской пехоты под командованием майора Тимофеева. В первом броске на катерах Героя Советского Союза капитан-лейтенанта А. О. Шабалина и лейтенанта Е. А. Успенского прямо на причалы высадились два взвода морских пехотинцев. Противник открыл сильный огонь. В первые минуты боя тяжело ранило командира отряда Александрова, которого заменил его помощник сержант И. П. Каторжный. Под его командованием взвод захватил три причала.

Взвод автоматчиков младшего лейтенанта Семенова вместе с разведчиками сержанта Каторжного атаковал и уничтожил четыре артиллерийских дота с 75-мм пушками. Затем десантники атаковали гостиницу Петсамо, где противник организовал узел сопротивления. Рукопашная схватка происходила на этажах, в холлах, комнатах. В ходе боя сержант Каторжный и старший матрос Королев, пробившись на крышу, укрепили на ней красный флаг. Другой взвод разведроты, захватив в бою четыре 20-мм автоматических пушки, открыл из них огонь по противнику. К утру 13 октября порт и окружающие его высоты были захвачены десантом. В ночь на 15 октября войска Карельского фронта форсировали р. Печенгу и в тесном взаимодействии



Ил. 6. Катера Северного флота перевозят десант

с соединениями морской пехоты ударом по сходящимся направлениям разгромили гарнизон, овладели городом и портом Петсамо – мощным опорным пунктом обороны противника на Крайнем Севере.

Потерпев поражение в районе Петсамо, противник под прикрытием сильных арьергардов отступил на запад. В этой обстановке Северный флот получил задачу высадить десант морской пехоты на южное побережье Варангер-фьорда для обеспечения действий приморского фланга 14-й армии (ил. 6).

18 октября 4-й батальон 12-й обрмп был высажен в заливах Сусло-Вуоно и Аресо-Вуоно. Морские пехотинцы овладели населенными пунктами Афанасьев, Турунен, Вуореми и к 20 октября освободили побережье до Вуореми включительно. С 18 по 22 октября территория Советского Заполярья была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Успех советского наступления был ошеломительным для противника. Используя немецкие трофейные документы, начальник отдела военно-исторической службы армии США Эрл Зимке красноречиво описал уровень военного искусства, которого достигла Красная армия и Северный флот в ходе операции: «За одну неделю русские не оставили камня на камне от линии фронта, на укрепление которой у немцев ушло три года планирования и труда. Но самым тяжелым ударом для немцев стало то, что русское наступление полностью опровергло доктрину, которой 20-я горнострелковая армия

придерживалась с 1941 года: арктический рельеф местности делает невозможным быстрое перемещение больших воинских контингентов и, в частности, исключает танковые операции»³².

В ночь с 24 на 25 октября Северный флот высадил десант в составе двух батальонов 63-й обрмп в заливе Хольменгор-фьорд в 15 км северо-восточнее г. Киркенеса. Стремительным броском морские пехотинцы овладели рыбацкими поселками, захватили батареи береговой обороны и электростанции, обеспечивавшие электроэнергией весь район Киркенеса. Одновременно ранее высадившиеся подразделения 12-й обрмп и 125-го пмп форсировали залив Бек-фьорд и перешли в наступление на Киркенес с востока. 25 октября 1944 г. город был освобожден. Действия морских пехотинцев Северного флота, сражавшихся в исключительно трудных условиях Заполярья, получили высокую оценку Родины.

За время Петсамо-Киркенесской операции противник потерял около 30 000 человек убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести. Наши потери составили 21 233 человека, из них 6084 – безвозвратно, в том числе 2122 на норвежской земле³³. Победа над гитлеровскими войсками в Заполярье ослабила оборону северных районов Третьего рейха. Задачи Петсамо-Киркенесской наступательной операции были выполнены.

1 ноября 1944 г. Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. В. Сталин в своем приказе объявил благодарность войскам, а также соединениям и кораблям Северного флота, участвовавшим в Петсамо-Киркенесской стратегической наступательной операции. Приказом Верховного Главнокомандующего от 14.11.1944 г. почетное наименование Киркенесской было присвоено 63-й Краснознаменной бригаде морской пехоты. 15 ноября 1944 г. Карельский фронт был расформирован, боевые действия на территории Норвегии больше не велись.

¹ Зефилов М. В., Дегтев Д. М., Баженов Н. Н. Тени над Заполярьем. Действия Люфтваффе против советского Северного флота и союзных конвоев. М.: «АСТ», 2008. С. 6–8.

² Красавкин В. К., Филоненко В. Н. Штаб Северного Флота (1916–1998), историко-документальный очерк. СПб., 1999. С. 97.

³ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под общей редакцией ГК ВМФ адмирала флота В. И. Куроедова. СПб.: Морской Петербург, 2005. Т. 1. Северный флот. С. 100.

⁴ Там же.

⁵ Боевой путь Советского Военно-морского Флота. М.: Воениздат, 1974. С. 191.

⁶ Абрамов Е. П. Морская пехота. СПб.: «Судостроение», 2005. С. 53.

⁷ Абрамов Е. П., Литвинов В. В. Презревшие смерть. СПб.: Творческое объединение «Пальмира», 2010. С. 99.

⁸ Архивный отдел Центрального военно-морского архива (АОЦВМА). Ф. 11. Д. 1241. Л. 108.

⁹ Там же. Ф. 1346. Оп. 2. Д. 30. Л. 67.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Оп. 28. Д. 5. Л. 7.

¹² Там же. Л. 22.

¹³ Там же. Ф. 11. Д. 1241. Л. 108.

¹⁴ Там же. Ф. 1346. Оп. 28. Д. 6. Л. 72.

¹⁵ Там же. Л. 76.

¹⁶ Там же. Л. 131.

¹⁷ Там же. Л. 78.

¹⁸ Там же. Ф. 11. Д. 1241. Л. 109.

¹⁹ Там же. Ф. 1346. Оп. 27. Д. 10. Л. 59.

²⁰ Там же. Ф. 11. Д. 1241. Л. 109.

²¹ Там же. Л. 110.

²² Там же. Л. 111.

²³ Барченко-Емельянов И. П. Фронтовые будни Рыбачьего. Мурманск, 1984. С. 55.

²⁴ Жуматий В. И. Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны. 1918–1945. М.: Центрполиграф, 2011. С. 62.

²⁵ Боевая летопись Военно-морского флота 1941–1942. М.: Военное издательство, 1983. С. 48.

²⁶ Абрамов Е. П., Литвинов В. В. Презревшие смерть. С. 106.

²⁷ Таблица составлена автором на основе материалов ЦВМА. Ф. 1346. Оп. 27. Д. 6. С. 115.

²⁸ Абрамов Е. П., Литвинов В. В. Презревшие смерть. С. 107.

²⁹ АОЦВМА. Ф. 11. Д. 17814, Т. 5. Л. 9–15; ЦВМА. Инв. № 2943. С. 124–126.

³⁰ Носков А. М. Скандинавский плацдарм. М.: Наука, 1977. С. 216.

³¹ Там же. С. 217.

³² Зимке Эрл. Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945. М.: Центрполиграф, 2005. С. 378.

³³ Носков А. М. Скандинавский плацдарм. С. 226.

П. В. Кадосов (Санкт-Петербург)

**ИЗОБРЕТАТЕЛЬ БЕЗОПАСНОГО СПОСОБА
СУШКИ ПИРОКСИЛИНА ПОЛКОВНИК
ИВАН НИКОНОВИЧ ЗАХАРОВ (1866–1929)
И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФОНД В НАУЧНОМ
АРХИВЕ ВИМАИВиВС**

ИМЯ ИВАНА НИКОНОВИЧА ЗАХАРОВА долгое время оставалось преданным забвению, но в течение последнего десятилетия автором данной работы было опубликовано несколько статей, посвященных забытому изобретателю¹. В этих статьях подробно изложена его биография. Поэтому сейчас представляется уместным ограничиться ее кратким пересказом, а основное внимание сосредоточить на научной деятельности Ивана Никоновича (ил. 1).

Будущий военный изобретатель родился в 1866 г. в Смоленской губернии в семье крестьянина, бывшего солдата Никона Корнеевича Захарова. Никон Корнеевич служил лаборантом в Лейб-Гвардии 2-й Артиллерийской бригаде². Таким образом, у Ивана Никоновича были некоторые предпосылки для занятий химией и артиллерийским делом. После ранней смерти отца семья Захаровых переехала на Пороховые близ



Ил. 1. Иван Никонович Захаров.
Конец XIX – начало XX в. Архив
семьи Захаровых



Ил. 2. Обложка тетради ученика Пиротехнической артиллерийской школы И. Н. Захарова. Архив семьи Захаровых

Санкт-Петербурга. Там, из-за материальных трудностей, Иван Никонович и два его старших брата с детских лет стали работать на Охтинском пороховом заводе. В 1886–1890 гг. Иван Никонович окончил Пиротехническую артиллерийскую школу³. В семейном архиве Захаровых сохранилась одна из его тетрадей (ил. 2).

После краткой службы в Кронштадтской крепостной артиллерии герой статьи в 1891 г. был в звании обер-фейерверкера 1-го разряда переведен на Охтинский пороховой завод⁴. Здесь местом его работы стали сушильные мастерские.

На тот момент сушка пироксилина была одним из самых опасных этапов производства пороха, так как сушили его примитивным способом – насыпая в больших количествах в лотки и выдерживая при высокой температуре. В таких условиях пироксилиновая масса часто взрывалась, и сотрудники, дежурившие в «сушилке» сменами по четыре человека, погибали. Одним из таких взрывов в 1885 г. был убит старший брат Ивана Никоновича Михаил⁵.

Вскоре после назначения на Пороховые Иван Никонович предоставил командиру завода генерал-майору Александру Ивановичу Студзинскому рапорт об открытом им способе безопасной сушки пироксилина путем спиртового обезвоживания⁶. Указанный способ позволял полностью избежать взрывов на данном этапе производства пороха. Однако нововведение было принято далеко не сразу. Много лет спустя Иван Никонович с горечью вспоминал, что после его открытия пироксилин еще долго сушили по-старому и «23 марта 1892 года дождался нового взрыва»⁷, который унес жизни девяти человек, а пятеро были тяжело ранены⁸. Обер-фейерверкера Захарова тогда тоже сочли погибшим, так как на месте взрыва нашли его шинель. Но в тот день он отпросился по делам в город, а шинель оставил в сушильне⁹.

В итоге, «при валовой фабрикации пороха» на российских пороховых заводах безопасный способ сушки пироксилина стал применяться только с 1893 г., а на Охтинском заводе вообще в 1894 г.¹⁰

Заслуга Ивана Никоновича Захарова также не сразу была признана начальством, но после ряда конфликтов он в 1894 г. был награжден премией в 100 рублей и знаком отличия ордена Святой Анны, установленным для нижних чинов¹¹.

Результатом конфликтов с руководством завода также стал временный перевод Ивана Никоновича в Двинскую крепостную артиллерию в качестве артиллерийского чиновника в 1894–1895 гг.¹² Вернувшись на Охтинский пороховой завод, он продолжил карьеру чиновника, вначале на должности помощника столоначальника, а с 1896 г. – письмоводителя. После очередной реорганизации пороховых заводов и формирования в 1902 г. отдельного Охтинского завода взрывчатых веществ Иван Никонович был назначен его казначеем. С 1905 г. он «проходил должность» старшего классного обер-фейерверкера (в 1914 г. должность была переименована в пиротехника). В 1907–1910 и 1912–1915 гг. обер-фейерверкер Захаров состоял членом Хозяйственного комитета завода, а в 1915 г. утвержден членом указанного комитета «на все время военных действий». С 1916 г. Иван Никонович заведовал втулочной мастерской завода взрывчатых веществ¹³. Об этом периоде его деятельности сохранились документы, согласно которым он проявлял заботу о больных рабочих, ходатайствуя о выплате им «половинной казенной оплаты»¹⁴ (ил. 3).

За время службы «гражданским чиновником военного ведомства» Захаров получил чины губернского секретаря (1894), коллежского секретаря (1897), титулярного советника (1900), коллежского асессора (1906) и надворного советника (1910). В конце сентября 1917 г. он, согласно приказу Временного правительства о чинах, был «переименован в полковники», но уже два месяца спустя, вскоре после Октябрьского переворота, произошло упразднение «всех чинов, званий и отличий, кроме звания по занимаемой должности». С февраля 1918 г. Иван Никонович состоял на должности «младшего техника высшего оклада», а осенью того же года он был уволен в отставку по болезни, с назначением пенсии¹⁵. Пенсия, однако, ему не выплачивалась, и химик был вынужден продолжить службу на заводе «до последнего упадка сил»¹⁶. В 1919 г. он был назначен письмоводителем при Канцелярии главного инженера, а в 1920-м – переведен



Ил. 3. Пороховые, 1915 г. Иван Никонович Захаров с женой и детьми.
Архив семьи Захаровых

в химическую лабораторию с правом проведения самостоятельных исследований. В последующие годы Иваном Никоновичем был поставлен ряд опытов в области электрохимии¹⁷.

В 1925 г. «бывшему полковнику» удалось добиться полноценной пенсии, и он, уже будучи тяжело больным, наконец вышел в отставку. Остаток жизни Иван Никонович провел в коммунальной квартире на улице Красных Зорь¹⁸ (название части Каменностроговского проспекта в 1918–1934 гг.). Умер изобретатель в 1929 г. в возрасте шестидесяти трех лет¹⁹ и был погребен на Пороховском кладбище.

Теперь рассмотрим подробнее научную деятельность Ивана Никоновича Захарова. Больше всего вопросов, а при жизни изобретателя и конфликтов, вызывает его роль в изобретении безопасного способа сушки пироксилина. Известно, что теоретически такую возможность сформулировал великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев в 1890 г. Тогда же он сообщил о своей идее некоторым членам Артиллерийского комитета сухопутного ведомства, но получил ответ, что это дело будущего, а пока никаких нововведений в производстве пороха делать не планируется. При этом артиллеристы ссылались на указания

Отчет №1

Взяты 4 образца сырого пироксилина с влажностью 33,05% во видных чашках открытой емкости и помещены на первую обработку спирт в 95°, далее через 10 минут в 1^ю перебивают в 92°, со 2^ю в 88° и т.д.

Получились следующие данные:

№ п.п.	Время обработки	Масса сырого пироксилина	Масса спирта	Масса смеси	Влажность (%)	Температура	Средняя влажность (%)	Средняя температура	Средняя влажность (%)	Средняя температура	Средняя влажность (%)	Средняя температура	Средняя влажность (%)	Средняя температура
1	10	6,795	3,205	370	408,5	95°	0,814	400	376,28	94,7°	0,818	94,5°	0,8187	
2	10	6,795	3,205	460	376,28	94,7°	0,818	410	382	94°	0,820	93,9	0,8209	
3	10	6,795	3,205	470	382	94°	0,820	560	296,28	93,3°	0,823	93,2	0,8235	
4	10	6,795	3,205	360	386,28	93,3°	0,823	810	936,34	92,2°	0,824	92,4°	0,8264	

Ил. 4. Фрагмент описания опытов И. Н. Захарова по сушке пироксилина спиртом. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 1. Л. 1

консультанта Охтинского порохового завода французского инженера Мессена (который, как выяснилось позднее, вопросом сушки пироксилина вообще не занимался)²⁰.

Иван Никонович Захаров предложил командованию идею безопасной сушки пироксилина в 1891 г. Впоследствии он свидетельствовал, что это предложение стало результатом его личных опытов, поставленных неофициально²¹. В декабре 1891 – феврале 1892 г. им же были проведены официальные исследования (их подробное описание хранится в архиве ВИМАИВиВС), также с положительным результатом²² (ил. 4).

В 1893 г., когда решался вопрос о награждении Ивана Никоновича, авторство метода спиртового обезвоживания пироксилина стало предметом переписки между командиром Охтинского порохового завода генерал-майором А. И. Студзинским и Д. И. Менделеевым. В настоящее время эта переписка

хранится в ЦГИА СПб²³, в 1965 г. она была частично опубликована в книге, посвященной 250-летию Охтинских заводов²⁴.

Студзинский, который, по мнению самого Ивана Никоновича, относился к нему негативно, тем не менее заверил Менделеева, что никто из «сухопутных артиллеристов» (членов Артиллерийского комитета) не поделился полученной от ученого информацией с чинами порохового ведомства, и впервые на Охтинских заводах о возможности спиртового обезвоживания пироксилина узнали в 1891 г. от Захарова²⁵. Позиция генерала Студзинского, впрочем, могла отчасти объясняться нарастающим конфликтом между руководством Охтинского порохового завода и Д. И. Менделеевым. В начале следующего 1894 г. конфликт принял открытую форму – заводские офицеры подвергли великого химика критике в «Журнале комиссии, образованной по приказанию начальника Охтенских пороховых заводов для рассмотрения докладной записки профессора Менделеева». Среди прочего, авторы журнала указывали на Захарова как на автора способа спиртовой сушки пироксилина и подчеркивали, что данный способ «без всяких указаний со стороны профессора Менделеева изучен во всех деталях Охтинским и Казанским пороховыми заводами»²⁶. Дмитрий Иванович дал обстоятельный ответ на критику, но в вопросе по спиртовому обезвоживанию отметил, что не может фактически прояснить это дело²⁷.

Таким образом, остается неизвестным, знал Иван Никонович о предложении Д. И. Менделеева или же действовал полностью самостоятельно. В последующие годы этого вопроса вскользь касались авторы трудов по истории артиллерийского дела. Так, выдающийся ученый В. Н. Ипатьев, ровесник Ивана Никоновича, во время описываемых событий учившийся в Михайловской артиллерийской академии и, вероятно, бывший в курсе многих событий, в своих воспоминаниях однозначно указывает на героя статьи как на автора изобретения²⁸. Составители фундаментального труда «Артиллерия», изданного в советские годы, называют Ивана Никоновича Захарова талантливым самородком и полагают, что, приступая к исследованиям, он ничего не знал о выдвинутом годом раньше предложении Менделеева²⁹. Химик А. Г. Горст отмечает, что именно Иваном Никоновичем Захаровым спиртовое обезвоживание было впервые применено на практике³⁰. Авторы книги «Курс артиллерии» отбтекаемо пишут, что безопасный способ сушки пироксилина был разработан «по предложению Д. И. Менделеева и при участии Захарова»³¹.

Можно сделать вывод, что независимо от того, знал Иван Никонович о предложении Д. И. Менделеева или нет, именно он стал первым, кто провел исследования сушки пироксилина спиртом в промышленных условиях и добился положительных результатов. Ввиду этого заслуга героя статьи в развитии порохового дела представляется важной и несомненной. Немаловажным является и то, что своей энергией и настойчивостью Иван Никонович немало поспособствовал тому, чтобы безопасный способ сушки пироксилина был принят командованием и внедрен в производство. Благодаря этому были спасены тысячи жизней.

В последующие годы, служа артиллерийским чиновником, герой статьи не оставил научной деятельности. По воспоминаниям своих родных, он ставил различные опыты как в имевшейся у него домашней лаборатории, так и в заводских условиях. В 1895 и 1897 гг. Иван Никонович проводил исследования влияния на пироксилин спиртов, кислот и эфиров³². В 1899 г. он по собственной инициативе, на которую последовало согласие заводского командования, в свободное от службы время производил опыты по промывке кислотного пироксилина спиртом³³. В результате был разработан более рациональный и экономичный способ очищения пироксилина, который, кроме того, имел и экологическую пользу (на что Иван Никонович обращал особое внимание) – в процессе кислоты осаждались в виде солей, а не поступали через сточные воды в реку Охту, чем устранялся вред для здоровья местных жителей³⁴.

В 1911 г. обер-фейерверкер Захаров разработал проект железных сухих ванн с водяным отоплением для заливки тротилом снарядов среднего калибра и предоставил об этом рапорт начальнику Тротиловой мастерской Охтинского завода взрывчатых веществ³⁵. Однако дальнейшая судьба этого проекта в настоящее время неизвестна, поскольку деятельность Ивана Никоновича на заводе взрывчатых веществ исследована недостаточно, впрочем, как и история самого завода.

В советское время, на закате своей научной карьеры, герой статьи занимался исследованиями по электрохимии в лаборатории Охтинского завода пороховых и взрывчатых веществ (образованного в 1920 г. в результате слияния порохового завода и завода взрывчатых веществ, с 1922 г. – Охтинский завод взрывчатых веществ имени И. А. Авдеева, с 1924 – Центральный опытный завод пороховых и взрывчатых веществ им. И. А. Авдеева).

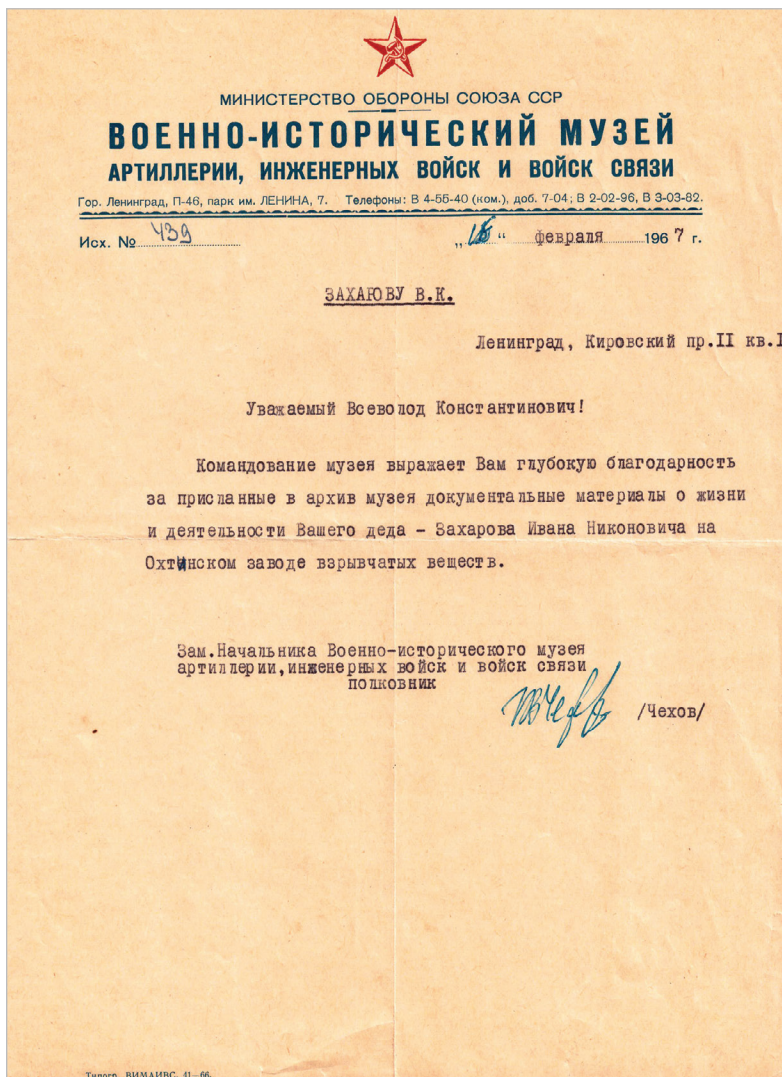
В 1921 г. Иваном Никоновичем был разработан способ получения бертолетовой соли из хлористого калия с помощью электролиза, а в 1924 г. – способ разложения серонатровой соли (сульфата натрия) на кислоту и щелочь, также с помощью электролиза. Данные разработки имели промышленное значение³⁶.

Но главным научно-промышленным достижением изобретателя, несомненно, является разработка метода спиртового обезвреживания пироксилина и его применение в производственных условиях.

В завершение следует рассказать об архиве Ивана Никоновича Захарова, который содержит ценные документы по истории Охтинских пороховых заводов конца XIX – начала XX в. Значительную часть архива он передал своему сыну Константину (1895–1942). Вероятно, это произошло в 1925 г., когда Иван Никонович вышел на пенсию и готовился покинуть Пороховые, а Константин Иванович, который также работал на заводе, оставался там жить. На это указывают состав и датировка документов – большинство из них носит служебный и научный характер и относится к периоду 1891–1925 гг. Таким образом, можно предположить, что, покидая место службы, Иван Никонович оставил сыну материалы, которые не требовались ему на пенсии.

Константин Иванович и его жена умерли в блокаду Ленинграда от голода, и архив унаследовал их сын. Всеволод Константинович Захаров (1925–1990) стал выдающимся ученым, профессором Ленинградского политехнического института, одним из основателей и первым деканом факультета технической кибернетики³⁷. В 1965 г. он передал документы своего деда в научный архив Артиллерийского музея, за что в 1967 г. ему была выражена благодарность от лица музейного командования. Данные документы включают в себя описания научных опытов, переписку с заводским командованием, послужные списки и т. д. (ил. 4).

Вторая часть архива Ивана Никоновича Захарова была передана в ВИМАИВиВС в 2021 г. Эта часть содержит, главным образом, материалы частного характера – метрические свидетельства, пенсионные книжки, фотографии и т. д. История их такова. Покидая Пороховые, Иван Никонович оставил указанные материалы у себя, так как они требовались ему в дальнейшей жизни. На момент смерти изобретателя из четырех детей с ним проживала дочь, Александра Ивановна Глаголева (1893–1978)³⁸, которая и унаследовала семейный архив. На протяжении трех



Ил. 5. Благодарственное письмо ВИМАИВиВС Всеволоду Константиновичу Захарову. Архив семьи Захаровых

поколений потомки Ивана Никоновича бережно хранили связанные с ним реликвии. Внучка Александры Ивановны литературовед Елена Николаевна Монахова (1948–2020) оставила их

своим родственникам для передачи в фонд Ивана Никоновича Захарова в архиве ВИМАИВиВС, что и было исполнено. Символично, что передача материалов состоялась в год 155-летнего юбилея изобретателя.

¹ Кадосов П. В. 1) Памяти Ивана Никоновича Захарова // Культурно-исторический альманах «Фонтанка». 2015. № 17. С. 48–52; 2) Сто рублей за открытие // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. № 187 (5804); К 90-й годовщине смерти Ивана Никоновича Захарова (2019 г.) // Официальный сайт Центра духовной культуры и образования Выборгского благочиннического округа Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви. URL: <https://pocdk.ru/publikacii/k-90-jj-godovshhine-smerti-ivana-nikonovicha-zakharova> (дата обращения: 10.01.2022).

² Прошение И. Н. Захарова в Комиссариат труда Бюро социальной помощи о выдаче ему пособия (1918 г.) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинском пороховом заводе близ Санкт-Петербурга за 1874 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 409. Л. 7 об.–8. Кадр 10.

³ Послужной список И. Н. Захарова за 1907 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.–2.

⁴ Там же.

⁵ Прошение И. Н. Захарова в Комиссариат труда Бюро социальной помощи о выдаче ему пособия (1918 г.) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинском пороховом заводе близ Санкт-Петербурга за 1885 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 473. Л. 99 об.–100. Кадр 102.

⁶ Прошение И. Н. Захарова в Комиссариат труда Бюро социальной помощи о выдаче ему пособия (1918 г.) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Охтинский химический комбинат. 1715–1965. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. С. 33.

⁹ Прошение И. Н. Захарова в Комиссариат труда Бюро социальной помощи о выдаче ему пособия (1918 г.) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

¹⁰ Об устройстве в заводе сушильни для сушки пироксилина спиртом // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 25. Л. 252.

¹¹ Приказ о награждении И. Н. Захарова // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Об устройстве в заводе сушильни для сушки пироксилина спиртом // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 25. Л. 111.

¹² Послужной список И. Н. Захарова за 1907 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.-2.

¹³ Послужной список И. Н. Захарова за 1919 г. // Там же. Д. 14. Л. 1–3.

¹⁴ Списки рабочих втулочной мастерской на оплату за время болезни // ЦГИА СПб. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 1175. Л. 11.

¹⁵ Послужной список И. Н. Захарова за 1919 г. // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.–4.

- ¹⁶ Заявление И. Н. Захарова Главному управляющему Центрального опытного завода взрывчатых веществ (1924 г.) // Там же. Д. 18. Л. 1.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Домовая книга дома № 54/31 по улице Красных Зорь за 1923–1925 гг. // ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 1053. Л. 94 об.–95.
- ¹⁹ Там же. Д. 1054. Л. 77 об.–78.
- ²⁰ Охтинский химический комбинат. 1715–1965. С. 34.
- ²¹ Прошение И. Н. Захарова в Комиссариат труда Бюро социальной помощи о выдании ему пособия (1918 г.) // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.
- ²² Описание производства лабораторных опытов сушки пироксилина // Там же. Д. 1.
- ²³ Об устройстве в заводе сушильни для сушки пироксилина спиртом // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 25.
- ²⁴ Охтинский химический комбинат. 1715–1965. С. 33–36.
- ²⁵ Об устройстве в заводе сушильни для сушки пироксилина спиртом // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 25. Л. 145.
- ²⁶ Менделеев Д. И. Сочинения. Т. 25 (дополнительные материалы). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 479.
- ²⁷ Там же. С. 467.
- ²⁸ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1: 1867–1917. Нью-Йорк, 1945. С. 226–227.
- ²⁹ Никифоров Н. Н., Туркин П. И., Жеребцов А. А. и др. Артиллерия. М.: Воен. изд-во Министерства обороны СССР, 1953. С. 87.
- ³⁰ Горст А. Г. Пороха и взрывчатые вещества. М.: Оборонгиз, 1949. С. 161.
- ³¹ Третьяков Г. М., Сиротинский В. Ф., Шехтер Б. И. Курс артиллерии. Т. 2: Боеприпасы, пороха и взрывчатые вещества. М.: Гос. изд-во оборонной промышленности, 1952. С. 197.
- ³² Таблица испытания на прогрессивность крепости слабого спирта // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Выводы из отчетов по работам химической лаборатории Охтинских заводов для выделки пороха и взрывчатых веществ // Там же. Д. 6. Л. 1–5.
- ³³ Секретная переписка о фабрикации пороха, о личном составе // ЦГИА СПб. Ф. 1285. Оп. 2. Д. 355. Л. 119–122 об.
- ³⁴ Отчет о производстве опытов по промывке кислотного пироксилина спиртом // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 23р. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1 об., 10 об.–11.
- ³⁵ Рапорты И. Н. Захарова о проекте железных сухих ванн с водяным обогревом для заливки тротилом снарядов среднего калибра, с приложением проекта // Там же. Д. 12. Л. 1–7 об.
- ³⁶ Объяснительная записка И. Н. Захарова о приготовлении бертолетовой соли с помощью электролиза // Там же. Д. 16. Л. 3–4; Заявление И. Н. Захарова Главному управляющему Центрального опытного завода взрывчатых веществ (1924 г.) // Там же. Д. 18. Л. 1; Заявление И. Н. Захарова с представлением описания его идеи о возможности разложения глауберовой соли на кислоту и щелочь с помощью электролиза // Там же. Д. 19. Л. 1–4.
- ³⁷ Бабко Л. В., Мелехин В. Ф. Истоки создания факультета технической кибернетики // Информатика, телекоммуникации и управление. Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2011. № 6–1 (138). С. 13.
- ³⁸ Домовая книга дома № 54/31 по улице Красных Зорь за 1927–1929 гг. // ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 1054. Л. 37 об.–38, 77 об.–78.

А. П. Казарез (Владивосток)

К ВОПРОСУ О ПРЕДВОЕННОМ РАЗВИТИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ РККА (1938–1941)

В 1930-е гг. развитию Красной армии советское руководство уделяло повышенное внимание. Разрабатывались новые виды боевой техники, налаживалось их серийное производство, проводились работы по развитию тактики и стратегии войск. Велось комплексное реформирование всех родов войск. Особенное место можно отвести пехоте (стрелковым войскам), которые были основным родом войск РККА.

Организационная структура является важным элементом армейской системы, обеспечивающим оптимальное сочетание состава и численности частей и соединений, количества и видов вооружения и военной техники для поддержания определенного уровня боевой готовности и способности вести боевые действия. Именно ею определяется место тех или иных видов вооружений в системе армии и возможные способы их применения. В то же время организационная структура сама по себе зависит не только от теоретических воззрений, касающихся военной стратегии, но и от уровня наличия предметов материально-технического обеспечения и мобилизационных возможностей государства. Иными словами, организационная структура как явление, на наш взгляд, – крайне важный аспект военного строительства, определяющий боеспособность армии.

Естественно, в процессе реформирования и развития РККА советское руководство совсем не обходило организационные вопросы без внимания. Касались они не только общих основ организационного развития армии (например, упор на формирование бригад или дивизий как основных тактических единиц), но и внутреннего строения соединений и частей. От последнего, в

том числе, опосредованно зависели планы на производство вооружений и военной техники для перевооружения армии. Часто утверждались новые и обновлялись старые штаты, что отражало изменение взглядов на комплектование армии. Аспект развития организационной структуры стрелковых войск был предметом рассмотрения ряда авторов как в отечественной (С. И. Булдыгин, Р. Г. Калужный), так и зарубежной историографии (S. J. Zaloga, D. M. Glantz). Тем не менее, на наш взгляд, тема нуждается в более глубокой проработке. Это можно связать с улучшением доступа к архивным документам (в том числе посредством электронных ресурсов), введением в научный оборот новых источников, затрагивающих проблематику.

Для процесса развития структуры пехоты в годы войны необходимо выявить основные факторы и особенности, присущие этому процессу в последние предвоенные годы. В период третьей пятилетки шло создание облика советской пехоты, отвечавшего последним требованиям времени. Именно реформы третьей пятилетки сформировали советскую пехоту такой, какой она встретит Великую Отечественную войну. Особое внимание при этом важно уделить штатам военного времени, по причине того, что на их основании предполагается комплектование частей и соединений на время войны.

Во второй половине 1930-х гг. организационная структура пехоты неоднократно изменялась под влиянием различных обстоятельств. Одним из наиболее значимых можно считать нагнетание внешнеполитической обстановки и обострение противоречий между государствами в Европе и Азии¹. Это вело к необходимости укрупнения армейского строительства и расширения комплекса мер, связанных с повышением боеспособности армии.

Стрелковые войска составляли основу сухопутных войск армии. Пехоте в них отводилась наиболее значимая роль. На нее возлагался крайне широкий спектр задач. Они были связаны как с оборонительными действиями (контролем собственной территории, обеспечением ее защиты, отражением наступления противника, обескровливанием его) так и наступательными (занятием территорий противника и основных объектов, прорывом тактической зоны обороны и созданием условий для развития наступления в глубину)². Поэтому именно от способности пехоты в полном объеме выполнять поставленные боевые задачи зависел ход будущей войны.

Стрелковая дивизия была тактическим соединением пехоты. Это позволяет судить о важности поддержания ее оптимальной организационной структуры в связи с ее предполагаемым высоким влиянием на ход боевых действий. Она состояла из трех стрелковых, одного–двух артиллерийских полков и некоторого количества других частей боевого и тылового обеспечения.

Развитие структуры пехоты в конце 1930 – начале 1940-х гг. шло по нескольким направлениям: 1) по линии увеличения огневой мощи; 2) в направлении усиления пехотных частей автотранспортом, тракторами, тягачами и бронетехникой (танки и бронеавтомобили). Насыщение пехоты этими средствами предусматривалось в рамках реализации плана развития армии на третью пятилетку³, принятого в конце 1937 г. Новые меры, предусмотренные в плане, должны были обеспечить рост ударной силы и подвижности частей и соединений⁴.

Соответственно, эти направления реализовывались и в рамках стрелковой дивизии. С учетом развития промышленности в результате прошлых двух пятилетних планов появилась возможность продолжить линию увеличения количества огневых средств в дивизии. Это реализовывалось штатами № 04/820–04/835, принятыми, предположительно, в начале 1938 г. В них, с одной стороны, было проведено немалое количество исправлений выявленных проблем. В новом штате стрелкового полка № 04/821 были улучшены возможности разведки (посредством введения новых подразделений в стрелковых батальонах и полках), на недостаточность которых ссылался И. П. Уборевич в анализе организационной структуры дивизии⁵. Была произведена попытка увеличить живучесть дивизии за счет укрупнения стрелковых взводов. Это вело к увеличению численности дивизии до 17 тысяч человек⁶.

С другой стороны, в огневом отношении дивизия усиливалась и артиллерией. Повысилась мощь дивизионной артиллерии за счет ее реструктуризации: вместо одного полка формировалось два⁷. В них концентрировались различные огневые средства: легкие пушки и средние и тяжелые гаубицы, позволявшие более качественно производить артиллерийскую подготовку.

Для обеспечения эффективной защиты от авиации планом предусматривалось усиление дивизий зенитными частями. Стрелковая дивизия должна была получить некоторое количество малокалиберной зенитной артиллерии для противодей-

ствия штурмовой авиации. Однако до начала войны советская промышленность не смогла обеспечить зенитными дивизионами и вторыми артополками все существующие стрелковые корпуса.

В новой организации пехоты, вводимой планом развития армии, учитывался опыт и Гражданской войны в Испании. Это было выявлено на основании участия в боях советских военных специалистов⁸. Они отмечали повышенную опасность от средств борьбы с бронетехникой, что позволяло обороняющейся пехоте эффективнее отражать танковые атаки противника. С целью соответствия советской стрелковой дивизии современным реалиям в состав стрелковой дивизии вводился отдельный дивизион противотанковой обороны в составе 18 45-мм орудий⁹. Таким образом, количество противотанковых орудий в дивизии увеличивалось вдвое.

Развитие пехоты в конце 1930-х г. учитывало, в частности, и опыт вероятного противника Красной Армии – германского вермахта. В частности, учитывалась численность и вооружения, имеющегося по штатам в германской пехотной дивизии. Так, в докладе начальника артиллерии РККА комкора Н. Н. Воронова в мае 1939 г. предлагалось дополнительно усилить артиллерийскую составляющую в пехотных дивизиях. В качестве обоснования указывался пример германской пехотной дивизии по числу противотанковых орудий, гаубичной и зенитной артиллерии¹⁰. С целью достижения паритета предлагалось введение зенитных орудий в штат стрелковых полков, замена зенитных пулеметов на малокалиберные зенитные орудия в зенитном дивизионе дивизии¹¹, введение в стрелковый батальон противотанкового взвода 25–37-мм орудий и т. д. Все это позволяло повысить защищенность пехоты от бронетехники и авиации.

Интересной особенностью является то, что в процессе развития структуры пехоты практически не был учтен опыт боев у оз. Хасан и р. Халхин-Гол. По оценкам современников, они подтвердили важность наличия автоматического оружия в стрелковых подразделениях и роль дивизионной артиллерии¹². Однако каких-либо иных кардинальных организационных изменений по пехоте нам обнаружить не удалось.

Нагнетание внешнеполитической обстановки летом 1939 г. приобрело особый размах. В условиях возможности начала вооруженного столкновения было принято решение о дополнительном

развертывании Красной армии. Не осталась в стороне и пехота: на базе ряда дивизий «тройного развертывания» были созданы новые стрелковые дивизии. Помимо увеличения количества самих дивизий требовалось и суммировать полученный за 1938–1939 гг. опыт, что проявилось в издании в августе–сентябре 1939 г. нового комплекта штатов стрелковой дивизии № 04/20–04/39¹³. В них учитывались предложения Н. Н. Воронова по усилению противотанковой и зенитной артиллерии. Это было меньше запрошенных мер, что было связано с фактором отсутствия в достаточном количестве необходимых вооружений. Так, производство 37-мм зенитных орудий было только налажено¹⁴, поэтому в ближайшей перспективе ими нельзя было оснастить стрелковые полки. Новые противотанковые орудия только разрабатывались в конструкторских бюро.

Некоторый толчок для дальнейшего развития пехоты дал освободительный поход Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. Боевые действия с частями польской армии выявили ряд недостатков, касавшихся бронетанковой составляющей. Отдельные танковые батальоны дивизий оценивались как крайне слабые в боевом отношении, имея на вооружении 15 легких танков Т-26 и 22 малых плавающих танка Т-38¹⁵. Вследствие несовершенной организационной структуры они были громоздки, и их развертывание в военное время было чрезмерно осложнено¹⁶. С одной стороны, выдвигались предложения по улучшению танковых батальонов. Так, политрук отдельной танковой роты 93-й стрелковой дивизии предложил разделить батальон на большее число танковых рот с упором на танк Т-26 с целью обеспечения стрелковой дивизии большей мощью в наступлении¹⁷. С другой стороны, высшим советским военным руководством в лице К. Е. Ворошилова высказывалось мнение о необходимости уменьшения численности батальонов дивизий¹⁸.

Крайне высокую ценность в части полученного опыта имели и боевые действия в ходе Советско-финляндской войны (1939–1940). Она выявила ряд недостатков в организационной структуре пехоты. Так, в донесениях с передовой отмечалось, что действия в тяжелых природно-климатических условиях выявили отсутствие лыжной подготовки у солдат, что не позволяло пехоте эффективно вести боевые действия¹⁹. Это привело к срочным мерам по внедрению лыжной подготовки в пехоту для перевода

некоторых частей на лыжи: разведывательных взводов, батальонов, пулеметных рот²⁰.

В то же время увеличение количества новых вооружений в Красной армии вело к необходимости их органичного введения в стрелковые войска. Часть мер по усилению пехоты была проведена еще во время войны. Так, в феврале 1940 г. в стрелковую роту вводились пистолеты-пулеметы и легкие минометы²¹. Такое усиление было связано с необходимостью дать стрелковым подразделениям на передовой повышенную огневую мощь на ближних дистанциях боя. Важность этого направления во многом показала тактика финской пехоты, которая структурировалась вокруг использования обширных лесов. Полученный боевой опыт на низовом уровне организации был реализован в так называемой «стрелковой роте новой организации», опытные испытания которой должны были пройти в марте 1940 г. Их создание предусматривалось директивой заместителя наркома обороны от 22 февраля 1940 г.²² По предлагаемому штату новая рота имела на вооружении большее число самозарядных винтовок, пистолеты-пулеметы и легкие минометы. Однако, судя по всему, испытать новую организацию в бою не удалось в связи со скорым окончанием войны²³.

На совещании высшего руководящего состава армии, созванного по итогам Зимней войны, был высказан ряд недостатков организации стрелковых соединений. Так, война показала громоздкость существующего танкового батальона стрелковой дивизии: его было сложно обеспечивать запасными частями, обслуживать; пехота не была обучена взаимодействию с этими танками. В связи с этим высказывалось пожелание об исключении отдельного танкового батальона стрелковой дивизии из ее структуры. К. Е. Ворошиловым отмечалась слабость пехоты, связанная с отсутствием на вооружении пистолета-пулемета²⁴. По результатам совещания был оформлен список изменений, рекомендуемых к внесению в состав стрелковой дивизии²⁵. Согласно ему, предлагалось упразднить танковые батальоны стрелковых дивизий. Оговаривались и новые числовые характеристики дивизии: изменилось соотношение дивизионных орудий (стало больше гаубиц взамен 76-мм пушек), за счет исключения танкового батальона было уменьшено количество бронетехники (кроме 16 малых танков разведывательного батальона). Предполагалось официальное введение

пистолетов-пулеметов. Иными словами, уже в проекте новых штатов стрелковая дивизия насыщалась новыми видами вооружений, доказавшими свою эффективность в Зимней войне²⁶.

Новые штаты стрелковой дивизии были приняты 13 июня 1940 г. под номерами 04/100–04/117. Согласно им, стрелковая дивизия новой организации мало отличалась от предшествующих моделей структуры (обр. 1938 и 1939 гг.). Важным отличием является исключение из ее состава танкового батальона²⁷. Можно предполагать, что между апрелем и июнем 1940 г. структура и штаты дивизии еще не раз дорабатывалась. Об этом можно судить по массовому оснащению солдат пехотных дивизий самозарядными винтовками (СВТ-38)²⁸. В основу стрелковой роты новой дивизии был положен опыт создания «стрелковых рот нового образца» в конце Зимней войны, с учетом полного оснащения личного состава самозарядными винтовками и увеличенным числом пистолетов-пулеметов. Также в состав стрелковой роты были введены противотанковые ружья. Предполагаем, что это было связано с долгим процессом осознания необходимости наличия легкого противотанкового оружия в малых пехотных подразделениях. Однако до начала войны с Германией данных ружей в пехотных частях были единицы.

В дивизии нового образца после утверждения штата опытным путем была выявлена ее громоздкость. Руководством отмечалось наличие в дивизии ряда ненужных, лишних подразделений: взводов пехотных прожекторов, взводов собак связи стрелковых полков, взводов пешей разведки стрелковых батальонов. Г. К. Жуков в одном из докладов отмечал перегруженность дивизии личным составом и имуществом. В связи с этим он предлагал сокращение ненужных должностей и подразделений, более рациональное распределение имущества, запасов и т. д.²⁹ Изучение опыта Второй мировой войны на Западном фронте выявило, что организация советской дивизии не соответствует маневренному характеру современной войны³⁰.

Замечания были учтены при введении новых штатов военного времени № 04/400–04/417. В целом, по ним численность дивизии сокращалась почти на три тысячи человек (с 18 000 до 14 483 чел.). В нем были реализованы выдвинутые ранее предложения по оптимизации численности дивизии. Численность вооружений сокращалась в связи с упразднением ряда должностей

и подразделений³¹. Также было уменьшено количество различного оружия, что облегчало комплектование дивизий. Исключены были из штатов и противотанковые ружья в связи с тем, что на вооружении Красной армии до начала войны так и не появилось серийного ПТР.

Новые штаты после их утверждения почти сразу были разосланы в военные округа. С началом войны стрелковые дивизии должны были разворачиваться именно по наиболее свежим штатам военного времени.

Таким образом, развитие организационной структуры стрелковой дивизии в период третьей пятилетки зависело от нескольких факторов. Одним из наиболее важных является фактор появления новых видов вооружений. Во-вторых, важным фактором являлся учет опыта предвоенных локальных конфликтов. На развитие пехоты оказали влияние как конфликты, где Красная армия не принимала непосредственного участия (гражданская война в Испании и китайско-японская война), так и прямые столкновения у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, Польский поход и Зимняя война. Полученный опыт позволил внести ряд корректив в структуру пехоты, который выразился в повышении доли автоматического оружия, противотанковой и гаубичной артиллерии, реорганизации служб тыла дивизий. Проводимые изменения происходили на всех уровнях иерархии: как на уровне общей организационной дивизии (введение и исключение частей), так и на низовом уровне – рот и батальонов. Все это позволило сформировать относительно сбалансированный облик стрелковой дивизии перед началом Великой Отечественной войны.

¹ Советские Вооруженные Силы: история строительства. М.: Воениздат, 1978. С. 224.

² Там же. С. 225.

³ 1941-й год: в 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов. М.: МФД, 1998. Кн. 2-я. С. 532.

⁴ Советские Вооруженные Силы: история строительства. С. 186.

⁵ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1598. Л. 154.

⁶ Korespondencja dot. Formowania batalionów wodniaków I ich wyszkolenia oraz zmian w organizacji jednostek artylerii // Wojskowe Biuro Historyczne. [Electronic source]. URL: https://wbh.wp.mil.pl/c/scans/WKA_VIII_800/VIII_800_2_/VIII_800_2_20.pdf(date of application 03.01.2023)

⁷ 1941-й год. С. 533.

⁸ Киличенков, А. А. Эхо Гражданской войны в Испании: опыт применения танков в восприятии высшего командного состава Красной Армии (1936–1939 годы) // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eho-grazhdanskoj-voyny-v-ispanii-opyt-primeneniya-tankov-v-voopriyatii-vysshego-komandnogo-sostava-krasnoy-armii-1936-1939-gody>(дата обращения 12.01.2023).

⁹ Korespondencja dot. Formowania batalionów wodniaków i ich wyszkolenia oraz zmian w organizacji jednostek artylerii. // Wojskowe Biuro Historyczne. [Electronic source]. URL: https://wbh.wp.mil.pl/c/scans/WKA_VIII_800/VIII_800_2_/VIII_800_2_20.pdf(date of application 03.01.2023)

¹⁰ Korespondencja dot...

¹¹ При этом нужно отметить, что по предполагаемой организации стрелковой дивизии на момент 1938 г. в зенитном дивизионе предусматривались именно малокалиберные орудия, в то время как замена их пулеметами предполагалась лишь при нехватке орудий. Однако предложение Н. Н. Воронова о введении 37-мм зенитных орудий (фактически того, что уже должно было быть) в дивизион позволяет сделать вывод о реальном отсутствии таких систем в частях.

¹² Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Военное издательство, 1989. С. 140.

¹³ Tabela organizacyjne dywizji strzeleckich czasupokoju. Tablice porównawcze uzbrojenia i stanu osobowego ACz i armii państw kapitalistycznych // Wojskowe Biuro Historyczne. [Electronic source]. URL: https://wbh.wp.mil.pl/c/scans/WKA_VIII_800/VIII_800_2_/VIII_800_2_32.pdf(date of application 03.01.2023).

¹⁴ Производство вооружения и боеприпасов в третьей пятилетке (1938–1941 гг.) // Сайт «Солдат.ру». [Электронный ресурс] URL: https://www.soldat.ru/doc/mobilization/mob/chapter2_4.html(дата обращения 12.01.2023).

¹⁵ Korespondencja dot...

¹⁶ Meldunek sztabu KSOW dot. organizacji kompanii pancernych, w dywizjach strzeleckich. [Electronic source]. URL: https://wbh.wp.mil.pl/c/scans/WKA_VIII_800/VIII_800_2_/VIII_800_2_11.pdf(date of application 03.01.2023).

¹⁷ Korespondencja dot. organizacji jednostek pancernych i strzeleckich. [Electronic source]. URL: https://wbh.wp.mil.pl/c/scans/WKA_VIII_800/VIII_800_2_/VIII_800_2_19.pdf(date of application 03.01.2023).

¹⁸ Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Док. и материалы / Отв. сост. П. Н. Бобылев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 441.

¹⁹ Зимняя война 1939-1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии / Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Т. Вихавайнен. М.: ИКЦ «Академкнига», 2009. С. 293.

²⁰ РГВА. Ф. 34890. Оп. 5. Д. 220. Л. 60.

²¹ Там же, Л. 55.

²² Там же, Л. 89.

²³ Там же, Л. 90.

²⁴ Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М.: МФД, 2008. С. 233.

²⁵ Предложения по штатам стрелковой дивизии военного времени, внесенные на заседание комиссии Главного военного совета с представителями округов 20 апреля 1940 г. // Портал «Электронная библиотека исторических документов»

О предвоенном развитии организационной структуры стрелковой дивизии РККА (1938–1941)

[Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/100037-predlozheniya-po-shtatam-strelkovoy-divizii-voennogo-vremeni-vnesennye-na-zasedanie-komissii-glavnogo-voennogo-soveta-s-predstaviteliymi-okrugov-20-aprelya-1940-g> (дата обращения 12.01.2023).

²⁶ 1941-й год. Книга вторая. С. 599.

²⁷ Там же. С. 616.

²⁸ Справочные материалы по организационно-штатной структуре стрелковой дивизии Советской Армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: ЦАМО, 1951. С. 4.

²⁹ Буддыгин С. Б. Сравнение стрелковых рот Красной Армии и Вермахта на 22 июня 1941 года. СПб.: Гангут, 2018. С. 22.

³⁰ Справочные материалы по организационно-штатной структуре стрелковой дивизии... С. 5.

³¹ Буддыгин С. Б. Сравнение стрелковых рот Красной Армии и Вермахта... С. 22.

Д. А. Кириллова (Москва)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА. 1920–1929 ГОДЫ

КРЫМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС – самый молодой из российских кадетских корпусов, основанных на территории России. Он был создан уже в конце Гражданской войны, в 1920 г. и, как многие военные учебные заведения того времени, был собран из нескольких кадетских корпусов и интерната. В его состав вошли юные белые воины – русские мальчики, успевшие не только увидеть войну, но и повоювать в рядах белых армий.

Русские кадеты плохо приняли русскую революцию, особенно Октябрьский переворот. Произошедшее со страной противоречило их традициям, воспитанию, тем нравственным ценностям, которые прививались в кадетских корпусах. Кадетами было воспринято в штыки и переименование любимых кадетских корпусов в гимназии военного ведомства, и замена рот – на «возрасты», прекращение строевых занятий, введение педагогических комитетов, назначение комиссара в каждый кадетский корпус и, главное и самое тяжелое – отмена погон. Кадеты своими погонами гордились и стремились носить их с честью. Все эти преобразования привычной жизни вызывали вполне понятное возмущение и протест.

Воспитанники кадетских корпусов вступали добровольцами в белые армии и прошли с ними весь их трагический и героический путь. Многие так и остались на полях сражений.

Уходя из корпуса, кадеты стремились спасти знамена, не допустить поругания и уничтожения. «...молодежь, воспитанная в твердых принципах воинской чести, кадеты, в лице их строевых рот, прежде чем покинуть навсегда родные корпуса, приняли все от них зависящие меры, дабы спасти свои знамена – символ их

воинского долга и не допустить, чтобы они попали в руки красных. Кадетские корпуса, которым удалось в первые месяцы революции эвакуироваться в районы белых армий, взяли знамена с собой. Кадеты же корпусов, оказавшихся на территории советской власти, сделали все от них зависящее и возможное, чтобы скрыть свои знамена в надежных местах»¹, – писал выпускник Воронежского, Великого Князя Михаила Павловича кадетского корпуса ротмистр А. Л. Марков много лет спустя, в 1961 г., на чужбине.

В сентябре 1919 г. Петровский Полтавский кадетский корпус ушел из Полтавы, чтобы перейти во Владикавказ, где был слит с Владикавказским кадетским корпусом. Перемещались по железной дороге, и в начале декабря 1919 г. корпус прибыл во Владикавказ. В течение двух недель шло размещение и реформирование, размещение в зданиях Владикавказского кадетского корпуса, составление расписания совместных занятий, формирование ново администрации, хозяйственной, педагогической и строевой части. Так образовался Сводный Петровско-Владикавказский кадетский корпус. Только к Рождеству 1919 г. (25 декабря по старому стилю. – Д. К.) сводный корпус зажил нормальной жизнью. Во главе его был поставлен директор Владикавказского кадетского корпуса генерал-майор М. Н. Голеевский².

Но в стране – Гражданская война, белые части отступали, и корпус был эвакуирован из Владикавказа в Грузию 4 марта 1920 г. Причем пришлось двигаться пешком по Военно-Грузинской дороге в направлении Кутаиса. Слитый корпус имел в составе около 800 кадет, преподавателей с семьями. Шли по 25–30 километров в день, на сухом пайке, только на привале утром и вечером удавалось попить хотя бы чаю. Шли в общем строю и совсем малыши – 9–10-летние кадеты младших рот. Их старались посадить на подводы, но и это не всегда удавалось, нужно было перевозить продукты. Да и подвод стало меньше, чем предполагалось, на первой же ночной стоянке сбежал возница-ингуш, украв подводу с едой. И самое опасное – нужно было передвигаться с осторожностью – из аулов на другом берегу Терека стреляли по колонне, были раненые кадеты. Только через неделю Сводный корпус добрался до станции Боржом, где дети и взрослые смогли передохнуть. И только 23 марта 1920 г. корпус, наконец, прибыл в Кутаис³.

Грузинские власти кадетам ничем не помогали, корпусу были выделены бараки в лагере, никакого снабжения не было налажено, поэтому ели привезенные с собой из Владикавказа запасы и вынуждены были продавать вещи и обмундирование, чтобы прокормиться. Так прожили до лета. Только 9 июня 1920 г. корпус был перевезен в Крым на пароходе «Кизил-Арват»⁴. К тяжелым условиям прибавился и возвратный тиф, косивший и детей, и взрослых. Но корпус устоял и выжил. Испытания только сплотили два корпуса, каждый со своими традициями и привычками, характерами и «нравами», дружбой и неприязнью. И стал уже не только формально, но и по общности жизни Сводным Полтавско-Владикавказским кадетским корпусом.

Первое время по прибытии в Крым корпус был размещен в местечке Орианда. 1 июля прибыл его новый директор – генерал-лейтенант Владимир Валерьянович Римский-Корсаков, бывший директор 1-го Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса. Ему было всего 48 лет, но для кадет он на долгие годы стал любимым «дедом», человеком, которого не только уважали и слушались, но и любили. Владимир Валерьянович делал все возможное и невозможное, чтобы улучшить жизнь кадет, наладить в тяжелых условиях последнего года Гражданской войны и первых лет в эмиграции учебный и воспитательный процесс, окончательно примирить кадет из разных корпусов, дать каждому подобающее образование и воспитание, внушить те нравственные принципы и любовь к Родине, которыми всегда отличались русские кадеты.

Приказ главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля⁵ об отчислении учащейся молодежи из воинских частей был издан ранее, но только к концу лета 1920 г. старшие кадеты стали приезжать с фронта в корпус. Практически не удалось провести выпускные экзамены Сводного Полтавско-Владикавказского корпуса в конце мая – начале июня 1920 г., старшие кадеты находились в действующей армии. В Сводный корпус стали прибывать кадеты старших рот различных кадетских корпусов, учащаяся молодежь, находящиеся до этого на фронте. И каких только погон не было на плечах молодых воинов: «Фронтвики, приезжавшие с оружием, многие с Георгиевскими крестами и незалеченными ранами, погон своих не сдавали. Были тут и черно-красные Корниловские погоны, и малиновые Дроздовские, и черные Марковские»⁶. Молодые

люди, водворенные в корпус «по приказу», старались всеми силами вернуться обратно в действующую армию, были юноши, которых несколько раз силой возвращали в корпус с фронта, чтобы хотя бы «побриться и выкупаться», как шутили воспитатели. А сколько из этих юных воинов в корпус не вернулись никогда, пав на поле брани, оставшись в братских могилах на юге России!

Тем не менее, к осени 1920 г. кадет в корпусе стало так много, что помещений не хватало, и корпус был переведен из Орианды в Массандру, в теплые и удобные помещения. Там уже начались занятия, в основном в форме бесед, учебных пособий было крайне мало, да и уровень знаний сильно отличался. Лишь за несколько дней до крымской эвакуации практически все кадеты собрались в Массандре, кроме малышей 5-й роты, оставшихся в Орианде.

9 октября 1920 г. Главнокомандующий Русской армией генерал-лейтенант П. Н. Врангель издал приказ о присвоении корпусу, «созданному в грозные дни борьбы за последний клочок русской земли, наименования «Крымский кадетский корпус»⁷. Первоначально Крымскому корпусу был присвоен малиновый погон с буквами «К. К.», затем был заменен на алый с белой выпушкой и переплетенными буквами «К. К.», которые могли означать и «Крымский Корпус» и «Великий князь Константин Константинович», чья память очень много значила для русских кадет, недаром его называли «отцом всех кадет».

В состав Крымского кадетского корпуса вошел и Феодосийский интернат. Он был создан генерал-лейтенантом А. И. Деникиным, Главнокомандующим Вооруженных сил Юга России в январе 1920 г. Было приказано оттянуть несовершеннолетних воинов с фронтов, а тех из них, кто остался сиротами, направить в Феодосийский интернат. Туда привозили мальчиков и юношей самых разных возрастов. Основу составили младшие роты Сумского кадетского корпуса, эвакуированные в Крым вместе со своим начальником – полковником князем П. П. Шаховским. Он и был назначен заведующим интернатом. К тому времени в Сумском кадетском корпусе были собраны воспитанники Орловского, Воронежского, 1-го и 2-го Московских, 2-го Петербургского и даже Морского кадетских корпусов, вывезенные или пробиравшиеся самостоятельно на территории, контролируемые Белой армией, многие из них сражались, были ранены, удостоены боевых наград.

Воспитанники разделялись по возрастам: от 8 до 14 лет и старше 14 лет.

«Пополнялся интернат, главным образом, бездомными малышами, прибывавшими в Крым маленькими группами и в одиночку. Некоторым из них удавалось вырваться из городов, уже занятых красными. Водворяли их силой. Привозили вшивых, изорванных, разутых, больных, и иногда только что оправившихся от ран. Все они заботами начальника интерната полковника князя П. П. Шаховского и трех воспитателей: полковника Некрашевича и капитанов Шевцова и Шестакова, при участии каптенармуса, приводились в христианский вид. Их мыли, стригли, переодевали. Отбирали все, от головного убора, до портянок...»⁸. Мальчишкам выдавалась английская форма, которая была зачастую не по размеру, но зато сухой и теплой. Единственное, что никогда не сдавали мальчики и юноши – это погоны, фронтовики своих погон не отдавали. А у Феодосийского интерната были малиновые погоны с белой выпушкой и буквами «Ф. И.». Жили кадеты в казармах Симферопольского пехотного полка, вместе с юнкерами Киевского Константиновского военного училища. А занятия проводились в местной гимназии, преподавателей было всего трое. Да и учить было достаточно сложно – уровень знаний у кадет был разным, по уровню образования мальчики разбивались по группам, и преподаватель занимался одновременно с несколькими группами.

В конце лета 1920 г. старшие кадеты были переведены в Массандру и влиты в состав Крымского кадетского корпуса, младшие же оставались в Орианде до октября.

Только-только в корпусе стала налаживаться нормальная жизнь, кадеты начали учиться, как было объявлено об эвакуации. Крымский корпус, как и другие кадетские корпуса, был вывезен из Крыма в числе первых. В ночь на 1 ноября 1920 г. (по старому стилю. – Д. К.) в порту города Ялты три старшие роты были погружены на баржу «Хриси», а младшая – на пароход «Константин»⁹. Стоит отметить, что паровая баржа было не совсем годной для того, чтобы пересечь Черное море, до этого ходила только вдоль побережья. Воспитанники Феодосийского интерната вместе с воспитателями были эвакуированы на пароходе «Корнилов» также в начале ноября 1920 г.

Не обошлось и без опасных приключений. Капитан и команда баржи явно не были настроены на отплытие, инсценировав

поломку корабля, и только угроза применить силу заставила их срочно починить «сломанные» механизмы. Повезло, что в составе старших рот было два кадета-добровольца, которые служили на флоте, они поняли, что баржа плыла совершенно не туда, куда нужно, а в Одессу. У штурвала встали кадеты Каратаев и Перекрестов и, преодолевая все опасности плавания на непригодном для таких переходов судне, привели баржу в бухту Золотой Рог Константинополя¹⁰.

Кадеты были пересажены на пароход Добровольного флота «Владимир», где нашлось место и питомцам Феодосийского интерната. Всего на «Владимире» собралось около 600 русских кадет, вместе с офицерами-воспитателями и преподавателями. Русские суда были поставлены на карантин, кадеты сидели полуголодные и ждали решения своей судьбы. Только в начале декабря стало известно, что кадет принимает Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, решающую роль в этом сыграл королевич Александр Карагеоргиевич, тепло относившийся к России и помнивший, что Российская империя вступилась за Сербию в начале Первой мировой войны. В начале декабря 1920 г. «Владимир» прибыл в бухту Бакар. Оттуда кадеты были перевезены по железной дороге в лагерь Стрнище (Словения), выделенный для Крымского и Донского кадетских корпусов. Лагерь – это поселок для военнопленных, построенный еще австро-венгерскими властями в окрестностях города Птуй. Бараки, из которых и состоял поселок, сильно обветшали, стены и полы подгнили, крыши протекали, канализация, водопровод и электричество не работали. В бараках было холодно и постоянно гуляли сквозняки. Мебели практически не было. Кадетам не хватало не только одежды и обуви, но и учебных пособий. Из-за недостатка места разные возрастные группы занимались в одном бараке, уроки проводились в спальне. Кадеты сидели на кроватях, писали на коленях или положив листки на спину впереди сидящего, было так холодно, что покрывались ледяной коркой чернила в чернильницах. А доску заменяла клеенка или просто выломанная доска или дверь. И в таких условиях начал учиться и жить Крымский кадетский корпус в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев.

В корпусе состояло 650 кадет – 5 рот, 7 классов, 1 подготовительный класс, 20 человек воспитателей и 8 человек хозяйственного персонала. Среди кадет 229 мальчиков и юношей –

фронтвики, 52 из них получили ранения или контузии на войне, и 40 были награждены боевыми наградами¹¹.

Занятия проводились по программам и инструкциям, созданным для кадет Российской империи в 1915 г. Такого не было нигде и никогда в мировой истории – Российская империя в результате революционных катаклизмов перестала существовать, а ее учебные заведения продолжали работать и учить детей на чужбине, по тем же правилам и учебным планам, прививая им те же нравственные ценности, что и на Родине.

Немного легче стало с наступлением весны, когда занятия можно было проводить вне помещений, с каждым отделением. В корпусе уже были организованы столярная, сапожная, переплетная и слесарная мастерские, фотографическая мастерская, возобновлен духовой оркестр, и, самое главное, в бараке была устроена корпусная церковь, организован церковный хор. Все убранство церкви было создано руками кадет и преподавателей.

До июля 1921 г. Державной комиссией Королевства Сербов Хорватов и Словенцев выделялось 240 динаров на каждого кадета (как и на всякого другого беженца). Этих денег с трудом хватало на еду и учебные пособия, весь педагогический персонал не получал никакого жалования, живя на то же беженское пособие. С 1 июня воспитателям и служащим было назначено, помимо беженского пособия, содержание по 400 динаров, а пособие кадетам увеличено до 300 динаров. Появилась возможность закупать учебники, учебные пособия и даже художественную литературу¹².

Учебный год 1921 г. проходил без каникул, потому что учиться кадеты начали только с начала января. Выпуск состоялся в середине октября 1921 г., когда корпус окончили 78 кадет и 5 экстернов.

Учебный год 1921/1922 г. начался после коротких каникул в середине ноября. К тому времени в корпусе училось 610 кадет. Обветшавшие бараки никто не ремонтировал, вставал вопрос, как в них пережить еще одну зиму. Только к Рождеству стало полегче – корпусу отдали бараки Донского кадетского корпуса, который был переведен в Билече. Появилась мебель, отделения занимались в разных помещениях, в которых, практически вручную, делались перегородки. В результате получилась странная акустическая ситуация – преподавателя лучше было слышно в соседнем помещении, чем в том, где проходили занятия (перегородки не доходили до потолка). Но все эти сложности не мешали

провести и второй выпуск в начале августа – выпустить 92 кадет и 11 экстернов¹³. Преподаватели корпуса отмечали, что, несмотря на крайне сложные бытовые условия, кадеты не теряли бодрости духа, стойко переносили все лишения. Преподаватели проводили лекции, устраивались спектакли и концерты силами самих кадет, читали книги. Отмечали Рождество и Новый год, пусть и не так, как дома, пусть в эмиграции, но не с меньшей радостью. Рождественская елка оставалась неизменным атрибутом, пусть все игрушки были самодельные, пусть угощение небогатое, но играет корпусной оркестр, и сияют лица русских мальчиков. В празднование входили елка, танцы, праздник для воспитателей и их семей, самодельные спектакли. Кадетский духовой оркестр, хоть и играл на празднике каждый день, выразил «самое искреннее и настойчивое желание играть на вечере, устроенной г.г. служащими корпуса»¹⁴.

В теплое время года кадеты поротно ходили на экскурсии в город Птуй, с оркестром, вызывая неизменно восхищенные взгляды горожан: «Ах, какие молодцы идут!».

Но сколько же было сложностей у преподавателей корпуса и у его директора – генерала В. В. Римского-Корсакова! Состав кадет первые годы существования корпуса был очень неоднородным – были в нем и домашние дети, и мальчики, и юноши, воевавшие, бродяжничавшие, пробиравшиеся в Крым с территорий, контролируемых новой властью, досыта хлебнувшие всех горестей Гражданской войны. И Гражданская война не могла не оставить отпечатка, не могла не изменить, не перекорезить. К чести директора корпуса генерала В. В. Римского-Корсакова, нужно сказать, что у него и мысли не возникало устранить из корпуса тех воспитанников, чье поведение было весьма далеко от кодекса кадета, он прекрасно понимал, что все это – результат российского лихолетья и что всем нужно дать образование и соответствующее воспитание. А это было трудно, особенно если учесть условия, в которых жил корпус. Даже опытные преподаватели не всегда могли уследить за младшими ротами, которые во время «уроков на открытом воздухе» просто разбежались по лесу. И это еще были мелочи, по сравнению с поступками старших кадет, которые могли не подчиниться воспитателям, считая сие особой удалейю. Соблюдать военную дисциплину в корпусе было очень непросто. Недаром преподаватели сравнивали жизнь в корпусе с Запорожской Сечью (!)¹⁵. Им нужно было думать не

о том, как наказать или предотвратить нежелательные поступки, а как задеть в кадетской душе те струны, которые бы напомнили этим изломанным детям, что они – русские мальчики и русские кадеты, пусть и на чужбине. И ответ был найден – нужно было создать ту же духовную атмосферу, которая была в корпусах Российской империи. Даже те воспитанники, которые были «испорчены» русским лихолетьем, оставались кадетами, нравственные ценности и традиции, заложенные еще в корпусах в России, не могли быть ими забыты. Немалую роль сыграл и авторитет старших кадет, сражавшихся в рядах Белой армии. Необходимо было воспитать в кадетах понимание, что они здесь, на чужбине, должны были достойно представлять Родину, что они русские кадеты и не должны посрамить этого высокого звания. «С течением времени поведение кадет в Стрищенском лагере стало заметно улучшаться; повысилась их учебная работа. Главным же достижением воспитательной деятельности явилось то обстоятельство, что проступки кадет, считавшиеся ранее лихостью и молодечеством, стали получать должную оценку и в самой кадетской среде»¹⁶. Нужно отдать должное В. В. Римскому-Корсакову, он сделал все возможное, чтобы облегчить этим изломанным русским мальчикам возвращение к нормальной жизни – не столько ругал, сколько объяснял, говорил по душам, порой уговаривал, отговаривал от дурных и глупых поступков, утешал, хвалил, воспитывал – сказывался его немалый опыт в воспитании кадет. И любил всех своих воспитанников как сыновей или, вернее, внуков: прозвище «дед» так и сопровождало его не только в Крымском корпусе, но и в корпусе-лицее имени императора Николая II в Версале.

В Крымский корпус было доставлено кадетом Дмитрием Потемкиным знамя Сумского кадетского корпуса. Корпус основан в 1899 г. А в 1906 г. Великий князь Константин Константинович, «отец всех кадет», приехал в город Сумы и вручил знамя корпуса, собственноручно вбив первый серебряный гвоздь, скреплявший полотнище и древко. За ним эти же серебряные гвозди вбивали директор корпуса и все офицеры по старшинству. После того как знамя было прибито к древку, состоялся молебен, парад корпуса перед знаменем и торжества.

В начале 1918 г. корпус был закрыт, а кадеты отправлены по домам, но в Сумы вступили войска гетмана П. П. Скоропадского. По его приказу корпус был снова открыт, но уже под названием

Сумской войсковой бурсы. В конце 1918 г. красные подошли к Сумам, корпус был эвакуирован. Знамя необходимо было спасти во что бы то ни стало. Как вспоминала сестра кадета, ставшего спасителем знамени, Анастасия Потемкина (в замужестве – Широкая): «эвакуировались мы в таком составе: директор ген. Саранчев, мой отец, ротный командир, доктор, и два молодых воспитателя с женами и детьми. Перед отъездом мой отец снял с древка Знамя и принес его нам, детям (мы ехали с ним) с приказанием беречь его и ни на минуту с ним не расставаться. Знамя было уложено с иконами и было поручено брату»¹⁷. Переезд в Киев прошел благополучно, но Красная армия подступала к городу, и корпус готовился к эвакуации в Одессу. Однако возникли проблемы с поездом, украинские власти не торопились предоставить корпусу необходимый состав. Кроме того, на ближайших станциях появились какие-то банды, фронт приближался. Тогда офицер-воспитатель корпуса, Александр Дмитриевич Потемкин (отец Дмитрия Потемкина. – Д. К.) «позвал Диму, благословил его и сказал: “Спасай знамя! Тебе одному проскочить будет легче. Никому не говори, что везешь”. Знамя обмотали ему на грудь под гимнастерку. Помню, что сняли погоны, и с собой он не взял никаких вещей, чтобы быть налегке»¹⁸. Приехав в Одессу, Дима Потемкин должен был прибыть в корпус и привезти знамя. Корпус добрался до Одессы, но Дмитрия там не было. Родные очень волновались и боялись за него, не знали, что и думать, но все окончилось хорошо: «Он проскочил благополучно, но у всех мальчишек того времени была одна мечта: попасть в Добровольческую Армию. Случай представился исключительный, и он его использовал и записался в какую-то часть. Ему было 15 лет, и он был в 5-ом классе. Знамя он все время продолжал носить на груди. Узнав о нашем приезде, он появился в солдатской шинели с погонами вольноопределяющегося. Он сдал знамя, был прощен и получил разрешение остаться в Армии»¹⁹. Вместе с Марковским полком Дмитрий Потемкин дошел до Орла, пережил отступление, и только зимой 1919 г., тяжело больной тифом и с воспалением легких, отыскал родных во Владикавказе. Вместе с корпусом был эвакуирован из Крыма. Окончил Крымский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище уже на чужбине.

4 сентября 1921 г. приказом по Крымскому кадетскому корпусу № 248 за спасение знамени Сумского кадетского корпуса

Дмитрий Потемкин был произведен в вице-унтер-офицеры: «...Кадет 7-го класса Дмитрий Потемкин доставил мне (директору корпуса генерал-лейтенанту В. В. Римскому-Корсакову. – Д. К.) вывезенное им из Советской России полотнище знамени Сумского кадетского корпуса. Предписываю реставрировать это знамя и хранить его при вверенном мне корпусе как священную реликвию нашего славного прошлого. Объявляю кадету Потемкину мою сердечную благодарность и привожу его в вице-унтер-офицеры»²⁰. Спасенное знамя Сумского кадетского корпуса стало святыней Крымского, выносилось на все корпусные праздники и торжественные мероприятия. В 1927 г., когда корпус располагался уже в Белой Церкви, его новый директор генерал-лейтенант М. Н. Промтов издал приказ о проведении корпусного праздника 3 июня: «В строй на молебствие и парад будет вынесено хранящееся в корпусе знамя Сумского и затем Крымского корпуса, ныне корнетом ПОТЕМКИНЫМ»²¹.

По окончании корпуса русские кадеты могли поступать в некоторые высшие учебные заведения Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев или в русские юнкерские училища, что многие и сделали, став юнкерами Николаевского кавалерийского, Сергиевского артиллерийского или Алексеевского казачьего военных училищ. Часть выпускников корпуса поступила в высшие учебные заведения в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Жилось студентам очень трудно, и родной корпус пришел им на помощь – в октябре 1922 г. все кадеты корпуса обратились к его начальнику с просьбой: мы отказываемся от вторых блюд за обедом, а вырученные средства пойдут нашим студентам. Начальник корпуса с гордостью за своих воспитанников согласился: «Счастливы приветствовать такое проявление благородного товарищеского чувства и с радостью вижу, что жив еще в питомцах Крымского Корпуса старый кадетский дух, не изгладился в сердцах их старый девиз кадетских корпусов: “Один за всех и все за одного”. Приказываю эконому корпуса из имеющегося у него аванса представить Начальнику хозяйственной части стоимость трех вторых блюд (обеденных) для отправки этой суммы... студентам-кадетам последнего выпуска»²².

Весной 1921 г. первая (старшая) рота побывала в гостях у воспитанников бывшего австрийского кадетского корпуса, как тогда его называли, «Военной Реалки», в город Марибор.

Особенно поразил хозяев оркестр Крымского кадетского корпуса, к тому времени состоявший из 60 кадет. Руководил оркестром ни кто иной, как бывший капельмейстер Лейб-гвардии Преображенского полка, известный дирижер Цибулевский. Его часто приглашали дирижировать симфоническими оркестрами в Белград, Загреб, Прагу, а на заработанные деньги он покупал инструменты для корпусного оркестра. Вскоре, согласно традициям военного гостеприимства, крымчаки пригласили старшую роту Мариборского корпуса к себе. Принимали и угощали от всей души, так, что некоторых гостей пришлось уводить в лес отсыпаться, чтобы им не попало от собственного начальства. Когда Мариборский корпус был расформирован, часть обмундированная была подарена крымчакам, и теперь младшие роты щеголяли в «австрийских» мундирах и брюках²³.

Серьезные изменения в жизни корпуса произошли после визита военного агента генерал-майора Потоцкого и профессора Радована Пошутича, представителя министерства народного просвещения Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Профессор в своем докладе министерству высоко оценил Крымский корпус, его учебный потенциал²⁴.

Благодаря этому было принято решение о переводе корпуса в город Белую Церковь, где уже находились Николаевское кавалерийское училище и Мариинский девичий институт. В октябре 1922 г. состоялся переезд в Белую Церковь. Корпус, наконец, получил нормальные помещения казарм вместо бараков, были выделены Державной комиссией деньги на ремонт, проведено электричество, водопровод. Кадеты сами делали мебель для классов в собственных мастерских. Огромное влияние на дисциплину оказало и соседство Николаевского кавалерийского училища, юнкера не только «цуком», но и собственным примером отучили крымских кадет от вольницы Стренищевского лагеря. Мальчишки брали с юнкеров пример, тянулись за ними, становясь «отчетливыми» кадетами. А соседство Мариинского девичьего института будило в юных сердцах уважительное и рыцарственное отношение к женщине, которым всегда отличались русские офицеры.

Началась новая жизнь в Белой Церкви, Крымский корпус провёл в этом городе еще семь лет – до расформирования и соединения в 1929 г. с 1-м Русским Великого князя Константиновича кадетским корпусом.

И это была уже совершенно другая жизнь, чем в бараках Стрнщевского лагеря: осталась в прошлом «вольница Запорожской Сечи», улучшилась дисциплина, подтянулись кадеты, осознали, что здесь, на чужбине, они представляют Россию, представляют с честью и гордостью за свою страну. На стене в холле были начертаны слова основателя корпуса Главнокомандующего генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля: «Здесь, на чужбине каждый из нас должен помнить, что он представляет собой нашу Родину, и высоко держать русскую честь»²⁵. Окончательно слились Петровский-Полтавский и Владикавказский корпуса и Феодосийский интернат, создали уже общие традиции и общую «Звериаду», стали ощущать себя единым целым – Крымским кадетским корпусом, девизом которого так и остался старый кадетский: «Один за всех и все за одного!».

¹ А. Марков. Кадеты и юнкера. М.: Военное издательство, 2001. С. 87.

² Кадетские корпуса за рубежом // Издание Объединения Кадет Российских Зарубежных корпусов. Нью-Йорк, [Б. г.]. С. 45–46.

³ Там же. С. 46–47.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 51–52.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Там же. С. 53–56.

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 60.

¹⁷ Кадетская переключка // Периодический журнал объединения кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Нью-Йорк. 1978. № 20. С. 89.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С.91.

²¹ Там же.

²² Кадетские корпуса за рубежом. С. 61.

²³ Там же. С. 62.

²⁴ Там же. С. 61–62.

²⁵ Там же. С. 66.

*М. Н. Кирилов (Санкт-Петербург),
И. В. Зинченко (Петропавловск-Камчатский)*

ПРОПАГАНДА В ВОЙСКАХ И СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА стала одной из величайших трагедий XX века и во многом определила последующий ход исторического развития всего человечества, приобрела тотальный характер для всех стран-участниц. В этой войне впервые исход зависел не только от действий дипломатов, политиков, военных, но и от идеологических установок и общественной позиции, отношения к войне населения и военнослужащих армий воюющих и нейтральных государств, на формирование которого, прежде всего, и была нацелена деятельность всего пропагандистского аппарата.

Первая мировая война стала поворотным пунктом как в развитии теории ведения пропаганды среди противника, так и практического применения информационно-психологического воздействия для дезорганизации его армии и подрыва морального состояния населения страны. Уже в самом начале войны правительствами всех воюющих государств были созданы специальные органы для организации и ведения пропаганды в войсках и среди населения противника. В их задачи входило и информационно-психологическое воздействие на общественное мнение в нейтральных странах. Именно с начала Первой мировой войны подобные структуры существуют во всех крупных армиях мира и сегодня.

В 1914 г. при министерстве иностранных дел (МИД) Великобритании было создано бюро военной пропаганды, позднее преобразованное в министерство информации¹. Бюро занималось пропагандой среди военнослужащих и населения

зарубежных стран, а Национальный комитет содействия в достижении целей войны занимался вопросами пропаганды среди населения самой Великобритании. Во Франции же парламент одобрил план ведения пропаганды спустя три дня после объявления войны. Материалы пропаганды переводились на многие иностранные языки и передавались журналистам для их распространения в нейтральных государствах². Особое внимание французские пропагандисты уделяли воздействию на общественное мнение Италии и Румынии, так как вовлечение этих стран в войну на стороне Антанты могло существенно повлиять на ее исход. В августе 1915 г. при Генеральном штабе (ГШ) министерства обороны (МО) Франции был сформирован отдел службы воздушной пропаганды, задачей которого являлось систематическое массовое влияние на немецких солдат при помощи листовок.

В США система пропаганды среди противника возникла сразу же с началом и практически не менялась в течение всей войны. Специальный аппарат военной пропаганды состоял из гражданского и военного органов. Гражданский орган назывался Комитетом общественной информации, в руководство которого вошли военный и морской министры, а также государственный секретарь, а военный орган – секцией пропаганды, или психологической секцией при разведывательном отделе штаба экспедиционных войск США в Европе. На пропагандистскую деятельность Комитета общественной информации было выделено семь млн долларов³.

Российская империя, Италия и другие страны в той или иной степени также пытались использовать психологическое оружие в войне, но размах их пропаганды в войсках и среди населения противника был значительно слабее английского или французского. Специального аппарата по ведению работы среди войск и населения противника в русской армии не существовало. Непосредственную практику работы среди войск и населения зарубежных государств на стратегическом уровне организовывал ГШ. Организовывалась специальная деятельность по деморализации войск противника в ходе боевых действий, работа среди военнопленных, разрабатывались вопросы военно-политического сотрудничества и работы среди зарубежного населения.

Непосредственно организацией и ведением пропаганды в войсках и среди населения противника ведал 4-й отдел ГШ.

Вместе с тем единого согласованного управления всей этой пропагандистской работой организовано не было. Привлекавшиеся к этой деятельности министерства – военное, внутренних и иностранных дел – действовали абсолютно самостоятельно и разрозненно, к тому же никем не координировались.

Главным объектом пропаганды, особенно в первый период войны, было население нейтральных стран (Швеции, Дании, Румынии) с целью недопущения превращения этих стран в союзников Германии. В конце



Ил. 1. Генерал Н. М. Потапов

1915 г. большое внимание в пропаганде было уделено привлечению на сторону России славянского населения балканских стран, Польши, Прикарпатья, Галиции, Буковины⁴. Российский ГШ рассматривал боевые действия на Юго-Западном фронте как «освободительный поход», приравнивая его к освобождению болгарского народа в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Организацией пропаганды в Австро-Венгрии занималось Особое (4-е) делопроизводство во главе с генералом Н. М. Потаповым (ил. 1). В распространяемых листовках содержались призывы содействовать русской армии, прекратить сопротивление и сложить оружие⁵. Только за август 1914 г. ГШ было подготовлено и распространено 605 тыс. воззваний на польском и 1 млн экземпляров на русском языках⁶. Эти воззвания и особенно манифест Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича (ил. 2) народам Австро-Венгрии и Польши оказали определенное воздействие на население. После распространения манифеста в Варшаве прошли демонстрации против Германии, в польском обществе наблюдался подъем патриотических настроений, население отождествляло русских солдат с освободителями⁷.



Ил. 2. Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич

Об эффективности влияния русской пропаганды говорили и меры, принимаемые австрийским командованием после распространения воззваний к славянам в Праге в декабре 1914 г. по наказанию солдат за нахождение у них листовок. В отдельных случаях имели место даже смертные приговоры распространителям листовок, однако, тем самым был даже повышен интерес к данным материалам⁸.

Вместе с тем количество и содержание распространяемых пропагандистских материалов в Германии, ее армии не могло повлиять на прекращение боевых действий, по этой причине они не получили

должного развития. В то же время существовали серьезные трудности в распространении пропагандистских материалов. Во-первых, из-за противодействия германской контрразведки и военной полиции было сложно доводить пропагандистские материалы до солдат. Во-вторых, командование русской армии считало бесперспективным ведение пропаганды в Германии ввиду отсутствия у немецкого населения антиправительственных настроений, а также высокой воинской дисциплины у личного состава ее армии. Именно боевой дух и дисциплина германских солдат были самыми высокими среди военнослужащих армий вражеской коалиции. Пропагандистское воздействие осуществлялось более интенсивно на союзников Германии.

Распространение же немецким командованием листовок на начальном этапе войны рассматривалось русским командованием как показатель слабости германской армии и невозможности победить русскую армию на поле боя. Однако со значительным расширением масштабов немецкой пропаганды пришло и понимание необходимости объяснять солдатам противника

истинное положение дел на фронтах. Поэтому первые листовки, адресованные немецким солдатам, так и назывались «Правда о войне»⁹.

Непосредственно в ходе боевых действий задачи по деморализации войск и населения противника возлагались на командиров и штабы русской армии на фронтах. При этом командующим экспедиционными войсками предоставлялись самые широкие полномочия. Так, в соответствии с «Временным положением об управлении областями Турции, занятыми по праву войны», царскому наместнику предписывалось: управление территориями по законам военного времени, использование ресурсов края в интересах армии, обеспечение лояльного отношения со стороны населения к русской армии»¹⁰.

В 1916 г. из-за усиления влияния пропаганды союзников на германские войска, которые, по сути, оказались абсолютно беззащитны против этого оружия, германское командование вынуждено было бороться с пропагандой противника репрессивными методами – за хранение листовок было введено тюремное наказание сроком до пяти лет¹¹. Но эта мера не стала эффективной, зачастую для солдата тюрьма была более безопасным местом, чем в окопах на передовой. Уже летом 1917 г. была введена новая мера – система материального стимулирования за сдачу листовок. В результате на фронте листовки стали товаром, они использовались вместо денег. Нередко для того чтобы собрать, сдать и получить деньги германские солдаты оставляли свои позиции и отправлялись на их поиски.

В августе 1918 г. на Западном фронте Германия приступила к систематическому распространению листовок среди американских, английских и французских войск. Изданием листовок, пропагандистских брошюр, иллюстрированных журналов занималось Центральное бюро пропаганды, вскоре переформированное в Управление печати военного времени, задачей которого являлось «оказание информационно-психологического давления на солдат и офицеров противника». При штабах фронтов и армий ускоренными темпами формировались отделения Управления печати, на которые возлагалась обязанность поставлять пропагандистскую информацию фронтовым и местным газетам на оккупированных территориях. Управление издавало газеты, печатало листовки и плакаты, которые незамедлительно распространялись в лагерях для военнопленных,

среди местного населения и в местах расположения войск противника. Всего было распространено около 876 тыс. листовок, в то время как пропагандистскими органами Антанты в течение войны распространено порядка 70 млн листовок, что почти в 80 раз больше¹².

В ходе Первой мировой войны, когда радио еще не являлось средством массовой информации, а громкоговорящие установки по своей эффективности практически не отличались от рупоров, информационно-психологическое воздействие оказывалось главным образом при помощи печатных пропагандистских материалов. Их основными видами являлись листовки, газеты, открытки, плакаты, брошюры, письма военнопленных. Одной из первых серий листовок являлись письма немецких военнопленных, находившихся в английских лагерях, своим родственникам в Германии. Они не подвергались никаким изменениям или припискам. Копии писем военнопленных готовились очень тщательно. Зачастую немецкие солдаты принимали распространяемые листовки за действительные письма и поэтому отправляли их по почте родственникам военнопленных. Пропагандистское воздействие заключалось в соответствующем подборе писем. Предпочтение отдавалось тем, в которых говорилось о хорошем обращении с военнопленными и хорошем питании.

Пропагандистскими структурами русской армии издавались не только листовки, но также и иллюстрированные альбомы. Так, в начале декабря 1916 г. для распространения в тылу австро-венгерских войск был издан фотоальбом, в котором было размещено 12 фотографий, содержащих краткие подписи на девяти языках, а также тексты обращений к солдатам на русском, немецком, итальянском, польском, румынском, чешском, венгерском, сербском, хорватском, словенском языках. На фотографиях были изображены картины конвоирования пленных, раздача хлеба пленным, обед в столовой, работа пленных в мастерских лагеря, раздача дров.

Определенное место в информационном противоборстве в годы Первой мировой войны заняла кинопропаганда. Использование специально снятых кинематографических лент являлось одним из самых эффективных по степени наглядности средств формирования общественного мнения как своей страны, так и стран-союзниц. В марте 1916 г. в Петрограде

было создано Центральное бюро для распространения кинематографических фильмов и фотоснимков, которое занималось распространением кино- фотопродукции в России и за рубежом. В связи с развитием кинематографии и повышением интереса за рубежом к документальным фильмам о войне, ГШ русской армии передал для показа в зарубежных странах пять кинолент.

Кинопропаганда в интересах информационного противоборства использовалась и союзниками России – Великобританией и Францией. Смонтированный французским акционерным обществом «Гомон» документальный фильм в десяти частях «Англия в великой европейской войне» демонстрировался в Москве с марта 1916 г. Копии фильма были разосланы и в другие российские города, а в конце апреля 1916 г. на Западный фронт был откомандирован английский офицер для демонстрации серии лент в частях русской армии, располагавшихся в непосредственной близости от переднего края¹³.

Информационно-пропагандистское воздействие на зарубежные страны осуществлялось и через полуофициальные каналы информации, в первую очередь через агентурную сеть в нейтральных странах, финансирование лояльных иностранных журналистов. Так, в Швеции «покупались» газеты целиком, со всем штатом. В Дании газеты субсидировались для разового размещения материалов. Субсидии выдавались издательствам, писателям, книжным магазинам и т. д.

В соответствии с решением ГШ русской армии с ноября 1915 г. за рубежом функционировала широкая агентурная сеть, которая под контролем сотрудников посольств России распространяла через своих агентов в местной прессе материалы из России. Этой агентурной сети было присвоено кодовое название «Телеграфное агентство Север-Юг» (ATNS). Первые агентурные отделения были открыты в Нью-Йорке, Чикаго и Сан-Франциско. В декабре 1916 г. при посредничестве союзников России, а также агентов информбюро МИД были открыты отделения в Риме и Лондоне. В июле 1917 г. открыто отделение в Париже. Осенью 1917 г. отделения ATNS функционировали уже в семи странах: США, Италии, Франции, Голландии, Дании, Швеции и Швейцарии. Для финансирования отделений ATNS за рубежом выделялись значительные суммы.

Весной 1917 г. благодаря прекращению боевых действий со стороны противника на русском фронте поднялась волна братаний, организованных как австро-германской стороной, так и большевиками¹⁴. «Немецкие солдаты стали выбираться из своих окопов, переползать к русским «товарищам» и брататься с ними»¹⁵. Именно с этого времени русская армия стала подвергаться еще большей антивоенной и антиправительственной пропаганде. О том, как противник использовал «братание» на фронтах, в своем труде подробно описал А. И. Деникин¹⁶.

В советской историографии этот период считался временем стихийного братания. Однако, как правило, противник использовал братания в своих целях. Весной 1917 г. австро-германское командование в своих секретных приказах предписывало «...вступать в разговоры с представителями противника только уполномоченным на это офицерам разведки». Создавались специальные «братальные команды», в которые включались переводчики, пропагандисты, разведчики и специально отобранные солдаты, остальным немецким военнослужащим брататься запрещалось. Кроме сбора разведывательной информации противник открыто занимался деморализацией русской армии, прибегая к спаиванию водкой наших солдат и в избытке снабжая их своими агитационными изданиями на русском языке. После «братаний» у наших солдат появлялись шоколад, кофе, ром, галеты, немецкие ботинки и т. д.¹⁷ Германское командование планомерно, не жалея средств, стремилось окончательно дезорганизовать русскую армию, передавая в процессе «братаний» не просто подарки, а символы сытой и богатой жизни, тем самым демонстрируя свое материальное благополучие и силу.

К началу военных действий Великобритания располагала лучшей в мире системой информации, имела наибольшее число профессиональных журналистов, большое количество «коммерческих агентов» по всему миру, множество современных типографий и отличную прессу. Дипломатическая, консульская, почтовая и телеграфная службы практически по всему миру способствовали налаживанию грамотной и скоординированной пропагандистской деятельности. Британцы, пожалуй, единственные, кто готовился к ведению пропаганды в армиях противника задолго до начала войны. Английское командование в ходе маневров в мирное время организовывало изготовление и развешивание пропагандистских плакатов, призывавших

жителей «захваченных территорий» к восстаниям против своих правителей-угнетателей и разъясняявших «освободительную роль» английской армии для населения.

Таким образом, англичане заранее готовились к информационной войне, и поэтому они с самого начала боевых действий захватили инициативу в ведении пропаганды в войсках и среди населения противника и удерживали ее до конца войны. Это выражалось как в численных показателях распространяемой информации против Германии и Австро-Венгрии, так и в тонкой работе специалистов, привлеченных к оказанию информационно-психологического воздействия.

В последующем, уже после войны, британскими специалистами в области информационного противоборства были сформулированы тактические принципы пропаганды.

1. Должны быть распространяемы те способы внушения, которые могут возбудить специфический интерес в отдельных группах населения.

2. Должны быть избираемы те способы внушения, которые могут аннулировать нежелательные идеи, вызванные в населении не поддающимися умолчанию событиями.

3. Должны быть применяемы те способы внушения, которые имеют шансы не вызвать опровержения до тех пор, пока не будет достигнута цель пропаганды; в частности, из этого следует, что нужно избегать противоречий самому себе в одних и тех же контекстах, обращаемых к одной и той же группе населения¹⁸.

В соответствии с этими принципами выбор пропагандистских материалов для оказания информационно-пропагандистского воздействия должен был основываться не только на точном прогнозе планируемых ближайших результатов, но также учитывать и возможное противодействие со стороны противника.

Наряду со странами Антанты успехи в отдельных пропагандистских кампаниях были и у Австро-Венгрии, где для ведения пропаганды среди противника в июле 1914 г. был создан штаб военной прессы. Задачей этого ведомства являлась координация всей пропагандистской деятельности Австро-Венгрии. Особенно опасной для русской армии австрийская пропаганда была летом 1915 г., во время «великого отступления».

Русское командование принимало самые серьезные меры противодействия влиянию австрийской пропаганды. Так, когда



Ил. 3. Генерал А. А. Брусилов

20 февраля 1915 г. с листовками был схвачен лейтенант 9-го пехотного полка австрийской армии Левинский, за их распространение полевым судом он был приговорен к расстрелу¹⁹. В связи со случаями массовой сдачи русских солдат в плен командующий 8-й армией генерал А. А. Брусилов (ил. 3) приказал «...во всех частях произвести беседы офицеров и священников с нижними чинами по содержанию прокламаций, разбрасываемых австрийцами с воздушного шара»²⁰.

Также необходимо упомянуть и о приемах австрийской контрпропаганды, когда в ответ на призывы переходить на сторону русской армии в австрийских листовках демонстрировалось наличие проблем в самой России: существование проблемы национального вопроса, отсутствие политических прав и свобод, общая низкая культура населения²¹.

За время войны за короткий промежуток времени произошло небывалое развитие теоретических взглядов и совершенствование техники пропаганды в войсках и среди населения противника. Пропагандистские органы воюющих держав научились умело маскировать ложь под правду, как основу своей деятельности стали использовать достижения психологии, привлекать к работе лучших журналистов и лингвистов, получили в свое распоряжение большие материальные средства. От узкого круга тем в начале войны (преимущественно дискредитация военно-политического руководства), пропагандистские органы воюющих государств уже на втором году войны начали использовать значительно более их широкий круг, умело разжигали противоречия в лагере противника, осуществляли деморализацию его войск, культивировали пораженческие настроения среди гражданского населения.

Первая мировая война дала мощный импульс развитию пропаганды как одному из средств достижения военных целей, по сути, превратила ее в специальный вид оружия, существенно помогающий вооруженным силам выполнять боевые задачи. Этому процессу во многом способствовало также и развитие печатной и полиграфической техники, обеспечивающей размножение листовок многомиллионными тиражами. В ходе войны впервые были созданы штатные специальные органы, занимающиеся вопросами организации и ведения пропаганды в войсках и среди населения противника.

Основными темами содержания информационно-пропагандистских материалов стали: устрашение противника своей мощью (очень часто надуманной и мнимой); провозглашение со своей стороны справедливого характера войны и обвинение противника в ведении войны несправедливой, захватнической; обострение противоречий в лагере противника (национальных, имущественных, религиозных, правовых); раскол его союзников; дискредитация политического и военного руководства; пропаганда плена.

К концу Первой мировой войны сложилась одна из основных форм оказания информационно-пропагандистского воздействия на войска и население противника – печатная пропаганда: листовки, газеты, брошюры, плакаты, письма военнопленных, открытки и т. д. Проявился практически весь, на тот период времени, комплект технических средств распространения информационно-пропагандистских материалов: воздушные шары, авиабомбы, авиационные контейнеры, агитснаряды, агитмины, агитгранаты. Свое дальнейшее развитие получила устная пропаганда с использованием простейших технических средств. Впервые заявила о себе радиопропаганда.

В ходе Первой мировой войны была решена проблема пропагандистского воздействия на противника в целях обеспечения решения задач конкретной боевой операции средствами пропаганды, что дало возможность проводить специальные пропагандистские операции. Они имели успех тогда, когда их подготовка и проведение осуществлялись в тесном взаимодействии аппарата пропаганды в войсках и среди населения противника с разведывательными структурами вооруженных сил.

Первая мировая война стала первой, так называемой, медийной войной. С этого времени больше ни один вооруженный

конфликт не обходится без информационного сопровождения, которое информирует о ходе ведения войны собственное население и мировую общественность, поддерживает боевой дух, волю и выдержку, а в случае поражения – объясняет причины. Информационное противоборство в годы Первой мировой войны – это не только плакаты, листовки, газеты, кинофильмы и радиопередачи. Это возникновение и успешная деятельность специально созданных штатных структур, которые занимались исключительно разработкой и распространением пропагандистских материалов. Почти все то, что на сегодня обозначается термином «пропаганда», впервые в массовом порядке было использовано более ста лет тому назад. Именно поэтому Первую мировую войну следует считать первой медиавойной в истории человечества.

Таким образом, Первая мировая война стала поворотным пунктом в развитии информационного оружия как средство мобилизации общественного мнения. В ее ходе были заложены основы использования информационного оружия для достижения победы над противником, что, в конечном счете, привело к превращению информационно-психологических операций в основное средство противоборства. Все страны – участники Первой мировой войны в различной степени и с различным успехом использовали имеющийся в их распоряжении арсенал средств, которые сегодня именуется «мягкой силой», для оказания влияния на сознание и поведение гражданского населения и военнослужащих вооруженных сил.

¹ Англичане называли немецкую пропаганду пропагандой, а свои пропагандистские мероприятия – информацией, культурными связями, литературой (Первая мировая война 1914–1918 годов. М., 2017. Т. 6. С. 288).

² Блументаль Т. Ф. Буржуазная политработа в мировую войну. М., 1928. С. 92–93.

³ Первая мировая война 1914–1918 годов. М., 2017. Т. 6. С. 258.

⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 135. Оп. 374. Д. 361. Л. 4–7.

⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3852. Л. 144; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 356. Л. 12, 13, 16.

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 7. Л. 71, 91–92, 97, 98, 102, 105, 127.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 519. Л. 55 об.

⁸ Там же. Л. 8–9.

⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1592. Л. 256.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–4.

¹¹ Потапов Н. М. Печать и война. М., 1926. С. 53–54.

- ¹² Опыт работы ГлавПУ ВС СССР. VI управление. 1947. № 5. С. 44.
- ¹³ Газета «Русские ведомости». Номер от 27 апреля 1916 г.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 2, 9–9 об., 97–97 об., 118, 119, 157 об., 163–164.
- ¹⁵ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 181.
- ¹⁶ Деникин А. И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 329.
- ¹⁷ Кальницкий Я. И. От Февраля к Октябрю: воспоминания фронтовика. Харьков, 1964. С. 27–29.
- ¹⁸ Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М., 1929. С. 177.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 157.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. 965. Л. 2; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 120.
- ²¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4100. Л. 111.

Ю. Н. Колесников (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЧАСТЕЙ В СОСТАВЕ РУССКОЙ АРМИИ В ХОДЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

О ПЫТ СОБЫТИЙ 1900 г.¹ в Китае показал, что отказ от массового формирования добровольческих туземных отрядов и привлечения местного населения на службу в состав русской армии был серьезной ошибкой. При их умелом боевом использовании они могли действовать и решать в тылу противника целый комплекс боевых задач, осуществлять сбор информации, вести партизанские действия и принести заметную пользу русской армии на театре военных действий².

Разведывательные сведения, которыми русская армия обладала с началом Русско-японской войны, были крайне малочисленны, разрозненны, малоосновательны и недостаточно обоснованы³. С целью проведения русскими войсками эффективных мероприятий по сбору разведывательной информации на непосредственном театре военных действий (ТВД) в их составе происходит формирование туземных сотен и отрядов, а также подготовка агентурной сети из местного китайского и монгольского населения. Предназначены эти отряды и подразделения были для ведения дальней и ближней разведки, разведки вблизи позиций войск русской армии, глубинной разведки в тылу противника, в тылу русских войск и в Монголии.

В течение всей Русско-японской войны 1904–1905 гг. в составе русской армии формировались туземные подразделения из китайцев и монголов. С началом военных действий русским командованием было признано полезным и необходимым формирование отрядов из бывших хунхузов⁴ и китайских милиционеров, но тогда эта попытка не увенчалась успехом, и командованию

удалось сформировать лишь два таких отряда, действовавших в составе отрядов полковника Александра Семеновича Мадритова и в Ляохэйском отряде. Численность этих подразделений составляла от 20 до 50 бойцов⁵.

Позднее положение изменилось, и число желающих поступить на службу в русскую армию китайцев многократно возросло. В начале 1905 г., несмотря на неудачи, постигшие русскую армию, в районе сосредоточения 3-й армии находилось до 1000 китайских милиционеров, желающих поступить на службу. В ранее сформированные отряды поступило еще до 200 человек.

К командиру 140-го Зарайского полка генералу Евгению Ивановичу Мартынову (ил. 1) обратился китайский полковник Ван-хам-хин с предложением принять на службу 300 человек китайских солдат. К генералу Николаю Александровичу Ухач-Огоровичу поступило несколько предложений от братьев Чжаочон-тин, которые могли привести отряд из 2000 китайских солдат, находящихся на японской стороне, в распоряжение русского командования. Через российского консула в г. Тяньцзине китайский офицер Ля-кань-чжан предложил ему призвать в состав русской армии 7000 китайских хунхузов, недовольных службой в японской армии⁶. Еще в феврале 1905 г., до Мукденского сражения генерал-майором Ухач-Огоровичем были сформированы туземные сотни из китайцев и монголов при штабах тыла армии, Заамурского округа отдельной пограничной стражи и штаба 3-й армии. Весной 1905 г. в русских армиях, находящихся на фронте, стали формироваться туземные отряды, некоторые из них доходили до пятисотенного состава⁷.

Однако у высших должностных лиц командования русской армией не было единого подхода и мнения по вопросу формирования китайских добровольческих отрядов и их боевого



Ил. 1. Командир 140-го Зарайского полка генерал Е. И. Мартынов



Ил. 2. Начальник Заамурского округа и отдельного корпуса пограничной стражи генерал-лейтенант Н. М. Чичагов

применения в составе русской армии. Многие генералы считали, что формирование принесет заметную пользу в борьбе против японских войск, к их числу можно отнести таких видных участников Русско-японской войны как генерал Николай Александрович Ухач-Огорович, начальник Заамурского округа и отдельного корпуса пограничной стражи генерал-лейтенант Николай Михайлович Чичагов (ил. 2), военный комиссар Гиринской провинции полковник Генерального штаба Михаил Алексеевич Соковнин, Мукденский военный комиссар полковник

Михаил Федорович Квещинский, полковник Александр Семенович Мадритов и многие другие, но были и те, кто относились к этой идее весьма скептически и выступали против этого.

Телеграммой от 9 июня 1905 г. в штаб 3-й армии генерал Николай Александрович Степанов докладывал, что в расположение его частей для их усиления прибыл туземный отряд корнета Мерклина в составе 60 чел., остальной личный состав отряда разбежался. Степанов докладывал о нежелательности присутствия отряда милиционеров в расположении его войск. Он аргументировал это тем, что бойцы-китайцы очень слабы, он предполагал, что китайские милиционеры займутся грабежами, по причине того, что отряд ничем не был снабжен. В тыл противника для выполнения поставленных боевых задач его, по мнению Степанова, отправлять было нельзя, так как милиционеры могли отказаться от выполнения боевой задачи или попросту разбежаться⁸.

Несмотря на это, главнокомандующим русской армией генерал-адъютантом Алексеем Николаевичем Куропаткиным (ил. 3) были определены единые правила по формированию добровольческих отрядов. Туземные китайские отряды, прежде всего, включали в себя:

– одинаковый для всех размер содержания, он был больше того, что получали хунхузы на службе в японской армии;

– из добровольцев должны были формировать пешие и конные сотни, был установлен единый штат для всех отрядов (табл. 1, 2);

– были установлены однообразные и ясно видимые знаки отличия от хунхузов;

– такие отряды получили в русской армии названия «туземных пеших и конных сотен»;

– было строжайше запрещено использовать для личного состава этих сотен название «хунхузы». Каждый китаец, поступивший на российскую службу, с гордостью называл себя русским солдатом, название «хунхуз» его оскорбляло, тем более что многие добровольцы были солдатами китайской армии или милиционерами и хунхузами не являлись;

– после формирования сотен им была дана строгая нумерация;

– право формирования, их количество и принадлежность к тому или иному роду войск было предоставлено командующим русскими армиями;

– вопрос боевого применения китайских туземных сотен также предоставлялся командующим русскими армиями⁹.



Ил. 3. Главнокомандующий русской армией генерал-адъютант А. Н. Куропаткин

Таблица 1

Штат конных туземных сотен

№	Должность	Количество	Всего
1	Русских офицеров	2 чел.	
2	Писарей	2 чел.	
3	Русских нижних чинов	15 чел.	
4	Китайских добровольцев	150 чел.	169 чел.

Таблица 2

Штат пеших туземных сотен

№	Должность	Количество	Всего
1	Русских офицеров	2 чел.	
2	Писарей	2 чел.	
3	Русских нижних чинов	25 чел.	
4	Китайских добровольцев	250 чел.	279 чел.

Приказом № 760 от 14.05.1905 г. адмирала Е. И. Алексева (ил. 4), главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, по отношению главного начальника тыла Маньчжурской армии № 7252 от 07.04.1905 г. и на основании ст. 34 Положения о полевом управлении войск в военное время, были сформированы управление туземного пятисотенного отряда и туземных сотен (табл. 3–5). Формирование проводилось главным начальником тыла Маньчжурской армии генералом Иван Павловичем Надаровым (ил. 5).

Таблица 3

Временный штат управления отряда

№	Должность	Количество	Оклад содержания
1	Заведующий сотнями	1 чел.	Ежемесячный оклад по чину / столовых денег 100 р.
2	Обер-офицер для поручений	1 чел.	Ежемесячный оклад по чину / столовых денег 25 р.
3	Туземный офицер для поручений	1 чел.	75 р. / –
4	Переводчик	1 чел.	75 р. / –
5	Писарь русский	1 чел.	Оклад по положению
6	Писарь туземный	1 чел.	75 р. / –

Дополнительно на представительские расходы из казны ежемесячно отпускались: заведующему сотнями – 200 р., на канцелярские расходы – 240 р., одновременно на оборудование Управления заведующего сотнями – 200 р.¹⁰

Временный штат русско-туземной сотни

Строевой штат			
№	Должность	Количество	Оклад содержания
1	Командир сотни	1 чел.	Ежемесячный оклад по чину / лошадь от казны
2	Его помощник, туземный офицер	1 чел.	Ежемесячный оклад 100 р.
3	Командиры полусотен, туземные офицеры	2 чел.	Ежемесячный оклад 60 р.
4	Всего обер-офицеров	4 чел.	
5	Взводные командиры, туземные унтер-офицеры	4 чел.	Ежемесячный оклад 35 р.
6	Командиры отделений	8 чел.	Ежемесячный оклад 30 р.
7	Урядник русский	1 чел.	Ежемесячный оклад по положению
8	Конных русских охотников	9 чел.	Ежемесячный оклад по положению
9	Туземных солдат	96 чел.	Ежемесячный оклад 25 р.
10	Всего	118 чел.	
Нестроевой штат			
1	Переводчик	1 чел.	Ежемесячный оклад 75 р.
2	Всего чинов	119 чел. ¹¹	

Приказ главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, от 05.06.1905 г. № 940 признал полезным формирование туземных пеших и конных сотен в составе русских войск, командующим армиями и начальнику главного тыла армии было предоставлено право на формирование сотен. Также этим же приказом предписывалось начать их немедленное формирование и о всяком новом формировании китайских туземных пеших и конных сотен в составе русских войск докладывать главнокомандующему русской армией генерал-адъютанту Куропаткину лично¹².

Временный штат русско-туземной пешей сотни

Строчевой штат			
№	Должность	Количество	Оклад содержания
1	Командир сотни	1 чел.	Ежемесячный оклад 100 р. / лошадь от казны
2	Его помощник, туземный офицер	1 чел.	Ежемесячный оклад 100 р. / лошадь от казны
3	Командиры полусотен, туземные офицеры	2 чел.	Ежемесячный оклад 60 р.
4	Всего обер-офицеров	4 чел.	
5	Взводные командиры, туземные унтер-офицеры	4 чел.	Ежемесячный оклад 25 р.
6	Командиры отделений	8 чел.	Ежемесячный оклад 20 р.
7	Урядник русский	1 чел.	Ежемесячный оклад по положению
8	Конных русских охотников	9 чел.	Ежемесячный оклад по положению
9	Туземных солдат	159 чел.	Ежемесячный оклад 75 р.
10	Всего	172 чел.	
Нестрочевой штат			
1	Переводчик	1 чел.	Ежемесячный оклад 75 р.
2	Всего чинов	173 чел. ¹¹	

Русским командованием было разработано специальное положение о формировании пеших и конных туземных сотен в составе армии, в котором был определен порядок их формирования, вооружения, снабжения, довольствия и формы одежды.

**Положение о формировании, содержании и действиях
туземных войск**

1. Пешие и конные сотни формируются распоряжением командующих армиями, число сотен, а равно и решение вопроса, формировать пешие или конные сотни, предоставляется на усмотрение командующих армиями и главному начальнику тыла.

2. Форма одежды китайских милиционеров обыкновенного китайского покроя. Одежда у милиционеров собственная. Для внешнего отличия милиционеров на груди каждого из них должен быть отличительный знак в виде русского трехцветного флага, с напечатанной на белом фоне надписью на русском и китайском языках.

3. Конные нижние чины должны иметь собственных лошадей.

4. Холодное оружие милиционеры обязаны приносить с собой во время поступления на службу, трехлинейные или японские винтовки и патроны им будут выдаваться от казны.

5. Нумерация сотен в каждой армии своя. При формировании руководствоваться штатами для пеших и конных сотен.

6. В случае формирования при одной армии более пяти сотен командующему армией предоставляется право свести сотни в пятисотенный отряд, при этом руководствоваться штатами согласно приказа № 760.

Приказом главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, от 16.06.1905 г. № 1054 в дополнение к приказам от 14.05.1905 г. № 760 и от 05.06.1905 г. № 940 были внесены изменения в штаты



Ил. 4. Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами адмирал Е. И. Алексеев



Ил. 5. Главный начальник тыла Маньчжурской армии генерал И. П. Надаров



Ил. 6. Генерал-квартирмейстер
3-й армии генерал-адъютант
М. В. Алексеев

туземных конных и пеших сотен. В китайских туземных подразделениях были повышены оклады денежного содержания и включены дополнительно девять человек пеших нижних чинов¹⁴.

20 апреля 1905 г. по поручению главнокомандующего русской армией было принято решение о формировании китайского партизанского отряда под общим командованием русского офицера. Командиром этого отряда был назначен прапорщик 52-го драгунского Нежинского полка отдельной кавалерийской бригады Путята¹⁵. В это же время начала формироваться особая

команда управления генерал-квартирмейстера 3-й армии генерал-адъютанта Михаила Васильевича Алексеева (ил. 6)¹⁶.

К 1 мая 1905 г. была сформирован первый туземный китайский отряд из 50 бойцов под командованием китайского командира Джань-чун-чана. Он был вооружен русскими трехлинейными винтовками, и каждому милиционеру выдано 120 шт. патронов к ним. Этот отряд был включен в состав 2-й армии и находился в распоряжении штаба армии. Он в начале мая 1905 г. проводил разведку района к западу от городов Ганган – Чженьцзятунь.

8 мая 1915 г. после проведенных переговоров отряд китайских хунхузов, возглавляемый старшиной И-женем, перешел на сторону русской армии в количестве 50 чел., а 10 мая – отряд еще одного старшины – Игиня в количестве 100 чел. Таким образом, в распоряжении управления генерал-квартирмейстера был отряд милиции в составе 350 китайских всадников. Этот отряд был разделен на два, командиром одного из которых был назначен хорунжий 1-го Аргунского казачьего полка Мерклин, возглавивший отряд милиционеров в 150 всадников. Второй отряд в составе 200 китайских всадников возглавил прапорщик 52-го драгунского

Нежинского полка Путята. Оба были назначены командирами китайских туземных отрядов приказом начальника штаба 3-й Маньчжурской армии от 13.05.1905 г. № 1435. В состав отряда прапорщика Путята также вошли 10 казаков Аргунского полка со знанием монгольского и китайского языков и два человека из числа вольноопределяющихся. Отряду хорунжего Мерклина было придано пять казаков¹⁷.

Жалование старшинам предполагалось платить в размере 60 р. Командирам отрядов было предоставлено право в случае необходимости исключать из состава отрядов милиционеров, оказавшихся непригодными по той или иной причине для службы, а также их разоружать. Российское стрелковое оружие для китайских милиционеров являлось наградой, которую они должны были заслужить в бою. Оружие и боеприпасы для формируемых отрядов доставлялось из многих частей русской армии. Позже для организации взаимодействия с местным населением и отправки разведчиков в отряд корнета Мерклина были приняты 80 монголов, которые представляли собой более надежных бойцов, чем китайцы.

12 мая 1905 г. старшина милиции, живущий в районе Ляоянво, предложил сформировать и привести китайский отряд в количестве 500 всадников и 500 пехотинцев



Ил. 7. Хорунжий 2-го Аргунского казачьего полка Г. А. Гудиев



Ил. 8. Хорунжий Аргунского полка А. П. Бакшеев

в распоряжение штаба армии, для совместных боевых действий против японцев. Из 1000 бойцов только 100 были вооружены германскими ружьями, остальные – старыми китайскими ружьями. Свои услуги они готовы были предоставить при условии оплаты каждому милиционеру 30 р.¹⁸ Стремление китайцев вести совместные боевые действия против японской армии было вызвано тем, что все население края было озлоблено проводимыми японцами репрессиями по отношению к местному населению.

После издания приказа главнокомандующим русскими войсками 4 июня 1905 г. о начале формирования туземных пеших и конных сотен 6 июня Ухач-Огоровичем был сформирован отряд милиционеров-китайцев в составе 500 чел., командовал отрядом хорунжий 2-го Аргунского казачьего полка Гуда Амиевич Гудиев (ил. 7). Отряд находился и был сформирован в г. Куанчендзахе. По приказу генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего он передавался в распоряжение начальника штаба 3-й Маньчжурской армии¹⁹. В распоряжении штаба тыла армии действовал отряд добровольцев, в состав которого входили 28 русских, 17 китайцев и сотня 3-го Верхнеудинского полка. В задачи отряда входило проведение разведки в своей зоне ответственности.

23 июня 1905 г. командиром еще одной туземной сотни, сформированной в составе 3-й армии, был назначен подпоручик 160-го пехотного Абхазского полка князь Элизбарк Андреевич Эристов. В этот же день хорунжий Аргунского полка Алексей Проклович Бакшеев (ил. 8) был назначен командиром еще одной сформированной китайской сотни. Сотня хорунжего Бакшеева 30 июня выступила на разведку японских подразделений, находившихся на территории Монголии²⁰.

Туземные сотни формировались по образцу китайских войск. Сформированная 13 июня 1905 г. Первая туземная конная сотня 3-й армии в своем составе имела четыре исо²¹, в каждом по 24 человека. В состав одного исо входило три китайских унтер-офицера.

В составе русских армий проводилось формирование и китайских полусотен. В состав отдельной полусотни отряда конной милиции 3-й армии входило два исо: первое – 26 чел.; второе – 27 чел. В состав полусотни также входили один переводчик и по два китайских унтер-офицера на одно исо²².

Пешие и конные китайские туземные сотни 3-й армии были распределены по полкам русских армий. Монгольские сотни были распределены в драгунские кавалерийские полки. 28 августа 1905 г. главнокомандующим русской армией в связи с окончанием Русско-японской войны был подписан приказ о роспуске всех пеших и конных туземных сотен и отрядов. Туземные сотни должны были быть распущены не позднее 1 сентября 1905 г., казенное оружие должно было быть собрано, об утерянном оружии составлены акты²³.

Формирование туземных отрядов для действий в Монголии

Командование русской армии придавало большое значение формированию отрядов из монголов, так как имела острая необходимость привлечения монгольской элиты на сторону Российской империи. Прежде всего, для того чтобы обезопасить русские войска от нападения японцев и хунхузов со стороны районов Монголии, которые граничили с ТВД.

В частности, охрану населенного пункта Дзиань-Цзя осуществлял хорошо вооруженный девятисотенный отряд монгольской милиции, имевший на своем вооружении немецкие ружья. По мнению командования, привлечение этого отряда на службу дало бы возможность в районе этого населенного пункта организовать базы тылового обеспечения, что существенно облегчило задачу снабжения всех войск русской армии²⁴.

Для проведения глубинной разведки на территории Монголии главнокомандующий русской армией разрешил формирование разъездов и партий из числа китайских хунхузов, с включением в такие отряды нижних чинов русской армии под общим командованием русских офицеров. Один из таких отрядов был сформирован при участии военнослужащих 1-го Аргунского казачьего полка 24 апреля 1905 г., в его состав вошел личный состав полка, знающий китайский или монгольский языки.

В апреле 1905 г. в составе 3-й армии находилось шесть сотен туземной милиции. Из них на 26 апреля 1-я и 3-я сотни вошли в состав конного отряда генерала Степанова, который проводил разведку в Монголии, 2-я сотня находилась при штабе 3-й армии, а 6-я была прикомандирована к штабу 5-го Сибирского корпуса. В г. Юшинтае находились 4-я и 5-я сотни китайской милиции.

Разведка в Монголии проводилась и под руководством коммерческого заготовителя для войск маньчжурских армий А. Г. Громова, в его распоряжении были сформированы отряды казаков-бурятов. Для действий в Монголии штабом тыла и пограничной стражи были сформированы туземные сотни, состоящие полностью из монгольского населения края²⁵.

Дать однозначную оценку использованию туземных отрядов и подразделений в составе русской армии в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. невозможно, но, в то же время, их формирование следует считать успешным. В короткий срок в составе каждой русской армии было сформировано необходимое количество отрядов и подразделений для выполнения тех или иных возложенных на них боевых задач. С другой стороны, количество не всегда означало качество. В результате спешки, допущенной при формировании китайских туземных частей, в их состав были приняты бывшие бандиты, которые продолжили заниматься грабежом местного населения, находясь на службе в русской армии. Это еще происходило и по причине недостаточного снабжения туземных подразделений. В результате чего эти сотни пришлось распустить, а виновных отдать под суд. Однако в большинстве своем с помощью туземных отрядов и сотен были решены многие проблемы, с которыми пришлось сталкиваться русскому командованию в течение всей Русско-японской войны. Это прежде всего касается организации разведки на направлении действия русских войск, в тылу противника и не менее важно-го обеспечения тыла русской армии. Включая предотвращение действий партизанских отрядов, совершения диверсий на китайской железной дороге, охрану снабжения армии, ее складов и тыловых баз.

¹ Ихэтуаньское восстание в Китае.

² РГВИА. Ф. ВУА. Оп.16. Д. 29090. Ч. II. Микрофотокопия. Л. 120.

³ Там же. Ч. I. Микрофотокопия. Л. 50 об.

⁴ Хунхузы – члены организованных банд, действующих в Северном Китае.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 10294. Ч. I. Л. 1.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп.16. Д. 29090. Ч. II. Микрофотокопия. Л. 118.

⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 10294. Ч. I. Л.1.

⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп.16. Д. 29090. Ч. II. Микрофотокопия. Л. 127.

⁹ Там же. Л. 119–119 об.

¹⁰ Там же. Л. 120–120 об.

¹¹ Там же. Л. 121.

¹² Там же. Л. 122.

¹³ Там же. Л. 122 б.

¹⁴ Там же. Л. 122 в, г.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Там же. Л. 32, 37.

¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 10294. Ч. I. Л. 41, 52–54.

¹⁸ Там же. Л. 40–40 об.

¹⁹ Там же. Л. 201.

²⁰ Там же. Л. 406.

²¹ Исо – взвод.

²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 10294. Ч. II. Л. 598–599.

²³ Там же. Л. 622–629.

²⁴ Там же. Ч. I. Л. 9–11.

²⁵ Там же. Л. 29 об.

В. В. Коровин (Курск)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ ПАМЯТНИКА ГЕРОЯМ-САПЕРАМ НА СЕВЕРНОМ ФАСЕ КУРСКОЙ ДУГИ

К ЧИСЛУ ПЕРВЫХ СООРУЖЕННЫХ в период Великой Отечественной войны принято относить памятник Героям-саперам, открытый 30 ноября 1943 г. в честь подвига личного состава 1-й гвардейской инженерной бригады специального назначения под командованием полковника М. Ф. Иоффе в 4 км северо-восточнее поселка Поныри.

7 августа 1943 г. частям инженерных войск Центрального фронта было дано указание о подготовке эскизного проекта памятника героическим воинам-саперам и минерам, остановившим наступление немецких танков в полосе обороны фронта. При проектировании памятника разрешалось использовать разбитую немецкую технику. Указанное обстоятельство оказало определенное влияние на авторские решения. Почти в каждом из представленных проектов присутствовал подорвавшийся на mine немецкий танк.

15 августа 1943 г. начальник штаба 14-й инженерно-саперной бригады майор Н. И. Казаков направил на имя начальника штаба инженерных войск Центрального фронта эскизный проект памятника героям-саперам, разработанный начальником мастерских 167-го инженерно-саперного батальона техником лейтенантом В. В. Оксеничем¹. По авторскому замыслу, на основании из бутового камня, скрепленного цементным раствором, воздвигается трофейный танк. «Гусеницами он прижимает к земле проволочное ограждение, за которым саперы производили минирование местности. И при виде наступающего танка они вступили в единоборство с ним. Один из героев бросается под гусеницы с миной ЯМ-5, второй бросает бутылку с горючей смесью в танк. На поверхности основания обозначены ямки для установки

в них мин. На фронтальной стороне помещается мемориальная доска, раскрывающая содержание памятника. По периметру основание обрамляется десятью столбами с провисшими металлическими цепями»².

17 августа 1943 г. датирован проект, разработанный командиром взвода управления 371-го армейского инженерного батальона 70-й армии старшим лейтенантом В. И. Балдиным. «Основная идея памятника – первоклассная техника врага разбилась о гранит мужества советских саперов. Памятник представляет собой скалу неправильной формы, поставленную на возвышенности с таким расчетом, что площадка перед мемориальной доской может служить трибуной. На скале установлен изуродованный танк «Тигр» как образец новейшей техники врага, побежденной героями-саперами. Танк должен производить впечатление разбившегося о скалу»³.

Идея подорванного на mine «Тигра» доминирует и в проекте, представленном 1-й гвардейской инженерной бригадой специального назначения, подвигу воинов которой и посвящался монумент. Его автор гвардии сержант Яковлев так раскрывает собственную задумку: «Памятник представляет собой сочетание подорванного миной немецкого танка типа «Тигр» и обелиска с эмблемой «Отличный минер», увенчанного звездой с накладными серпом и молотом»⁴. Общая высота сооружения – 6 метров. Постамент предлагалось выполнить в виде бетонного основания с гранитной или мраморной облицовкой. Танк должен был иметь характерные при подрыве на mine повреждения и несколько пробоин в верхней части, откуда будет возвышаться над ним колонна из серого гранита, на вершине которой предполагалось размещение звезды из листовой меди, закрепленной на капсульной части гильзы 200-мм артиллерийского снаряда.

Проект, представленный 7-й штурмовой инженерно-саперной бригадой, предусматривал возведение триумфальной арки, выполненной в шатровом стиле, через которую не смог пройти немецкий танк. Это вариант, напомилавший по очертаниям православную часовню, получил отрицательное заключение начальника инженерных войск и в дальнейшем не рассматривался⁵. Предложение 6-й инженерно-саперной бригады заключалось в сооружении 3-метровой усеченной пирамиды с соответствующими посвящениями⁶. Но упрощенный вариант композиции не смог отразить значимость подвига саперов Центрального фронта.

За основу будущего памятника был взят проект, предложенный стажером 386-го мотоинженерного батальона 70-й армии лейтенантом В. П. Горбуновым. Автор предложил учечь холмистый рельеф местности в районе станции Поныри, с тем чтобы памятник, установленный на возвышенности, был хорошо виден для проезжающего рядом автомобильного и железнодорожного транспорта. В ассиметричную композицию включался символ победы над немецкой военной техникой – разбитый танк «Тигр». От него к главному обелиску прокладывается тропинка, переходящая в покрытые дерном земляные ступени и объединяющая все мемориальное пространство. Ступенчатый обелиск планировалось выполнить в виде кирпичной кладки по периметру с заполнением внутренних пустот землей и шлаком. Проект отличался простотой исполнения и относительно малыми затратами материальных и людских ресурсов⁷.

Уже в конце августа 1943 г. начальник инженерных войск Центрального фронта генерал-майор инженерных войск А. И. Прошляков проинформировал Военный совет фронта о направлении двух проектов памятника Героям-саперам, отобранных по результатам рассмотрения предложенных специалистами инженерных войск фронта. Исполнение окончательного варианта памятника возлагалось на Управление оборонного строительства № 7, срок сооружения ограничивался одним месяцем⁸.

Строительство памятника Героям-саперам велось осенью 1943 г. От идеи использования подорвавшейся на минах немецкой военной техники пришлось отказаться. Решение вполне оправданное, поскольку увековечивать пусть даже поверженную мощь фашистской военной машины на освобожденной советской земле было, по меньшей мере, кощунственно. Не хотели оставлять и намека на напоминание о пережитых зверствах нацистов наши герои-освободители. В том числе и в этом заключалось право народа-победителя.

Как следует из сохранившихся документов и воспоминаний местных ветеранов, строительные материалы для сооружения памятника привозились со станции. Воины-саперы разбирали руины оборотного паровозного депо Поныри, не подлежавшего восстановлению после июльских оборонительных боев. Поныровский РК ВКП(б) и руководство Орловского отделения паровозного хозяйства передали кирпич, из которого были сложены стены бывшего депо, строителям памятника⁹.

3 декабря 1943 г. газета «Курская правда» информировала читателей об открытии памятника саперам. Секретарь Курского обкома ВКП(б) А. И. Легасов, открывая митинг, обратился к собравшимся: «Не успели отгреть бои на священной земле, как народ воздвигает памятники в честь героев, настоящих сынов русской земли! Мы клянемся у памятника, что будем не покладая рук трудиться для помощи фронту...»¹⁰

Как позднее вспоминал маршал инженерных войск А. И. Прошляков, который в 1943 г. был начальником инженерных войск Центрального фронта, «увековечению памяти павших в борьбе за нашу Родину на фронте уделялось должное внимание. Я имею в виду нашу инициативу по строительству памятников в местах наиболее ожесточенных боев, проявления большого героизма и отваги в них того или иного рода войск. Под Понырями после Курской битвы нами были построены памятники артиллеристам и саперам как наиболее отличившимся при отражении атак основной танковой группировки немцев, рвущейся с севера к Курску...»¹¹

В течение 20 послевоенных лет жители пос. Поныри и близлежащих сел ухаживали за памятником. К его постаменту возлагали цветы многочисленные туристы, посещавшие места боевой славы. В августе 1963 г., в дни празднования 20-летия Победы в Курской битве, памятник посетил бывший командующий войсками Центрального фронта дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. В 1965 г. у памятника Героям-саперам был заложен парк. Местные жители высадили 20 тыс. деревьев и кустарников¹².

Но возведенный в короткие сроки сразу после окончания боев монумент со временем потребовал коренной реконструкции. Решению проблемы приведения в надлежащее конструктивное состояние важного мемориального объекта способствовало принятие 24 мая 1966 г. Советом Министров РСФСР постановления № 473 «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР»¹³. Решением Курского облисполкома № 496 от 2 августа 1966 г. «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в области» в трехмесячный срок с участием местных отделений ВООПИК предписывалось разработать и осуществить в 1966–1970 гг. мероприятия по приведению в надлежащее состояние памятников. Одновременно предлагалось завершить подготовку памятников, находящихся на

важнейших туристских маршрутах, для показа советским и иностранным туристам. К числу таких маршрутов были отнесены места боев на Курской дуге с посещением установленных на них памятников¹⁴.

В июне–июле 1966 г. было проведено первое после войны обстоятельное техническое обследование памятника Героям-саперам. Комиссия установила, что памятник потерял свою конструктивную прочность: стены постамента и обелиск требовали полной замены. Штукатурка на обелиске так же, как и на стенах постамента отваливалась вместе с частью кирпичной стенки (глубиной 12–15 см), в связи с чем капитальный ремонт памятника не представлялся возможным. Причиной столь быстрого разрушения памятника эксперты посчитали использование при строительстве некачественного кирпича из разрушенных каменных построек и домов¹⁵.

Курский облисполком 28 июля 1966 г. рассмотрел вопрос о состоянии памятника Героям-саперам, приняв решение воссоздать его из долговечных материалов. В этих целях Курскому отделению Союза художников и Курскому отделению Союза архитекторов было предложено к сентябрю 1966 г. подготовить соответствующую проектно-сметную документацию.

Строительные работы поручалось выполнить тресту «Облмежколхозстрой». Ориентировочную стоимость работ 30 тыс. рублей по восстановлению памятника было решено включить в проект бюджета на 1967 г. и просить Совет Министров РСФСР выделить необходимые средства на восстановительные работы¹⁶.

6 августа 1966 г. Курский облисполком направил в Совет Министров РСФСР письмо о крайней необходимости реконструкции мемориальных объектов на северном фасе Курской дуги¹⁷. 8 августа 1966 г. Управление культуры Курской области письмом на имя начальника управления музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР А. Н. Ермолаева извещало руководство о том, что памятник Героям-саперам, несмотря на регулярно проводившийся ремонт, потерял конструктивную прочность и находится в критическом состоянии¹⁸.

6 апреля 1967 г. начальник областного управления культуры П. М. Рожин обратился к начальнику инженерных войск Советской Армии генерал-полковнику В. К. Харченко с сообщением о необходимости реконструкции памятника Героям-саперам

и выделении бюджетных средств на эти цели. Учитывая, что в туристические маршруты «включены места героических победоносных сражений Советской Армии на Северном фланге Курской дуги и эти места посещают многочисленные экскурсии и туристы», областное управление культуры обратилось с просьбой оказать помощь в организации строительных работ по воссозданию памятника, направив бригаду военных строителей, а также содействовать в получении 80 тонн цемента, 200 кубометров гранитного щебня, 70 тонн бутового камня, 40 кубометров пиломатериалов и 20 кубометров круглого леса¹⁹.

29 апреля 1967 г. областное управление культуры проинформировало заместителя начальника Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР А. В. Серегина о реализации в 1967 г. ряда мероприятий по приведению в порядок памятников боевой славы, сообщив, что памятник Героям-саперам в текущем году будет воссоздан²⁰.

В июле 1967 г. специалистами областного управления культуры был произведен предварительный расчет ассигнований на окончание ремонтно-реставрационных работ по памятнику Героям-саперам на 1968 г. Планировалось благоустройство территории вокруг памятника и 1,5-километровой (уложенной булыжником) подходной дороги от железнодорожного полотна станции Поньры к памятнику. Общая стоимость запланированных работ оценивалась в сумму 25 тыс. р.²¹

О стоимости реконструкции памятника Героям-саперам, начавшихся летом 1967 г., Курский облисполком 29 ноября 1967 г. доложил Совету Министров РСФСР. Все работы по приведению в должный порядок памятников планировалось завершить к 1 июля 1968 г., т. е. до начала торжеств, связанных с празднованием 25-летия Курской битвы²².

Осенью 1967 г. завершилась работа по проектированию обновляемого монумента и прилегающей территории. 27 сентября состоялось подписание акта о передаче рабочих чертежей памятника Героям-саперам архитектором Д. И. Гаркушей²³. В соответствии с утвержденным проектом памятник получал дополнительные архитектурные и скульптурные элементы²⁴.

По авторскому замыслу монумент должна была венчать новая пятиконечная звезда, выполненная из сварных фрагментов нержавеющей стали. Ее радиус 30 см, а высота с наконечником

составляла 120 см²⁵. У подножия памятника предусматривалось зажжение Вечного огня памяти. Композиция для его устройства представляла собой круг диаметром 120 см, обрамленный кольцом в виде «Венка славы». В центре круга на декоративной решетке располагалась пятиконечная звезда, в центре которой находилась горелка для подачи пламени. Венок и звезду планировалось отлить из чугуна цельными изделиями (без разрезки на сектора). Устанавливать их предполагалось окрашенными черным лаком с тонировкой под старую бронзу. Газовую форсунку с рассекателем планировалось изготовить по специальным чертежам из бронзы. Конструкция Вечного огня базировалась на бетонном основании размером 180 × 180 см при высоте 23 см²⁶.

Площадь ограды памятника составляла 40,4 на 34,8 м. Авторы проекта предложили разобрать пятиметровый участок имевшейся ограды, оформив вход кирпичными пилонами размером 64 × 103 × 150 см²⁷.

Представленный в 1968 г. архитектором Д. И. Гаркушей проект благоустройства территории, прилегающей к памятнику Героям-саперам, предполагал композиционное решение. Оно коренным образом отличалось от того, которое впоследствии было воплощено в жизнь²⁸. Согласно предложенному проекту территория мемориально-паркового ансамбля памятника осваивалась в западном направлении более чем на 200 метров (в сторону железной дороги). К востоку от памятника планировалось соорудить дугообразную стелу Павших героев (длиной 18,5 м и высотой 3,5 м). Ее планировалось изготовить из декоративного бетона. Для оформления поверхности стелы, а также карниза с нишей, содержащей текст «Ваш подвиг не померкнет в веках», требовался полированный гранит. На каждой из расположенных в два ряда 40 плит, образующих стелу, предполагалось высечь по 17 фамилий погибших воинов. Выступающие с левого и правого краев перед стелой вертикальные плиты содержали однотипные лаконичные надписи «1943» (утопленные вглубь бетонных поверхностей).

Проектом предусматривалось, что расположенную перпендикулярно монументу аллею (шириной 22 м) с северной стороны будет венчать стела участников сражения (с указанием наименований частей и соединений). А в западном направлении продолжением мемориала становилась аллея героев-солдат (длиной 75 м и шириной 38 м). С двух сторон вдоль этой аллеи планировалось

установить 10 скульптурных портретов солдат, совершивших подвиги на северном фасе Курской дуги.

С западной стороны проектируемый мемориальный комплекс заканчивался заасфальтированной площадкой (размером 40×53 м) для стоянки автомобильного транспорта, к северу от которого предусматривалось сооружение небольшого музейного здания (11×14,5 м). Далее в западном направлении предполагалось построить дорогу от памятника к станции Поньры.

Объем работ по благоустройству создаваемого комплекса включал: покрытие монолитным бетоном территории площадью 2900 кв. м, укладку бетонной плитки (размером 50×50 см) на площади 9900 кв. м и асфальтобетона на площади 2000 кв. м, разбивку цветников и газонов на площади 3500 кв. м, сооружение 1500 п. м бордюров вдоль проездов и газонов. Для озеленения парковой зоны предполагалось высадить 200 пирамидальных тополей, 20 голубых елей, 5 плакучих ив, 2500 черенков декоративных кустарников²⁹.

В апреле 1968 г. областное управление культуры приняло рабочую модель скульптурной группы памятника Героям-саперам, выполненную в глине, от курского скульптора Ф. В. Супонева³⁰.

В соответствии с утвержденным проектом областное управление культуры обратилось на ленинградский завод «Монументальная скульптура» с просьбой принять заказ на изготовление к февралю 1968 г. мемориальной гранитной доски³¹, а 15 мая 1968 г. – к директору завода «Маяк» Б. З. Альтшулеру с просьбой об изготовлении пятиконечной звезды из нержавеющей стали для памятника Героям-саперам³².

13 июня 1968 г. состоялось совещание при заместителе председателя Курского облисполкома И. Я. Люнькове руководителей строительных организаций, на котором рассматривался вопрос о ходе строительства памятника Героям-саперам. По итогам обсуждения главному инженеру объединения «Курскстрой» П.Г. Михлину были даны указания: с 17 июня 1968 г. приступить к выполнению отделочных работ и благоустройству территории вокруг памятника, завершив их к 3 июля 1968 г.; направить автокран для установки скульптурной группы на памятнике; с 15 июня до 1 июля 1968 г. выделить со станции Вozy 200 кубометров товарного бетона.

Директору Курского отделения Художественного фонда В. И. Машталеруку поручалось к 1 июля 1968 г. закон-

чить изготовление скульптурной группы и смонтировать ее на постаменте памятника. Начальнику управления «Росгазстрой» Н. А. Писареву предлагалось приступить к оборудованию Вечного огня у памятника и закончить все работы до 25 июня 1968 г. К тому же сроку начальник ПМК-416 Н. К. Сазонов должен был обеспечить окончание всех строительных работ по сооружению памятника, а до 20 июня – возведение коммуникаций под закладку Вечного огня³³.

16 июля 1968 г. архитектор Д. И. Гаркуша, старший инспектор по охране памятников областного управления культуры Н. Д. Лопатьева, гранитчики Г. Т. Шеремет и В. И. Былинин подписали приемо-передаточный акт о том, что исполнителями на сером граните высечены: 1) карта боев на северном фасе Курской дуги; 2) наименования воинских частей; 3) орнамент из дубовых и лавровых листьев; 4) по эскизу изготовлена плита и высечен текст³⁴. На плиту были нанесены строки из поэмы Е. А. Долматовского «Поныри».

18 июля 1968 г. заместитель председателя Курского облисполкома И. Я. Люньков направил письмо главному инженеру треста «Курскстрой» П. Г. Михлину с просьбой до 1 августа выполнить работы по установке бетонной стелы у памятника Героям-саперам для гранитной карты боев на северном фасе Курской дуги и мемориальной доски воинских частей, принимавших участие в этом сражении³⁵.

От Курской районной горнотехнической инспекции потребовалось разрешение на установку Вечного огня на привозном жидком газе у памятника Героям-саперам. Проект на его установку выполнял институт «Курскгражданпроект». Технический надзор и непосредственную установку Вечного огня облисполком поручил управлению по эксплуатации газового хозяйства облкоммунхоза³⁶.

В письме директору Белгородской слюдяной фабрики Курский облисполком, информируя о работах по воссозданию памятника Героям-саперам к 25-летию Курской битвы, попросил для производства капитальных работ отпустить одну тонну чешуйчатой слюды – филопипеда, которая в короткие сроки была выделена белгородцами³⁷.

В отчете о выполнении плана по ремонту и реставрации памятников за первое полугодие 1968 г. областное управление культуры отмечало, что на воссоздание памятника Героям-саперам, подрядчиком которого выступала Золотухинская

контора областного треста «Межколхозстрой», было израсходовано 10 тыс. р. из 32 тыс. р., предусмотренных сметной стоимостью. На устройство Вечного огня у памятника трест «Облгазстрой» освоил за отчетный период 1200 р. из предусмотренных сметой 8900 р., а на установку карты «Курская битва» у памятника Героям-саперам строительным управлением № 75 было потрачено 600 р. из выделенных 5900³⁸. В результате за оставшийся до юбилейных торжеств месяц строителям под руководством Д. И. Гаркуши и Ф. В. Супонева предстояло освоить большую часть запланированных средств³⁹.

2 августа 1968 г. состоялось торжественное открытие обновленного памятника. Вечный огонь у его подножья был зажжен бывшим членом Военного Совета Центрального фронта генералом К. Ф. Телегиным.

21 августа 1968 г. в письме директору Курского отделения Художественного фонда РСФСР В. И. Машталеруку областное управление культуры попросило выполнить работы по художественному оформлению стелы участников боев, погибших героев, карту боев на северном фланге Курской дуги и «Аллею солдата» к памятнику Героям-саперам⁴⁰.

2 августа 1968 г. заместитель министра культуры РСФСР Е. Е. Милов направил письмо начальнику управления культуры Курского облисполкома П. М. Рожину, содержащее требование ускорить исполнение постановления коллегии министерства культуры РСФСР о выявлении открытых и сооружаемых без разрешения Совета Министров РСФСР памятников, с одновременным объяснением причин нарушения порядка их сооружения. Кроме этого предлагалось внести предложения, согласованные с местными партийными и советскими органами, о целесообразности сооружения в 1968–1970 гг. памятников с указанием размера ассигнований, выделяемых на их создание из местного бюджета⁴¹.

В ответе на это письмо П. М. Рожин повторно отметил, что в Курской области без разрешения Совета Министров РСФСР памятники не сооружались. В связи с 25-летием Курской битвы вблизи станции Поныри по решению облисполкома 2 августа 1968 г. был воссоздан памятник Героям-саперам из бетона за счет средств местного бюджета. В соответствии с проектом у этого памятника будут установлены в 1969 г. карта Курской битвы, стелы погибших героев и воинских частей, сражавшихся на этом участке фронта⁴².

В сентябре 1968 г. областное управление культуры обратилось к директору Курского филиала ЦЧО Гипросельхозстроя Г. А. Семеновскому с просьбой выполнить работы вблизи станции Поньры по разбивке подъездной дороги шириной 30 м от памятника Героям-саперам к железнодорожному полотну, протяженностью 1,5 км⁴³.

В связи со строительством подъездной дороги от памятника Героям-саперам к железнодорожному полотну председателю колхоза «Маяк» П. П. Позднякову была направлена просьба о принятии решения общего собрания об отводе земли для этой дороги, с последующим оперативным утверждением его Поныровским райисполкомом. Одновременно управление культуры готовило решение облисполкома о выполнении решения Совета Министров «Об улучшении охраны памятников культуры по Курской области». В это решение включался и вопрос строительства дороги⁴⁴.

Работы по завершению оформления памятника Героям-саперам продолжились и в 1969 г. Тогда планировалось установить стелы с картами Курской битвы, именами погибших и наименованиями воинских частей, принимавших участие в сражении на северном фланге Курской дуги⁴⁵.

При реконструкции памятника саперам строители не успели соорудить стену, на которую должны были установить мраморные доски с наименованием армий, корпусов, дивизий, бригад и отдельных полков Центрального фронта, принимавших участие в боях. Эти мемориальные доски изготавливались на деньги областного Совета ВООПИК и были привезены в Поньры. Их бесхозяйственно свалили во дворе Поныровского райвоенкомата. Один из руководителей реконструкции памятника архитектор Д. И. Гаркуша подчеркивал на областной конференции ВООПИК: «Кто хочет узнать номера дивизий, воевавших на Курской дуге, милости просим посмотреть их на плитах во дворе военкомата...»⁴⁶

В связи с тем, что памятник Героям-саперам располагался на удалении от населенных пунктов, на его территории требовалось пробурить скважину и установить водоразборную колонку (для содержания посадок и полива цветов в летнее время). У памятника планировалось произвести посадку декоративных деревьев. По-прежнему оставался открытым вопрос о строительстве подъездной дороги к памятнику Героям-саперам, к которому туристам приходилось добираться обходными путями⁴⁷.

В декабре 1969 г. начальник областного управления культуры З. А. Придворова докладывала заместителю министра культуры РСФСР В. М. Стриганову о том, что в течение года были проведены большие работы по приведению в порядок памятников боевой славы на северном фесе Курской дуги: «На месте старого сооружен новый памятник Героям-саперам, у подножия которого зажжен Вечный огонь. В настоящее время выполнены работы на сумму 45 тыс. рублей. В 1970 г. работа по реконструкции памятника Героям-саперам будет продолжена. Согласно имеющейся смете, на завершение работ по благоустройству территории вокруг памятника, установку двух стел (карты сражения и списка погибших), потребуется сумма свыше 100 тыс. руб.»⁴⁸

Таким образом, несмотря на воссоздание к 25-летию юбилею победы в Курской битве обновленного памятника Героям-саперам, выполнить запланированные работы, связанные с реконструкцией его мемориальной зоны, в установленные сроки не удалось. Тем не менее, при поддержке органов власти, трудовых коллективов и общественных объединений области и Поньровского района один из первых памятников Великой Отечественной войны успешно пережил процесс возрождения, на сегодняшний день являясь важнейшим объектом преклонения потомков перед величием подвига Героев-саперов, совершенного ими летом 1943 г. в битве на Курской дуге.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 416. Д. 6. Л. 530.

² Там же. Л. 532.

³ Там же. Л. 538.

⁴ Там же. Л. 534.

⁵ Там же. Л. 545–548.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 416. Д. 6. Л. 553.

⁷ Там же. Л. 542.

⁸ Там же. Л. 556.

⁹ Золотухин А. Ю., Коровин В. В., Манжосов А. Н. «Пусть будет военная память строга» (Памятники воинской доблести и славы на территории Поньровского района Курской области) // Книга памяти. Курск, 2018. Т. 17, ч. 4. С. 425.

¹⁰ Эта память всей земле нужна... (Памятники боевой славы Курской области, посвященные событиям и героям Великой Отечественной войны: Исторический путеводитель) / А. Ю. Золотухин, В. В. Коровин, А. Н. Манжосов. Курск, 2014. С. 70.

¹¹ Прошляков А. И. Краткие записки о пройденном пути. М., 2003. С. 163; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2015. Т. 12. Итоги и уроки истории. С. 222.

¹² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 2. Л. 96–97.

- ¹³ Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов / Сост. Г. Г. Анисимов. М., 1973. С. 150–154.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1758. Л. 102–103, 168.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 429. Л. 169; Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–36.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 429. Л. 181.
- ¹⁷ Там же. Д. 465. Л. 34.
- ¹⁸ Там же. Д. 429. Л. 169.
- ¹⁹ Там же. Д. 430. Л. 156–157; Кизилова Е. В., Коровин В. В. Из истории реконструкции памятника Героям-саперам на северном фасе Курской дуги // Истоки и уроки Великой Победы: Сборник научных статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне. г. Курск, 22 мая 2020 г. Курск, 2020. С. 110.
- ²⁰ ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 430. Л. 172–173.
- ²¹ Там же. Л. 303–304.
- ²² Там же. Д. 465. Л. 35.
- ²³ Там же. Л. 193.
- ²⁴ ГАКО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 33. Л. 136; Д. 38. Л. 53.
- ²⁵ ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 4-4. Д. 564. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Л. 1.
- ²⁸ ГАКО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 38. Л. 53.
- ²⁹ ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 4-4. Д. 565. Л. 1–4.
- ³⁰ ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 465. Л. 212.
- ³¹ Там же. Л. 67.
- ³² Там же. Л. 134.
- ³³ Там же. Л. 190–191.
- ³⁴ Там же. Л. 177.
- ³⁵ Там же. Л. 198.
- ³⁶ Там же. Л. 147.
- ³⁷ Там же. Л. 251.
- ³⁸ Там же. Л. 240.
- ³⁹ ГАКО. Ф. Р-3154. Оп. 2. Д. 81. Л. 6.
- ⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 465. Л. 220.
- ⁴¹ Там же. Л. 224.
- ⁴² Там же. Л. 232.
- ⁴³ Там же. Л. 275.
- ⁴⁴ Там же. Л. 383.
- ⁴⁵ Золотухин А. Ю., Коровин В. В., Манжосов А. Н. «Какая сила в Понырях железным сделала рубеж...» // Книга Памяти. Курск: МУП «Курская городская типография», 2013. Т. 17, ч. 1. С. 319–322.
- ⁴⁶ Золотухин А. Ю., Коровин В. В., Манжосов А. Н. Эта память всей земле нужна. Курск, 2014. С. 117.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 465. Л. 372; Д. 494. Л. 10.
- ⁴⁸ Там же. Д. 494. Л. 53–54.

А. С. Кручинин (Москва)

**«ПЕРЕНЕСТИ БОРЬБУ В РОССИЮ»:
ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ ГЕНЕРАЛА
Я. А. СЛАЩОВА-КРЫМСКОГО**

1. «Ответить мог бы лишь сам Слащов»... «Зачем он туда поехал? Что его привлекало там? Опасность, которой он подвергался, была очевидной; что же он рассчитывал получить взамен?»¹ – с горечью писал бывший командир лейб-гвардии Финляндского полка генерал барон П. А. Клодт фон Юргенсбург об одном из коренных финляндцев, более того, – о том, кого однополчанин назовет впоследствии в числе «создателей славы полка», – о генерале Якове Александровиче Слащове (с 6/19 августа 1920 г. – Слащов-Крымский), который после эвакуации из Крыма в составе разбитой армии и года, проведенного на чужбине (в Константинополе), к изумлению всей эмиграции, неожиданно уехал в РСФСР.

Приблизились ли мы с тех пор к разгадке? – Сложно сказать, но, по крайней мере, ряд посвященных Слащову публикаций, появившихся в последние годы, создает основу для дальнейших размышлений на этот счет; правда, большинство новых источников все еще ждет внимательного анализа и помещения в более широкий контекст других событий, реализованных и нереализованных планов и проектов... хотя, вероятно, и такой анализ может быть оспоренным безапелляционной фразой: «чужая душа – потемки», а тем более душа человека, ушедшего из жизни более девяти десятилетий назад. Ведь и через полгода после трагической кончины Якова Александровича его младший однополчанин писал: «Почему. Зачем. Как мог помириться Слащов со своими врагами. Пожалуй, эти вопросы так и останутся навсегда без ответа. Ибо ответить на них мог бы лишь сам генерал Слащов, а с его смертью нет никого, кто бы знал, что он переживал, на

что надеялся и что думал, садясь на пароход, готовый его отвезти в Севастополь...»²

Объяснений самоубийственному поступку Якова Александровича (он и был в 1929 г. застрелен в Москве на казенной квартире) предлагается три, причем практически взаимоисключающих: 1) моральное падение, сознательное предательство прежних идеалов и старых соратников, авантюризм, для которого все равно, «какая кровь насытит честолюбие авантюриста»³; 2) стремление «не отделяться от России и переносить всё, выпавшее ей на долю, веруя, что “претерпевший до конца, той спасен будет”»⁴, искреннее приятие произошедшего с ней и желание оберегать пределы государства (уже не того, в котором он прожил всю жизнь) в рядах его армии (совсем не той, которой он отдал годы, здоровье, всю свою доблесть, воинские дарования, талант полководца); наконец, 3) сохраняющаяся непримиримость к большевизму и готовность продолжать против него борьбу, теперь в изменившихся условиях, неизмеримо более тяжелых, чем в открытом бою (барон Клодт: «Скромная роль “военспеца” едва ли могла его прельщать, он был слишком крупный человек, чтобы соблазниться такой “серой” будущностью. И верится, что у него были другие, более широкие планы, и что эти планы были проникнуты тем же духом героизма, который был ему так свойствен»⁵). Но могут ли все эти противоречивые предположения, догадки и даже уверенность почитаться доказательными, – хотя мнение человека, хорошо знавшего Слащова, и должно априорно заслуживать большего внимания и доверия, чем тех, кто видел его от силы раза два в жизни или составлял мнение на основании газетных статей и непроверенных слухов?

Следует предварительно сделать еще одну существенную оговорку. Совершенно некорректными представляются бытующие до сих пор оценки «серьезности» или «несерьезности», «разумности» или «неразумности», «наивности» или, наоборот, «блистательности» тех или иных планов, проектов, решений, действий, – оценки, делаемые по единственному критерию конечного успеха или неуспеха. Если недопустимость навязывания мнимого тождества военной (или политической) победы и победы моральной («кто победил, тот и прав»), кажется, все-таки становится очевидной, то пониманию, что успех – еще не индульгенция для «разумности» любых действий (как и неуспех – еще не приговор ей), лишь предстоит завоевать подобающее ему место. На самом деле любая

победа является результатом сложной совокупности факторов, как положительных, так и отрицательных (и чем крупнее победа, тем больше разнообразных факторов и тем сложнее их взаимодействие), и отнюдь не обязательно свидетельствует об оптимальности решений и поступков победившей стороны.

В частности, не слишком убедительно звучат вердикты о «наивности белых генералов» и вынашиваемых ими планов на фоне постоянных и принципиальных метаний их противников (от государственного капитализма – к военному коммунизму и далее к нэпу, от мировой революции – к готовности к переговорам с контрреволюционными правительствами под эгидой Антанты, и все это при перманентно возникающих чуть ли не на каждом съезде «оппозициях», «фракциях», «группах» и проч., с трагически-гротескным завершением в виде шельмования и избиения собственных маршалов и наркомов к концу тридцатых годов, – не слишком ли много «наивности» в каждом из этих шагов с точки зрения противоречащего ему последующего?). Поэтому продуктивными кажутся не стремление раздать оценки и ярлыки, – особенно легко делать это почти век спустя, зная, что произошло и чем закончилось, – а попытки представить себе мотивы, логику, картину событий применительно к тому моменту, когда эти события развивались, и с учетом тогдашней степени осведомленности их участников.

Вернемся, однако, к генералу Слащову. Историю его отъезда в РСФСР следует, естественно, вести с константинопольского конфликта с главнокомандующим Русской армией (официальное название) генералом бароном П. Н. Врангелем, которого Слащов обвинял в неумелой обороне Крыма в летне-осеннюю кампанию 1920 г. и тяжелом положении войск, а особенно беженцев, эвакуированных за границу в ноябре того же года. Обличения привели к созданию Врангелем «суда чести для генералов», принявшего решение об изгнании Слащова из армии, которое опальным военачальником было тогда же аргументированно оспорено. С тех пор в глазах «общества» («Требую суда общества и гласности» называлась книга Слащова, опубликованная по горячим следам) два генерала стали непримиримыми врагами, а за Яковом Александровичем окончательно закрепилась репутация взбалмошного и неуравновешенного человека, к опрометчивым поступкам которого, казалось бы, следовало отнести и участие в каких-то темных «украинских делах».

2. «Украинские проекты», 1921 г. Наиболее интересными свидетельствами о них являются Соглашение и Дополнительный договор от 3 и 6 апреля 1921 г. соответственно, недавно опубликованные как приложения к меморандуму («свидетельство доверенного») дипломатического представительства Украинской народной республики (УНР) в Германии от 30 июня 1921 г.⁶, который сам по себе выглядит весьма странно: это многословное путаное повествование, анонимное, иногда с подчеркиванием маловажных подробностей, иногда с (намеренным?) затушевыванием более важных (скажем, источники заграничного финансирования одного из упоминаемых лиц сопровождаются лишь невнятным «можно было установить»), с совершенно непонятными утверждениями (к примеру, о «контакте между Слащовым и сов[етской] властью, чтобы дать возможность вернуться остаткам врангелевской армии из французских лагерей к Кемалю или на Советскую Украину», – хотя Слащов не мог распоряжаться «остатками армии», из которой был изгнан, советское правительство – турками-кемалистами, да и оккупационная союзная – стран Антанты – администрация в Константинополе, в связи с которой русские военные лагеря названы «французскими», не могла бы допустить подобного даже при полном «контакте Слащова с советской властью»); очевидно бессмысленным является и зашифрование в «свидетельстве» участников переговоров, причем под случайными буквами («порученцы генерала Слащова А. и Б.»), которые в прилагаемых к тому же «свидетельству» документах названы полностью. «Договоры» же, как было сказано выше, по крайней мере, заслуживают более подробного рассмотрения.

Из заключающих их лиц в первой публикации документов охарактеризованы как «авантюристы» лишь представители украинской стороны («Украинского союза вольных казаков») Л. А. Бармаш и полковник И. В. Полтавец-Остряница, и характеристика представляется справедливой (Бармаш – темная личность со связями в социалистических и прогерманских украинских националистических кругах, а также репутацией советского агента; Полтавец, присоединивший к своей фамилии фамилию известного гетмана XVII в. по каким-то смутным генеалогическим соображениям, свое участие в украинском движении начал в 1917–1918 гг., став одним из руководителей военизированной общественной организации «Вольного казачества» и близким

сотрудником гетмана П. П. Скоропадского, как военный деятель ни тогда, ни позже себя не проявил, а в эмиграции – правда, уже в 1926 г., – даже объявлял себя «гетманом Украины на далекой чужбине» и провозглашал церковную автокефалию); другая сторона – Г. фон Гомейер и Э. фон Проше, называющие себя «уполномоченными» или даже «главноуполномоченными генерала Слещова-Крымского», таких характеристик не удостоиваются, откуда может создаваться впечатление о большей их серьезности.

Между тем, хотя одной фамилии для идентификации личности явно недостаточно, тем паче в случае фамилии иноязычной, неясно, насколько правильно транскрибированной по-русски, следует обратить внимание на упоминание обеих этих фамилий в 1920 г. применительно к Крыму, спасенному в зимнюю кампанию Слещовым и оборонявшемуся с апреля под руководством Врангеля. «В Симферополе началось формирование турко-татарского отряда под начальством бывш[его] офицера турецкой службы ротмистра Асана Эфенди, при ближайшем участии фон-Гомайера, фон-Проше, С. М. Муфтизаде и др.», – сообщала в конце февраля симферопольская газета⁷, причем из этого, несколько экстравагантного, турко-германского предприятия в русском Крыму (роль офицера Крымского конного Ее Величества полка С. М. Муфти-Заде здесь непонятна), как и следовало ожидать, ничего не вышло. Более того, такому формированию не сочувствовали ни генерал Слещов (тогдашний командующий «войсками Таврии и Крыма»), ни его начальник генерал Н. Н. Шиллинг (главноначальствующий и командующий войсками Новороссии), а Гомайер (Гомейер) успел к тому времени создать себе крайне незавидную репутацию: годом раньше, весной 1919-го, он в том же Крыму с разрешения либерального и демократического краевого правительства формировал «егерскую бригаду» из немецко-колонистов, получил, в ущерб русским частям, обмундирование и снаряжение из старых русских складов, но... в момент большевистского наступления «егеря» Гомейера ударили в спину отступающим белым войскам. Откуда возникло в 1921 г. такое доверие к нему и его приятелю Проше – объяснить поэтому совершенно невозможно (уж скорее можно признать правдоподобным какую-то степень доверия к Полтавцу, по крайней мере не скомпрометировавшему себя участием в «петлюровщине», против которой в 1919 г. сражался Слещов).

Основными положениями договоров, помимо взаимных обязательств сторон информировать друг друга «о дальнейшем развитии» дел и сохранении «абсолютной тайны», были признание Слащовым «независимости и самостоятельности Украины» (с «Главной Генеральной управой Украинского национального союза вольных казаков» в качестве будущего правительства), согласие на формирование «особого корпуса» из «всех укр[аинских] воинских частей, как и отдельных офицеров и казаков на просторах Зап[адной] Европы, Балкан и Кавказа» с назначением командного состава «управой», и невмешательство «во внутренние дела Украины и укр[аинской] армии» войск самого Слащова (без конкретизации, что имеется в виду) «во время пребывания на территории Украины». «Управа» же, в свою очередь, обязалась предоставить «всяческую помощь и военную поддержку для его задач и планов относительно Великороссии» и содействие в транспортировке и снабжении «войск Слащова» при их пребывании или при «переходе» через «украинскую территорию»; «план похода» же предстояло разработать Слащову «совместно с укр[аинским] главным командованием». Не забыли Гомейер с Преше и самих себя, согласно «дополнительному договору» фактически получая карт-бланш на любые действия: «Ген[ерал] Слащов-Крымский признает себя союзником Украины и обязуется верно исполнять все договоры, заключенные от его имени уполномоченным[и]» (широта полномочий особенно настораживает при неоднократном упоминании какой-то третьей стороны – «правительства, известного обеим сторонам»). Публикуя договоры, современный исследователь снабжает их резонным замечанием: «Если знать характер деятельности Слащова в период Гражданской войны как одного из главных архитекторов победы белых осенью 1919 г. над украинскими войсками, эти документы не могут не удивлять», – с выводом: «Публикуемые документы свидетельствуют об определенной эволюции взглядов Слащова в эмиграции, его готовности сотрудничать с различными антибольшевистскими силами, в том числе враждебными Белой идее»⁸, – то есть, в данной интерпретации, фактически опять-таки об отщепенстве и даже предательстве.

3. «Украинские проекты», 1920 г. Помимо умозрительного несоответствия «договоров» репутации Слащова как «победителя махновцев и петлюровцев» (формулировка агитационного плаката 1919 г.), еще более важными представляются собственные

взгляды Якова Александровича на «украинский вопрос», сформулированные им в конце лета 1920 г. в Крыму и тогда же представленные главнокомандующему в виде доклада о необходимости перенести центр тяжести военных операций на Правобережье Днепра и «проекта необходимых мероприятий для разрешения украинского вопроса».

Поддерживая идею полковника А. А. Сахно-Устимовича о «возрождении Запорожского казачества» волею главнокомандующего Русской армией, Слащов тогда предлагал Врангелю официально провозгласить «права Украины на автономное управление на началах обще-Российской федерации» (смещение понятий автономии и федерации в общем характерно для слабо разбиравшегося в таких вопросах русского офицерства); созвать «съезд из представителей местных (крымских. — А. К.) украинских организаций и из уроженцев Украины, бежавших в Крым в связи с событиями» для избрания «Народной Громады», президиум которой был бы уполномочен на сотрудничество с главным командованием; со стороны последнего — назначить «Совет по украинским делам» при главнокомандующем; приступить к формированию (по смыслу документа — на территориях, еще не контролируемых Русской армией, но, вероятно, предполагаемых театром будущего наступления) «украинской регулярной армии [...] с сохранением украинских исторических особенностей» во главе с наказным атаманом, утверждаемым Врангелем (не себя ли самого прочил на такую должность Слащов, незадолго до этого отправленный в почетную отставку?); наконец, «по занятии юга Украины заключение Правителем Юга России договора с представителями Украины»⁹.

Показательно, что схема, по которой предлагает действовать Слащов, почти точно соответствует практике управления горскими областями Северного Кавказа при генерале А. И. Деникине, когда созывался национальный съезд, более или менее подконтрольный главному командованию, избирался правитель соответствующего региона из старых русских генералов и... выставлялись добровольческие части и целые соединения из горцев. Аналогичным образом Слащов предполагает опереться на «русских украинских» генералов (таких как В. Ф. Кирей или К. А. Присовский), а при переносе борьбы за Днепр — в первую очередь на местных повстанцев, чье движение против советской власти действительно принимало значительные размеры. Важно

также полное игнорирование не только Слащовым, но и его единомышленниками существовавшего на территории Польши правительства УНР в изгнании (во главе с С. В. Петлюрой) и главного командования «действующей армии УНР», из рук которых предполагалось вырвать не только инициативу действий в южной Малороссии и Новороссии, но и «национальную идеологию» («исторические особенности», лозунги воссоздания Запорожского казачества) и даже флаг – в буквальном смысле слова, поскольку Слащовым предлагалось «установление для войсковых и повстанческих частей флага: национального желто-синего с бело-сине-красным углом» (неясно, имелся ли в виду шеврон Добровольческой армии, или под «углом» подразумевался «крыж», верхний ближний к древку угол флага, что более соответствовало бы традициям русской знаменной символики). Таким образом, на Правобережье предполагалось прийти со «своими собственными» украинцами, представительным и исполнительными органами, воинскими частями и командованием.

4. Подозрения и несообразности. Как видим, «соглашения» 1921 г. имеют со слащовскими планами 1920-го лишь одну, хотя и немаловажную общую черту: игнорирование «петлюровского» центра украинского движения. Остальное же их содержание позволяет даже поставить вопрос, а не являются ли вообще эти документы мистификацией; подобное было бы вполне в духе Смутного времени – Гражданской войны, история которой знает даже до некоторой степени аналогичный прецедент, причем опять-таки – в угрожающей близости от германских военно-политических кругов, вмешательство которых в русские дела всегда было вредоносным, если не прямо губительным.

Группа прогермански настроенных русских общественных деятелей, пытавшихся в конце 1918 г. сформировать в зоне немецкой оккупации «Северную армию», съездив из Пскова в Киев для приглашения на пост командующего армией генерала графа Ф. А. Келлера, привезла обратно «договор Совета обороны Северо-Западной области» с Келлером. Как вспоминал исполнявший обязанности начальника штаба формирующегося Северного корпуса ротмистр В. Г. фон Розенберг, в обширном документе особенно заслуживали внимания «те пункты, которые окончательно связывали власть командующего армией и превращали его в игрушку самозванного “Совета”» («командующий армией назначается и сменяется распоряжением

“Совета”», «назначения на высшие командные должности также делаются с ведома и согласия “Совета” и проч.), – в связи с чем Розенберг тогда же «вполне открыто заявил, что первым его ходатайством у генерала графа Келлер[а] будет просьба разорвать этот договор, который генерал мог подписать только будучи в заблуждении о действительных полномочиях вошедших в “Совет” лиц» (не менее обоснованными были подозрения, что властный и самостоятельный Келлер такого документа не только не подписывал, но и вообще не видел)¹⁰. И покажется ли неправдоподобным предположение, будто и в 1921 г., при пересылках между Константинополем и Берлином, между различными эмигрантскими организациями и центрами, да еще при посредничестве подозрительных немцев, тексты договоров и соглашений могли изменяться и дополняться такими деталями, которые ко взглядам генерала Слащова имели бы отношение весьма сомнительное?

Не прибавляет доверия и путаница, вносимая одной из договаривающихся сторон, точнее, полковником Полтавцем, который уже в 1923 г. писал, оправдываясь перед другими самостийниками: «Я подчеркиваю, что единственный документ, но которого у меня сейчас нет на руках, но его можно будет найти, который могли бы перевернуть и поставить против меня, это мой договор со Слащовым, когда он хотел одновременно со мной выступить. Он на Дону, а я на Украине. Этот договор был подписан мной лично в 1920 г. летом как предварительный, в котором я заявил, что готов выступить вместе с ним, но лишь в том случае, если он признает самостоятельность Украины и осуществит свой десант не в Крым, а в Новороссийск или в Ростов и пойдет прямо на Дон даже не через Украину. Но после этого предварительного договора я не успел с ним, конечно, договориться, так как он бежал к большевикам»¹¹. Здесь принципиальными представляются не очевидная ошибка (возможно, просто описка) «1920» вместо «1921» и даже не отнесение апрельского «предварительного договора» к «лету», а обстоятельства, которые невозможно перепутать, – маршрут «войск Слащова»: если в «соглашениях» определенно говорится об их пребывании, пусть и транзитом, на «территории Украины», то Полтавец столь же уверенно утверждает, что они на этой территории вообще не должны были находиться, выставляя это непреложным условием договоренности. На фоне уже имеющих несообразностей не кажется недопустимым даже предположение об еще одном договоре, может быть, и правда летнем,

с корректировкой маршрута, – а список несообразностей следует дополнить еще одной деталью, к тому же настойчиво повторяющейся, которая, казалось бы, окончательно внушает недоверие.

5. Отщепенец или главнокомандующий? В «соглашении» от 3 апреля 1921 г. Слащов назван «военным главнокомандующим войсками Врангеля» (повторяется и в «дополнительном договоре» от 6 апреля), а в «свидетельстве доверенного» – и вовсе «премьерником Врангеля», и простой констатации, что все это не соответствует действительности, в данном случае явно недостаточно. Конфликт генералов к тому моменту смаковался едва ли не всей эмигрантской политической прессой, в том числе выходявшей в Берлине газетой «Руль», «скандальная» книга Слащова тоже была уже хорошо известна, и перспектива даже не возвращения Слащова в ряды армии (об этом он как раз просил, и сведения такие просачивались в печать), а немедленного получения им столь высокого поста выглядела откровенно неправдоподобной. В таких условиях мистификация «главнокомандованием» или тем более «премством» выглядит откровенно глупой (исходила бы она от самого Слащова или его «главноуполномоченных»), поскольку мгновенно разоблачалась, если только... не была подтверждена какими-либо другими свидетельствами.

Свидетельства такие неизвестны, однако нельзя и забыть, что существует по меньшей мере один несомненно подлинный документ, содержащий положения, которые слишком сильно напоминают «соглашения» отщепенца Слащова, «искавшего союзников среди сил, враждебных Белой идее». Еще 15/28 октября 1920 г. командующий формировавшейся на польской территории и при польском содействии, но номинально подчинявшейся Врангелю «3-й Русской армией» (1-я и 2-я сражались в Северной Таврии) генерал Б. С. Пермикин официальным письмом командующему действующей армией УНР генералу М. В. Омеляновичу-Павленку «принял на себя обязательство относиться к Правительству и населению Украины (без конкретизации границ. – А. К.) как к Правительству и населению дружественного и союзного Государства и не вмешиваться во внутренние дела этого Государства» во имя совместной борьбы против большевиков и в обмен на обещание оказать помощь в формировании 3-й армии¹²; для собственных войск, правда, формулировки были значительно смягчены в более позднем приказе от 21 октября / 3 ноября: «Завтра, 4 Ноября, войска [3-й] Армии вступают

в район расположения вооруженных сил Украинской Республики. Напоминаю всем чинам Армии, что Украинская Республика дружественна нам и что ее Армия будет сражаться бок о бок с нами против нашего общего врага – большевиков. В ознаменование сего и в знак нашего братского отношения к Украинской Армии приказываю всем чинам [3-й] Армии воински приветствовать чинов Армии Украинской, руководствуясь правилами, изданными на сей предмет в отношении Армии Польской»¹³. Соглашение с петлюровским правительством было заключено и главой Русского политического комитета в Польше Б. В. Савинковым, с 14/27 августа признававшим Врангеля как главнокомандующего, но даже если процитированное обязательство было сделано по личной инициативе Пермикина, – показательно, что Врангель не дезавуировал ни тогда, ни позже ни командующего 3-й армией, ни своего представителя в Варшаве генерала П. С. Махрова, «идейную, самоотверженную, полную энергии и такта работу» которого отмечал в 1921 г., особо подчеркивая «всю тяжесть и невыгодность для выполнения» его задач в «местной и международной политической обстановке»¹⁴.

Во внутренней переписке осени 1920 г. подчеркивалась готовность Врангеля «идти навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении»¹⁵ (перед нами опять-таки невнятица в смешении «федерации» и «независимости» – очевидно, все это меркло перед идеей общего командования, на что «петлюровцы», конечно, не пошли бы). Были и публичные заявления – как в апрельском интервью Врангеля представителям крымской печати с вызывающей по форме критикой его предшественника на посту главнокомандующего генерала Деникина: «Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами (имеется в виду отнюдь не этнографическое понятие, а та же самая «петлюровская» УНР. – А. К.), и с Грузией, и Азербайджаном, и лишь немногого не хватало, чтобы начать драться с казаками [...]. В итоге, провозгласив Единую, Великую и Неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделяли всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований». Тогда же, говоря о необходимости объединения во имя общего дела людей различных политических взглядов, генерал подчеркивал: «На такой же точке зрения я стою в отношении к вопросу о так

называемой “ориентации” (внешнеполитической. – А. К.). С кем хочешь, но за Россию, – вот мой лозунг», – хотя и отмечал: «В частности, касаясь германской ориентации, о которой так много пишут и говорят за последнее время, я не могу придавать ей серьезного значения. Германия, истощенная войной и занятая внутренними делами, едва ли может оказать реальную помощь другим странам»¹⁶ (как видим, вопрос тем самым переносился из области принципиальной в прагматическую).

Таким образом, если безоговорочно верить подлинности «соглашений», выходит, что Слащов в 1921 г. пытается реализовать не свои собственные взгляды 1920-го, а намечавшиеся еще тогда пути главнокомандующего (не исключая даже посредничества немцев, мелькавших до этого в Крыму); так не становится ли правдоподобным предположение о его действительных, хотя и негласных полномочиях, полученных для этого от Врангеля? Выбор же новых контрагентов, внешне немного более консервативных, чем Петлюра, вполне объясним намерением перетянуть их на свою сторону и с помощью обещаний (более или менее искренних) будущей федерации заручиться поддержкой повстанцев (действующих или «кадрированных», ждущих своего часа) малороссийских губерний, а возможно, и части бывшей армии УНР, в которой отнюдь не все стояли на шовинистическо-сепаратистских позициях. Но во имя чего?

6. «Возвращающиеся» армии. Современная версия, будто Яков Александрович предполагал, переведя на советскую территорию значительное число «репатриантов», выступить с ними против большевиков («план вторжения на Украину под предлогом возвращения бывших белых на родину мог в самом деле существовать»¹⁷), основывается, очевидно, только на утверждении «свидетельства доверенного»: «Сов[етская] власть могла поверить в полное подчинение врангелевцев, но в действительности Слащов должен был выступить совместно с укр[аинскими] повстанцами. Про этот истинный план в укр[аинском] комитете знал лишь один Бармаш». Однако не известно никаких свидетельств того, что в своих переговорах с советской агентурой в Константинополе генерал говорил бы о себе как организаторе массовых возвращений: это было бы и неправдоподобно – как мы знаем, из армии он был изгнан, механизма или аппарата для такого предприятия не имел, личный пример сам по себе гарантировать массовости не может (а без гарантий подобная затея не

имеет смысла), вообще же репатриация производилась советскими представителями вполне легально, не без сочувствия со стороны французской оккупационной администрации, и ни в каком содействии отставного и опального генерала-одиночки не нуждалась. Однако (и отголоски, вероятно, доходили до украинских кругов, по дороге причудливо интерпретируясь) были ведь и другие генералы...

В начале марта 1922 г. (то есть менее чем через полгода после отъезда Слащова в РСФСР) в ЦК РКП (б) поступили сведения, исходившие от некоего «доктора Леонтьева (псевдоним), вождя карпатских русин», о существовании весьма масштабных планов: «...Опираясь на настроение значительной части врангелевской армии, перебросить части Кутепова в Румынию с тем, чтобы с началом петлюровского наступления поднять восстание в Бессарабии и облегчить присоединение Бессарабии к России. По словам Леонтьева, Кутепов давно уже думает о возвращении в Россию, но ни [на] какое соглашение вроде слащовского он не пойдет. Если же ему предоставилась бы возможность оказать России услугу вроде присоединения Бессарабии, то он охотно всю свою армию и самого себя предоставил бы на это дело». В ответ на резонное замечание, «что появление в Румынии 25–30 тысяч кутеповских белогвардейцев ничего приятного для РСФСР не представляет, ибо народ этот по меньшей мере ненадежный», «Леонтьев возразил, что если Кутепов или Врангель хотели бы поддержать Петлюру и Румынию, то ведь они могут приехать в Румынию и без согласия правительства РСФСР» («согласие» в данном случае требовалось для предоставления командиру 1-го армейского корпуса Русской армии генералу А. П. Кутепову и его подчиненным гарантий «возвращения в Россию»)¹⁸. А еще об одном похожем проекте, разработанном не позже осени 1922 г., рассказал менее двух лет спустя его автор, проживавший тогда в Болгарии и сотрудничавший в сменовеховской прессе журналист В. В. Патек («В. Славич»): «Совнарком должен искренно объявить всем чинам Русской Армии полную амнистию с забвением прошлого, составив только список тех лиц, которым запрещен въезд в Россию.

Сменовехнувшиеся (так! – А. К.) генералы и красные советские генералы (Слащов, Брусилов, Гутор и др.) должны взять на свою ответственность проведение в жизнь этой амнистии и явиться лично за границу для переговоров с командным составом Русской Армии.

Армия должна сохранить свою прежнюю организацию и наименование частей.

Ввиду того, что Русская Армия благодаря своей малочисленности не будет представлять собою никакой опасности для Кремля, она должна быть в полном боевом вооружении, для своей безопасности, переброшена на территорию России, где распределена одной неразрывной цепью на пограничных линиях. Вся задача ее должна заключаться в охране российских государственных границ.

Внутрь России ни одна часть Армии вводиться не должна. Она – лишь сторожевая линия против внешних врагов России.

Таким образом, сохранение ее боевого порядка и снаряжения гарантируют ее от провокации и нападения со стороны коммунистических частей, а с другой – она будет служить России и этим самым получит право даже в глазах советской власти на свое существование... [...]

Да и сами коммунисты, чувствуя присутствие на российских границах Русской Армии, принуждены будут постепенно, шаг за шагом, сдавать свои позиции...

Каждая часть Русской Армии имеет определенное количество отпусков внутрь России, неприкосновенность отпускных чинов Армии гарантируется так же, как это делается для дипломатических агентов иностранных держав».

Откровенно беспочвенные и неправдоподобные фантазии? – В такой форме (с аналогами экстерриториальности и дипломатической неприкосновенности) – по-видимому, да, и вряд ли случайно бывший донской офицер А. М. Агеев, видный деятель сменовеховского и возвращенческого движения, ознакомившись с проектом, по словам Патека сказал: «Так сейчас невозможно...» – но... с продолжением: «...но частично эта идея уже проводится в жизнь» («Ничего нового в докладе этом нет. В этом направлении уже шаги предприняты и дело делается») ¹⁹.

А в таком контексте начинают приобретать неожиданно глубокий смысл слова из опросного листа Слэшова, заполненного уже в Москве, в ВЧК: «Врангель – честолюбив, властолюбив, хитер и в душе предатель, но самый умник из оставшихся там генералов, – еще могу добавить, продажен и любит (очень умно) присвоить черную собственность (так в публикации вообще довольно безграмотной копии документа; вероятно, «чужую»? – А. К.) себе на благо». На первый взгляд, Яков Александрович

просто бранится, но вот что говорит о главнокомандующем, уже в более уравновешенном тоне, приехавший вместе со Слащовым генерал А. С. Мильковский: «Я полагаю, что Врангель, как человек умный, имеющий к тому же возможность быть достаточно осведомленным в положении вещей, прекрасно учитывает тяжелое и ложное положение в своей армии. Поэтому предполагаю, что если бы он получил серьезное предложение совместной с Советской Россией работы или переезда в Россию на службу, есть вероятность на его согласие. Тем более что, насколько мне лично известно (в публикации документа – «поскольку мне лично известны». — А. К.), такие переговоры, правда, пока в очень неопределенной форме, уже велись». А капитан Б. Н. Войнаховский, к чьему развернутому докладу Слащов своим советским собеседникам рекомендовал отнестись «с особым вниманием», в подразделе «Мои предложения правительству относительно привлечения Д[обровольческой] А[рмии] на службу» писал: «Была бы возможна организация в Румынии для действия в тыл румынам на случай могущих быть столкновений» (процитированные документы датируются 10–13 ноября 1921 г.)²⁰. И если бы все они начали дружно излагать перед чекистами свои фантазии (но какие однообразные!), не выдержавшие бы первой же проверки (например, попытки «прощупать» настроения Врангеля), то тут уж речь должна была бы идти не о «наивности» слащовской «группы возвращенцев», а о каком-то их самоубийственном безумии. Но, как говорил шекспировский персонаж (и как видим теперь мы, даже неожиданно для себя!), «если это и безумие, то в своем роде последовательное»...

«Последовательность» можно усмотреть и в способах, которыми информация о возвращенческих и «примиренческих» проектах доводилась до сведения большевиков, – в возникающих как будто случайно свидетельствах третьих лиц. При этом, если о «Леонтьеве-псевдониме» мы практически ничего не знаем, то «сменовехнутый» журналист Патек далеко не так прост, как многие другие сменовеховцы: во время Гражданской войны он был сотрудником-пропагандистом генерала В. Л. Покровского и, как утверждал сам, не утратил его доверия и в эмиграции (Покровский же относился к числу самых непримиримых белых эмигрантов и в том же 1922 г. пал жертвою большевистской провокации). Да и матрос Ф. И. Баткин, которого принято

считать «злым гением» эмигрантских месяцев Слащова и через которого чекистам стало известно о «возвращенческих» настроениях генерала («один из приятелей Слащова, проживавший в Симферополе, получил из Константинополя письмо от известного эсера Федора Баткина. Это письмо попало к нам в руки, – вспоминал возглавлявший Крымскую облЧК Ф. Фомин. – В нем говорилось, что Слащов выражает желание вернуться на родину, чтобы отдать себя в руки Советского правительства»²¹), хотя действительно придерживался социалистических взглядов, отличался авантюризмом и склонностью к демагогии, все же (будем справедливы): в 1914 г. из патриотических или германофобских побуждений пошел добровольцем в бельгийскую армию и был ранен, после возвращения в Россию в 1917 г. честно выполнял роль пропагандиста – агента адмирала А. В. Колчака, а в начале 1918 г. – генерала Л. Г. Корнилова, выступая с ярко оборонческих и антибольшевистских позиций, на фронте в рядах 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка был награжден Георгиевским крестом, участвовал в Первом Кубанском походе Добровольческой армии и, несмотря на предубеждение многих первопоходников, был активным членом их Союза (и даже членом правления), из которого его изгнали только в Константинополе, и как раз в связи с «возвращением» Слащова²².

Нельзя также не отметить и известную убедительность изложенных «проектов», несмотря на всю их парадоксальность, поскольку причастные к ним лица, каковы бы ни были их тайные цели, во многом оказывались... искренними и поэтому, вероятно, могли внушать некоторое доверие: конфликт Слащова и Врангеля – исторический факт, и в своей резкой неприязни к главнокомандующему Яков Александрович, очевидно, отнюдь не кривил душою, даже если и гиперболизировал перед советскими читателями или слушателями его недостатки (как и Врангель совершенно искренне считал Слащова взбалмошным человеком с трудновыполнимыми планами); Кутепов и его окружение, несомненно, с негодованием относились к действиям Румынии – никчемной «союзницы» России в 1916–1917 гг., на развалинах империи оккупировавшей русскую Бессарабию; а идея защиты исторических русских земель от более или менее агрессивных соседей (в 1919–1920 гг. не раз предававших своих, казалось бы, союзников заключением сепаратных перемирий с большевиками

и рядом других враждебных действий) является для Белого движения не менее органичной, чем неприятие коммунистических экспериментов над Россией.

Но... вновь спросим — ради чего?

7. Самоубийственные проверки. Рискаю навлечь на наших героев новые обвинения в «наивности», выскажем все же предположение, что руководители Белого движения, с первых его дней исповедовавшие идею народного единства, воссоединения всего разрушенного революцией, вряд ли могли позволить себе не использовать пусть и призрачного шанса. А для этого и национальную риторику, уже проявлявшуюся в советской пропаганде, и предложения амнистий следовало подвергнуть проверке, возможно, и таким способом, как подбрасывание через мнимо-сторонних третьих лиц идей о переходе на советскую службу с условием не просто «забвения всех вин», но и сохранения определенной самостоятельности («национальное примирение» по образцу Севера и Юга США?). В данном случае критерием становится даже не отказ советской стороны, а просто игнорирование такой возможности, хотя в те же месяцы главнокомандующий вооруженными силами «буферной» (марионеточной) Дальневосточной республики В. К. Блюхер приглашал на службу командующего противостоявшими ему белыми войсками генерала В. М. Молчанова²³, что вряд ли так уж насущно диктовалось требованиями момента (немногочисленные части Молчанова в Приморье, конечно, не представляли угрозы для центральной власти и были весьма относительной угрозой даже для ДВР).

В фантазмагорическом же случае согласия советской стороны на «предложения Кутепова», «проекты Патека» и проч., оно могло либо означать серьезный ее дрейф в сторону «термидора» и хоть какую-то искренность упомянутой выше национальной риторики, либо, поскольку обе стороны, вопреки сегодняшним оценкам, не могли быть настолько «наивными», чтобы безусловно доверять друг другу, давало... возможность для возобновления борьбы, коль скоро в действиях большевиков было бы распознано простое «заманивание».

Ближайший сотрудник и друг Врангеля генерал П. Н. Шатилов вспоминал впоследствии, как в феврале 1921 г. главнокомандующему был представлен проект генерала П. В. фон Глазенапа о разворачивании партизанской борьбы на западных границах советского государства. «Что касается повстанческих высту-

плений, – рассказывает Шатилов, – то генерал Врангель указывал на сомнительность возможности при их помощи, без заранее подготовленных для интервенции и у границы расположенных войск (судя по контексту, «интервенция» в данном случае должна означать просто вторжение, а не более привычную «инострannую интервенцию», которая в тот момент могла существовать только в воображении советского руководства. – А. К.), образования устойчивого фронта. Вместе с этим генералу Глазенапу указывалось, что всякие отдельные выступления, не связанные с широко задуманной операцией, обречены на подавление, при котором напрасно будет пролита кровь и партизан, и местного населения»²⁴. Здесь совершенно правильно обозначена безвыходность положения, в котором оказалась Русская армия после эвакуации за границу: спасши, по оценкам самого Врангеля, более 145 тысяч человек²⁵, – трагическая судьба оставшихся или оставленных в Крыму хорошо известна, – главнокомандующий в то же время сделал свою армию заложницей международной конъюнктуры, уже благоприятствовавшей тогда большевикам.

Лишенные соприкосновения с врагами, белые войска не имели возможности восстановить его без помощи иностранцев, отнюдь не расположенных ссориться с советской властью. Перемещение же к советским границам или даже на приграничную советскую территорию русских контингентов – не одиночным порядком, как «группа Слацова», и не разобщенных, хотя и многочисленных, как при советской организованной репатриации, – казалось, создавало такую возможность. Но для этого требовалась глубокая разведка...

Проверять, и опять-таки не иначе как самопожертвованием, требовалось и степень серьезности обещаний, которые раздавала большевистская агентура. Старые однополчане Слацова вспоминали: «По свидетельству Генерала Д. П. Енько, Яков Александрович поверил обещанию, что ему будет дана дивизия на Румынском фронте, где ожидалось в этот момент осложнения с Румынией (показательно, что менее чем через полгода после отъезда генерала в РСФСР версию об «осложнениях с Румынией» возвращают большевикам их противники в форме «если вы так уж ожидаете здесь интервенции, идите же на соглашение с Кутеповым». – А. К.). Рассчитывая на популярность, которую Я. А. Слацов умел всюду быстро вызывать, он думал и здесь привлечь на свою сторону красные войска и поднять

восстание при поддержке украинского населения, где он имел большие связи среди партизанских отрядов в низовьях Днепра. [Полковнику] А. А. Иванову он также намекал на возможность поднять восстание на Украине, и что для этого он собирается вернуться в Россию. Конечно, это только предположения, но очень правдоподобные, зная характер Якова Александровича...»²⁶ Однако последняя оговорка явно недостаточна: следует учитывать также и лаконичность пересказа, сделанного тридцать пять лет спустя, при которой неизбежно теряются подробности, и схематичность изложения, поскольку Слащов вряд ли раскрывал перед своими собеседниками детали вынашиваемых планов.

Можно было верить или не верить обещаниям «дать дивизию», но предполагать сегодня, будто Яков Александрович, игнорируя перспективу вполне естественного контроля над ним, намеревался немедленно и исключительно за счет личного обаяния взбунтовать вверенные части, – значит, снова приписывать выдающемуся военачальнику с академическим образованием даже не «наивность», а самоубийственную глупость. Слащов и правда рвался в строй РККА: «Мое убеждение, что полное доверие я смогу заслужить только на полях сражений, – а у СССР есть окраины, где не всегда спокойно и где я мог бы быть использован лучше, чем в школе (на высших стрелково-тактических курсах «Выстрел», где он преподавал. – А. К.)», – писал он даже в 1925 г. (письмо в ПУР РККА от 4 февраля)²⁷, и... трудно отделаться от мысли, что ведь именно события этих самых месяцев вызвали командировку на Дальний Восток, в тамошние эмигрантские центры, представителя великого князя Николая Николаевича и видного деятеля Русского общевойскового союза генерала А. С. Лукомского, который должен был, в связи с известиями о народных восстаниях в дальневосточных советских регионах («а у СССР есть окраины, где не всегда спокойно...»), оценить возможность разворачивания там полномасштабных боевых действий, с уже готовым назначением его «главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке, уже сформированными и впредь формируемыми» с «правами генерал-губернатора по гражданскому управлению»²⁸. Согласно всем имеющимся стереотипам, «бывшему генералу», «военнослужащему, по должности приравненному к комполка» Слащову просто не полагалось знать обо всем этом, но... не отвыкаем ли мы уже от стереотипов? – ведь снова, «если это и безумие, то в своем роде последовательное»... И далее, как

рассказывал его сослуживец, «последнее время при своей жизни (так в первоисточнике. – А. К.) он усиленно стремился получить обещанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом. [...] Никаких, конечно, назначений ему не давали. Но каждый раз после подачи рапорта он серьезно готовился к отъезду»²⁹.

И в любом случае очевидно: даже при выполнении всех обещаний, которыми сознательно обманывали Якова Александровича в Константинополе, а потом в Москве, перевод крупного воинского соединения на сторону противника – это задача сложная, требующая серьезной и кропотливой подготовки, а раз действия Слащова в 1921 г., как мы видели, оказываются подозрительно коррелирующими с идеями Врангеля (в том числе и о «широко задуманной операции?»), значит, уже нельзя смотреть на опального генерала как на одиночку-неврастеника, способного выкидывать любые номера. Отметим также, что среди врангелевских приближенных, сохранявших взаимное доверие и хорошие отношения со Слащовым даже после его опалы и шельмования, по свидетельству Шатилова, был... начальник контрразведки («особого отдела штаба главнокомандующего») генерал Е. К. Климович³⁰, которому хотя бы «по должности» следовало быть недоверчивым и циничным, а в данном случае – сдерживать порывы Якова Александровича, если бы они принимали чрезмерные формы.

8. Семь лет на плахе (1921–1929). Но для всех этих проверок от кого-нибудь требовалось самому положить голову на плаху в напряженном ожидании, опустится ли топор, повременит ли палач или вовсе передумает, – и это ожидание для Слащова, который признавал, что еще осенью 1920 г. вынужден был «начать лечение»³¹ от диагностированной у него «сильнейшей формы неврастения»³², само по себе становится косвенным аргументом в пользу существования у Якова Александровича не химерических-«наивных», а достаточно серьезно разработанных планов.

В самом деле: столкнувшись с обманом: ни дивизии, ни корпуса ему не только не доверили, но и не собирались доверять (Троцкий: «Ввиду настаивания Слащова и других на предоставлении им военных должностей, преимущественно строевых, ответить им, что военное ведомство несомненно рассчитывает приобрести в их лице ценных работников, но что окончательное определение характера работы сможет произойти только после того, как Красная Армия узнает о самом факте перехода на

сторону Советской России названных лиц, поймет мотивы, вообще освоится с этим фактом», а «тем временем главная работа группы Слащова должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией...»³³), – столкнувшись с крушением надежд, искренний неврастеник, собирался ли он поднимать восстания или, напротив, честно служить новой власти, должен был бы неминуемо «сломаться», сойти с ума, может быть в отчаянии покончить с собой или, если верить хулителям генерала, распространявшим слухи о его алкоголизме и наркомании, спиться или погубить себя наркотиками (относительно доступности их в большевистской Москве можно вспомнить хотя бы литературное свидетельство М. А. Булгакова в «Зойкиной квартире»: пьеса шла на столичной сцене, не вызывая ни у критики, ни у зрителей протеста против изображения китайцев, подпольно торгующих кокаином и морфием). И если Яков Александрович, неврастеник или не неврастеник, но человек с безусловно измотанными нервами, повышенно эмоциональный и, вероятно, далеко не всегда уравновешенный, в тяжелейшей обстановке демонстративного недоверия хорошо владеет собой, – это скорее говорит не об импульсивном решении, столь дорого ему обошедшемся, а о плане действий выношенном и, очевидно, согласованном (ведь – повторим в третий раз – «если это и безумие, то в своем роде последовательное»...). И беда только в том, что планы были... чужими.

Нельзя не поразиться по-новому раскрывающемуся трагизму судьбы генерала Слащова-Крымского. Он, последним из военачальников такого уровня, в ноябре 1920 г. требовал не уходить за границу, а продолжать отчаянное сопротивление на родной земле, – и вынужден был вместе с армией покинуть Россию. Он аргументированно обвинял главнокомандующего в роковых ошибках и аргументированно доказывал, насколько несправедливо обошлись с ним самим, – и, не услышанный и не понятый, вынужден был едва ли не приносить повинную. Он имел свой собственный взгляд на пути решения «украинского вопроса», – и вынужден был действовать скорее в соответствии со взглядами того же главнокомандующего. Он был великолепным боевым генералом, водителем влюбленных в него войск, творцом блестящих оперативных планов, – и вынужден был отправиться к врагам с более чем сомнительной перспективой когда-либо вновь оказаться во главе воинских соединений, в боевой линии. Он пожертвовал не только жизнью, но и честью, своим добрым именем

русского солдата, для современников и потомков слишком часто оставаясь полупомешанным скандалистом, авантюристом, прожектером, отщепенцем, предателем. И все это – во имя одной цели, во имя единственной цели, которая могла объяснить такие усилия и такие жертвы, во имя продолжения борьбы...

И в заключение несколько слов в качестве постскриптума. Два года назад пишущий эти строки был печатно обвинен в предвзятости: «...публиковавший свои исследования в постсоветскую эпоху А. С. Кручинин заметно симпатизировал своему герою (Слащову. — А. К.) и старался воздержаться от критических оценок его деятельности»³⁴. Не считая не только возможным, но и нужным скрывать искреннюю симпатию к этому выдающемуся русскому человеку, сострадание и горькие сожаления о его трагической судьбе, подчеркнем, что подлинное ее постижение должно основываться как (разумеется!) на выявлении и публикации исторических источников, так и на их сопоставлении и анализе, попытка чего – применительно хотя бы к одному аспекту биографии Якова Александровича Слащова-Крымского – и была предпринята на этих страницах.

¹ Клодт фон Юргенсбург П. А. Я. А. Слащов // Финляндец (Париж). 1929. № 10. С. 10. Разночтения в написании фамилии генерала («Слащов», «Слащев», «Слащёв») мы всюду унифицируем как «Слащов».

² Ушаков В. В. Штабс-Капитан – Генерал-Лейтенант Слащов // Финляндец. 1929. № 9. С. 15.

³ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. [Paris], 1988. С. 692.

⁴ Майер Н. В. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив Русской Революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 109. Евангельская цитата неточна, должно быть: «претерпевый же до конца, той спасен будет» (Мк. 13:13).

⁵ Клодт фон Юргенсбург П. А. Указ. соч. С. 10.

⁶ Документы цитируются по публикации: Ганин А. В. Тайные договоры генерала Я. А. Слащова-Крымского с украинскими националистами в 1921 г. // Славынский альманах. М., 2022. [Вып.] 1–2. С. 365–372.

⁷ Формирование турко-татарского отряда в Крыму // Таврический голос (Симферополь). 1920. № 169 (319), 25 февраля [ст. ст.]. С. 2.

⁸ Ганин А. В. Тайные договоры... С. 355, 360.

⁹ Слащов-Крымский Я. А. Требую суда общества и гласности: (Оборона и сдача Крыма): Материалы и документы. 2-е изд. Константинополь, 1921. С. 64–66.

¹⁰ Авалов П. М. [Бермондт П. Р.]. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 81–82.

¹¹ Цит. по: Ганин А. В. Тайные договоры... С. 363–364.

¹² Українсько-московська війна 1920 року в документах. Варшава, 1933. Ч. 1. С. 317.

- ¹³ Дом русского зарубежья (ДРЗ). Архив-музей. Ф. 39. Оп. 1. Д. 66. Л. 14.
- ¹⁴ Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 298.
- ¹⁵ Росс Н. Г. Врангель в Крыму. [Frankfurt/Main], [1982]. С. 251.
- ¹⁶ Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 2: Последняя пядь родной земли // Белое Дело: Избранные произведения: в 16 кн. [Кн. 5]: Последний главком. М., 1995. С. 56, 57. Разрядка П. Н. Врангеля.
- ¹⁷ Ганин А. В. Тайные договоры... С. 360.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 261. Л. 24. В подлиннике всюду ошибочно «Кутенов», «кутеновские».
- ¹⁹ Патек В. В. Исповедь сменовеховца. София: [Танаис], 1924. С. 114–116, 119.
- ²⁰ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1, кн. 2. С. 91, 96, 114, 126.
- ²¹ Фомин Ф. Записки старого чекиста. 2-е изд. М., 1964. С. 143.
- ²² Казинец Э., Михеева Г. В. Коллекция Ф. Баткина в Славянском и Балтийском отделе Нью-Йоркской Публичной библиотеки // История библиотек: Исследования, материалы, документы / Российская национальная библиотека. Вып. 4. СПб., 2002. С. 220–223, 226.
- ²³ Ефимов А. Г. Ижевцы и Воткинцы: Борьба с большевиками, 1918–1920. М., 2008. С. 329.
- ²⁴ Шатилов П. Н. Записки: в 2 т. Ростов н/Д, 2017. Т. 2. С. 84.
- ²⁵ Врангель П. Н. Указ. соч. С. 311.
- ²⁶ Сергеев Б. В. Создатели славы полка // Финляндец: Юбилейный номер. 1956. С. 92.
- ²⁷ Ганин А. В. Первый советский год бывшего генерала Я. А. Слащова-Крымского: новые документы // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск, 2022. С. 82.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 25 об.–26.
- ²⁹ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000. С. 104.
- ³⁰ Шатилов П. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 54.
- ³¹ Слащов-Крымский Я. А. Указ. соч. С. 50.
- ³² Врангель П. Н. Указ. соч. С. 194.
- ³³ Возвращение генерала Слащова // Неизвестная Россия, XX век. [М.], 1993. Кн. 3. С. 113.
- ³⁴ Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащов-Крымский. М., 2021. С. 7.

Л. В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

**ОТЧЕТ ОБ ИМУЩЕСТВЕ ВОЕННОЙ
ЛОЖИ МАРС: К ИСТОРИИ
ОФИЦЕРСКОГО ДОСУГА ПЕРИОДА
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 гг.**

ТЕМУ МАСОНСТВА в русской армии в той или иной степени затрагивали почти все исследования о российском масонстве XVIII–XIX вв. Но в силу отсутствия документов военных, походных и полковых лож конкретные сведения сводились к перечню их названий и спискам членов да нескольким эпизодам из воспоминаний. Особенно мало данных сохранилось о ложах XVIII в., что делает представляемый документ из собрания Эстонского исторического музея вдвойне ценным. Его полное название «Состояние облачений, украшений и вещей Ложи Марс, упраздненной приказами дд. бб. [досточтимых братьев. – Л. К.] Воронцова и Меншикова в Польше, в Гродеке в марте 1775 года», он написан по-французски на четырех страницах¹. Отчет является очень редким и ценным источником, так как позволяет узнать не только из чего состояло имущество масонской ложи первой половины 1770-х гг., но и как этим имуществом распорядились после ее закрытия.

Упоминания о ложе Марс в Яссах впервые появились в 1860-х гг. в трудах по русской истории А. Н. Пыпина и Н. М. Лонгинова². Сводились они к следующему: ложа была основана 29 апреля 1772 г. от Великой ложи Англии (ВЛА) во время русско-турецкой войны и действовала до середины или конца 1774 г. Она входила в союз Великой провинциальной ложи России (ВПЛР) под управлением И. П. Елагина, руководителем – мастером стула ложи был генерал П. И. Мелиссино. Практически те же сведения содержатся и в словаре «Российские масоны» А. И. Серкова, переизданном в 2020 г.³ Предположение об учреждении ложи Марс

прямо из Англии, тем более в действующей армии, кажется нам маловероятным. Единственный случай получения петербургской ложи Совершенный союз патента от ВЛА хорошо известен, ложа получила индивидуальный порядковый номер в списках ВЛА, и ее отношения с Елагиным были непростыми⁴. Связано данное предположение, видимо, с датой основания ложи, так как самый ранний известный диплом, выданный Елагиным как Великим провинциальным мастером – Конституция ложи Муз в Петербурге от 16 июня 1772 г. И все же, на наш взгляд, между 26 февраля 1772 г., когда в Лондоне Елагину был подписан диплом на звание провинциального великого мастера, и днем учреждения Марса прошло достаточно времени, чтобы письма из Лондона дошли в Петербург и оттуда в Яссы. Кроме того, весьма вероятно, что ложа Марс, как и ложа Муз, уже существовала какое-то время и просто была «легализована» в соответствии с законами ВЛА путем получения новой конституции. Существование нескольких правильно учрежденных лож было необходимо Елагину для создания Провинциальной ложи как управляющего органа масонского союза.

Из отчета ложи Марс видно, что она работала в шести степенях: ученик, товарищ, мастер, шотландский мастер, избранный мастер и философ. В аналогичных степенях работали ложи Совершенное согласие и Урания⁵, но эта система (устав, ритуал), распространенная в России в 1760 – начале 1770-х гг., малоизученна и является предметом научных дискуссий. Протоколы ложи Урании в Петербурге являются источником немногих данных о ложе Марс и содержат целый ряд сведений о ее внутренней жизни, приведенных в работе Вернадского. Яркой характеристикой этой жизни было устройство в нанятом для собраний ложи дома клуба, где для проведения времени членов ложи, не занятого масонскими работами, были заведены бильярд, карточная игра и буфет⁶. Если учесть, что основание и деятельность Совершенного согласия были тесно связаны с петербургским Английским клубом, такая практика не выглядит исключением.

Другим источником сведений о ложе Марс являются издания и архив ВЛА. Она упоминается в масонских календарях на 1777, 1783 гг. и нескольких других⁷. В архиве ВЛА сохранился список членов ложи на начало 1774 г., опубликованный в 1971 г. Э. Кроссом. Как следует из его статьи, это список состава ВПЛ России и подчиненных ей пяти лож, присланный в Лондон

секретарем ВПЛР И. В. Лукиным для утверждения и включения в общий список регулярных (т. е. правильных) лож, признанных ВЛА. В списке ложи Марс, включающем имя, фамилию, должность в ложе и воинское звание, значатся 22 человека⁸. Серков в своем словаре добавил к ним еще несколько фамилий из протоколов Урании и других источников, но не смог идентифицировать многих из них в силу скудости имеющихся данных.

Тем не менее, сведений о службе и участии в масонстве тех членов ложи, кого удалось более-менее точно идентифицировать, оказалось достаточно, чтобы прояснить написанное в заголовке отчета. Большое значение, как правило, имеют люди, входящие в офицерский (т. е. руководящий) состав ложи, так как именно они решают большинство вопросов ее деятельности. Постоянный руководитель (Мастер стула, Великий мастер) ложи Марс Петр Иванович Мелиссино в 1768–1774 гг. был начальником артиллерии армии Румянцева в чине генерал-майора (с 1 января 1770 г.). Числился при Бомбардирском полку, кавалер военного ордена 3-го класса (27 августа 1770 г.), впоследствии генерал от артиллерии. Став масоном еще в 1750-е гг. одновременно с Елагиным, Мелиссино был одним из лидеров российского масонства весь период царствования Екатерины II и Мастером стула одной из старейших и крупнейших петербургских лож Скромности (Молчаливости)⁹.

Имена остальных чиновников ложи известны только из списка, опубликованного Кроссом. Он был отослан в Лондон с письмами Елагина и Лукина от 12/23 февраля 1774 г. и составлен Лукиным на основе оригинала или копии списка, присланного из Ясс¹⁰. Список содержит ряд явных неточностей, и соотнесение означенных в нем имен с известными историческими персонами в ряде случаев является условным. Вторую по значимости должность 1-го надзирателя занимал Иван Иванович Петерсон, полковник Козловского пехотного полка (с 9 января 1771 г.), затем бригадир (22 сентября 1775 г.) и генерал-майор (22 сентября 1778 г.), обер-комендант в крепости Святой Елизаветы. Он, как и Мелиссино, в конце 1750-х гг. был членом ложи Р. И. Воронцова в Петербурге. Несомненно, это и есть брат Петерсон из отчета – увлеченный масонством человек, оставивший у себя обрядовые украшения двух высших степеней. 2-м надзирателем ложи был ставший впоследствии известным русским дипломатом граф Семен Романович Воронцов. Он, добровольцем отправившийся

в армию Румянцева, был назначен подполковником Третьего гренадерского полка (12 ноября 1768 г.), затем полковником (2 августа 1770 г.) и бригадиром (3 августа 1774 г.) Первого гренадерского полка. Кавалер ордена св. Георгия 4-го кл. за сражение при Ларге и 3-го кл. за сражение при Кагуле. Участник переговоров по заключению Кючук-Кайнарджийского мира. Об участии С. Р. Воронцова в масонстве известно довольно мало, но он принадлежал к семье с давними масонскими традициями. Его отец, уже упоминавшийся Роман Илларионович, был в рассматриваемый период Великим наместным мастером Провинциальной ложи (т. е. заместителем Елагина), а брат Александр – частым посетителем ложи Урания. Сам Семен Романович в 1786 г. был членом ложи Скромности в степени Рыцарь высокой философии (6-й).

1-м исполнителем (стюартом) в списке обозначен генерал-майор Василий Гудович. Поскольку единственного на тот момент генерал-майора Гудовича звали Иван Васильевич, А. С. Серков счел, что речь идет о его младшем брате. Василий Васильевич Гудович в сентябре 1771 г. был выпущен из Пажеского корпуса поручиком в 1-й гренадерский полк, где стал капитаном (22 сентября 1772 г.) и секунд-майором (22 сентября 1773 г.), а в дальнейшем дослужился до генерал-лейтенанта (15 октября 1799 г.). И. В. Гудович в Словаре также обозначен как масон, но без указания времени и ложи. 2-й исполнитель, согласно списку, полковник Петр Меншиков – по предположению Серкова князь Петр Александрович, внук Александра Даниловича. Однако сведений о его присутствии в армии Румянцева нами не обнаружено. Зато в Списках воинскому департаменту и документах есть князь Сергей Александрович Меншиков, полковник С.-Петербургского пехотного полка (с 21 февраля 1771 г.) и кавалер ордена св. Георгия 4-го кл. (27 июля 1770 г.), впоследствии генерал-поручик, сенатор, действительный тайный советник¹¹.

Об обрядоначальнике ложи Григории Бруйгмане известно только, что в 1781 г. он был наместным мастером ложи Скромности. Новые сведения удалось найти об ораторе подполковнике Иоганне/Иване Вильде. В реляции П. А. Румянцева о победе при Ларге упоминается старший адъютант князя Н. В. Репнина капитан Вилда, в Списке воинскому департаменту на 1771 г. Иван Вильде указан секунд-майором с 7 июля 1770 г., и среди тех, кто обеспечивал переговоры в Кючук-Кайнарджи

в 1774 г., значится «подполковник Вильде, находящийся при чувственных делах в канцелярии Его Сиятельства»¹². Кроме того, в 1781 г. Вильде был 2-м стражем ложи Скромности.

Из остальных членов ложи из списка Лукина отметим четверых более или менее известных, о чьем участии в масонстве других сведений не имеется. Это генерал-поручик, впоследствии генерал-фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский; полковник 3-го гренадерского полка (с 20 июля 1770 г.), впоследствии генерал-поручик барон Карл Иванович фон Каульбарс; премьер-майор Ярославского пехотного полка (в 1773 г. переведен из Кабардинского пехотного полка), кавалер ордена св. Георгия 4-го кл. (5 октября 1771 г.), впоследствии генерал-поручик Николай Михайлович Рахманов¹³. Последний, впрочем, 10 мая 1774 г. посещал ложу Урании как Мастер масон (3-я ст.). Четвертый обозначен в списке как Петр Завадовский, адъютант Разумовского, и это явная ошибка Лукина. Во всех СВД есть только генеральс-адъютант графа П. А. Румянцева Петр Васильевич Завадовский, известный исторический деятель¹⁴.

Состав военной ложи, особенно в период активных военных действий, должен был сильно варьироваться. С другой стороны, ее могли посещать многие масоны, приезжавшие в главную квартиру армии в Яссах. Главным признаком, позволяющем предполагать участие офицеров армии Румянцева в жизни ложи Марс, может считаться их участие в масонской деятельности до или вскоре после войны 1768–1774 гг. Так, в Словаре Серкова одним из офицеров ложи в конце 1773 г. значится Трубецкой, которым, с большой долей вероятности, мог быть генерал-майор Юрий Никитич Трубецкой. Он был 2-м стюартом (исполнителем) ложи Счастливое согласие в Петербурге еще в начале 1760-х гг., в 1786 г. являлся членом ложи Скромности в степени Рыцарь высокой философии (6-й), тогда же активно участвовал в масонской деятельности в Москве. Другим весьма вероятным кандидатом на членство в ложе является генерал-поручик князь Николай Васильевич Репнин, чей интерес к масонству достаточно известен, хотя конкретных сведений довольно мало. В 1772–1773 гг. он находился на лечении за границей и мог войти в ложу только весной 1774 г. В 1776 г. Репнин отмечен как член ложи Муз, в марте 1779 г. он стал членом-основателем военной ложи в Кинбурне, в 1785 г. принят в Теоретический градус ордена Розенкрейцеров в Москве.

Масонская ложа являлась закрытой организацией, т. е. стать ее членом можно было только по приглашению и с согласия большинства участников. При таких правилах корпоративные, дружеские и родственные связи играли существенную роль в формировании состава отдельной ложи. В действующей армии дополнительным фактором становилось распределение частей по корпусам и расположение по квартирам. Рассмотренные под этим углом сведения о членах ложи дают вполне определенную картину. 1-й и 3-й гренадерские и С.-Петербургский пехотный полки в 1772–1774 гг. входили в Кор-д'арме, в Первую дивизию, и квартировали в Яссах, как и Главная квартира армии П. А. Румянцева. Ярославский и Козловский пехотные полки зимой 1773–1774 гг. входили в резервный корпус генерал-поручика Потемкина с главной квартирой в Фокшанах¹⁵.

Фактически единственным опубликованным источником сведений о личных взаимоотношениях членов ложи являются письма Воронцова и Завадовского из архива князя Воронцова. На период войны с Турцией их приходится довольно мало, но они однозначно говорят как об их весьма дружеских отношениях, так и о дружбе с И. В. Гудовичем и Христофором Петерсеном, братом Ивана Ивановича. Упоминается в них и Меншиков, и некоторые другие члены ложи. С другой стороны, Воронцов и Завадовский входили в ближайшее окружение Румянцева, Каульбарс во время Семилетней войны был адъютантом Румянцева, а Ю. Н. Трубецкой был женат на его сестре¹⁶. Показателен в этой связи состав участников переговоров в Кючук-Кайнарджи в 1774 г.: князь Репнин, Воронцов, Завадовский, Х. Петерсон и Вильде. Таким образом, можно говорить о том, что ядро ложи Марс состояло из генералов и офицеров главной квартиры армии П. А. Румянцева и расквартированных при ней полков. Также ложу, работавшую в расположении главной квартиры, имели возможность посещать генералы и офицеры, приезжавшие в Яссы по служебным делам.

Установленная связь ложи Марс с несколькими полками позволяет понять значение написанного в заголовке документа. В истории 1-го, а с 1775 г. Лейб-гренадерского полка приводятся следующие данные: «Императрица Екатерина II пожелала торжественно отпраздновать в Москве заключение давно желанного мира с Турцией. Для участия в предстоящих торжествах из действующей армии были вызваны по приказанию Государыни наиболее отличившиеся полки – 1-й Гренадерский и Сумской

гусарский; той же чести удостоились, по выбору графа Румянцева, 3-й Гренадерский и С.-Петербургский полки. Назначенным полкам было приказано следовать в Москву, под общим начальством бригадира 1-го Гренадерского полка графа Воронцова». Путь, которым 1-й Гренадерский полк шел из лагеря на реке Яломнице на зимние квартиры в Польше, окончательно проясняет ситуацию: 6 октября он «выступил на Браилов, Фокшаны, Аджуд, Бакеу, Литин, Дорогое, Хотин, Ласкорунь и 19 ноября 1774 года достиг м. Смотрич, в окрестностях которого и расположился на зиму по квартирам». В настоящее время Смотрич – поселок городского типа в Дунаевецком районе Хмельницкой области Украины, а в 24 км к северу от него находится Городок (прежде также Грудек) – город в Хмельницком районе той же области. Там мог квартировать один из оставшихся трех полков. Закончилась зимовка как раз в марте: «25-го марта 1775 года 1-й Гренадерский полк, наскоро закончив приготовления к походу, выслал вперед полковой обоз и лазарет, а на другой день и сам выступил из м. Смотрич»¹⁷.

Эти данные позволяют предположить следующее: после заключения мира стало очевидно, что работа ложи в Яссах не возобновится. П. И. Мелиссино вскоре уехал в Петербург, где возобновил работу ложи Скромности и 28 декабря 1774 г. получил от Елагина патент. Когда же в результате нового расписания армии и назначения зимних квартир стало известно, что вышеуказанные полки проведут зиму вместе, их офицеры-масоны решили продлить работу ложи еще на несколько месяцев. Необходимую часть ее имущества, которое, как видно из документа, оставалось в Яссах, с обозами полков или офицеров привезли в Гродек. Здесь ложа Марс и работала с декабря 1774 по март 1775 г. В соответствии с масонскими правилами чиновники и офицеры ложи выбирались раз в год, а между выборами замещение руководящих должностей осуществлялось строго по старшинству. После отсутствующих Мелиссино и Петерсона старшим оказался С. Р. Воронцов. Гудович в составе почетного конвоя полка сопровождал Репнина, отвозившего в Константинополь подписанный Екатериной мирный договор. Следующим шел полковник Меншиков, и то, что именно он указан в документе, является серьезным аргументом в пользу идентификации его как князя Сергея Александровича Меншикова. Документ подписан секретарем Данилевским, что означает возможность замещения нескольких должностей другими членами ложи.

Отчет об имуществе не был, однако, написан в Польше. Отметки о пожертвовании ряда вещей в церковь в Петербурге заставляют предположить, что он был составлен в конце 1775 г. после возвращения полков из Москвы на постоянные квартиры в столице и окрестностях. И чтобы понять, кому и зачем он был там нужен, следует разобраться в формальных вопросах жизни ложи. Массонская ложа, по сути, была общественной организацией, вся деятельность которой, в том числе найм и обустройство помещения для собраний, оплачивались из членских взносов и добровольных пожертвований участников. Вся эта деятельность регулировалась законами и правилами ложи, а ответственные за казну и имущество чиновники регулярно отчитывались об их состоянии. И вполне закономерно, что следствием ликвидации ложи Марс стала необходимость распорядиться ее имуществом и отчитаться перед бывшим руководством (как минимум) об использовании общих средств. Временный характер военной ложи, по всей видимости, сказался на принятии решений. Поскольку по окончании войны члены ложи разъехались к новым местам службы, сохранять весь комплекс ее убранства не имело смысла, так же как и везти за сотни километров в Россию. Часть вещей была оставлена еще в Яссах, основная – распределена в Польше и лишь наиболее ценные и малогабаритные предметы добрались до Петербурга. Сохранены были обрядовые украшения офицеров ложи и высших степеней – они, скорее всего, делались на заказ из дорогих материалов. Остальные специфические принадлежности масонского ритуала из более простых материалов: запоны, ковры, молотки и пр. – сожжены. Основная часть имущества, не несшая масонской символики или избавленная от нее, была или продана, или роздана в благотворительных целях – в основном монастырям и церквям.

Самая ценная информация, содержащаяся в отчете, – это описание убранства ложи и облачения масонов в разных степенях. Благодаря ему мы можем представить, как выглядела не только ложа Марс, но и подчиненные ВПЛР ложи в Москве и Петербурге. Но прежде необходимо дать некоторые пояснения. Для работы ложи как организации обычно требовалось несколько помещений, которые или предоставлялись кем-то из ее членов, или нанимались. Удобнее всего был отдельный дом, что наиболее вероятно в случае ложи Марс. Кроме основного зала собраний – собственно ложи, нужны были комната для сбора участников

собрания, комната для ожидающего принятия или повышения в степени («темная храмина»), зала для столовой ложки, комната для документации и работы офицеров ложки, для инвентаря и т. д. И все они требовали какой-то мебелировки и украшения. Убранство ложки для работы в разных степенях также отличалось, нередко полностью. При этом в актах, излагающих обряды степеней, подробное описание вида ложки, облачения участников и используемых предметов практически не встречается. Для степеней же, указанных в отчете, не выявлено даже точно соответствующих актов. В своей работе, остающейся основным исследованием масонства в царствование Екатерины II, Г. В. Вернадский писал: «Официальные акты первых Елагиных лож, по-видимому, не дошли до нас, имеются лишь акты трех степеней одной из лож союза – ложки Равенства, переписанные для заучивания и чтения А. Я. Ильиным»¹⁸. За неимением других вариантов, сопоставим приведенные в них описания помещений и порядка проведения ритуала с соответствующими разделами отчета.

Собрания 1-й степени были, образно говоря, базовым уровнем работы ложки – только в ней все ее члены могли собраться вместе, в этой степени обсуждались вопросы жизни ложки, проводились праздники и т. д. Поэтому не удивительно, что общее имущество ложки объединено с предметами обряда 1-й степени. Документ Ильина «Степень Iя. Чин ресепции ученической» так описывает начало работы ложки в день приема: «В назначенный к принятию день в ученики все братья должны собраться в определенном часу в ложу. Братья служащая, пришед прежде, найдут уже там Хранителя Сокровищ и Церемониймейстера, которые повелевают им прибрать и приготовить ложу. По сем младшего из них поставят на стражу у первых дверей. Сей страж имеет от Секретаря (а) список всей братии и книгу, в которую входящая имена свои вписывать должны. (а) Сие дабы никто без позволения войти не мог, чего ради и званые посетители к стражу сообщаются для сведения. А когда посланный за вступающим с ним приедет и придет к первым дверям, то стучит он тихо непросвещенным стуком в дверь, страж, стоящий за дверью, отворяет ее мало и, выглянув с обнаженною своею шпагою, спрашивает: “Кто там?...”» После получения правильных ответов их пускают, и провожающий «отводит ищущего с завязанными глазами (как он и привезен) в черную храмину, и развязывает глаза, и, посадив в кресла противу гроба», оставляет размышлять, а сам идет

с докладом к Мастеру ложи. «В черной храмине (или храмине искушения) не должно быть ни единого окна, дабы светило небесное в нее не принимало. Убита она черным сукном или стамедом. В одном углу стоит столик, у которого двои креслы, из них на одне посажен будет ищущий, а другие для Оратора, в другом углу наискось возвышен крест, пред которым лампада, слабым своим светом храмину освещающая». «Украшение ложи. Балдахин голубой, испещренной золотыми звездами, над которым от дельты Сияния, под ними кресла Мастера ложи, пред которыми жертвенник с тремя свечами, на нем Евангелие и прочия утвари, отступа мало начертание (или Тапии) с иероглифами, у которого на трех углах по большему светилу: и на жертвеннике таким же образом небольшие свечи»¹⁹.

Приведенные описания весьма характерны своей лаконичностью, но все же дают достаточно данных для сопоставления. В убранстве «черной храмины» нет ничего специфически масонского, и даже гроб, упомянутый в актах 3-й степени, предполагался самый обычный. Ситуация с убранством собственно ложи намного интересней. В перечне вещей нет голубой ткани и сияющей дельты, что может иметь разные объяснения. Стул с высокой спинкой для Мастера ложи, алтарный столик, большие и маленькие подсвечники и ковер с иероглифами совпадают, а под «прочими утварями» можно предположить циркуль, угломер (наугольник) и что-то еще, названное в отчете математическими инструментами. На основе отчета мы можем добавить к этому деревянные скамейки и стулья со спинками, предназначавшиеся для простых членов ложи и посетителей и расставлявшиеся вдоль южной, западной и северной стен комнаты. В восточной ее части, кроме алтаря и места Мастера ложи, располагалось рабочее место секретаря, ведшего протокол собрания, переписку и прочие бумаги ложи. Для него же, вероятно, был изготовлен и набор письменных принадлежностей треугольной формы. Два маленьких боковых столика могли предназначаться для конституции и законов ложи. Весьма вероятно, что пол именно этой части ложи застилался «ковром для дома», так как в других случаях она специально поднималась на подиум. Завершали обстановку главного зала канделябры, стоявшие возле дверей и развешанные на стенах на кронштейнах.

Обставленная таким образом комната ложи специально украшалась для работ в разных степенях. Своеобразным оказалась

цветовое оформление для первых двух степеней. В отчете мы видим семь покрывал для скамеек из красного сукна; большой такой же занавес (мог выполнять роль балдахина за креслом Мастера ложи); обои из красной бумаги, закрывающие окна; покрывало для накрывания алтаря из красного сукна с золотой окантовкой; такие же коврик и подушку; простые ковры из красной ткани для стола секретаря и двух маленьких столиков. В других известных обрядниках этих степеней конца XVIII – начала XIX в. указывалось, что в оформлении преобладает голубой цвет. Интересно также присутствие среди имущества ложи приспособлений для создания грома, имитации дождя и ветра. Массонские ритуалы имели много общего с театральной постановкой, и различные звуковые, визуальные и осязательные сценические эффекты были их обязательной частью. И в случае ложи Марс количество таких машин говорит о масштабности устраивавшихся постановок. То, что оформление товарищеской ложи не отличалась от ученической, подчеркивает отсутствие в списке ковров этой степени. Они отличались только добавлением двух букв, их, по всей видимости, просто наносили на ученический ковер чернилами и после стирали.

Ложа 3-й степени выглядела совсем иначе. Обряд «Степень III-я. Прием в Мастера» из актов Ильина текстологически очень близок к одному из вариантов, опубликованных А. И. Серковым во втором томе «Систем и ритуалов российского масонства XVIII–XIX вв.»²⁰. Этот обряд заметно отличается от практиковавшегося российскими масонами других систем. Приведем описание черной комнаты: «Убита она черным сукном как и при приеме ученическом, на столе черным сукном покрытом, глава, часы, пистолет, вода в стакане, и у мертвой головы на бумаге написаны слова «Помни смертный час и покайся!»..., слабый свет от лампы освещает сию печальную храмину... Где обыкновенно поставляется при принятии учеников гроб, тут вместо его окровавленные рубища разбросаны», и ложа: «вся затягивается черным сукном, свеч у начертания девять вместо трех, на жертвеннике также девять»²¹. В отчете явными совпадениями являются только настоящий череп и окровавленный саван. Остальное убранство вполне соответствует тому, что описывается в других вариантах обряда этой степени. Есть, впрочем, в отчете и актах Ильина одна необычная деталь: среди предметов масонского облачения нигде не упоминается лопаточка, или мастерок, который в других системах является неотъемлемым атрибутом первых трех степеней.

Значительный интерес представляют описания вещей для трех следующих степеней, поскольку, как уже было сказано, о них мало что известно. Для ложи Шотландских мастеров основными цветами были зеленый и красный с добавлением золотого. Эта гамма и также набор украшений Шотландских мастеров очень близки к тому, что описывается в обрядниках этой же степени Шведского устава, но там она является пятой. Пятая и шестая степени ложи Марс представлены в отчете только одеждой и украшениями, положенными достигшим их масонам. Этой информации слишком мало, но о степени Избранных все же можно составить некоторое представление. В одном из фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки, в подборке копий различных масонских документов, сделанной в конце XVIII в., есть документ «Степень пятая избранных мастеров». Приведем два фрагмента из него.

Обряд открытия ложи был следующим: «Когда Мастер Габаон со всеми почтенными братьями, избранными мастерами, в назначенный день и час соберутся в темную храмину, и как он, так и все чиновники ложи ординския свои знаки наложат и всякой из них фонарь свой засветя, и оной с колоколом взяв в левую руку места свои займут, тогда мастер Габаон, по левую руку жертвенника с открытою головою становится и говорит тихо: Именем царя в порядок поч: братья!... Оба хранители берут корону и надевают оному первому. После сего все братья занимают свои места. Тут вопрошает М: Габаон: Смотрите на меня почте: братья! Делает со всеми братьями ученической, товарищеской, мастерской, шотланских кавалеров и избранных мастеров знаки, и все вообще 4кратно звонят в свои колокольчики. Потом Габаон говорит: Почтенные братья теперь храмина открыта»²².

Другой фрагмент – типичное для обрядов масонского посвящения в степень вручение украшений этой степени после принесения присяги: «М. Габаон подает ему запон избранного м. и говорит: Сей образ смерти нашу нам напоминающий уже есть и долженствует быть запечатлен в сердце твоём с тех пор, как получил ты степень мастерскую. Но при том надлежит тебе еще напомнать, что мы не только ежедневно, но и ежечасно должны иметь в мыслях наших и воображать себе образ ужаса. Когда посредством сего ужаснаго изображения и к совершенству мы достигаем. После сего М. Габ. принимает фонарь и кинжал и колокольчик и держа оные по обыкновению избранных м. вопрошает:

Видишь ли ты меня? По утверждению его в том велит ему шпагу свою вложить в ножны, фонарь и кинжал взять к себе, и дает ему знак, слово и прикосновение»²³. Ритуальные предметы, упоминаемые в приведенных фрагментах, имеют прямые аналогии в перечне для ложи Избранных отчета. В целом же изложенный в документе обряд приема в степень очень похож на обряд 4-й степени Шведского устава, в вариантах названия которой встречается и слово «избранный»²⁴.

Еще одной интересной деталью, касающейся деятельности ложи Марс в целом, является принадлежность ей обрядовых украшений масонов всех степеней. В правилах работы других российских масонских лож и союзов обычно значилось, что получающий степень оплачивал вручаемый ему при приеме набор предметов, они становились его собственностью и хранились у него. В ложе могли иметься несколько запасных комплектов украшений степеней на случай, если кто-то из ее членов или посетителей забудет свой комплект, но это считалось нарушением правил. Но в данном случае это объяснение вряд ли подходит, так как, учитывая специфику работы ложи в действующей армии, количество участников одного ее собрания редко когда могло превышать 30 человек. В отчете же в общей сложности указано 37 комплектов облачений для всех шести степеней. Можем лишь предположить, что неопределенность будущего офицера в период военных действий и сложности походной жизни привели к установлению практики, когда все принадлежности масонского ритуала являлись собственностью ложи и выдавались присутствующим членам на время проведения работ. При себе члены ложи имели только ее знак как свидетельство права участвовать в ее собраниях.

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующее заключение: ложа Марс в Яссах работала вполне легально, а фельдмаршал Румянцев был вполне осведомлен о характере ее деятельности. Богатое убранство ложи свидетельствует о популярности ее собраний среди части офицерского корпуса этой формы препровождения свободного времени, тем более что она могла не ограничиваться только масонскими работами. Военные масонские ложи в российской армии XVIII–XIX вв. были своеобразной и яркой чертой своего времени, и данная неизученная форма офицерского досуга нуждается в дальнейшем всестороннем изучении.

- ¹ Eesti Ajaloomuuseum AM D 128:1/194.
- ² Пыпин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 129, 502; Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 95.
- ³ Серков А. И. Российские масоны. 1721–2019. Век XVIII. Биографический словарь. М., 2020. Т. III. С. 259–261.
- ⁴ Кросс Э. Г. Северные братья: неопубликованная переписка И. П. Елагина с Великой ложей Англии (1772–1780) // XVIII век. Сб. 25. СПб.: Наука, 2008. С. 272–282.
- ⁵ Cross A. G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // Oxford Slavonic Papers New Series. Vol. IV. Oxford, 1971. P. 52; Кросс Э. Г. Северные братья... С. 285; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999. С. 46, 345.
- ⁶ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 51–60.
- ⁷ Freemasons' Calendar for 1777. London, 1777. P. 28 (Yassey 469); Freemasons' Calendar for 1783. London, 1783. P. 42.
- ⁸ Cross A. G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great. P. 65–66.
- ⁹ Здесь и далее биографические данные взяты из: Серков А. И. Российские масоны. 1721–2019. Век XVIII. Биографический словарь. Т. I–II. М., 2020. Другие источники приводятся в ссылках.
- ¹⁰ Кросс Э. Г. Северные братья... С. 283.
- ¹¹ Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам...^{1а} 1776 год. СПб., 1776. (Далее СВД на...).
- ¹² П. А. Румянцев: [документы] / Под ред. [и с введ.] П. К. Фортунатова. М., 1953. Т. 2. С. 336.; СВД на 1771. С. 107; Чтения в Обществе истории и древностей российских. Архив военно-походной канцелярии Румянцева. М., 1865. Кн. 2. С. 317.
- ¹³ Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726–1880). СПб., 1881. Т. III. С. 513.
- ¹⁴ СВД на 1771. С. 90.
- ¹⁵ П. А. Румянцев: [документы]. С. 499–500; Петров А. Н. Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769–1774 год. СПб., 1874. Т. IV. С. 119–120, 152–155.
- ¹⁶ Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания / Сост. А. П. Капитонов. М., 2001. С. 300, 306.
- ¹⁷ Судравский В. К. История лейб-гвардии гренадерского полка. 1756–1906. СПб., 1906. С. 199–202.
- ¹⁸ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 15.
- ¹⁹ РНБ ОР. Ф. 487. Д. Q 214. Л. 1 об.–3.
- ²⁰ Городницкий Р. А., Серков А. И. Системы и ритуалы российского масонства XVIII–XIX вв. (Исправленный шотландский устав). М., 2022. Т. II. Обряды и регламенты. С. 491–517.
- ²¹ РНБ ОР. Ф. 487. Д. Q 216. Л. 2 об.
- ²² РНБ ОР. Ф. 520. № 442. Л. 90–90 об.
- ²³ Там же. Л. 92–92 об.
- ²⁴ Кондаков Ю. Е. «Рыцарские» системы масонства в России: 1772–1822. М., 2017. С. 130–132.

Перевод документа представлял ряд сложностей из-за значительного своеобразия французского языка секретаря Данилевского. Дело здесь не только в грамматических ошибках, но и в использовании сокращений и слов в устаревших значениях, и в попытках передать русские фразы французскими словами. Последнее особенно заметно в описательных наименованиях осветительных приборов – их значение, как и некоторых других фраз, передано приблизительно (выделены курсивом). С другой стороны, названия предметов и другие понятия, часто встречающиеся в масонских документах конца XVIII в. на русском языке, переведены соответствующим образом.

Л. 1

Состояние облачений, украшений и вещей Ложи Марса, упраздненной приказами дд. бб. Воронцова и Меншикова в Польше, в Гродеке в марте 1775 года.

Для ложи ученической и товарищеской и прочие вещи

Знаки достаточных офицеров ложи Знак члена ложи 1	остались со мной
1 штука ленты вишневого цвета	Была подарена жен. монаст.
3 молотка красного дерева. 6 других обыкновенного дерева. 6 запонов товар. 2 зап. ученических	Сожжены
4 пары женских перчаток	В помощь масонам (для нужд масонов)
6 пар мужских перчаток	Для офицеров
Коврик из красного сукна с золотой окантовкой	Продан Маркусу
Ковер ученический на клеенке	Сожжен
Подушка из красного сукна с золотой окантовкой	Пожертвовано женскому монаст.
Ковер для дома (?), покрывало для накрывания алтаря из красного сукна с золотой окантовкой. Простой ковер из красной ткани для канцелярского стола (для секретаря) и 2 других подобных же, чтобы накрыть два маленьких столика рядом с ним. 1 пара длинных штанов (бриджи, удлиненные юлоты) и 1 пара домашних туфель 2 [раковины?] из белой жести, 2 куска желтой меди для создания грома	Маркусу

2 маховика для имитации дождя, 6 машин для имитации ветра	Сожжены
Набор письменных принадлежностей из белой жести треугольной формы	<i>Выброшено (?)</i>
7 покрывал для скамеек, из красного сукна Большой такой же занавес	Пожертвовано бедным
Доска, изображающая ужасы Земли	Оставил в Яссах у <i>Heinvek (Steinvek)</i>

Л. 1 об.

1 маленькая лампа, 42 канд[елябра] с кронштейнами белого железа	Маркусу
Мертвая голова в естестве	Закопана на максимальную глубину
5 кусков черной ткани для драпировки ученического <i>колтака (наголовника)</i>	Ницим
<i>4 дверных канделябра в виде больших колонн 6 дверных подсвечников в виде маленьких колонн</i>	Отдано в [<i>полковую??</i>] Церковь в С-Петербурге
<i>4 больших подсвечника и 4 части подсвечника</i>	развалились на части по дороге
Салфетки, щетка и 2 чайника	Оставлены в Яссах
8 больших желтых восковых свечей, 4 куска белых восковых свечей	Отданы в [<i>полковую??</i>] Церковь в С-Пб.
1 алтарный столик и 2 маленьких боковых 1 стул с высокой спинкой для Мастера Обои из красной бумаги, закрывающие окна, простые деревянные скамейки, простые деревянные стулья со спинками	Были отданы <i>Heinvek (Steinvek)</i>
3 переносных подсвечника белого железа, 1 молоток, 1 щипцы (<i>кусачки, клещи</i>), 1 карниз для штор	Маркусу
Футляр с математическими инструментами	К д. б. <i>Велсину (Велтнгу)</i>

Для ложи Мастерской

8 покрывал черного сукна для накрытия скамеек, то же самое для накрытия вступающего Подушка из черной тафты, окаймленная серебряными узорами. 1 подушка черного сукна, окантованная серебряным галуном Черный ковер с серебряной отделкой	По случаю Святого поста у католиков (<i>Страстной недели</i>) эти предметы передаются собору монаст. Василианцев(*)
Алтарный ковер из черной ткани с серебряной каймой и рисованной мертвой головой. Черный коврик с серебряной отделкой для стула. Большой черный гобелен, украшенный и усеянный слезами и мертвыми головами	После удаления нарисованных черепов и слез продано Маркусу.

Л. 2

3 больших дверных подсвечника треугольной формы Черный ковер, усыпанный слезами и мертвыми головами, закрывает окна. То же самое дверной занавес	Маркусу
Ковер с иероглифами на клеенке Мертвые головы с костями, деревянные Окровавленный саван 16 Мастерских заповов	Сожжены

Для ложи Шотландских Мастеров

7 заповов Шотландских Мастеров, в том числе один у д. б. Петерсона	Тафта подкладки продана, кожа сожжена
7 больших красных лент с наугольником и циркулем на конце, в том числе один у досточ. бр. Петерсона 7 маленьких зеленых ленточек с крестом св. Андрея, один у д. б. Петерсона 4 медали Покрывало для <i>сокровищницы(?)</i> из красной тафты с отделкой из зеленой тафты с золотым галлоном	У меня
Шотландская деревянная сокровищница	Сожжена
Ковер из зеленой ткани с золотой тесьмой Небольшая подушечка из зеленой тафты с золотой тесьмой. То же самое с зеленым атласом	Пожертвовано женскому монастырю
Ковер с иероглифами на клеенке	Сожжен
<i>Крутящийся валик (?)</i>	Оставлен в Яссах
1 шт. в 10 аршинов большой красной ленты с желтыми краями	У меня

Л. 2 об.

Для ложки Избранных

3 запона Избранных с черепами и костями, в т. ч. один у д. б. Петерсона	Проданы после удаления голов и костей
Три больших черных ленты с кинжалами, в том числе одна у вышеупомянутого	У меня
8 маленьких стеклянных фонариков с латунной отделкой на <i>бреттах</i> (<i>длинных тонких шпагах</i> -?) из белого железа	В женский монастырь
5 маленьких бронзовых колокольчиков	В монаст. Василианцев
Деревянная позолоченная корона Ковер с иероглифами на клеенке	Сожжены

Для палаты мудрых Философов

Запоны Философов с зелеными лентами	<i>Сииты</i> , сожжены
3 креста	У меня
3 шляпы из белой тафты с подкладкой из небесной тафты и белым пером	Шляпы отданы бедным офицерам, перья и тафта <i>aixsecours</i>
3 больших мантии из белой саржи	Маркусу
3 красные звезды с золотой каймой и священным словом посередине	Выброшены в огонь

Б. секретарь Данилевской

(*) Орден святого Василия Великого (лат. *Ordo Sancti Basilii Magni*), также Василианский Орден святого Иосафата, Отцы Василиане – один из основных монашеских орденов Украинской греко-католической церкви. С 1720 г. все греко-католические монастыри в Речи Посполитой принадлежали василианам. В середине XVIII в. орден насчитывал 195 монастырей и более тысячи монахов.

А. А. Кузнецов (Москва)

ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА США В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ АДМИНИСТРАЦИИ БАЙДЕНА

ПОЛИТИКА США строится на принципе, что эта страна должна быть международным лидером и устанавливать влияние во всех регионах мира. Данный тезис отражался практически во всех доктринальных документах последнего времени. Не стала исключением и администрация Байдена, которая утверждает, что в настоящее время «как никогда велика потребность в американском лидерстве». Данные возможности должны обеспечиваться «силой и целеустремленностью», о чем говорится в Стратегии национальной безопасности (National Security Strategy) США, изданной в 12 октября 2022 г.¹ При этом уже почти 80 лет американское руководство обеспечивает свое лидерство опорой на ядерное оружие.

В 2022 г. администрация Байдена издала ряд доктринальных документов, отражающих официальные взгляды на ядерную политику США. В первую очередь, это уже указанная Стратегия национальной безопасности (СНБ) – основной межведомственный документ, разрабатываемый исполнительной властью США для представления в конгресс. В нем отражаются основные цели администрации и пути их достижения. Второй документ – Стратегия национальной обороны (National Defense Strategy) – изложение министерством обороны США подходов на отражение угроз национальной безопасности². Третий – Обзор ядерной политики (Nuclear Posture Review) – отражает стратегию, внешнюю политику и состояние ядерных сил США. Разрабатывается министерством обороны совместно с государственным департаментом и министерством энергетики. Дополняет эти документы Обзор противоракетной обороны (Missile Defense Review), где

показан «комплекс мероприятий по противодействию разработке, приобретению, распространению, потенциальному и фактическому применению противником ударных ракетных средств всех типов, а также по ограничению ущерба от их использования»³. Все перечисленные документы, кроме СНБ, были изданы единым комплектом 27 октября 2022 г.

Основным документом, определяющим исследуемый вопрос, является Обзор ядерной политики (ОЯП). В связи с этим статья построена на положениях, изложенных в нем.

Первый раздел «Комплексный и сбалансированный подход к защите самых важных интересов национальной безопасности и снижению ядерных рисков» является вводным и отражает положения, выраженные администрацией Байдена. В первую очередь указывается, что ядерное сдерживание является «приоритетной задачей... в рамках обеспечения национальной безопасности»⁴. Этот тезис заимствован из СНБ, где также отражено, что «стратегическое ядерное сдерживание остается главным приоритетом и основой обеспечения безопасности»⁵. Также отражаются главные задачи ядерной политики США. Среди них:

- установление позиции, при которой возникает вероятность применения ядерного оружия, в том числе при поддержании безопасности союзников и партнеров;

- употребление «комплексного подхода... к использованию ядерных и неядерных потенциалов для сдерживания»;

- исключение ситуации неопределенности для повода применения ядерного оружия;

- «проведение мер для укрепления расширенного сдерживания и обеспечения безопасности союзников»;

- работа в области контроля над вооружениями и нераспространения ядерного оружия;

- «полное обновление ядерной триады и прочих программ модернизации ядерных вооружений с учетом систем боевого управления и связи»;

- «создание современных, взаимосвязанных возможностей по обеспечению ядерной безопасности, основанной на комплексной стратегии управления рисками, устойчивости производства, научно-технических инноваций и кадрового потенциала»⁶.

Также говорится об инициативах по сокращению ядерного вооружения и программ в этой области. Так, указывается на необходимость ликвидации самой мощной, в ядерном эквиваленте,

авиационной бомбы В-83, а также отказ от программы по созданию крылатых ракет морского базирования (КРМБ) в ядерном оснащении. Стоит отметить, что эти инициативы повторяют подходы администрации Обамы⁷. В это время была демонтирована хранящаяся на складе и не имеющая задач для боевого применения В-53⁸ и сняты с вооружения КРМБ ТЛАМ-Н⁹.

Второй раздел «Обстановка безопасности и вызовы сдерживанию» отражает исходные данные в международной среде в сфере ядерной политики. США исходят из позиции, что к 2030 г. они столкнутся с двумя противниками – Россией и Китаем, обладающими приблизительно равными ядерными потенциалами. Этот аспект внешней политики соответствует СНБ, где говорится о действиях «России и Китая по изменению системы международных отношений». Однако в ОЯП подчеркивается, что реальную угрозу в ядерной сфере для США представляет только Россия. В этом контексте указывается на модернизацию стратегического наступательного потенциала, определенного Договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апреля 2010 г. и нестратегического ядерного вооружения¹⁰. При этом США пытаются задействовать Россию для привлечения Китая к переговорному процессу по контролю над вооружениями¹¹.

Не обошел стороной ОЯП и специальную военную операцию, которую Россия проводит на Украине. В нем указывается, что этот конфликт каким-то образом может спровоцировать распространение ядерного оружия. Ссылаясь на возможность перерастания обычного конфликта на Украине в ядерный, в ОЯП говорится, что «сдерживание ограниченного применения ядерного оружия Россией является одним из приоритетов США и НАТО»¹². Данный тезис дополняет положения СНБ, где указывается, что специальная военная операция «ослабит Вооруженные силы Российской Федерации», что приведет к «усилению зависимости Москвы от ядерного оружия в рамках военного планирования»¹³.

В отношении Китая дается прогнозная оценка, что к 2030 г. его арсенал будет насчитывать около одной тысячи ядерных боеприпасов со средствами их доставки (без уточнения их класса).

В ОЯП 2022 г., как и в подобных документах предыдущих администраций, неизменно указывается на угрозу, исходящую от Северной Кореи и Ирана. При этом говорится, что последняя

из перечисленных стран «не обладает ядерным оружием... и не стремится к его созданию»¹⁴. Для того чтобы Иран не смог получить ядерное оружие, США будет «заниматься дипломатией»¹⁵. Отдельным пунктом в ОЯП отражена угроза ядерного терроризма¹⁶.

Третий раздел «Роль ядерного оружия в стратегии США» отражает основные цели для американского ядерного потенциала. К ним относятся: «стратегическое сдерживание; защита союзников и партнеров; выполнение задач в случае провала сдерживания». Повторяя положения доктринальных документов администрации Обамы¹⁷, США заявляют, о стремлении к снижению роли ядерного оружия в стратегии национальной безопасности¹⁸. Его применение рассматривается только в крайних обстоятельствах. Дополнено это тем, что США не будут намеренно нацеливать ядерное оружие на штатское население и элементы гражданской инфраструктуры¹⁹.

Администрация Байдена указывает на приверженность стратегии «комплексного сдерживания», при которой «неядерные силы и средства могут дополнять ядерные силы»²⁰. В этом контексте особую роль приобретает противоракетная оборона. Основные положения ее развития отражены в Обзоре противоракетной обороны (Обзор ПРО). Отражение ракетного нападения при помощи перехвата дополняет возможности стратегического наступательного потенциала. В Обзоре ПРО США признают отсутствие возможности противостоять баллистическим ракетам Китая и России, поэтому по отношению к ним полагаются только на ядерное сдерживание²¹. Вместе с тем, администрация Байдена расширяет рамки ПРО. Теперь «реагирование на ракетные угрозы» – это комплекс мер «по противодействию разработке, приобретению, распространению, потенциальному и фактическому применению противником ударных ракетных средств всех типов»²². Данное положение показывает, что все возможные мероприятия от санкций до контрсилового прицеливания являются элементами общей стратегии ПРО.

Четвертый раздел «Адаптированные стратегии ядерного сдерживания» показывает дифференцированный подход США к различным противникам. В первую очередь речь идет о России, которая «уникальна по сочетанию стратегических и нестратегических ядерных сил». Для ее сдерживания администрация Байдена планирует применять как стратегическую ядерную триаду, так

и тактические ядерные боеприпасы В61-12, доставляемые истребителями-бомбардировщиками США и НАТО²³. При этом администрация Байдена считает, что США способны угрожать «тому, что руководство противника ценит больше всего»²⁴.

Вместе с тем отмечается, что «Китай и Россия находятся на разных этапах разработки» ядерного оружия, но эти страны представляют угрозу для США²⁵. Также администрация Байдена признает, что конфликт двух ядерных государств приведет к чрезвычайной ситуации²⁶.

Совершенно другой подход к КНДР. В ОЯП говорится: «не существует сценария, при котором она могла бы применить ядерное оружие и уцелеть». США угрожают КНДР ядерным возмездием даже в ответ на «атаки стратегического характера... без применения ядерного оружия».

Цели администрации Байдена в отношении Ирана представляют собой стремление не допустить получение этой страной ядерного оружия²⁷.

Пятый раздел «Усиление регионального ядерного сдерживания» приводит геополитические подходы к установлению союзнических и партнерских отношений с другими странами. Администрация Байдена признает, что ядерное оружие, размещенное на базах в Европе, обеспечивает «политическую и военную связь» между этим регионом и США. Как говорится в ОЯП, после присоединения Крыма к России НАТО предприняла шаги по обеспечению ядерного сдерживания путем модернизации ядерных авиабомб В61-12 и истребителей-бомбардировщиков F-35A²⁸. Вместе с тем не указывается, что эти работы начали проводиться задолго до 2014 г.

Для осуществления ядерного сдерживания в Европе США планирует осуществлять взаимодействие с союзниками и партнерами с целью повышения эффективности самолетов – носителей ядерного оружия²⁹.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе США намереваются наращивать взаимодействие с Австралией, Республикой Корея и Японией. Администрация Байдена указывает на необходимость «развертывания в регионе, как и других регионах мира, стратегических бомбардировщиков, истребителей-бомбардировщиков и складов с ядерным оружием». Данное заявление может расцениваться как намерение нарушить требования Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г.³⁰. США будет расширять

региональное присутствие путем «захода атомных подводных лодок с баллистическими ракетами в иностранные порты и развертывания стратегических бомбардировщиков на передовых авиабазах». Усиливать сдерживание должны возможности и ресурсы союзников и партнеров в регионе³¹.

Шестой раздел «Контроль над вооружениями, нераспространение ядерного оружия и борьба с терроризмом» повторяет тезис, выдвинутый в годы президентства Обамы, о стремлении к миру без ядерного оружия. Администрация Байдена намеревается вести диалог с Россией и Китаем в области контроля над вооружением и повышения транспарентности³². У США возникают проблемы с оценкой ядерного потенциала Китая и определением его доктринальных взглядов. К тому же он не желает обсуждать вопросы ограничения ядерного оружия.

Для последующей проверки и мониторинга выполнения соглашений по контролю над вооружениями администрация Байдена планирует разработать новые технологические решения. Для этого США участвуют в нескольких международных проектах в этой области. Также указывается на необходимость технических подходов для противодействия распространению ядерного оружия³³.

Седьмой раздел «Ядерный потенциал США» освещает состояние современных ядерных и вооружений и программы по их замене. Классическая ядерная триада состоит из трех компонентов: морских, авиационных сил ядерного сдерживания и сил межконтинентальных баллистических ракет (МБР). На вооружении США состоят: атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) типа «Ohio», оснащенные баллистическими ракетами (БРПЛ) «Trident-2-D5» с ядерными боеголовками различной мощности; стратегические бомбардировщики, сертифицированные для оснащения ядерным оружием: В-52 и В-2; МБР «Minitman-3».

Срок эксплуатации этих типов ядерного вооружения подходит к концу, в связи с этим планируется провести программу их замены. Так, в ближайшее пятилетие предполагается приступить к разработке новой МБР «Sentinel», которая будет оснащаться боеголовками Mk21 с ядерными боезарядами W87-0 и Mk21A с ядерными боезарядами W87-1.

С 2030 г. планируется начать приемку ПЛАРБ «Columbia», которые заменят стоящие на вооружении корабли типа «Ohio». Они также будут оснащаться БРПЛ «Trident-2-D5», но с новыми

боеголовками. Первая из них, которая должна прийти на смену Mk5 (W88), не предусматривает наращивание боевых возможностей. Вторая – Mk7 (W93) – является новой разработкой³⁴.

Воздушный компонент стратегических наступательных сил возидает производство не менее 100 стратегических бомбардировщиков B-21, которые заменят B-2A³⁵. Ранее предполагалось, что B-21 придут на смену всем стратегическим бомбардировщикам США, однако ОЯП администрации Байдена сообщила, что срок эксплуатации B-52H будет продлен до 2050 г. после модернизации. Этот стратегический бомбардировщик на данный момент является единственным носителем крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) AGM-129A и AGM-86B. В настоящее время проводится программа замены этих боеприпасов на перспективную КРВБ LRSO с ядерным боезарядом W80-4³⁶. Она будет обладать малозаметностью, повышенной точностью поражения целей и способностью действовать в условиях радиоэлектронного подавления³⁷.

В ОЯП отмечается, что резерва времени между прекращением эксплуатации стратегических ядерных вооружений и заменой их на новые практически нет³⁸.

В некоторых случаях США опираются на так называемое тактическое ядерное оружие. С этой целью продолжится сертификация истребителя-бомбардировщика F-35A для выполнения задач с применением ядерного оружия. После того как это произойдет, эти самолеты заменят самолеты F-15E. В качестве боеприпаса для них выполняется программа разработки авиабомбы B61-12, которая придет на смену B61-3, B61-4, B61-7.

Кроме того, США относят к разряду тактического ядерного оружия ядерный боезаряд малой мощности W76-2 для БРПЛ «Trident-2-D5»³⁹.

Восьмой раздел «Деятельность в области устойчивой и адаптивной ядерной безопасности» дополняет седьмой раздел в части, касающейся разработки ядерных боеприпасов и модернизации ядерной инфраструктуры. Для этого предписывается улучшить «координацию и интеграцию» между министерством обороны США и национальным управлением по ядерной безопасности министерства энергетики США для выработки рекомендаций. Данные действия, по мнению администрации Байдена, повысят осведомленность руководства США и помогут в снижении рисков⁴⁰.

Также планируется запустить программу «устойчивого производства», которая способствует серийному выпуску ядерных боеприпасов. В ходе ее выполнения будут обеспечены условия для создания «атомных инициаторов, термоядерных узлов, тритиевых и нейтронных компонентов, внутригосударственного обогащенного урана, сборки и разборки ядерных боеприпасов»⁴¹.

Производство ядерного оружия требует емкого научного сопровождения. В связи с этим ОЯП предлагает ускоренное внедрение инновационных достижений в эту область. Особую роль приобретает быстрота освоения результатов академических, коммерческих и внутренних исследований. Намеченное невозможно без квалифицированных сотрудников, поэтому ОЯП обращает внимание на необходимость удержания и подбора кадров⁴².

В заключение указывается, что «ядерное оружие будет продолжать обеспечивать уникальный эффект сдерживания, который не может заменить ни один из элементов сил США»⁴³.

Таким образом, рассмотренные доктринальные документы США в области ядерной политики сохранили определенную преемственность от предыдущих администраций, в первую очередь, времен президентства Обамы. При этом существуют изменения, связанные с переориентацией приоритетов в угрозах национальной безопасности США и пересмотром стратегии применения ядерного оружия. Несколько исправлены программы разработки ядерных вооружений. В целом новый ОЯП и прочие доктринальные документы США выдвигают достаточно агрессивные тезисы, хотя в них и признается, что применение ядерного оружия против стран, обладающих значительным ядерным потенциалом, приведет к чрезвычайным последствиям.

¹ National Security Strategy. The White House. Washington. 2022. October 12. 48 p.

² National Defense Strategy. Department of Defense. Washington. 2022. October 27. 23 p.

³ Missile Defense Review. Department of Defense. Washington. 2022. October 27. P. 1.

⁴ Ibid. P. 1.

⁵ National Security Strategy. The White House. P. 21.

⁶ Nuclear Posture Review. Department of Defense. Washington. 2022. October 27. P. 3.

⁷ См. подробнее: Кузнецов А. А. Ядерная политика США в 2009–2016 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 270 с.

⁸ U.S. to dismantle some of its oldest bombs. // United Press International. U.S. News. 2010. October 13. URL: http://www.upi.com/Top_News/US/2010/10/13/

US-to-dismantle-some-of-its-oldest-bombs/UPI-72051287002737/ (дата обращения: 11.04.2016).

⁹ Kristensen H. US Navy instruction confirms retirement of nuclear Tomahawk cruise missile // Federation of American Scientists. 2012. March 18, URL: <http://blogs.fas.org/security/2013/03/tomahawk/> (дата обращения: 08.07.2015).

¹⁰ Nuclear Posture Review. Department of Defense. P. 4.

¹¹ Ibid. P. 5.

¹² Ibid.

¹³ National Security Strategy. The White House. P. 26.

¹⁴ Nuclear Posture Review. Department of Defense. P. 5.

¹⁵ National Security Strategy. The White House. P. 42.

¹⁶ Nuclear Posture Review. Department of Defense. Washington. 2022. October 27. P. 5.

¹⁷ См. подробнее: Кузнецов А.А. Ядерная политика США в доктринальных документах // Военно-исторический журнал. 2007. № 10. С. 30–38

¹⁸ Nuclear Posture Review. Department of Defense. P. 7.

¹⁹ Ibid. P. 9.

²⁰ Ibid. P. 10.

²¹ Missile Defense Review. Department of Defense. Washington. 2022. October 27. P. 6.

²² Ibid. P. 1.

²³ Nuclear Posture Review. Department of Defense. P. 11.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. P. 12.

²⁷ Ibid. P. 11.

²⁸ Ibid. P. 14.

²⁹ Ibid. P. 15.

³⁰ Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 июня 1968 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 30.01.2023).

³¹ Nuclear Posture Review. Department of Defense. P. 15.

³² Ibid. P. 16.

³³ Ibid. P. 17.

³⁴ Ibid. P. 21.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Majumdar D. USAF to develop new cruise missile // Flightglobal. 2012. December 7. URL: <https://www.flightglobal.com/news/articles/usaf-to-develop-new-cruise-missile-379957/> (дата обращения: 28.07.2015).

³⁸ Nuclear Posture Review. Department of Defense. P. 20.

³⁹ Ibid. P. 21.

⁴⁰ Ibid. P. 22.

⁴¹ Ibid. P. 23.

⁴² Ibid. P. 24.

⁴³ Ibid. P. 25.

Н. Л. Курсанина (Москва)

СИМВОЛЫ НА ОФИЦЕРСКОМ ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ПЕРИОДА МЭЙДЗИ (1868–1912)

Период Мэйдзи (明治) (1868–1912) – один из наиболее значимых в истории Японии. Глобальные изменения в японском обществе, экономике, политике и культуре в этот период характеризуются двумя девизами: «Цивилизация и просвещение» (бунмэй кайка / 文明開化) и «Создание сильной армии» (фукоку кэхэй / 布告拳兵)¹. Понимая, что без глубокой переделки военных основ политическая и экономическая независимость Японии окажется под угрозой и страна легко станет колонией западных стран, японское правительство во главе с императором Мэйдзи проводит курс на создание современной регулярной армии, основываясь на практике ведущих европейских государств.

В первую очередь происходит отказ от традиционного самурайского ополчения, которое подчинялось правителям княжеств (даймё / 大名) и военному правителю (сёгуну / 將軍). В марте 1871 г. правительство сформировало Дивизию императорской гвардии (Коноэ Шидан / 近衛師団), подчинявшуюся непосредственно императору, а в сентябре того же года создало четыре центральных гарнизона, сформированных по новому принципу экстерриториальности.

Однако гарнизоны формировались исключительно из бывших самураев, хотя уже без территориального деления. Это не отвечало желанию правительства и императора создать общенациональную армию наподобие армий Европы и США. Следующим шагом на пути развития вооруженных сил Японии стало внедрение системы всеобщей воинской повинности (кокумин-кайхэй / 国民皆兵).

28 декабря 1872 г. правительство Японии приняло Закон о призыве (тё:хэйрэй / 徴兵令), который вступил в силу 10 января 1873 г. (6-й год Мэйдзи). Этот закон состоял из двух частей: императорского Указа (рескрипта) о призыве на военную службу (тё:хэй но микото но ри / 徴兵の詔) и Уведомления (постановления) о воинской повинности (тё:хэй кокую / 徴兵告諭). По этому закону все мужчины Японии в возрасте от 17 до 40 лет, в независимости от статуса и сословия, считались «национальным войском» и вносились в военные реестры как потенциально военнообязанные. Исключение составляли чиновники, учащиеся государственных учебных учреждений, студенты медицинских специальностей, главы семей и их старшие сыновья². Избежать службы в «регулярном войске» также можно было за уплату в 270 йен. Это были огромные деньги для обычного японца, если учитывать, что выпущенная в 1871 г. 1 йена приравнивалась к 1,5 г)³, то 270 йен составляло около 400 граммов золота.

Все остальные, не попадавшие под исключения, должны были сдать экзамен, сдавшие экзамен проходили отбор, по результатам которого формировалась призывные списки. Прошедшие проверку и зачисленные в «регулярные войска» (дзё:бэгун / 常備軍) служили три года. По окончании службы их записывали еще на четыре года в «войско запаса» (гобигун / 後備軍) на случай войны⁴. Таким образом, в 1870-х гг. начался процесс формирования японских общенациональных вооруженных сил.

Вооруженные силы императорской Японии делились на сухопутные силы «Армия Великой японской империи» (Дай-Ниппон тэйкоку рикугун / 大日本帝国陸軍) и флот «Флот Великой Японской империи» (Дай-Ниппон Тэйкоку Кайгун / 大日本帝國海軍). Все воинские чины делились на три категории:

- тёкунин-кан (勅任官) – чиновники высшего разряда и генералитет, которые назначались лично императором;
- сонин-кан (奏任官) – чиновники 1-го номенклатурного разряда, обер- и штаб-офицеры, назначаемые императором и Министерством армии;
- ханнин-кан (判任官) – младший командный и рядовой состав, чиновники низшего номенклатурного ряда, назначались на должность своим начальством.

В своей статье мы будем рассматривать преимущественно холодное оружие сухопутных сил: армии и полиции.

Для новой императорской регулярной армии, созданной по европейским стандартам, были принята новая форма одежды, новые звания и новое оружие.

В первую очередь уставным холодным оружием озаботились для новосозданного армейского высшего руководства. В Европе офицеры регулярной армии имели на вооружении сабли или шпаги, тип которых регламентировался принадлежностью к роду войск и внутренними армейскими уставами. В Японии самураи, становясь офицерами армии и флота, не намерены были отказываться от ношения холодного длиннокликового оружия, так как оно несло в себе элементы статуса и ранговые отличия.

24 ноября 1875 г. (8-й год Мэйдзи) был издан императорский декрет «Бюллетень императорский чиновников № 174», утвердивший для японской армии уставные образцы холодного клинкового оружия для офицерского и высшего командного состава, которые получили общее название «тип 8» по году их утверждения (таблица 1):

- кавалерийская офицерская сабля;
- придворная шпага/сабля;
- офицерская сабля (гунто / 軍刀);
- генеральская сабля.

Таблица 1

Типы офицерского холодного оружия, принятые по декрету 1875 года			
			
Кавалерийская офицерская сабля	Придворная шпага/сабля	Офицерская сабля (кю-гунто)	генеральская сабля (кю-гунто)

Хотелось бы сделать отступление и уточнить перевод слова «гунто» 軍刀, которое во многих книгах переводится как «военный меч»¹. Действительно, если переводить иероглифы

раздельно, то 軍 «гун» имеет значение «армия, войска», он также используется в титуле «сёгун» 將軍, обозначающий военного правителя, военачальника. Иероглиф 刀 «тоо / то:» (длинная о), тоже имеет несколько чтений и значений, так основным его значением является «клинок», «холодное оружие», этим же иероглифом пишется «катана» – вид японского клинкового оружия, представляющего однолезвийный изогнутый клинок с двуручной рукоятью. Данный иероглиф с другими чтениями присутствует в словах «бритва» (камисори / 剃刀), «ножницы» (хасами / 剪刀), «длинный меч» (тачи / 太刀) и в других словах, где надо обозначить предмет с режущей кромкой. Поэтому значение иероглифа 刀 «то:» всё-таки ближе к «клинку», чем к «мечу». Если обратиться к Большому японско-русскому словарю, написанному специалистами Института востоковедения АН СССР², и другим словарям³, то слово 軍刀 «гунто» в них переводится как «сабля», а не как «военный» или «армейский меч». Поэтому в дальнейшем мы тоже будем использовать в статье название «гунто» как «сабля».

В июле 1886 г. (19-й год Мэйдзи) были переутверждены некоторые виды принятого в 1875 г. (тип 8) холодного оружия с некоторыми модификациями, в результате которых немного измененные модели получили название «тип 19». А после приема на вооружение в 1934 г. нового типа холодного оружия, созданного по мотивам традиционной катаны и названного «новая сабля» (син-гунто / 新軍刀), старые образцы сабель 1875 и 1886 гг. (типы 8 и 19) стали называться «прежняя / предыдущая сабля» (кю-гунто / 旧軍刀)⁴. В данный момент название «кю-гунто» прочно закрепилось за армейскими офицерскими саблями образца 1875 г. и их модификацией 1886 г. – кю-гунто тип 8 и тип 19.

По аналогии с французскими и американскими моделями уставные офицерские мечи следовали традиции: чем выше звание офицера, тем больше декора на рукояти и ножнах. Однако элементы декора на японском оружии дополнились символами, которых в европейских традициях не предусматривалось. Так, в японской армии военные столкнулись с тем, что набранные из крестьян рядовые в силу установившихся на протяжении столетий сословных отношений и обычаев не могли поднимать на вышестоящее начальство глаза. По уставу на полевой форме, принятой под обозначением «образец 1886 года», род войск

обозначался полосками желтого (для армии) и красного (для императорской гвардии) цвета на воротничке, а знаки различия располагались на узких плечевых погонах. Чтобы избежать неудобства, когда вчерашний крестьянин, а теперь рядовой не мог определить, кто перед ним, было принято необычное решение о дублировании символов офицерских чинов на эфесе уставного холодного оружия.

Таким образом, помимо обычного европейского статусного декора, японское холодное оружие имеет дополнительные информационные символы, которые будут рассмотрены в этой статье.

Декоративные элементы на холодном оружии периода Мэйдзи (1868–1912) на уставном оружии можно разделить на четыре вида:

- символы стран (государственные или обозначающие страны);
- символы принадлежности к военной структуре (военные символы);
- знаки ведомственной принадлежности;
- знаки отличия офицерских чинов.

Рассмотрим модели офицерского холодного оружия, утвержденного императорским декретом от 24 ноября 1875 г. (8-й год Мэйдзи).

Кавалерийская офицерская сабля образца 1875/1886 (тип 8/19). Как и предыдущая модель для сержантов и солдат, она была создана на основе немецкой сабли образца 1852 г. Однако металлические компоненты рукояти выполнялись из позолоченной латуни, а ножны изготавливались либо из никелированной, либо из хромированной стали. Немцы, которые играли ведущую роль в формировании японской императорской армии, способствовали размещению заказа на производство японских кавалерийских сабель на фабриках Золингена. Поэтому много клинков имеют на пяте золингеновские клейма. На заказанных в Золингене саблях, предназначенных для японской армии, на расширении спинки рукояти выбивалось изображение десятилепестковой вишни (кадосакура / 廉桜), которое можно рассматривать и как государственную принадлежность оружия, и как армейский символ.

Придворная шпага/сабля образца 1875/1886 гг. (тип 8/19). Для придворных высших армейских чинов и офицерского состава медицинской службы было утверждено холодное оружие в двух модификациях: парадная шпага с узким прямым клинком

и сабля для действительной службы с изогнутым клинком. Эфесы шпаги и сабли идентичные и украшены уставными элементами информационного декора. За образец была взята французская морская офицерская шпага образца 1837 г.

Декорирование дужки гарды представляет собой три пятилепестковых цветка вишни (сакуры / 桜), расположенных в середине дужки, от которых вверх и вниз отходят листья. Этот художественный элемент в этой модели не несет никакой информационной нагрузки и представляет собой образец статусного декора.

Следующий элемент декора находится на наружном щитке гарды, по аналогии с французскими шпагами, и представляет собой половинное изображение принятого в 1870 г. военного флага – солнце с расходящимися лучами, покрывающими всё пространство. На щитках модели 1875 г. (тип 8) лучи на концах ровные, а на щитках модификации 1886 г. (тип 19) – с треугольными вырезами. Такой же декор солнца присутствовал на торцевом овале перекрестия. Этот декор военного флага был обязателен для всех чинов и званий как обозначение принадлежности к японской империи.

На навершии армейских шпаг выполнена стрекоза. Стрекоза (томбо / 蜻蛉) является древним символом Японии и олицетворением японского духа. Летопись Японии, составленная в 720 г. (Нихон Сёки / 日本書紀) гласит, что первый император Дзимму Тэнну, оглядывая страну с холма, счел, что её форма острова Хонсю схожа с очертаниями стрекозы, с тех пор пошло название «Акицу Сима», в переводе «Стрекозиные острова» (蜻蛉島 // 秋津島). Стрекоза привлекла внимание и своим стремительным полетом, напомиравшем самураям молниеносность удара меча или полет стрелы. Они называли её «насекомое-победитель» (катимуси / 胜虫), избрали своим символом победы и стали украшать её изображением гарды мечей (цуба / 鍔) и прочие предметы одежды и военного снаряжения. Появление стрекозы на навершии эфеса шпаги и сабли образца 1875/1886 гг. можно расценивать как символ Японии в интерпретации романтического видения первоимператора Дзимму Тэнну и как выражение силы и мужественности, которое принесет им победу. В первые годы становления новой императорской власти требовались национальные символы, которые бы могли олицетворять Японию и ассоциировались с более древним «досёгунататским»

периодом, когда страной правили императоры. Таким образом, символ стрекозы становится намеком на императорское правление, символом самой Японии и военным символом победы. А его изображение на навершии эфеса преследует цель показать принадлежность к императорской армии. На навершии шпага придворных чиновников, не имевших армейских званий и должностей, стрекоза отсутствовала.

На придворных шпаге/сабле образца 1875/1886 гг. (тип 8/19) обозначение армейских (рикугун / 陸軍) чинов передавалось наличием и типом декора на гарнитуре эфеса и ножен. На армейских обер-офицеры (икан / 尉官), к которым относились лейтенанты (рикугун тю:и / 陸軍中尉) и капитаны (рикугун тайи / 陸軍大尉) имели на навершии символ императорской армии – стрекозу и знак военного флага на щитке – солнце с расходящимися лучами. Шпаги штаб-офицеров (сакан / 佐官), к которым относились майоры (сё:са / 少佐), подполковники (тю:са / 中佐) и полковники (тайса / 大佐) к вышеперечисленным орнаментам дополнялись декорами в виде гравированных цветов и листьев вишни (сакуры) на наконечнике ножен, а также верхней и нижней втулке рукояти. На щитках генеральских шпаг кю-гунто добавлялись символы армейских генеральских чинов в виде серебряных звезд:

– армейский генерал-майор (рикугун сё:сё / 陸軍少将) – на типе 8 – две звезды, на типе 19 – одна звезда;

– армейский генерал-лейтенант (рикугун тю:дзё / 陸軍中将) – на типе 8 – три звезды, на типе 19 – две звезды;

– главный генерал армии (рикугун тайсё: / 陸軍大将) и главный генерал маршал армии (рикугун гэнсуй тайсё / 陸軍元帥大将) – на типе 8 пять звезд, на типе 19 – три звезды.

Отдельный экземпляр данной шпаги был разработан и принят указом от 11 октября 1880 г. (13-й год Мэйдзи) для императора (тенно / 天皇), который имел военное звание главный маршал (дайгэнсуй / 大元帥), соответствующий званию генералиссимуса. На звание главного маршала указывали шесть серебряных звезд на щитке. Следующий император решением от 14 ноября 1913 г. (2-й год Тайсё) аннулировал эту модель императорской шпаги⁵.

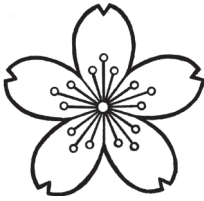
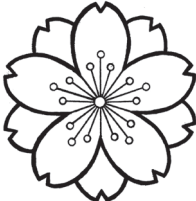
Армейская офицерская сабля образца 1875/1886 гг. (гунто / 軍刀 или кю-гунто / 旧軍刀 тип 8/19). Модель создана на основе французской сабли старших и младших офицеров и адъютантов⁶

пехоты образца 1845 г.⁷ В Японии эта модель сабли с изменениями 1886 г. (тип 19) официально состояла на вооружении до 14 февраля 1934 г., когда была заменена новым типом армейской офицерской сабли образца 1934 г. (син-гунто / 新軍刀). Однако некоторые офицеры продолжали носить кю-гунто до конца Второй мировой войны в 1945 г.⁸

Было утверждено несколько моделей кю-гунто, предназначенные для ротных офицеров, офицеров боевых подразделений (в документах они называются «офицеры полевого ранга»)⁹ и офицеров полиции (кэмпэй / 憲兵). Разница между офицерскими званиями воспроизводилась с помощью материалов рукояти: сабли для офицеров младше генералов имели рукояти из черного рога буйвола, общearмейские – из белой кожи ската, красно-вато-коричневой, темно-серой и черной полированной акульей кожи и черной неполированной (грубой текстурированной) акульей кожи.

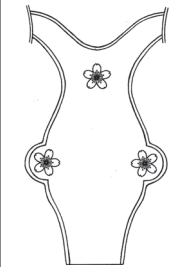
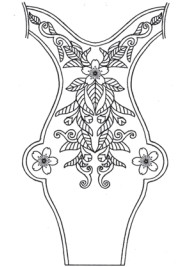
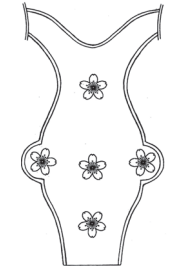
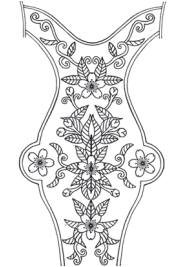
Металлические детали эфеса кю-гунто выполнялись из позолоченной латуни и обильно декорировались. Декор на эфесе имел огромное значение, так как не только указывал на чин офицера количеством цветов сакуры на спинке и корзине эфеса, но и на род войск: пятилепестковый цветок вишни (сакура / 桜) являлся знаком военной полиции (кэмпэйтай / 憲兵隊), а десятилепестковый цветок вишни (кадо-сакура / 廉桜) – знаком армии (таблица 2).

Таблица 2

Знаки ведомственной принадлежности	
	
Полиция	Армия

Количество цветов на спинке рукояти соответствовало офицерскому званию. На модификации кю-гунто тип 19 цветы сакуры стали дополнять декором из листьев, хотя количество цветов оставалось прежним и соответствовало званию служащего (таблица 3).

Таблица 3

Декор на спинке рукояти армейских кю-гунто тип 8 и тип 19 в соответствии со званиями офицеров			
			
Тип 8	Тип 19	Тип 8	Тип 19
Обер-офицеры (икан / 尉官)		Штаб-офицеры (сакан / 佐官)	
Главный обер-офицер (капитан) (<i>майи</i> / 大尉)		Главный штаб-офицер (полковник) (<i>майса</i> / 大佐)	
Средний обер-офицер (старший лейтенант) (<i>тю:u</i> / 中尉)		Средний штаб-офицер (подполковник) (<i>тю:са</i> / 中佐)	
Младший обер-офицер (лейтенант) (<i>сё:u</i> / 少尉)		Младший штаб-офицер (майор) (<i>сё:са</i> / 少佐)	

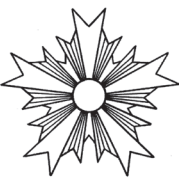
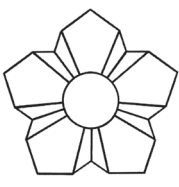
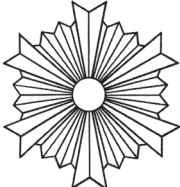


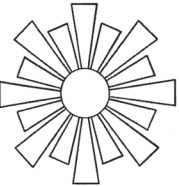

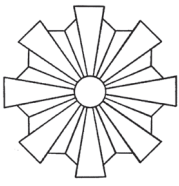
На кю-гунто тип 8/19, предназначенных для полиции, количественная система сакур была подобной кю-гунто тип 19 (таблица 4).

Таблица 4

Соответствие количества сакур на спинке рукояти кю-гунто полицейским чинам			
Звание	Звание по-японски	Соответствие званию в российской полиции	Обозначение звания на спинке рукояти сабли образца 1875–1886 гг.
Помощник инспектора	Кэйбу хо / 警部補	Капитан или лейтенант	Три цветка
Главный инспектор	Кэйбу / 警部	Майор или капитан	
Суперинтендант	Кэйси / 警視	Подполковник	Пять цветов
Генеральный суперинтендант	Кэйси-сокан / 警視総監	Генерал	Семь открытых и один полу-распустившийся цветок

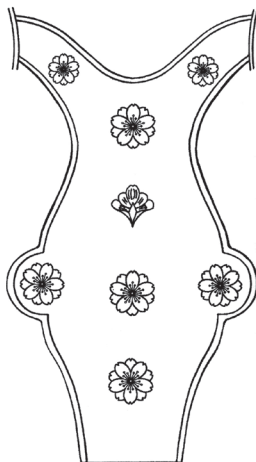
На модели кю-гунто тип 19 на верхней части спинки рукояти (навершии) стали изображать символы вида войск: десятилепестковую сакуру (кадосакуру) на саблях армейских офицеров и солнце с расширяющимися лучами на саблях полиции (таблица 5).

Таблица 5

Символы принадлежности к полиции на спинке навершия кю-гунто тип 19			
			
			

Генеральская сабля была идентична сабле образца 1875/1886 гг. (кю-гунто тип 8/19), но для её изготовления использовались дорогие материалы: рукоять сабли делалась из панциря «ястребиной» черепахи (науч. название *Eretmochelys imbricata*), чей панцирь отличался оранжево-коричневым оттенком с хаотичным сочетанием светлых и темных полос с желтыми или красными пятнами. На металлической втулке у пяты клинка часто вырезалось изображение солнца с расходящимися лучами, указывающее на принадлежность служащего к императорской армии. Эфес сабли украшен орнаментом из семи полностью раскрытых цветов и одним полураскрытым цветком пятилепестковой или десятилепестковой сакуры, в зависимости от принадлежности к роду войск (ил. 1). На саблях типа 19 изображения цветов сакур стали дополняться листьями.

На дужке рукояти декор отсутствовал. На запорной муфте (хабаки / 鉤) изображалось солнце с расходящимися лучами – символ императорской армии.



Ил. 1. Спинка рукояти генеральской кю-гунто тип 8

Специальная модель была создана для императора, она отличалась тем, что вместо сакуры на рукояти, корзине эфеса, обоймицах и навершии ножен была изображена шестнадцатилепестковая хризантема (кику / 菊) – символ императорской власти.

Варианты кю-гунто использовались также колониальными чиновниками японских военных администраций. Японские колониальные чиновники носили мечи с символами колониальной администрации, которой они служили¹. Колониальные эмблемы размещались на расширении спинки рукояти (таблица 6).



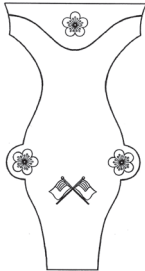



Таблица 6

Символы колониальных администраций					
					
Тайвань о-в Тайвань	Чёсэ Южная Корея	Нань Северная Корея	Циндао Шань- дунский п-ов, Китай	Канто п-ов Ляотун	Карафут Южная часть о-ва Сахалин

Хотя период созданного и поддерживаемого Японией маньчжурского государства Маньчжоу-Го (大滿洲帝國) был с 1932 по 1945 г., мы не можем не рассмотреть символы этого государства на холодном оружии. Так как ключевую роль в создании и дальнейшей жизни Маньчжоу-Го играла японская группа армий на Дальнем Востоке – Квантунская армия (Канто:гун / 關東軍), то основным видом уставного оружия для офицеров и чиновников являлась широко распространенная модель кю-гунто тип 8/19.

Декор на кю-гунто маньчжурской армии был очень схож с японским. Только вместо японских цветов вишни (сакуры) использовались цветы сливы (умэ / 梅), а на спинке добавлялись два скрещенных флага с изображением четырех горизонтальных полос красного, синего, белого и черного цвета на желтом фоне¹. На саблях цвета передавались редко, поэтому использовалось только одноцветное изображение флага с занимающим одну четвертую часть полотнища прямоугольником, разделенным на четыре горизонтальные полосы (таблица 7).

Таблица 7

Символы на спинках рукоятей кю-гунто армии Маньчжоу-Го			
			
			
Декор спинки рукояти солдатской и сержантской сабли	Декор спинки рукояти сабли офицеров низшего звена	Декор спинки рукояти старших офицеров и должностных лиц с высокой квалификацией	Декор спинки рукояти высших офицеров и генералов, получивших должность императорским указом

Таким образом, подводя итог статьи, можно сделать вывод, что принятое на вооружение в 1875 г. и модернизированное в 1886 г. уставное холодное оружие для японской сухопутной армии и полиции несло на себе несколько уровней информационного декора, а именно: государственные символы, символы императорской армии, символы отличия силовых структур (армии и полиции), символы знаков отличия военных чинов и статусный декор. По итогам изучения мы составили сводную таблицу информационного декора (таблица 8).

Таблица 8

Символы Модель холодного оружия	Символы стран (государ- ственные или колониаль- ные страны)	Символы принадлеж- ности к военной структуре (военные символы)	Знаки отличия силовых структур (армия и полиция)	Символы знаков отличия военных чинов
Кавалерий- ская офицерская сабля	Кадосакура	-	-	-
Придворная шпага/сабля	Солнце с расходящи- мися лучами	Стрекоза	-	Серебряные звезды
Армейская офицерская сабля кю- гунто тип 8/19	Знаки стран- колоний и маньчжур- ского государства	-	Цветы саку- ры – полиция, цветы кадосакуры – армия	Цветы сакуры и кадосакуры
Генераль- ская сабля кю-гунто тип 8/19	Знаки стран- колоний и маньчжур- ского государства	Солнце с расходя- щимися лучами	Цветы саку- ры – полиция, цветы кадосакуры - армия	Цветы сакуры и кадосакуры

¹ Сталкер Н. Япония. История и культура: от самураев до манги. Перев. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 295.

² Приказ о воинской повинности. [Электронный ресурс] – URL: https://www.archives.go.jp/ayumi/kobetsu/m06_1873_01.html.

³ Официальный курс новой валюты – йены (¥) в 1871 г. приравнялся к 0,78 тройских унций чистого серебра (24,26 г или 1,5 г чистого золота за 1 йену. Выпускались серебряные монеты номиналом 1 йена и золотые монеты номиналом 1, 2, 5, 10, 20 йен. В 1872 г. были введены в оборот купюры номиналом 0,5, 1, 2, 5, 10, 50, 100 иен, однако уже в следующем 1873 г. они были заменены новыми купюрами номиналом 1, 2, 5, 10 и 20 йен. С 1897 г. золотое содержание йены было установлено в 0,75 г чистого золота. [Электронный ресурс] –

URL: https://economic-definition.com/Currencies/Yaponskaya_yena_Japanese_yen_JPY_eto.html.

⁴ Сталкер Н. Япония. С. 307.

⁵ Фуллер Р., Грегори Р. Японские мечи: энциклопедия холодного оружия. М.: Астрель; АСТ, 2008. С. 29.

⁶ Большой японско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Н. И. Конрада. М.: «Советская Энциклопедия», 1970. Т. I. А–Р. С. 119.

⁷ Зарубин С. Ф., Рожецкий А. М. Русско-японский словарь: Ок. 50 тыс. слов. М.: Рус.яз, 1988. С. 670.

⁸ Sesko Markus. Encyclopedia of Japanese Swords. Lulu Enterprises, Inc. 2014. P. 397.

⁹ Ibid. P. 51.

¹⁰ Воинское звание адъютант (фр. *Adjutant*) переводится как «старшина» и соответствует тому же званию в российской армии, адъютант-шеф (фр. *Adjutant-chef*) переводится как «главный старшина» и соответствует российскому званию «прапорщик».

¹¹ Жан Лост, Патрик Резек. Сабли французской армии. Жигулевск: «Стрелец», 2009. С. 279.

¹² 今井昭夫。日本の軍用刀剣 1868–1945。陸軍編, 1990。(Имаи Акио. Японские военные мечи 1868–1945. Изд-во Рэкигун-хэн, 1990. С. 164–186).

¹³ Dawsom Jim. Swords of Imperial Japan 1868–1945. Cyclopedia Edition. Stenger-Scott Publishing. P. 57.

¹⁴ Ibid. P. 339.

¹⁵ Ibid. P. 362.

И. В. Курукин (Москва)

БОЛЬШАЯ ЦЕНА «МАЛЕНЬКОЙ ВОЙНЫ»: РАСХОДЫ И ПОТЕРИ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА 1722 г.

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД Петра I был предприятием масштабным, но недолгим. Зимой 1721/1722 г. был сформирован экспедиционный Низовой корпус; в поволжских городах развернулось строительство транспортных судов. В конце июля 1722 г. 20-тысячный пехотный корпус был высажен на дагестанском берегу в Аграханском заливе. 7 драгунских полков подошли через северо-кавказские степи. Таким же образом прибыли 10 тысяч украинских и 4300 донских казаков; позднее пришли около 4 тысяч калмыков; однако не все они участвовали в военных действиях. С учетом отставших и оставшихся в лагере в марше от места высадки до Дербента участвовало меньше сорока тысяч регулярных и иррегулярных войск.

Император планировал идти с войсками до Баку и далее до устья Куры, «если случай попустит»¹. Однако недалеко от Дербента на берегу р. Рубас (в документах ее именовали «Миликенти») поход закончился: транспортные суда разбило штормом; такая же судьба постигла и другую эскадру у о. Чеченя. От «ядовитой травы» начался падеж лошадей. Лишившись флота и провианта, Петр 5 сентября повернул армию обратно. 18 декабря император и гвардия торжественно вступили в Первопрестольную через триумфальные ворота.

Документы Сената (переписка, доношения, «ведения» и ведомости Военной коллегии, Адмиралтейства, Провиантской канцелярии, Камер- и Штатс-контор-коллегий) содержат данные о снабжении и финансировании Низового корпуса, которые позволяют хоть и не полностью оценить расходы на этот, как казалось, императору, многообещающий проект. В Ширване и Гиляне

он предполагал найти ценные товары и источники сырья для российских мануфактур, прежде всего персидский шелк, а также ценное дерево, овечью шерсть, фрукты, сахар, цветные металлы.

В данном сообщении мы попытались выделить расходы на собственно поход 1722 г. По составленной в Военной коллегии ведомости от 12 июля 1731 г., на жалование участвовавшим в нем войскам, артиллерию, амуницию, покупку судов и прочих «припасов» (без провианта) было истрачено 681 574 рубля (ниже в другой августовской ведомости приводится несколько иная цифра — 677 767 рублей)². По данным (того же 1731 г.) Штатс-контор-коллегии, на покупку и отпуск провианта для похода (без вина) в 1722 г. ушло 103 177 рублей³.

Точную же стоимость военной операции установить едва ли удастся, однако ясно, что она была еще выше. Недатированный «экстракт» чрезвычайных расходов среди представленных Сенату доношений 1723 г. той же Штатс-контор-коллегии свидетельствует, что со следовавшим в поход П. А. Толстым было отпущено 3000 червонцев, на 10 000 рублей «мягкой рухляди»⁴. В доношении от 25 октября 1723 г. среди чрезвычайных расходов указаны 5000 рублей, данных хану Аюке, и 25 000 рублей «жалования» его калмыкам⁵. Адмиралтейств-коллегия в том же 1731 г. указала сумму в 12 595 рублей, в которую обошлись «материалы и припасы», отправленные в 1722 г. в Казанское и Астраханское адмиралтейства⁶.

В походе Петру пришлось потратить 5689 рублей на покупку верблюдов и быков, 390 рублей за хомуты и телеги, 284 рубля на заведение «виноградных садов» в Дербенте⁷. Из «записной книги» бумаг формального командующего походом генерал-адмирала Ф. М. Апраксина следует, что в Дербенте Петр заплатил 443 рубля за выкуп 10 рабов-грузин и пожаловал по полтине всем бывшим налицо 6842 украинским казакам, что составило 3421 рубль. Еще 4030 рублей были выданы участвовавшим в походе и карательных рейдах в Дагестане калмыкам⁸. Камер-коллегия известила о поставке смолы в Астрахань на 1413 рублей⁹. А Медицинская канцелярия в 1731 г. сообщила, что в 1722-м ею было отпущено в Низовой корпус лекарств на 13 512 рублей¹⁰. Наконец, связанным с походом расходом можно считать и срочно направленные в Стамбул к резиденту И. И. Неплюеву меха на 5500 рублей — как средство для успокоения негативной реакции турок.

Но это еще не все траты, ибо пока автору не известен полный расход на массовое строительство ластовых судов, гекботов, ботов, шлюпок и островских лодок для похода зимой и весной 1722 г. Штатс-контор-коллегия в октябре 1722 г. доложила Сенату, что в прошлом году государь повелел увеличить расходы Адмиралтейства на 323 057 рублей¹¹. Эта огромная сумма, очевидно, не была связана с подготовкой похода на Каспий, однако строительство десантного флота должно было составлять ее часть. Упомянутый выше сенатский «экстракт» указывал, что в 1722 г. «на дело разных морских и других судов и лодок» был отпущен 47 751 рубль, и еще 3848 рублей пошло на жалование мастерам и работным людям «у судового строения».

Таким образом, получается, что короткая военная экспедиция на Кавказ обошлась больше чем в 900 000 рублей, не считая обычных расходов на армию, которые пришлось урезать. Именно чрезвычайные расходы стали главной статьёй рекордного роста трат «сверх оклада», составивших в 1722 г. 1 684 960 рублей против 290 259 рублей в 1720-м и 580 272 рубля в 1721-м. 25 октября 1722 г. Штатс-контор-коллегия констатировала: на окладные годовые расходы по важнейшим ведомствам выделено 1 750 669 рублей, а недофинансирование составляет 1 817 094 рубля. Основной причиной «недосылки» вице-президент коллегии Карл Принценстерн назвал как раз подготовку похода на Кавказ и выплату компенсации Швеции по договору 1721 г. в размере 30 318 червонцев и 347 992 ефимка¹².

Боевые столкновения были незначительными. Самым страшным «неприятелем» оказались непривычные природные условия и «вредительный» климат. Судя по итоговым октябрьским рапортам командиров отрядов регулярных войск, именно эти причины вызвали наибольшие потери в войсках. Во время короткой экспедиции 2541 человек умерли и 257 пропали без вести – без учета скончавшихся после похода больных¹³.

¹ Об этих планах сообщал А. В. Макаров в Москву 10 июля 1722 г. (Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. 4. С. 318). По утверждению участника похода Ф. И. Соймонова, план кампании включал в себя занятие Дербента и Баку, после чего должно было последовать движение к устью Куры, где царь собирался заложить город и порт; а затем марш в Грузию до Тифлиса и возвращение на Терек, – но указывал, что о таких намерениях ходил «слух во всей армии» (Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских

завоеваниях яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763. С. 99).

² См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. № 437. Л. 699, 721.

³ См.: Там же. Л. 691.

⁴ См.: Там же. Оп. 7. № 377. Л. 455.

⁵ См.: Там же. № 380. Л. 153 об.

⁶ См.: Там же. Оп. 8. № 437. Л. 728.

⁷ См.: Там же. Оп. 7. № 377. Л. 454–457.

⁸ См.: РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. № 259. Л. 207 об., 210, 229, 271–272.

⁹ См.: РГАДА. Оп. 7. № 380. Л. 153 об.–154.

¹⁰ См.: Там же. Оп. 8. № 437. Л. 702.

¹¹ См.: Там же. Оп. 7. № 380. Л. 149.

¹² См.: Там же. Л. 154 об.

¹³ См.: Курукин И. В. На пути в Индию: Персидский поход 1722–1723 гг. М., 2015. С. 27.

О. Р. Кушнир (Санкт-Петербург)

ПРОПАГАНДА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРОФЕЙНОГО ВООРУЖЕНИЯ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННЫХ ГАЗЕТ)

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ – дивизионные, армейские, фронтовые – во время Великой Отечественной войны были основным источником информации для бойцов, находящихся на передовой. Одновременно военные газеты содержали основной материал для воспитателей личного состава, особенно для политработников первичного звена – партторгов и политруков подразделений.

Задачи красноармейских газет с началом войны определялись директивой начальника главного политического управления Красной Армии № 049 от 23 июня 1941 г. Главной задачей являлось воспитание мужества, героизма, «военного искусства», что включало изучение врага, его «приемов» и вооружения, в том числе на основе опыта боев!

1

Первое упоминание о захваченных трофеях в сводках Совинформбюро относится к 27 июня 1941 г. Сводка от 16 июля 1941 г. впервые содержит пример применения трофейного оружия: некто боец Болдаев захватил и использовал вражеский пулемет.

Несмотря на то, что боевые действия за Ленинград на сухопутном фронте открылись на три недели позже начала войны, ленинградские газеты освещали насущные вопросы на одном уровне с центральными. Но боевые действия на ленинградском направлении начались столь быстро и угрожающе для города, что газеты Ленинграда раньше центральных затронули две важные проблемы: сбережение военного имущества и подвоз в войска.

Действия войск Северо-Западного фронта 4–9 июля 1941 г. под Островом и Псковом, предопределившие ход боев на дальних подступах к Ленинграду, показали, как много имущества уничтожалось и оставлялось, как плохо снабжались войска боеприпасами из-за отсутствия транспорта². 5 августа 1941 г. газета Ленинградского военного округа (затем фронта) «На страже Родины» вышла с передовицей «Береги военное имущество»: *«неправильно думать, что экономно расходовать, беречь, заботливо относиться к военному имуществу можно только в мирное время, а сейчас, мол, война, сейчас не до этого»*. 8 августа газета бросила клич: «Береги свое оружие, отбивай оружие у врага!», 12 августа стала строже: *«Халатное отношение к оружию преступно, а на поле боя – втройне»*, а 11 сентября высказалась еще резче: *«Оставлять винтовку, пулемет, орудие на поле боя равносильно измене, ибо враг обратит их против нас»*. Похожим образом «На страже Родины» говорила о важности подвоза. 7 августа 1941 г. вышла статья «С боеприпасами задержки не бывает», где пример одной из частей приводился явно как образцовый, 12 августа газета поместила статью «Боеприпасы на переднем крае» – о своевременности подвоза, 14 августа – статью «По лесным дорогам и тропам», об особенностях (читай – трудностях) подвоза боеприпасов при боях в лесу, а 19 августа 1941 г. в статье «Доставка боеприпасов – ответственная боевая задача!» газета заявила: *«Всякие, даже малейшие перебои в снабжении фронта могут губительно отразиться на ходе операции»*. В период активной эвакуации оборонных предприятий из Ленинграда, с началом блокады, обстановка стала тяжелее, что отразилось на тоне газетных статей. 4 сентября 1941 г. в газете «На страже Родины» появились статьи с характерными названиями: «Со снарядами через огненное кольцо», «Ремонт оружия на поле боя». 6 сентября третья полоса была газеты озаглавлена призывом к рабочим оборонных предприятий: «Больше снарядов, патронов, боеприпасов фронту!» В номере от 29 сентября газета поместила передовую статью под названием «Отлично сберегать оружие на поле боя – священный долг каждого воина». 6 октября «На страже Родины» вышла со статьей «Неустанно заботиться о сохранении материальной части», посвященной уходу за грузовиками, а на следующий день опубликовала серию заметок под общим названием «Водитель, экономь каждый грамм горячего!».

Как тяжело было на фронте с оружием, можно понять из следующих публикаций во фронтовой газете. 27 августа 1941 г.: статья «Жаркая схватка за городок Н.», и боец Савочкин, раненый шесть раз, но не бросивший «часть миномета, которую нес», и еще подобранный 2 винтовки, 6 гранат и противогаз. 19 сентября: статья «Сборщик оружия» о бойце Новосадове, которого назначили снабжать батальон боеприпасами, а он еще добровольно взялся собирать оружие и собрал «около» 40 винтовок и автоматов и два ящика гильз. 23 сентября уже рассказывается о деятельности не одиночных сборщиков, но целого «взвода по сбору оружия». 14 октября, в рубрике «Герои Отечественной войны» газета рассказала о сержанте Викторе Козлове, которому пулемет Максима исковеркало взрывом – *«и даже обломки пулемета Козлов не оставил на поле боя. Он взял его с собой, сдал в мастерскую»*. 26 октября 1941 г., в рубрике «Вести с фронта» – об оружейниках Шафите, Черткове и Власове, которые вынесли под огнем поврежденные минометы и за два часа отремонтировали их; кроме того, за одну ночь исправили 155 винтовок и 9 ручных пулеметов.

В такой обстановке к использованию трофейного оружия пришлось прибегнуть очень скоро. Газеты сначала приводили случаи применения вражеского оружия скорее как примеры лихости и смекалки советских бойцов, но под Ленинградом это применение стало насущной необходимостью. Характерными стали статьи, в которых говорится не просто об использовании трофеев, захваченных ранее, – речь уже шла об охоте за вражеским оружием во время боя. 10 августа 1941 г. «На страже Родины» напечатала «Рассказы о мужестве и героизме»: у сержанта Сапливо осколком мины повредило винтовку; *«тогда сержант сделал короткий бросок вперед, схватил автомат убитого финна и начал бить врагов из их собственного оружия»*. В том же номере – статья «Кировцы», в которых угадываются курсанты Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова, оборонявшие Лужский рубеж в районе Кингисеппа: после отражения атаки пулеметчики Крылов и Бушляков выползли к немецким трупам и «загрузились трофеями»: *«они принесли больше тысячи патронов в лентах (фашисты хотели установить здесь пулемет), несколько винтовок, ранец, сумку; в общем, захватили, сколько было двоим под силу»*. После таких примеров газете оставался один шаг – официально призвать войска фронта к массовому применению

трофейного оружия – и она сделала его 12 августа 1941 г. В тот день «На страже Родины» в рубрике «Беседы агитатора» поместила статью батальонного комиссара М. Моценока «Береги оружие на поле боя», которую имеет смысл процитировать подробно:

«Советский воин не только бережет свое оружие. В бою он стремится лишить врага оружия, захватить у врага вооружение и повернуть его против него. Так, подразделение младшего лейтенанта Первушина забросало белофиннов их же собственными гранатами. В подразделении старшего лейтенанта Сморгунова вспоминают, как разведчики, пробравшись в тыл врага, захватили два вражеских станковых пулемета и уничтожили ими две роты противника.

Недавно группа красноармейцев под командованием майора Рольникова совершила смелый набег на неприятельские артиллерийские позиции. Группа захватила два орудия и 130 снарядов. Повернув орудия в сторону врага, бойцы выпустили все снаряды по фашистам.

Дерзость и смелость должны быть проявлены бойцом в захвате вражеского вооружения. В подразделении капитана Никонова стало хорошей боевой традицией не возвращаться из ночных поисков и разведки без трофейного оружия».

На следующий день газета выразила ту же мысль лапидарно и страшно: «Если нет в руках оружия, добудь его у противника».

26 ноября 1941 г. «На страже Родины» начала пропагандировать изучение трофейного оружия («Изучили немецкий автомат»): «В части, где военкомом т. Назаров, бойцы в свободное время изучают трофейное автоматическое оружие. Все красноармейцы подразделения лейтенанта Антонова отлично освоили немецкий автомат. «Будем бить врага его же оружием», – говорят бойцы».

Таким образом, к концу 1941 г. войскам Ленинградского фронта официальная пропаганда рекомендовала массовое и постоянное использование трофейного вооружения.

2

После речи И. В. Сталина 6 ноября 1941 г. об «истреблении» оккупантов упоминания о применении трофеев в газете «На страже Родины» исчезают (если не считать случаев перебрасывания гранат). Однако в боях зимы 1941/1942 г. войска израсходовали и утратили огромное количество вооружения и боеприпасов.

В начале 1942 г. обеспеченность фронтов стрелковым оружием составляла 18–61 %, минометами – 31–47 %, орудиями – 38–100 %³. Мобилизационные запасы боеприпасов в 1941 г. были исчерпаны, а промышленность не справлялась с поставками. 25 декабря 1941 г. директивой Генерального штаба был установлен лимит расхода выстрелов на январь 1942 г., который для Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов был минимальным: 2–2,5 боекомплекта⁴. Путь через Ладожское озеро обеспечить Ленинградский фронт боеприпасами не мог. Даже в советской литературе, несмотря на утверждения об «увеличении огневой мощи» защитников города и «непрерывном потоке» грузов по Ладоге, признается, что в 1942 г. в боеприпасах фронт испытывал «острый недостаток»⁵. Поэтому с января 1942 г. пропаганда использования трофеев на страницах газеты возобновляется и развивается с заметным нарастанием.

Если сначала «На страже Родины» говорила, как и раньше, о захвате оружия в бою и немедленном использовании, то 7 марта 1942 г. впервые рассказала о ночном налете, явно совершенном ради накопления оружия: младший сержант Железнов подкрался к блиндажу, снял часового, взял пулемет и вернулся в часть⁶. 12 марта в статье «Сборщики оружия» газета поведала о «трофейнике» Федорове, который нагрузил волокушу собранным оружием, но нашел раненого и сгрузил винтовки. «Однако нельзя оставлять и оружия», поэтому Федоров взял на ремень винтовок, сколько смог, и набил карманы гранатами. Появляются фотографии бойцов с трофейным оружием: 6 марта 1942 г. – с немецким автоматом, 8 марта – у разведчиков, возвращающихся из поиска, видны два немецких пулемета МГ-34, 20 марта 1942 г. «На страже Родины» впервые поместила фото, на котором трофейное оружие не просто рассматривают либо переносят, но используют в бою (финский ручной пулемет Лахти-Салоранта).

29 марта 1942 г. «На страже Родины» ступила на новый уровень в пропаганде трофеев. В номере за тот день на третьей странице были развернуты лозунги: огромными буквами – «Поворачивай трофейное оружие против врага», ниже, мельче – «Красные воины, овладевайте вооружением, отбитым у фашистов! Направляйте на гитлеровских псов огонь трофейных пушек, минометов, автоматов!». И дана статья И. Начинкина «Из немецких минометов – по фашистам!», в которой автор констатирует: *«многие наши минометчики успешно используют захваченное*

в боях у противника трофейное оружие», – и, осветив отличия немецкого миномета от советского, советует, как приноравливаться к стрельбе, в том числе, трофейными минами калибра 80 (так у Начинкина) миллиметров. Затем Начинкин повествует, как он подобрал неисправным, быстро отремонтировал и использовал в бою немецкий пулемет, и заканчивает статью фразой жирными буквами: **«Сейчас мы ведем бои в лесисто-болотистой местности. Доставка боеприпасов в этих условиях затруднена. Поэтому необходимо широко использовать трофейное оружие и боеприпасы. Каждый боец, командир и политработник должен знать оружие врага и уметь бить этим оружием его бывших хозяев»**. В номере за 15 апреля 1942 г. вновь рассказано о применении трофейных минометов, и даже о соревновании в одном из подразделений по скорейшему изучению трофейного оружия, в первую очередь – стрелкового.

21 апреля 1942 г. «На страже Родины» посвящает теме 3-ю страницу уже полностью: «Как мы используем трофейное оружие в боях с немецкими фашистами. Из боевого опыта бияковцев» (очевидно, речь шла о 311-й стрелковой дивизии генерал-майора С. Т. Биякова). Сначала приводится большая статья самого Биякова, в которой есть интересное место: *«Часто среди трофеев попадает оружие с небольшими повреждениями. Такое оружие быстро чинится в оружейных мастерских»*. Видимо, такой ремонт был поставлен на широкую ногу, что подтверждается самой интересной заметкой блока – «Из немецкого автомата – по немцу» старшего лейтенанта И. Ребкало. Автор начинает со смелого откровения: «В моей роте большинство бойцов вооружено автоматами, захваченными у врага». Правда, Ребкало тут же выравнивает: *«Поначалу бойцы относились к немецкому автомату с недоверием. В самом деле, проверка показала, что боевые качества нашего автомата много выше немецкого. Но отступающий враг оставляет на поле боя такое количество оружия и патронов, что грешно не воспользоваться ими»*. *«Сейчас многие бойцы изучают немецкий автомат, чтобы в ближайшем же бою, захватив трофеи, использовать их, как говорится, с ходу. Мы с политруком роты всячески поощряем такую инициативу»*. Третья заметка – о захваченной в бою пушке, развернутой на врага импровизированным расчетом, а в четвертой статье, «Хорошая традиция», автор С. Кара хвалит бияковцев за «традицию» направлять вражеское оружие на врага и дает оценку: «есть в этом военный расчет

и хорошая воинская лихость». Иллюстрирует страницу фото красноармейцев с пулеметом МГ-34.

Возможно, газетная пропаганда и дальше развивалась бы в этом направлении, но 1 мая 1942 г. вышел приказ И.В. Сталина, в котором вождь призвал бойцов стать мастерами своего оружия: винтовки, пулемета, миномета⁷. С этого момента «На страже Родины» стала посвящать каждый номер какому-нибудь виду отечественного оружия, и на таком фоне пропаганда вражеского выглядела бы неуместно. Однако война требовала своего, и, выдержав требуемую приличиями паузу, уже 6 мая газета поместила на 1-й странице фото с немецким пулеметом на первом плане и надписью: «передовой командир лейтенант Н. Маковка проводит занятия по изучению немецкого пулемета». Трофеям больше не отводится целая страница, но внимание газеты к ним не ослабевает. Так, 13 августа 1942 г. газета поместила статью сержанта А. Десятых «Отделение в наступлении» (т. е. с претензией на официальное наставление), в которой дан *«еще один совет. НАДО УЧИТЬ БОЙЦОВ УМЕНИЮ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТРОФЕЙНЫМ ОРУЖИЕМ. Когда нам удалось захватить вражеский пулемет, я сейчас же повернул его в сторону немцев. Огонь отделения значительно усилился»*. В октябре возвращаются заметки об охоте за оружием: 4 октября (разведчики захватили 32 (!) ручных пулемета), 10 октября (младший сержант Кочугин захватил пулемет, «воспользовавшись замешательством» немцев), 13 ноября (пулеметчики, перебив расчет немецкого пулемета, бросились вперед и захватили его), 15 декабря (разведчики захватили 11 автоматов).

В 1942 г. газета зафиксировала новую тенденцию – к присвоению трофейного оружия. Полагалось сдавать трофеи в штаб части, и, судя по публикациям, в первые месяцы войны это правило выполнялось. Но 18 октября 1941 г. в газете «На страже Родины» впервые упомянут захваченный при штурме пулемет, который отправили в тыл «за неимением патронов». Далее, до конца 1943 г. ночной налет на вражеские передовые позиции официально был основным способом действий разведчиков. Взять таким способом пленных было чрезвычайно трудно, и часто захват вражеского оружия (или другого имущества) был доказательством удачности поиска или даже самого факта его проведения. Приток трофеев этим путем стал настолько обыденным явлением, что наметилась градация: какое оружие сдавать, а какое оставлять себе. Например, в номере газеты от 13 марта 1942 г.

сказано: *«Разведчики во время ночных вылазок успели хорошо вооружиться фашистскими пистолетами и автоматами. А пять тяжелых пулеметов передали в часть»*. Столь хозяйское отношение стало распространяться и среди остальных бойцов. 18 апреля 1942 г. газета рассказала о сержанте-пулеметчике, отстреливавшемся из трофейного пистолета⁸. В рассказе о бияковцах 29 апреля 1942 г. упомянут некий боец Солодин, который говорит о немецком автомате почти как о личной собственности: *«Из этого вот автомата фашистский мерзавец сразил моего друга, Василия Ильина. Я убил ефрейтора и отобрал автомат. Из него я убую не один десяток фашистов. А после войны, если разрешат, привезу автомат домой, повешу на стенку как память»*.

Еще один характерный признак газетной пропаганды 1942 года – появление заметок об использовании не только стрелкового оружия и артиллерийских орудий, но и других трофейных средств: гранат, противотанковых мин, радиостанций.

3

1943 год – пик популяризации трофеев. Так случилось, во-первых, благодаря приказу заместителя народного комиссара обороны генерал-полковника интендантской службы Хрулева от 5 января 1943 г., введившему Положение о работе трофейных органов по учету, сбору и вывозу трофеев. Приказ лишь закрепил сложившуюся практику: трофеи засчитываются в табельную потребность войск; захваченное в бою вооружение остается в войсках⁹. Но благодаря приказу трофеи в руках советских солдат получили «права гражданства», а пропаганда их применения получила новый толчок. Заметно учащаются газетные статьи, в которых бойцы, умеющие обращаться с трофейным оружием, не просто упоминаются, а нахваливаются как «знатоки», «мастера», «настоящие, бывалые солдаты» и даже «герои»¹⁰.

Появляется возможность использовать слова вождя. 1 мая 1943 г. состоялся приказ № 195, потребовавший совершенствовать боевую выучку, изучать опыт войны и воевать так, как нужно для победы¹¹. 5 мая в газете «На страже Родины» появилась заметка красноармейца А. Холмянского, который заявил: *«В первомайском приказе Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин приказал нам продолжать без устали совершенствовать свое боевое мастерство. Неоценимую услугу нам, людям передовой линии, в этом деле должны оказать наши газеты. В бою*

мы часто находим или захватываем автоматическое оружие врага с большим запасом боеприпасов, но не всегда умеем пользоваться им. Красноармейские газеты поступят правильно, если периодически будут рассказывать о главнейших видах вооружения противника, о способах пользования им».

Газета вняла гласу народа даже раньше, чем он прозвучал. В 1943 г. на 4-й странице существовала рубрика «Изучай оружие врага», в которой 29 апреля была помещена заметка о немецком пистолете-пулемете МП-38/40, 22 мая – о 50-мм миномете, 27 мая – о пистолете-пулемете МП-18/28.

В 1943–1944 гг. окончательно оформляется способ изучения трофейного вооружения в войсках. В период наступательных боев зимы 1942/1943 г. в Красной Армии произошло официальное разделение солдат на «бывалых» и «молодых»¹². Первые должны были передавать вторым боевой опыт, в том числе – использования трофейного оружия. Поэтому в 1943 г. характерными становятся статьи с фразами-признаниями вроде *«в это время подполз ко мне ефрейтор Алексей Попов. Он быстро схватил немецкий пулемет и открыл из него огонь по фашистам. С завистью смотрел я на своего товарища и ругал себя, что не научился пользоваться трофейным оружием»*¹³.

В системе всеобща призывники обучались владению оружием поверхностно. Прибывая в войска, они в лучшем случае умели обращаться с винтовкой Мосина, остального оружия не знали (часто просто боялись его), и в бою это приводило к тому, что при выходе из строя штатных расчетов тяжелое пехотное оружие простаивало. Навыки владения оружием молодым бойцам пришлось прививать в ходе службы. С лета 1943 г. в армии распространяется движение по изучению каждым бойцом шести видов пехотного оружия – винтовки, автомата, ручного и станкового пулеметов, противотанкового ружья и ротного миномета, – а вместе с ними и трофейного: *«помимо изучения отечественного оружия, комсомольцы приступают к изучению трофейного пулемета МГ-34 и немецкого противотанкового ружья»*¹⁴. Пропагандистская идея была такой: опытный или просто толковый, уважающий себя воин обязан уметь вести бой любым оружием, при необходимости и вражеским. Таким образом, с 1943 г. изучение и использование трофейного вооружения позиционируется как нормальное, обыденное явление. Это видно также из описаний «кабинетов трофейного оружия», организованных в 1944 г. Артиллерийским

историческим музеем в тыловых подразделениях и госпиталях¹⁵, состоявших из винтовок, автоматов, пулеметов, гранат, мин и противогазов, находившихся на вооружении в германской, венгерской, румынской и финской армиях¹⁶. А вот сцена в ленинградском Доме всеобуча: *«Грузовой автомобиль остановился у подъезда старинного ленинградского дома. На грузовике лежали немецкие пулеметы, минометы, автоматы, винтовки, гранаты. Несколько человек, взяв трофейное оружие и поднявшись по мраморной лестнице, начали разносить его по комнатам большого дома. Трофейное оружие установили на специальных стендах. На стенах появились щиты, рассказывающие об устройстве пулеметов, автоматов, гранат. Люди в гимнастерках, пиджаках, свитерах изучали оружие врага»*¹⁷.

Скудное снабжение боеприпасами и, следовательно, зависимость от трофеев на Ленинградском фронте оставались до конца войны. В ходе наступления зимой 1942–1943 гг. войска Красной Армии вновь израсходовали гигантское количество вооружения, а Ленинградский фронт после операции по прорыву блокады в январе 1943 г. практически остался без боеприпасов¹⁸. В январском наступлении 1944 г. бойцы фронта расстреляли в среднем по 4 патрона на винтовку, что может доказывать: наученные горьким опытом, на Ленинградском фронте, как могли, сэкономили боеприпасы¹⁹. Снаряды для той же операции пришлось из ГАУ «выколачивать», и сделать это не удалось: ими снабжались в первую очередь центральные и южные фронты²⁰. А в марте 1945 г. 8-я гвардейская стрелковая (Панфиловская) дивизия в составе 10-й гвардейской армии участвовала в местном наступлении войск Ленинградского фронта в Курляндии, попала в окружение, и командующий армией М. И. Казаков попросил у командующего фронтом Л. А. Говорова добавить боеприпасов. Тот отказал: «Боеприпасов, кроме тех, что уже отпущены, армия не получит. Их нет на складах фронта». Панфиловцы продолжили воевать трофеями, нося по два автомата: свой и немецкий²¹.

Последний всплеск статей с примерами использования трофеев в бою произошел в ленинградских газетах в первой половине 1944 г. – по опыту операции по снятию блокады. С лета 1944 г. примеры иссякают, и пришлось повторяться: так, историю подвига Н. Залетова, первого на фронте полного кавалера ордена Славы, захватившего в январе 1944 г. немецкий дот с пулеметом, из которого он уничтожил 11 врагов, в 1944 г. напечатали трижды²².

Последние свежие примеры, в которых воины из Ленинграда используют в Берлине немецкие реактивные минометы и фаустпатроны, помещены в газете «На страже Родины» в конце мая 1945 г.²³, поэтому должны быть отнесены уже не к пропаганде насущного боевого опыта, а в разряд военных мемуаров.

4

Рассказы о применении трофеев также являлись формой пропаганды. Если судить по частоте газетных упоминаний, то самым популярным вражеским оружием был немецкий пулемет МГ-34 (другие образцы не выделялись). Трофейный пулемет был не только серьезным подспорьем в бою (см. выше слова А. Десятых), но иногда и последним шансом («*Товарищ командир, в землянке немецкие пулеметы*». – «*Где?*» – *обрадовался Прокудин*»²⁴). Советские пулеметчики не только применяли МГ вместо поврежденного отечественного пулемета – подчас они добывали немецкий пулемет в дополнение к своему, используя его, например, при перегреве отечественного²⁵. Пропагандистская попытка представить после приказа 1 мая 1942 г. пулемет Максима достойным соперником МГ провалилась – настолько немецкий пулемет по своим характеристикам превосходил отечественный. «На страже Родины» однажды – уникальный случай – даже поместила чуть завуалированную похвалу немецкому пулемету: «*Фриц ни на что не годиться, кроме как на падаль, а машина его в наших руках палит дуже гарно*»²⁶.

Применение артиллерии описывалось стереотипно: в бою захвачены орудия, тут же составляются расчеты, и по противнику открывается огонь. В одном случае стрелять заставили пленных артиллеристов; в двух других упомянуто уничтожение вражеского самолета из захваченных зениток. С 1943 г. трофейные батареи стали постоянными, проходила заблаговременная тренировка расчетов²⁷. Из образцов упоминались немецкие 105-мм гаубицы, 75-мм противотанковые пушки и 37-мм зенитные пушки. Минометы отмечены реже пушек; широко использовались немецкие мины при стрельбе из отечественных минометов.

Автоматы (пистолеты-пулеметы) применялись, в основном, как вспомогательное оружие: когда заканчивались патроны к штатному либо для усиления автоматического огня. В первый год войны этот вид оружия, видимо, с непривычки, иногда именовали «пистолеты-автоматы», а также относили в разряд ручных пулеметов. В текстах образцы не выделялись, но на фотографиях

у советских бойцов видны МП-38 или МП-40, финские «Суоми»; одно фото, 1944 г., зафиксировало немецкую штурмовую винтовку МП-43.

Гранаты применялись, когда заканчивались патроны к стрелковому оружию. В трети приведенных случаев гранаты перебрашывались. Бойцы заявляли о превосходстве советских гранат в мощности, но невольно отметили удобство немецких гранат с длинными деревянными ручками. Однажды упомянуты гранаты-«кругляшки» (возможно, немецкие яйцеобразные ручные гранаты обр. 1939 г.), которые разносились по траншее в котелке, и однажды – немецкие противотанковые гранаты.

Стрельба из трофейных винтовок (карабинов) в большинстве случаев велась только после того, как заканчивались и гранаты. В половине эпизодов подчеркивалось использование отбитых винтовок в бою штыками и прикладами.

По три раза упомянуто использование трофейных танков, немецких систем залпового огня, пистолетов, а также мин, обезвреженных и переставленных советскими саперами. В октябре 1944 г. приведено использование некоего «трофейного противотанкового ружья», стрелявшего «пулями»²⁸. Самые «экзотические» случаи – это трехдневный рейд по немецким тылам на немецком же танке с вражескими опознавательными знаками в 1942 г.²⁹, а также использование воентехником 2-го ранга В. Рябовым летом 1941 г. трофейных зажигательных бутылок для уничтожения вражеских танков³⁰.

Из небоевого имущества достаточно много говорилось об использовании трофейных радиостанций. Сначала их применяли только после выхода из строя отечественных, затем – и как основное средство. В радиостанции вносились изменения для подключения к ним отечественных батарей; устраивались курсы по изучению немецких станций. Важность этих трофеев подчеркивает такой случай начала 1943 г.: разведчик в тылу врага убил немецких корректировщиков, их радию закопал в снег и при возвращении забрал ее³¹. Один раз упомянуто использование немецкого телефонного провода.

5

Прямых награждений за применение трофеев не было; в таких случаях награждали за находчивость, решительность и меткую стрельбу. Более того, если газета с удовольствием описывала

использование героем вражеского оружия, то в наградном листе на того же человека такое использование могло опускаться – вероятно, чтобы не повредить безупречному виду подвига. (Например, красноармеец Анатолий Островский, представленный к ордену Красного Знамени в феврале 1943 г., по газете, снял пулемет с горящего немецкого танка, а по тексту представления – просто с танка³²). Наиболее приближается к непосредственному награждению за трофеи случай, описанный сержантом М. Сосюком в газете «На страже Родины» 12 мая 1943 г.: *«Приезжал к нам недавно генерал-майор артиллерии. «Вы получите трофейное немецкое орудие», – сказал он, – «изучите его побыстрее». И назвал сжатый срок. «Приеду, лично буду проверять стрельбу».* Последний абзац в статье дан жирным: **«За отличную стрельбу генерал-майор артиллерии объявил расчету благодарность, меня и наводчика Качина наградил медалями «За боевые заслуги».**

На возможное преследование за увлечение трофеями намекает только одна статья, красноармейца Л. Хитрова, «За ученого трех неученых дают» («На страже Родины», 8 октября 1942 г.): *«Я взялся за немецкий пулемет и свинцом отсек фашистам-минометчикам подходы к огневой позиции. До этого случая мне иногда говорили: «И чего ты, Хитров, так к трофейному оружию пристрастился? Разве наше хуже?» – «Знаю, что не хуже», – отвечал я, – «но на войне все знать надо».* В войну СССР вступил с пропагандистским постулатом: в результате сталинских пятилеток в стране построена мощная промышленность, снабжающая армию самым современным вооружением. Правда, с началом войны эта идея несколько уравновесилась другой, действовавшей до ноября 1943 г.: гитлеровцы, ограбившие пол-Европы, временно превосходят Красную Армию в количестве техники и вооружения. Появившиеся в первый месяц войны и повторявшиеся до ее конца статьи об использовании трофеев, подписанные комиссарами, и примеры такого использования коммунистами (комсомольцами), безусловно, означали «можно» со стороны партии. 7 октября 1942 г. «На страже Родины» описала использование трофейных автомата и гранат сержантом НКГБ, что, возможно, было неким разрешением и с этой стороны. К описанным пропагандистским уловкам можно добавить еще одну: в некоторых статьях стрельба трофейными боеприпасами изображалась как гадливое избавление от фашистского имущества³³. И все же

хитрый Хитров недаром ответил столь грамотно: любитель вражеского оружия мог подпасть под статью 58 Уголовного кодекса СССР 1926 года, «Контрреволюционные преступления», в частности, ст. 58–10, «Пропаганда и агитация», что в военное время каралось смертной казнью. Можно предположить такое обыкновение, вполне характерное для отечественной жизни: если человек оказывался на плохом счету, чрезмерное пристрастие к вражескому оружию ему могло засчитываться как дополнительный минус.

¹ Лютов С. Н. Организация военно-политической пропаганды в первые месяцы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – Т. 10, вып. 1. История. Новосибирск, 2011. С. 206.

² Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М.: Русская книга, 1992. С. 127, 134–135.

³ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.; Тула: 1977, Кн. 1. С. 412.

⁴ Там же. С. 425.

⁵ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая земля. Л.: Наука, 1975. С. 199, 264, 208–209.

⁶ Вести с фронта // На страже Родины, 7 марта 1942 г.

⁷ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза М: Воениздат, 1949. С. 57.

⁸ Кто больше истребляет фашистских оккупантов // На страже Родины, 18 апреля 1942 г.

⁹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). М.: ТЕРРА, 1997. Т. 13 (2–3). С. 17.

¹⁰ Изучаем трофейное оружие // Боевые резервы, 2 марта 1943 г.; Это и есть мастерство! // На страже Родины, 5 марта 1943 г.; Красноармеец Александр Зуев (рубрика «Герои нашего фронта») // На страже Родины, 4 апреля 1943 г.; Доблесть сержанта Сомова (рубрика «Герои нашего фронта») // Боевые резервы, 3 декабря 1943 г.

¹¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М: Воениздат, 1949. С. 102.

¹² Учиться у бывалых бойцов (передовая) // На страже Родины, 9 января 1943 г.; Про молодого и бывалого бойцов // На страже Родины, 10 марта 1943 г.; Генерал-лейтенант танковых войск Сусайков И. О бывалом солдате, ефрейторе и ротных традициях // Красная звезда, 25 апреля 1943 г.

¹³ Гаврюшин Н. В чем я позавидовал ефрейтору Попову // На страже Родины, 9 мая 1943 г.

¹⁴ Тишкин В. Изучим 6 видов пехотного оружия // Боевые резервы, 17 декабря 1943 г.

¹⁵ Осенью 1942 г. в Доме Балтийского флота была устроена выставка трофейного оружия, на которой давались консультации; кроме того, Дом флота готовил инструкторов по обучению обращению с трофейным оружием («Ленинградская правда», 22 сентября 1942 г.).

- ¹⁶ Подвижные кабинеты трофейного оружия // На страже Родины, 16 апреля 1944 г.;
- ¹⁷ Кардов А. Дом всеобуча (рубрика «В городе Ленина») // На страже Родины, 8 января 1944 г.
- ¹⁸ Демидов В. И. Снаряды для фронта: Документальная повесть. Л.: Лениздат, 1985. С. 218, 222–223; Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.; Тула, 1978. Кн. 2. С. 8, 10, 65.
- ¹⁹ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 122.
- ²⁰ Одинцов Г. Ф. Повелители огня. Л.: Лениздат, 1980. С. 188.
- ²¹ Казаков М. И. А мы с тобой, брат, из пехоты... Рига: Лиесма, 1979. С. 231–233.
- ²² Флаг над дотом. Подвиг старшего сержанта Николая Залетова // На страже Родины, 23 января 1944 г.; Богатырь Ленинграда // На страже Родины, 7 октября 1944 г.; Путь гвардейца // На страже Родины, 13, 15, 16 ноября 1944 г.
- ²³ Ленинградцы в Берлине // На страже Родины, 27 мая 1945 г.; По врагу из его же орудия // На страже Родины, 30 мая 1945 г.
- ²⁴ Это и есть мастерство! // На страже Родины, 5 марта 1943 г.
- ²⁵ Из трофейного оружия // Ленинградская правда, 9 мая 1944 г.; Пулеметчик Гребенчук // На страже Родины, 9 августа 1942 г.
- ²⁶ Пулеметчик Гребенчук // На страже Родины, 9 августа 1942 г.
- ²⁷ О важности трофейных орудий говорит заметка в «Красной звезде»: трофейная батарея вела огонь, снаряды закончились, и командир устроил налет на вражеский склад боеприпасов (Из вражеских пушек – по врагу // Красная звезда, 7 декабря 1943 г.).
- ²⁸ Конец «фердинанда» // На страже Родины, 13 октября 1944 г.
- ²⁹ Трофейные танки идут на врага. Отважные действия пяти разведчиков // На страже Родины, 8 мая 1942 г.
- ³⁰ Трофейными гранатами по фашистским танкам // На страже Родины, 21 августа 1941 г.
- ³¹ Про молодого и бывалого бойцов // На страже Родины, 10 марта 1943 г.
- ³² Подвиги молодых ленинградцев // На страже Родины, 16 февраля 1943 г.; интернет-ресурс «Память народа»: Анатолий Николаевич Островский, 1924 года рождения, призван Всеволожским РВК, на службе с 20 августа 1942 г., служил в 1 батальоне 35-й отдельной лыжной бригады, отличился в боях 11–13 февраля 1943 г. у дер. Чернышово, награжден орденом Красного Знамени.
- ³³ Фронтовой юмор // На страже Родины, 17 апреля 1942 г.; Партгруппа взвода в бою // На страже Родины, 8 января 1944 г.

С. С. Лебедева (Санкт-Петербург)

ЗАРУБЕЖНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ (1920–1938)

Т РАДИЦИЯ УВАЖЕНИЯ и заботы о людях, потерявших здоровье на полях сражений, с давних времен укоренилась в дореволюционной России. Начиная с петровской эпохи, к увечным военным проявлялось особое внимание. Петр I считал, что военные, уволенные по увечью или болезни в результате военных действий, могут принести пользу на государственной службе, занимать ответственные посты.

Использование организационных и деловых способностей пожилых людей, бывших военных, имеющих ограничения по физическому здоровью, было характерно для всего периода от начала XVIII до XX в. Об этом свидетельствует факт назначения комендантов Петропавловской крепости, многие из которых имели серьезные ранения после участия в военных действиях. Неудивительно, что одновременно они занимали должность начальника Чесменской военной богадельни. Организация бытового обслуживания, а также культурная деятельность этого социального учреждения находились на высоком уровне в течение всех лет его существования. Такой же заботой были окружены и другие подобные учреждения, где находились бывшие воины, нуждавшиеся в опеке государства.

Необходимо отметить, что императорская семья, крупные военные и гражданские чиновники выступали жертвователями больших денежных средств и материальной помощи, особенно в XIX – начале XX вв.: в период Отечественной войны 1812 года, Крымской кампании, войны на Балканах, Русско-японской и Первой мировой войн.

Неудивительно, что непосредственную организацию социальной помощи на местах, как правило, поручали именно военным.

Долгие годы военной службы, часто в экстренных обстоятельствах, развили их организаторский талант, умение находить выход из трудных положений.

В трагической ситуации после революции 1917 г. и Гражданской войны русские военные инвалиды, оказавшиеся не по своей воле за рубежом, сумели объединить соотечественников, бывших подданных Российской империи, с различным социальным статусом и возможностями существования, живущих в разных странах, для создания общей организации, защищающей право инвалидов на достойную жизнь.

В апреле 2003 г. в архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи из-за границы поступили исторические документы (Ф. 60. Оп. 1. Д. 98). Среди них были материалы о деятельности Зарубежного Союза русских военных инвалидов (1920–1938 гг.).

В 2020 г. исполнилось 100 лет деятельности этого Союза, свидетельствующего о мужестве, неиссякаемой энергии, величайшей гуманности, бесконечной любви к своей Родине людей, сумевших вдали от нее организовать помощь и поддержку увечным воинам, своим товарищам по несчастью.

Зарубежный Союз русских военных инвалидов начал свое существование в Константинополе в 1920 г. На момент создания присланного материала он объединял 20 инвалидных союзов (и групп), рассеянных по всему миру, общей численностью 6502 человека. Союз представлял собой одну из самых больших организаций в эмиграции. Его организаторы указывали, что хотели обрести понимание потомков – беспристрастное, на основании только реальных фактов; предполагали, что следующие поколения смогут оценить роль и значение Союза в деле обустройства инвалидов, оказавшихся в катастрофически сложной обстановке 1920 г., когда сотни тысяч русских людей с высочайшей болью и тревогой покидали пределы своей Родины.

В представленных документах о деятельности Союза было отмечено, что русские люди, оказавшиеся за рубежом, осознали, что произошла невиданная, неслыханная национальная катастрофа. Дерзновенно и жертвенно поднявшие российский флаг, они оказались бессильными остановить стихию. Многотысячные волны беженцев устремились в разные государства. Им надо было на новых местах налаживать свою жизнь.

Они брались за любую работу, создавали различные структуры, искали для себя и своих близких выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

В наиболее катастрофическом положении за границей оказались инвалиды. Многие из них еще были прикованы к больничным кроватям. У многих после империалистической войны никаких средств существования не было и не могло быть. Ни на какую государственную помощь рассчитывать не приходилось. Россия была далеко, а государственная власть, когда-то отправившая их на фронт, перестала существовать, и не было государственной казны, которая должна была бы их обеспечить. Роковой вопрос об организации жизни стоял перед ними с особой трагичностью.

В именно этой обстановке возник Зарубежный Союз русских военных инвалидов, основанный инвалидом, генералом от кавалерии Н. Н. Баратовым, человеком, лишившимся обеих ног. В течение многих лет в неустанной борьбе Союз превращался в полезную жизнеспособную общественную организацию, построенную на строгих началах устава. Его руководители делали все возможное, чтобы Зарубежный Союз русских военных инвалидов представлял собой федерацию союзов, расположенных в разных государствах. В соответствии с уставом и положением все члены Союза инвалидов, в каких бы чинах или званиях они ни были, к какой бы национальности ни принадлежали и какую бы веру ни исповедовали, являлись совершенно равноправными членами одной семьи. Действительными членами Союза могли быть: все воинские чины, военные врачи, военные чиновники, священники и сестры милосердия, получившие увечья, ранения, контузии, хронические заболевания, обморожения и отравление газами во время боев, походов, при боевой обстановке или в плену и утратившие при этом не менее 50 % своей трудоспособности.

Инвалиды перечисленных категорий, утратившие от 30 до 50 % трудоспособности, могли быть приняты в Союз, однако наличие трудоспособности не принималось в расчет при общем распределении собранных главным правлением средств (Положение о Зарубежном Союзе).

Начальной организационной единицей являлся отдел. Отделы объединялись в союзы, союзы – в федерацию. Во главе Зарубежного Союза русских военных инвалидов стоял глава

правления, избираемый съездом. При нем находился главный комитет по сбору средств для инвалидов. В состав комитета входили представители каждой из структур.

Ежегодно проводилась проверка деятельности главного правления и рассмотрение конкретных дел русских военных инвалидов. С этой целью собирался специальный съезд.

Союзом русских военных инвалидов был учрежден Почетный нагрудный знак Зарубежного Союза русских военных инвалидов.

Почетным нагрудным знаком I степени награждались:

– за выдающиеся исключительные заслуги по оказанию помощи инвалидам;

– за плодотворное служение делу инвалидов и полезное руководство деятельностью Зарубежного Союза, местного союза или отделов в течение 10 лет;

– за личное единовременное пожертвование в пользу инвалидов не менее 10 000 франков.

Почетным нагрудным знаком II степени награждались:

– за выдающиеся заслуги в области оказания помощи инвалидам;

– за плодотворное служение делу инвалидов и полезное руководство деятельностью Зарубежного Союза, местного союза или отделов в течение 5 лет;

– за личное единовременное пожертвование в пользу инвалидов не менее 5000 франков.

Руководство Союзом пыталось обеспечить трудовую занятость инвалидов во всех странах. Виды трудовой деятельности охватывали людей с разными ограничениями по здоровью. Так, например, в Болгарии, где находилось наибольшее число инвалидов, были созданы мастерские при инвалидных домах и общежитиях: столярные, портняжные, сапожные, картонажные, бондарские, а также мастерские, где делали иконы и церковную утварь. Даже инвалиды, прикованные к постели в инвалидном доме на Шипке, имели работу – они изготавливали папиросные коробочки.

В некоторых местах удалось создать сельскохозяйственные предприятия, которые занимались кролиководством, молочным хозяйством, свиноводством, птицеводством и др. Это позволяло инвалидам обеспечивать не только свое существование, но и жизнь товарищей по несчастью. Об этом писала газета «Русский инвалид», которая издавалась Союзом.

Распределение инвалидов по возрасту

Возраст	Количество
От 90 и выше	2
81-89	20
71-80	178
61-70	474
51-60	515
40-50	926
35-40	316
Моложе 35 лет	5

Правительства Болгарии и Югославии первыми с необыкновенным духовным благородством отозвались на проблему русских инвалидов, выделяя следующие средства:

Болгария – 233 100 левов в год (в том числе на содержание инвалидных домов в общежитии (119 чел.) и лечебную помощь – 172 000 левов; на персональную помощь людям, не состоящим в инвалидных домах, – 40 200);

Югославия с 1925 г. – 600 000 динаров в год.

Существенную помощь оказывали также правительства Бельгии, Италии, Польши, Чехословакии.

Все органы управления и контроля, созданные внутри Союза, являлись выборными. Финансовая отчетность всех частей Зарубежного Союза регулярно и постоянно проверялась Ревизионной комиссией. Высшим законодательным органом Зарубежного Союза являлся Всезаграничный делегатский съезд.

Положение о Зарубежном Союзе выделяло следующие виды помощи:

1. Приют в инвалидных домах с довольствием и кровом для наиболее искалеченных тяжелых инвалидов.

2. Приют в общежитиях (кров и чай) для тяжелых инвалидов, которых нельзя устроить в инвалидных домах за отсутствием мест и средств.

3. Персональная помощь особо нуждающимся и семейным, которых нельзя поместить в домах.

4. Бесплатные обеды и талоны на ночлег для не имеющих приюта.

5. Помощь: больничная, санаторная, амбулаторная и лекарственная.
6. Протезная помощь и ортопедическая обувь.
7. Помощь платяевая и бельевая.
8. Помощь инвалидным детям, учащимся и студентам.
9. Устройство на работу в инвалидных мастерских и предприятиях вне таковых.
10. Помощь моральная и юридическая. Отдание последнего долга – похороны умерших.

**Состав Зарубежного Союза русских военных
инвалидов на 1 марта 1938 года**

Название страны/города	Количество человек
Англия	26
Бельгия	169
Болгария	2436
Венгрия	8
Германия	122
Греция	104
Дания	11
Египет	9
Италия	28
Манджу-ди-Го	53
Польша	98
Сирия	20
Северная Америка	120
Тянь цзин	50
Финляндия	25
Франция	25
Чехословакия	192
Шанхай	89
Эстония	59
Югославия	2347
Одиночных инвалидов, не состоящих в Союзах	20
Всего инвалидов: 6502 человека	

Распределение инвалидов по чинам и званиям

Чин и звание	Количество человек
Генералов и адмиралов	272
Штаб офицеров (полковников, подполковников и войсковых старшин)	1468
Обер-офицеров	2493
Врачей и военных чиновников	496
Сестер милосердия	160
Подпрапорщиков, подхорунжих, вахмистров, юнкеров, кадет, солдат, казаков	1592
Священников	21
Всего человек: 6502	

I съезд Зарубежного Союза русских военных инвалидов состоялся в Белграде в 1927 г., II – в Праге в 1930 г., III съезд – в Софии в 1933 г., IV – в 1938 г.

Во главе Зарубежного Союза стояло главное правление, избираемое Всеаграничным съездом делегатов. При Главном правлении находился Главный комитет по сбору средств для инвалидов, в состав которого входили виднейшие представители военных и общественных русских организаций.

Сбор средств на местах осуществлялся при содействии местных комитетов, обществ и отдельных доброжелателей. Ежегодно для проверки деятельности Главного правления и рассмотрения инвалидности собирался Малый деловой Съезд. Средства на все перечисленное суммировались из следующих источников: правительственная помощь, сборы Союзов (каждого в своем государстве), сборов Главного правления по всему миру.

К сожалению, материалы о Зарубежном Союзе русских военных инвалидов, касающиеся периода после IV съезда, проведенного в 1938 г., не поступали, во всяком случае, автору о них ничего не известно.

Литература:

1. Зарубежный Союз русских военных инвалидов, «Главное Правление Зарубежного Союза русских военных инвалидов». Париж, 1938 г.

2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 60. Оп. 1. Д. 98.

*О. С. Лихачева** (Барнаул)

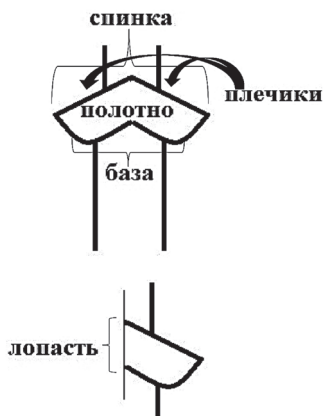
ОБ ОДНОМ ТИПЕ КИНЖАЛОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ И МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

С САМОГО НАЧАЛА раннего железного века у народов, населявших пространство евразийских степей, происходит унификация комплекса вооружения. Сначала преобладают образцы скифских форм, которые с IV в. до н. э. начинают постепенно вытесняться сарматской традицией. Наиболее ярко это прослеживается по клинковому оружию – мечам и кинжалам. Основными культурно-хронологическими маркерами у этих предметов выступает форма напершия и перекрестия. Но даже в рамках единого культурного пространства возникали локальные варианты, выбивающиеся из общего типологического ряда. В рамках данной статьи нами будет рассмотрена серия кинжалов, происходящих с территории Алтая и Минусинской котловины, не находящая точных аналогий в других регионах. В нее входят семь кинжалов, из которых два – из погребений, остальные являются случайными находками. На настоящий момент кинжалы хранятся в Историко-краеведческом музее АлтГПУ, Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартыанова и Государственном Эрмитаже. Место хранения одного экземпляра неизвестно.

Первоначально остановимся на морфологии такой детали кинжалов как перекрестие. У изделий рассматриваемой серии оно имеет достаточно сложную конфигурацию, не поддающуюся описанию в рамках простых геометрических форм, в связи с чем его составляющие характеризуются отдельно. Обозначим,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

что подразумевается под каждой из них. Фронтальную, наиболее информативную часть перекрестия составляет полотно – его широкая поверхность. База – нижняя граница детали, обращенная к клинку. Выступающие за пределы клинка и черена элементы, которые выполняют функцию упора для руки, – плечики.



Ил. 1. Морфология перекрестия кинжалов

Верхняя граница перекрестия, отделяющая его от черена и образуемая сходящимися плечиками, – спинка (ил. 1)¹.

Представленную подборку объединяет целый ряд нестандартных морфологических особенностей. Так, клинок у рассматриваемых изделий имеет абрис, близкий по форме сильно вытянутому пятиугольнику, вершиной которого является окончание. Он формируется следующим образом: отходя от основания, его боковые стороны (лезвия) сначала начинают сходить, образуя заужение или «поджатие». Затем они слегка изгибаются наружу, оформляя таким образом расширение по центру полотна, от которого лезвия плавно сходятся к окончанию.

Наиболее выразительным и нестандартным признаком и главной отличительной особенностью всей серии является форма перекрестия. Оно представляет собой достаточно узкую пластину, сильно выгнутую вверх по центру, концы ее загнуты и образуют декоративные окончания округлого абриса. Такое перекрестие не соотносится ни с одной из классических форм этой детали, характерных для клинкового оружия раннего железного века. В целом, ее можно условно обозначить как «коромысловидную», так как она имеет ассоциативное сходство с этим бытовым предметом. Другие авторы, которые публиковали работы о некоторых из приводимых кинжалов, относили их по форме перекрестия либо к так называемым «сломанным под углом», либо к «бабочковидным»². На мой взгляд, такая трактовка является неверной.

Так, у первых и вторых хорошо выделяются две зеркально расположенные лопасти, образующие полотно. Изделия

со «сломанным под углом» перекрестием имеют более геометричную форму: лопасти близки прямоугольному абрису, плечики в месте соединения формируют тупой угол. К. Ф. Смирнов так характеризует эту форму: «сломанный под тупым углом брусок»³. Так называемое «бабочковидное» перекрестие отличает выраженная плавность очертаний. Оно может иметь слегка вогнутые плечики, а его базу образуют две выпуклые дуги. Так же, как и у «сломанных под углом» перекрестий, по центру верхней части присутствует выраженная вершина. Окончания у тех и других не загнуты. Стоит отметить, что часто исследователи «сломанные под углом» перекрестия относят к «бабочковидным», что говорит о типологической близости этих форм и сложном их разграничении⁴. В свою очередь, при «коромысловидном» абрисе приостеренная вершина отсутствует, плечики образуют сплошную дуговидную спинку. Единую линию составляет и база такого перекрестия. Таким образом, полотно визуально не распадается на две самостоятельные половины.

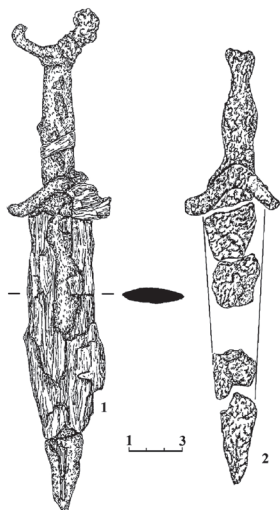
Навершие рассматриваемых кинжалов имеет ярко выраженный дуговидный абрис, при этом окончания «дуги» загнуты внутрь и формируют плотно сжатые волюты. В целом, его форма занимает промежуточное положение между волотообразными («антенными») и дуговидными («серповидным») образцами⁵. От классических волотообразных его отличает массивность и, как отмечалось выше, сильная сжатость волют, которые образуют такие же округлые элементы, как на перекрестии, без зазора внутри завитка.

К дополнительным чертам выделенной серии можно отнести расширение по центру черена, а также наличие у него своеобразного «воротничка» в месте соединения с навершием. Последний представляет собой объемное утолщение в верхней части, общая форма которого напоминает куб, усеченный конус или цилиндр.

Поскольку приведенные выше характеристики у каждого экземпляра так или иначе варьируются, остановимся на подробном описании каждого из них.

1. Кинжал, происходящий из могильника Новотроицкий-II (курган № 5, могила-3). На настоящий момент хранится в фондах Историко-краеведческого музея АлтГПУ (колл. 87/61). Изделие сильно корродировано, на клинке сохранились остатки деревянной основы ножен, на черене – фрагмент кожаной обмотки. Окончание клинка обломлено. К отличительным чертам можно

отнести: слабо выраженное расширение центральной части черена, неширокий «воротничок» вверху черена, лишь слегка загнутые концы перекрестия, линзовидное сечение клинка (ил. 2.-1). Размеры: общая длина – 28 см. Навершие: длина (расстояние между внешними сторонами волют) – 4,7 см, высота (расстояние



Ил. 2. Кинжалы из Лесостепного Алтая (могильник Новотроицкий-II). 1 – курган № 5, могила-3; 2 – курган № 7, могила-6. 1, 2 – Историко-краеведческий музей АлтГПУ

могила-6) и находится в фондах Историко-краеведческого музея АлтГПУ (87/133). На момент осмотра автором кинжал имел очень плохую сохранность: у него отсутствовало навершие, клинок дошел только в отдельных фрагментах. В то же время, в его прорисовке, данной в монографии В. А. Могильникова, одна половина навершия еще зафиксирована⁷. По ней, а также по хорошо читающимся признакам перекрестия и черена данный кинжал, без сомнения, может быть включен в рассматриваемую серию. К его отличительным особенностям можно отнести очень сильный изгиб перекрестия и отсутствие «воротничка» на черене (ил. 2.-2). Размеры: общая длина сохранившейся части – 9,2 см. Черен: $7 \times 2 \times 0,5$ см. Перекрестие: $5,3 \times 1,3 \times 3 \times 1,6$ см⁸.

от места соединения с череном до верхней точки окончаний) – 3 см, ширина полотна (по центру) – 0,9 см. Черен: длина (от основания навершия) – 7,3 см, ширина (максимальная) – 2 см, толщина – 1,4 см. Расширение черена вверху: ширина – 2 см, высота – 0,4 см. Перекрестие: длина – 5,7 см, ширина полотна по центру – 0,7 см, высота (от нижней точки базы до верхней точки спинки) – 2,1 см, глубина прогиба (от нижней точки базы до основания) – 1,3 см. Клинок: длина (от основания перекрестия до окончания) – 17,5 см, ширина (максимальная) – 3,7 см, толщина (у основания) – 0,9 см⁶.

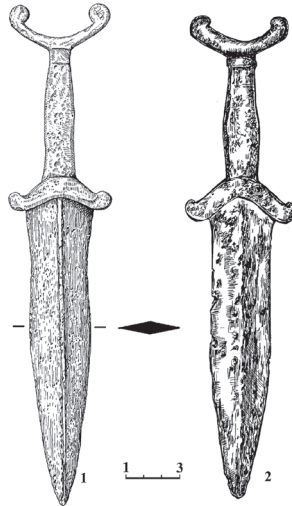
2. Данный экземпляр также был обнаружен в могильнике Новотроицкий-II (курган № 7,

3. Местонахождение третьего кинжала точно не установлено, по имеющейся информации какое-то время он хранился у жителя с. Кош-Агач. На настоящий момент изделие находится в музее «Мир времени» (МВ-К.П.1513). Имеет хорошую сохранность. К индивидуальным признакам можно отнести: широкий цилиндрической формы «воротничок», незначительный изгиб перекрестия, наличие нервуры на клинке (ил. 3.-1). Общая длина – 28 см. Навершие: $5,5 \times 1,7 \times 0,6$ см. Черен: $7,5 \times 1,5 \times 1,2$ см. Расширение черена: $1,1 \times 1$ см. Перекрестие: $5,5 \times 1,2 \times 0,7$ см. Клинок: $18 \times 3,3 \times 0,7$ см⁹.

4. Кинжал, случайно найденный в районе г. Белокуриха. Место его хранения на настоящий момент точно не известно. Автору удалось ознакомиться только с фото этого изделия. К характерным признакам экземпляра можно отнести: незначительно выраженные волуты у навершия, несильно загнутые окончания у перекрестия, хорошо читающееся расширение черена, которое придает ему шестиугольную форму, клинок ромбовидного сечения (ил. 3.-2).

Общая длина – 26,4 см. Навершие: $5,4 \times 1,5 \times 0,7$ см. Обойма: $1,7 \times 0,6$ см. Черен: $6,8 \times 2$ см. Перекрестие: $6,1 \times 1,2 \times 2,7 \times 1,4$ см. Клинок: $16,5 \times 3,3$ см.

5. Кинжал, происходящий из Минусинской котловины, хранится в фондах Государственного Эрмитажа (КПГЭ.1953-25823, 5531/346). Изделие опубликовано в Государственном каталоге Музейного фонда РФ (№ 9940696). Кинжал был передан в ГЭ в 1953 г. из Музея этнографии народов СССР и относится к коллекции случайных находок Игнатия Лопатина, собранных в Минусинском уезде Енисейской губернии. (Автор благодарит за помощь сотрудника ГЭ Н. А. Жогову.) К особенностям

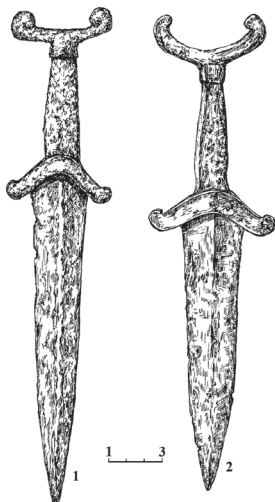


Ил. 3. Кинжалы из Лесостепного Алтая (случайные находки).

1 – точное местонахождение неизвестно; 2 – в районе г. Белокуриха. 1 – музей «Мир времени», 2 – место хранения на настоящий момент неизвестно

рассматриваемого образца можно отнести: слабо выраженную дуговидность навершия, широкую усеченно-коническую форму «воротничка» черена, большую высоту перекрестия, вытянутые пропорции клинка со слабо выраженным «поджатием», наличие у него нервюры (ил. 4.-1). Общая длина: 27,8 см. Навершие:

5,7 × 1,7 × 0,7 см. Обойма: 1,7 × 0,8 см. Черен: 6,6 × 2 см. Перекрестие: 5,9 × 1 × 2,6 × 1,6 см. Клинок: 18,5 × 2,6 см.



Ил. 4. Кинжалы из Минусинской котловины (случайные находки). 1, 2 – точное местонахождение неизвестно. 1 – Государственный Эрмитаж; 2 – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова

6. Еще один кинжал с указанными признаками находится в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартянова (МКМ АЖ-ОФ-758). Изделие опубликовано в Государственном каталоге Музейного фонда РФ (№ 14241539). На настоящий момент он размещен в экспозиции. Точных сведений, когда и от кого он поступил, получить не удалось. С большой долей вероятности его происхождение можно связать с Минусинской котловиной. Этот экземпляр имеет следующие особенности: большую ширину навершия и перекрестия, широкий цилиндрической формы «воротничок», слабо выраженное «поджатие» клинка (ил. 4.-2).

Общая длина: 26,4 см. Навершие: 6,3 × 2,8 × 0,7 см. Обойма: 1,4 × 1 см. Черен: 7,2 × 1,9 см. Перекрестие: 7,1 × 1,3 × 2,4 × 1,1 см. Клинок: 15,4 × 2 см.

7. Также в экспозиции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова есть второй кинжал, относящийся к рассматриваемой серии (на изделии обозначен № 746). О нем также нет точных данных. Кроме того, поскольку это изделие находится в витрине, а сведения по нему пока не опубликованы в Государственном каталоге Музейного фонда РФ, его прорисовка приводится без масштаба и не указываются точные

размеры. Этот кинжал составляет отдельный вариант внутри серии, поскольку имеет навершие обычной дуговидной формы без волют. Кроме этого, к его индивидуальным чертам можно отнести: очень узкий «воротничок» у черена, малую высоту перекрестия, практически не загнутые края последнего (ил. 5).

Стоит отметить, что, несмотря на очевидное типологическое сходство этих двух кинжалов, они расположены в витринах, характеризующих разные периоды древней истории данного региона.

Остановимся на вопросах датировки и происхождения рассматриваемого типа изделий.

Клинок пятиугольной формы не характерен для мечей и кинжалов, применявшихся народами евразийских степей. Большинство скифских и сарматских образцов имеет треугольный или килевидный абрис боевой части¹⁰. Неизвестно такое строение и у большинства образцов из Западной

и Южной Сибири¹¹. В то же время клинки пятиугольной формы пользовались популярностью в Южной Европе, где датируются второй половиной I тыс. до н. э. – первых веков I тыс. н. э. Такая особенность как поджатие лезвий от основания к середине есть у греческих мечей и кинжалов V–II вв. до н. э., иберских кинжалов IV–II вв. до н. э. и римских кинжалов II в. до н. э. – III в. н. э.¹²

«Коромысловидное» перекрестие не находит полных аналогий на других территориях. Можно говорить лишь об общем сходстве абриса с некоторыми образцами. Так, немного напоминают эту форму перекрестия отдельных скифских кинжалов V в. до н. э. и савроматских V–IV вв. до н. э.¹³ Схожая форма встречается в европейской оружейной традиции, в частности, у кельтских мечей и кинжалов второй половины V–II вв. до н. э.¹⁴

Навершие, имеющее декоративные детали в виде волют, широко использовалась для оформления клинкового оружия



Ил. 5. Кинжал из Минусинской котловины (случайные находки). Точное местонахождение неизвестно

в скифской, савроматской, сарматской и бактрийской военных традициях. Время его бытования достаточно длительно и укладывается в рамки с VI в. до н. э. до рубежа эр¹⁵. Наиболее близкое по абрису навершие фиксируется у меча из г. Вольска, который К. Ф. Смирнов датирует V в. до н. э.¹⁶ На территории Алтая такая деталь также бытует продолжительное время. Она встречается у экземпляров из Горного Алтая со второй половины V в. до н. э. и бытует до I в. н. э.¹⁷ Стоит отметить, что максимально близки рассматриваемой серии изделия из могильника пазырыкской культуры Чендек-ба. Первый кинжал изготовлен из бронзы, второй – из железа¹⁸. Среди материалов из Лесостепного Алтая можно отметить два кинжала быстринской культуры, датируемые IV–III вв. до н. э.¹⁹

Дуговидное навершие находит многочисленные аналогии в сарматских памятниках²⁰. Кинжал подобного типа происходит из Тулхарского могильника конца II – начала I в. до н. э.²¹ Есть такой признак и у изделия из материалов саргатской культуры IV–III вв. до н. э.²²

Остановимся на таких дополнительных деталях в оформлении черена как расширение по центру и «воротничок» в его верхней части. Выраженное расширение характерно для ранне-сарматского клинкового оружия. Так, оно фиксируется у изделия из с. Огненное, которое К. Ф. Смирнов датирует IV–III вв. до н. э.²³ Появляясь в прохоровское время, данный признак встречается у сарматских кинжалов и мечей вплоть до рубежа эр²⁴. Среди скифских образцов он встречается гораздо реже. Кинжалы с утолщением к центру черена датируются концом V–IV вв. до н. э.²⁵ На территории Лесостепного Алтая данный признак есть еще у пяти изделий, являющихся случайными находками и происходящими из ареалов каменской и быстринской культур²⁶.

Утолщение-воротничок является часто встречающимся признаком у короткоклинкового оружия с территории Алтая и Минусинской котловины. Первоначально оно появляется у бронзовых образцов, а затем продолжает применяться и для оформления железных кинжалов²⁷.

Как отмечалось выше, только два изделия рассматриваемой серии происходят из могильника и имеют четкую культурно-хронологическую атрибуцию. Так, по другому сопроводительному инвентарю, могила-3 кургана № 5 и могила-6 кургана № 7 могут

быть датированы IV–III вв. до н. э.²⁸ Следовательно, на территории Лесостепного Алтая такой тип кинжалов может быть отнесен к материалам каменной культуры и датироваться указанным временем. Сложнее обстоит дело с находками из Минусинской котловины. Пока для этого региона мы можем рассматривать только типологическую датировку, которая укладывается в IV–I вв. до н. э., исходя из приведенных аналогий.

Формирование такого нестандартного набора признаков происходило, на наш взгляд, на территории Лесостепного Алтая путем слияния местной традиции с рядом внешних влияний. К возникшим в этом регионе признакам можно отнести форму клинка и перекрестия. Несмотря на то, что эти детали находят близкие аналогии в материалах Западной и Южной Европы, заимствование их населением юга Западной Сибири уже к IV в. до н. э. кажется нам маловероятным. В пользу этого говорит и то, что среди клинкового оружия Средней Азии, то есть «промежуточной» в этом звене области, образцов с таким оформлением клинка и перекрестия пока не известно. К местной традиции можно также отнести утолщение-«воротничок» в верхней части черена. Эта деталь фиксируется у короткоклинкового оружия из Лесостепного Алтая с VI по I в. до н. э.

Под внешним влиянием складывается форма навершия. Вероятно, она была заимствована у соседних племен пазырыкской культуры, где встречается у более ранних кинжалов. К сарматской военной традиции можно отнести расширение черена в центральной части. Эта особенность фиксируется у клинкового оружия этой культуры особенно часто, начиная уже с прохоровского времени.

Соединение всех указанных элементов происходило, скорее всего, в среде племен каменной культуры. А затем с территории Лесостепного Алтая путем военных и торговых контактов такие кинжалы могли распространиться у населения Минусинской котловины. На это указывает наличие таких изделий в закрытых комплексах именно на Алтае, а также большее их количество в этом регионе в целом.

Представленная серия, безусловно, заслуживает особого внимания, поскольку, выбиваясь из общей массы достаточно стандартизированного оружия раннего железного века, демонстрирует развитие и своеобразие местной традиции. На сегодняшний момент мы располагаем незначительным объемом данных о

кинжалах этого типа, но, возможно, в будущем, благодаря выявлению новых материалов, представления об их развитии и датировке могут быть уточнены и расширены.

¹ Лихачева О. С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. С. 70.

² Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М., 1997. С. 43; Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. С. 148.

³ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. М., 1961. № 101. С. 19.

⁴ Смирнов К. Ф. Указ. соч. Рис. 3.

⁵ Смирнов К. Ф. Указ. соч. С. 16, 24. Рис. 2–3; 5.-3–5, 7; Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ, М., 1964. С. 53. Табл. 20.-1–2, 4–5; Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 13, 26; Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н. э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 79.

⁶ Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Указ. соч. Рис. 57.-2, 2а.

⁷ Могильников В. А. Указ. соч. Рис. 37.-6.

⁸ Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Указ. соч. Рис. 63.-5.

⁹ Горбунов В. В., Лихачева О. С. Кинжал редкого типа с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 70–72. Рис. 1.

¹⁰ Смирнов К. Ф. Указ. соч. Рис. 1–7; Хазанов А. М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. Рис. 1–4; Мелюкова А. И. Указ. соч. С. 53. Табл. 15, 18, 20; Топал Д. А. Акинак на западе скифского мира. Кишинэу, 2021. С. 495–495, 497, 503, 505, 508–509, 516–517, 519, 521, 524–525, 527, 529, 531–532, 534–536, 540–541, 543–544, 548, 550–552.

¹¹ Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. Рис. 63, 65; 73; Лихачева О. С. Указ. соч. Рис. 32.-2–6; 34.-1–3; 35.-2–4; Могильников В. А. Гороховская культура // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 119.-60–61; Корякова Л. Н., Булдашев В. А., Порто Ж.-П. Описание курганов и погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. С. 40.

¹² Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 131, 150, 227, 232, 261; Секунда Н. Армия Спарты. М., 2004. С. 13, 52; Campbell D. Spartan warrior 735–331 BC. Oxford, 2012. P. 31.

¹³ Смирнов К. Ф. Указ. соч. № 101. С. 14–15. Рис. 1.-11–12.; Топал Д. А. Антенны скифских акинаков. Истоки и эволюция // Археология Евразийских степей. № 3: Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы III международной научной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». Казань, 2017. С. 313. Рис. 18.-14; 22.-11; Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов / МИА. № 69. М.; Л., 1959. С. 160. Рис. 4.-2.

¹⁴ Коннолли П. Указ. соч. С. 116; Peschel K. Указ. соч. Abb. 8.-6; 10.

- ¹⁵ Смирнов К. Ф. Указ. соч. Рис. 3.-3; Мелюкова А. И. Указ. соч. Табл. 20.-12; Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. Табл. 58.-1-3; Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. Рис. 13.
- ¹⁶ Смирнов К. Ф. Указ. соч. С. 19. Рис. 3.-3.
- ¹⁷ Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 32-33. Рис. 1.-14-15; Кубарев В. Д., Шульга П. И. Указ. соч. С. 35. Рис. 65.-3, 6.
- ¹⁸ Кубарев В. Д., Шульга П. И. Указ. соч. С. 35. Рис. 65.-1-2.
- ¹⁹ Лихачева О. С. Указ. соч. С. 246. Рис. 40.-2-3.
- ²⁰ Клепиков В. М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. Рис. 2.-4, 10-11; 3.-4, 12; Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., 2010. Рис. 65.-1; 69.-1
- ²¹ Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 164-165; Литвинский Б. А. Указ. соч. Табл. 61.-3.
- ²² Ковригин А. А. Хронология погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург. С. 66; Корякова Л. Н., Булдашев В.А., Порто Ж.-П. Описание курганов и погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. Рис. 23.
- ²³ Смирнов К. Ф. Указ.соч. С. 25. Рис. 5.-5.
- ²⁴ Клепиков В.М. Указ. соч. Рис.1.-25; 2.-6; 3.-5. Хазанов А. М. Указ. соч. Рис.-2.-4.
- ²⁵ Ворошилов А. Н., Медведев А. П. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. Рис. 2.-9.
- ²⁶ Лихачева О. С. Указ. соч. Рис. 35.-2-4; 40.-2-3.
- ²⁷ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. Табл. 4.-1-2, 5-7, 9-11; 11.-6-8, 11-12; Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катюни. Барнаул, 2004. Рис. 6.-1, 3; 18.-1, 3-4; 19.-1, 5; Лихачева О. С. Указ. соч. Рис. 35.-3; 36.-5; 37.-1, 5.
- ²⁸ Могильников В.А. Указ. соч. С. 43-44; Лихачева О.С. Указ. соч. С. 25-26.

Н. В. Ломакин (Санкт-Петербург)

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ...

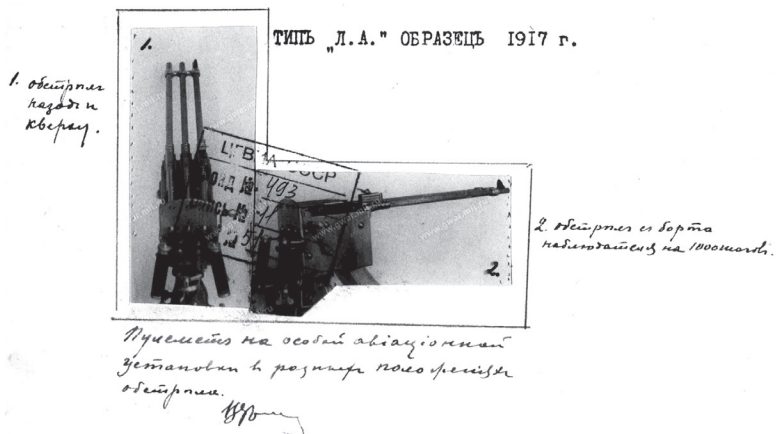
**Экспериментальный легкий авиационный
и разведочный пулемет (пистолет-пулемет)
сист. В. К. Фрома «Л. А.» 1916 г.
в коллекции ВИМАИВиВС**

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ дало мощный толчок дальнейшему развитию автоматического стрелкового оружия. Практика боев на полях Франции, России, Балкан, Кавказа сделала востребованными воспринимаемые раньше военными (и теоретиками, и практиками) с определенной долей скепсиса ручные пулеметы, считавшиеся раньше неким паллиативным решением, абсолютно ненужным при достаточном насыщении войск «настоящими» – то есть станковыми пулеметами. Со стеллажных полок рулоны патентованных чертежей ранее отвергнутых мудрецами в погонах образцов срочно отправлялись на цианотипию и далее в производственные цеха. Резко усилился интерес к самозарядным и автоматическим винтовкам. Считавшиеся ранее «баловством» самозарядные и автоматические пистолеты заказывались теперь десятками тысяч (и их не хватало). Естественно, на этом фоне изобретатели, конструкторы, производственники теперь предлагали решения, которые ранее могли отметаться на самом раннем этапе рассмотрения. Достаточно взглянуть на французский ручной пулемет Шоша с его открытым всем ветрам и загрязнениям магазином на жалкие 20 патронов: какой-то уродливый, несуразный, не очень надежный – зато дешевый в производстве и могущий выпускаться в невиданных ранее количествах. В мирное время и итальянец Ревелли с его пистолетом-пулеметом Villar-Perosa, который мог вести огонь на очень короткой дистанции

из-за слабенького пистолетного патрона, явно не мог рассчитывать на внимание военных к своей конструкции.

Понятно, что Российская империя как одна из важнейших участниц войны никак не могла оставаться в стороне от процесса разработки новых образцов автоматического оружия – классической конструкции мистера Максима явно было не разорваться на решение всех задач, к тому же этих пулеметов и так не хватало; поставки в одночасье ставших важнейшими ручных пулеметов от союзников или нейтралов были неравномерны, строительство завода для ружей-пулеметов обр. 1902 г. (в девичестве Мадсен) затягивалось. В итоге прерванные с началом войны конструкторские работы в 1916 г. возобновились, в Сестрорецк (главное наше опытное оружейное производство) вернулись В. Г. Федоров и Ф. В. Токарев. Однако в данной статье речь пойдет не о наших самых известных конструкторах и их изделиях, а о совершенно неизвестной доселе конструкции, сохранившейся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В числе оцифрованных архивных документов, предоставленных Российским государственным военно-историческим архивом для интернет-портала «Памяти героев Великой войны»,¹ имеется крайне интересная переписка, относящаяся к весне 1917 г. В рапорте, адресованном начальнику Управления военного воздушного флота, инженер, бывший конструктор знаменитой бельгийской FN (Fabrique Nationale d'armes de guerre) Владимир Карлович Фром крайне встревожен судьбой своего оружия, созданного по поручению Великого князя Сергея Михайловича². К рапорту приложено подробное авторское описание конструкции на двух установках – авиационной и наземной; в нашем случае мы рассматриваем только первый вариант, поскольку описания полностью идентичны³. Свое детище автор оружия назвал «Трехлинейный легкий авиационный и разведочный пулемет системы Фром тип «Л. А.» образец 1917 г.»⁴. Фотография, приложенная к описанию (ил. 1), позволила сделать маленькое открытие: в собрании ВИМАИВиВС сохранился один из вариантов этой конструкции, ранее атрибутированный составителем научно-инвентарной карточки широко известным исследователем Д. Н. Болотиным как «Пулемет русский трехствольный механического действия нач. XX в.». Предмет, что называется, давно «мозлил глаза» и автору настоящей статьи, и его предшественникам



Ил. 1. Трехлинейный легкий авиационный и разведочный пулемет системы Фром тип «Л. А.» образец 1917 г. РГИА. Ф. 493. Оп. 10. Д. 51. Л. 20

на посту хранителя целым рядом интересных подробностей и конструкторских решений. Явно автоматическое оружие, но с какими-то шестеренками и заводным «квадратом», выведенным в отверстие на правой стенке. По стилю изготовления – явно отечественный (что и подтвердилось), при этом многостольность, присущая более ранним механическим картечницам. И самое примечательное – габарит магазина гарантированно не подходил под винтовочные патроны, а указывал на применение пистолетных или револьверных патронов. С термином «механический» из карточки еще можно было поспорить, но с датировкой более или менее можно было согласиться. Таким образом, указанное выше архивное дело позволило как максимально точно атрибутировать предмет, причем с уточнением места его изготовления, так и разобратся более детально в особенностях его конструкции. В дальнейшем в статье будет использоваться музейное, а не техническое наименование предмета.

**Пулемет (пистолет-пулемет) легкий авиационный
и разведочный сист. В. К. Фрома «Л. А.»
экспериментальный 1916 г. калибра 3 лин. (7,62 мм)**

Три стальных ствола заблокированы в горизонтальной плоскости и скреплены: в дульной части стальной разрезной муфтой, скрепленной винтами, в казенной – бронзовым Г-образным кронштейном

с втулками, в которые стволы вставлены. Блокирование стволов осуществлено со схождением осей каналов боковых стволов с осью канала центрального ствола. Стволы круглые, каналы стволов нарезные, с шестью прямоугольными в плане нарезами. Казенная часть ствола с гранями, к боковым сторонам патронников винтами прикреплены пружины с изогнутыми выступами, сверху – привинчены небольшие выступы. Наружная поверхность стволов и передней муфты покрыта ромбической накаткой. Прицельные приспособления отсутствуют.

Стволы укреплены в открытой сверху и снизу стальной ствольной коробке, разделенной на три части продольными планками, в которых прорезаны канавки для прямолинейного движения затворов. В нижней части ствольной коробки укреплены отражатели. В задней части ствольной коробки выполнены скосы. На боковых сторонах ствольной коробки – четыре проушины с отверстиями.

Затворы стальные, близкой к прямоугольной формы, с гранями сверху. На боковых поверхностях затворов спереди – углубления для входа выступов пружин на казенниках стволов в положении «канал ствола заперт». В переднем торце затворов сформированы чашечки, выбрасыватели укреплены справа. На верхней стороне затвора укреплены выступы с резьбой для крепления стержней возвратного механизма. Внутри затворов установлены ударники.

Возвратные механизмы включают в себя стальные круглые стержни с рукоятками перезарядки на задних концах, круглые стальные трубки с вырезом на $2/3$ длины и спиральные возвратные пружины. Возвратные механизмы смонтированы над затворами с упором трубок в затвор и затыльник и сквозным проходом стержней через затыльник; стальные рукоятки перезарядки надеты на стержни и имеют насечку.

Ствольная коробка в сборе со стволами и затворами установлена в стальном коробе, открытом сверху; сзади в короб вдвинут стальной затыльник с двумя рукоятками и двумя спусковыми кнопками, фиксируемый снизу подпружиненными защелками. В коробе смонтирован ударно-спусковой механизм куркового типа. Курки укреплены на одной оси и при движении затворов назад становятся на боевой взвод, взаимодействуя со стальными шепталами сложной формы, укрепленными на затыльнике с внутренней стороны. В нижней части короба сзади укреплен телеграфный механизм, с помощью которого осуществляется регулировка темпа стрельбы; в правой стенке короба имеется отверстие для ключа заводки

пружины механизма. В нижней части короба снизу размещен приемник для магазина, рычаг защелки магазина выведен на левую стенку короба. К нижней части короба прикреплена стальная П-образная скоба с проушинами. Крепление деталей оружия с коробом осуществляется винтами, как с обычными шлицами, так и с полусферическими головками с двумя углублениями на краю.

Магазин представляет собой блок из трех коробчатых (секторных) однорядных магазинов емкостью на 25 патронов со стальными корпусами, пружинами, подавателями и подвижными крышками. Пружины магазинов плоские.

Принцип действия автоматики – отдача свободного затвора, отрывающегося с замедлением. Ударно-спусковой механизм куркового типа.

Калибр 7,62 мм, длина стволов 457 мм, общая длина 860 мм, высота с магазином 279 мм, масса с магазином без патронов 10,2 кг.

Изготовлен как экспериментальный на Сестрорецком оружейном заводе в 1916 г. Поступил до 1951 г. из невыявленного источника. (Ил. 2-14).

Два основных отличия от описываемого самим Фромом варианта 1917 г.: отсутствие прицельных приспособлений (в 1917 г. были поставлены на правый ствол мушка и прицел) и емкость магазина 25 патронов (в 1917 г. указана емкость 50 патронов). Все остальное сходится. Именно указанные различия дают возможность датировать сохраненный музеем предмет именно 1916 г. В то же время, архивное описание позволяет выяснить порядок работы механизмов, окончательно подтверждает тип боеприпаса. В. К. Фром четко указывает, что выбрал для своего оружия «улучшенный нагановский патрон»⁵. И действительно, стандартный револьверный патрон для сохранившегося в музее экземпляра все-таки не подходит – на подаватель магазина он по диаметру ложится хорошо, однако на какой-то миллиметр больше по длине и упирается в корпус; при попытке дослать обычный патрон в патронник затвор очень незначительно не доходит до казенного среза ствола.

Итак, как проходил процесс стрельбы из пулемета (пистолета-пулемета). После установки магазина все три ствола заряжают, оттягивая назад рукоятки заряжания. При движении назад затворы действуют на курки, которые поворачиваются и задерживаются во взведенном положении шепталами, укрепленными на внутренней стенке затыльника. Телеграфный механизм заводят на два оборота. После заряжания для производства стрельбы нажимают

спусковую кнопку в центре затыльника. Она запускает телеграфный механизм, вал которого своими выступами последовательно освобождает курки таким образом, что стрельба ведется не из всех стволов, а последовательно – выстрел из левого (№ 1) ствола, выстрел из центрального (№ 2) ствола, выстрел из правого (№ 3) ствола; затем циклы повторяются до израсходования патронов в магазине. Спусковая кнопка ближе к правой стороне затыльника («кнопка скорости») при нажатии отключает телеграфный механизм, и стрельба ведется из всех трех стволов одновременно, т. е. скорострельность максимальна. Вообще, указанная Фромом скорострельность в 900 выстрелов в минуту, возможно, или занижена, или указывается скорострельность при использовании только центральной спусковой кнопки: замер расстояния, которое затвор пробегает назад после выстрела, составляет смешные 70 мм (для сравнения, в ППШ-41 это расстояние примерно в два раза больше, а техническая скорострельность ППШ замерялась по всем правилам и составляет те же 900 выстрелов в минуту). Вопрос вызывается и указанный архивным источником вес в 19 фунтов (8,5 кг)⁶: сохраненный в музее пулемет весит 10,2 кг⁷.

В описании инженера Фрома раскрывается смысл некоторых конструктивных решений. Так, крестообразная накатка, щедро покрывающая стволы и муфту, не является, как могло показаться, чисто декоративным элементом: ее задача – обеспечить более эффективное охлаждение стволов, чему служит и бронзовый кронштейн; кроме того, конструктор предложил и специальную охлаждающую жидкость на основе эфира⁸. Открытый сверху короб пулемета по замыслу автора не только позволял выбрасывать стреляные гильзы вверх, но и давал возможность проводить чистку оружия без его разборки, просто заливая механизм очищающим средством на основе спирта или бензина.⁹ При всем том в описании не раскрывается, к примеру, роль пружин, укрепленных на казенных частях стволов и обеспечивающих замедление при открытии затворов.

Итак, в статье рассмотрен ранее не публиковавшийся экспериментальный образец оружия. Это, фактически, многоствольный пистолет-пулемет, позволяющий за счет увеличения количества стволов и введения механизма межциклового замедления несколько снизить тепловую нагрузку на каждый ствол при сохранении довольно высокой скорострельности. Сама концепция чем-то напоминает итальянский пистолет-пулемет Villar-Perosa mod 1915, но отличается от него количеством и длиной стволов,

введением в затвор устройства торможения и уже упомянутым межцикловым замедлением. Оружие как бы балансирует на стыке жанров: скорострельного авиационного пулемета, пистолета-пулемета, многоствольной автоматической конструкции. Пожалуй, это первый выявленный образец отечественного оружия, относящегося к классу пистолетов-пулеметов по используемому патрону. И в этом его уникальность. По всей видимости, оружие не проходило полноценных полигонных испытаний (события 1917 г. в столице страны им явно не способствовали), поэтому мы никак не можем судить о его практической пользе. Но как самый ранний пример русского пистолета-пулемета он, несомненно, интересен.

Ил. 2-14. Пулемет (пистолет-пулемет) легкий авиационный и разведочный сист. В. К. Фрома «Л. А.» экспериментальный 1916 г. калибра 3 лин. (7,62 мм). ВИМАИВиВС 100Ф 62-10



Ил. 2.
Вид справа



Ил. 3.
Вид слева



Ил. 4. Вид снизу

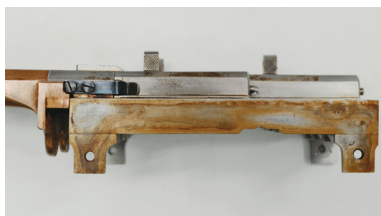


Ил. 5. Вид сзади

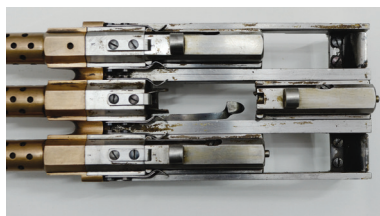


Ил. 6. Неполная разборка.
Сверху вниз: возвратные механизмы с рукоятками перезарядания, блок стволов со ствольными коробками, короб.
Справа от короба – затыльник, за ним – спусковые кнопки

Ил. 7. Блок стволов со ствольной коробкой и затворами, вид сверху



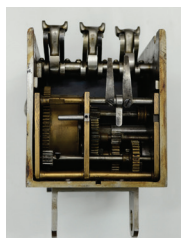
Ил. 8. Блок стволов со ствольной коробкой и затворами, фрагмент, вид слева



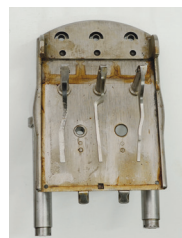
Ил. 9. Блок стволов со ствольной коробкой и затворами, фрагмент, вид сверху



Ил. 10. Ствол № 1 со ствольной коробкой, фрагмент, вид сверху



Ил. 11. Короб со снятым затыльником, вид сзади. Сверху – ось с курками, снизу – телеграфный механизм



Ил. 12. Затыльник с внутренней стороны. Видны шептала



Ил. 13. Магазин. Вид спереди

Ил. 14. Магазин. Неполная разборка



Автор благодарит ст. н. с. ВИМАИВиВС Дьяченко А. В. за помощь в написании этой статьи.

¹ <https://gwar.mil.ru>

² Российский государственный военно-исторический архив (далее РГИА). Ф. 493. Оп. 10. Д. 51. Л. 20.

³ Там же. Л. 22–27.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Там же. Л. 23.

⁷ Там же. Л. 26–26 об.

⁸ Там же. Л. 23

⁹ Там же. Л. 25 об.

В. Е. Лукин (Санкт-Петербург)

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ АДРИАНОВ –
ВОЕННЫЙ ТОПОГРАФ, КОНСТРУКТОР,
ХУДОЖНИК**

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ АДРИАНОВ, военный топограф, картограф, конструктор военного компаса и артиллерийского прицела, автор эскиза Герба СССР, родился 22 февраля (6 марта) 1875 г. в Санкт-Петербурге в семье артиллерийского офицера. Его отец участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., завершившейся освобождением Болгарии, был автором нескольких военно-технических трудов, работал в области репродукционной фотографии.

В. Н. Адрианов прошел богатый жизненный путь, но о его биографии и личной жизни известно крайне мало. Однако жизнь Владимира Николаевича можно описать через его изобретения и труды, которых было немало.

В 1894 г. Владимир Адрианов окончил 1-й кадетский корпус, а затем в 1896 г. – Военно-топографическое училище, оба эти учебные заведения находились в Санкт-Петербурге¹.

В 1896–1897 гг. подпоручик Корпуса военных топографов (КВТ) Владимир Адрианов был прикомандирован



Ил. 1. Адрианов Владимир Николаевич. Фото 1927 года

к лейб-гвардии Московскому полку для получения навыков строевой службы².

В 1897–1900 гг. он был направлен на съемку Северо-Западного пограничного пространства³.

Во время работы топографом В. Н. Адрианов часто выезжал на исследования местности и топографические съемки. Последнее предполагало измерение основных топографических показателей: расстояний, высот и углов, а также фиксацию местности для получения съемочного оригинала топографических карт и планов. В 1900–1905 гг. с такой миссией им были обследованы все Северо-Западное пограничное пространство, а также Санкт-Петербургская губерния и Финляндия⁴.

В январе 1905 г. поручик КВТ В. Н. Адрианов был назначен производителем картографических работ Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба⁵. Там он составлял основу топографических карт и руководил процессом их издания.

Со школьных лет нам известно, что компас – это устройство, помогающее нам не заблудиться на местности и попасть в нужную точку. Конечно, надо уметь им пользоваться, но это совсем не сложно. Большинство людей пользуются магнитным компасом, изобретенным, как принято считать, в древнем Китае.

В 1907 г. Владимир Николаевич сконструировал первый российский войсковой компас с фосфоресцирующей подвеской, который был назван в его честь – «компас Адрианова»⁶. Конечно, такие приборы существовали и ранее, но этот был создан специально для военных. В его конструкции содержались радиоактивные вещества (преимущественно для светящихся в темноте стрелок), однако при неповрежденном корпусе прибор был безопасен.

В целом это устройство работает так же, как и обычный компас. По нему вы можете определить стороны света, расположить правильно карту, измерить азимуты или определить направление пути. Это типичный магнитный компас, который работает за счет взаимодействия искусственно создаваемых магнитных полей и естественных полей Земли.

В центре корпуса прибора на острие иглы помещена магнитная стрелка, северный конец которой устанавливается в направлении на Северный магнитный полюс. Внутри корпуса помещена круговая шкала (лимб), разделенная на 120 делений с ценой одного

деления 3 градуса. Для визирования на ориентиры и снятия отсчетов по шкале компаса на вращающемся кольце закреплены визирное приспособление – мушка и целик, а также указатель отсчетов. Свободно вращающаяся магнитная стрелка поворачивается вокруг оси, располагаясь всегда вдоль силовых линий магнитного поля. Направления на стороны горизонта взаимосвязаны между собой, и если известно хотя бы одно из них, можно определить остальные.

Среди достоинств «компаса Адрианова» были компактность, надежность (колба наполнена не жидкостью, а воздухом, так что если корпус повредится, компас продолжит работать) и возможность использования в темное время суток. Но были и недостатки: стрелка находится в непрерывном движении, так как в колбе нет жидкости (оборотная сторона надежности), с его помощью сложно работать с картами (нет линейки и привычного планшета), а светящаяся стрелка должна была сначала зарядиться от солнечного света. Однако в определенных условиях компас был удобен и необходим.

В 1910 г. капитан Корпуса военных топографов В. Н. Адрианов был откомандирован в крепость Кронштадт для производства тригонометрических работ⁷.



Ил. 2. Компас Адрианова

Офицеры и чиновники КВТ выполняли топографические съемки для создания точных карт и планов местности в интересах военных действий, производили съемки и рекогносцировки по заказам Геологического комитета и ряда министерств, выполняли работы по созданию Государственной геодезической сети тригонометрических пунктов.

В 1911 г. капитан КВТ В. Н. Адрианов был избран действительным членом Императорского Русского географического общества. А в следующем году стал одним из авторов оформления к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года карты Бородинского поля. Эта работа была высоко оценена и признана картографическим произведением искусства, а редактором, украсившим карту рамкой из военных знамен и георгиевской лентой, как раз и был В. Н. Адрианов. Тогда же увидела свет его книга «Пособие по изучению условных знаков топографических карт». Проявил себя Владимир Николаевич и как художник на конкурсе по оформлению интерьеров нового здания Народного дома на Кронверкском проспекте в Санкт-Петербурге. В. Н. Адрианову тогда присудили первую премию.

Владимир Николаевич являлся редактором-издателем «Топографического и геодезического журнала»⁸. С 1910 по 1913 гг. журнал издавался при участии капитанов КВТ В. Н. Адрианова и В. А. Четыркина и выходил два раза в месяц. Кроме научных и технических статей и очерков из профессиональной жизни топографов и геодезистов он помещал информацию обо всем, что имело отношение к созданию топографических карт. В частности, о развитии авиации – в связи с первыми опытами по аэрофотосъемке.

С 1915 года офицеры Корпуса военных топографов стали применять аэросъемку в целях топографической разведки, а в 1917 году были сформированы фотограмметрические воинские части для топографического обеспечения боевых действий войск. КВТ выполнял работы на твердой геодезической основе, обеспечившей создание точных топографических карт.

5 (18) октября 1916 г. В. Н. Адрианова произвели в чин подполковника Корпуса военных топографов⁹.

При Временном правительстве его назначили начальником части по изданию карт, а после перехода власти к большевикам ему было поручено бесперебойное обеспечение Красной

армии топографическими картами на базе крупной московской типографии.

С июня 1918 г. по 1921 г. В. Н. Адрианов – начальник отделения, а затем начальник части по изданию карт картографического отдела Корпуса военных топографов.

Осенью 1919 г. М. Д. Бонч-Бруевич, возглавлявший тогда Высшее геодезическое управление (ВГУ), переключил деятельность В. Н. Адрианова с производственных вопросов на проблемы организации картоиздательского дела, и в 1920 г. Владимир Николаевич опубликовал программную работу «Задачи русской картографии». Она произвела сильное впечатление, и автора пригласили на работу в Московский межевой институт (нынешний Московский государственный университет инженеров геодезии и картографии). Более пятнадцати лет, до своей тяжелой болезни, ставшей причиной смерти, Владимир Николаевич вел в этом вузе занятия по составлению, оформлению и изданию топографических карт, создал лаборатории и картопечатную мастерскую. Его авторитет как специалиста тогда был чрезвычайно высок.

В 1921 г. В. Н. Адрианов был уволен из рядов РККА¹⁰. Причина его увольнения остается неизвестной. Но вот в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) неожиданно обнаружился интересный документ. Это доклад начальника экспедиции Белого моря Н. Н. Матусевича от 16 июля 1921 г., в котором он просит начальника Морских сил республики А. В. Немитца разрешить осужденным революционными трибуналами специалистам отбывать сроки наказания на работах по специальности, то есть в экспедициях. В частности, в этом документе упоминался и бывший офицер Корпуса военных топографов Владимир Николаевич Адрианов, «осужденный на 5 лет принудительных работ в Ново-Песковском лагере»¹¹. За что он был осужден и когда освобожден, пока установить не удалось.

Однако уже в 1922 г. В. Н. Адрианов – руководитель художественно-репродукционного отдела «Гознака» и возглавляет его редакционный совет¹². В течение нескольких лет он создавал образцы денежных знаков и ценных бумаг: первые советские червонцы, транспортный сертификат, кредитный рубль, облигацию государственного займа первой пятилетки.

Управляющий «Гознаком» Т. Т. Енукидзе возглавлял комиссию, решавшую вопросы художественной стороны выпускаемой продукции. Эта комиссия проводила в 1923 г.

и предварительный просмотр эскизов Герба СССР, лучшие из которых необходимо было направить на рассмотрение и утверждение в Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР. Ни один из эскизов не удовлетворил комиссию, и это задание исключительной важности было передано персонально В. Н. Адрианову, который успешно выполнил поручение. В 1937 г. он писал директору «Большого советского атласа мира» профессору В. Е. Мотылеву: «Особым моим произведением является Герб СССР, созданный по персональному поручению управляющего [«Гознаком»] т. Енукидзе и принятый ЦИК СССР в 1924 году».

Утвержденный по эскизу В. Н. Адрианова Государственный герб СССР являлся официальной эмблемой страны. Его описание было закреплено в Конституции СССР 1924 года. Он представлял собой изображение серпа и молота на фоне



Ил. 3. Рисунок Герба СССР.
1923 год

небесного свода в лучах солнца и в обрамлении колосьев, с надписью на языках союзных республик «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В верхней части герба находилась пятиконечная звезда. Герб символизировал союз рабочих и крестьян, добровольное объединение равноправных союзных республик в едином государстве, равноправие всех наций и выражал идею интернациональной солидарности народов СССР с трудящимися всех

стран. Колосья обозначали жизнеспособность государства и процветание, а солнце — свет коммунистических идей и светлое будущее.

В 1922 г. Владимир Николаевич принял участие в организации картоиздательского процесса при Административной комиссии Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК).

В период с 1922 по 1929 г. В. Н. Адрианов занимался разработкой условных картографических знаков для Высшего

геодезического управления (ВГУ) в метрической системе, параллельно работая в Московском межевом институте¹³.

В 1928 г. Адрианов возглавлял редакционный совет и был автором художественного оформления первого «Атласа СССР», инициатива по изданию которого принадлежала еще В. И. Ленину, рекомендовавшему обязательно привлечь Владимира Николаевича к этой работе¹⁴. В этом же году он участвовал в подготовке защитного шрифта фабрики «Гознак».

С июня 1933 г. по январь 1934 г. В. Н. Адрианов – начальник картографического бюро в составе Таджикско-Памирской экспедиции. Он составил и оформил карту Таджикской ССР в масштабе 1:750000 без «белых пятен» на Памире¹⁵. Благодаря ему на карте Таджикской ССР не осталось неопознанных мест, выдающийся топограф стал примером того, что даже к сверхответственным делам можно подойти творчески.

В 1934 г. В. Н. Адрианов изготовил фирменный знак «Большого советского атласа мира», создал ряд новых картографических шрифтов¹⁶.

В 1937 г. он становится художественным редактором 1-го тома «Большого советского атласа мира» и участвует в подготовке его издания¹⁷. В это же время участвует в подготовке многих специальных картографических наборных шрифтов, картоиздательского фотонабора.

В последние годы жизни В. Н. Адрианов был тесно связан с Тверской землей, он не раз приезжал сюда на отдых и прежде. В 1935 г. тяжело больной изобретатель, картограф и художник писал сыну Игорю из Осташкова: «Всегда, когда я бываю в таких городах, как Валдай или Осташков, я мечтаю, как было бы хорошо осесть здесь на постоянное местожительство. Размеры жизни Москвы, ее темп и темы слишком утомительны»¹⁸. В том же году он осуществил свою мечту и приобрел в Осташкове половину дома №5 по улице Урицкого, выходявшего окнами на берег прекрасного озера, и окончательно поселился в этом уютном городке на Селигере, выезжая на поезде в Москву лишь по крайней рабочей надобности.

К сожалению, ему было отпущено судьбой прожить здесь только три года. Последние свои графические произведения он, по свидетельству сына, «...создавал в спокойной и тихой обстановке неторопливой осташковской жизни».

24 июля 1938 г. Владимир Николаевич Адрианов скончался в Осташкове, работая над очередным шрифтом для

«Большого советского атласа мира», и был похоронен на местном Крестовоздвиженском кладбище, впоследствии уничтоженном.

Игорь Владимирович Адрианов, хорошо знавший место захоронения отца, предлагал администрации Осташкова установить ему за свой счет скромный памятник, но в 1984 г. он скончался, а еще через семь лет не стало и СССР.

В 1996 г., в связи с 625-летием Осташкова, на уцелевшей башне ограды уничтоженного кладбища была установлена памятная доска с таким текстом: «Здесь находилось Крестовоздвиженское кладбище-некрополь 70-х гг. XVIII в. – 30-х гг. XX в., где были похоронены известные осташковские граждане, а также автор Герба СССР В. Н. Адрианов».

А еще раньше, в 1977 г., на пересечении улицы Володарского и переулка Адрианова на здании Осташковского краеведческого музея была установлена памятная доска с надписью: «Переулок назван в память Владимира Николаевича Адрианова (1875–1938), известного советского картографа, автора Герба СССР. В 1935–1938 гг. жил и умер в Осташкове».

С 1883 по 1938 г. В. Н. Адриановым, кроме вышеперечисленных, были выпущены следующие труды:

1. Книга «Топография в применении к боевой обстановке» (1916).

2. Статьи: «Компас Абдер»; «Экспедиция для исследования побережья Восточной Сибири»; «Условные знаки для морских карт»; «Задачи русской картографии»; «О географических названиях на картах и картографических шрифтах»; «Стандартизация карт» (1904–1938).

3. Разработаны: «Инструкция для государственных топографических съемок» (1921); «Положение для составления и редактирования карт» (1933).

4. Изданы карты и планы: «План Бородинского поля»; «Карманно-дорожная карта России»; «Карты Московской губернии и области» (1897–1938).

5. Исполнены эскизы титульных листов: «Атласа СССР»; проекта программы и фирменного знака «Большого советского атласа мира»; «Карты Союза ССР».

6. Созданы: «Образцы картографических шрифтов» (1915–1937).

7. Выполнены эскизы: «Букв для денежных знаков», «Шрифты», «Оттиск эмблемы Герба СССР» (1922–1930).

8. Отработаны картографические документы: по Таджикско-Памирской экспедиции, «Эталон оформления генеральных карт Таджикской и Узбекской ССР», географо-экономический атлас и карты Таджикской ССР (1934–1937).

9. Подготовлены документы о работе на 2-й фабрике Управления фабриками изготовления государственных знаков Наркомфина СССР (1934–1937).¹⁹

¹ Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. М.: ТС ВС РФ, 2001. С. 12.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. р-457, Оп. 1. Д. 24. Л. 4–5.

¹² Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 13. Д. 104. 1883–1938 гг.

¹⁹ Там же.

Б. В. Мезгорский (Санкт-Петербург)

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО СТРОЕВОМУ ОБУЧЕНИЮ ПЕТРОВСКОЙ ПЕХОТЫ

Н АСТОЯЩАЯ СТАТЬЯ посвящена анализу выявленного рукописного источника и определению его места в системе подготовки пехоты в период правления Петра I.

Рукописная книга, которую нам посчастливилось исследовать, хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в описи названа «Сборник военно-уставных документов. XVIII»¹. Наибольший интерес в ней вызвала строевая инструкция, которой и посвящена настоящая статья, однако сначала нужно дать характеристику сборнику.

Формат в лист, мягкий переплет из толстой нетисненой кожи, 32 листа. Бумага с филигранью «Герб Амстердама». Рисунок гербовой части филиграни наиболее похож на № 350 по справочнику Диановой. Такая разновидность герба встречается с 1698 по 1745 г. и является характерной для XVIII в. Контрамарка PDB; по справочнику Диановой литеры PDB встречаются в 1717 г. (№ 315 и 404), и в 1735 г. (№ 350)².

Владельческие надписи включают дарственную надпись «братцу Михаилу Степановичу», они сделаны одновременно с основным текстом, т. к. написаны на незаполненных частях страниц, почерком и чернилами, отличающимся от основного текста. На нахзаце есть записи «Сия книга Тимофея Щербачова» и «Сия книга Ивана Петрова», их почерк также не совпадает с почерком основного содержания книги. Среди офицеров петровской армии, чьи автобиографические «сказки» опубликованы К. В. Татарниковым, есть два брата Щербачевы – Тимофей и Петр Михайловичи³. Тимофей начал службу в Ростовском драгунском полку в 1710 г., переведен в Смоленский пехотный в 1712 и в Пермский пехотный в 1717 г.

Его брат Петр поступил в те же полки в 1711, 1713 и в 1715 гг. соответственно.

В сборнике одним почерком переписаны документы, которые известны по другим источникам и датируются 1698–1712 гг. Числа написаны кириллическими буквами; в документах упоминается «царское величество» и нигде не упомянут императорский титул. Исходя из этого, мы можем заключить, что книга была создана между 1712 и 1721 гг., и предположить, что, скорее всего, ближе к 1712 г., поскольку позднее в делопроизводстве произошел переход на арабские цифры.

Рассматриваемый сборник относится к жанру ручных офицерских книг. В них офицеры делали для себя списки не только с уставов, артикулов и других регламентирующих документов, но также с реляций, исторических трудов, молитв и даже стихотворений. Образчики этого типа документов были известны исследователям еще в конце XIX в. В Отделе рукописей РГБ хранятся две наиболее известные рукописные книги – каптенармуса Федора Петрова, также известная как «Сборник или записная книга военного человека»⁴, и поручика Ивана Ивановича Кожевникова⁵. Схожий сборник неизвестного владельца, содержащий списки известных петровских артикулов, хранится и в РНБ⁶. Рассматриваемый нами памятник относится к тому же ряду источников, однако по какой-то причине он остался незамеченным исследователями петровских уставов⁷.

Итак, документ, который привлек наше внимание в этой рукописной книге, – ранее неизвестная строевая инструкция, озаглавленная «На приклад как в учение и во время потребности обходитца»⁸. Для удобства идентификации будем называть ее в дальнейшем «Приклад», признавая, что название это условное. В этом документе 168 пунктов со словами команд и описанием их выполнения.

Чтобы определить место выявленного документа в системе обучения петровских войск, нужно дать краткую характеристику другим известным строевым «экзерцициям» (учениям) и наставлениям. Первым документом, по которому обучались солдаты с 1700 по 1715 гг., было «Краткое обыкновенное учение с крепчайшим и лучшим растолкованием (в строении пеших полков), как при том поступати и во осмотрении имети надлежит господам капитанам и прочим начальным и урядникам». В виде печатной брошюры оно было впервые издано в Москве 7 ноября 1699 г.,

и в него вошли слова команд для приемов с кремневой фузеей и с багинетом, поворотов, сдваиваний, а также пальбы плутонгами, падением шеренг («нидерфален») и залпом. Другие издания «Краткого обыкновенного учения...» последовали 28 октября и 27 ноября 1700 г., в марте 1702 г. и 3 марта 1704 г. – в них по сравнению с изданием 1699 г. добавлены некоторые пояснительные фразы и появилась гренадерская экзерциция⁹.

Экзерциция 1699 г., более или менее подробная в одиночном учении, крайне мало сообщала об обучении подразделения и ничего – о дистанциях и интервалах в строю, о маршах и захождениях, о местах и задачах офицеров и унтер-офицеров в боевой линии. Тем более там ничего не было сказано про взаимодействие и поведение войск в реальном сражении. Поэтому требовались новые наставления по ранее не регламентированным вопросам – и они появились в виде инструкций, которые царь спускал своим генералам.

«Статьи во время воинского похода» были выпущены впервые в начале июля 1703 г. для войск (драгунских полков и гвардии), отправленных против шведского корпуса Крониорта и в результате разбивших его 8 июля 1703 г. на р. Сестре¹⁰. Впоследствии этот документ распространялся в списках; в частности, 8 июня 1704 г. статьи были объявлены войскам за подписью А. Д. Меншикова и с одобрительной резолюцией самого царя, а также были переведены на немецкий язык¹¹. Восемь пунктов этого документа посвящены укреплению дисциплины в бою.

«Инструкция как вести себя в сражении солдатам и в особенности офицерам» или «Указ, как чинить в нынешнем походе» была подписана Петром 3 октября 1706 г. для войск, участвующих в походе на Выборг¹². Содержащиеся в этом документе семь пунктов отчасти повторяли положения статей 1703 г. Четвертый пункт касался непосредственно тактики на поле боя: стрельбе первым шеренгам на коленях, а вторым стоя (причем указано, что аналогичная инструкция была ранее отправлена полкам Стрекалова, Кулика, Путятина и прочим); падением шеренг разрешалось стрелять через переправу, которую неприятельская кавалерия не сможет быстро переехать; коннице не стрелять и наступать со шпагами; пехоте и коннице поступать в стрельбе и в наступлении «тихо и порядочно» и не спешить.

«Учреждение к бою по настоящему времени»¹³ было составлено лично Петром, подписано и разослано в войска 16 марта

1708 г. Весной 1711 г. этот текст был еще раз разослан полковникам¹⁴. Помимо оригинала в бумагах царя, «Учреждение» сохранилось в нескольких ручных офицерских книгах, что свидетельствует о широком распространении этого документа¹⁵. Оно восполняло некоторые пробелы в тактическом образовании пехоты, неизбежные при том, что «Краткое обыкновенное учение» 1699 г. многие детали описывало недостаточно подробно либо опускало вовсе. Во вступительной части «Учреждения» Петр пишет о том, что старых солдат нужно обучать не рекрутской экзерциции, которую они давно выучили, но непрестанно обучать действиям в боевой обстановке. В последующих пяти пунктах говорится о методах ведения огня – шеренгами (п. 2) и плутонгами (п. 4), причем последний назван наиболее предпочтительным. Здесь впервые дается четкое указание на новую глубину строя, четыре шеренги, и на места пикинеров в строю (каждый второй солдат в первой шеренге). Фиксируются обязанности и местоположение обер- и унтер-офицеров в бою (п. 3). Существовала также малоизвестная ныне версия «Учреждения к бою» для драгун, сохранившаяся в бумагах А. Д. Меншикова и опубликованная М. К. Марченко в 1901 г.¹⁶

«Некоторые регулы, которые при баталии предостережены быть имеют», также известные как «Правила сражения»¹⁷, были написаны Петром накануне Полтавского сражения на основе опыта кампании 1708 г. и сражений при Головчине, Добром и Лесной¹⁸. В них 14 пунктов, преимущественно посвященных взаимодействию родов войск на поле боя.

Финальным документом, регламентирующим строевое обучение пехоты, стала изданная в 1715 г. книга «О экзерциции и о приуготовлении к маршу». В литературе этот документ часто считают составной частью Военного устава 1716 г., хотя это две книги, вышедшие в разное время. В первой части «О экзерциции» содержится одиночное учение, в целом повторяющее Краткое учение 1699–1704 гг. (приемы с фузеей и со штыком, гренадерские приемы, повороты). Чуть более подробно описано батальонное учение – сдваивания, ведение огня плутонгами, шеренгами и залпом; появляется построение каре. В части второй – разделы, отсутствовавшие в учении 1699 г. и частных инструкциях, – «О приуготовлении к маршу» (выступление из лагеря или из дворов (пп. 1–4), марш фронтом батальона или колонной по подразделениям (пп. 5–10), о вступлении в лагерь или на квартиры

(пп. 11–13), о построении батальона (пп. 15, 16), о полковом учении и в том числе о пальбе плутонгами и шеренгами (пп. 17–19), о смотре и приветствии командования (пп. 20–23), о караулах (пп. 24–29, 32, 36–39), об отдании пароля (пп. 29–31), о командировании (пп. 33, 34), о последовательности передачи командования при выбытии командира (п. 35), о барабанном бое (пп. 41–49).

Введение эскерциции 1715 г. должно было обеспечить войскам единую нормативную базу для строевого обучения. Однако на практике существовали и иные документы, использовавшиеся и после Петра. Например, эскерциция, описанная в 1746 г., согласно рапорту фельдмаршала Ласси, «ныне в полевых и гарнизонных полках производится по Военному уставу, как было при жизни <...> Петра Великого, тож и по силе Ее Императорского Величества означенных ныне состоявшихся указов»¹⁹. То есть, отчасти ее текст восходит к петровскому времени. Идентичный текст был опубликован Д. Ф. Масловским как «Эскерциция пешая» Миниха, датированная 1731 г.²⁰ (К. В. Татарников ставит эту атрибуцию под сомнение). В нем есть одиночное учение (пп. 1–74), сдваивания (пп. 75–129), стрельба, марширование, гренадерская эскерциция и раздел о ношении рогаток. Этот текст отличается от «Эскерциции» 1715 г. в нескольких аспектах. По содержанию, в 1746 г. предписывается перед стрельбой перестраиваться из трех шеренг в четыре, чего не было при Петре; остальные элементы вполне вписываются в структуру и логику петровских эскерциций. По форме текст 1746 г. гораздо более подробно описывает все приемы: как при каждом темпе держать ружье, где должен быть какой палец, в каком положении иметь ноги. Подобная детализация нехарактерна для известных до сих пор петровских уставов, где прописаны лишь слова команд, а нюансы исполнения обучающие офицеры должны были показывать на личном примере. Однако эта детализация характерна для всех более поздних строевых уставов. И Масловский делает вывод, что с этих мелочных и сложных для понимания предписаний в русской армии началась «убийственно-сложная муштровка» и «ружжистика». Вместе с тем, Масловский сравнил минихову эскерцицию с прусской того же периода и сделал вывод, что первая не есть калька второй. Отметим, что тенденция более подробно описывать ружейные приемы, которые в петровских эскерцициях описаны совершенно лаконично, очевидна и по другому

документу – «Описанию приемов российской экзерциции, коим образом оные при Лифляндской и Ингерманландской дивизиях отправляются», 1733 г.²¹

Переходя к анализу рассматриваемого нами документа, в первую очередь надо сказать, что «Приклад» описывает батальонное учение и касается управления четырехшереножным пехотным строем. Текст не представляет собой индивидуальное обучение ружейным и строевым приемам, но обращает внимание на некоторые детали поведения солдата в строю. Например, после выстрела солдату следовало дуть на полку (п. 121). Этот темп как наследие эпохи фитильных мушкетов²² еще сохранялся применительно к кремневым фузеям в европейских уставах в начале XVIII в. (например, в саксонском 1726 г., французском 1703 г., австрийском 1705 г.), но уже отсутствовал в русском учении 1699 г. и в последующих. Согласно «Прикладу», солдаты в строю должны были не разговаривать, не крутить головой, но слушать команды. От солдат требовалось сохранять равнение в рядах и шеренгах, одновременно начинать движение при сдваиваниях (в подавляющем числе случаев – с левой ноги), соблюдать единообразие в ношении на плече фузеи (для чего подкурковую скобу фузеи всем упирать в грудь – этот прием позднее описан в «Экзерциции» 1733 и 1746 гг.). То есть, мы видим здесь то проявление внимания к внешней стороне учения, которую позднее назвали вредной муштрой и которой якобы не было при Петре; однако представляется, что это было вызвано стремлением повысить эффективность военного строя в условиях линейной тактики.

Рассматриваемый документ начинается с построения батальона на учение, причем названы интервал («чтоб человек человеку мог руку на плечо положить») и дистанция между шеренгами (три шага) (однако для построения перед боем в п. 99 указано четыре шага). Затем после слов «господа офицеры учения будут» и по барабанной дроби офицеры и унтера занимают свои места в строю. Более трети всех пунктов документа посвящено строевым эволюциям – сдваиваниям шеренг и рядов. Сдваивание шеренг – трансформация линейного построения, при которой вдвое уменьшается количество шеренг и вдвое же увеличивается число рядов – описано в пунктах с 1 по 40. Описано восемь способов сдваивания: 1)²³ направо шеренги сдвой наперед (люди в рядах входят в интервалы между впереди стоящими справа, 2-я шеренга входит в 1-ю, 4-я – в 3-ю); 2) налево вперед сдвоить шеренги

(те же шеренги входят слева); 3) направо шеренги сдвой назад (1-я шеренга входит во 2-ю, 3-я – в 4-ю); 4) налево шеренги сдвой назад (те же шеренги входят слева); 5) с половины рядов направо сдвой наперед (4-я шеренга входит во 2-ю и 3-я – в 1-ю, входят в интервалы справа); 6) с половины рядов налево шеренги сдвой наперед (те же шеренги входят слева); 7) с половины рядов направо шеренги сдвой назад (1-я шеренга входит в 3-ю и 2-я – в 4-ю, входят в интервалы справа); 8) с половины рядов налево шеренги сдвой назад (те же шеренги входят слева).

Для каждой эволюции дается последовательность командных слов по выполнению эволюции и возвращения в исходное положение, а также подробное описание их исполнения, включая такие подробности, как на каком каблуке и через какое плечо поворачиваться. Надо отметить, что из этих способов сдваивания шеренг только один (№ 6) описан в Кратком обыкновенном учении 1699 г., и четыре – № 5, 6, 7, 8 – в «Экзерциции» 1715 г. и в рапорте Ласси 1746 г. В наставлениях 1699 и 1715 гг. содержатся только слова команд, а подробные описания их исполнения есть в рапорте 1746 г.

Сдваивание рядов – эволюция, при которой количество рядов уменьшается вдвое и так же увеличивается количество шеренг; ему посвящены пункты с 41 до 61. В документе описаны четыре способа сдваивания рядов: 1) направо ряды сдвой (каждый второй ряд входит в соседний ряд справа); 2) налево ряды сдвой (те же ряды входят в ряды слева); 3) с половины шеренг направо ряды сдвой вперед (левофланговая половина каждой шеренги входит за правофланговую половину); 4) с половины шеренг налево ряды сдвой (правофланговая половина входит за левофланговую). Лишь два из этих способов (№ 3 и 4) описаны в «Учении» 1699 г., зато все они есть в «Экзерциции» 1715 г. и в рапорте Ласси 1746 г.

Стоит отметить способы совершения поворотов в строю, упоминаемые в пунктах о сдваиваниях: 1) налево кругом на левой ноге, 2) налево кругом на правой ноге, 3) направо кругом на левой ноге, 4) направо кругом на правой ноге. В петровских экзерцициях 1699 и 1715 гг. в принципе отсутствует указание, на каком каблуке поворачиваться направо и налево кругом. Такие указания встречаются позднее, в экзерцициях 1733, 1746, 1753 и 1755 гг. Из вышеперечисленных способов № 4 больше нигде не упоминается, а № 2 – только в 1733 г.

Смыкание шеренг – уменьшение дистанции между шеренгами с исходных 3 или 4 шагов до «по конец шпаги» впереди стоящего; оно было необходимо для ведения огня. Этот маневр вместе с возвращением в исходное положение описан в документе в пп. 62–71 в двух видах: 1) наперед сомкнуть шеренги (4-я, 3-я и 2-я шеренги смыкаются к 1-й); 2) сомкнуть шеренги назад (к 4-й смыкаются передние три шеренги).

Смыкание рядов (уменьшение интервала между солдатами в шеренге) было необходимо для марша и захождений. Оно описано в пп. 72–89 в трех вариантах: 1) направо смыкай ряды (к правому флангу); 2) налево смыкай ряды (к левому флангу); 3) налево и направо сомкнуть ряды (на середину). Эти две важные для линейного строя операции не описаны в других наставлениях петровского времени, хотя и упомянуты в «Экзерциции» 1715 г.

«Выступление из ружья» (действие, описанное в пунктах 90–98 рассматриваемого документа) не содержится в других известных нам экзерцициях, и смысл его не до конца понятен, скорее всего, это часть смотра. Стоя в строю, солдаты кладут фузеи на землю, повернувшись по команде кругом, маршируют в тыл, затем вынимают шпаги из ножен и бегом возвращаются на место, где в три темпа вкладывают шпаги в ножны и поднимают свои ружья.

«Приклад» предписывает разделение линии батальона на тактические подразделения – на четыре дивизиона по четыре взвода (плутонга) в каждом (п. 102). В других петровских документах дивизионы не упоминаются – там на плутонги разделяются роты. Следует уточнить, что роты – это административные подразделения, которые могут отличаться друг от друга фактической численностью личного состава; дивизионы и плутонги – именно тактические единицы, рассчитываемые каждый раз на одинаковое число рядов для правильности построений. Самое раннее известное до сих пор упоминание дивизионов было в рассуждениях Воинской комиссии «О смотре и мунстровании полков» 1730 г.²⁴

Захождение («завождение») фронтом подразделений (плутонг, полудивизион, дивизион, батальон) описано в пп. 104–110 «Приклада». И это единственное описание данной процедуры, предназначенной для смены направления движения фронта. В «Учреждении к бою» 1708 г. этот маневр назван «швекили»; сказано, что старых солдат ему надо обучать непрестанно, но не написано, как именно обучать. В «Экзерциции» 1715 г. – «швенкование» («швенкуйся налево или направо»), и ему посвящена

следующая фраза: «А каким образом по-взводно, по-ротно или баталионом или целым полком направо или налево швенковать, о том уже во всех полках толико употребляемо есть и тако твердо знаемо, что многим письмом пространно упоминати не надобно». Фраза характеризует петровский устав, который один из немногих ключевых маневров линейного строя не описывает вообще и ссылается исключительно на практический опыт войск.

Важной составляющей обучения пехоты было ведение залпового огня разными способами. Стрельба плутонгами, когда подразделения делают залпы в определенной последовательности, была описана в 1699, 1708 и в 1715 гг., однако в «Прикладе» – гораздо подробнее и с большим числом вариантов. Очередность залпов по наставлениям 1699 и 1715 гг. – 1-й плутонг, 2-й, 3-й и т. д. с правого фланга каждой роты к левому. В нашем «Прикладе» первым палит правофланговый плутонг батальона, за ним – левофланговый, затем второй справа, второй слева и т. д. к середине строя. Залпы можно было давать не только плутонгами, но также полудивизионами и дивизионами.

Первый описанный в «Прикладе» вариант ведения огня плутонгами (при неподвижно стоящей линии батальона и стреляющих со своих мест плутонгах) описан в пунктах 111–119 и 136–140. Второй вариант – с поочередным выступанием подразделений перед фронтом стоящего на месте батальона на 20–50 шагов, залпом и последующим возвращением в линию (пп. 119–121). Такой способ мы встречаем, например, в эскерции герцога Мальборо 1708 г., где сказано, что солдаты одного плутонга, выстрелив, медленно отходят и заряжают, в то время как другой плутонг выдвигается вперед²⁵. В нидерландском наставлении 1708 г. также упоминаются выдвигающиеся и отступающие плутонги²⁶.

Третий вариант – в наступлении батальона стреляющие плутонги, опережая линию, выходят вперед на три–четыре шага, стреляют и ждут, когда их догонит общий строй (п. 122). Четвертый вариант – в наступлении, но когда перед выстрелом вся линия останавливается (п. 141). Пятый вариант – в отступлении («в отводе»), когда батальон марширует в тыл, плутонг останавливается, разворачивается кругом, стреляет, разворачивается и догоняет батальон (пп. 123, 124, 142, 143).

Альтернативой пальбе плутонгами была пальба шеренгами, описанная в «Учреждении» 1708 г. и «Эскерции» 1715 г., но

в рассматриваемом «Прикладе» ей уделено больше внимания (п. 143). При стрельбе шеренгами на месте передние две шеренги становятся на колени, задние две – стоя; шеренги дают залпы по очереди от четвертой к первой, офицер на фланге вступает в ту шеренгу, которой предстоит палить. В отступлении батальон, развернувшись лицом к неприятелю, ставит на колени три передние шеренги, и четвертая стреляет по верх них. Этот способ напоминает пальбу «падением шеренг, или нидерфален», описанную в «Учении» 1699 г.

Особое внимание уделено приветствию («отданию поклона») царю или генералам офицерами батальона в строю и на марше (п. 125), а также во время смотра (п. 126). Конному майору всегда следовало салютовать шпагой в правой руке, а пешим офицерам – своими пиками и затем снимать шляпы. Экзерциция 1715 г. называет такое приветствие «комплемнт», но описывает его иначе.

Приемы с древковым оружием (пиками) для офицеров изложены в пп. 144–166: как нести оружие на походе, «на погребение», как «отдавать поклон» – на ходу (в восемь темпов) и стоя (в четыре темпа). Для унтер-офицеров в п. 167 предписаны способы ношения полушпика на походе, с поля и на погребение. В других петровских наставлениях такие подробности не встречаются.

Линейный строй батальона подробно описан в пунктах 99–101: дистанция между шеренгами четыре шага, интервал между рядами – «чтоб человек человеку мог правую руку на плечо положить», шеренга обер-офицеров – в четырех шагах перед первой шеренгой солдат, знамена – в середине строя в шаге от шеренги офицеров, гобоисты – «перед знаменами в близости». Барабанщикам (третьей части) за знаменами, и двум частям – по флангам в одной шеренге возле унтер-офицеров. Урядники (унтер-офицеры) – у каждого дивизиона или плутонга на фланге в одной (не указано в которой именно) шеренге с рядовыми. Подполковник – в середине в трех шагах перед шеренгой обер-офицеров, полковник – еще в трех шагах впереди. Конные майор и адъютант – «на крылах» (флангах). В бою обер-офицеры вступают в свои места в дивизионах и плутонгах в первую шеренгу. В «Экзерциции» 1715 г. («О приуготовлении к маршу», пп. 15–18) те же вещи прописаны сравнительно подробно, но с иными дистанциями между шеренгами. Отметим также, что в «Прикладе» не описывается построение батальона в каре, известное по «Экзерциции» 1715 г.

Места барабанщиков указаны в конце документа, в п. 168: в походном строю, то есть в колонне, барабанщики в головном плутонге идут между первой и второй шеренгами, в замыкающем взводе – между третьей и четвертой, в середине строя – «в близости от знамен». В «Экзерциции» 1715 г. описано такое же расположение барабанщиков в ротной колонне батальона; но она в целом уделяет барабанщикам, их обязанностям и сигналам гораздо больше внимания, чем «Приклад».

Вступление батальона в лагерь («табор») и выход из лагеря описаны в пп. 127–135. Сперва батальон выстраивается фронтом к лагерю и поротно смыкает ряды. Потом роты с правого и с левого крыла идут к пирамидам и ставят в них ружья, а затем – в ротные улицы, где палатки стоят «лицо с лицом». Знамена ставят в назначенное им место, обер-офицерские пики воткнуты рядом со знаменами, за ними сложены барабаны один на другой. Схожая процедура описана в «Экзерциции» 1715 г. («О приуготовлении к маршу», п. 11), но тексты разные.

Таково содержание «Приклада», этой новой для исследователей отечественной военной истории строевой инструкции петровского периода. При стремлении командования к единообразию в обучении и использовании одного и того же устава достичь полного единообразия не получалось и к 1729 г., как выявил проведенный в этом году смотр. Поскольку «Экзерциции» 1715 г. описывала «показывание темпов, при приемах», но не указывала количество шагов для сдваиваний, то в полках делали «так как при прежних дивизиях... повелено было»²⁷. То есть, в дивизиях существовали свои более детальные инструкции, которые отличались от дивизии к дивизии.

Мы полагаем, что выявленный нами документ и является примером такой дивизионной инструкции. Пока остается неизвестным, была ли эта инструкция частной инициативой полкового или дивизионного командира или имела более широкое хождение в войсках, но, судя по состоянию листов, этой книгой активно пользовались ее владельцы. Можно утверждать, что «Приклад» восполнял пробелы в других наставлениях, и во многих отношениях он оказался более подробным по сравнению с «Экзерцициями» 1715 г. Текстологически связь «Приклада» с другими известными петровскими уставами не прослеживается.

Датировать документ пока можно лишь диапазоном. Поскольку в нем описан четырехшереножный строй, зафиксированный

«Учреждением к бою» 1708 г., это дает нам нижнюю границу датировки, верхняя же совпадает с предположительным временем создания рукописного сборника, 1712–1721 гг.

В завершение стоит упомянуть еще две инструкции из изученного нами рукописного сборника. На первой странице в табличной форме перечислены приемы с оружием. «Артикул о приемах мушкетных» и «О кратких приемах мушкетерных» не представляют интереса, поскольку являются списком команд из учения 1699 г. Зато два столбца с командами «О учении как учить с пикинеры и с пики» и «О кратких приемах пикинерных» представляют несомненный интерес. Дело в том, что выдача пик в полевые пехотные полки каждому восьмому солдату была регламентирована в 1707 г.²⁸ Тогда же Репнин задал царю вопрос про обучение пикинеров в полках, но Петр оставил вопрос без ответа²⁹. В следующем году в «Учреждении к бою по настоящему времени» было уточнено место пикинеров в строю и сказано «оных владением пики обучать»³⁰ без уточнения, как именно обучать. Таким образом, пикинерная экзерциция в армии Петра до сих пор оставалась неизвестной. Очевидно, перед нами набор команд, использовавшийся для обучения в отсутствие каких-либо наставлений сверху.

Также в ручной книге офицера Щербачева следом за «Прикладом» записан еще один ценный и неизвестный ранее документ – «приказ государев» командирам полков о учении с рогатками, как было в полку генерала Алларта 30 сентября не названного года. (Приказ не датирован, но мы считаем, что речь идет о сентябре 1707 г., когда Алларт получил чин полного генерала, когда его полк еще не был переименован в Казанский (1708) и когда царь имел возможность наблюдать учения пехоты в Вильно). Затем следуют девять пунктов об учении с рогатками: сколько рядов солдат на один рогаточный брус, как рогатки нести, где ставить, как из-за них стрелять, как носить полупики вместе с ружьем и т. п.³¹ Отметим, что приемы с рогатками, а также ружейные приемы для солдат, имеющих в руках помимо фузеи рогаточную полупику, содержались в австрийских полковых экзерцициях 1705 и 1717 гг. В России же действиям с рогатками посвящены лишь более поздние документы: «Диспозиции боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками» времен Русско-турецкой войны 1737–1739 гг. и экзерциции Ласси 1746 г.³²

За рамками настоящей статьи, по причине ограниченного объема, осталось рассмотрение выявленной инструкции, озаглавленной «На приклад как в учение и во время потребности обходитца», в контексте синхронных строевых наставлений европейских армий – это является перспективным направлением дальнейшего исследования.

¹ Сборник военно-уставных документов. XVIII. ОР РНБ. Ф. 550. Ф II 172.

² Дианова Т. В. Филлигранны XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». Труды Государственного Исторического музея. М., 1998. С. 8, 108, 154, 163.

³ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. документов. Сост. К. В. Татарников. М., 2015. Т. 2. С. 2033, 2034.

⁴ ОР РГБ. Ф. 256. Д. 366.

⁵ ОР РГБ. Ф. 256. Д. 13.

⁶ ОР РНБ. Ф. 550. Ф IX 36.

⁷ Розенгейм М. П. Очерк военно-судных учреждений при Петре. СПб., 1878; Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. СПб., 1887; Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен Императора Петра Великого и Императрицы Елизаветы. М., 1883; Мышлаевский А. З. Петр Великий. Военные законы и инструкции, изданные до 1715 года. Сб. воен.-ист. мат. Вып. IX. СПб., 1894; Военные Уставы Петра Великого. Сборник документов. // Под ред. проф. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946; Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: сборник материалов : [в 2 т.] / Сост. К. В. Татарников. М., 2010. Т. 1.

⁸ Сборник военно-уставных документов. XVIII. ОР РНБ. Ф. 550. Ф II 172. Л. 13 об. – 21 об.

⁹ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб, 1858. Т. 3. С. 459–461; Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПиБ). Т. 1. С. 347–353, 810, 811. П. П. Елифанов указал, что этот хранящийся в Кабинете Петра документ (РГАДА. Кабинет Петра I. Отд. II. Д. 53. Л. 1139–1143.) опубликован в ПиБ не полностью (Военные Уставы Петра Великого. Сборник документов // Под ред. проф. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946. С. 9.).

¹⁰ Волынский Н. Н. Постепенное развитие регулярной кавалерии. Вып. 1. Кн. 1. С. 198, 199.

¹¹ ПиБ. Т. 3. С. 77–79; Relation von dem gegenwertigen zustande des Moscovitischen Reichs. Franckfurt, 1706. S. 235–238.

¹² Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 58, 59; ПиБ. Т. 4. С. 390–392.

¹³ Мышлаевский А.З. Материалы к истории русского военного искусства. Северная война. 1708. От р. Уллы и Березины за Днепр. СПб., 1901. Приложения. С. 10–12.

¹⁴ Мышлаевский А.З. Война с Турцией 1711 года. Прутская операция. Материалы, извлеченные из архивов. СПб., 1898. С. 238, 239.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 256. Д. 13. Л. 53 об. – 57; Ручная книга И. Кожевникова, частично опубли.: Военные Уставы Петра Великого. Сборник документов // Под ред. проф. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946. С. 60–63; ОР РНБ. Ф. 550. Ф IX 36. Л. 68–70.

- ¹⁶ Марченко М. К. Наставление царя Петра эскадронным командирам и драгунским офицерам // Русский инвалид. 1901. № 57. С. 2, 3.
- ¹⁷ ПиБ. Т. 8. Т. 1. С. 6–13; Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен Императора Петра Великого и Императрицы Елизаветы. М., 1883. Примечания. С. 22–23.
- ¹⁸ ПиБ. Т. 8. Т. 2. С. 423–427; Подъяпольская Е. П. Военные советы 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М.: 1959. С. 131–133.
- ¹⁹ Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века : сборник материалов : [в 2 т.] / Сост. К. В. Татарников. М., 2010. Т. 1. С. 147–165.
- ²⁰ Материалы к истории военного искусства в России. Выпуск 3. Устав о полевой пехотной службе фельдмаршала Миниха. Документы Финляндской войны 1743 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Книга 4. М., 1891.
- ²¹ Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. С. 126–133.
- ²² «Крепко дунь в полку», «содми с полки» в: 1647 год. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 84, 93.
- ²³ Здесь и дальше нумерация вариантов сдваиваний, смыкания, методов ведения огня и т. п. – наша.
- ²⁴ Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. С. 119.
- ²⁵ The Exercise of Firelocks & Bayonets Appointed by his grace The Duke of Marlborough. London, 1708. P. 24
- ²⁶ Reglement van exercitie en Maniere van doen bij het Regiment Hollandse artillerie met goet vinden van Willem Yssel collonel over het voorsz: Regiment Op-ghestelt door den Captain Johan Friedrich Martfeldt. In den Jaere 1708. Mechelen, 1708.
- ²⁷ Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893 // Под ред. Н. Ф. Дубровина. Вып. 3. С. 22.
- ²⁸ Масловский Д. Ф. Северная война. 1705–1708 гг. Сб. военно-ист. материалов. Вып. 1. СПб., 1892. С. 168.
- ²⁹ ПиБ. Т. 5. Вып. 1. С. 184.
- ³⁰ Военные уставы Петра Великого. Сборник документов. М., 1946. С. 61–62.
- ³¹ Сборник военно-уставных документов. XVIII. ОР РНБ. Ф. 550. F II 172. Л. 21 об. – 22.
- ³² Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. С. 137, 138, 164, 165.

В. Б. Миловидов, А. Д. Федечкин (Москва)

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТИЛЛЕРИИ ОАГ ВМФ В БОЯХ ПОД ВЯЗЬМОЙ И РЖЕВОМ ОСЕНЬЮ 1941 г.

С ТРЕМИТЕЛЬНОЕ продвижение немецко-фашистских войск на западном направлении летом 1941 г. вынуждало советское командование спешно предпринимать необходимые меры по усилению обороны на центральном участке фронта. Наряду с созданием передовых укрепленных районов развертывалось и строительство тыловых оборонительных линий, в том числе Ржевско-Вяземской, сооружаемой на случай прорыва противника к Москве. Получившая в ряде источников название Государственного стратегического рубежа, она сооружалась на удалении 250–300 км от столицы, располагаясь с севера на юг по линии Осташков, Селижарово, Оленино, Дорогобуж, Ельня, Жуковка, Брянск¹.

Масштабно строившиеся укрепления требовалось оснастить значительным количеством огневых средств, в число которых решено было включить даже морскую артиллерию. Как вспоминал впоследствии народный комиссар Военно-Морского Флота СССР адмирал Н. Г. Кузнецов, еще в конце июня 1941 г. Генеральный штаб РККА запросил Народный комиссариат ВМФ о возможности выделить в распоряжение армейского командования некоторое количество корабельных орудий с последующей отправкой их в район Вязьмы².

К тому времени наркомат располагал «резервной» артиллерией калибра 100–130 мм, находящейся на заводах и арсеналах и предназначенной для строящихся кораблей. Однако сдача последних флоту затягивалась, что давало возможность направить часть вооружения на сухопутный фронт, присоединив к ним и несколько артиллерийских орудий из состава береговой обороны тыловых

военно-морских баз. Основаниями для передачи явились одно из первых распоряжений созданного вскоре после начала войны Государственного комитета обороны (ГКО) и приказ Наркома ВМФ от 6 июля 1941 г. № 0017, согласно которому командующему Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу в кратчайшие сроки надлежало направить в район г. Ржева личный состав и материальную часть стационарной батареи № 142 с кронштадтского форта «К» (бывший «Великий князь Константин»).

Она имела на вооружении четыре 152-мм орудия Канэ на морских станках системы ОСЗ, два из которых были сняты еще в 1918–1919 гг. с крейсера «Громобой»³. К лету 1941 г. износ всех пушек достигал 67–79%, что заставило перед отправкой на сухопутный фронт установить на станки запасные стволы⁴. В дополнение к ним в Ржев направлялась и подвижная батарея № 6 (три 152-мм пушки МЛ-20М на механической тяге), также входившая в Кронштадтский сектор береговой обороны.

Тем же приказом командующему силами Морской обороны г. Ленинграда и Озерного района контр-адмиралу К. И. Самойлову предписывалось в кратчайшие сроки отправить с заводов № 363, 370 и 232 в распоряжение начальников местных гарнизонов Ржева и Вязьмы 15 100-мм орудий Б-24БМ и восемь 130-мм Б-13-Пс. Все артсистемы обеспечивались боезапасом со складов флота из расчета по 300 130-м и 100-мм выстрелов и 600 выстрелов калибра 152 мм.⁵

Организация работ по оборудованию огневых позиций орудий возлагалась на начальника Инженерного управления Наркомата ВМФ генерал-майора П. И. Судьбина, причем закладные части и деревянные основания предписывалось изготовить на предприятиях Наркомстроя, а рабочую силу для установки орудий «получить на местах через органы НКВД»⁶. Общее же руководство работами Н. Г. Кузнецов поручил своему заместителю вице-адмиралу Г. И. Левченко.

Уже 8 июля 1941 г. с ленинградского завода «Большевик» были отправлены в Вязьму восемь 130-мм артсистем Б-13-Пс, а на следующий день с завода № 363 – 15 Б-24БМ. Одновременно из Ораниенбаума вышли и эшелоны с личным составом и материальной частью береговых батарей № 142 и № 6⁷.

Практически одновременно в районы Вязьмы и Ржева направили группу командиров Наркомата ВМФ во главе с заместителем

начальника Артиллерийского управления инженер-капитаном 2-го ранга А. Я. Юровским, в чью задачу входили выбор позиций морских орудий и последующее наблюдение за ходом работ по их оборудованию. В состав группы, помимо артиллеристов полковника А. А. Лундгрена, капитанов А. Д. Малинина, Н. К. Сорокина, Н. С. Фомина, вошли специалисты Инженерного управления наркомата военные инженеры М. Н. Мохов, В. К. Желобов и С. И. Лебедев. Необходимую помощь военным морякам в решении «сухопутных» вопросов оказывал начальник Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского генерал-лейтенант Л. А. Говоров⁸.

В качестве основного требования, предъявляемого к орудийным позициям, называлась возможность держать под обстрелом переправы через р. Днепр в районе Вязьмы, а также железнодорожные и шоссейные пути, ведущие к Москве. У Ржева орудия должны были прикрывать важный транспортный узел Оленино на железнодорожной линии Москва – Рига.

Результаты рекогносцировки были доложены в Наркомат ВМФ, и вскоре в намеченных районах силами местного населения и военнослужащих развернулись работы по рытью котлованов и подготовке временных деревянных оснований для каждого орудия⁹.

Согласно приказу наркома ВМФ от 9 июля 1941 г. № 00177 вся морская артиллерия, направляемая в районы Вязьмы и Ржева, сводилась в Особую артиллерийскую группу (ОАГ) ВМФ. В ее состав включили четыре 130-мм двухорудийные (штат ВМФ № 014/145) и пять 100-мм трехорудийных (штат № 014/143) батарей, получившие соответственно номера 261–264 и 231–235.

Оргштатным изменениям подверглась и переданная из КБФ 142-я береговая батарея, которая отныне переформировывалась в две 152-мм двухорудийные (штат № 014/146), получившие номера 281 и 282. По завершении формирования в район Ржева в распоряжение армейского командования решено было направить 281, 282, 231 и 232-ю батареи, а в Вязьму – 261, 262, 263, 264, 233, 234 и 235-ю, усилив их 152-мм подвижной батареей № 6, назначенной ранее для переброски в Ржев¹⁰.

Таким образом, на центральном участке оборонительного рубежа, считавшегося наиболее важным, сосредотачивалось две трети огневых средств ОАГ – 20 морских орудий (девять 100-мм, восемь 130-мм и три 152-мм), в то время как на его правом фланге,

прикрывавшем второстепенное направление на столицу, их насчитывалось лишь 10 (шесть 100-мм и четыре 152-мм).

Комплектование ОАГ возлагалось на заместителя наркома ВМФ по кадрам корпусного комиссара С. П. Игнатьева, по решению которого формирование батарей должно было осуществляться на базе 1-го Центрального флотского экипажа (г. Москва). Сюда направлялся кадровый личный состав с кораблей и из частей береговой обороны КБФ, а также призванные из запаса краснофлотцы соответствующих специальностей. Командирами батарей назначались преимущественно работники Артиллерийского управления Наркомата ВМФ, в то время как должности командиров огневых взводов и помощников командиров батарей заняли молодые лейтенанты – недавние выпускники Севастопольского военно-морского училища береговой обороны им. ЛКСМУ.

Несмотря на важность поставленной задачи, полностью укомплектовать подразделения ОАГ личным составом до их убития на позиции все же не удалось. Так, например, особенно остро ощущалась нехватка телефонистов, водителей, номерных артиллерийских расчетов и погребных, частично восполненная лишь в августе 1941 г.¹¹

Уже 15 июля моряки ОАГ в соответствии с назначениями были направлены в районы предстоящей дислокации. Двумя днями ранее в район Вязьмы прибыла полностью укомплектованная людьми и техникой 152-мм подвижная батарея № 6, а 18 и 20 июля – 100-мм и 130-мм орудия с ленинградских заводов. Их выгрузку на станциях Издешково и Митино, несмотря на авианалеты противника, удалось осуществить без потерь, после чего артсистемы на наскоро сооруженных саях-волокушах были при помощи тракторов перевезены к заранее оборудованным позициям.

Монтаж корабельных орудий на временные основания оказался весьма непростой задачей. Из-за отсутствия кранов каждое из них, помещенное точно над местом установки, приходилось приподнимать за шит домкратами и, убрав сани, подкладывать вместо них клетки из шпал. «...Опустив орудие на шпалы, изменяли установку домкратов, опуская их вниз с таким расчетом, чтобы орудие опустилось на величину хода домкрата. Установив домкраты, орудие слегка приподнимали, вынимали верхний ряд шпал и после этого опускали на шпалы, затем производили перестановку домкратов. Орудие опускалось до тех пор, пока не

садились на болты...» – так описывался этот процесс в одном из донесений ОАГ¹².

Первыми 19 июля 1941 г. на огневые позиции были поставлены три орудия МЛ-20М, а спустя шесть дней назначенные места заняли и девять 100-мм пушек. Осмотревшая их 29 июля комиссия штаба 24-й армии Резервного фронта, прикрывавшей Вяземское направление, выявила ряд недостатков, включая наклон оси цапф «некоторых орудий на 24–28'» и слабую обученность части расчетов, однако в целом все 100-мм артсистемы были признаны готовыми к бою.

Одновременно на огневые позиции устанавливались и 130-мм орудия Б-13-Пс. К вечеру 25 июля все работы в основном были окончены, но окончательный ввод батарей в строй задерживался из-за ряда «неделок». Устранить их удалось в течение нескольких дней, и уже 1 августа в оперативной сводке штаба артиллерии 24-й армии отмечалось, что все 17 стационарных морских орудий готовы к выполнению боевых задач. При этом количество имеющегося для них боезапаса составило соответственно 2560 100-мм, 2936 130-мм и 340 152-мм выстрелов.

Основные вопросы борьбы с бронированной техникой регламентировались для морской артиллерии специальной «Инструкцией для стрельбы по танкам отдельных орудий береговой артиллерии», оперативно разработанной в июле 1941 г. специалистами Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова¹³.

5 августа 1941 г. приказом наркома ВМФ № 0710 все батареи ОАГ были сведены в два отдельных морских артиллерийских дивизиона (ОМАД), получившие номера 199 и 200¹⁴. Первый из них, развернутый в районе Ржева и включавший береговые батареи № 281, 282, 231 и 232, возглавил капитан Н. С. Фомин, а позже его сменил майор Я. А. Кочетков¹⁵.

Штатная численность личного состава 199-го ОМАД составляла 299 человек, включая 29 человек командного и политического состава, 7 человек технического, административного и медицинского персонала, 54 старшины и сержанта, 209 краснофлотцев. Однако, согласно донесению от 20 сентября 1941 г., в дивизионе фактически насчитывалось лишь 283 человека¹⁶.

Командиром 200-го ОМАД (стационарные батареи № 261, 262, 263, 264, 233, 234, 235 и подвижная № 6) был назначен капитан-лейтенант Н. И. Солейников. Его дивизион, дислоцированный под Вязьмой, насчитывал по штату 743 человека (57 человек

командного и политсостава, 14 человек технического, административного и медперсонала, 131 старшину и сержанта, 541 краснофлотца), из которых к 20 сентября 1941 г. в строю находилось 683¹⁷.

Основные тактико-технические характеристики орудий ОА

Характеристики	Типы орудий			
	Б-24БМ	Б-13-Пс	МЛ-20М	152-мм/45 Канэ
Калибр, мм	100	130	152,4	152,4
Вес артиллерийской установки, т	7,74	12,5	7,93	14,7
Вес снаряда, кг	15,8	33,4	43,6	51,06
Начальная скорость, м/с	875	870	665	792,5
Максимальная дальность стрельбы, км	121,6/22,5	139/25,7	93/17,2	61/11,2
Техническая скорострельность, выстр./мин	12	10	3-4	7
Расчёт, чел.	12	10	3-4	7

В оперативном отношении оба дивизиона вошли в состав артиллерии только что созданного Резервного фронта, являясь частями усиления 31-й (199-й ОМАД) и 24-й общевойсковых армий (200-й ОМАД). Позиции 199-го дивизиона располагались восточнее железнодорожной станции и поселка Оленино и занимали по фронту примерно 7 км с севера на юг от д. Хлебники до д. Холмина. 281-я и 282-я батареи (по два 152-мм орудия Канэ) располагались на флангах, а батареи 100-мм орудий Б-24БМ – в центре. Следует отметить, что по позиции дивизиона проходила линия разграничения между 247-й и 119-й стрелковыми дивизиями (сд). При этом батарея № 282 в районе д. Хлебники входила в зону ответственности 247-й сд, в то время как остальные орудия были приданы 119-й сд.

Позиции 200-го ОМАД, располагаясь вдоль левого берега Днепра между населенными пунктами Шаблино и Попово, занимали примерно 12 км по фронту, прикрывая в первую очередь танкоопасные направления севернее и южнее шоссе Москва –

Минск, а также оба моста через реку (автомобильный и железнодорожный). Батареи размещались здесь поорудийно с севера на юг в два эшелона – 100-мм (№ 233, 234, 235) в первом и 130-мм (№ 261, 262, 263, 264) во втором, входя вместе с армейской артиллерией в состав специально созданных районов противотанковой обороны, занимаемых частями 133-й стрелковой дивизии. При этом принцип сохранения целостности подразделений не соблюдался, в результате чего орудия одной батареи зачастую располагались в пределах разных боевых участков, действуя каждое на своем направлении.

Исключением стали лишь 130-мм пушки левобланговых батарей № 263 и № 264, чьи позиции по условиям местности были оборудованы рядом друг с другом, а также 152-мм МЛ-20М, установленные в глубине обороны дивизии возле д. Юшково. Наличие в этом районе рокадных грунтовых дорог позволяло, при необходимости, относительно быстро перебросить их на любой подвергшийся угрозе участок. В целом же, по оценкам командования дивизиона, оборона на рубеже, занимаемом морскими артиллеристами, представлялась настолько крепкой, что «любое количество любых танков, пущенных одновременно в атаку на этом направлении, было бы разгромлено»¹⁸.

Принимая во внимание значительную удаленность большинства орудий друг от друга (1,5–3 км), их позиции оборудовались в виде самостоятельных опорных пунктов. Подступы к ним прикрывались минными и проволочными заграждениями, включая малозаметные препятствия на низких кольях высотой 0,2–0,3 м. Силами орудийных расчетов отрывались траншеи полного профиля с ходами сообщения и стрелковыми ячейками, предназначенные для круговой обороны, а также блиндажи и землянки с прочными деревоземляными перекрытиями.

Столь же надежно защищались хранилища боезапаса, автомобили и тракторы, для которых были подготовлены специальные погреба и глубокие капониры. Хорошо оборудованным оказался командный пункт, связанный телефонным кабелем с каждым орудием. На позициях последних устанавливались и радиостанции, однако из-за некомплекта радистов они практически бездействовали.

Большое внимание уделялось маскировке, проводившейся в большом масштабе. Все морские орудия камуфлировались под различные элементы местности (большие кусты, копны сена,

дома, сараи и т. д.) с использованием самодельных макетов на легких каркасах, обтянутых раскрашенной рогожей, что в значительной степени затрудняло обнаружение орудий воздушной разведкой противника.

Приказом народного комиссара ВМФ № 01884 от 4 сентября 1941 г. командиром 200-го ОМАД был назначен капитан-лейтенант А. Е. Остроухов, а за день до этого изменилось и оперативное подчинение дивизиона¹⁹. Так, оборонительные рубежи 133-й сд, спешно передислоцированной под Ельню, были переданы 2-й стрелковой дивизии (бывшая 2-я дивизия народного ополчения Сталинского района г. Москвы), которой придавались орудия 200-го ОМАД.

Месяц спустя, 2 октября 1941 г., противник возобновил наступление на столицу, нанеся мощные удары северо- и юго-западнее Вязьмы, в обход наиболее укрепленных участков Западного и Резервного фронтов. Благодаря значительному превосходству в силах, немецко-фашистские войска прорвали нашу оборону, и к исходу 7 октября их танковые и механизированные группировки соединились у Вязьмы, окружив западнее города соединения 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий.

Вместе с армейскими частями в окружении оказался и 200-й ОМАД. В связи с ухудшением обстановки его командиру 4 октября было приказано готовиться к возможному отходу на новый рубеж обороны и уничтожению стационарной материальной части и боеприпасов. Однако после полудня 8 октября по распоряжению начальника артиллерии 2-й сд полковника М. К. Перхурова был открыт огонь с дистанции 1800–3000 м по неприятельским частям, намеревавшимся провести разведку боем переднего края нашей обороны по берегу Днепра. Управление было децентрализованным – с командного пункта дивизиона лишь указывались цели, назначались огневые средства и количество боезапаса для их подавления, в то время как данные для стрельбы готовились непосредственно командирами батарей.

До 24 часов 8 октября все 20 орудий непрерывно вели огонь фугасными и осколочно-фугасными боеприпасами как по видимым целям, так и по площадям на дальности 15, 20 и даже 25 км. Всего за время восьмичасового артиллерийского боя батареями 200-го ОМАД было выпущено около 5 тыс. снарядов, причем за время стрельбы не было зафиксировано ни одного заедания в механизмах орудий. Скорострельность же, достигнутая при беглом

огне, составила 12 выстрелов в минуту для Б-13-Пс и 13–14 выстрелов в минуту для Б-24БМ.

В ночь на 9 октября был получен приказ о подрыве орудий. Их подрывали по очереди, начиная с крайних правобережных. Вслед за уничтожением материальной части взорвали оставшийся боезапас, разрушили все постройки и подземные сооружения, после чего утром 9 октября личный состав 200-го ОМАД начал отход на восток, продвигаясь к селу Богородицкому.

Здесь утром 12 октября начался прорыв из окружения, осуществленный с большими потерями. Так, из 639 краснофлотцев и командиров, оставивших 9 октября свои позиции у Днепра, через вражеские боевые порядки удалось пробиться лишь 350 – остальные погибли в бою или пропали без вести. Переход по вражеским тылам продолжался несколько суток, пока, наконец, остаткам дивизиона не удалось перейти линию фронта у Можайска, а к концу октября 1941 г. уцелевшие моряки-артиллеристы (около 300 человек) прибыли в Москву²⁰. Мужество и героизм, проявленные ими в боях на дальних подступах к Москве, были высоко оценены Родиной – 23 человека (в том числе пятеро по смертно) награждены орденами боевого Красного Знамени²¹.

199-й ОМАД избежал столь драматических коллизий, хотя на долю и его личного состава выпало немало испытаний. Угроза окружения позиций дивизиона вынудила армейское командование отдать приказ о демонтаже материальной части и вывозе ее в тыл с последующей передислокацией в район Можайска. Тем не менее, быстро меняющаяся обстановка не позволила этого сделать в полном объеме. Как и под Вязьмой, большинство орудий после интенсивной стрельбы преимущественно по площадям было уничтожено личным составом непосредственно на огневых позициях.

Исключением стали пушки 231-й батареи. Ее командир, старший лейтенант А. С. Боровлёв, получив приказ командующего 29-й армии, сумел организовать демонтаж материальной части за 12 часов вместо трех суток по нормативам и доставить ее к месту погрузки под сильным артиллерийским и минометным огнем противника. Однако усилия эти оказались напрасными. 12 октября 1941 г., почти за двое суток до занятия Ржева немцами, железнодорожный мост через Волгу без согласования с командованием фронта был взорван, что не позволило эвакуировать большую часть скопившихся в городе военных грузов.

В результате в руки противника попало значительное количество трофеев, включая и орудия 231-й батареи.

При отходе личный состав 199-го ОМАД под командованием майора Я. А. Кочеткова вместе с 709-м стрелковым полком и другими частями оказался прижатым противником к берегу Волги западнее Ржева. Командир дивизиона, проявив инициативу, организовал переправу через реку и ее прикрытие, используя три 76,2-мм орудия 709-й сп. Огнем моряков были уничтожены два танка и артиллерийское орудие противника, что позволило с незначительными потерями вывести все подразделения в расположение своих войск²².

11 ноября 1941 г. последовал приказ наркома ВМФ № 00424 о расформировании 199-го и 200-го ОМАД, личный состав которых был направлен на укомплектование 4-го и 14-го отдельных гвардейских минометных дивизионов моряков, командирами которых стали подполковник Я. А. Кочетков и капитан-лейтенант А. П. Москвин²³. В составе этих частей моряки-артиллеристы участвовали во многих сражениях Великой Отечественной войны, завершив свой боевой путь в мае 1945 г. у стен Берлина.

В целом боевое применение морской артиллерии в период битвы за Москву вряд ли можно назвать успешным. «Дальнобойные морские орудия особой артиллерийской группы не оправдали тех больших надежд, которые на них возлагались», – пишет позже в своих воспоминаниях Н. Г. Кузнецов²⁴. При этом основной недостаток адмирал видел в малой подвижности большинства флотских батарей, не позволявшей успешно применять их в борьбе с танками противника, считавшейся основным предназначением ОАГ. Решению этой задачи не способствовала и большая высота 100- и 130-мм установок (около 3 м со щитом), делавшая артсистемы данного типа слишком заметными и, следовательно, уязвимыми целями.

Наряду с этим, отсутствие сети корректировочных постов, слабая организация связи и централизованного управления огнем не позволяли использовать 199-й и 200-й ОМАД и для нанесения огневого поражения противнику в глубине его боевых порядков. В сложившихся условиях морские орудия, расположенные на широком фронте, были способны вести огонь лишь по площадям, оказывая, главным образом, моральное воздействие на противника.

Тем не менее, несмотря на скромные результаты, деятельность Особой артиллерийской группы ВМФ под Москвой ясно доказывала, что при условии четкого представления армейских и флотских командиров высшего звена об огневых возможностях и боевом использовании морской артиллерии, а также организации всестороннего обеспечения последней способна стать эффективным средством поддержки сухопутных войск. Критически осмысленный опыт применения корабельных орудий под Ржевом и Вязьмой осенью 1941 г. был впоследствии не раз успешно использован советским командованием, явившись своеобразным признанием самоотверженной боевой работы личного состава ОАГ.

¹ Цирлин А.Д., Бирюков П.И., Истомин В.П., Федосеев Е.Н. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М.: Воениздат, 1970. С. 93–94.

² Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Голос, 2000. С. 167.

³ РГАВМФ. Ф. р-52. Оп. 1. Д. 104. Л. 88; Федечкин А. Д. Использование артиллерии броненосных крейсеров Российского Императорского флота в береговой обороне РККФ // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию создания РККА: «Красная Армия, Вооруженные силы СССР, Вооруженные силы Российской Федерации – преемственность боевых традиций». Москва, ЦМВС РФ, 27 марта 2018 г. М.: ЦМВС, 2018. С. 376–380.

⁴ РГАВМФ. Ф. р-1598. Оп. 3. Д. 34. Л. 8.

⁵ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 16. Д. 2. Л. 474.

⁶ Там же. Л. 475.

⁷ Там же. Л. 474.

⁸ Терновский Г.В. Военные моряки в битве за Москву. М.: Наука, 1968. С. 31–32.

⁹ Унгерман Н.И. Временные береговые батареи. М., 1936. С. 87–89.

¹⁰ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 16. Д. 2. Л. 484–485.

¹¹ ЦВМА. Ф. 513. Оп. 5852. Д. 10. Л. 130–132.

¹² ЦВМА. Ф. 2. Оп. 13. Д. 1. Л. 168–174.

¹³ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 699. Д. 2. Л. 50–51.

¹⁴ ЦВМА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 29. Л. 130–131.

¹⁵ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 699. Д. 40. Л. 22.

¹⁶ Там же. Д. 224. Л. 49 об.

¹⁷ Там же. Д. 228. Л. 15.

¹⁸ Цит. по: Миловидов В. Б., Федечкин А. Д. На дальних подступах к столице. Морская артиллерия в боях под Вязьмой осенью 1941 г. // Морской сборник, 2010. № 12. С. 60.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 699. Д. 228. Л. 114.

²⁰ ЦВМА. Ф. 2. Оп. 13. Д. 1. Л. 168–174.

²¹ ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 555. Л. 11.

²² Там же. Д. 443. Л. 114.

²³ Там же. Д. 1848. Л. 308–309.

²⁴ Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М.: Голос, 2000. С. 168.

Д. Ю. Милосердов (Москва)

ТРАДИЦИОННОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В ХАНСТВАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

КАК НА ЗАПАДЕ, так и в большинстве государств исламского мира ведущая роль огнестрельного оружия в боевых действиях утвердилась с XVI в., и оно служило решающим фактором во всех сражениях¹. Но, хотя некоторые исследователи считают, что такая же ситуация была и в Средней Азии², данные исторических документов и свидетельства путешественников, посещавших ханства, говорят о другом. Известно, что в конце XVI в. для стран Востока особое значение имел вывоз из Русского государства огнестрельного оружия, такого как фитильные пищали³, поступавшего чаще всего в виде поминок (*подарок в знак внимания, дар*)⁴. Этот факт свидетельствует в пользу того, что такое оружие было в то время редкостью в Персии и ханствах Средней Азии⁵.

Первое упоминание использования в XVIII в. ручного огнестрельного оружия в Средней Азии в европейских источниках оставил Флорио Беневени, итальянец, отправленный Петром I в качестве посла в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. В отчетах о свершившихся посольствах он несколько раз упоминает использование бухарцами ружей и даже уточняет их особенности. Например, Беневени писал о том, как защищаются узбеки: «А в иных местах, в которых озбеки кочуют, имеются многие курганчики, также и при деревнях, дабы во время нападения могли окольные жители в них хорониться и из оных обороняться (обороняться. – Д. М.) с **фитильным оружием** и стрелами»⁶. Таким образом, понятно, что в начале XVIII в. ручное огнестрельное оружие в регионе было представлено фитильными ружьями. В дальнейшем тексте своего отчета итальянец описывает

это оружие подробнее: *«Буде случаются добрые лошади, то силы озбецкие состоят в сабле, в стрелах и в копьи, ибо из ружья фитильного стрелять не могут на лошадях, но токмо стреляют с земли с наклонкою, чего ради у каждого ружья фитильного имеются при вершине сошки рогатые»*⁷. То есть он уточняет, что местное население использовало в это время типичные для Центральной Азии и сопредельного Индо-Персидского региона фитильные ружья с сошками, компенсирующими длинный и тяжелый ствол⁸. Далее упоминается, что: *«Ружье де у них обыкновенное татарское (в данном случае «ружьё», вероятно, означает «вооружение». – Д. М.), и у некоторых есть ружье жагренное (жагренное от «жагра» – «запальное отверстие», «запал», т. е. «ружьё жагренное» – фитильное ружье)⁹, а у прочих токмо копы и луки»*¹⁰. Благодаря этим данным мы можем утверждать, что в первой четверти XVIII в. в Бухарском ханстве огнестрельное оружие было скорее редкостью, а большинство было вооружено древковым оружием и архаичным луком со стрелами.

Спустя чуть меньше четверти века отмечал наличие ружей у хивинцев поручик Оренбургского драгунского полка Дмитрий Гладышев, который вместе с геодезистом Муравиным, переводчиком Усманом Араслановым и с несколькими казаками совершил путешествие из Орска в Хиву и обратно, составив первое достоверное географическое свидетельство об очертании берегов Аральского моря и о состоянии народов, занимавших в новейшее время низовья Аму-Дарьи¹¹. Дополняя его данные докладом самарского купца Данилы Рукавкина, который в 1753 г. возглавил по заданию русской императрицы Елизаветы Петровны купеческий караван с товарами в Хиву и Бухару и писал, что у хивинцев *«оружие по большей части – стрелы и копы, имеют и огненное (огнестрельное. – Д. М.) оружие, но оно весьма мало»*¹², можно сделать вывод, что в Хиве к середине XVIII в. ружья не были часто встречающимся оружием.

Филипп Сергеевич Ефремов, унтер-офицер из Вятки, которого киргизы захватили в плен во время службы на заставе Донгуз крепости Илецкая Защита и в 1775 г. продали в Бухару, в своей книге *«Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию»* отмечал, что бухарские солдаты вооружены, кроме холодного оружия, *«ружьями с фитилями»*. Кроме того, он пишет: *«Как ружья, так и порох делают в самой Бухаре»*¹³.

В 1793 году императрицей Екатериной II в Хиву по просьбе сопровитателя Хивинской области Авязьбека был направлен майор-медик Егор Иванович Бланкеннагель. Дядя Авязьбека, Мухаммед-Фазыл бий, ослеп, а Бланкеннагель не раз доказывал «искусство свое во врачевании глаз». За время этой поездки майор делал опубликованные впоследствии записки, из которых можно узнать, что холодное оружие преобладало в ханствах Средней Азии и в конце XVIII в., а из пятнадцати тысяч мужчин, которые способны участвовать в военных действиях, «пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, которое у них без замков, а с фитилями, не более двух тысяч»¹⁴. Тимофей Степанович Бурнашев, русский горный инженер и путешественник, по высочайшему повелению в те же годы (1794–1795) направленный в Бухару, отмечал, что

в Бухаре огнестрельное оружие еще не вытеснило лук и стрелы¹⁵.

Николай Николаевич Муравьев-Карский, совершивший в 1819–1820 гг. с целью переговоров путешествие в Туркмению и Хиву, первым подробно описал ружья хивинцев (ил. 1) и их использование: «Ружей у них мало; они очень длинные, тяжелы, большею частью сделаны винтовками (то есть имеют нарезные стволы. – Д. М.) и весьма малого калибра; бьют же довольно верно, когда заряжены хорошим порохом, но очень неудобны. Из них нельзя стрелять с лошади, а только с присошек лежа, и потому они употребляются только в засадах;



Ил. 1. Хивинец с фитильным ружьем. Из книги: Дмитриев-Кавказский Л. Е. По Средней Азии: записки художника: с 199 рисунками автора. Издание А. Ф. Девриена, 1894

приклады их довольно длинны; на оные (на приклады. – Д. М.) навивается фитиль, которого конец схвачен железными щипчиками, приделанными к прикладу; сии щипчики прикладывают к полке посредством железного прута, проведенного к правой руке стрелка; к концу ствола к ложе приделаны присошки в виде двух больших рогов. Они любят украшать стволы ружей своих серебряною насечкою. Иные однако ж имеют ружья с замками совершенно одного построения с персидскими (вероятно, имеется ввиду кремневый замок. – Д. М.); но сии последние очень редки. Хивинцы стреляют довольно хорошо в цель; но с толкими (многочисленными)¹⁶ приготовлениями и медленностью, что не стоит для того иметь огнестрельного оружия. Стрелок сперва ложится, долго целится, фитиль часто гаснет, и он попадает пулей в цель только на расстояние каких-нибудь шестидесяти или осмидесяти (восьмидесяти. – Д. М.) шагов. Подобным же образом стреляют и все азиаты. Пистолетов у хивинцев не бывает, вероятно, от того, что огнестрельное оружие их большею частью без замков»¹⁷. Посетивший в то же время (1820) Бухару в качестве посла Егор Казимирович Мейендорф, русский ученый-натуралист и топограф, упоминал, что бухарские солдаты вооружены фитильными ружьями¹⁸. Он же отмечал, что в Бухаре «оружейники изготавливают ружейные стволы из дамасского железа, но не умеют еще изготавливать запальники (запальник – приспособление для воспламенения пороха. В данном случае кремневый замок. – Д. М.)¹⁹, и все их ружья фитильные»²⁰.

Жан-Жак Пьер Демезон, посещавший Бухару в 1833–1834 гг. с разведывательной миссией по поручению военного губернатора Оренбурга Василия Алексеевича Перовского, в своих отчетах писал, что «*Тех (бухарских солдат. – Д. М.), кто имеет фитильные ружья, называют туфангчи (мушкетерами) и батырами (богатырями)*»²¹. Кроме того, он утверждал, что «*бухарские солдаты абсолютно потеряли навык стрельбы из лука*»²². Последнее, несомненно, свидетельствует о том, что в армии эмира Бухары во второй четверти XIX в. фитильные ружья вытеснили лук и стрелы. Согласно тем же записям Демезона, туркмены, нанимавшиеся в кавалерию эмира, были хуже обеспечены ручным огнестрельным оружием²³. Английский путешественник и разведчик Александр Бёрнс, посетивший регион в те же годы, подтверждает в своей книге, что лишь немногие туркмены имели

ружья²⁴, а бухарские пехотинцы вооружены фитильными ружьями и называются «хуса бурдар»²⁵.

Но уже к 1841 г. в Бухаре появляются отдельные экземпляры более современного огнестрельного оружия. Этот факт отмечает в своей книге «Описание Бухарского ханства» Николай Владимирович Ханыков, посещавший Бухару в составе русского посольства: «*Полное вооружение бухарского воина составляют шишак, бармы, сабля или длинный прямой нож, ружье на развилках с фитилем и щит. Пистолеты весьма редки. А огнестрельное оружие с курками (кремневое. – Д. М.) было во время моего пребывания в Бухаре только у 1000 человек регулярной пехоты и у некоторых вельмож*»²⁶. В начале второй половины XIX в. ситуация с огнестрельным оружием практически не изменилась. Это отмечал в своей книге «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю» Михаил Николаевич Галкин-Враской, служивший в управлении оренбургского генерал-губернатора и в 1858 г. принимавший участие в русской миссии в Хиву и Бухару. Он писал, что в Бухаре более современное, чем кремневое, капсюльное оружие было только у офицеров: «*Вооружение мир-охуров (офицеров) пехоты состоит из двух пистолетов, пистонного (пистон (фр. от лат. **pistare** – толочь) – металлический колпачок, капсюль, на дне которого внутри находится ударный порох, то есть пистонное ружье – капсюльное ружье)*²⁷ *ружья, бухарской сабли и небольшого топорика с посеребренной рукояткой, а у караул-беши вооружение то же самое, с той только разницею, что рукоятка топорика обтягивается красным сукном*»²⁸. По словам Галкина-Враскова, «*замки для ружей вывозятся из России, а стволы делаются в Бухаре в особом доме близ дворца эмира*»²⁹. Судя по данным подполковника Генерального штаба Мартина Викентьевича Лыко, которые он приводит в своей работе «Очерк военных действий 1868 года в Заревшанской долине», регулярная бухарская пехота (пешие сарбазы) имеет огнестрельное оружие только на первую шеренгу. И представлено оно фитильными и кремневыми ружьями, а у некоторых есть «*ударные семилинейные ружья*» (капсюльные ружья калибром 18,03 мм. – Д. М.), частью с вилкообразным штыком³⁰ (сошками. – Д. М.). Любопытным фактом является то, что это не первый случай, когда русские, впервые видевшие в Центральной Азии такой вариант ружей, принимали сошки за особые штыки. Ту же

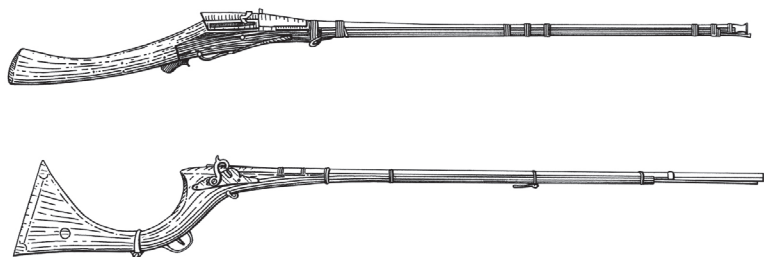
ошибку допустил в своей книге «Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг.» и Иван Лаврович Яворский³¹. Любопытны строки Лыко об использовании бухарцами пистолетов и общем состоянии ручного огнестрельного оружия, которые он пишет, продолжая фразу о ружьях: *«И фитильные, кремневые, ударные пистолеты с до крайности старыми порченными стволами, покрытыми толстым слоем ржавчины, – живое доказательство того, что среднеазиатцы не любят оружия»*³². С последним утверждением Мартина Викентьевича мы позволим себе не согласиться. Скорее можно говорить о том, что сарабазы просто не умели ухаживать за огнестрельным оружием.

Дорогими и современными образцами огнестрельного оружия владели ханы и их приближенные. Это подтверждает в своей книге «Военные действия на Оксусе и падение Хивы» американский журналист Януарий Алоизий Мак-Гахан, который в качестве военного корреспондента при русских войсках был свидетелем капитуляции Хивы в 1873 г.: *«У стены и на полу лежало кучами всякого рода оружие – мечи, кинжалы, ружья, пистолеты, револьверы всевозможных цен и размеров. Здесь было несколько великолепных старых фитильных ружей с изогнутыми рукоятками (прикладами. – Д. М.), длинными тонкими стволами, постепенно суживающимися к концу, богато выложенные золотом; также много было ружей более современного образца и одна великолепная английская охотничья двуствольная винтовка, заряжавшаяся с казенной части, номер 12 или 16, с большим запасом патронов и капсюлей, при ней формы для круглых пуль, все инструменты для наполнения патронов. Винтовка эта, как мы потом узнали, была подарком Лорда Нортбрука сопровождавшим его ответное послание хану на просьбу этого последнего о помощи против русских. Пистолеты были здесь всевозможных родов, начиная с самых старинных с кремневыми замками и кончая чем-то напоминающим револьвер Кольта; тут же нашлась весьма плохая русская подделка револьвера Смита и Вессона, что показывало, что хан имел уже понятие о новейшем усовершенствованном оружии»*³³. Данные о редкости в тот период у жителей ханств Средней Азии современного огнестрельного оружия подтверждает и русский офицер Василий Николаевич Зайцев: *«Огнестрельного оружия, в особенности пистолетов, туземцы употребляют мало. Только у небольшого числа можно отыскать пистонные ружья. Прочие довольствуются*

старыми фитильными пищалями, из которых если и можно стрелять, то не иначе как спешившись»³⁴.

Подробное описание ручного огнестрельного оружия в регионе дает в своей статье «О туземном оружии в Туркестанском крае» краевед и этнограф Иероним Иванович Краузе – член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете: *«Ружья у сартов по большей части фитильные. Стволы почти все европейской работы, весьма старых систем. Многие привезены из Индии. Но попадаются, хотя и весьма редко, стволы туземной, весьма несовершенной работы – подражание европейским образцам»³⁵.*

Кстати, тот факт, что в ханствах Средней Азии ценились ружья, привезенные из Индии и Афганистана (ил. 2), отмечал еще Демезон, писавший, что из Кабула в Бухару везут афганские ружья³⁶. *«Ложки и фитильные замки в туземной работе. Ложки имеют весьма своеобразную форму. Они весьма тонки и сильно изогнуты. В прикладе нет никакого расширения или утолщения. Фитильные замки состоят из одного только кривого рычага, один конец которого служит спуском, а другой имеет вид щипчиков для вкладывания фитиля. Иногда к ложе приделывается деревянная рогулька (сошки. – Д. М.), служащая подставкой при стрельбе. Такого рода ружья найдены в большом количестве в Кульдже. Огнестрельное оружие туземцев бывает двух родов:*

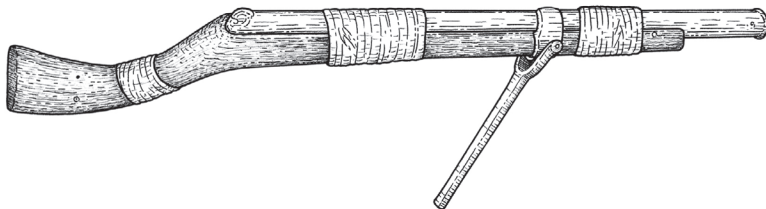


Ил. 2. Ружья из Афганистана, ценившиеся в ханствах Средней Азии.
Рисунок А. Деметьева

1). Тяжелое крепостное ружье, или фальконет (джазалль (искаженное «джезайль»), салышкан), весьма длинное, большого калибра (от 1 до 2 дюймов), ложе довольно массивное. Стреляют с прочных подставок. Пули чугунные, редко свинцовые.

2). Полевое ружье (мултык) самых разнообразных калибров и величин, начиная с дюймового и меньше. Стенки стволов толсты, и сами стволы очень длинные. К более тяжелым приделаны подставки в виде розетки. Попадаютя и ружья позднейших (европейских) систем, с кремневыми и ударными замками, с нарезными стволами. Стволы с насечкой на персидском языке попадаютя весьма редко, и на тех насечки видимо позднейшего происхождения»³⁷.

Крепостные ружья (ил. 3) перечислял среди прочих трофеев в своей работе «История 4-го туркестанского линейного батальона за период с 1771 по 1882 год» вышеупомянутый Зайцев: «В Ак-Мечети взяты 2 бунчука, 8 значков, 2 медных орудия, несколько фальконетов (В данном случае автор, вероятно, называет фальконетом легкую пушку. Все остальные известные нам авторы называли фальконетом крепостное ружье. – Д. М.), 66 крепостных ружей, большей частью изломанных (кокандцы по мере того, как были сбиваемы со стен, ломали ружья...)»³⁸.



Ил. 3. Крепостное ружье (фальконет, язаиль), использовавшееся в ханствах Средней Азии. Рисунок А. Дементьева

Не обошел своим вниманием этот вид огнестрельного оружия и русский художник-баталист, участник сражений в ханствах Средней Азии Николай Николаевич Каразин, оставивший подробное описание как самого ружья, так и стрельбы из него: «Крепостное ружье, фальконет. Тяжелое, безобразное, неповоротливое оружие. Тяжелый чугунный ствол, более полутора дюйма в диаметре канала, привязан сыромятными ремнями к такой же неуклюжей тяжелой ложе. Ствол этот покрыт изречениями из Корана и разным узором, заряжается большой пулей, обвернутой насаленной тряпкою, заряжается очень неудобно, медленно, так что едва только каждые десять минут может делать по одному выстрелу. К нему прилажена железная подпорка, без которой немислимо было бы ворочать его человеческими руками; страшно

отдает при каждом выстреле и даже опрокидывает стреляющего. Огонь сообщается заряду посредством пропитанного селитряным раствором фитиля, один конец которого намотан на приклад, а другой защемлен в развилку проволочного крючка, изогнутого в виде буквы S идвигающегося на шарнире; если потянуть за нижний конец этого крючка, верхний тотчас же клюнет в отверстие заднего конца стола, насыпанное порохом, и таким образом произойдет выстрел, предшествуемый, обыкновенно, сильною вспышкою из затравки, обжигающей брови и бороду стрелка. При большом угле возвышения пуля летит довольно далеко и, благодаря своей неправильной форме, прорезывает воздух с каким-то ревом и визгом»³⁹.

Известна и стоимость этих крепостных ружей (фальконетов) в ханствах Средней Азии: *«Совершенно новый фитильный фальконет ½ вершка (чуть больше 2 см) в диаметре стоил 60 рублей. Но местное население ценит старинные фальконеты, считая, что они крепче и выдерживают не только двойной, но и тройной заряд пороха и потому стреляют дальше»⁴⁰.*

В Хиве, так же, как и в Бухаре, о которой мы писали выше, фитильные ружья изготавливали местные мастера. Это отмечает русский генерал-лейтенант, участник Туркестанских походов, военный историк и географ Михаил Игнатьевич Иванин в своей книге «Хива и река Аму-Дарья»: *«Главные мастерства и ремесла в Хиве следующие: оружейное, кузнечное, литейное. Хивинцы сами делают ружья, винтовки, сабли и пики. В 1838 году в Хиве было два ружейных мастера, которые особенно славились. Один из них жил в Ново-Угренче, а другой в Хазараспе»⁴¹.* Боеприпасы жители Хивинского ханства также изготавливали самостоятельно: *«Пули хивинцы отливают сами из свинца в глиняных формах»⁴².* Известно, что во второй половине XIX в. изготовлением ружей славился Наманган⁴³. Фитили для огнестрельного оружия в ханствах делали из хлопка⁴⁴. Вообще в рассматриваемый период в ханствах Средней Азии мастера в подавляющем большинстве случаев изготавливали исключительно фитильные ружья. Это подтверждают ряд путешественников, в конце XIX в. находившихся в регионе. Например, американский ученый, писатель, путешественник и дипломат Юджин Скайлер, в 1873 г. посетивший Среднюю Азию, писал: *«Что касается огнестрельного оружия, то почти единственным видом, производимым в Центральной Азии, является фитильное ружье, ствол которого в основном изготовлен в Европе или привезен из Индии и Персии»⁴⁵.*



Ил. 4. Техника стрельбы из среднеазиатских ружей. Каразин Н. Н. Конный Бухарский стрелок. Приложение к журналу «Нива», 1891 г. Фототипия. Частная коллекция

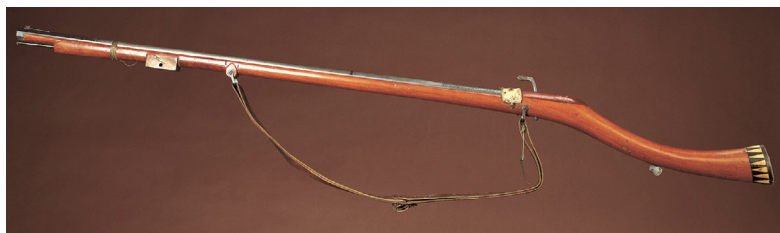
Каразин, чье описание фальконета мы приводили выше, рассказывает и то, как происходила стрельба из легкого ручного огнестрельного оружия: «*Легкое ружье (мултук), с подсошкой, заряжается так же, как и первое (фальконет. – Д. М.) и с таким же фитильным крючком; это собственно оружие пехотинцев, но часто встречается у конных. Последние для каждого выстрела должны слезть с лошади и, держа за повод робкое, напуганное выстрелами животное, садиться на землю, устанавливать подсошку и тогда уже стре-*

лять (ил. 4). *Большую часть пули, вылетевшие из подобного оружия, оказываются несравненно гуманнее самих стрелков – и вопреки их желанию летят с жалобным визгом совсем не туда, куда хотят эти последние*»⁴⁶. Здесь мы позволим себе не согласиться с мнением Каразина, так как имеем совершенно противоположные сведения от уже упомянутого выше русского генерал-лейтенанта, участника Туркестанских походов Михаила Игнатьевича Иванина: «*Они (хивинцы. – Д. М.) стреляют медленно, но метко, в 100 сажнях попадая в человека*»⁴⁷. Другой вопрос, что фитильные ружья имели свои недостатки. Кроме того, что стрельба из них была делом небыстрым, упоминаемый выше Лыко сообщает, что специфическое ношение фитиля было опасно для местного населения: «*В военное время названное количество войск*

увеличивается до весьма значительной цифры пешими и конными жителями ханства (преимущественно конными). Вооруженные жители выходят в бой в чалмах, ватных халатах, подпоясанных широким платком, поверх которых надеваются сабля или шашка. К поясу сабли пристегивается пистолет. У кого есть, приходят с ружьями, в основном фитильными. Вокруг пояса каждый обматывает большой запас фитиля. Из-за этого раненые или сгорают, или терпят жестокие мучения, когда от горящего фитиля загорается вата халата, которую раненые не в силах потушить»⁴⁸.

«Короткий фитильный же карабин конных воинов без подошки. Стрельба из этого оружия еще менее действительна, принимая во внимание беспокойно стоящую лошадь, неловкость приклада и боязнь стрелка отдачи и затравочной вспышки, заставляющей его предвзятельно закрыть глаза и даже отвернуться в сторону»⁴⁹.

Как же выглядело типичное среднеазиатское фитильное ружье – мултук (ил. 5)? Это тяжелое (около 5 кг) оружие, размер которого варьировался чаще всего от 150 до 180 см. Прежде всего, надо отметить очень длинные, в некоторых случаях граненые, стволы, большей частью персидского производства. Их часто изготавливали из дамасской стали. Стволы таких ружей обычно были «двуслойными». На внутреннюю железную простую трубку накручивалась предварительно раскованная лента из Дамаска, которая образовывала второй слой ствола, витки которой сваривались торцами. На лучших стволах дамасский рисунок мелкий, имеет характерную регулярность и покрывает всю поверхность ствола. Также на дорогих образцах ружей ствол мог быть декорирован растительными орнаментами, выполненными золотом в технике всечки. Полуокруглое в сечении ложе, переходящее в овальный



Ил. 5. Фитильное ружье из Бухары (милтук), сошки утеряны. XIX в. Бухара. Привезено из экспедиции О. Олуфсена. До 1896 г. Средняя Азия (Бухара). Из фондов Национального музея Дании (Дания). Музейный номер: Q.36

в сечении и слегка изогнутый приклад, выполнено из коричневого дерева, на некоторых образцах покрытого лаком и украшенного ажурными серебряными или латунными накладками. Ствол фиксируется на ложе узкими ремешками сыромятной кожи, накрученными витками. В расширяющемся элементе передней трети ложи закреплены сошки изогнутой формы, выполненные из темного рога. Сошки соединены друг с другом и ложей ружья бронзовыми или железными штифтами. В передней части ложе немного расширяется вниз, и таким образом появляется место для железного шомпола. Это прут метровой или более длины, толщиной 6–7 мм, венчает головка в виде небольшого диска или сферы.

Говоря о фитильных ружьях, нельзя не остановиться на принадлежностях к огнестрельному оружию, амуниции, которая его «сопровождала». Жители ханств Средней Азии носили патронташи из тисненой кожи «катарвазна»⁵⁰ (названы в словаре Наливкина «киса»⁵¹), кожаные с шахрисабзкой вышивкой «потускадан», а также простые пояса, к которым на сыромятных ремешках подвешивались кожаные и металлические натруски для пороха «дардан»⁵², деревянные или кожаные пороховницы «кизаки»⁵³ типичной для Персии и Центральной Азии форм и т. д.

Вообще надо сказать, что в Центральной Азии пояс очень древний элемент одежды. На период, интересующий нас, то есть конец XVIII – начало XX вв., в Средней Азии можно выделить два типа поясов на основании материала, из которого они были изготовлены: тканевые и кожаные. У узбеков при будничной одежде повязывался длинный кусок бумажной или шерстяной ткани. Ткань для кушака свертывалась жгутом, обертывалась вокруг талии два-три раза и завязывалась узлом спереди. В качестве пояса иногда использовался и квадратный ситцевый платок, сложенный углом⁵⁴. Такие же поясные платки и длинные пояса-кушаки носили и таджики и арабы⁵⁵. Пояса из кожи отличались от тканевых не только материалом. Пояс жителя Бухары часто представлял собой настоящий арсенал разнообразных предметов, подвешенных к кожаному ремню вокруг его талии, например, кисет для табака, кошель с деньгами, незаменимая бритва для головы; а кочевники всегда имели еще и трутницу, пороховницу, шило, молоточек, мешочек с пулями, точильный камень и т.д.⁵⁶ То есть все ружейные принадлежности закреплялись на поясе, судя по этнографическим материалам, на тонких сыромятных ремешках.

Возвращаясь к самому огнестрельному оружию, нужно отметить, что во второй половине XIX в., на момент военных действий с отрядами Российской империи, солдаты в армиях ханств были вооружены в основном устаревшими образцами русского и европейского стрелкового оружия, находящимися в плохом состоянии: *«Кроме фитильного оружия, встречается иногда и кремневое и даже ударное, но это последнее большей частью испорченное донельзя европейское оружие, благодаря частым поправкам и переделкам неумелых мастеров доведенное до полной негодности. Такими ружьями вооружены регулярные пехотинцы бухарского эмира и других среднеазиатских владык. Из целых куч подобного оружия, взятого в Самарканде, невозможно было найти и одного экземпляра, хотя сколько-нибудь могущего исполнять свое прямое назначение»*⁵⁷. Причем известно, что значительное число этих «современных» ударных или кремневых ружей имело английское происхождение. Они были помечены клеймом «W» и поступали, вероятно, из Индии. В 70-х г. XIX столетия у бухарцев начали появляться револьверы английской работы, от обычного неумения обращаться с ними часто выходявшие из строя⁵⁸. Встречалось оружие с английскими клеймами и у кокандцев⁵⁹.

К началу XX в. армия в Бухарском ханстве была модернизирована в подражание русским войскам и вооружена русскими образцами огнестрельного оружия. Фитильное же ружье (милтык) с сошками для упора, прикрепленными к стволу, использовали охотники (причем еще в начале XX в.), а фальконеты той же формы (чакмак-милтык) и седельные пистолеты с кремневым замком (топандша), были сняты с вооружения⁶⁰ и продолжали использоваться только шайками грабителей из местного населения. Бытование у бухарских и хивинских охотников *«фитильных ружей с рогатками-подставками»*⁶¹ на рубеже XIX–XX вв. упоминает Лев Евграфович Дмитриев-Кавказский, русский художник, летом 1887 г. совершивший путешествие в Закаспийскую область и в Среднюю Азию, результатом которого стал альбом путевых заметок «По Средней Азии: Записки художника». Выдающиеся образцы фитильных ружей местного производства можно было приобрести в то время и в антикварных лавочках на рынках Бухары и Хивы⁶². Но уже в начале XX в. приобрести интересные образцы фитильных ружей было весьма непросто, о чем писал этнограф Самуил Мартынович Дудин, направленный в 1901 г. в Среднюю Азию с целью приобретения предметов в коллекцию

Российского этнографического музея⁶³. К началу XX в. местное производство подобного оружия прекратилось из-за отсутствия в нем необходимости⁶⁴.

¹ Marshall G. S. Hodgson *The Venture of Islam, Volume 2: The Expansion of Islam in the Middle Periods*, Chicago, 1977, p. 573.

² Давыдов А. С. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии // *История и этнография народов Средней Азии*. Душанбе, 1981. С. 23.

³ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 54.

⁴ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Сост. под ред. Г. А. Богатовой. Выпуск 17 (Помаранецъ–Потишати). М., 1991. С. 22.

⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией.

⁶ Воловников В. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах (по донесениям Флорио Беневини). М., 1986. С. 124.

⁷ Там же. С. 125.

⁸ Миросердов Д. Ю. Джебзайль – знаковое ружье Афганистана // *Мир оружия: история, герои, коллекции: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, 3–5 октября 2018 г. Тула, 2018*. С. 201–202.

⁹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Сост. под ред. С. Г. Бархударова. Выпуск 5 (Е–Зинутие), М., 1978. С. 69; *Словарь русского языка XVIII века* / Под ред. Ю. С. Сорокина. Вып. 7. (Древо – Залежь). СПб.: Наука, 1992. С. 90.

¹⁰ Воловников В. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах (по донесениям Флорио Беневини). М., 1986. С. 85.

¹¹ Гладышев Д. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. Изд. с приобщением соврем. карты Миллера пути от Орска до Зюнгора. владений и обратно, Я. В. Ханьковым. СПб., 1851. С. 14.

¹² Руссов С. В. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина, в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен донныне. СПб., 1840. С. 27.

¹³ Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию. Казань, 1811. С. 87.

¹⁴ Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах. Изд., с объясн. В. В. Григорьевым. СПб., 1858. С. 11.

¹⁵ Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. Сибирский вестник. СПб., 1818. С. 101.

¹⁶ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Сост. под ред. В. Б. Крысько. Выпуск 29 (Сулезь–Тольмиже). М., 2011. С. 399.

¹⁷ Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах / Гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров.; С картинами с чертежами, и проч. М., 1822, Ч. 2. С. 116.

¹⁸ Meendorf E. K. *Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, à travers les steppes qui s'étendent à l'est de la mer d'aral et au-delà de l'ancien jaxartes*, Paris, 1826, p. 272.

- ¹⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 5. С. 257.
- ²⁰ Meendorf E. K. *Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, à travers les steppes qui s'étendent à l'est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Jaxartes*, Paris, 1826, p. 222.
- ²¹ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) / Отв. ред. Н. А. Халфин. М., 1983. С. 70.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Burnes A. *Travels into Bokhara. Being an account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia. Also, narrative of a Voyage on the Indus from the Sea to Lahore*, Vol. I. London, 1834, p. 248.
- ²⁵ Ibid, p. 372.
- ²⁶ Ханыков Н.В. Описание бухарского ханства. СПб., 1843. С. 181.
- ²⁷ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 678.
- ²⁸ Галкин-Враской М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 222.
- ²⁹ Там же, с. 220.
- ³⁰ Лыко М. В. Очерк военных действий 1868 года в Заревшанской долине // Военный сборник. СПб., 1871. № 5, май. С. 35.
- ³¹ Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. 1. СПб., 1882. С. 104.
- ³² Лыко М. В. Очерк военных действий 1868 года в Заревшанской долине С. 35.
- ³³ MacGahan J. A. *Campaigning on the Oxus, and the fall of Khiva* London, 1874, pp. 248–249; Мак-Гахан Я.А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Москва, 1875. С. 182.
- ³⁴ Зайцев В. Н. История 4-го туркестанского линейного батальона за период с 1771 по 1882 год. Ташкент, 1882. С. 33.
- ³⁵ Краузе И. И. О туземном оружии в Туркестанском крае // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2. М., 1872. С. 217.
- ³⁶ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) // Отв. ред. Н. А. Халфин. М., 1983. С. 80.
- ³⁷ Краузе И. И. О туземном оружии в Туркестанском крае // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2. М., 1872. С. 217–218.
- ³⁸ Зайцев В. Н. История 4-го туркестанского линейного батальона за период с 1771 по 1882 год. Ташкент, 1882. С. 19.
- ³⁹ Каразин Н. Н. Оружие наших противников в Средней Азии // «Нива». 1874, № 15. С. 234–235.
- ⁴⁰ Пашино П. И. Туркестанский край в 1868 году. СПб., 1866. С. 146.
- ⁴¹ Иванин М. И. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873. С. 48.
- ⁴² Там же. С. 58.
- ⁴³ Пашино П. И. Туркестанский край в 1868 году. С. 146.
- ⁴⁴ Гребенкин А. Д. Узбеки // Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. М., 1872. Вып. 2. С. 98.
- ⁴⁵ Schuyler E. *Turkistan: notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*, Vol. I, NY, 1877, p. 178.

- ⁴⁶ Каразин Н. Н. Оружие наших противников в Средней Азии // «Нива». 1874. № 15. С. 235.
- ⁴⁷ Иванин М. И. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873. С. 58.
- ⁴⁸ Лыко М. Очерк военных действий 1868 года в Заревшанской долине. С. 39.
- ⁴⁹ Каразин Н.Н. Оружие наших противников в Средней Азии. С. 235.
- ⁵⁰ Лебедев К. А. Карманный пушту-русский словарь. М., 1986. С. 272.
- ⁵¹ Наливкин В. П. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общепотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда. Казань, 1884. С. 175.
- ⁵² Дмитриев С. В. Оружейная коллекция С. М. Дудина // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 1999. № 3. С. 50.
- ⁵³ Наливкин В.П. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь. С. 198.
- ⁵⁴ Там же. С. 161.
- ⁵⁵ Исмаилов Х. Традиционная одежда арабов Кашкадарьинской области Узбекской ССР // Костюм народов Средней Азии: историко-этнографические очерки. М., 1979. С. 232.
- ⁵⁶ Olufsen O. The Emir of Bokhara and His Country: Journeys and Studies in Bokhara, Copenhagen, 1911, pp. 477.
- ⁵⁷ Каразин Н. Н. Оружие наших противников в Средней Азии. С. 235.
- ⁵⁸ Заметка о бухарской и кокандской артиллерии и ручном огнестрельном оружии // Артиллерийский журнал. СПб., 1867. № 3. С. 510.
- ⁵⁹ Пшпек и кокандская артиллерия // Артиллерийский журнал, СПб., 1861. № 12. С. 722.
- ⁶⁰ Olufsen O. The Emir of Bokhara And His Country – Journeys and Studies in Bokhara, London, 1911, p. 477–478.
- ⁶¹ Дмитриев-Кавказский Л. Е. По Средней Азии: Записки художника. СПб., 1894. С. 27.
- ⁶² Zeller R., Rohrer E.F., Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschriebender Katalog der Waffensammlung, Bern, 1955, p. 380.
- ⁶³ Дмитриев С. В. Оружейная коллекция С. М. Дудина. С. 50.
- ⁶⁴ Масальский В. И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей [В 19 т.] / Под ред. В. П. Семенова и под общ. руководством П. П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В. И. Ламанского. СПб., 1913. С. 532.

Е. П. Мироничев (Беломорск)

**Р. И. ПАНИН – КОМАНДИР 42-го
СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА 14-й АРМИИ
СЕВЕРНОГО ФРОНТА В 1941 ГОДУ**

Б ОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ, развернувшиеся в Заполярье в 1941 г., отличались от других направлений советско-германского и советско-финского фронтов характером ведения этих самых действий. Это было обусловлено, в первую очередь, природно-климатическими условиями, а также нюансами военного планирования, конкретными логистическими, транспортными и другими военными аспектами. Так, например, можно сказать, что на кандалакшском направлении в 1941 г. Красная армия воевала с немецкими войсками фактически «на равных»: кроме нахождения в одинаковых природных условиях, у обеих сторон не было больших резервов; в основе сил – пехотные соединения, действовавшие вдоль единственной коммуникации; в целом сопоставимая общая численность войск.

Но при раскрытии особенностей военных действий на конкретном участке фронта порой забывается личностный фактор, который оказался немаловажен на кандалакшском направлении. Данная статья посвящена роли Романа Ивановича Панина – командира 42-го стрелкового корпуса в период ведения боев в июне – августе 1941 г. на кандалакшском направлении. Для этого необходимо кратко описать ход событий.

С началом немецкого наступления 1 июля 1941 г. 42-й стрелковый корпус оказался в более выигрышном положении, так как находился в обороне на подготовленных позициях. По итогам недельных боев на приграничном участке обороны немецкий 36-й армейский корпус смог занять первый район в Куолаярви ценой больших потерь, а части 122-й стрелковой дивизии 42-го корпуса смогли избежать окружения и выйти,

сохранив полный состав. Следующее сражение, за Кайрала, начавшееся сразу после Куоляярви, не принесло немецкому корпусу успеха, и фронт здесь стабилизировался на целый месяц. В период локальных боев 42-й стрелковый корпус пытался улучшить свои позиции на флангах, безуспешно атакуя немецкие и финские части и неся большие потери. 19 августа 1941 г. немецкий корпус начал новое наступление. Его результаты оказались близкими к катастрофе для советских сил – до трети войск попали в окружение, оставшиеся части, понеся большие потери, смогли отступить в основном без техники и тяжелого вооружения. Эти августовские события происходили в условиях изменения армейской структуры: 23 августа Северный фронт разделился на Ленинградский и Карельский. В связи с этим начались и изменения по части кадров и новые назначения.

Сейчас летне-осенние события 1941 г на кандалакшском направлении становятся новым предметом исследования военных историков и краеведов. В 2022 г автором статьи была издана монография, посвященная боевым действиям на этом направлении в 1941 г¹. В то же время, многие аспекты событий первого года войны под Кандалакшей требуют дальнейшего изучения. Представляется, что важной и перспективной темой является роль командования – немецкого, финского и советского – в происходивших событиях.

Для анализа используются материалы открытых опубликованных и неопубликованных источников, исследования, затрагивающие Р. И. Панина как командира, а также личное дело, переданное в цифровом варианте Музею Карельского фронта советником департамента аппарата Совета Безопасности Российской Федерации А. Н. Шараповым вместе с другими документами Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации².

Роман Иванович Панин родился 28 сентября 1897 г. в Санкт-Петербурге в семье конторского служащего и учительницы. В 1916 г. он окончил Петроградскую гимназию, в октябре того же года поступил в Павловское военное училище, став юнкером, и окончил его в феврале 1917 г.. После учебы попал на службу в Русскую императорскую армию в 178-й стрелковый запасный полк, в котором дослужился до прапорщика. В апреле 1917 г. переведен в 294-й пехотный полк на Румынский фронт, где принял участие в Первой мировой войне. В результате

ранения и контузии попал в госпиталь и по излечении в декабре 1917 г. был демобилизован. После этого работал конторщиком в том же госпитале, а в июне 1919 г. был мобилизован в Красную армию через Петроградский военный комиссариат. В ноябре–декабре того же года воевал в должности командира роты отряда Московского района под Петроградом против армии Юденича, в 1921 г. участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа в должности командира роты отдельного инженерного батальона. В 1923–1924 гг.



Ил. 1. Роман Иванович Панин, командир 60-го стрелкового полка. 1930-е гг.

окончил Высшую тактическо-стрелковую школу командного состава РККА «Выстрел». С декабря 1925 г. до 1931 г. служил командиром батальона и помощником командира 59-го стрелкового полка 20-й стрелковой дивизии. С марта 1931 по ноябрь 1936 г. – командир 60-го стрелкового полка 20 сд, с ноября 1936 по июнь 1938 г. – помощник командира 16-й сд, с июня 1938 по октябрь 1939 г. – формально помощник командира 1-го стрелкового корпуса ЛВО, фактически в это время находился в «государственной командировке» в Китае в качестве военного советника, затем с октября по декабрь 1939 г. – командир того же корпуса. Был снят с должности, до июня 1940 г. был в распоряжении Управления кадров Красной Армии. С июня 1940 по март 1941 г. – начальник отдела боевой подготовки Ленинградского военного округа. В июне 1940 г. получил звание генерал-майора. В марте 1941 г. назначен командиром 42-го стрелкового корпуса ЛВО, в этой должности встретил Великую Отечественную войну.

На этом моменте стоит остановиться. В сущности, Роман Иванович находился на командных должностях без регулярного обучения – последнее военное образование, кроме «Выстрела», он получал заочно в Военно-политической

академии, отучившись один курс в 1930 г. В то же время, это не было редкостью на тот момент, и можно признать вполне обычной ситуацией. Проявить себя на командной должности большого формирования Р. И. Панину представилась возможность в ходе Советско-финляндской войны, и первые характеристики относятся именно к этому периоду. Так, например, на втором заседании Совещания при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии во время доклада комдива, командира 1-го стрелкового корпуса Д. Т. Козлова (пришедшего после Панина), было высказано следующее: «...Прежде всего нам необходимо пересмотреть наш Полевой устав 1936 г. и проект устава 1938 г. по действиям войск зимой и в лесистой, болотистой местности. Эти разделы надо немедленно переделать: во-первых, потому, что там мало сказано об этом, всего несколько страниц, а, во-вторых, потому, что там есть такие установки, которые не соответствуют современному бою.

СТАЛИН: Скажите, в чем дело?

КОЗЛОВ: Примеры: в § 274 говорится, что «наступление в снежную зиму обычно ведется вдоль дорог». Части 1-го корпуса под руководством комбрига Панина выполняли точно этот параграф устава и понесли поражение. Они действовали только вдоль дороги, ни вправо, ни влево не выходили»³.

Данный эпизод может дать определенную характеристику действиям Панина. Во-первых, это следование четким указаниям устава – исполнительность, а во-вторых – не проявление инициативы в сложных условиях и при очевидных проблемах ведения боев, в том числе по уставу. С другой стороны, отсутствие инициативы можно справедливо объяснить выполнением указаний вышестоящего командования и нежеланием получить наказание в случае невыполнения, однако, как можно будет заметить дальше, низкая инициатива сыграет свою роль и в 1941 г. За неудовлетворительное командование корпусом, который понес тяжелые потери в декабре 1939 г., Панин был отстранен.

Затем, как ранее было указано, весной 1941 г. Панин назначается на должность командира 42-го стрелкового корпуса, размещенного на приграничной территории на кандалакшском направлении. Время, когда Роман Иванович вступил в должность комкора, сопровождалось ростом напряженности

в советско-германских отношениях и сопряженных с ними взаимоотношениях с Финляндией. Также в этот период подготавливается план прикрытия государственной границы, в составлении которого также участвует и штаб 42-го корпуса⁴. В принятом в мае 1941 г. окончательном плане прикрытия государственной границы ЛВО задачей 42-го стрелкового корпуса обозначалось прикрытие Кировской железной дороги, ведение оборонительных действий. При этом отдельно указывалось, что корпус должен быть готовым перейти в контрнаступление, но только



Ил. 2. Роман Иванович Панин, генерал-майор, командир 42-го стрелкового корпуса

лишь в благоприятных условиях и по особому приказу. В составе корпуса предполагалось иметь две стрелковые дивизии и одну танковую дивизию. Одновременно весной 1941 г. началось строительство двух укрепленных районов в Куолаярви и Кайрала, образующих эшелонированную оборону в две полосы.

Роману Ивановичу предстояло вести боевые действия в специфических условиях, что дополнялось аспектом наличия железнодорожной ветки Кандалакша – Салла, которая играла роль не только снабженческой линии для корпуса, но и пути, потенциально возможного для использования в ходе гипотетического наступления вглубь Финляндии. Особый статус ветки подчеркивало создание целой специальной комиссии во главе с первым секретарем ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприяновым.

Несмотря на определенного рода приготовления еще с 17–18 июня⁵, фактически с 21 июня и в ночь на 22 июня 1941 г. корпус начал выдвижение на позиции по плану прикрытия границы. Характерно, что в переговорах с начальником штаба 14-й армии полковником Л. С. Сквирским 21 июня (датировка исходя из содержания переговоров) в ответ на информацию о возможном начале боевых действий 22–23 июня Панин уведомляет,

что выдвинет на позиции один стрелковый полк и поторопит с выдвиганием другие части – то есть не весь корпус⁶. В последующем разговоре по ВТС утром 22 июня Панин уточнял у начальника штаба 14-й армии полковника Сквирского, «когда ожидать команду вперёд?», на что последовал ответ: ожидать приказа «свыше»⁷. Стоит отметить: несмотря на масштабные строительные работы, корпус – и в особенности штаб – расположились не на подготовленных местах дислокации, а в местных гражданских постройках и бараках, использовавшихся заключенными во время строительства обороны. С момента 22 июня, исходя из приказов вышестоящего командования, корпус не проводил разведки, ограничившись выдвиганием частей на оборонительные позиции и организацией взаимодействия с пограничниками, и государственную границу не переходил, в том числе и после объявления войны Финляндией 26 июня и после боестолкновений с немецкими разведгруппами, перешедшими границу 28–29 июня.

1 июля началось наступление немецкого корпуса. В действиях комкора можно выявить тенденции: в условиях дефицита наличных резервов Р. И. Панин придерживался действовавшего плана прикрытия границы, держа «ударный кулак» в виде большей части танковой дивизии в тылу, и лишь незначительно насыщая танками передний край обороны вместе со 122-й стрелковой дивизией. Можно наблюдать и большие опасения Панина по поводу атак на железнодорожную ветку: все силы ПВО 122-й сд были направлены в тыл, в Алакургтти, для прикрытия станции, из-за чего в первую неделю боев немецкие штурмовики действовали практически свободно.

В корпусном и дивизионном штабах наблюдалась весьма спокойная обстановка, сопровождавшаяся, в определенной степени, пассивностью. Так, например, несмотря на неудачи немецких войск в первые пять дней боев, комкор не решился проводить масштабные контрнатупления и не задействовал 104-ю стрелковую дивизию, стоявшую во втором эшелоне. Проводились лишь частные контратаки ограниченными ресурсами, а одна из последних готовившихся атак силами двух танковых батальонов и стрелковых частей была полностью провалена из-за действий немецкой авиации. И в то же время Панин не смог своевременно среагировать на иссякание оборонительного потенциала 122-й сд: практически не был усилен правый фланг дивизии, через который немецкие части и пробились к дороге, несмотря на

очевидное тяжелое положение. Затем с 7 июля дивизия отступала без большей части тяжелого вооружения, а один из стрелковых полков был фактически полуокружен и выходил тропами без какой-либо связи. 122-я дивизия понесла ощутимые потери, поэтому о восстановлении прежнего положения уже не было речи.

Следующей весьма показательной страницей действий Р. И. Панина стало сражение в районе Кайрала в июле – августе 1941 г. Корпус вел тяжелые бои местного значения за отдельные высоты по флангам и нес большие потери не только в штурмах немецких позиций, но и во встречных боях, расходуя ценный людской ресурс, который был уже на тот момент в дефиците во всей 14-й армии. Рубежным событием стало отбытие 1-й танковой дивизии под Ленинград 15 июля, в связи с чем корпус потерял свой основной резерв. Однако корпус продолжал вести локальные изматывающие бои. Ретроспективно можно заметить, что попытки занять тактически выгодные позиции оказались весьма противоречивым решением со стороны комкора. Но в то же время они предельно логично вытекают из задач, ставившихся корпусу, и из его потребностей в обороне, которая во флангах располагалась в определенной степени невыгодно для успешных оборонительных действий. В этой связи можно сказать, что Р. И. Панин стремился улучшить положение корпуса и обезопасить собственные фланги. Однако результаты этих действий во многом зависели не от самого Панина, а от командиров на передовой и непосредственно от командиров дивизий.

Своеобразным итогом локальных боев оказалось наступление немецко-финляндских войск, начатое 19 августа и ставшее для 42-го корпуса полной неожиданностью⁸. Реакция штаба корпуса была очень запоздалой – до последнего момента командование оценивало действия противника как разведку, в то время как основное наступление ожидалось по фронту, а тем временем финские части уже достигли единственной дороги, снабжавшей корпус. Этот факт можно объяснить отсутствием серьезной разведки в период локальных боев, из-за чего не была вскрыта подготовка противника к наступлению, а также изматыванием сил корпуса в боях местного значения. Все это дополнялось отсутствием резервов как таковых. Наконец, с разделением Северного фронта на два фронта близкая к катастрофической обстановка на кандалакшском направлении обострилась кадровыми

перестановками – Р. И. Панин был назначен на должность командующего 14-й армией вместо В. А. Фролова, ставшего командующим Карельским фронтом.

На основе этого летнего периода 1941 г. можно увидеть следующие тенденции в командовании корпусом: низкая инициатива, определенная шаблонность и несвоевременная реакция на изменяющуюся ситуацию. В то же время, остаются дискуссионными вопросы – каковы бы были последствия контрудара корпуса в начале июля 1941 г. в Куоляярви? Было ли возможно восстановить положение на границе после отхода в Кайрала? Имелась ли возможность избежать катастрофического положения корпуса в августе? Ответы на эти вопросы определенно связаны не только с личностью Р. И. Панина, но и с другими условиями, мало зависевшими от командира корпуса. Безусловно, Роман Иванович сыграл важнейшую роль в остановке немецкого корпуса на кандалакшском направлении и тем самым не дал отрезать противнику Кольский полуостров от сухопутного снабжения. Но, исходя из условий, в которых находился корпус, может возникнуть вопрос: было ли возможно вести действия с более высокими результатами? Ответ на него, как представляется, во многом лежит в плоскости личных характеристик непосредственно командира корпуса, имевшего соответствующие полномочия и возможности.

Эти характеристики обнаруживаются в доступных источниках значительно позднее – когда Р. И. Панин находился в должности командующего 14-й армией. К сожалению, личность Панина в имеющихся материалах показывается в большей степени неприглядной. Первый секретарь Мурманского областного комитета ВКП(б) М. И. Старостин в своем дневнике прямо обвинял Панина в некомпетентности, пьянстве и к весне 1942 г. желал смещения его с должности⁹. В характеристике, подписанной командующим Карельским фронтом В. А. Фроловым и членами Военного совета фронта Г. Н. Куприяновым и А. С. Желтовым, указываются такие черты, как «инертность», «нерешительность», «неуверенность», «требует постоянного контроля за собой», «войска знает плохо», «организаторские способности... недостаточные», хотя в то же время признается, что в должности командира корпуса «с обязанностями справлялся». О шаблонности в действиях пишет и следующий командующий 14-й армией В. И. Щербаков¹⁰. А в воспоминаниях генерал-майора Г. А. Вещезерского можно встретить

и положительную характеристику: «Генерал был обаятельный человек, быстро находил путь к сердцу каждого сослуживца. От него так и веяло бодростью, энергией. В самые трудные минуты он не терял присутствия духа. Жизнерадостный, остроумный, Панин пользовался всеобщей любовью»¹¹. С положительной стороны характеризуется Роман Иванович и в мемуарах генерал-майора Г. В. Голованова.

Так или иначе, следует повторить, что действия частей корпуса не могут зависеть от одного лишь его командира, но одновременно действия командира во многом влияют на

результаты работы подчиненных. Можно констатировать, что в определенном смысле личностные черты Р. И. Панина негативно влияли на его деятельность. Но при этом нельзя утверждать, что комкор-42 самоустранился от исполнения своих обязанностей и не занимался управлением войсками. Наоборот, во многом благодаря мерам, принятым Романом Ивановичем Паниным, в условиях сложности проведения качественных корпусных мероприятий, при отсутствии резервов и необходимости действовать в особой местности, не идя на лишний риск с большими контрастными действиями, удалось задержать немецко-финляндские войска на кандалакшском направлении, измотать их и выбить большое количество «активных штыков», создав, таким образом, предпосылки к остановке немецкого 36-го армейского корпуса на рубеже реки Верман.

В заключение стоит отметить, что Роман Иванович, к сожалению, ушел из жизни рано и не оставил никаких мемуаров или воспоминаний. В военные годы он успел принять участие в боях на Волховском фронте, участвовал в Новгородско-Лужской, Белорусской и Восточно-Прусской операциях. После



Ил. 3. Роман Иванович Панин.
Вторая половина 1940-х гг.

войны был назначен начальником курса Военной академии им. М. В. Фрунзе. В характеристике при назначении на должность указывалось, что Роман Иванович ответственно подходит к делу, имеет богатый опыт и знания, которыми делится с другими, но имеет слабое здоровье.

Р. И. Панин награжден двумя Орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени и другими наградами. В 1949 г. вышел в отставку и в том же году скончался.

¹ Мироничев Е. П. «Особую опасность представляет кандалакшское направление...»: боевые действия на юге Заполярья в 1941 году: монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2022. 126 с.

² Личные дела командующего войсками 14 армии (23 августа 1941 года – 27 марта 1942 года) генерал-майора Панина Романа Ивановича. ЦАМО, Инв. №–№ 1815763, 513475, 7268, 381328.

³ Зимняя война 1939-1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания: Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). / Отв. ред. Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский. М.: Наука, 1998. С. 43.

⁴ Голованов Г. В. В боях за Карелию: Корпус ведет боевые действия. / Повенецкая средняя общеобразовательная школа // URL: <https://povenschool.edusite.ru/p161aa1.html> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵ Мироничев Е. П. Начало Великой Отечественной войны на кандалакшском направлении в отражении документов и воспоминаний // StudArctic forum. 2022. Т. 7, № 4. С. 21–25.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 10. Л. 1.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 10. Л. 19.

⁸ NARA. T. 314. R. 877. Fr. 170.

⁹ Старостин М. И. Дневник войны. Мурманск: Опимах, 2014. С. 40–116.

¹⁰ Щербаков В. И. Заполярье – судьба моя. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1994. 216 с.

¹¹ Вещезерский Г. А. У хладных скал. М., 1965. С. 141.

Ю. А. Миронов (Ардатов)

ПЕРВАЯ ОТДЕЛЬНАЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РЕАКТИВНАЯ БАТАРЕЯ ГВАРДИИ КАПИТАНА И. А. ФЛЁРОВА

Реконструкция и анализ первых залпов

С КАЖДЫМ ГОДОМ возрастает интерес к боевой деятельности первой отдельной экспериментальной реактивной батареи и ее командиру гвардии капитану И. А. Флёрову. Именно с этой батареей начинается отсчет роста и развития реактивной артиллерии советского периода, становление всех родов и видов ракетных войск. Введенные в научный оборот архивные документы и воспоминания батарейцев позволяют реконструировать боевые действия на местности первой экспериментальной реактивной батареи под командованием гвардии капитана И. А. Флёрова (далее по тексту будем обозначать ее – реактивная батарея) и на основе этого проанализировать события того времени, ответить на ряд нерешенных вопросов с артиллерийской точки зрения.

Реконструкция первых залпов реактивной батареи

Известно, что первой целью реактивной батареи был назначен железнодорожный вокзал города Орши, и расстояние с огневой позиции (ОП-1) первого залпа до цели составляло 6000 метров. Расстояние с КНП батареи до вокзала составляло 3000 метров¹. Известно, что первый памятный знак на месте первого залпа, по воспоминаниям батарейцев, был установлен в 1966 г.² (ил. 1).

В компьютерной программе «Просмотр Земли» определим на спутниковой карте перечисленные выше элементы. Видим, что



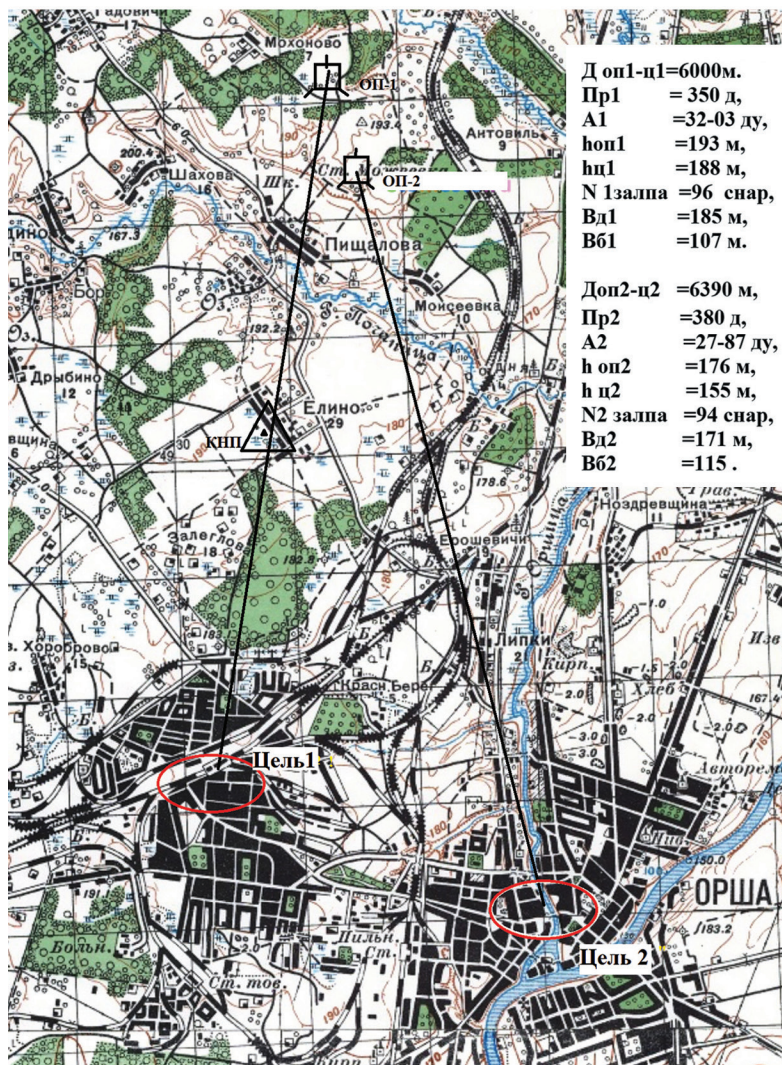
Ил. 1. Памятник на месте первого залпа реактивной батареи по железнодорожному вокзалу в Орше

действительно в предполагаемом районе ОП-1 имеется памятный знак на месте первого залпа батареи. Этот знак установлен недалеко от первого знака³.

Считаем, что элементы первого залпа реактивной батареи соответствуют документальным данным. После первого залпа в 96 снарядов боевые машины (БМ) покинули ОП-1 и убыли на перезарядку. В это время личным составом пристрелочного взвода батареи, южнее один километр от ОП-1, была подготовлена вторая огневая позиция (ОП-2)⁴. По заявке командира 413-го стрелкового полка 73-й сд в 17 часов 20 минут был произведен второй залп 94 снарядами по переправе через речку Оршица⁵. Нанесем элементы второго залпа батареи на спутниковую карту. По координатам перенесем элементы боевого порядка на топографическую карту военного времени. Получаем схему боевого порядка реактивной батареи при выполнении залпов 14 июля 1941 г. (ил. 2).

Известно, что реактивная батарея 15 июля 1941 года убыла под город Рудня и там произвела три залпа с окраины деревни Шубки по немцам в районе железнодорожной станции Рудня⁶. На спутниковой карте находим деревню Шубки и видим, что имеется памятный знак на месте проведения залпов (ил. 3).

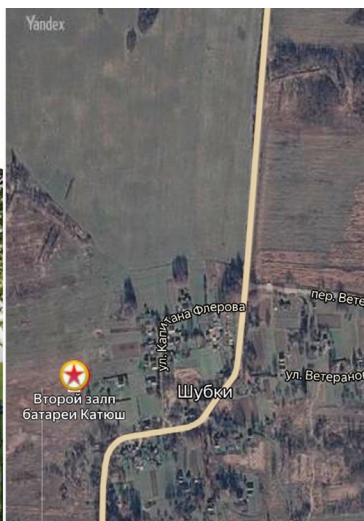
Схема залпов первой экспериментальной реактивной батареи гвардии капитана И.А. Флёрова 14 июля 1941 года



Ил. 2. Схема залпов и установки для стрельбы реактивной батареи по целям в Орше

Смоленская область, Руднянский район,
деревня Шубки

Место второго залпа батареи реактивных установок «Катюша»



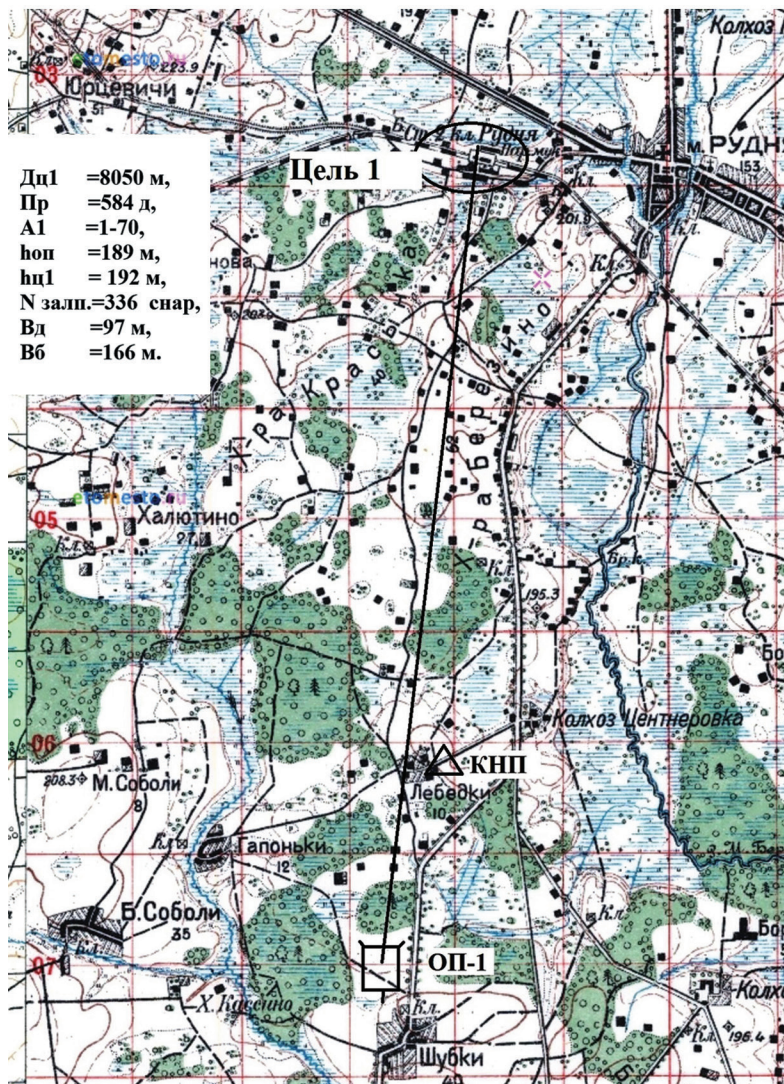
Ил. 3. Памятник у деревни Шубки на месте залпа реактивной батареи по железнодорожной станции Рудня

Максимальная дальность стрельбы снарядом М-13 составляет 8470 метров. Проведем этим радиусом от ОП в районе деревни Шубки дугу в районе города Рудни. Определяем, что стрельба велась по железнодорожной станции Рудня. В одном километре от ОП батареи действовал КП армии, на который и был вызван капитан И. А. Флёров для доклада зам. командующего Западным фронтом генералу А. И. Ерёменко⁷. Нанесем элементы залпов на спутниковую карту, а с нее по координатам перенесем элементы на топографическую карту военного времени. Получаем схему залпов 15 июля 1941 г. по целям в районе города Рудни.

Оценим эффективность стрельбы реактивной батареи в первых залпах.

Известно, что по вокзалу был произведен один пристрелочный выстрел, а затем произведен залп батареи из 96 снарядов⁸. Зная дальность стрельбы 6000 метров из таблицы стрельбы ТС № 1м (издание 1942 г.) снаряда М-13, определяем установку прицела 350 делений и характеристики рассеивания – срединные отклонения $B_d = 185$ м и $B_b = 107$ м.

Схема залпов первой экспериментальной реактивной
батареи гвардии капитана И.А. Флёрова 15 июля 1941 года



Ил. 4. Схема залпов и установки для стрельбы реактивной батареи по целям в Рудне

Определяем площадь эллипса рассеивания снарядов:

$$S_{эл} = 4Bд \times 4Bб \times \pi = 4 \times 185 \times 4 \times 107 \times 3,1416 = 995007 \text{ м}^2 = 99,5 \text{ га.}$$

$$S_{лчэ} = 4 \times Bд \times 4 \times Bб = 4 \times 185 \times 4 \times 107 = 31,7 \text{ га.}$$

Определяем плотность разрыва 96 снарядов в площади $S_{эл}$ и $S_{лчэ}$:

$$n_1 = \frac{N1}{S_{эл}} = \frac{96}{99,5} = 0,96 \text{ сн/га.} \quad n_{лчэ} = \frac{96 \times 0,6724}{31,7} = 2,0 \text{ сн/га.}$$

Нормой считалась плотность 4–8 снарядов на гектар (сн/га)⁹.

Аналогично по данным со схемы залпа по переправе (ил. 2) определяем эффективность стрельбы:

$$S_{эл_2} = 4 \times 171 \times 4 \times 115 \times 3,1416 = 98,8 \text{ га.}$$

$$S_{лчэ} = 4 \times 171 \times 4 \times 115 = 31,5 \text{ га.}$$

$$n_2 = \frac{94}{98,8} = 0,95 \text{ сн/га,} \quad n_{лчэ} = \frac{94 \times 0,6724}{31,5} = 2,0 \text{ сн/га.}$$

Плотность разрывов снарядов в первом и втором залпе меньше нормативной.

Определяем эффективность стрельбы батареи по целям в Рудне, используя для расчета данные со схемы залпа по Рудне (ил. 4):

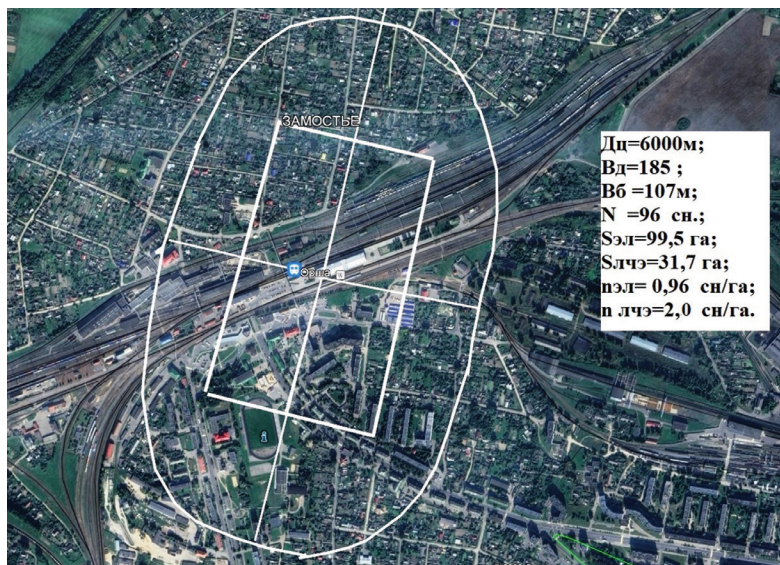
$$S_{эл} = 4 \times 97 \times 4 \times 166 \times 3,1416 = 80,9 \text{ га;}$$

$$S_{лчэ} = 4 \times 97 \times 4 \times 166 = 25,8 \text{ га.}$$

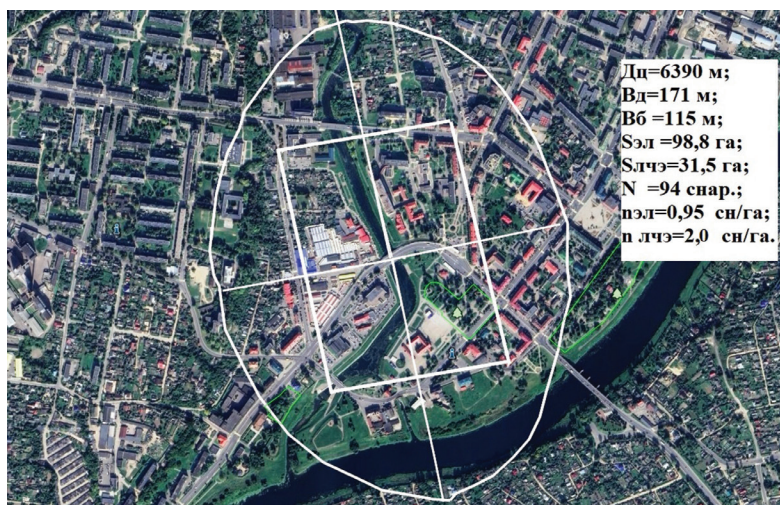
$$n_p = \frac{112 \times 3}{80,9} = 4,2 \text{ сн/га;} \quad n_{рлчэ} = \frac{112 \times 3 \times 0,6724}{25,8} = 8,8 \text{ сн/га.}$$

Тройной залп батареи по цели создал нормативную плотность разрывов снарядов в площади эллипса рассеивания.

Для наглядности наносим проекции эллипсов рассеивания снарядов в залпах на местности в районе целей на спутниковую карту (ил. 5–7).



Ил. 5. Эллипс рассеивания реактивных снарядов в залпе по железнодорожному вокзалу г. Орши



Ил. 6. Эллипс рассеивания реактивных снарядов в залпе по переправе через реку Оршица



Ил. 7. Эллипс рассеивания реактивных снарядов в залпах по железнодорожной станции Рудня

Из описания результатов залпов, приведенных в мемуарной литературе:

– несмотря на низкую расчетную плотность разрывов в районе вокзала, снаряды подожгли железнодорожные составы с имуществом и техникой¹⁰;

– залп по переправе через реку Оршица накрыл переправлявшиеся войска немцев¹¹;

– три залпа батареи в площади эллипса рассеивания снарядов создали нормативную плотность разрывов в 4,2 снаряда на га, что привело к высокому результату поражения противника¹².

Рассматривая схему элементов боевого порядка батареи 14 июля 1941 г., замечаем на карте тригонометрический пункт – отм. 193,4¹³.

Следовательно, для топогеодезической привязки огневых позиций батареи капитан Флёров использовал тригопункт с высокоточными координатами и направлениями, что позволило исключить ошибки в определении установок прицела и угломера для стрельбы.

Рассматривая схему элементов боевого порядка батареи 14 июля 1941 г., замечаем, что КНП батареи расположен посередине линии проекции траектории снарядов при залпе. В чем особенность такого расположения? Дело в том, что в ходе пристрелки для приближения траектории снарядов к цели был выбран

способ пристрелки цели из гаубицы 122 мм 1910/1930 гг., по наблюдению знаков разрывов (НЗР). При этом способе для вывода разрывов снарядов на линию наблюдения используется коэффициент удаления K_y и шаг угломера Шу. Так как КНП находится на линии проекции траектории снарядов ровно на половине дальности, то для корректирования стрельбы используется только доворот разрывов в сторону цели с помощью коэффициента удаления:

$$K_y = \frac{D_k}{D_b} = \frac{3000}{6000} = 0,5;$$

где D_k – дальность от КНП до цели, D_b – дальность от батареи до цели. Шаг угломера Шу отсутствует. Это позволяет сократить время на пристрелку цели.

Такая схема размещения КНП позволяет также использовать для привязки боевого порядка стрельбу прицельного орудия и при необходимости вызвать огонь «на себя»¹⁴.

В мемуарной литературе часто красочно описывается уничтожение гитлеровских составов на станции Орша первым залпом реактивной батареи. Рассмотрим этот вопрос.

1. Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № П509 от 29.06.1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей». Пункт 4 директивы устанавливал:

«При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона... Все ценное имущество..., которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»¹⁵.

Части НКВД – 76-й полк по охране железнодорожных сооружений, оставили Оршу в ночь на 13 июля 1941 г. по приказу начальника гарнизона. Орша горела.

2. В военном дневнике начальника Генерального штаба немецких сухопутных войск Ф. Гальдера с 1 июля 1941 г., в донесениях воздушной разведки отмечается скопление советского подвижного состава и пробки на железных дорогах, переброски войск от Смоленска на Оршу¹⁶.

Так, 12 июля 1941 г.:

«...Обнаружено усиленное движение эшелонов по объездным путям и пробки на железных дорогах южнее линии Орша – Смоленск. Большие пробки на железной дороге между Витебском и Смоленском».

14 июля 1941 г., 23-й день войны:

«...Участок железной дороги Орша – Смоленск – Витебск совершенно забит эшелонами».

Движение немецких эшелонов для снабжения группы армий «Центр» намечалось на 18 июля 1941 г. до баз снабжения Минск, Молодечно, и немецкие эшелоны не могли быть в Орше в день захвата ее немцами 13 июля 1941 г.¹⁷

Очевидно, что целью для залпа реактивной батареи генерал Г. С. Кориофилли решил использовать советские железнодорожные составы с техникой и имуществом, скопившиеся на железнодорожной станции Орша.

Проведенный анализ первых залпов реактивной батареи показывает высокий артиллерийский профессионализм капитана Флёрова. Это подтверждает ромб-знак «За отличную артиллерийскую стрельбу» на его груди, полученный на соревнованиях по артиллерийской стрельбе на Лужском полигоне.

О пристрелочном взводе

Известно, что в штат батареи входил пристрелочный взвод со 122-мм гаубицей 1910/30 гг., и 100 выстрелами к ней. Но истинные причины включения ствольного орудия в реактивную батарею не приводятся. Не приводится и методика стрельбы реактивной батареей по данным пристрелки 122-мм гаубицы.

Первоначально на опытных боевых машинах – механизированных установках для пуска реактивных снарядов второго варианта (МУ-2) – угол подъема направляющих для наведения по дальности определялся по минометному или орудийному квадранту. Опытные стрельбы на полигоне на максимальную дальность под углом 45 градусов, что в делениях квадранта составляет 7-50, или 750 делений угломера, позволили определить, что дальность стрельбы снаряда М-13 составляет 8470 метров.

Составление таблиц стрельбы (ТС) артиллерийского вооружения проходит ряд этапов. В ходе заводских испытаний составляются краткие ТС. Затем в результате полигонных испытаний составляются временные ТС, в которых рассчитываются все графы таблиц. При испытаниях в войсках составляются полные ТС. Но и полные ТС в ходе эксплуатации уточняются и дополняются, что фиксируется переизданием таблиц.

Отсутствие заводских испытаний и опытных полигонных стрельб из механизированной установки не позволили составить таблицы стрельбы и произвести нарезку шкалы прицела для стрельбы снарядом М-13. Отсутствие таблиц стрельбы М-13 привело к решению определять данные для стрельбы экспериментальной реактивной батарее пристрелкой. Но пристрелка пуском реактивных снарядов невозможна по причине большого рассеивания снарядов и снижения эффекта внезапности стрельбы.

Для выхода из положения инженеры НИИ-3 стали подбирать подходящий прицел от уже имеющейся артиллерийской системы. Согласно закону Ланжевена, траектории снарядов подобны, если совпадают скорости снарядов V , прицелы Pr и коэффициент сопротивления C . Подбор производился по максимальной скорости снаряда М-13 в конце АУТ, равной 355 метров в секунду, и максимальной дальности 8470 м. Пушки и пушки-гаубицы имели скорость снаряда гораздо большую, чем снаряд М-13, и их прицелы сразу были исключены из выбора.

Анализ таблиц стрельбы позволил выбрать выстрелы, то есть снаряд и заряд, 122-мм гаубицы.

Выписка из таблиц стрельбы ТС № 146¹⁸:

Таблица 1

122-мм гаубица обр. 1938 г: заряд обр. 1938 г.

Заряд	Д макс., м	Вес, кг	V_0 , м/с	Прицел
Полн.	11800	2.075	515	
Первый	10770	1.745	458	Первый
Второй	9720	1,415	402	Втор.
Третий	8670	1,085	346	Третий
6,7,8	5350	0,555	248	Дымовой

Таблица 2

122-мм гаубица 1910/30 гг. Заряд старого изготовления

Заряд	Д макс. М	Вес, кг	V_0 , м/с	Прицел
Полный	9340	1,17	380	ДГ второй
Второй	8380	0,94	334	ДГ третий
Третий	7320	0,78	299	ДГ четв.
Четв., дым	5900	0,62	263	ДГ четв.

Таблица 3

122-мм гаубица 1910/30 гг. Заряд нового образца:

Заряд	Д макс, м	Вес, кг	V_0 , м/с	Прицел
Полный	9310	1,20	380	ДГ второй
Второй	8380	0,99	334	ДГ третий
Третий	7320	0,81	299	ДГ четверт.
Четв. дым	5900	0,63	263	ДГ четверт.

Составим таблицу выбранных допустимых зарядов 122-мм гаубицы по скорости снаряда, близкой к 355 м/с, и дальности стрельбы, ближайшей к 8470 м.

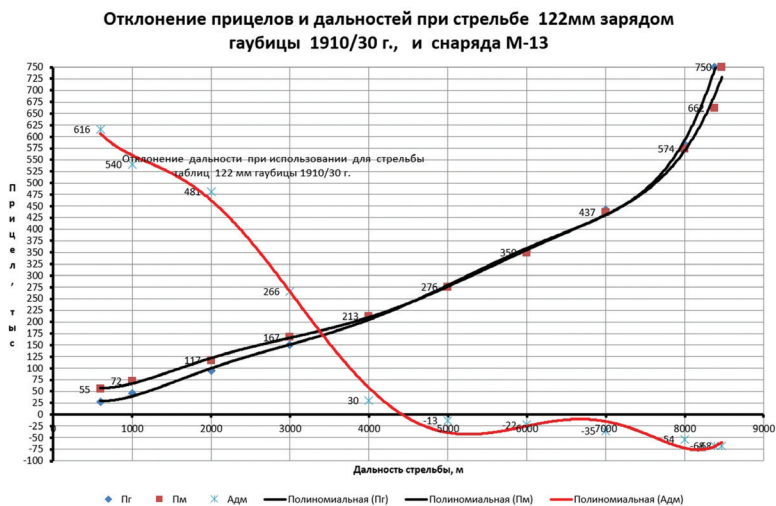
Таблица 4

Заряд	Д м, м	V_0 , м/с	Прицел	Орудие
Третий	8670	346	Третий	Гауб.1938 г.
Второй	8380	334	ДГ третий	Г. 1910/30 г.
Второй	8380	334	ДГ третий	Г. 1910/30 г.

Для наведения МУ-2 по дальности и направлению был выбран прицел 122-мм гаубицы обр. 1910/30 гг. Но его шкала дистанции была нарезана для 122-мм гаубицы 1910/30 гг., а не механизированной установки МУ-2. Тогда инженер Д. А. Шитов составил таблицу перевода шкалы прицела гаубицы в шкалу прицела для МУ-2, и размножил ее в 8 экземплярах¹⁹.

Именно такой прицел установлен на БМ-13, экспонирующийся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Оценим отклонение по дальности при стрельбе реактивным снарядом М-13 из-за несовпадения прицелов таблиц стрельбы. Для этого определим разность прицелов при стрельбе на одну и ту же дальность, и каждую разность прицелов умножим на ΔX тыс. прицела МУ-2. Результат отобразим на графике (ил. 8).

График показывает, что имеется совпадение траекторий снарядов 122-мм гаубицы и М-13. При дальности стрельбы от 600 до 4000 м ошибка уменьшается с 616 до 75 м. При стрельбе с 4000 до 8470 м ошибка дальности прицелов не превышает 75 метров. Поэтому на боевых машинах МУ-2 были установлены нормализованные прицелы 122-мм гаубицы 1910/30 гг., и было предложено включить в штат реактивной батареи для



Ил. 8. Отклонение прицелов и дальностей при стрельбе зарядами для 122-мм гаубицы 1910/1930 гг. и БМ-13

пристрелки 122-мм гаубицы 1910/30 гг. Предполагалось с огневой позиции батареи вести пристрелку центра цели по наблюдению знаков разрывов 122-мм пристрелочной гаубицей, а по окончании пристрелки перевести по таблице перевода пристрелянные значения прицела и направления на прицелы МУ-2, навести их и произвести стрельбу реактивными снарядами М-13. Так как допустимая скорость транспортирования гаубицы 15 км/час не позволяла движение гаубицы на прицепе со скоростью автомобильной колонны батареи, то ее перемещали в кузове автомобиля.

Начиная с Советско-финляндской войны, в штате артполков имелся измерительно-пристрелочный взвод (ИПВ). Штат ИПВ включал в себя два поста наблюдения и пост обработки. Всего по штату во взводе 19 человек. ИПВ относился к оптической разведке и предназначался для ведения разведки и засечки обнаруженных целей, пристрелки по измеренным отклонениям. Точность топогеодезической привязки постов – 2 м в координатах и 2 угловых минуты в направлении. На вооружении – три телодолита, три телефонных аппарата и провод²⁰.

Поэтому в штат реактивной батареи был введен пристрелочный взвод (ПВ) с задачей пристрелки дальности и направления

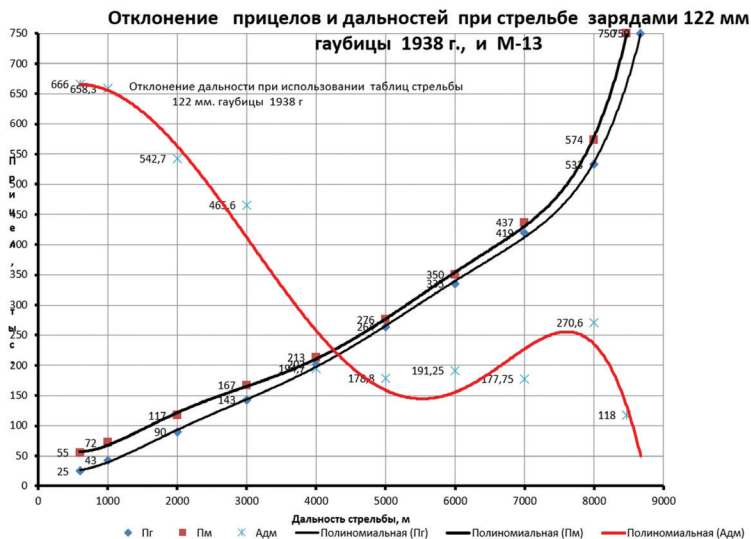
целей и реперов, топогеодезической привязки КНП и ОП, ведения разведки с КНП. Возможный штат пристрелочного взвода – боевой расчет 122-мм гаубицы, отделение разведки. На вооружении взвода – 122-мм гаубица, стереотруба, бинокли. В документации пристрелочного взвода – журнал разведки, в котором на КНП записывается все примечательное и важное, огневой планшет, разведывательная карта, схема ориентиров²¹. Пристрелочная гаубица активно использовалась в батарее до замены механизированных установок МУ-2 на боевые машины БМ-13 заводского изготовления в августе 1941 г. При этом на БМ-13 устанавливались различные прицелы для наведения с нарезкой дистанционных шкал по таблицам стрельбы снаряда М-13.

При переправе реактивной батареи через Днепр 1 августа 1941 г. пристрелочная гаубица была оставлена на берегу и разбита налетами немецкой авиации.

После пополнения людьми и техникой в августе 1941 г. реактивная батарея была укомплектована другой 122-мм гаубицей²². Источники не уточняют, какой образец пристрелочного орудия и выстрелы к нему применялись в это время в батарее, но «с пристрелкой дальности обнаружили проблемы. Предварительная пристрелка гаубицей не дает существенных результатов. Направление стрельбы определялось довольно точно, но рассчитать дальность до цели было трудно. Внезапно возникшие большие ошибки пристрелки дальности вызывали опасение ударить по своим. Причина ошибок в дальности не была выяснена. Капитан Флёров ставил пристрелочную гаубицу не на позиции, а на удалении примерно километр, и пристреливал цель или репер. Затем с помощью преобразований трансформировал данные для определения установок для стрельбы. Но ошибка в дальности не исчезала»²³.

В чем же была причина возникшей ошибки? Предположим, что батарея после потери в результате фашистской бомбежки была укомплектована такой же 122-мм гаубицей 1910/30 гг., но выстрелы – то есть заряд и снаряд – для стрельбы использовались образца 1938 г. Они стандартно используются в 122-мм гаубицах. Или же пристрелочный взвод укомплектовали 122-мм гаубицей образца 1938 г.

Срединное отклонение снаряда 122-мм гаубицы на дальность 8500 м составляет $V_d = 30$ м, $V_b = 7$ м и может не учитываться вследствие своей малости.



Ил. 9. Отклонение прицелов и дальностей при стрельбе зарядами для 122-мм гаубицы М-38 и М-13

Оценим отклонение по дальности, вызванное несовпадением прицелов таблиц стрельбы ТС № 146 с зарядом образца 1938 г., и ТС № 1М.

Результаты расчета отобразим на графике (ил. 9).

Анализ графика показывает, что применение в пристрелочной гаубице заряда образца 1938 г. приводит к значительным расхождениям в дальности с прицелом системы М-13 и использовать его данные для установки в прицел нельзя. При стрельбе на дальностях более 3000 метров ошибка стрельбы, вызванная расхождением таблиц стрельбы, достигает 400 метров, нигде не снижаясь менее 150 метров на всем диапазоне дальностей. Дополнительную существенную ошибку вносило отсутствие учета метеоданных при стрельбе. Таким образом, можно считать, что ошибки, возникавшие при пристрелке дальности пристрелочной гаубицей в реактивной батарее, были обусловлены стрельбой из нее зарядом для гаубицы образца 1938 г.

О таблицах стрельбы реактивными снарядами.

Таблицы стрельбы – документ, который представляет все числовые данные, необходимые для определения в кратчайший

срок установок прицельных приспособлений боевых машин реактивной артиллерии. Несмотря на то, что механизированная установка МУ-2 была разработана в 1939 г., полного технологического цикла испытаний она не прошла. Из-за этого первые реактивные батареи отправлялись на фронт без официальных таблиц стрельбы. Из воспоминаний командира гвардейской минометной батареи 323-го гмп Михаила Гавриловича:

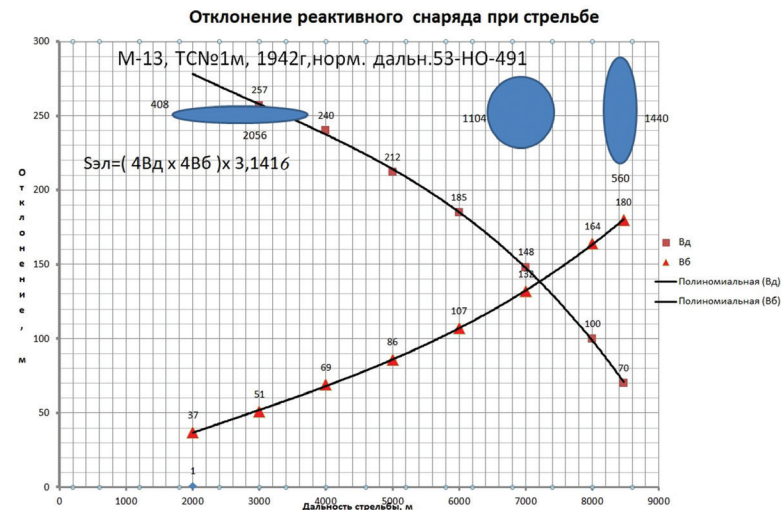
«...Спрашиваю – таблицы стрельбы есть? Мне дают на двух листах. Стрельба только залпом. И пристрелки нет. Снаряды сильно рассеиваются. Потом начали давать четыре снаряда – центр ухватить. На одной установке. Метеоусловия первоначально не учитывали. Не было метеостанций. Потом стали появляться таблицы стрельбы сокращенные. В них поправка на температуру заряда и температуру воздуха. Зимой по опыту в дальность 1000 м прибавляли. Средства определения координат и углов – целлулоидный круг и линейка. По карте определяли направление стрельбы и дальность стрельбы»²⁴.

В реактивной батарее капитана А. И. Флёрова применялись рабочие таблицы, рассчитанные по результатам опытных стрельб реактивными снарядами на полигоне.

Первые официальные таблицы стрельбы, обнаруженные в Российской государственной библиотеке, – «Краткие таблицы стрельбы системы М-13 (ТС № 1М)», издания НКО СССР 1942 г., для служебного пользования. Осколочно-фугасный снаряд нормальной дальности – 53-НО-491 и осколочно-фугасный снаряд уменьшенной дальности – 53-НО-491с. Взрыватель – ГВМЗ. Максимальная дальность стрельбы снаряда нормальной дальности 8470 м, уменьшенной дальности – 4980 м. В таблицах стрельбы – графы дальности, установки прицела, угла прицеливания и срединные отклонения снаряда Вд и Вб. В основных указаниях приведена инструкция по учету температуры заряда и воздуха. Нормальная температура +15 °С.

В таблице отмечено, что стрельба под углом возвышения меньше 50 допускается только в исключительных случаях, так как опасна для стреляющей системы и ее расчета. Уже при стрельбе 50 отдельные снаряды ложатся в 250 м от стреляющей системы. Также указывается, что при стрельбе под углом от 15 до 5 градусов стрельба эффективна по глубоким и узким целям.

Отообразим зависимость рассеивания снаряда М-13 по дальности – по данным ТС № 1М (ил. 10).



Ил. 10. Отклонение реактивного снаряда М-13 (ТС № 1 м) при стрельбе нормальной дальности

По теории стрельбы артиллерии, рассеивание реактивных снарядов происходит в площади эллипса рассеивания. Площадь эллипса рассеивания рассчитывается по формуле $S_{эл} = 0,5 (8V_d \times 8V_b) \times 3,1416$ (га) = $50,3 V_d \times V_b$ (га). Лучшая часть эллипса рассеивания $S_{лчэ} = 4V_d \times 4V_b$ (га). Рассчитанные площади эллипсов рассеивания снаряда М-13 начальной, средней и конечной дальности стрельбы приведены на графике. Анализ графика позволяет сделать ряд выводов.

1. Таблицы стрельбы М-13 позволяют вести расчетную стрельбу с дальности 3000 метров.

Эллипс рассеивания на минимальных дальностях стрельбы вытянут вдоль плоскости стрельбы, а на дальностях стрельбы, больших 7250 м, большая полуось эллипса располагается перпендикулярно плоскости стрельбы. На дальности стрельбы 7250 м рассеивание по дальности V_d равно рассеиванию боковому V_b , и эллипс рассеивания преобразуется в круг.

2. Стрельбу с дальности 4620 м (угол подъема направляющих равен 150) до дальности 1250 м (угол подъема направляющих равен 50) целесообразно вести по узким и протяженным целям.

3. Стрельбу прямой наводкой гарантированно можно вести с дальности 1250 м и дальше. При меньших дальностях стрельба

опасна для стреляющих, ввиду близкого падения некоторых снарядов в залпе.

4. С увеличением дальности стрельбы боковое рассеивание Вб реактивных снарядов возрастает, а рассеивание по дальности Вд уменьшается.

По результатам боевых действий экспериментальной реактивной батареи гвардии капитана А. И. Флёрова и других реактивных батарей, воевавших на фронтах, командованием ГМЧ были сделаны конкретные выводы. Командующим фронтов и армий 1 августа 1941 года была разослана шифрограмма, в которой устанавливалось, что «дивизионы и батареи М-8 и М-13 применять только по крупным, разведанным целям. Во всех случаях М-8 и М-13 применять не отдельными установками, а целыми дивизионами. При этом категорически воспрещается пристрелка снарядами М-8 и М-13, а усиленно рекомендуется производить пристрелку полковыми орудиями». Шифрограмма подписана И. В. Сталиным и Б. М. Шапошниковым²⁵.

Вывод:

Первая отдельная экспериментальная реактивная батарея, ее командир гвардии капитан И. А. Флёров и личный состав своим выполнением воинского долга, образцами боевого применения новейшего реактивного оружия показали примеры беззаветного служения Отчизне.

¹ Л. Колодный. Повесть о «Катюше». ИПЛ. М.: 1968. С. 34.

² Гуров С. В., Новогонский Э. Э. Из истории формирования и боевого пути специальной батареи «РС» под командованием И. А. Флёрова // Война и оружие. Труды 10-й международной научно-практической конференции 2021 г. Ч. 1. СПб.; ВИМАИВиВС, 2021. С. 401.

³ Там же. С. 402.

⁴ Д. М. Матвеев. Помнит сердце суровую осень. Чебоксары: Чувашское К. И. 1989. С. 26.

⁵ Гуров С. В., Новогонский Э. Э. Из истории формирования и боевого пути специальной батареи «РС» под командованием И. А. Флёрова. С. 393.

⁶ Д. М. Матвеев. Помнит сердце суровую осень.

⁷ Там же. С. 29.

⁸ Гуров С. В., Новогонский Э. Э. Из истории формирования и боевого пути специальной батареи «РС» под командованием И. А. Флёрова. С. 393.

⁹ Из личной библиотеки Гурова С. В. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. С. 38, 39.

¹⁰ Н. М. Афанасьев. Первые залпы. ВИ МО СССР. М., 1967.

¹¹ Там же. С. 44, 45.

Первая отдельная экспериментальная реактивная батарея гвардии капитана И. А. Флёрова

¹² Там же. С. 47.

¹³ Республика Беларусь. Карта N-36-49. Издание 1986 г.

¹⁴ Правила стрельбы наземной артиллерии 1942 г. ВИ НКО. 1943. С. 7, 8, 25, 26, 37.

¹⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 15. Л. 109, 110, 111, 112.

¹⁶ Ф. Гальдер. Военный дневник. Ежедневные записки начальника генштаба 1939–1942 г. Т. 3. ВИ МО СССР. 1968–1971.

¹⁷ Там же. С. 117.

¹⁸ Таблицы стрельбы 122-мм гаубицы образца 1938 г. ТС № 146. С. 53, 54, 55, 116.

¹⁹ Н.М. Афанасьев. Первые залпы. ВИ МО СССР. С. 28.

²⁰ Руководство по боевому применению измерительно-пристрелочного взвода. ВИ НКО СССР. М., 1942. С. 3, 6, 8, 13.

²¹ Там же. С. 18, 19.

²² Н.М. Афанасьев. Первые залпы. ВИ МО СССР. С. 63, 66.

²³ Там же. С. 90.

²⁴ Командир реактивной батареи. Изд. «Хорев», 2003. С. 75.

²⁵ ЦАМО. Ф. 3465. Оп. 1. Д. 874. Л. 56.

Ю. А. Миронов (Ардатов)

БОЕВАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАКТИВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ по реактивной артиллерии позволяют оценить эффективность боевой работы гвардейских минометных частей не с помощью эмоциональных эпитетов, а конкретными критериями.

Боевая эффективность – это численный критерий, определяющий степень выполнения боевых задач.

За показатель боевой эффективности реактивной артиллерии в годы Великой Отечественной войны была принята плотность разрывов снарядов в залпе по площади эллипса рассеивания¹. Выведем рабочую формулу, по которой можно определить плотность разрывов снарядов для многозарядных боевых машин:

$$N = \frac{N}{S_{эл}} = \frac{БМ \times К}{4 Вд \times 4 Вд \times 3,1416} = \frac{БМ \times К}{50,3 \times Вд \times Вб} \text{ сн/га}, \quad (1)$$

где n – плотность разрывов снарядов в залпе, измеряемая в снарядах на один гектар, сн/га; N – число снарядов в залпе, равное количеству боевых машин (БМ), умноженному на K . K – число направляющих на БМ; $Вд$, $Вб$ – срединные отклонения реактивного снаряда по дальности и боковому, приведенные в таблицах стрельбы для применяемого снаряда.

Нормативная плотность разрывов снарядов [n] для поражения открытой живой силы в зависимости от калибра была определена из опытных стрельб и в ходе войны получила свое подтверждение².

Из графика (ил. 1) определяем интерполяцией, что для снаряда М-8 нормой плотности является [9–11] сн/га, а для М-13 [4–5] сн/га.

В источнике³ приведены нормы плотности разрывов реактивных снарядов, применявшиеся в годы войны:



Ил. 1. Рекомендуемая плотность разрывов снарядов в зависимости от калибра

М-8:

- живая сила в рост – [8–10] сн/га;
- живая сила залёгшая – [15–20] сн/га.

М-13:

- живая сила в рост – [4–5] сн/га;
- живая сила залёгшая – [6–8] сн/га.

Для действительного поражения окопавшейся пехоты в лесах и населенных пунктах нормы расхода увеличиваются в 1,5–2 раза.

Формула (1) позволяет определять количество БМ, необходимых для создания нормативной плотности снарядов [п] залпа в площади эллипса рассеивания:

$$БМ_{эл} = \frac{[п] \times 50,3 \times Вд \times Вб}{К} \text{ шт.} \quad (2)$$

Здесь К равно количеству направляющих на БМ:

- для БМ-13, СТЗ-5 НАТИ = 16;
- для БМ-8 = 36, 48;
- для Т-60 = 24.

Из формулы (1) следует, что для повышения плотности разрывов снарядов п следует увеличивать количество БМ и направляющих на БМ и уменьшать срединные отклонения Вд и Вб.

С целью уменьшения площади эллипса рассеивания Сэл было принято решение учитывать при расчетах плотность снарядов в лучшей части эллипса рассеивания, ограниченную площадью Слчэ = 4Вд × 4Вб. В эту площадь попадает 67,24 % снарядов залпа, так как вероятность попадания в нее составляет 82 % по осям дальности и боковой, и суммарная вероятность попадания

$$P_{лчэ} = 82 \% \times 82 \% = 67,24 \%^4;$$

$$n_{лчэ} = \frac{0,6724 \times N}{16 \times Вд \times Вб} = \frac{0,6724 \times БМ \times К}{16 \times Вд \times Вб} \text{ сн/га.} \quad (3)$$

Из формулы (3) выводим формулу требуемого количества БМ для действительного поражения противника в лучшей части эллипса рассеивания:

$$БМ_{лчэ} = \frac{[n] \times 16 \times Вд \times Вб}{0,6724 \times К} = \frac{[n] \times 16 \times Вд \times Вб}{0,6724 \times К} \text{ (шт),}$$

здесь [n] – нормы плотности снарядов для конкретных условий боевой обстановки.

Из формулы (3) следует, что только 67,24 % снарядов залпа учитывалось в расчетах плотности разрывов. Остальные 32,76 % не учитывались, рассеиваясь по оставшейся площади эллипса рассеивания с плотностью разрывов:

$$n_{ост} = \frac{0,3276 \times N}{34,3 \times Вд \times Вб} = 0,0096 \times \frac{БМ \times К}{Вд \times Вб} \text{ сн/га.} \quad (4)$$

Посчитаем бесцельно израсходованные снаряды реактивной артиллерии в боях 1941, 1942 и 1943 гг.

Таблица 1

**Расход реактивных снарядов в 1941, 1942, 1943 гг.
и бесцельный расход⁵**

Снаряды	Расход снар. 1941 г., тыс.	Расход снар. 1942 г., тыс.	Расход снар. 1943 г, тыс.	Бесцельно, всего, тыс.
М-8	281,6	1121	1072	810,7
М-13(М-20)	243,3	1070	1723	994,7
М-30(М-31)	-	148	352	163,8
Всего	524,9	2339	3147	1969,0

Рассмотрим боевую эффективность реактивной артиллерии по периодам Великой Отечественной войны. Периодизация принята по источнику⁶.

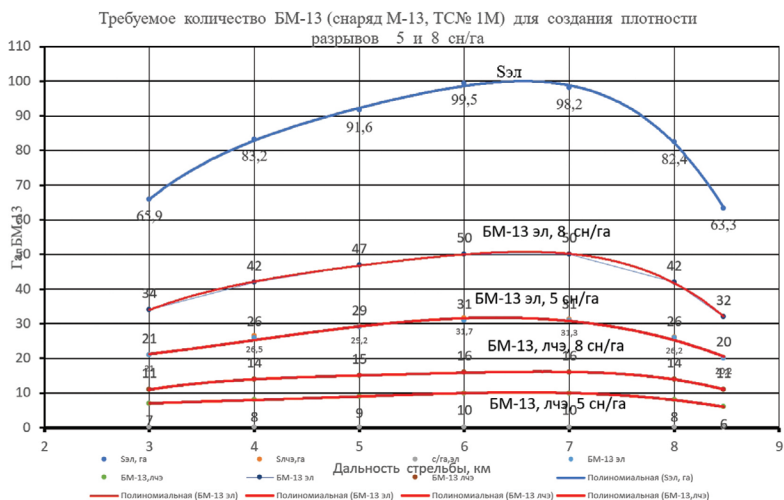
1. 22.06.1941 г. – 18.11.1942 г.;
2. 19.11.1942 г. – 31.12.1943 г.;
3. 01.01.1944 г. – 31.12.1944 г.;
4. 01.01.1945 г. – 09.05.1945 г.

Начальный период войны: 22.06.1941 г. – 18.11.1942 г.

В этот период Красная Армия отступала, обороняясь, а немцы наступали по дорогам, в колоннах. В районах расположения немецких войск инженерное оборудование не проводилось. В этот же период происходило перемещение на Урал и Восток СССР промышленного оборудования, и изготовление реактивных снарядов резко упало.

Для поражения открытой живой силы и техники на вооружение были приняты реактивные снаряды М-13 и М-8, а для их пусков – боевые машины БМ-13 и БМ-8-36.

Используя данные таблицы стрельбы снаряда М-13 (ТС № 1М)⁷, рассчитаем плотности разрывов снарядов в залпе БМ-13 и количество БМ-13, требуемое для надежного подавления открытой живой силы (ОЖС). Результаты расчета представлены на графике.



Ил. 2. Требуемое количество БМ для создания нормативной плотности разрывов

Анализ графика (ил. 2) позволяет сделать следующие выводы:

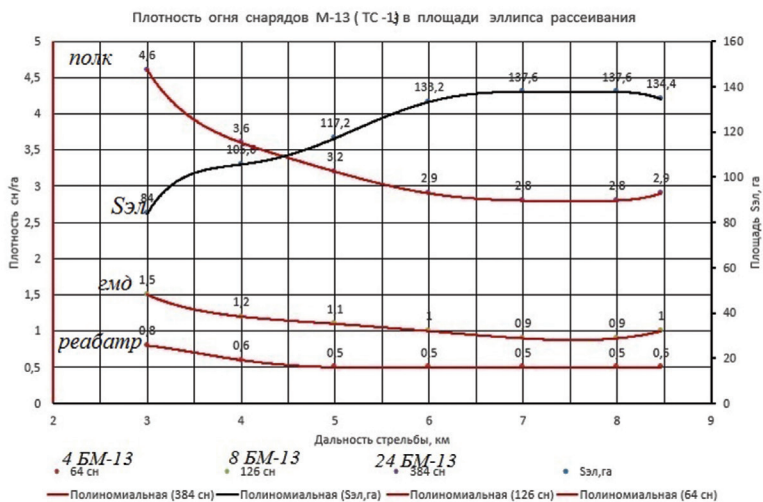
1. В зависимости от дальности стрельбы площадь эллипса рассеивания снарядов М-13 имеет минимумы на малых и максимальных дальностях. Целесообразно выбирать для стрельбы максимальные дальности.

2. Для создания нормативной плотности [5–8] сн/га требуется привлечь не менее 31–50 БМ-13, а в площади лучшей части эллипса – не менее 10–16 БМ-13.

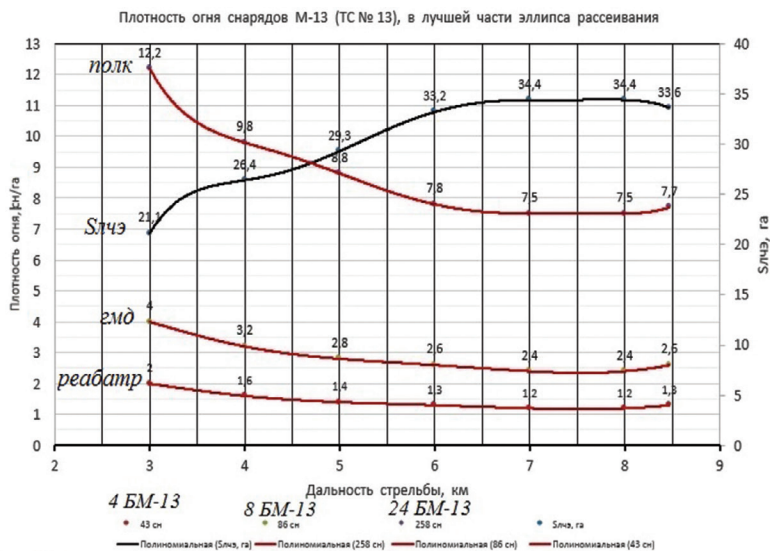
Исходя из этого, и были приняты первые штаты гвардейских минометных полков (гмп): № 08/61 от 08.08.1941 г. с 48 и 36 БМ.

Малое количество имеющихся боевых машин привело к решению, что целесообразно использовать реактивное оружие в составе гвардейских минометных дивизионов (гмд) в количестве 8 и 12 установок. Огмд придавались стрелковым дивизиям с целью укрепления стойкости войск в обороне.

На 1 января 1942 г. в войсках находилось 34 дивизиона М-8 и 47 дивизионов М-13. С января 1942 г. началось формирование гвардейских минометных полков в составе 24 установок. Возможности создания плотностей при стрельбе снарядами М-13 (ТС-13) в штатных подразделениях реактивной артиллерии отобразим на графиках⁸.



Ил. 3. Плотность огня снарядов М-13 в площади эллипса рассеивания



Ил. 4. Плотность огня снарядов М-13 в лучшей части эллипса

Анализ графиков (ил. 3, 4) позволяет сделать вывод, что при стрельбе реактивными снарядами М-13 по площади эллипса рассеивания не создается нормативной плотности снарядов даже при стрельбе полком. При этом нормативная плотность снарядов создавалась при стрельбе полком в лучшей части эллипса рассеивания. Стрельба БМ, батареей и дивизионом была малоэффективной.

В начальном периоде войны советские конструкторы создали установку для пуска снарядов М-8 с 48 направляющими – БМ-8-48, что повышало плотность разрывов в залпе, но основную проблему малой плотности разрывов это не решало.

Переход Красной Армии в 1942 г. к наступательным действиям и создание немцами инженерных сооружений в обороне потребовали разработки фугасных снарядов. Сначала на Ленинградском фронте в декабре 1941 г. был разработан снаряд М-28, а затем в июне 1942 г. приняты на вооружение снаряды М-30 и М-20⁹.

Характеристики реактивных снарядов

Снаряд	Калибр, мм	Вес, кг	Вес вв, кг	Д макс., км	Vсн, м/с	Вд, м	Вб, м
М-20	132	57,6	18,4	5	260	1/60	1/45
М-30	300	72	28	2,8	195	1/30	1/22
М-13	132	42	4,9	8,47	355	1/80	1/42

Для пуска снарядов М-30 использовали рамы, на которые устанавливались снаряды в укупорочных ящиках, по 4 снаряда на раму. Для пуска снарядов М-20 использовали установки БМ-13, по 8 снарядов в залпе, и с рам для М-30, по 6 снарядов на раме.

По штату тяжелый полк состоял из 4 тяжелых дивизионов, в трех батареях которого 96, а в полку 384 рамы. В одном залпе полк пускал 1536 снарядов, что составляло 30,7 сн/га, то есть норма по плотности. Применение 5 июля 1942 г. двух полковых залпов снарядов М-30 по узлам сопротивления немцев в районе города Белёв Тульской области привело к уничтожению до батальона немцев и почти без сопротивления занятию территории нашими войсками¹⁰.

В июле 1942 г. перешли на штат № 08/144 тяжелого отдельного гвардейского минометного дивизиона (тогмд), состоящего из двух батарей, по 23 рамы в батарее. Один тогмд производил залп из 184 снарядов М-30 или 276 снарядов М-20. На опорный пункт немцев требовалось [30–40] сн/га снарядов М-20. На дальности залпа 4800 м рассеивание снарядов составляло: Вд = 95 м, Вб = 105 м, Сэл = 50,1 га, Слчэ = 16 га. Плотность снарядов в площади Слчэ составляет 17,3 сн/га, что меньше нормы в [30–40] сн/га.

При стрельбе снарядом М-20 в дивизионном залпе из 8 БМ-13 пускалось 64 снаряда. Это создавало плотность 3,3 сн/га. Для достижения нормативной плотности снарядов М-20 требовалось 9–12 гвардейских минометных дивизионов БМ-13. В 1943 г. снаряд М-20 был снят с вооружения, но использовался до 1945 г.¹¹

При прорыве обороны И. В. Сталин требовал планировать по три тогмд М-30 на один километр фронта, а участок прорыва – 4 километра. Прорыв осуществляли 12 дивизионов М-30.

Таким образом, для создания нормативной плотности реактивных снарядов в залпе использовалось количественное увеличение привлекаемых БМ и увеличение количества снарядов в залпе с БМ.

К концу первого периода войны имелось¹²:

Таблица 3

Количество гвардейских миноносных частей

Части	Огмд М-8	Огмд М-13	Огмд М-30	Огмп М-8	Огмп М-13	Всего огмд
	20	17	85	19	62	365

Второй период войны: 19.11.1942 г. – 31.12.1943 г.

Стало очевидным, что только массирование артиллерии, в том числе и реактивной, дает наибольший эффект поражения. Дробление реактивной артиллерии, вызванное оборонительными боями и малым количеством на снабжении войск реактивного вооружения, закончилось. Красная Армия перешла к наступательным боям. Для увеличения плотности разрывов в залпе и улучшения управления частями реактивной артиллерии потребовалось укрупнение штатных структур.

По штату № 08/303 от 26.11.1942 г. сформированы тяжелые гвардейские минометные бригады (тгмбр). Тгмбр = 6 тгмд, в каждом из которых по две батареи из трех огневых групп. В огневой группе по 8 рам М-30. В дивизионе – 48, в полку – 288 рам.

По штату № 08/301 от 26.11.1942 г. были сформированы тяжелые гвардейские минометные дивизии (тгмдив). Тгмдив = 4 гмп и 2 тгмбр.

Залп дивизии состоял из 1536 снарядов М-13 и 2304 снарядов М-30 общим весом 230 т. Всего было сформировано семь тгмдив. Разный характер боевых действий частей М-30 и М-13 создал сложности управления и планирования в дивизии.

Тогда была организована дивизия по новому штату № 08/400 от 13.01.1943 г. Дивизия состояла из трех тгмбр. На вооружении – 864 рамы для М-30. Дивизия могла выстрелить в залпе 3456 снарядов М-30. Бригада в дивизии имела 288 рам М-30 и могла запустить 1152 снаряда в залпе.

К началу 1943 года промышленность освоила новый 300-мм фугасный снаряд М-31¹³.

Таблица 4

Характеристики снарядов М-30 и М-31

Снаряд	Калибр, мм	Вес, кг	Вес вв, кг	V _{макс} , м/с	Д макс, м
М-31	300	92,5	28,9	255	4325
М-30	300	72	28,9	195	2800

Посчитаем эффективность снаряда М-31 (ТС-31), залп бригады двухрядный, 2304 снаряда, и дивизиона – 576 снарядов:

Таблица 5

Д М	Вд М	Вб М	Сэл Га	Слчэ га	Тгмбр Сн/га	Тгмд Сн/га
3000	460	110	252,5	81	23,3	5,8
3800	245	200	248	78,4	24,1	6,0
4325	105	255	134,8	42,8	44,1	11

Для подавления и разрушения опорных пунктов требовалось [30] сн/га.

Из табл. 5 следует, что только двухрядный способ стрельбы залпом бригады создает требуемую плотность разрывов снарядов М-31 и создает максимальный эффект. При стрельбе наиболее эффективны максимальные дальности. Залп дивизиона не создает нормативной плотности огня.

7 мая 1943 г. реактивная артиллерия была передана в подчинение командующему артиллерией Красной Армии главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову В июне–июле 1943 г. штатная численность личного состава реактивной артиллерии была сокращена на 24816 человек, то есть на 15,6%¹⁴.

Таблица 6

Количество частей и соединений реактивной артиллерии на 01.01.1944 г.¹⁵

Части	Огмд М-8	Огмд М-13	Гмп М-8	Гмп М-13	Бригады М-31	Управл. дивизий	Всего Огмд
	8	30	19	96	33	7	504

Из табл. 6 следует, что в реактивной артиллерии были созданы крупные штатные полки, бригады и дивизии, позволяющие эффективно поражать живую силу и инженерные сооружения немецкой обороны путем массирования реактивной артиллерии для достижения нормативных плотностей огня.

Третий период войны: 01.01.1944 г. – 31.12.1944 г.

Это период решающих побед Красной Армии. Весь 1944 г. проходил в непрерывном наступлении советских войск. В результате 10 стратегических операций, «10 сталинских ударов» враг был изгнан с территории СССР и перешел к стратегической обороне. С переходом немцев к траншейной системе обороны стало меньше групповых целей. Уменьшилось количество открытой живой силы. Стрельба по таким целям реактивной артиллерией усложнилась. Остро встал вопрос об улучшении кучности снарядов.

Советские ученые и конструкторы улучшили технические характеристики рассеивания реактивных снарядов, и в апреле 1944 г. на вооружение были приняты снаряды улучшенной кучности М-31-УК и М-13-УК.

Таблица 7

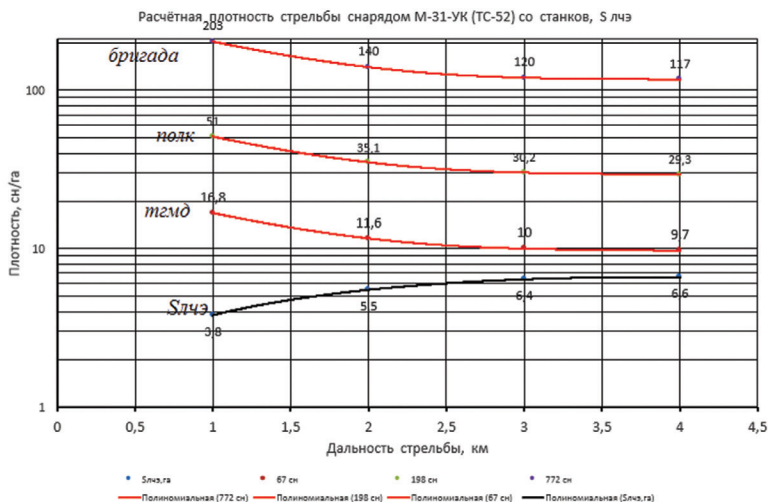
Сравнение снарядов¹⁶

Снаряд	Дмакс. М	Снарядов в залпе	Слчэ, га	Плотность огня, сн/га	Отношение плотностей
М-13 (ТС-13)	8470	128	33,6	2,6	1 : 3
М-13-УК (ТС-53)	7900	128	11,4	7,5	
М-31 (ТС-31)	4325	288	42,8	4,5	1 : 6,5
М-31-УК (ТС-52)	4000	288	6,6	29,0	

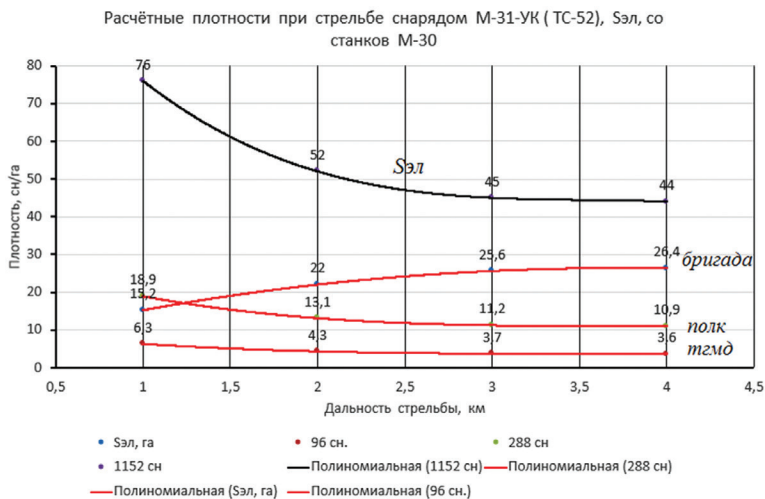
Из табл. 7 следует, что для поражения противника частями гмч с реактивными снарядами М-13-УК их требуется в три раза меньше, чем снарядами М-13, а снарядами М-31-УК – в 6,5 раза меньше, чем снарядами М-31¹⁷.

С принятием на вооружение снарядов М-31-УК резко возросла плотность снарядов в залпе, что стало решением создания

необходимой плотности в [30] сн/га для надежного подавления и частичного разрушения укрепленных опорных пунктов и узлов сопротивления противника (ил. 5–8).

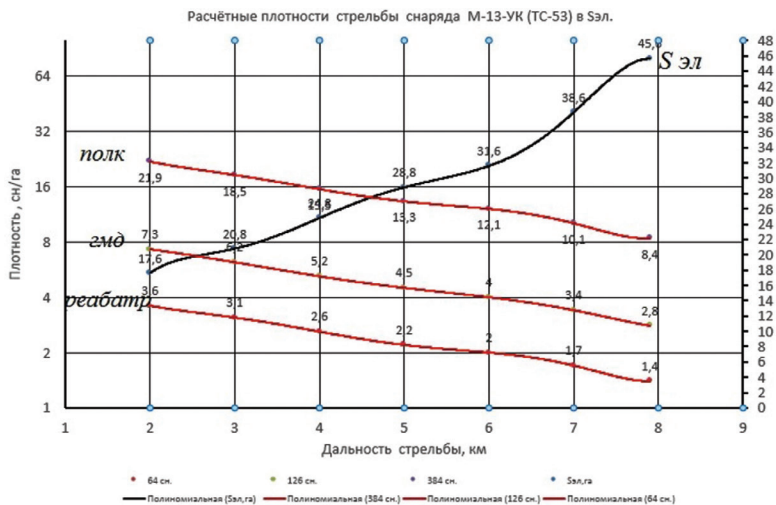


Ил. 5. Расчетная плотность стрельбы снарядами М-31-УК в лучшей части эллипса

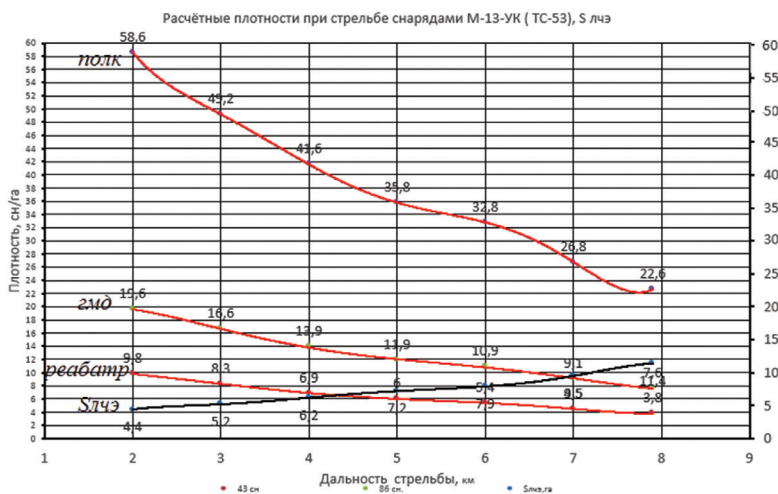


Ил. 6. Расчетная плотность стрельбы снарядами М-31-УК в площади эллипса рассеивания

Принятие снаряда М-13-УК создало условия для получения плотности огня для подавления открыто расположенной живой силы. Вместо полкового или бригадного залпа ограничивались дивизионным.



Ил. 7. Расчетные плотности стрельбы снарядами М-13-УК в площади эллипса рассеивания



Ил. 8. Расчетные плотности стрельбы снарядами М-13-УК в лучшей части эллипса

В апреле 1944 года была создана боевая машина БМ-31-12 (ил. 9), позволившая решить проблему маневренности частей М-31, сократить время на открытие огня. По штату были созданы подвижные дивизионы М-31-12, состоящие из трех батарей, по четыре БМ в батарее. Залп подвижного дивизиона состоял из 144 снарядов.

В сентябре 1944 г., по штату №08/628, были сформированы гвардейские минометные бригады М-31-12, по три дивизиона в бригаде, с 36 БМ. Залп бригады состоял из 432 тяжелых снарядов¹⁸.



Ил. 9. Боевая машина БМ-31-12

Началось ускоренное перевооружение дивизионов М-31 с рам на БМ-31-12. Для повышения эффективности стрельбы в полках и бригадах создана топографическая служба, а в штат дивизионов введены вычислители. Организовано сопряженное наблюдение на НП. Разрешили пристрелочные БМ для пристрелки реперов, и на снабжение поступили полные таблицы стрельбы. Введена полная подготовка стрельбы. При планировании огня для дивизионов стали указывать центр дивизионного огня, что создавало более равномерную плотность огня по цели.

**Состав реактивной артиллерии конца
третьего периода войны¹⁹**

Части	Огмд М-8	Огмд М-13	Гмп М-8	Гмп М-13	Гмбр М-31	Гмбр М-31-12	Управл. дивизий	Всего Гмд
	2	38	19	96	27	13	7	519

Несмотря на применение снарядов улучшенной кучности, основным подразделением для поражения оставался дивизион, обеспечивавший необходимую плотность огня для поражения групповых целей. Лимит реактивных снарядов не позволял полностью использовать огневые возможности частей реактивной артиллерии.

Четвертый период войны: 31.12.1945 г. – 09.05.1945 г.

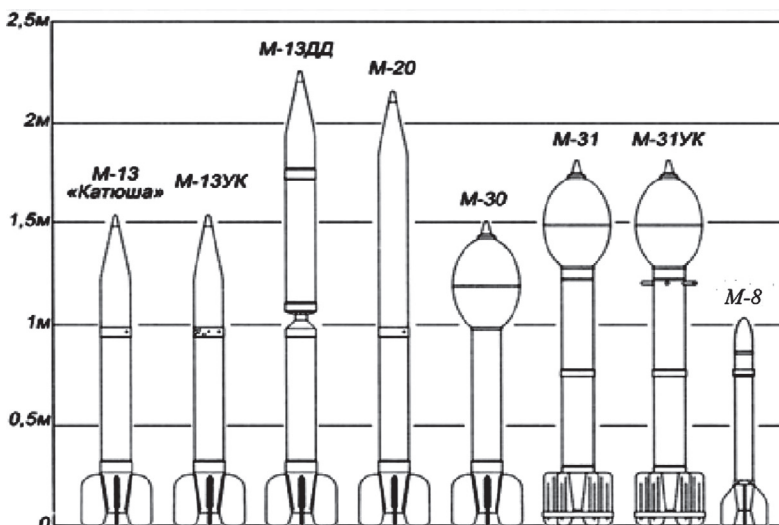
Боевые действия переместились на территорию противника, в Европу.

Количественный рост реактивной артиллерии прекратился. Немцы перешли к сооружению укрепленных оборонительных полос по фронту и глубине на пути наступления советских войск. В этих условиях возросла роль подвижных дивизионов БМ-31-12. Возросла потребность войск в реактивных снарядах. Повысилась требовательность к эффективности залпов для поражения групповых целей. Линия фронта сокращалась, фронты расформировывались. Из расформировываемых фронтов части реактивной артиллерии использовались для создания группировки войск для войны с Японией.

Реактивная артиллерия применялась во всех видах боевых действий, в тесном взаимодействии с артиллерией. По-прежнему осуществлялось массирование реактивной артиллерии на участках прорыва. Включение реактивных батарей и реактивных снарядов в «штурмовые группы РС» решило проблему применения реактивных снарядов по опорным пунктам немцев внутри городов. Но планирование применения реактивной артиллерии продолжалось с помощью плотности огня [п] в лучшей части эллипса рассеивания. Это приводило к бесцельному расходу снарядов.

Расход реактивных снарядов в операциях 1945 г.²⁰

Операция	Снаряды	Расход в штуках	Из них бесцельно
Берлинская операция 16.04 – 08.05.1945	М-8	59854	19608
	М-13, 13 ук	139586	45728
	М-31, 31ук	51832	16980
2-й Бел. фр. 14– 26.01.1945	М-8	13107	4294
	М-13, 13ук	27311	8947
	М-31,31ук	9660	3165



Ил. 10. Советские реактивные снаряды периода Великой Отечественной войны

Выводы:

1. С начала и в ходе войны эффективность реактивной артиллерии повышалась. Если в начальном периоде войны происходило дробление частей реактивной артиллерии, что приводило к низкой плотности огня по целям, то в конце войны создавались нормативные плотности огня, что позволяло эффективно выполнять поражение противника.

2. Изменение характера боевых действий Красной Армии с оборонительных на наступательные потребовало разработки

тяжелых снарядов фугасного действия М-20, М-30, М-31 (ил. 10) для разрушения инженерных сооружений и укрытой живой силы.

3. Для повышения эффективности реактивных снарядов были разработаны снаряды улучшенной кучности М-31-УК, М-13-УК, позволившие резко увеличить огневую производительность, сократить количество применяемых БМ, экономить расход реактивных снарядов при поражении целей.

4. Создание установки БМ-31-12 привело к решению проблемы маневра частей реактивной артиллерии М-30, М-31, позволило сократить время подготовки повторного залпа, разрешило проблему участия в сопровождении наступающих войск в глубине.

5. Расчет плотности огня при планировании боя по лучшей части эллипса рассеивания привел к бесцельной трате 32,76 % всех реактивных снарядов, израсходованных в боях Великой Отечественной войны, но это было вынужденное решение проблемы большого рассеивания реактивных снарядов.

¹ Личная библиотека С. В. Гурова. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 1955. С. 36.

² Правила стрельбы наземной артиллерии – 1942. М., ВИ НКО СССР. С. 431.

³ Личная библиотека С. В. Гурова. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. С. 39.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 1. Оп. 37с. Д. 229. Л. 9.

⁶ Личная библиотека С. В. Гурова. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. С. 639–642.

⁷ Краткие таблицы стрельбы системы М-13 (ТС № 1 М). ВИ НКО СССР, 1942. С. 2, 3, 4.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 9904. Оп. 1. Д. 7. Л. 73, 74, 75.

⁹ Личная библиотека С. В. Гурова. Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Там же. С. 49.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Там же. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 69.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 9823. Оп. 1. Д. 63. Л. 122–124.

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 82.

²⁰ Там же. С. 484, 485.

А. А. Михайлов (Санкт-Петербург)

ДВУХСТОРОННИЕ МАНЕВРЫ ВОЙСК ПЕТЕРБУРГСКОГО И ВИЛЕНСКОГО ВОЕННЫХ ОКРУГОВ В 1903 г.

1–10 августа 1903 г. на территории Петербургского военного округа, в районе губернского города Пскова, развернулись масштабные двухсторонние маневры, которые стали ярким эпизодом в истории подготовки вооруженных сил Российской империи в начале XX в.

Организация и ход маневров нашли отражение в многочисленных документах, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), прежде всего, в фонде Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (Ф. 1343). В силу присутствия на маневрах императора Николая II и членов императорской фамилии они очень подробно освещались в центральной и местной прессе. Газета «Правительственный вестник» публиковала хронику маневров¹, которая затем перепечатывалась другими изданиями. В газете «Русский инвалид», кроме хроники маневров, была опубликована посвященная им серия очерков «Трое в одной палатке», подписанная литерой «Гр. А. Д.»². За этим псевдонимом скрывался известный публицист и военный деятель П. Н. Краснов³.

По окончании маневров отчет о них был отпечатан отдельной брошюрой, причем текст сопровождается 12 планами и картами военных действий⁴. Нашли отражение маневры также в мемуарной литературе⁵, в дневнике военного министра А. Н. Куропаткина⁶.

Достаточно обширен посвященный маневрам круг изобразительных источников. Фотографии маневров печатали многие журналы, хронику событий вел известный в то время фотограф Карл Булла. Вскоре после окончания маневров в Петербурге был отпечатан посвященный им фотоальбом⁷. Множество

снимков, сделанных Буллой и другими фотографами, остались неопубликованными, некоторые (более 60) хранятся ныне в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб).

На рубеже XIX–XX вв. военное министерство Российской империи, во главе которого с 1898 г. стоял А. Н. Куропаткин, начинает уделять повышенное внимание крупным маневрам с участием войск из нескольких военных округов. В 1902 г. прошли крупные маневры под Курском, в которых участвовали войска четырех округов⁸. На лето 1903 г. были назначены маневры войск Петербургского и Виленского военных округов. Во главе Петербургского военного округа в то время находился великий князь Владимир Александрович, начальником его штаба состоял генерал-лейтенант Г. Р. Васмунд (1840–1904), отличавшийся большой энергией. Его современник и сослуживец генерал Н. А. Епанчин писал: «Генерал Васмунд был характера живого, энергического, решительного и в то же время весьма общительного. Умный, остроумный и даже язвительный, когда это нужно было, он военное дело понимал ясно, был враг излишней внешности»⁹.

Командующим войсками Виленского военного округа был генерал от инфантерии, будущий герой Русско-японской войны О.-Ф. Гриппенберг, начальником окружного штаба при нем состоял генерал-майор Н. В. Рузский.

Избранный район проведения маневров охватывал обширную территорию. Его границы достигали: на западе г. Валка, на востоке Порхова, на юге Вышгородка, на северо-востоке – г. Луги. В центре района маневров находился Псков.

Газета «Русский инвалид» поясняла: «Пересеченный характер местности, наличие р. Великой, местами достигающей значительной ширины и глубины, наконец, малое знакомство войск с районом, избранным для боевых действий, все это придает настоящим маневрам особую поучительность»¹⁰.

Легенда маневров диктовалась взглядами того времени на военное значение Пскова и прилегавших к нему территорий. В «Военно-статистическом обозрении Петербургского военного округа», подготовленном группой офицеров Генерального штаба, говорилось: «Особенно важно положение Пскова, лежащего на пересечении железной дороги с Варшавским и Рижским шоссе и на южной оконечности судоходного водного пути по Нарове, Чудскому и Псковскому озерам и реке Эмбах (Эмайыги. – А. М.).

Важность его еще увеличивается имеющейся возле него оборонительной линией по рекам Великой и Черехе. Для наступающего, база которого находится в Прибалтийском крае, захват Пскова сделается необходимым, за неимением другого удобного выхода на Петербургский театр действия»¹¹.

Для проведения маневров были сформированы две армии: Южная и Северная. Первой надлежало наступать из Прибалтики на Петербург, второй – выдвинуться в район маневров и остановить противника.

В состав сил Северной армии вошли войска Петербургского военного округа: Гвардейский и 18-й армейский корпус¹². При этом в состав 18-го армейского корпуса, кроме положенных по штату 23-й и 24-й пехотных дивизий¹³, добавили Сводную пехотную дивизию, которая, среди прочего, включала юнкеров Павловского военного и Петербургского юнкерского училищ¹⁴.

Всего в Северной армии имелось 77 батальонов, 132 орудия, 36 эскадронов и сотен кавалерии¹⁵.

Южная армия включала части и соединения 1-го (22-я и 37-я пехотные дивизии)¹⁶ и 20-го (29-я и 45-я пехотные дивизии)¹⁷ армейских корпусов, причем 20-й корпус относился к войскам Виленского военного округа. В нее также вошли лейб-гвардии Стрелковая бригада и армейская кавалерия. Всего насчитывалось 66¼ батальонов, 286 орудий, 64 эскадрона и сотни конницы¹⁸.

Командование Северной армией было возложено на 64-летнего генерал-адъютанта, генерала от кавалерии Ф. Е. Мейндорфа, который «вне маневров» был командиром 1-го армейского корпуса. Начальником штаба при нем состоял генерал-майор Г. В. фон Поппен (начальник штаба того же 1-го корпуса). Во главе Южной армии поставили генерала от кавалерии С. В. Каханова, командира 20-го армейского корпуса. Начальником штаба при нем состоял генерал-майор М. И. Эбелов (начальник штаба 20-го корпуса).

Общее руководство маневрами принял на себя великий князь Владимир Александрович. Старшими посредниками назначены были: в Северную армию – генерал-лейтенант А. А. Евреинов, состоявший в распоряжении командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, в Южную армию – генерал-лейтенант А. В. Оноприенко (начальник артиллерии Петербургского военного округа). В число посредников вошли генерал-лейтенанты Н. фон Нидермиллер, Е. С. Саранчев, И. В. Волькенау,

генерал-майоры П. А. Машин, А. А. Брусилов, Н. В. Дубасов, А. В. Брилевич, Д. Д. Кузьмин-Караваев и др.¹⁹

Особое значение маневрам придавало то обстоятельство, что наблюдать за ними взялся сам император Николай II. Вместе с ним на «театр военных действий» отправились императрица Александра Федоровна, представители императорской фамилии и высших слоев общества империи.

Был также приглашен на маневры начальник французского Главного штаба дивизионный генерал Жан Пендезек²⁰.

24 июня 1903 г. начальник штаба Петербургского военного округа Г. Р. Васмунд, находясь в Красном Селе, подписал особое приказание № 61 по войскам гвардии и Петербургского военного округа, в котором были определены основные принципы и правила проведения маневров. В нем отмечалось: «Командующим Армиями представляется полная свобода маневрирования»²¹.

Интересная особенность предстоящих маневров заключалась в том, что на них предполагалось проработать действия не только крупных соединений войск, но и партизан. В приказании отмечено: «Где представится возможным, в целях упражнения конницы в партизанских действиях, Командующим Армиями развивать деятельность партизанских отрядов (исключительно конных)»²².

Для решения второй задачи была подготовлена, отпечатана и разослана в войска «Инструкция партизанским отрядам во время больших маневров 1903 г.»²³. Стоит также отметить, что в приказе имелись положения, направленные на то, чтобы снизить возможный ущерб от маневров местным жителям. В частности, было предписано: «Окопы и укрепления на неснятых засеянных полях, в усадьбах, садах и огородах, приспособление местных предметов к обороне, искусственные препятствия, порчу и разрушение дорог, мостов, гатей и бродов только обозначать. Для такого обозначения оставлять на видном месте, при каком-либо отличительном знаке (кусок яркой материи и т. п.) записку с отметкой в ней произведенной работы»²⁴. Далее в приказании говорилось: «Всем начальникам принять меры к ограничению потопок. <...> Ломку изгородей и огородные потравы не допускать вовсе и уплату за это, вознаграждения потерпевшим относить за счет войск»²⁵.

27 июля 1903 г. «Русский инвалид» напечатал очерк из серии «Трое в одной палатке»²⁶. Повествование идет от имени офицера (судя по тексту, штабного), постоянными собеседниками которого являются опытный, рассудительный

командир Лихарев и юноша Аля²⁷. На это раз приятели, вернувшись с Красносельских сборов, занялись обсуждением предстоящих маневров под Псковом. Лихарев (явно исполняющий роль резонера) разъясняет новизну маневров: «...Нового, во-первых, район, в котором мы будем действовать, южная армия зайдет за Псков, северная будет наступать от Луги. Новое и то, что плана для этих маневров не составляли, но маневр разыграется, так как сложится, новое – партизаны, уменьшенные обозы...»²⁸.

О партизанах Лихарев отзывается (отвечая на недоумение Али) особенно одобрительно: «...партизаны – это та щука в море, что поставлена для того, чтобы карась не дремал. Разве мы, ночуя с разъездом, принимали меры предосторожности, ставили часовых, посылали дозоры, прислушивались к шороху леса? ... Нет! Мы ничего не боялись. Мы знали, что нас никто не тронет. Теперь кошмаром нашим будут партизаны»²⁹. Хвалит Лихарев также и сокращение обозов³⁰. В заключение очерка друзья решают отправиться на маневры.

Напряженная подготовка к маневрам и к связанному с ними визиту императора развернулась в конце июля в Пскове. Газета «Псковский городской листок» опубликовала приказ местного полицмейстера И. Ф. Цыбовича с предписаниями горожанам, как им себя вести во время посещения города царствующей фамилией³¹. На украшение города было выделено три тысячи рублей, на которые, среди прочего, городские власти решили возвести три арки, декорировать здание городской Думы щитами и транспарантами, отремонтировать дорогу к кафедральному Троицкому собору и др.

30 июля войска Южной армии прибыли в Остров (уездный город Псковской губернии, примерно в 50 км к юго-западу от Пскова). «Русский инвалид» писал: «В небольшом, довольно опрятном городке вдруг закипела жизнь ключом. Прибыли войска Южной армии и расположились на биваках, кое-где слышны стали звуки музыки. Жители еще никогда не видели такой громадной военной силы, а потому толпились около биваков с большим любопытством»³².

В тот же день, вечером, главный руководитель маневров великий князь Владимир Александрович выехал из Царского Села в г. Валк. Его сопровождали великий князь Борис Владимирович, генерал-лейтенант Г. Р. Васмундт, группа офицеров, в том числе генералы И. П. Войшин-Мурдас-Жилинский

(генерал-квартирмейстер Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа) и Н. Г. Кондратьев (начальник путей сообщения Петербургского военного округа).

Прибыл в Валк великий князь 31 июля утром. Его встретили командующий Южной армией генерал от кавалерии С. В. Каханов с офицерами своего штаба, местный губернатор. На вокзале был выстроен почетный караул от 177-го пехотного Изборского полка. Из Валка великий князь совершил поездку в его окрестности и осматривал собранные войска, после чего вернулся в Псков.

Между тем, к вечеру 31 июля войска заняли исходные позиции. Командование Северной армии выдвинуло Гвардейский корпус из Санкт-Петербурга к г. Луге (там расположился и штаб армии). 18-й корпус был направлен к г. Порхову (к югу от Пскова) и д. Путилову – для прикрытия столицы. Южная армия стояла в г. Острова, у г. Валка, а также неподалеку от Валка, в с. Куркунда.

Двигаясь от Острова, передовые силы Южной армии могли занять Псков уже 1 августа. Однако ее 20-й корпус находился от губернского города в 150 верстах, и ему требовалось, чтобы достичь его, 6 дней. У северян 18-й корпус находился примерно в 60 верстах от Пскова, Гвардейский корпус – в 100 верстах. Следовательно, южане могли занять Псков первыми, но относительно малыми силами. Северная армия имела лучшие возможности для сосредоточения, объединения сил³³.

В очерках П. Н. Краснова обычно описывались события, произошедшие за 2–3 дня до публикации. Так, в очерке, напечатанном 3 августа, речь идет о том, как разворачивалась подготовка к маневрам 30 июля. Друзья (рассказчик, Лихарев, Аля) присоединились к Северной армии. Автор подчеркивал, что офицеры не знали точного времени окончания маневров, которое зависело от того, как сложится борьба³⁴.

1 августа маневры начались. Северной армии было предписано наступать на Псков. При этом, как сообщали официальные источники, конница получила приказ «раскрыть силы и расположение противника», а в тыл «южан» выслали два конных партизанских отряда (из сборных полуэскадронов)³⁵. Южной армии надлежало двумя отрядами кавалерии, наступая, выйти к реке Великой и ее притоку р. Черехи, к югу от Пскова. Одновременно начинал движение к Пскову удаленный 20-й корпус.

В течение дня противники двигались с двух сторон к Пскову. Вечером 1 августа конница Северной армии стояла у д. Цапелки (примерно в 45 км северо-восточнее Пскова), а авангард Гвардейского корпуса достиг д. Новоселье (в 40 км к северу от Пскова). Конница южан заняла берега рек Великой и Черехи.

Как отмечали официальные наблюдатели, Южная армия на данном этапе к захвату Пскова не стремилась и имела целью лишь овладеть переправами через Череху, чтобы помешать северянам собрать свои силы воедино³⁶. Однако, обнаружив, что Псков не занят, командир кавалерии южан решил проявить инициативу и утром 2 августа приказал подчиненным ему частям занять город³⁷.

«Псковский городской листок» писал: «2-го августа в 2 часа пополудни передовые части неприятельского авангарда начали со стороны Завеличья занимать центральную часть города, а мирные псковичи даже не заметили и не чувствовали, что город в руках врага»³⁸.

Кавалерия Северной армии попыталась отбить город, но, по мнению посредников, действовала неудачно. Официальное сообщение по данному поводу гласило: «Попытка означенной конницы завладеть городом, благодаря пересеченной местности и сильному огню, открытому южанами, спешившими часть своей конницы и выдвинувшими часть артиллерии на окраину города, не имела успеха, и по решению Его Императорского Высочества Главного Руководителя, конница северной армии была отведена на 8 верст к северо-востоку от Пскова»³⁹.

В этот же день, около 9 часов 30 минут, Гвардейская стрелковая бригада из состава Южной армии заняла переправу через р. Череху на шоссе.

Как отмечалось позже в официальном отчете о маневрах, уже 2 августа начали с обеих сторон действовать партизанские отряды. Из армии северян отряд под командованием полковника Плаутина «удачно работал в тылу I-го корпуса, а есаул Евреинов приблизился к XX-му корпусу»⁴⁰. Еще больше решительности проявили южане. Их партизаны «неожиданно напали на бивак 24-й пехотной дивизии, где произвели большой беспорядок»⁴¹.

3 августа войскам была дана «дневка», и они не совершали передвижений. Однако партизанский отряд Плаутина производил разведку и сообщил в штаб Северной армии ценные сведения о передвижениях южан⁴². Великий князь Владимир

Александрович в этот день посетил в Пскове кафедральный Троицкий собор, присутствовал на богослужении.

На 4 августа командование Северной армии поставило своим войскам следующие задачи: кавалерии обойти Псков с юга, переправиться через Великую и Череху, задержать соединение войск противника; 18-му корпусу овладеть Псковом; Гвардейскому корпусу – продолжить движение на Псков. Командование «южан» приказало 1-му корпусу занять позиции на р. Черехе, а 20-му корпусу двигаться на соединение с ним.

Около 6 часов утра 4 августа на ст. Торошино прибыли император Николай II и его супруга, императрица Александра Федоровна, которых сопровождали военный министр, начальник Главного штаба, министр путей сообщения и другие должностные лица, свита (с ними и генерал Пендезек). Из Пскова в Торошино с экстренным поездом приехал великий князь Владимир Александрович, который доложил императору о ходе маневров.

В 9 часов 30 минут утра Николай II с супругой, военный министр А. Н. Куропаткин, начальник Главного штаба В. В. Сахаров, французский генерал Пендезек и др. отправились на позиции Южной армии, стоявшей на р. Черехе, через которую пролегал шоссейный мост. Здесь расположились части 22-й пехотной дивизии (из состава 1-го армейского корпуса), лейб-гвардии Стрелковая бригада, 4-й мортирный артиллерийский полк, вся кавалерия южан. Как писал «Правительственный вестник», «Государь Император здоровался с войсками, и радостное «ура» катилось по рядам войск вслед за экипажем Их Величеств»⁴³.

Между тем, на противоположном берегу Черехи появились войска северян – части 24-й пехотной дивизии из состава 18-го армейского корпуса. Стоит заметить, что три из четырех пехотных полков этой дивизии (93-й Иркутский, 94-й Енисейский, 96-й Омский) квартировали в Пскове, так что многие их офицеры и солдаты должны были хорошо знать местность. 96-й Омский полк атаковал мост через Череху и смог потеснить оборонявших его гвардейских стрелков. Однако к южанам подошло подкрепление, они удержали мост и позиции на правом берегу Черехи.

Затем Гвардейская стрелковая бригада, при поддержке 86-го пехотного Вильманstrandского полка полностью перешла на правый берег Черехи и, в свою очередь, отбросила 96-й Омский полк. На помощь омцам подоспели основные силы 24-й пехотной дивизии, в авангарде которых двигался 94-й пехотный Енисейский

полк. Посредники признали действия Северной армии успешными и «присудили южан к бездействию на один час», по истечении которого они отошли к д. Черёхе, но сохранили за собой шоссейный мост.

«Псковский городской листок» рассказывал о прошедшем дне следующее: «4-го августа произошло в Черёхе столкновение неприятельских войск. Сражение продолжалось довольно долгое время. С обеих сторон действовала многочисленная артиллерия. <...> В городе же было видно во время маневров значительное число конниц, гусаров, казаков и драгун. Дети обывателей с трудом удерживались дома, так и рвались все время на улицу»⁴⁴.

Конница Южной армии еще в ночь на 4 августа покинула Псков и выдвинулась к Черехе. Позже кавалеристы спешили и обстреливали полки 24-й пехотной дивизии, двигавшиеся к мосту, за который развернулась борьба. В Псков вступила конница Северной армии, а за ней – Сводная дивизия. Гвардейский корпус (также из состава Северной армии) вечером 4 августа своим авангардом достиг Пскова.

Командование Южной армии после борьбы за мост на Черехе решило преодолеть водные преграды в другом месте. Вечером 4 августа 1-й армейский корпус закрепился на позициях у брода через р. Великую, неподалеку от д. Выдра (Волжинец), примерно в 12 км к юго-западу от Пскова. Стоит отметить, что избранный южанами брод, именовавшийся «Литовским», является самым мелководным местом в устье Великой (глубина до 40 см) и поэтому использовался для переправы войск еще в глубокой древности⁴⁵.

Укрепив позиции за Черехой и оставив в арьергарде гвардейских стрелков, южане силами пехотного полка (из состава 22-й дивизии) с 8 орудиями, одним эскадроном кавалерии и батальоном саперов начали движение к броду.

20-й армейский корпус к этому времени дошел до линии Нейхаузен (ныне д. Вастселиина в Эстонии) – д. Горланово, т. е. находился в 60–70 верстах от Пскова.

Герои очерков П. Н. Краснова 4 августа находились, по воле автора, среди кавалерии Северной армии и на отдалении от зоны столкновений. В очерке говорится: «Четвертое августа, а сведения о противнике неутешительны и малы. Он далеко, а потому и Аля и камер-пажи повесили носы на квинту: на скорое окончание маневров – надежды никакой»⁴⁶.

Друзья поэтому занялись обсуждением действий партизан, т. е. проблемы, которая и интересовала П. Н. Краснова. «Оказалось, – рассказывает офицер Генштаба, от лица которого ведется повествование, – что партизанские отряды разное поняли свои задачи – один уничтожал телеграфы, мосты, склады фуража, провианта, другой из глуши лесов и болот следил за отрядами и доносил о их расположении, и по этому случаю у нас в палатке большой спор. Кто поступил правильнее»⁴⁷.

Стоит, однако, заметить, что, по воспоминаниям офицера лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Н. А. Петровского, в реальности во время маневров гвардейские кавалеристы, несмотря на угрозу партизанских нападений, устраивали биваки, скорее, в духе Красносельских смотров, нежели по нормам военного времени. «Полковой бивак, – вспоминал Петровский, – был огромный, днем шумный, а ночью освещенный. Для неприятельских разведчиков работа была легкая, хотя и стояло охранение: бивак был слышен и ночью виден издали, да и всякий крестьянин знал, где он стоит»⁴⁸.

5 августа разгорелся бой на берегах рек Черехи и Многи. Части Южной армии (гвардейские стрелки и 146-й пехотный Царицынский полк) разрушили мосты на этих реках и сильным огнем отбили все попытки противника оттеснить их дальше. Командование Северной армии направило 5 батальонов 24-й пехотной дивизии в обход правого фланга южан, вброд через Череху. Однако, преодолев реку, пехотинцы успеха все же не добились. В отчете о маневрах по данному эпизоду поясняется: «Попытка тех же пяти батальонов атаковать Царицынский полк на прекрасно укрепленной позиции за р. Многой (причем две роты красноярцев (солдат 95-го пехотного Красноярского полка. – А. М.) перешли вброд по грудь) была признана неудачной ввиду отсутствия артиллерийской подготовки...»⁴⁹

Задержав северян, арьергарды Южной армии около 11 часов утра начали отходить к д. Выдра, где в то время развернулась борьба за переправу.

Отряд южан, занявший позиции у брода (33-й пехотный Петровский полк с 8 орудиями, саперный батальон и эскадрон кавалерии), был атакован бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии с 6 конными орудиями (в бригаду входили лейб-гвардии Конно-гренадерский и Уланский Ее Величества Государыни императрицы Александры Федоровны полки).

Спешив стрелков и подтянув артиллерию, кавалеристы произвели решительный натиск на противника, чтобы помешать переправе противника. Однако к месту боя подоспели части 22-й пехотной дивизии, вынудившие конницу северян отойти. Пресса так описывала дальнейшие события: «Брод, хотя и небольшой глубины, но с каменистым неровным дном, представлял некоторые затруднения для переправы. Тем не менее, к 1-му часу дня, на левый берег р. Великой переправилась вся 22-я пехотная дивизия с артиллерией и вся конница южной армии». Перепроска войск через реку началась в 8 часов 30 минут утра и продолжалась до 16 часов.

А. Н. Куропаткин был не слишком доволен ходом маневров. 5 августа он записал в своем дневнике: «Маневры идут вяло. Задача составлена Васмундом умело и интересно, но исполнители: Мейендорф и Чекмарев (головной корпус Каханова) действуют слабо, ибо не понимают обстановки. Конница своего дела не делает. Отдельные стычки пехотных частей вчера, на глазах у начальника штаба французской армии, были неестественны и беспорядочны»⁵⁰.

6 августа в маневрах был сделан перерыв на торжества, посвященные «полковому дню» лейб-гвардии Преображенского полка. Пресса, центральная и местная, очень подробно описывала состоявшееся в Пскове богослужение и парад гвардейских и армейских частей под «общей командой» генерал-майора С. С. Озерова (командира лейб-гвардии Преображенского полка), прочие праздничные мероприятия. Партизаны, впрочем, действовали и в праздничный день⁵¹.

К 7 августа картина маневров была такова: командование Северной армии поставило целью наступать юго-западнее Пскова, разбить противника по частям и отбросить его далее к югу⁵². Для этого было приказано коннице «раскрыть» движение южан от Изборска и задержать их. Гвардейскому корпусу – сосредоточиться на линии д. Заболотье – Шабаново и начать наступление на юго-запад. 24-й пехотной дивизии из состава 18-го корпуса надлежало овладеть переправой у д. Выдра, Сводной дивизии – сосредоточиться у д. Воробьево и содействовать атаке 24-й пехотной дивизии. Резерву армии – расположиться к западу от Пскова, у д. Бутырки, и ждать распоряжений.

Южная армия поставила целью наступать, отрезать северян от Пскова и отбросить на северо-запад. С этой целью

конница должна была выдвинуться к Пскову и разведать положение противника. 20-му корпусу надлежало продвигаться вперед по Рижскому шоссе. 1-му армейскому корпусу – удерживать брод на р. Великой и частью сил подкрепить 20-й корпус.

Войска 24-й пехотной дивизии из состава Северной армии атаковали южан, охранявших брод через р. Великую у д. Выдра, но были отбиты. Дивизия отошла к Пскову. Более того, северяне не смогли удержать за собой мосты через р. Многу и Череху. Первый они уничтожили, второй захватили гвардейские стрелки.

Одновременно с этим 1-й армейский корпус, стянувшийся к д. Фомино, двинулся на восток и всеми своими силами атаковал Сводную дивизию северян, находившуюся у д. Воробьево, отбросил ее на север и продвинулся к Пскову. Отход Сводной дивизии заставил отступить также Гвардейский корпус, который завязал бой с 20-м армейским корпусом Южной армии на шоссе близ д. Моглино.

У мызы Боярщина (к юго-западу от Пскова) произошло столкновение кавалерии противоборствующих армий. Верх одержали южане. Именно за этим конным боем наблюдал Николай II с расположенного неподалеку холма. До этого он побывал у д. Воробьево и Боровичи, где последовательно проследил за движением Сводной дивизии северян и 37-й дивизии южан.

К вечеру 7 августа Северная армия была существенно отеснена к Пскову. Силы Гвардейского и 18-го армейского корпусов находились западнее города, при этом на р. Черехе оставался 93-й Иркутский полк 24-й пехотной дивизии. Кавалерия северян расположилась у д. Опочицы юго-западнее Пскова (ныне эта деревня примыкает к городской черте).

У Южной армии 1-й армейский корпус расположился у д. Алабышево и Боровичи, т. е. подошел близко к городу. Гвардейские стрелки при этом заняли позиции на р. Многе. «Правительственный вестник» про сложившуюся диспозицию писал: «Стороны сблизились настолько, что на следующий день надо было ожидать решительного столкновения»⁵³.

А. Н. Куропаткин о событиях 7 августа в дневнике писал с явным неудовольствием: «Вчера должны были видеть, как Мейндорф, пользуясь превосходством в силах, разобьет Каханова по частям. Этого не вышло. Каханов успел притянуть к себе 20-й корпус, которым наступал на гвардию, и 1-м корпусом атаковал сводную дивизию 18-го корп. Мейндорф непонятным образом

направил 24-ю пех. дивизию правым берегом Великой. Все пехотные части двух армий бродили впотьмах, так как мало было при них оставлено корпусной конницы. В то же время конница двух сторон в составе 12 полков составила, по обыкновению, конное, довольно беспорядочное ристалище»⁵⁴.

Впрочем, А. Н. Куропаткин смог использовать ошибки в маневрах на благо дела и тут же доложил Николаю II о необходимости развивать корпусную конницу.

8 августа произошло «генеральное сражение», завершившее маневры. Командование Северной армии приняло решение отвести от р. Черехи стоявший там отряд (из состава 24-й пехотной дивизии) и занять укрепленную позицию к западу от Пскова, по линии деревень Пески – Опочица – Шабаново – Олицы, до р. Великой. В предстоящем сражении северяне собирались на левом фланге обороняться, а на правом фланге – перейти в наступление и отбросить противника к югу.

На правом фланге Северной армии расположился Гвардейский корпус (33 батальона, 66 орудий, 3 ½ сотни). За ним встал сильный отряд кавалерии (28 эскадронов и сотен, 18 конных орудий). Ему предстояло «во время общей атаки ударить в левый фланг противника»⁵⁵. Южная армия намеревалась продолжить наступление к Пскову, отрезать северян от мостов через Великую и отбросить их на северо-запад, к Псковскому озеру.

Как отмечали официальные наблюдатели, Генеральное сражение распалось на четыре эпизода. Перед его началом на правом берегу Великой оставался отряд из состава Южной армии – 145-й пехотный Новочеркасский полк и гвардейские стрелки (всего 8 батальонов с артиллерией), который предпринял самые решительные действия. Новочеркасский полк форсировал вброд у д. Будник р. Черехи (хотя глубина там была по шею человеку) и сбил с позиций не ожидавший нападения 93-й пехотный Иркутский полк. Иркутцы стали отходить по шоссе к Пскову. Командование отряда оставило против них два батальона Новочеркасского полка, а два других его батальона и вся Гвардейская стрелковая дивизия двинулись вдоль берега Великой на Псков.

Дальнейшая борьба имела для обеих сторон неоднозначный результат. Отряд южан проник в город, занял плавающий мост через Великую и успешно отразил контратаку Иркутского полка. Однако два батальона гвардейских стрелков, которые, перейдя

Великую, углубились в район Завеличья (на левом, западном берегу реки), подверглись сильному удару частей 24-й пехотной дивизии. По итогам этого удара посредники признали стрелков уничтоженными.

Тем временем 1-й армейский корпус Южной армии, выделив один пехотный полк для действий против Гвардейского корпуса, основными силами обрушился после сильной артиллерийской подготовки на Сводную дивизию, опрокинул ее и решительным натиском занял Завеличье.

20-й армейский корпус также начал наступление на Псков, двигаясь севернее и южнее Рижского шоссе. Однако бригада из состава 29-й пехотной дивизии этого корпуса попала под сильный обстрел выехавшей на позиции конной артиллерии и ружейный огонь спешенной кавалерии северян. Бригада выдвинула против кавалеристов два батальона и упорно продолжила движение вперед. В это время она подверглась атаке неприятельской кавалерии. Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк и гвардейские казаки смяли два отделившихся от основных сил батальона. Другие части кавалерии атаковали бригаду и отбросили ее назад.

Тем не менее, другая бригада 29-й пехотной дивизии и вся 45-я пехотная дивизия, произведя артиллерийскую подготовку, продолжили наступление на позиции северян у д. Подосье.

«Правительственный вестник» описывал разыгравшиеся события (с позиции, на которой находился царь) ярко, даже поэтично: «Далеко в сторону, у реки Великой гремели выстрелы, и громадные клубы дыма полевых мортир намечали позицию артиллерии 1-го армейского корпуса; темным четверугольником виднелись массы конницы южной армии на склоне высоты у Боярщины; далеко на опушке леса начали показываться белые линии пехоты 20-го корпуса. Скоро завязалась артиллерийская борьба»⁵⁶.

Северная армия решила на общее контрнаступление. «Правительственный вестник» рассказывал: «...Наконец, все бывшее в руках у северян устремилось к высоте у д. Подосье, на которую шли, как казалось издали, неисчислимые волны пехотных линий, где-то вспыхнуло единичное, как бы робкое «ура», повторилось рядом, перекинулось дальше в сторону и, мешаясь с торжественными звуками музыки, непрерывной стрельбой орудий, понеслось по высотам и долинам боевого поля»⁵⁷.

В разгар боя прозвучал сигнал, возвещавший окончание маневров. П. Н. Краснов описывал его так: «И в этот патетический

момент громового «ура», лихого и стремительного бега, залпов, грохота орудий тонкой, режущей шум нотой, раздался серебряный звук сигнала. И сейчас же его повторили басовыми нотами пехотные рожки и звонкими трубы кавалерии. Все замерло, все затихло»⁵⁸.

10 августа в Пскове состоялся Высочайший Смотр войск, который и завершил маневры.

П. Н. Краснов, подводя итог маневрам, отзывался о них с симпатией: «Многодневный поход, бессонные ночи в разбегах, утомление на сырых и холодных биваках, испорченные кителя, седла и фуражки, амуниция, которые после маневров впору только выбросить – все это было забыто и от маневров осталось только светлое, радостное воспоминание и уверенность в наших силах»⁵⁹.

А. Н. Куропаткин оценивал маневры двойственно. Он одобрил легенду, подготовленную Г. Р. Васмундом, но остался недоволен действиями командующих армиями. 10 августа 1903 г. военный министр записал в дневнике: «Вчера на докладе, как вывод из маневров, я доложил государю после обзора действий сторон, что маневр задуман был прекрасно, интересно в высшей степени, но что начальники сторон требовались выдающиеся. Стратегически Каханов действовал очень хорошо. Мейндорф очень плохо. Тактически и тот, и другой действовали слабо, в особенности, благодаря отсутствию корпусной конницы»⁶⁰.

Гвардейский кавалерист Н. А. Петровский через много лет в мемуарах вспоминал, что Псковские маневры были вполне «старорежимными», «дояпонскими», т. е. содержали много устаревшего, архаичного, что пришлось отбросить после Русско-японской войны⁶¹.

В критических суждениях Куропаткина и Петровского явно содержалось немало истины. Тем не менее, Псковские маневры представляются интересным эпизодом в истории Русской Императорской армии начала XX в., отразившим и поиски новых решений в подготовке войск, и факторы, тормозившие ее развитие.

¹ Большие маневры войск Петербургского и Виленского военных округов // Правительственный вестник. № 174. 3 августа 1903 г. С. 3–4; № 175. 5 августа 1903 г. С. 3; № 176. 6 августа 1903 г. С. 2–3; № 177. 8 августа 1903 г. С. 2–3; № 179. 10 августа 1903 г. С. 3.

² Гр. А. Д. [Краснов П. Н.] Трое в одной палатке // Русский инвалид. № 164. 27 июля 1903 г. С. 3–4; № 170. 3 августа 1903 г. С. 3–4; № 175. 10 августа 1903 г. С. 3–4; № 177. 12 августа 1903 г. С. 4–5; № 181. 19 августа 1903 г. С. 4–5.

³ Псевдоним, по рассказу самого П. Н. Краснова, был образован от клички его любимой лошади – Град. См.: Краснов П. Н. Воспоминания о Русской Императорской армии. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 193.

⁴ Отчет о больших двухсторонних маневрах войск Гвардии и Петербургского военного округа с присоединением XX армейского корпуса из войск Виленского военного округа в Высочайшем Государя Императора Присутствии в 1903 году. СПб., 1903. 61 с.

⁵ Солодков Ю. Большие маневры под Псковом в Высочайшем присутствии в 1903 г. // Военная быль. 1973. № 122. С. 8–10; Петровский Н. А. Кирасиры в мирное время // Кирасиры Его Величества. Сборник материалов. Царское Село, 2011. С. 292–294.

⁶ Куропаткин А. Н. Дневник. А. Н. Куропаткина. Нижний Новгород, 1923. С. 58–63.

⁷ Большие маневры в Высочайшем присутствии под городом Псковом 5–10 августа 1903 г. СПб.: 1904. 23 л.

⁸ Всеподданнейший отчет главного посредника о больших в Высочайшем присутствии маневрах в Курской губернии 1902 года. СПб.: Военная типография, 1903. 128 с.; Коровин В. В. Документальные источники о подготовке и проведении больших Курских маневров 1902 г. // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 29–47.

⁹ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. М.: 1996. С. 251.

¹⁰ Большие маневры Петербургского и Виленского военных округов // Русский инвалид. № 170. 3 августа 1903 г. С. 1.

¹¹ Военно-статистическое обозрение Петербургского военного округа. СПб.: Типография Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. СПб.: 1884. Ч. 1. С. 317.

¹² Номера корпусов в тексте статьи даны арабскими цифрами, если в цитируемых материалах использовалось обозначение римскими цифрами, то оно сохранено.

¹³ В состав 23-й пехотной дивизии входили 89-й Беломорский, 90-й Онежский, 91-й Двинский, 92-й Печерский пехотные полки. В состав 24-й пехотной дивизии – 93-й Иркутский, 94-й Енисейский, 95-й Красноярский, 96-й Омский пехотные полки. Все полки, кроме 95-го Красноярского, квартировали в Пскове, там же находился штаб дивизии.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2476. Л. 181; Отчет о больших двухсторонних маневрах войск Гвардии и Петербургского военного округа с присоединением XX армейского корпуса из войск Виленского военного округа. В Высочайшем Государя Императора присутствии в 1903 году. СПб., 1903. С. 12.

¹⁵ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2476. Л. 187; Отчет о больших двухсторонних маневрах войск Гвардии и Петербургского военного округа с присоединением XX армейского корпуса из войск Виленского военного округа. С. 12.

¹⁶ В состав 22-й пехотной дивизии входили 85-й Выборгский, 86-й Вильманstrandский, 87-й Нейшлотский, 88-й Петровский пехотные полки. Все они квартировали в населенных пунктах Новгородской губернии. Штаб дивизии находился в Новгороде. В состав 37-й пехотной дивизии входили: 145-й Новочеркасский, 146-й Царицынский, 147-й Самарский, 148-й Каспийский пехотные полки. Они квартировали в населенных пунктах Петербургской губернии,

причем 145-й Новочеркасский полк – в самой столице (там же располагался штаб дивизии).

¹⁷ В состав 29-й пехотной дивизии входили 115-й Вяземский, 116-й Малоярославский, 113-й Старорусский, 114-й Новоторжский пехотные полки. Штаб дивизии размещался в Риге. 45-я дивизия включала: 177-й Изборский, 177-й Венденский, 179-й Усть-Двинский, 180-й Виндавский пехотные полки. Стояли они в населенных пунктах Ковенской и Курляндской губ. См.: Краткое расписание сухопутных войск. Исправлено по 1-е июля 1903 г. СПб.: Военная типография, 1903. С. 17, 42–43, 46, 60.

¹⁸ Большие маневры войск Петербургского и Виленского военных округов // Правительственный вестник. № 176. 6 августа 1903 г. С. 2.

¹⁹ Там же. С. 13, 15.

²⁰ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2476. Л. 34.

²¹ Там же. Л. 1.

²² Там же. Л. 1 об.

²³ Там же. Л. 2–3; Отчет о больших двухсторонних маневрах войск Гвардии и Петербургского военного округа с присоединением XX армейского корпуса из войск Виленского военного округа в Высочайшем Государя Императора Присутствии в 1903 году. СПб., 1903. [Приложения] С. 1–2.

²⁴ Там же. Л. 1 об. – 1 а.

²⁵ Там же. Л. 1 а.

²⁶ Серия была начата П. Н. Красновым в 1900 г., продолжалась она и после окончания Псковских маневров. Очерки даже привлекли внимание императора Николая II, который упоминал их в разговоре с военным министром А. Н. Куропаткиным (См.: Душа армии. М.: Русский путь, 1997. С. 547).

²⁷ Гр. А. Д. Трое в одной палатке // Русский инвалид. № 164. 27 июля 1903 г. С. 3–4.

²⁸ Там же. С. 3.

²⁹ Там же. С. 4.

³⁰ Там же. С. 4.

³¹ Псковский городской листок. № 58. 1903. С. 1.

³² Большие маневры Петербургского и Виленского военных округов // Русский инвалид. № 170. 3 августа 1903 г. С. 2.

³³ Отчет о больших двухсторонних маневрах войск Гвардии и Петербургского военного округа... С. 16.

³⁴ Гр. А. Д. Трое в одной палатке // Русский инвалид. № 170. 3 августа 1903 г. С. 3.

³⁵ Большие маневры под Псковом // Правительственный вестник. № 176. 6 августа 1903 г. С. 2; Русский инвалид. № 173. 8 августа 1903 г. С. 2.

³⁶ Большие маневры под Псковом // Русский инвалид. № 173. 8 августа 1903 г. С. 2.

³⁷ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2476. Л. 161.

³⁸ Псковский городской листок. № 60. 6 августа 1903 г. С. 2.

³⁹ Правительственный вестник. № 176. 6 августа 1903 г. С. 2;

⁴⁰ Отчет о больших двухсторонних маневрах войск Гвардии и Петербургского военного округа... С. 21.

⁴¹ Там же.

⁴² Отчет о больших двухсторонних маневрах... С. 21–22.

⁴³ Большие маневры Петербургского и Виленского военных округов // Правительственный вестник. № 177. 8 августа 1903 г. С. 3.

- ⁴⁴ Псковский городской листок. № 60. 6 августа 1903 г. С. 3.
- ⁴⁵ В 1581 г. польский король Стефан Баторий воспользовался именно этим бродом для переправы через р. Великую и выдвижения на южные подступы к Пскову.
- ⁴⁶ Русский инвалид. № 177. 12 августа 1903 г. С. 4.
- ⁴⁷ Там же. С. 4.
- ⁴⁸ Петровский Н. А. Кирасиры в мирное время // Кирасиры Его Величества. Сборник материалов. Царское Село, 2011. С. 293.
- ⁴⁹ Отчет о больших двухсторонних маневрах... С. 29.
- ⁵⁰ Куропаткин А. Н. Дневник. А. Н. Куропаткина. Нижний Новгород, 1923. С. 60.
- ⁵¹ Отчет о больших двухсторонних маневрах... С. 32.
- ⁵² Правительственный вестник. 10 августа 1903 г. № 179. С. 3.
- ⁵³ Большие маневры Петербургского и Виленского военных округов // Правительственный вестник. № 179. 10 августа 1903 г. С. 3.
- ⁵⁴ Куропаткин А. Н. Дневник А. Н. Куропаткина. С. 61.
- ⁵⁵ Большие маневры под Псковом (специальная корреспонденция) // Правительственный вестник. № 180. 12 августа 1903 г. С. 4.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Гр. А. Д. Трое в одной палатке // Русский инвалид. № 181. 19 августа 1903 г. С. 4.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Куропаткин А. Н. Дневник А. Н. Куропаткина. 1923. С. 63.
- ⁶¹ Петровский Н. А. Кирасиры в мирное время. С. 293.

А. В. Михайлов, С. А. Астахов (Тула)

РЕГЛАМЕНТИРОВАННЫЕ И НЕРЕГЛАМЕНТИРОВАННЫЕ САБЛИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. (КОНСТРУКЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ, МАТЕРИАЛЫ)

К КОНЦУ 80-Х ГОДОВ XIX столетия французская армия была вооружена весьма разнообразными образцами солдатского и офицерского длинноклинкового холодного оружия. С введением нового пехотного, кавалерийского и артиллерийского оружия этого вида в 1880–1890-х гг. разнообразие образцов увеличилось, так как наряду с новыми на вооружении оставлялись и старые образцы.

Так, в документах по обслуживанию вооружения имеются сведения о том, что в кавалерийских частях имелись драгунские сабли обр. 1854 и 1882 гг., легкокавалерийские сабли обр. 1822 и 1882 гг., кавалерийские сабли обр. 1896 г.¹

В связи с модификацией некоторых образцов изменялось их обозначение.

К примеру, в разъяснении относительно офицерского оружия² отмечается, что «...смена обозначения образца не влечет за собой никакой замены оружия, и офицерам, которым министерским постановлением от 20 августа 1897 г. и 11 октября 1898 г. сохранили легкокавалерийскую офицерскую саблю, продолжать пользоваться имеющимися у них саблями».

В результате атрибутирование французского длинноклинкового оружия весьма затруднено, в особенности офицерского, так как офицеры пользовались как регламентированными образцами (франц. *sabres d'ordonnance*), так и нерегламентированными (франц. *sabres de fantaisie*).

Значительно облегчить этот процесс помогают документы французского военного министерства, находящиеся в свободном доступе.

Так, приказы военного ведомства Франции, касающиеся введения на вооружение, модификации и изменения наименования регламентированного холодного оружия, находят отражение в периодических изданиях, близких к военному министерству. Это описание образцов оружия и униформы, инструкции по обслуживанию и хранению вооружения, памятные записки для офицеров различных служб и проч.

О нерегламентированном офицерском оружии достаточно подробные сведения содержатся в каталогах фирм-производителей и магазинов офицерского снаряжения.

Обратимся к документам, описывающим некоторые вновь принятые образцы длинноклинкового холодного оружия в регламентированном и нерегламентированном исполнении.

Из описания офицерской пехотной шпаги обр. 1882 г., опубликованного Управлением артиллерии и военной техники военного министерства Франции³ (ил. 1):

«Шпага пехотная офицерская обр. 1882, с прямым лезвием и гардой из белого металла, имеет четыре размера, соответствующие четырем длинам лезвий, которые различаются на 50 мм, но оснащены одинаковым креплением. В зависимости от длины клинка сабли называют:

клинок 900 мм: сабля пехотная офицерская обр. 1882 г., размер № 1;

клинок 850 мм: сабля пехотная офицерская обр. 1882 г., размер № 2;

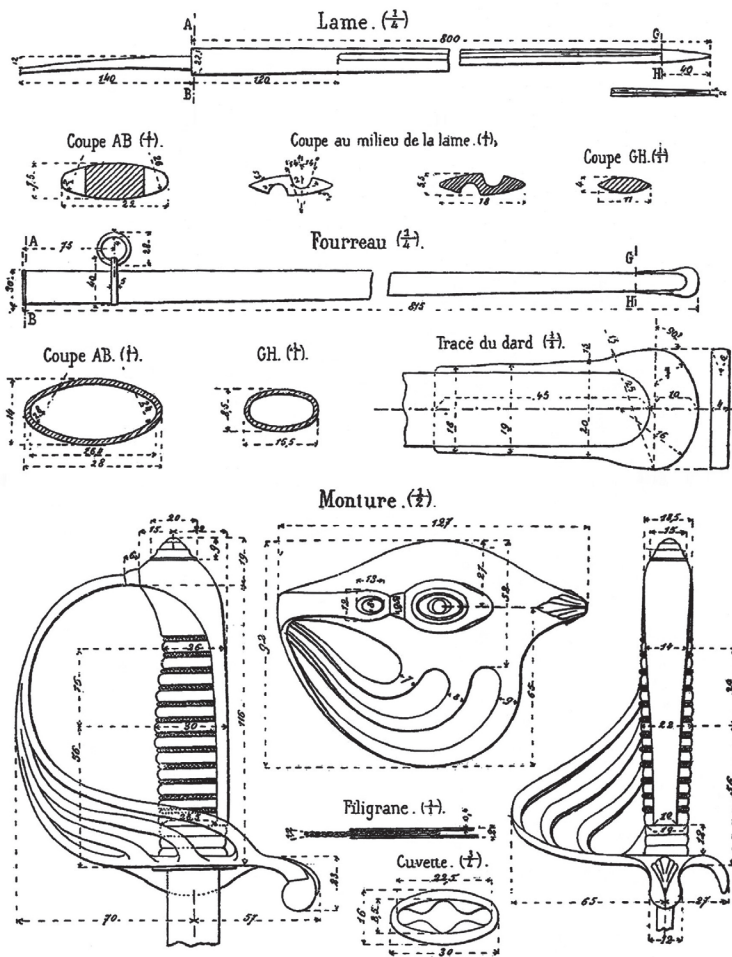
клинок 800 мм: сабля пехотная офицерская обр. 1882 г., размер № 3;

клинок 750 мм: сабля пехотная офицерская обр. 1882 г., размер № 4.

Офицеры пехоты выбирают из этих размеров тот, который соответствует их росту...

Лезвие: ширина у пяты 22 мм; толщина обуха 7,5 мм; толщина посередине 4,8 мм; толщина на расстоянии 40 мм от острия 3,5 мм.

Гарда: высота арматуры до конца хвостовика 135 мм; максимальная высота внутренней поверхности гарды 112 мм; расстояние между внешней стороной основной дужки и осью клинка 70 мм; расстояние от внешней стороны боковых дужек до осевой плоскости клинка 65 мм; ширина чашки по обе стороны от ручки 52 мм; расстояние от оси клинка до конца крестовины 57 мм.



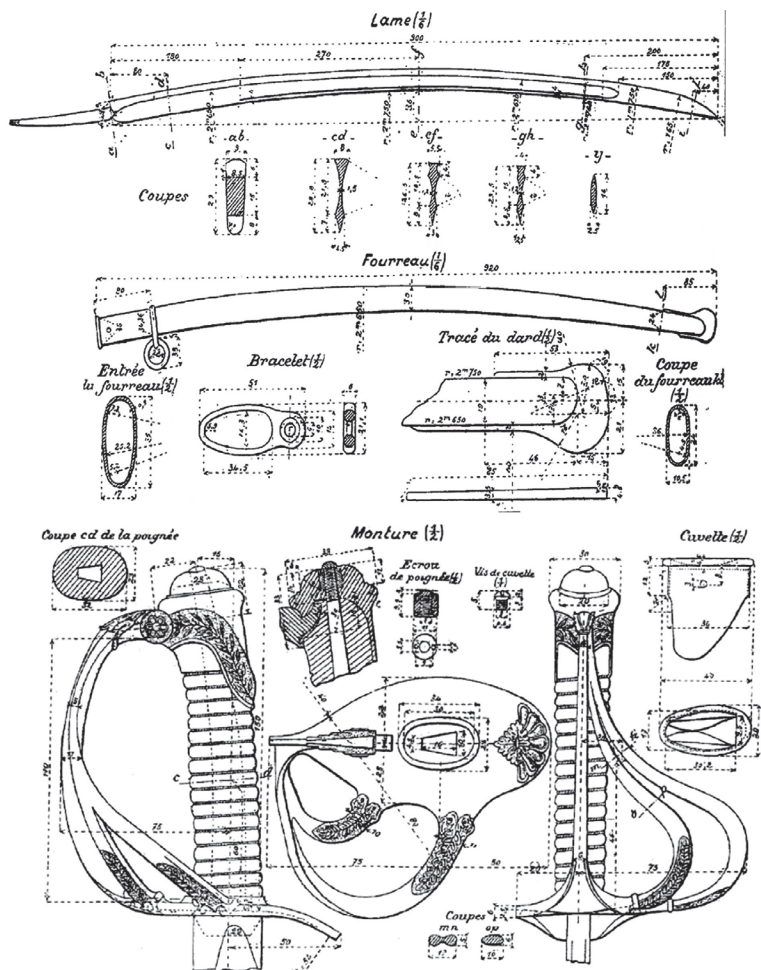
Ил. 1. Шпага пехотная офицерская обр. 1882 г.

Ножны: толщина листа 0,8 мм; толщина дна чаши 3 мм; расстояние от срединной плоскости обоймицы до входа в чашу 75 мм.

Длина ножен: размер № 1 – 915 мм; размер № 2 – 865 мм; размер № 3 – 815 мм; размер № 4 – 765 мм.

Общая длина сабли в ножнах: размер № 1 – 1050 мм; размер № 2 – 1000 мм; размер № 3 – 950 мм; размер № 4 – 900 мм.

Масса сабли без ножен: размер № 1 – 760 г; размер № 2 – 750 г; размер № 3 – 740 г; размер № 4 – 730 г.



Ил. 2. Сабля артиллерийская офицерская обр.1822–1899 гг.

Масса ножен: размер № 1 – 325 г; размер № 2 – 310 г; размер № 3 – 300 г; размер № 4 – 290 г.

Общая масса: размер № 1 – 1085 г; размер № 2 – 1060 г; размер № 3 – 1040 г; размер № 4 – 1020 г».

Из описания офицерской артиллерийской сабли образца 1822–99 гг. (бывшая легкокавалерийская офицерская сабля обр. 1822 г.)⁴ (ил. 2):

«Артиллерийская офицерская сабля образца 1822–99 гг. с изогнутым клинком имеет три типоразмера, соответствующие трем длинам клинка и ножен, различающихся на 50 мм, но снабженных одним и тем же креплением. В зависимости от длины клинка сабли называют – Сабля артиллерийская офицерская, модель 1822–99 гг.:

клинок 950 мм – 1-й размер;

клинок 900 мм – 2-й размер;

клинок 850 мм – 3-й размер.

Лезвие: Ширина у пяты – 29 мм; толщина обуха – 9 мм; радиус закругления обуха (общий для всех типоразмеров) – 2750 мм; радиус кривизны режущей кромки; 1-й радиус у пятки – 2650 мм; 2-й радиус у острия – 1750 мм; радиус соединения острия с режущей кромкой (общий для всех типоразмеров) – 165 мм; толщина острия на расстоянии 40 мм от конца – 2,5 мм; толщина по дну долов – 1,2 мм».

Остальные геометрические и весовые параметры, а также чертежи даны по аналогии с описанием пехотной шпаги.

Наиболее крупным производителем нерегламентированного оружия была фирма «Балп Сент-Этьен» (Manufacture française d'armes et cycles de Saint-Etienne)⁵. Рекламные проспекты этой фирмы дают достаточно полное описание ее продукции.

Например, офицерские пехотные шпаги обр. 1882 г. с отделкой клинка, эфеса и ножен, оформленной по вкусу владельца, предлагались офицерам линейной пехоты, морской пехоты, егерей, зуавов, тиральеров и проч.

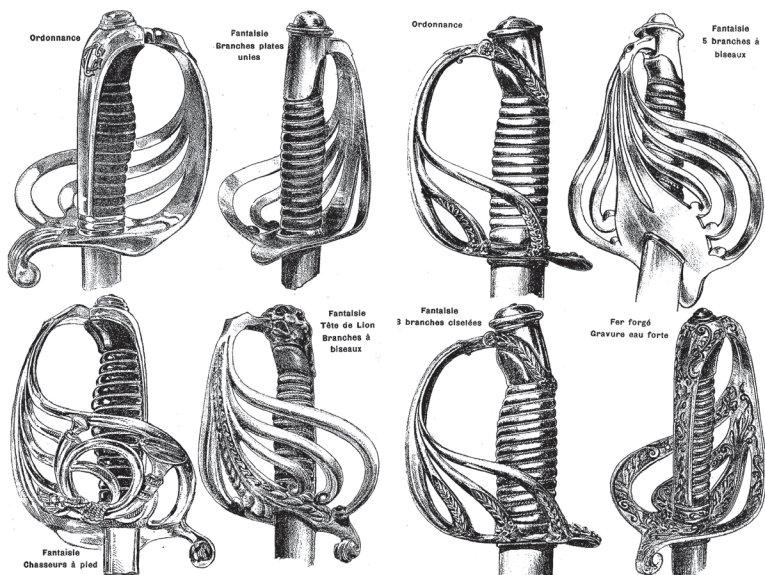
«...*Сабли регламентированные:* гарда и ножны только полированные; гарда и ножны, полностью никелированные.

Сабли усиленные: клинок и гарды усиленные, только полированные; клинок и гарды усиленные, полностью никелированные.

Сабли нерегламентированные: изысканные сабли для пеших егерей, гарда с охотничьим рогом; сабли для морской пехоты – гарда с якорем...»

Номенклатура клинков к шпагам: «...клинки Клингенталь с клеймом Куло; Шательро с клеймом мануфактуры; гравированные под Дамаск; из настоящего дамаска с малым количеством слоев; из настоящего дамаска с большим количеством слоев; имитация клинка Толедо с гравировкой; гибкие типа «хлыст».

Также предлагалось 150 моделей эксклюзивных гард.



Ил. 3. Эфесы регламентированных и нерегламентированных пехотных шпаг и артиллерийских сабель

Для артиллерийской офицерской сабли обр. 1822–1899 гг., как и для пехотной, предлагались самые разнообразные клинки и гарды. На ил. 3 представлены варианты образцов гард.

Номенклатура ножен к саблям была еще более разнообразной: «...ножны изогнутые полированные, вороненые и покрытые лаком; изогнутые полированные, вороненые с матовой позолотой арматуры; изогнутые полированные, вороненые с блестящей позолотой арматуры; изогнутые полированные, вороненые с арматурой из металла «дельта»; изогнутые полированные, вороненые с арматурой из металла, имитирующего золото; изогнутые полированные, вороненые с арматурой из латуни».

Для производителей и офицеров, отвечающих за правильную эксплуатацию и ремонт холодного оружия, рекомендовались основные конструктивные и технологические кондиции, влияющие на его качество⁶.

Это особенности конструкции, которые должны быть заложены при проектировании оружия и соблюдены при его изготовлении и ремонте: форма, профиль и изгиб лезвия; масса и ее распределение

по клинку; форма гарды и рукояти, а также свойства металла, из которого изготавливаются клинок и прочие детали.

Профиль клинка должен придавать оружию достаточную жесткость, режущие свойства и хорошую проникающую способность. При этом наличие долов позволяет значительно облегчить клинок.

Металл должен обеспечивать гибкость, упругость и необходимую твердость клинка для сохранения заточки.

Что касается распределения массы по клинку, то для большей эффективности рубящего удара большая масса металла переносится к концу лезвия. Для эффективного колющего удара и удобства управления оружием требуется, чтобы центр тяжести находился недалеко от рукоятки. Такое распределение массы достигается за счет облегчения средней части клинка.

По форме рекомендуются прямой клинок или клинок с небольшим изгибом, соответствующие доминирующей в то время тенденции преимущества колющего удара над рубящим.

Для производителей холодного оружия даются технологические рекомендации, соответствующие наиболее передовым для своего времени технологическим процессам производства, принятым на фабрике в Шательро (Manufacture d'armes de Châtellerault)⁷.

Технология обработки лезвия. В качестве металла для лезвия холодного оружия используется литая сталь, которая после отливки подвергается интенсивной ковке с целью улучшения структуры металла.

Исходные заготовки поставляются в виде прутков, причем партия металла подвергается входному контролю. Прошедшие контроль заготовки отжигаются и делятся на части. В месте разреза прутков надрубается зубилом. Далее пруток помещают на две опоры так, чтобы разрез был внизу. Отделение заготовки производится ударом молотка сверху.

Пруток куется и получает форму вытянутой четырехугольной усеченной пирамиды, к торцу которой приваривается кузнечной сваркой вторая меньшая усеченная пирамида – хвостовик.

Операцияковки выполняется при нагреве до розовато-красного цвета последовательно каждой четверти заготовки.

Обработка долов выполняется в горячем состоянии в штампе с выступами (по количеству долов), которые служат для формирования их поверхности. Дола штампуются при

установке заготовки между нижней и верхней плитами штампа. Поверхности долов образуются одновременно с двух сторон клинка.

Перед закалкой клинок нагревается до вишнево-красного цвета и проритается. После закалки лезвие подвергается отпуску.

Шлифование производится с помощью кругов из песчаника. Для шлифования плоских поверхностей, спинок, кромок и фасок применяются плоские круги, для шлифования долов и выпуклых поверхностей – фасонные. Во время этой операции постоянно контролируются форма, продольный изгиб и вес лезвия.

При шлифовании в результате нагрева лезвие немного теряет закалку, поэтому после шлифования контролируется упругость лезвия, и при необходимости оно вновь подвергается закалке.

Затем лезвие передается граверу. На обухе около пяты травлением обозначаются название производителя, месяц и год изготовления лезвия.

Полировка производится плоскими и фасонными кругами из дуба или ореха. Лезвие дважды проглаживается на смазанных маслом кругах. Первый раз лезвия покрываются наждаком, смешанным с олифой, второй раз гладят без наждака.

Далее производится тонкая полировка (воронение). Цель воронения – защита лезвия от коррозии и придание ему темного блеска. Для этого используются круги из твердой древесины, на которые наносится угольная пыль.

Технология изготовления гарды. Гарду получают литьем из латуни. Заготовка отливается плоской или с небольшим изгибом. Затем ее сгибают в холодном состоянии на медных оправках (ил. 4).

В качестве материала для гард предлагались новые для того времени металлы, например, «Дельта».

Из постановления военного министерства о факультативном использовании металла «Дельта» для гард офицерских сабель, помещенного в каталоге фирмы «Балп Сент-Этьен», Париж, 14 мая 1890 г.⁸: «...Металл «Дельта» по самому своему составу обладает всеми достоинствами, которые мы искали, и после испытаний, необходимых для его применения, мы добились полного успеха... Гарда, выплавленная из металла «Дельта», после полировки имеет вид золотой гарды; его блестящий цвет напоминает позолоту; он не ржавеет и поэтому сохраняет свой золотой блеск без какого-либо особого ухода. По прочности



Ил. 4. Заготовки гард (фотография из музея фирмы Куло «Клингенталь»)

и твердости «Дельта» сравним со сталью. Таким образом, гарды из металла «Дельта» имеют преимущество, которого нет у других, а именно возможность выдерживать любые удары без деформации, никогда не окисляться и, следовательно, всегда оставаться блестящими».

Технология изготовления ножен. В качестве металла для ножен используется листовая сталь, которая поставляется производителям оружия в виде полос, имеющих форму вытянутых трапеций.

Рабочий проверяет по выкройке размеры трапеции и отрезает лишнюю часть. Далее заготовке придается форма полуцилиндра в ручье штампа. Края заготовки сводятся в тисках на оправке при нагреве до вишнево-красного цвета. Затем согнутая заготовка надевается на другую оправку, форма которой соответствует внутренней форме ножен. Края соединяются внахлест, и шов пропаивается латунью. Ножны делаются прямыми, независимо от того, какую форму они должны будут принять позже.

Чтобы придать ножнам необходимую кривизну, их сгибают на изогнутом брусе. Затем в ножны вводят с силой, но постепенно и несколько раз хорошо смазанную железную оправку,

имеющую кривизну и внутренние размеры готовых ножен. После этого разрезается нижняя часть ножен, закругляется на оправке, и в разрез впаивается башмак из закаленной стали.

Приемочные испытания клинка. Во время приемочных испытаний клинка проверяются его вес и размеры с помощью калибров.

Затем контролер плавно сгибает лезвие последовательно в каждую сторону, до достижения регламентированной стрелы прогиба. После каждого изгиба лезвие должно идеально выпрямляться.

При следующем испытании лезвие плашмя ударяется по деревянному цилиндру. Эту операцию повторяют дважды с каждой стороны. После каждого удара контролируется прямолинейность лезвия.

Последнее испытание заключается в сильном и резком ударе лезвием сначала тыльной стороной, а затем режущей кромкой по бруску из очень твердого дерева.

Приемочные испытания ножен. Приемочные испытания ножен представляют собой ударные испытания с использованием небольшой железной «бабы», которую сбрасывают с высоты 0,5 м на три разных участка ножен. Затем ножнами бьют по твердому деревянному бруску и проверяют размеры, положение и прочность фурнитуры, припоя, башмака и т. д. После таких серьезных испытаний можно быть уверенным в качестве изготовленного оружия.

Следует отметить, что каждая война XIX – начала XX столетий, в которой участвовала Франция, стимулировала модернизацию длинноклинкового холодного оружия. Описания его образцов хотя и не всегда сопровождалась детальными чертежами, но достаточно подробно отражались в документах военного министерства, которые в настоящее время доступны для изучения.

Поэтому их использование, наряду с данными определителей, дает возможность достаточно точно атрибутировать весьма разнообразные образцы французского холодного оружия.

¹ Instruction sur le service l'armement 7 edition mise a jour jusqu'au 6 may 1912. p. 223 224[Электронный ресурс] Режим/доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1165111>.

² *Jornal militaire*. Année 1899. p. 1372 [Электронный ресурс] Режим/доступа:<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54153247>

³ *Ibid.* P. 1372–1376.

⁴ *Ibid.* P. 457–460.

⁵ *Recueil. Catalogues*. Année 1898 / *Manufacture française d'armes et cycles de Saint-Etienne*. p. 2-7. [Электронный ресурс] Режим/доступа:<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k97843801>.

⁶ *Traite d'artillerie*. Neuvieme partie. Chapitre 1. 1890 p. 303-304. [Электронный ресурс] Режим/доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9316436>.

⁷ *Ibid.* P. 308 311.

⁸ *Recueil. Catalogues*. Année 1898 / *Manufacture française d'armes et cycles de Saint-Etienne*. p. 8. [Электронный ресурс] Режим/доступа:<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k97843801>.

А. А. Михайлов (Санкт-Петербург), И. А. Канев (Санкт-Петербург), О. В. Черепов (Белгород)

ОБРАЗЫ И СОБЫТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ НА СТРАНИЦАХ ПРЕССЫ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СОВРЕМЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ пропаганды В. В. Тихонов справедливо отметил: «Давно замечено, что в критические моменты, когда создается угроза существованию нации или социальной группы, происходит мобилизация исторической памяти»¹.

Накануне и в годы Великой Отечественной войны руководство Советского государства прекрасно осознавало, каким мощным идеологическим потенциалом обладает история, и принимало меры для эффективного использования исторических образов в деле укрепления у населения и в армии чувств патриотизма, гордости за страну, готовности к стойкой борьбе с врагом. В настоящей работе рассмотрены публикации военно-исторической тематики, выходившие в газетах, как центральных, так и ленинградских, напечатанные в июне-июле 1941 г., в самые трудные для страны военные месяцы. Проанализированы газеты: «Правда», «Известия», «Красная звезда», «На страже Родины» (печатный орган Ленинградского военного округа и, позже, фронта), «Ленинградская правда», «Смена» (орган Ленинградской областной и городской организации Комсомола), а также две газеты Наркомата ВМФ: «Красный флот» и «Красный Балтийский флот».

23 июня 1941 г. вышел первый военный номер газеты «Правда» (фактически главной газеты СССР). В нем была напечатана речь В. М. Молотова, произнесенная по радио, сведения о первых боях с врагом, многочисленные призывы к стойкой

борьбе с врагом. В речи содержалась и апелляция к историческому прошлому. Заместитель председателя Совнаркома, среди прочего, отметил: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны»².

Собственно военно-историческая тематика была представлена небольшой заметкой «История русских крепостей»³, написанной, однако, еще до войны.

В Ленинграде в этот день сразу несколько газет выступили с яркими публикациями, в которых военные победы прошлого были представлены в тесной связи с начавшимся противоборством.

«Ленинградская правда» напечатала статью научного сотрудника Центрального Военно-Морского музея В. К. Анциферова «Боевые традиции балтийцев»⁴. В ней говорилось о действиях Балтийского флота против германских военных кораблей в 1915–1917 гг. В заключение автор заявлял: советские моряки, верные традициями стойкости и отваги, будут «топить корабли врага в его собственных водах»⁵.

Газета «На страже Родины» опубликовала статью военного историка Т. И. Воробьева «Разгром Красной армией немецких интервентов под Псковом»⁶. Автор рассказывал о первых столкновениях красных частей с немецкими войсками в феврале 1918 г. и оценивал таковые как полную победу красноармейцев.

Наиболее активно использовала исторические материалы 23 июня 1941 г. газета «Красный Балтийский Флот» (ответственный редактор Г. Ф. Бороздкин). Вся ее третья полоса имела общий заголовок «Где и когда русский народ бил немецких захватчиков»⁷. В пояснении (на врезке), предваряющем основные материалы, говорилось: «На протяжении более чем семи веков немецкая плутократия предпринимала многие десятки походов на Россию. Но все эти походы заканчивались позорным бегством иноземных захватчиков»⁸.

Далее следовали семь очерков, призванные проиллюстрировать этот тезис. Написал их корреспондент газеты старший поллитрук П. И. Звонков (1910–1942), впоследствии погибший в боях за остров Гогланд.

Очерки охватывали период времени от середины XIII в. и до начавшейся войны. В них нашли отражение борьба против немецких рыцарей, которую вел князь Александр Невский, войны Руси с Ливонским орденом в XV – начале XVI в., Ливонская война на 1558–1583 гг., Семилетняя война 1756–1762 гг. и др.

Шестой, самый большой очерк, озаглавленный «Героическое сражение в Рижском заливе», освещал тему, явно близкую и автору, и читательской аудитории издания: борьбу российского и германского флотов на Балтике в 1917 г.

В заключительном, седьмом, очерке под заголовком «Бить врага до полного уничтожения» П. Звонков кратко упоминал о первых боях Красной армии в начавшейся войне и призывал к стойкой борьбе с врагом⁹.

24 июня 1941 г. вышел первый «военный» номер «Красной звезды». В нем была напечатана статья известного писателя и драматурга В. Вишневского «Уроки истории»¹⁰. Ответственный редактор газеты Д. И. Ортенберг вспоминал, что накануне он сам срочно разыскал Вишневского в Доме творчества «Переделкино» под Москвой и попросил его подготовить какую-нибудь публикацию. «Наутро (Вишневский. – А.М.), – пишет в мемуарах Ортенберг, – явился с десятком листиков, исписанных бисерным, но довольно разборчивым энергичным почерком»¹¹. На страницах «Красной звезды» В. Вишневский перечислял наиболее значимые (по его мнению) военные конфликты Русского государства с различными германскими государствами (или военными организациями). Начал он с Ледового побоища 1242 г., затем довольно подробно рассказал о Грюнвальдской битве 1410 г., причем настаивал, что исход ее решили именно русские полки. Затронуты в статье Вишневского также события Семилетней войны 1756–1763 гг., Отечественной войны 1812 г. (с замечанием, что в армии Наполеона «пошли на Москву и немецкие корпуса»), Первой мировой войны, бои Красной армии и партизан с немцами на Украине в 1918 г.

Стоит заметить, что большинство избранных Вишневским исторических событий были к тому времени уже хорошо освещены в советской научно-популярной литературе и публицистике, нашли отражение в художественной литературе, изобразительном искусстве, а некоторые – даже на киноэкране. Об Александре Невском и битве на льду Чудского озера в 1938 г.

вышло сразу несколько брошюр (А. И. Козаченко¹², С. В. Глязера¹³, Н. Е. Подорожного¹⁴), этому были посвящены поэма К. М. Симонина, знаменитый фильм С. М. Эйзенштейна.

В свете противостояния СССР и гитлеровской Германии в 1930-е гг. (до заключения известного пакта) популярность приобрела также тема Семилетней войны и, особенно, взятия русскими войсками Берлина в 1760 г. (об этом событии в 1938 г. была даже создана пьеса¹⁵). Достаточно активно освещались и события Первой мировой войны, точнее, один из ее эпизодов – наступление войск Юго-Западного фронта, известное как Брусиловский прорыв¹⁶.

Популярности у историков и публицистов сюжетов, связанных с событиями в 1918 г. на Украине, в немалой степени способствовало то обстоятельство, что еще в 1918 г. И. В. Сталин назвал развернувшуюся там борьбу красногвардейцев и партизан против германских войск «отечественной войной»¹⁷.

Вместе с тем, В. Вишневский обратился в статье и к некоторым менее известным историческим сюжетам. Так, повествуя о Ливонской войне, Вишневский привел рассказ о русских пушкарях, покончивших с собой, чтобы не попасть в плен. «Был случай, – писал он, – немцы окружили одну батарею... Она отбивалась до конца, до последнего выстрела... Из кольца русским мастерам огневого боя выхода уж не было... Затихла батарея... Когда враги по горам своих трупов добрались, наконец, до нее, – увидели: русские артиллеристы, прикрыв свою пехоту, не покинули своих мест. Они кончили жизнь сами – порешили себя у своих орудий. Нет плена для русского воина!»¹⁸

Рассказ В. Вишневского явно был навеян известной историей о том, как в 1578 г., под крепостью Венден русские пушкари при наступлении врага и отходе основных войск не захотели бросать свои пушки и повесились на их стволах. Этот сюжет, восходящий к сообщению польского историка и дипломата XVII в. Рейнгольда Гейденштейна, приводился в различных сочинениях русских историков XIX в.¹⁹ В 1939 г. его очень ярко изложил советский военный историк Е. А. Болтин в брошюре «Артиллеристы»²⁰.

В заключение статьи Вишневский писал: «...Идут жестокие бои... В этих боях мы, советские люди, покажем, что мы достойные потомки тех, кто умел биться за родину честно, нещадно, до конца, до победы!»²¹.

На одной странице со статьей Вишневого была напечатана статья специального корреспондента «Красной звезды» А. Ю. Кривицкого «В бой за Родину!», содержащая небольшой экскурс в историю войн русского государства против внешнего врага. Кривицкий писал: «От подвигов русских былинных богатырей, от памятного 1242 года, когда наше воинство в Ледовом побоище разгромило презренных предков современных фашистов – «псов-рыцарей» Ливонского ордена, через Отечественную войну 1812 года и до сегодняшних дней тянется единая цепь побед русского оружия, сверкает доблесть духа народа нашей страны, их самоотверженность и стойкость в борьбе с врагом»²².

Газеты «Ленинградская правда» и «Смена» 24 июня 1941 г. одновременно опубликовали большую статью публициста Е. М. Ярославского «Великая Отечественная война советского народа», в которой упоминались Ледовое побоище и Отечественная война 1812 г.²³.

Кроме того, в «Ленинградской правде» вышли заметки о двух военно-исторических выставках: первая была развернута в Музее революции²⁴, вторая - в Государственной публичной библиотеке²⁵.

Газету «На страже Родины» (ответственный редактор И. Я. Фомиченко) от 24 июня 1941 г. открывала передовая статья с красноречивым заглавием «Били и будем бить». В ней описывались поражения, нанесенные русскими войсками немцам в различные исторические эпохи²⁶. В этом же номере, в рубрике «Из героического прошлого нашей Родины», вышла статья историка А. Г. Захаренко «Как русские войска взяли Берлин», посвященная событиям Семилетней войны²⁷.

В газетах «Правда», «Известия», «Красный Флот», «Красный Балтийский Флот» 24 июня 1941 г. исторические материалы не публиковались. Однако уже на следующий день, 25 июня, эти и некоторые другие издания поместили на своих страницах яркие статьи и очерки исторической тематики. Прежде всего следует отметить публикацию в «Правде» статьи начальника Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе генерал-лейтенанта М. С. Хозина «О хвастливой выдумке зазнавшегося врага»²⁸. Автор опровергал утверждение вражеской пропаганды о непобедимости Германии и в начале своих рассуждений приводил примеры побед русских войск над германскими. Хозин

упоминал Ледовое побоище 1242 г., битву при Грюнвальде, сражения Семилетней войны, оборону крепости Осовец во время Первой мировой войны, бои Красной армии на Украине в 1918 г.

Отдельные отсылки к истории содержались также в передовой статье «Правды» под заглавием «Красная Армия – родное детище советского народа» (упоминались А. В. Суворов, Отечественная война 1812 г.)²⁹.

В «Известиях» 25 июня 1941 г. вышла статья профессора Академии Генерального штаба генерал-майора Н. А. Левицкого «Враг идет к своей гибели»³⁰. Наряду с рассуждениями о мощи советского государства, ее автор рассказывал о событиях отечественной военной истории. Среди них: победы Александра Невского, Грюнвальдская битва, оборона Смоленска в Смутное время, Семилетняя война 1756–1763 гг., Отечественная война 1812 г., Брусиловский прорыв 1916 г., борьба Красной армии против германских войск в 1918 г.

«Ленинградская правда» 25 июня 1941 г. опубликовала статью А. Абрамова и И. Карпова «Народ-герой», в ней также упоминались многочисленные конфликты русского государства с Германией в разные эпохи³¹.

В этом же номере читатели могли ознакомиться с фрагментом романа Л. И. Раковского «Генералиссимус Суворов»³² и небольшой заметкой о сдаче в печать книги военного историка Т. Воробьева, посвященной рукописям А. В. Суворова³³.

Интересная, яркая публикация вышла в этот день в газете «Смена»: статья сценариста и кинодраматурга И. В. Луковского «Победы русских воинов над немецкими захватчиками»³⁴. Как и предыдущие авторы, Луковский видел в русско-германских войнах разных эпох единую линию, многовековую борьбу.

В газете «На страже Родины» историческая тематика 25 июня была представлена только серией сатирических рисунков «Прогулка в историю» (художник А. Н. Лео)³⁵. Четыре отдельных «кадра» отражают победы русских войск над немецкими рыцарями (Ледовое побоище), Фридрихом II, германской армией в Первую мировую войну (Брусиловский прорыв 1916 г.) и на Украине в 1918 г.

Газета «Красный Балтийский флот» 25 июня напечатала статью флотского командира и писателя-мариниста С. И. Абрамовича-Блэка о победах российских моряков над германским флотом на Балтике в 1914–1918 гг.³⁶

26 июня в «Правде» и «Красной звезде» вышли одновременно две публикации одного и того же автора – военного историка полковника Г. Т. Захарова, посвященные подвигам русской армии в Первую мировую войну. Публикация в «Правде», по сути, – рецензия на сборник документов о наступлении русской армии на Юго-Западном фронте в 1916 г., изданный Наркоматом обороны еще в 1940 г.³⁷ При этом автор относительно немного внимания уделяет характеристике сборника как публикации. Главным образом, он пересказывает помещенные в нем материалы об отваге русских солдат во время Брусиловского прорыва 1916 г.

В «Красной звезде» Захаров опубликовал на ту же тему самостоятельную статью³⁸. В ее заключение он утверждал: «Лучшие боевые традиции русской армии свято хранит наша славная Красная армия»³⁹.

Характерной особенностью обеих публикаций является то, что, повествуя о подвигах рядовых солдат и унтер-офицеров, Г. Т. Захаров не стал приводить примеры самоотверженности их командиров. Видимо, восхвалять «царских офицеров» и историк, и редакция считали ненужным.

К истории Первой мировой войны 26 июня 1941 г. обратилась также газета «Красный флот». В ней была напечатана статья «Били и будем бить!» И. И. Золина (начальник отдела истории и библиографии редакции), посвященная военным действиям на Балтике в 1917 г.⁴⁰

Газеты «Ленинградская правда» и «На страже Родины» 26 июня 1941 г. одновременно перепечатали статью М. Хозина «О хвастливой выдумке зазнавшегося врага»⁴¹. Военно-окружная газета опубликовала, кроме того, еще один исторический материал – рассказ о хранящихся в Артиллерийском музее трофеях, которые русские войска в разное время отбили у немцев⁴².

Интересно, что в тот же день с рассказом об экспозиции Артиллерийского музея выступила другая ленинградская газета – «Смена». Авторы напечатанной в ней статьи отмечали: «Блестящие победы, одержанные русской армией над германской, – это не только прошлое, но и будущее. Русский народ бил и будет бить заносчивых и зазнавшихся немецких вояк»⁴³.

Таким образом, в самые первые дни Великой Отечественной войны, 23–26 июня 1941 г. все рассмотренные газеты очень активно печатали статьи и заметки, посвященные военной истории.

По всей видимости, иногда популярности исторических материалов способствовало то обстоятельство, что информация о развернувшейся борьбе с агрессором из действующей армии поступала нерегулярно и часто носила неутешительный характер⁴⁴.

Вместе с тем, многочисленные сведения о победах над германскими войсками в прошлом (от ливонских рыцарей до кайзеровской империи) в сложных условиях 1941 г. играли важную роль в формировании чувства готовности к бескомпромиссной борьбе и уверенности в победе.

В последующие дни июня 1941 г. внимание прессы к историческим темам остается очень высоким.

27 июня 1941 г. сразу несколько газет затронули тему Первой мировой войны. «Правда» опубликовала статью известного советского писателя А. Н. Толстого «Что мы защищаем». Не будучи посвящена событиям прошлого специально, она содержала краткое упоминание о мужестве русских солдат (прежде всего, сибирских полков) на полях сражений в Первую мировую войну⁴⁵.

В «Красной звезде» вышла статья с броским названием «Как германские войска в панике бежали с поля боя»⁴⁶, которая представляла собой фрагмент воспоминаний германского офицера Т. фон Бозе о поражениях кайзеровской армии в 1918 г. (отдельным изданием эти мемуары были напечатаны еще в 1937 г.⁴⁷). Рассказ Бозе касался, преимущественно, событий на Западном фронте. Редакция «Красной звезды» сочла текст актуальным, видимо, потому, что он демонстрировал: германская армия неоднократно терпела жестокие поражения.

Газета «Красный флот» напечатала 27 июня статью С. П. Моисеева о подвигах команды эсминца «Новик» в 1915 г.⁴⁸. На страницах «Красного Балтийского флота» вышла статья С. Кудрявцева-Скайфа «История, о которой следует помнить фашистам»⁴⁹. Она повествовала о гибели на Балтике германского крейсера «Магдебург» (1914) и использовании найденных на нем секретных шифров.

Газета «На страже Родины» 27 июня 1941 г. обратилась к событиям более давним, в ней была напечатана статья видного специалиста в области истории Франции А. И. Молока «Крах Наполеона» (в рубрике «Из героического прошлого нашей Родины»)⁵⁰. Автор подчеркивал, что победа над наполеоновской армией была одержана, прежде всего, благодаря стойкости,

мужеству русского народа. Перечисляя отдельных героев войны, А. Молок особое внимание уделил партизанам. В заключение, естественно, говорилось о неизбежности разгрома гитлеровцев, о победе в новой, колоссальной по масштабам войне⁵¹.

В «Ленинградской правде» 27 июня 1941 г. исторических публикаций не было. «Смена» опубликовала в этот день обзор исторической литературы. В нем охарактеризованы книги А. Г. Захаренко «Россия в Семилетней войне», В. Т. Пашуто «Внешняя политика Александра Невского», работа А. Л. Фраймана о борьбе с германскими интервентами на Украине в 1918 г.⁵² Кроме того, «Смена» напечатала известный плакат, созданный объединением «Кукрыниксы», с изображением императора Наполеона («Наполеон потерпел поражение, то же будет и с зазнавшимся Гитлером».)⁵³.

28 июня большинство рассмотренных в настоящей работе газет напечатало статьи или заметки о каких-либо военных конфликтах русского государства с Германией и победах, одержанных в них русскими войсками.

О наиболее отдаленной по времени эпохе рассказала «Красная звезда». На ее страницах появилась статья А. Я. Лурье «Разгром немецких псов-рыцарей»⁵⁴. В основном она была посвящена победе Александра Невского в битве на Чудском озере 1242 г., но кратко упоминались также некоторые другие столкновения Древней Руси с немцами (например, Раковорская битва 1268 г.). В заключение историк подчеркивал: «...Русский народ всегда бил, бьет и будет бить хищных захватчиков»⁵⁵.

Стоит отметить, что отсылки к истории присутствовали и в передовой статье этого номера: в ней упоминались Отечественная война 1812 г. и борьба красных войск против германской армии на Украине в 1918 г.⁵⁶.

28 июня «Известия» опубликовали статью В. Захарова «Урок истории, забытый фашистами», посвященную победам русской армии в Семилетнюю войну 1756–1763 гг.⁵⁷

В газете «На страже Родины» в тот же день история побед русской армии над германской была освещена в стихотворной форме. Писатель и поэт В. Саянов напоминал читателям о Ледовом побоище, сражениях при Кунерсдорфе в Семилетнюю войну, Брусиловском прорыве 1916 года и др.⁵⁸

«Ленинградская правда» 28 июня 1941 г. обратилась к событиям под Петроградом в 1918 г. Бои добровольческих отрядов

Красной гвардии и армии с кайзеровскими войсками были представлены в ней как решительная победа⁵⁹.

В «Смене» собственно исторических публикаций в этот день не появилось, но был напечатан краткий рассказ о постановке в Театре им. Ленинградского Совета пьесы «Ключи от Берлина» (о Семилетней войне)⁶⁰.

«Красный флот» 28 июня напечатал статью М. Семенова «Флаг – боевое знамя корабля»⁶¹. В нем положения о святости корабельного флага иллюстрировались многими историческими примерами, в том числе и такими, которые, скорее всего, были мало знакомы многим читателям. Например, автор рассказал о героической борьбе в 1809 г. катера «Опыт» против британского фрегата, когда русские моряки категорически отказались спустить Андреевский флаг и крепко привязали его к ноку гафеля. Характерно, что с учетом политических реалий автор не стал указывать, что сражался экипаж «Опыта» с британцами и писал о некоем безличном «противнике».

«Красный Балтийский флот» 28 июня 1941 г. также не обошел молчанием военно-историческую проблематику. Во-первых, в нем была перепечатана статья М. Хозина «О хвастливой выдумке зазнавшегося врага»⁶². Во-вторых, опубликован свой, оригинальный, материал: довольно большая статья С. И. Абрамовича-Блэка «От Ирбенских ворот – немцам поворот» (о боях на Балтике в 1915 г.)⁶³.

29 июня 1941 г. «Правда» напечатала очерк о кинофильме С. Эйзенштейна «Александр Невский»⁶⁴. Изображенные в нем события фактически приравнивались к историческим фактам, устанавливалась прямая преемственность борьбы против германской агрессии в далеком прошлом и настоящем (гитлеровцы именовались в статье «обнаглевшими потомками прежних тевтонов»)⁶⁵.

Вышли исторические материалы 29 июня также в газетах «Известия» и «Красная звезда». Первая напечатала большую статью А. Ковалевского «Разгром немецких оккупантов на Украине в 1918 году»⁶⁶.

В «Красной звезде» 29 июля 1941 г. появилась маленькая заметка В. Яковлева о героизме русских саперов в Первую мировую войну⁶⁷.

В «Ленинградской правде» 29 июня 1941 г. был опубликован список книг под общим заглавием «Что читать о борьбе русского народа с немецкими захватчиками»⁶⁸. В рекомендованный

список вошли 9 научно-популярных брошюр, изданных в 1936–1940 гг., в том числе «Ледовое побоище» Н. Подорожного (1938) и другая работа с тем же названием А. Козаченко (1938), «Битва на Чудском озере» С. Глязера (1938), «Грюнвальдская битва» Н. Лапина и А. Турчинского (1939), «Семилетняя война» Н. Коробкова (1940) и др.

В этом же номере газеты вышла рецензия на книгу Е. В. Тарле «Две Отечественных войны», которая в то время готовилась к выпуску⁶⁹. В книге проводилось сопоставление Отечественной войны 1812 г. и начавшейся борьбы против гитлеровской Германии. Рецензент эту идею, естественно, полностью поддерживал (книга вскоре была опубликована Военно-морским издательством)⁷⁰.

Интересно, что отсылка к истории содержалась также в заглавии одной из заметок «Ленинградской правды», посвященной современным событиям. Корреспондент газеты Н. Воронов рассказ о жизни рыболовецких колхозов на побережье Чудского озера озаглавил «Там, где были разгромлены немецкие псы-рыцари»⁷¹.

«Смена» 29 июня напечатала заметку о выставке в Музее военно-морского флота, на которой экспонировались трофеи, захваченные русскими моряками в Первую мировую войну, в том числе на германском крейсере «Магдебург»⁷².

Газета «Красный флот» в этот день напечатала статью о действиях на Балтике русских подводников в Первую мировую войну⁷³. В «Красном Балтийском флоте» специальных исторических публикаций не было, но в одной из статей, обличавших гитлеровскую Германию, упоминалось об ограблении населения Украины немецкой армией в 1918 г.

Последний день июня в 1941 г. выпал на понедельник, когда многие газеты не выходили. Однако в тех, которые в этот день печатались, исторические материалы есть. В газете «На страже Родины», например, вышла статья видного историка И. П. Шаскольского «Ледовое побоище»⁷⁴.

В июле 1941 г. интерес редакций и авторов советских газет к историческим темам сохранялся, но в то же время прослеживается тенденция к снижению численности исторических публикаций. Видимо, это было вызвано тем, что постепенно налаживалась работа военкором, в газеты стало поступать много актуальной информации с фронтов. Данные о подвигах советских воинов в текущей войне, опыт успешных военных

действий, сведения о преступлениях захватчиков, эти и многие другие темы требовали оперативного и яркого освещения в прессе. Тем не менее, интерес к историческим материалам у изданий не угас.

«Правда» в течение июля 1941 г. напечатала две крупные исторические статьи, обе – в начале месяца. 8 июля вышла статья доцента МГУ историка Е. Н. Городецкого «Разгром германских оккупантов на Украине в 1918 году»⁷⁵.

9 июля 1941 г. в «Правде» вышла статья военного историка полковника Е. А. Болтина, в которой вновь опровергался тезис о «непобедимости» германской армии⁷⁶. Доказывая, что немцы неоднократно терпели поражения, автор прибегал к историческим примерам, которые стали для советской публицистики того времени уже традиционными (Ледовое побоище, Грюнвальдская битва, отдельные сражения Семилетней и Первой мировой войн). Вместе с тем, Болтин упомянул и некоторые другие события. В частности, он рассказал о поражении прусской армии под Йеной, в сражении с войсками Наполеона I.

В «Красной звезде» в течение июля вышли всего три крупные исторические публикации. 2 июля была напечатана статья военного историка М. Р. Галактионова «Легенда о «непобедимости» германской армии», в которой освещались поражения кайзеровских войск в Первой мировой войне⁷⁷. 10 июля была напечатана статья о партизанах, героях Отечественной войны 1812 года.⁷⁸ Затем 17 июля на страницах газеты выступил генерал-майор Левицкий, который обосновывал губительность для Германии войны на два фронта, обращаясь при этом к опыту Первой мировой войны⁷⁹.

В «Известиях» в июле 1941 г. вышло всего четыре публикации на исторические темы. Из них особый интерес представляет небольшая статья военного историка Н. Е. Подорожного «Фашисты боятся советского штыка», опубликованная 9 июля 1941 г.⁸⁰ В тот период командование Красной армии придавало штыковому бою большое значение, что находило свое отражение в прессе. Подорожный рассказывал о давней исторической традиции штыкового боя в русской (а не только советской армии), упоминал Семилетнюю, Отечественную 1812 г., Первую мировую войны.

В газетах «Ленинградская правда», «Смена», «На страже Родины», «Красный Балтийский флот» в июле 1941 г. число

исторических публикаций было большим, нежели в центральных изданиях.

«Ленинградская правда» 9 июля 1941 г. напечатала статью видного историка В. Мавродина «Мы били и будем бить немецких разбойников»⁸¹. Автор осветил победы русских войск над врагом на протяжении многих столетий. Всего же в течение июля 1941 г. «Ленинградская правда» опубликовала не менее 6 текстов на исторические темы. Среди них развернутые рецензии М. Шувалова на работу Е. Тарле «Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона»⁸², А. Сегеди – на книгу «Генералиссимус Суворов» Л. И. Раковского⁸³.

В «На страже Родины» вышло не менее 10 публикаций или специально посвященных историческим событиям, или таких, в которых видное место занимал экскурс в прошлое. Интересна статья ленинградского военного историка М. В. Люшковского «Русский штык»⁸⁴. Как и Подорожный в «Известиях», Люшковский привел исторические примеры побед русских солдат, одержанных в штыковых схватках. Особенно ярко он описал контратаку защитников крепости Осовец в 1915 г. (ее часто называют «атакой мертвецов»).

Большая часть исторических публикаций военно-окружной газеты в июле 1941 г. была посвящена победам красноармейцев и красногвардейцев в 1918–1919 гг.⁸⁵, были затронуты Отечественная война 1812 г.⁸⁶, история народных ополчений⁸⁷ и др.

В газете «Смена» в июле 1941 г. вышло не менее 15 исторических статей и заметок. Практически через все красной нитью проходила идея о том, что немецкие войска терпели поражения в прошлом и будут разбиты в будущем. Среди тем, освещенных в отдельных публикациях, история народных ополчений⁸⁸, победы русской армии в Семилетнюю войну⁸⁹, Отечественная война 1812 г.⁹⁰, Брусиловский прорыв 1916 г.⁹¹, бои красных отрядов против немцев в 1918 г. (в т. ч. на Украине)⁹².

Много исторических публикаций появилось в июле 1941 г. в газете «Красный Балтийский флот». 4 июля в ней вышла статья В. Вишневого «Верить в мощь русского народа»⁹³. Автор в ней подчеркивал, что начавшаяся война является Отечественной, каковой была война 1812 г. против войск Наполеона. Далее, однако, Вишневский выдвинул еще один тезис: он заявил, что, по сути, отечественной войной была также борьба Красной армии против

интервентов в 1917–1920 гг. Победы над войсками Наполеона и интервентами обусловлены единением народа, так же, утверждал Вишнеvский, будет разгромлен и Гитлер.

Вместе со статьей Вишнеvского в газете напечатали репродукцию с плаката П. Соколова-Скали и М. Соловьева «Били, бьем и будем бить!», на котором соседствовали изображения русского витязя, поражающего копьем немецкого рыцаря, и Гитлера, попавшего под удар бомбы.

Другой яркой публикацией стала статья поэта И. В. Луковско-го «Русские победы над немецкими захватчиками»: она носила обобщающий характер, но особое внимание уделялось Грюнвальдской битве⁹⁴. Стоит заметить, что Луковский написал о битве при Грюнвальде историческую драму.

В течение месяца вышли статьи С. Кудрявцева-Скайфа о борьбе красногвардейцев и партизан против германских войск на Украине в 1918 г.⁹⁵, В. Анциферова – о боях Красной армии под Псковом и Нарвой⁹⁶, В. Бернова – о действиях российского флота во время Семилетней войны⁹⁷.

Популярной оставалась тема побед и подвигов русских моряков на Балтике в годы Первой мировой войны⁹⁸.

В газете действовала рубрика «Славные флотские традиции». В ней часто печатались очерки, в которых рассказ о том или ином положительном качестве военного, умения, навыке и др. иллюстрировался разнообразными историческими примерами⁹⁹.

Интересно, что в газете «Красный флот» исторические публикации в июле 1941 г. выходили реже, чем в «Красном Балтийском флоте». Тем не менее, они все-таки появлялись, причем иногда тех же авторов или (и) на близкие темы¹⁰⁰.

Итак, в первые, чрезвычайно тяжелые для страны месяцы войны в прессе весьма видное место занимали исторические материалы. Публицисты, профессиональные ученые-историки и писатели-беллетристы прилагали немало усилий, чтобы с их помощью поднять дух бойцов армии, матросов флота, командиров и всего населения, укрепить у них уверенность в победе, гордость за свою страну и ненависть к врагу.

Память о славном прошлом занимала важное место в идеологии государства и внедрялась в общественное сознание. Выработался определенный круг героев, образов, событий, которые для формирования картины прошлого считались особенно

важными. Вместе с тем, авторы публикаций обращались к событиям, которые, казалось, были забыты, но в период суровых испытаний оказались востребованными.

¹ Тихонов В. В. Отечественная история как оружие пропаганды в условиях войны // Великая Отечественная война – известная и неизвестная: историческая память и современность: Материалы Международной научной конференции. Москва–Коломна, 6–8 мая 2015 г. М.: [ИРИ РАН], 2015. С. 152.

² Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 г. // Правда. № 172. 23 июня 1941 г. С. 1.

³ История русских крепостей // Правда. № 172. 23 июня 1941 г. С. 6.

⁴ Анциферов В. Боевые традиции балтийцев // Ленинградская правда. № 147. 23 июня 1941 г. С. 4.

⁵ Там же.

⁶ Воробьев Т. И. Разгром Красной армией немецких интервентов под Псковом // На страже Родины. № 146. 23 июня 1941 г. С. 3.

⁷ Красный Балтийский Флот. № 146. 23 июня 1941 г. С. 2.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Вишневский В. Уроки истории // Красная звезда. № 146. 24 июня 1941 г. С. 3.

¹¹ Ортенберг Д. И. Июнь – декабрь сорок первого. Рассказ-хроника. М.: Советский писатель, 1984. С. 9.

¹² Козаченко А. И. Ледовое побоище. М.: Государственное издательство политической литературы, 1938. 56 с.

¹³ Глязер С. В. Ледовое побоище. М.; Л.: Государственное издательство детской литературы, 1938. 32 с.; Он же. Битва на Чудском озере. М.: Издательство и фабрика юношеской книги Издательства «Молодая гвардия», 1938. 36 с.

¹⁴ Подорожный Н. Е. Ледовое побоище. М.: Воениздат, 1938. 25 с.

¹⁵ Финн К. Я., Гус М. С. Ключи от Берлина. Историческая пьеса в 5 актах, 8 картинах. М.: Издательство «Искусство», 1938. 135 с.

¹⁶ Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв: Оперативно-стратегический очерк. М.: Государственное военное издательство, 1940. 183 с.

¹⁷ Сталин И. В. Украинский узел. Статья товарища Сталина в газете «Известия ВЦИК». 1918 г., марта 14 // Сталин. Статьи и речи об Украине. Партиздат ЦК КП(б)У, 1936. С. 40.

¹⁸ Вишневский В. Уроки истории // Красная звезда. № 146. 24 июня 1941 г. С. 3.

¹⁹ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1889. С. 37; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. СПб.: Типография Н. Греча, 1821. С. 286–287.

²⁰ Болтин Е. Первые русские артиллеристы // Артиллеристы. Сборник статей и рассказов. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1939. С. 10.

²¹ Вишневский В. Уроки истории // Красная звезда. № 146. 24 июня 1941 г. С. 3.

²² Кривицкий А. В бой за Родину // Красная звезда. № 146. 24 июня 1941 г. С. 3.

²³ Ярославский Ем. Великая Отечественная война советского народа // Ленинградская правда. № 148. 24 июня 1941 г. С. 3; Смена. № 146. 24 июня 1941 г. С. 3.

- ²⁴ Выставка «Героика великого русского народа» // Ленинградская правда. № 248. 24 июня 1941 г. С. 4.
- ²⁵ Экспозиция «Отечественная война» // Там же.
- ²⁶ Били и будем бить! // На страже Родины. № 147. 24 июня 1941 г. С. 1
- ²⁷ Захаренко А. Как русские войска взяли Берлин // Там же. С. 3.
- ²⁸ Хозин М. О хвастливой выдумке зазнавшегося врага // Правда. № 174. 25 июня 1941 г. С. 4.
- ²⁹ Красная Армия – родное детище советского народа // Там же. С. 1.
- ³⁰ Левицкий Н. А. Враг идет к своей гибели // Известия. № 148. 25 июня 1941 г. С. 2.
- ³¹ Абрамов А., Карпов И. Народ-герой // Ленинградская правда. № 149. 25 июня 1941 г. С. 2.
- ³² Раковский Л. Сокрушительный удар (главы из романа «Генералиссимус Суворов» // Там же. С. 3.
- ³³ Рукописи А. В. Суворова // Там же. С. 4.
- ³⁴ Луковский И. В. Победы русских воинов над немецкими захватчиками // Смена. № 147. 25 июня 1941 г. С. 2.
- ³⁵ Прогулка в историю // На страже Родины. № 148. 25 июня 1941 г. С. 4.
- ³⁶ Абрамович-Блак С. Путевка на дно // Красный Балтийский флот. № 148. 25 июня 1941 г. С. 3.
- ³⁷ Захаров Г. Документы о героизме русских войск // Правда. № 175. 26 июня 1941 г. С. 6.
- ³⁸ Захаров Г. Героизм русского солдата // Красная звезда. № 148. 26 июня 1941 г. С. 3.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Золн И. Били и будем бить! // Красный флот. № 148. 26 июня 1941 г. С. 3.
- ⁴¹ Хозин М. О хвастливой выдумке зазнавшегося врага // Ленинградская правда. № 150. 26 июня 1941 г. С. 2; На страже Родины. № 149. 26 июня 1941 г. С. 3.
- ⁴² Моисеев А. Живая история // На страже Родины. № 149. 26 июня 1941 г. С. 4.
- ⁴³ Медведев М., Давыдов Д. Исторические трофеи // Смена. № 148. 26 июня 1941 г. С. 4.
- ⁴⁴ Ортенберг Д. И. Июнь – декабрь сорок первого. Рассказ-хроника. М.: Советский писатель, 1984. С. 8–9.
- ⁴⁵ Толстой А. Н. Что мы защищаем. // Правда. № 176. 27 июня 1941 г. С. 4.
- ⁴⁶ Как германские войска в панике бежали с поля боя (Воспоминания германского майора Бозе) // Красная звезда. № 149. 27 июня 1941 г. С. 4.
- ⁴⁷ Бозе Т. Катастрофа 8 августа 1914 г. М.: Гос. военное издательство Наркомата Обороны СССР, 1937. 280 с.
- ⁴⁸ Моисеев С. Героические бои эсминца «Новик» с немецкими кораблями // Красный флот. № 149. 27 июня 1941 г. С. 3.
- ⁴⁹ Кудрявцев-Скайф С. История, о которой следует помнить фашистам // Красный Балтийский флот. № 150. 27 июня 1941 г. С. 3.
- ⁵⁰ Молок А. И. Крах Наполеона // На страже Родины. № 150. 27 июня 1941 г. С. 3.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Новые исторические работы // Смена. № 149. 27 июня 1941 г. С. 4.
- ⁵³ Смена. № 149. 27 июня 1941 г. С. 2.
- ⁵⁴ Лурье А. Разгром немецких псов-рыцарей // Красная звезда. № 150. 28 июня 1941 г. С. 3.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Священная отечественная война советского народа // Там же. С. 1.

- ⁵⁷ Захаров В. Урок истории, забытый фашистами // Известия. № 151. 28 июня 1941 г. С. 2.
- ⁵⁸ Саянов В. Мы помним // На страже Родины. № 151. 28 июня 1941 г. С. 2.
- ⁵⁹ Как петроградские рабочие громили германских оккупантов // Ленинградская правда. № 152. 28 июня 1941 г. С. 3.
- ⁶⁰ Ключи от Берлина. Беседа с художественным руководителем Театра им. Ленсовета С. Э. Радловым // Смена. № 150. 28 июня 1941 г. С. 4.
- ⁶¹ Семенов М. Флаг – боевое знамя корабля // Красный флот. № 150. 28 июня 1941 г. С. 3.
- ⁶² Хозин М. О хвастливой выдумке зазнавшегося врага // Красный Балтийский флот. № 151. 28 июня 1941 г. С. 2.
- ⁶³ Абрамович-Блэк С. От Ирбенских ворот – немцам поворот // Там же. С. 3.
- ⁶⁴ Борисов Г. «Александр Невский» // Правда. № 178. 29 июня 1941 г. С. 6.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Ковалевский А. Разгром немецких оккупантов на Украине в 1918 году // Известия. № 152. 29 июня 1941 г. С. 2.
- ⁶⁷ Яковлев В. Славные традиции русских сапер // Красная звезда. № 151. 29 июля 1941 г. С. 2.
- ⁶⁸ Что читать о борьбе русского народа с немецкими захватчиками // Ленинградская правда. № 153. 29 июня 1941 г. С. 3.
- ⁶⁹ «Две Отечественных войны». Новая книга академика Е. В. Тарле // Ленинградская правда. № 153. 29 июня 1941 г. С. 4.
- ⁷⁰ См.: Тарле Е. Две Отечественные войны. М.; Л.: Военмориздат, 1941. 80 с.
- ⁷¹ Воронов Н. Там, где были разгромлены немецкие псы-рыцари // Ленинградская правда. № 153. 29 июня 1941 г. С. 1.
- ⁷² Трофеи русского флота // Смена. № 151. 29 июня 1941 г. С. 4.
- ⁷³ Евгений Юнга [Михейкин Е. С.]. Боевые традиции русских подводников // Красный флот. № 151. 29 июня 1941 г. С. 3.
- ⁷⁴ Шаскольский И. Ледовое побоище // На страже Родины. № 153. 30 июня 1941 г. С. 3.
- ⁷⁵ Городецкий Е. Разгром германских оккупантов на Украине в 1918 году // Правда. № 187. 8 июля 1941 г. С. 3.
- ⁷⁶ Болтин Е. Миф о немецкой «непобедимости» // Правда. № 188. 9 июля 1941 г. С. 3.
- ⁷⁷ Галактионов М. Легенда о «непобедимости» германской армии // Красная звезда. № 153. 2 июля 1941 г. С. 3.
- ⁷⁸ Розанов Б. Партизаны Отечественной войны 1812 года // Красная звезда. № 160. 10 июля 1941 г. С. 3.
- ⁷⁹ Левицкий Н. Война на два фронта погубит германский фашизм // Красная звезда. № 166. 17 июля 1941 г. С. 3.
- ⁸⁰ Подорожный Н. Фашисты боятся советского штыка // Известия. № 160. 9 июля 1941 г. С. 2.
- ⁸¹ Мавродин В. Мы били и будем бить немецких разбойников // Ленинградская правда. № 161. 9 июля 1941 г. С. 2.
- ⁸² Шувалов М. «Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона» // Ленинградская правда. № 170. 18 июля 1942 г. С. 2.
- ⁸³ Сегеди А. «Генералиссимус Суворов» // Ленинградская правда. № 181. 31 июля 1941 г. С. 3.
- ⁸⁴ Лышковский М. Русский штык // На страже Родины. № 155. 2 июля 1941 г. С. 3.

- ⁸⁵ Волин Я. Как украинский народ бил германских оккупантов // На страже Родины. № 160. 7 июля 1941 г. С. 3; Горин В. Разгром германских захватчиков в Белоруссии в 1918 году // На страже Родины. № 166. 13 июля 1941 г. С. 3; Леонтьев М.: Оборона Петрограда в 1919 году // На страже Родины. № 171. 18 июля 1941 г. С. 2.
- ⁸⁶ Партизан Ермолай Четвертаков // На страже Родины. № 162. 9 июля 1942 г. С. 3.
- ⁸⁷ Полесъев С. Народное ополчение // На страже Родины. № 164. 11 июля 1941 г. С. 3.
- ⁸⁸ Валк С., Предтеченский А., Левин Ш. Могучая сила // Смена. № 157. 6 июля 1941 г. С. 3.
- ⁸⁹ Плавский З. «Русские прусских всегда бивали...» // Смена. № 158. 8 июля 1941 г. С. 2.
- ⁹⁰ Пиксанов Н. Первая Отечественная война // Смена. № 162. 12 июля 1942 г. С. 2; Нечкина М.: Борьба партизан с армией Наполеона // Смена. № 169. 20 июля 1941 г. С. 2.
- ⁹¹ Братанов Н. Брусиловский прорыв // Смена. № 178. 31 июля 1941 г. С. 2.
- ⁹² Герасимов Е. Поход тарашанцев (Украинские партизаны в 1918 году) // Смена. № 174. 26 июля 1941 г. С. 2.
- ⁹³ Вишневецкий В. Верить в мощь русского народа (из опыта отечественных войн 1812 и 1917–1920 гг.) // Красный Балтийский флот. № 156. 4 июля 1941 г. С. 3.
- ⁹⁴ Луковский И. Русские победы над немецкими захватчиками // Красный Балтийский флот. № 157. 5 июля 1941 г. С. 3.
- ⁹⁵ Кудрявцев-Скайф С. Разгром немецких оккупантов на Украине // Красный Балтийский флот. № 158. 6 июля 1941 г. С. 3.
- ⁹⁶ Анциферов В. Разгром германских оккупантов на Псковщине и под Нарвой в 1918 году // Красный Балтийский флот. № 167. 16 июля 1941 г. С. 3.
- ⁹⁷ Бернов Е. Ключи от Берлина // Красный Балтийский флот. № 162. 11 июля 1941 г. С. 3.
- ⁹⁸ Шереметьев М. Победоносная роль русских мин в операциях против немцев // Красный Балтийский флот. № 160. 9 июля 1941 г. С. 2; Власов А. Как русские били немцев на море (рассказ старого моряка) // Красный Балтийский флот. № 167. 16 июля 1941 г. С. 3; Соболевский Е. Как в 1916 году русские моряки разгромили Констанцу // Красный Балтийский флот. № 170. 19 июля 1941 г. С. 3 и др.
- ⁹⁹ Кудрявцев-Скайф С. Смекалка и инициатива // Красный Балтийский флот. № 159. 8 июля 1941 г. С. 2; Мягков П. Бесстрашие и стойкость в бою // Красный Балтийский флот. № 161. 10 июля 1941 г. С. 2.
- ¹⁰⁰ Абрамович-Блэк С. Бой в Ирбенском проливе // Красный флот. № 158. 8 июля 1941 г. С. 3.

В. А. Молтусов (Уфа)

ШВЕДСКАЯ ПОЛЕВАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ В ПОЛТАВСКОЙ ОПЕРАЦИИ 1709 ГОДА

БИТВА ПОД ПОЛТАВОЙ вошла в историю войн классическим образцом фортификационной подготовки сражения. Однако это в полной мере относится не только к знаменитой «баталии», победа в которой стала лишь финалом многочисленных усилий в изнурительной и упорной борьбе, развернувшейся под стенами древнего города. Боевые действия вокруг Полтавской крепости продолжались без малого два месяца и фактически превратились в противостояние двух армий по водоразделу реки Ворсклы, на крутом правом берегу которой возвышалась деревянная крепость. С востока от реки к городу подступали русские, западный полтавский берег оборонялся шведами. В результате здесь разыгралась самая настоящая инженерная война, размах и накал которой не могут не удивлять даже сегодня.

Описывая события, специалисты традиционно акцентируют внимание на сравнительно небольшом пятачке речной долины, стиснутом в низине под крепостью и охватывающем в проекции с юга границу городского форштадта, а с севера – ближайшую округу Крестовоздвиженского монастыря. Действительно, практически за весь период осады Полтавы здесь наблюдалась наибольшая активность враждующих сторон, что нашло свое отражение в различных документах и исследованиях. Указанный район лежал в 500 600 саженьях к востоку от старинной части города и имел протяженность береговой линии до двух верст. В топографическом отношении это была типичная для лесостепной зоны поймы очень извилистой реки Ворсклы и ее правого притока Ротосны (Рагизны), имевшая переменную заболоченность

с густой сетью мелких затоков и рукавов, поросших прибрежными зарослями. Вот в этих-то местах с начала мая 1709 г. русское командование предпринимало энергичные и небезуспешные попытки прорыва к крепости, хотя серьезного прогресса добиться там так и не получилось. И именно указанные события и факты, в первую очередь вызывая интерес, остаются предметом анализа и отправной точкой в деле изучения военных действий, предшествовавших «генеральной баталии».

Вместе с тем, последние находки и знакомство с территорией близ главного русла реки подводят к мысли о существенном расширении контролируемых противниками прибрежных зон, а следовательно, в корне меняют наши представления о размерах и масштабе борьбы. На сегодняшний день есть все основания полагать, что фронт инженерных работ вдоль реки занимал не две версты пространства, как считалось прежде, а имел совсем иные характеристики. Общая величина его с юга на север составляла около 9 километров. Правда, фронт не был сплошным и имел различную глубину, что обуславливалось сложностями рельефа и спецификой выполняемых задач.

Обследование правого берега реки в окрестностях южнее Полтавы от бетонного моста трассы Киев – Харьков вплоть до села Нижние Млыны и современного поселка Гора выявило остатки земляных возвышенностей явно искусственного происхождения, которые можно отнести только к описываемым событиям. Дело в том, что никаких боевых действий, тем более долговременных оборонительных мероприятий здесь никогда не отмечалось ни раньше, ни позже, включая период Великой Отечественной войны. С другой стороны, каких-либо сельскохозяйственных угодий с интенсивным аграрным циклом, способным так изменить верхний слой земли на этой территории, не существовало по причине очаговой заболоченности, пересеченности мелкими ручьями и отдаленности от мест проживания. Наконец, никакие виды дренажных, гидротехнических или строительных работ по осушению, углублению фарватера, укреплению берегов и т. п., способные изменить поверхностный облик этой территории, также не проводились. Значит, нет никаких сомнений в том, что найденные артефакты имеют не просто прямое отношение к 1709 г., но являются неотъемлемой составной частью всего комплекса мер шведского командования по организации защиты правого берега Ворсклы

и противодействию попыткам русской армии переправиться на этом участке.

Из переписки военачальников с царем хорошо видно, как много внимания уделялось Полтавской крепости, как долго и настойчиво русский штаб искал и использовал любые возможности оказать помощь осажденному гарнизону¹. Кстати, именно невозможность дальнейшей защиты города послужила главной причиной состоявшегося генерального сражения. Несмотря на все усилия, пробиться кратчайшим и самым удобным путем – из-за реки напротив крепости – никак не удавалось. Хотя здесь исстари пролегал тракт на Харьков, со стратегически важным деревянным мостом, позже разрушенным шведами. Поэтому, дабы отвлечь внимание Карла XII от истинных замыслов и растянуть его силы, в начале июня русские пошли на радикальный шаг, значительно раздвинув географические рамки своего плана по форсированию реки с последующим прорывом к городу. Предвидя такую опасность, с точки зрения ее предупреждения и пресечения, шведы заблаговременно начали усиливать свое присутствие, приступив к фортификационной подготовке западного берега и закрывая все более-менее доступное для переправы пространство правее и левее своих первых позиций у реки (в районе моста).

Если взглянуть на долину Ворсклы в южном направлении от города в целом, бросается в глаза ее обширная заболоченность, заметно возрастающая по мере приближения к Днепру. Это характерная черта всех степных речек, наряду с илистым дном. На участке суши от города до хутора Буланово и далее до села Старые Санжары (современные Решетники), где стоял прочный мост (почти 25 км), береговая линия представляла собой многочисленные разветвления по обеим сторонам русла, ручьи, затоки и топи. Редким исключением выступали отмели и твердые участки почвы, через которые прокладывались гати. Подобный характер местности наблюдался как раз возле Нижних Млынов, что и привлекло внимание русского командования (вместе с близостью к городу). В принципе, с точки зрения развертывания крупных сил и подготовки большого наступления, переправа и занятие там плацдарма виделись бесперспективным занятием в силу разбросанных болот, малочисленности подходящих путей, трудностей перетягивания тяжелой армейской артиллерии, тесноты пространства за рекой, а главное – одной-единственной дороги

наверх, к Полтаве. Но для организации диверсий и отвлекающих атак с целью изматывания противника намечаемая здесь демонстрация активности виделась вполне разумной и даже необходимой. Ход событий с броском на правобережье именно в этих местах в ночь с 15 на 16 июня дивизии генерала Алларта только подтверждал правильность окончательного решения.

Начиная метров с 300 ниже по течению Ворсклы от места впадения в нее речки Коломак, на протяжении приблизительно километра, прижимаясь к правому берегу, тянется прерывистая цепь холмов. Эти молчаливые свидетели прошлого по форме и по сути являются инженерными объектами, относящимися к категории легкой полевой фортификации. Выстроившись установленным порядком, основная масса их развернута лицевой частью к реке, но нацелена на круговую оборону. Таким образом, перед нами предстает позиция с законченной фортификационной подготовкой территории, которая, находясь в стороне от главного театра борьбы, оставалась неизвестной и никогда не привлекала внимание исследователей. Однако именно она и сыграла роль правофлангового рубежа всей оборонительной системы шведов под Полтавой. Сохранность объектов колеблется от весьма удовлетворительной до едва различимой на местности.

По всей видимости, укрепления начинались сразу за устьем Коломака, так как увести их дальше на север не было смысла – болота. Однако никаких следов этих насыпей ныне не обнаружено, что можно связать с прокладкой шоссе Киев – Полтава – Харьков и соответствующим обустройством прилегающей территории, в частности, установкой в 1952 г. каменного моста через Ворсклу, вторая очередь которого возведена в начале 1980-х. Русло в данном промежутке неровной дугой отклоняется к востоку от высоких и крутых склонов, обрывающихся за правым берегом, на вершине которых могла проглядываться крепость. У хутора Терешки оно резко поворачивает на юго-запад, снова приближаясь к высотам. Образовавшееся излучиной речки колено формирует довольно обширное низменное плато, которое тянется к северу мимо Кабыщанского и Мазуровского оврагов на 5 км до монастыря при ширине порой до 1½ км. На юго-восточной окраине плато находятся вышеуказанные сооружения, которые заканчиваются перед новым поворотом реки к югу. В полукилометре от него, недалеко от старой дамбы

(гребли), правый берег обрывается следующим водным препятствием – длинным рукавом, надежно прикрывавшим все крыло шведских позиций.

Изучение обнаруженных земляных объектов убеждает в мастерстве их возведения и профессионализме шведских инженеров. Выбор места и взаимное расположение насыпей полностью соответствовали как целевым установкам, так и особенностям рельефа. Фортификация призвана была защитить передовые посты от любого вида пушечного или мушкетного огня и хотя бы на время прикрыть группировку войск в случае неожиданной атаки. На посты возлагалась роль наблюдения и охраны берега с главной задачей своевременно обнаружить и предупредить попытки переправы русских. Этим объяснялись их направленность и густота, ведь расстояние между насыпями, как правило, не превышает 5–10 метров. В дальнейшем предполагалось связать противника боем до подхода подкреплений, которые и должны были остановить нападающих.

Основная группа укреплений сосредотачивалась с ориентировкой на восток. Южное направление, как более недоступное, контролировали отдельные дозоры (сохранились три) по причине значительного разлива русла и открытости противоположного берега. В целом, река на повороте и далее представляла серьезное препятствие: при ширине до 60 и глубине в 4 метра высота береговой линии достигала 2 метров. Проводить переправу войск в таких условиях, да еще днем, на виду у противника, было невозможно. Поэтому наиболее опасной считалась ночная вылазка, из-за чего насыпи располагались у самой кромки воды: в 5–12 метрах. Виды и форма их были различными, но гибко отвечавшими ситуации: обычная траншея или ровик, редут, люнет ромбовидного, прямоугольного, конусообразного, пятиугольного или квадратного сечения. Размеры их также варьировались, в зависимости от места и предназначения. Например, малый объект, похожий на редут, с южной стороны плато имеет легко выраженный ромбовидный контур с параметрами 13 на 13 метров, а окоп, отрытый у поворота реки, при ширине в 5 метров простирался на 40 метров.

Особенностью оборонительной линии являлось сочетание функций долговременных наблюдательных постов и самых настоящих полевых укреплений, способных выдержать обстрел и первый натиск. Причем создавались они для постоянного

присутствия назначенного количества людей, которых в крайнем случае можно было быстро отвести назад. В самом безопасном месте – за болотистой протокой, в форме веретена вытянувшейся параллельно излучине реки, вереницей выстроились наиболее крупные береговые сооружения, приспособленные, надо полагать, под жилье и установку лагерных палаток. При общей ширине 1113 метров они раскинулись на 150 метров и были способны вместить не одно подразделение солдат. Несмотря на внешнее сходство и симметричность, сооружения имеют несколько замысловатую систему внутренних ходов и перегородок.

Ключевым и самым опасным виделся участок берега против речного островка. Этот естественный и достаточно большой клочок земли треугольного очертания со стороны порядка 300–350 метров клином врезался в водный поток и делил русло на главное и широкое, уходившее влево, и правое узкое, выходящее у изгиба на шведские посты. Особо отметим, что, видимо, с этого островка прозвучал роковой выстрел, рано утром 17 июня болезненно ранивший в стопу шведского короля при очередном инспектировании своих постов. Размер протоки, отделявшей остров от правого берега, составляет 15–17 метров при глубине всего 1–1,5 метра и едва уловимом течении, что делало ее чрезвычайно заманчивой и легкой для переброски войск или различных партий. Главное русло, омывавшее остров с противоположного края, разливалось на 50 метров. В результате безымянный островок превращался в созданный самой природой важнейший форпост русских, с прекрасными условиями для внезапных ударов, нагнетавших постоянное давление на правый фланг шведов. Осознание рискованности подобных выпадов и тяжести последствий как бы заранее предопределяло и подталкивало противников на жесткое соперничество за обладание выгодной позицией.

Южнее острова, где река и протока снова сливались, открывалась хорошая видимость ближних подступов, замеченная шведами, также выставившими там охрану. Эта группировка прибрежных насыпей неплохо сохранилась и дает наиболее четкое наглядное представление об их защитных возможностях. Со стороны берега сооружения надежно прикрываются двухметровой высоты земляным валом, толщина в основании которого не менее четырех метров, по верху – около двух. Ясно, что три века назад они выглядели еще более внушительно. Сбоку бруствер имеет легкий уклон назад. Посты стоят, как обычно, плотно друг

к другу и имеют своеобразные контуры. Например, два объекта выполнены в форме трапеции, один из них похож на вытянутый клин с верхним обрезом к реке 8 метров, а в основании – 18 метров.

В тылу за всеми укреплениями, приблизительно на равном расстоянии от восточной и южной оконечности реки (200–250 метров), находится еле заметная возвышенность менее метра, со слабо выраженным очертанием квадратного контура. Предназначение ее пока не установлено. Можно предположить, что здесь находилась наблюдательная вышка, откуда открывалась прекрасная панорама всей излучины и ее подступов, а также общая картина противоборства враждующих сторон.

Наличие шведских фортификационных сооружений в районе реки севернее Полтавы также является ценной находкой последнего времени. Остатки инженерных объектов выявлены на возвышенности, занимающей восточные склоны монастырской горы, и далее вверх до северных околиц села Яковцы. Основное отличие их от южной гряды состоит в том, что у Млынов они лежат в низине долины в непосредственной близости от воды и вдалеке от высот правобережья, а здесь целиком располагаются над речной поймой по гребню обрыва, ярусами спускающегося к Ворскле.

Первые объекты обнаружены в 300 метрах к северу от стен ограды Крестовоздвиженского монастыря. Фрагментарно они сохранились в виде тонкой нити, опоясывающей склоны и вытянутой где-то на 3,5 км. В ряде мест можно обнаружить настоящие оборонительные узлы с более насыщенной группировкой фортификации. Характер местности не позволял соорудить непрерывную цепь постов наподобие той, что у Млынов. Да в этом и не было надобности. Сама природа здесь позаботилась упростить оборону западного берега, создав серьезные препятствия на пути наступающих. Ширина двусторонней луговой террасы достигала почти 5 км. Упираясь на западе в нависающий над речной долиной склон, вся прилегающая территория была слегка подтоплена и покрыта сплошной сетью заводей и протоков, поросших осотом, камышом, ивняком и черной ольхой.

Конечно, данная территория не считалась вовсе непроходимой. Однако все немногочисленные броды и тропы с дорогами были хорошо известны и зорко контролировались обеими сторонами. Заливные луга и вязкая почва в сочетании с лимитом

подъездных путей дополнялись тем, что на этом участке Ворскла распадалась на основное русло и уходивший правее приток Рагизна (Ротосна), огибавший возвышенность с монастырем. Немного севернее сохранились очевидные признаки других русел, так называемые «старицы», позволяющие предполагать наличие в те времена дополнительно еще двух противоположных рукавов. Таким образом, прежде чем достигнуть противоположного берега, русским пришлось бы преодолеть, как минимум, двойную, а то и тройную водную преграду с обширной заболоченностью по всей округе². О перетягивании артиллерии в таких условиях не могло быть и речи. Тем не менее, вероятность переброски больших или меньших сил существовала, и противник относился к этому со всей ответственностью. Месторасположение шведских постов выбиралось со знанием дела – по вершинам склона, позволяя максимально использовать преимущество высоты.

Интересно, что среднее превышение над уровнем поймы монастырской горы (метров 800 от крепости) составляет порядка 40 метров при значительной крутизне спусков и чередой обрывистых оврагов. Поднимаясь по склонам дальше на север, в районе Яковцов, его величина возрастает, достигая уже 60 метров, но при более пологом, даже затяжном спуске и также наличии местами отвесных склонов и оврагов.

А вот территория будущего второго укрепленного лагеря русских под Яковцами имела относительный перепад высот ≈ 80 метров и являлась абсолютно господствующим местом над всей округой. Не менее интересно и то обстоятельство, что левая граница этого ретраншемента³ пролегла там, где заканчивалась описываемая здесь линия укреплений, выходя на неглубокую ложину и дальше на яковчанские овраги, разделявшие противников. Стало быть, территория ретраншемента оказывалась единственным оптимально подходящим свободным пространством с точки зрения развертывания армейских соединений, его оборонноспособности и приближенности к Полтаве. В таком случае отказать в таланте русским инженерам мы просто не имеем права.

С естественных высот, окаймлявших речную долину, открывалась превосходная перспектива для установки постоянного наблюдения за простиравшимися лугами и границей пойменного леса, что обеспечивало возможность сравнительно легко контролировать значительные расстояния. Дистанция между постами на кручах правобережья и руслом реки внизу колебалась

от 0,5 до 1,5 км. Значит, в светлое время суток без специальных приборов в зоне прямой видимости можно было держать все прилегающее пространство долины и любые интересующие участки. С наступлением темноты посты, скорее всего, спускались к реке и занимали отведенные тайники для скрытного слежения, а утром возвращались обратно. И снова, как у Нижних Млынов, мы сталкиваемся с различной формы и размеров сторожевыми укреплениями – в зависимости от складок местности и выполняемых задач. Подавляющее большинство из них представляют собой стандартные ровики-траншеи, используемые как ходы сообщения и напоминающие стрелковый окоп. По рисунку они разнообразны: изломами или кремальберами, округлые, угловые, прямые. Непременным критерием постройки их являлось строгое соответствие окружающему ландшафту.

Судя по всему, задача постов не ограничивалась наблюдением и оповещением о переправе, но заключалась также в организации защиты занимаемых рубежей. При ширине траншеи по дну не менее 1,5 и глубине на сегодня до 1 метра (в действительности она должна была быть 6–7 футов), их длина изменяется от нескольких метров до 100 и более. Следовательно, это были полноценные полевые сооружения, выполненные по всем правилам фортификационного искусства. Во-первых, они идеально вписывались в складки местности как с точки зрения ведения обзора, так и с точки зрения скрытности и защиты поста. Занимать или оставлять свои позиции, вести перегруппировку войск по предусмотренным заранее путям можно было практически незаметно. Каждая группа или отдельный пост контролировали четко обозначенный сектор береговой линии и немногочисленные коммуникации. Если это был выступ или косогор, окопы размещались по его центру (зигзагообразной либо округлой формы); если крутой склон и овраг – по гребню фронта и флангам (волнообразного или углового начертания); если дорога – по обеим сторонам ступенчато и замкнутой формы. Защищаться против легких партий противника в таком случае можно было вполне успешно. Во-вторых, они были прекрасно замаскированы. Прячась в ложбинах и складках спуска, повернутые под разными углами к фронту и приспособленные к самым неожиданным местам, окопы и посты были практически незаметны – как снизу, так и сверху. Причем все они были слегка приспущены, находясь в среднем в 5–10 метрах ниже верхней кромки склона.

Интересно, что одна из дорог, ведущих вниз к воде, в своем верхнем промежутке тоже была спрятана. Прижимаясь левой обочиной к холму, другим боком дорога надежно закрывалась насыпанным земляным валиком, высотой (на данный момент) до 1 метра. Выходит, передвижение по такому участку оставалось по большей части незаметным и безопасным. В-третьих, на посты возлагалась прямая военная функция – способность обороняться. А это значит, что позиции были грамотно размещены, хорошо продуманы и, конечно же, пристреляны. Они держали под прицелом прямого, фланкирующего или перекрестного огня всю допустимую площадь обстрела: как подошву склона с подъемом, так и его ближние подступы. Секторы обстрела были заранее распределены и, если позволяли условия, совмещены, помогая концентрировать огонь на нужных направлениях.

Собственное расположение, порой в крайне недоступных местах, и расчет на взаимную поддержку с другими подобными объектами давали возможность сосредоточенным огнем остановить лобовую атаку на ограниченном участке, особенно с подходом подкреплений. Что, собственно говоря, и составляло их первейшую задачу после обнаружения самой переправы. Тем более что некоторые из них, как кажется, были приспособлены под установку малых орудий. Кроме того, прикрытие этих объектов должно было осуществляться по верху, где, скорее всего, также располагались оборудованные позиции с охраной.

Таким образом, наличие фактически непрерывной 9-километровой полосы наблюдения за течением Ворсклы южнее и севернее Полтавы подчеркивало то значение, которое придавалось шведским командованием операционной линии реки во всей системе обороны правого берега и, как следствие, своевременно выявлению каждой попытки противника по ее форсированию. На построенные укрепления возлагалась ответственная, но кратковременная роль дальнего дозора. Опираясь на сравнительно легкую систему фортификации, передовые посты нацеливались принять первый удар до подхода основных сил. Тем самым выполнялась плановая установка – овладеть ситуацией, не допустить или задержать переправу, предотвратив помощь гарнизону в любом виде. Этого можно было достичь, нанеся хотя бы частичное поражение противнику в наиболее уязвимый момент перехода реки, или, по крайней мере, демонстрацией своего присутствия и решительностью контрмер добиться надлежащего

эффекта известным материальным ущербом и моральным потрясением. Именно в таком виде просматривалась схема действий шведского руководства по блокированию попыток противника переправиться на полтавский берег.

Итак, последние находки дают конкретное представление об уровне и масштабах фортификационных работ, изобретательности шведов по защите правого берега. В качественно новом облике они раскрывают подоплеку тех далеких событий, продвигая вперед в понимании вопросов оперативной деятельности и деталей инженерного искусства. Последовательность и упорство противников в достижении своих целей привели к тому, что русло Ворсклы на полтора месяца превратилось в передовой край бескомпромиссной борьбы, где каждый старался проявить свое умение и воплотить наиболее смелые идеи. Теперь с полным основанием можно говорить о том, что размах и накал событий под Полтавой приобретают иное содержание. Это тем более важно, потому что помогает уяснить не только более высокую степень противостояния, но и воссоздать в действительности пусть и полуразрушенный облик инженерных сооружений под самой крепостью, частично сохранившийся благодаря старинным картам. В силу объективных, а в большей степени субъективных причин (постепенный рост города, строительство дорог и мостов, засыпка болот) сегодня береговая линия с прибрежной полосой необратимо изменилась, а весь комплекс оригинальной фортификации непосредственно в районе крепости безвозвратно утрачен. Несмотря на это, начатое исследование, безусловно, поможет в изучении одной из самых замечательных страниц Полтавской операции и летописи Великой Северной войны.

¹ Петр I – Б. П. Шереметеву 15 мая, 23 мая 1709 г.; Петр I – Г. Ф. Долгорукому 8, 11 июня 1709 г.; Петр I – А. С. Келину 11–12 июня, 19 июня, 26 июня 1709 г. Письма и Бумаги государя императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М., 1950. С. 179, 194; 204, 206; 207, 216–217, 225; Б. П. Шереметев – Петру I 6 мая, 13 мая 1709 г.; А. Д. Меншиков – Петру I 5 мая, 16 мая 1709 г. ПИБ. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. С. 886, 866–867; С. 872–873, 873–874.

² Глубина протока Ротосна в этих местах колебалась от 2 до 8 футов (фут $\approx \frac{1}{3}$ метра). Глубина основного русла Ворсклы напротив города – от 2–3 до 18 футов.

³ Ретраншемент (от фр. *retrencher* – укреплять, прикрывать) – вторая линия укреплений в системе полевых позиций; в данном случае второй лагерь русских у села Яковцы.

А. В. Морген (Санкт-Петербург)

МОРСКИЕ ДЕСАНТНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВМФ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

В БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ советских флотов и флотилий десантные операции занимали одно из ведущих мест. Об этом свидетельствует тот факт, что за время Отечественной войны 1941–1945 гг. флотами и флотилиями ВМФ СССР было высажено 110 десантов¹ (ил. 1). Это объясняется, во-первых, тем, что десантные операции выражают самую активную форму совместных действий армии и флота, во-вторых, тем, что они наиболее эффективно облегчают действия сухопутных войск на приморских (приозерных) участках фронта.

В зависимости от хода боевых действий Красной Армии на сухопутном фронте условия высадки и задачи морских десантов были различны. В связи с этим в проведении десантных операций можно отметить три различных периода. Первый охватывает десантные операции в период отступления Красной Армии по всему фронту и борьбы за удержание и улучшение ею своих позиций на поспешно возводившихся рубежах обороны. Этот период охватывает весь 1941 г. и начало 1942 г.

Основной целью десантных операций этого периода было ударом во фланг и тыл наступающим войскам противника оттянуть часть его сил с фронта, замедлить темп его наступления и тем самым обеспечить частям Красной Армии время, необходимое для оборудования и освоения рубежей обороны. Позже, когда противник был остановлен, целью десантных операций было содействие частям Красной Армии в их операциях по улучшению своих позиций (ил. 1).

Характерными чертами для десантных операций этого периода являются:



Ил. 1. Высадка десанта

1. Небольшой численный состав и слабое вооружение основной массы десантов. По своему составу и вооружению большинство десантов не могли обеспечить успешного выполнения стоявших перед ними задач. Десанты были малочисленны, на вооружении имелось только носимое (личное) оружие. Средств борьбы с закрытыми огневыми точками, живой силой и инженерно-оборонительными сооружениями противника они не имели. Моральное состояние и боеспособность войск противника не учитывались.

2. Поспешность с проведением операций, что объясняется, во-первых, условиями обстановки на суше, требовавшими немедленной высадки десантов, во-вторых, стремлением сохранить скрытность и внезапность высадки десантов для противника. Вследствие этого организовать разведку, специальную подготовку выделенных сил и средств не представлялось возможным. Взаимодействие внутри десанта и десанта с силами поддержки в период подготовки не отрабатывалось, и при фактическом выполнении операции его не было.

3. Плохая работа связи, что объясняется, во-первых, отсутствием удобных для действия в условиях десантных операций автономных и не боящихся воды радиостанций и, во-вторых, плохой подготовкой личного состава. В некоторых случаях десант вообще никаких средств радиосвязи не имел. Вследствие этого связь с десантом после его высадки на берег обычно

прекращалась и судьба его оставалась неизвестной. Действия десантов на берегу носили неорганизованный и неуправляемый характер. Организованная поддержка десанта огнем кораблей с моря и авиацией с воздуха, как правило, отсутствовала. Вследствие этих, а также ряда других причин, значительная часть десантов этого периода поставленных перед ними задач решить не могла и операции своей цели обычно не достигали.

Второй период охватывает 1942 г. и первую половину 1943 г. Он характеризуется проведением Красной Армией ряда местных операций по улучшению занимаемых позиций в начале периода и подготовкой к переходу в наступление по всему фронту в последующем. Основной целью десантных операций этого времени было содействие частям Красной Армии в прорыве обороны противника и ликвидации отдельных его группировок для решения последующих больших задач по изгнанию противника с нашей территории.

Десантные операции этого периода были более успешными и проводились при лучшем взаимодействии как внутри десанта, так и с кораблями, поддерживавшими его артиллерией, и авиацией. Оснащение десанта средствами связи и их подготовка стали гораздо выше. Почти во всех случаях действия десанта поддерживались наступлением частей Красной Армии с фронта. Значительно улучшилось навигационно-гидрографическое, материально-техническое, медико-санитарное и инженерное обеспечение проводимых операций.

Одновременно на флотах проходила подготовка к проведению десантных операций специальных подразделений морской пехоты – отдельных батальонов и бригад. Несмотря на эти достижения, основные условия успешного выполнения десантных операций (подготовка участвующих в операциях сил и средств в условиях, приближенных к боевым; четкая организация командования; бесперебойная работа связи; взаимодействие десанта с авиацией, кораблями флота и береговой артиллерией) продолжали оставаться на низком уровне.

Третий период охватывает десантные операции, проводимые во время победоносного наступления Красной Армии на всем советско-германском, а позже и советско-японском фронте 1943–1945 гг.

Основной целью десантных операций этого периода являлось недопущение отхода войск противника и содействие



Ил. 2. Морской десант на катере. Кольский полуостров, 1942 г.

частям Красной Армии в окружении и ликвидации его арьергардных частей и гарнизонов отдельных приморских пунктов. Значительная часть десантов третьего периода имела целью захват морских портов с тем, чтобы лишить противника возможности производить эвакуацию водным путем. Для проведения десантных операций флот уже имел хорошо подготовленные подразделения морской пехоты и соединения кораблей. Поэтому, несмотря на сжатые сроки подготовки к каждой отдельной операции, последние, как правило, заканчивались успешно. Десанты действовали смело и решительно, связь работала лучше, чем раньше. Взаимодействие десанта с силами поддержки (авиацией и артиллерией) в большинстве случаев было налажено. Вследствие этого операции, как правило, заканчивались полным решением десантами их задач и достижением целей операции. Несмотря на сравнительно небольшой состав основной массы десантов, последние в ходе Великой Отечественной войны сыграли весьма значительную роль.

На Северном театре военных действий (ТВД) в результате последовательной высадки в 1941 г. трех десантов во фланг наступавшей в направлении Полярное – Мурманск группировки противника, последний вынужден был бросить на борьбу

с десантами и постоянную оборону побережья значительное количество войск и техники из состава своей ударной группировки, замедлить темп наступления и тем самым предоставить подождавшей к фронту 52-й стрелковой дивизии 14-й армии возможность занять выгодные рубежи обороны, а впоследствии и перейти в наступление. Таким образом, попытка противника с хода захватить базы Северного флота и единственный незамерзающий порт нашей страны на Севере, Мурманск, была сорвана (ил. 2).

Совместными действиями частей 14-й армии с фронта и десанта с южного побережья Мотовского залива 27.04–13.05.1942 г. была сорвана готовившаяся противником новая наступательная операция с целью захвата Полярного и Мурманска. Противник был вынужден отказаться от дальнейших попыток наступления и перейти к обороне.

Высадкой осенью 1944 г. пяти десантов на побережье Варангер-фьорда Северный флот (СФ) оказал значительную помощь войскам Карельского фронта в разгроме ими Лапландской армии противника и в освобождении Советского Заполярья и Печенгской области.

На Западном ТВД систематической высадкой десантов на финские острова и их захватом гарнизон военно-морской базы Ханко значительно расширил свою операционную зону, заставив противника отказаться от проведения наступательных операций в этом районе и в спешном порядке произвести усиление своих позиций огневыми средствами и инженерно-оборонительными сооружениями, а главное – держать в районе Ханко значительное количество войск и техники, которые могли быть использованы против советских войск под Ленинградом (ил. 3).

Успех операции частей 55-й армии Ленинградского фронта в августе 1942 г. по ликвидации Усть-Тосненского узла сопротивления противника и по захвату плацдарма на восточном берегу реки Тосно в значительной степени был облегчен активными и решительными действиями десанта, высаженного 19.08.1942 г. Ленинградской военно-морской базой в районе Ивановки. Захватив мосты и дороги, десант отрезал пути доставки гарнизона Усть-Тосненского узла сопротивления подкреплений в живой силе и технике с других участков побережья и тем самым способствовал ликвидации его частями 55-й армии. На борьбу с десантом, кроме оборонявшего этот участок 1-го пехотного полка, противник бросил три пехотных полка (100, 155 и 322-й),



Ил. 3. Морской десант на Балтике

29-й танковый полк (ТП) и два отдельных пехотных батальона (136 и 636-й).

Высадкой десантов на острова Выборгского залива Моонзундского архипелага в 1944 г., а также на косу Фриш-Нерунг в 1945 г. Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) значительно расширил свою операционную зону и оказал существенную помощь приморским частям Красной Армии в решении стоявших перед ними наступательных задач.

На ладожском участке Западного ТВД высадкой десанта на острова Лункулансаари и Мантсинсаари 24–26.07.1941 г. Ладожская флотилия создала для противника реальную угрозу нарушения его прибрежных коммуникаций, недопущения подхода резервов и нанесения ударов в тыл его группировки, наступавшей вдоль восточного побережья Ладожского озера. Вследствие этого враг был вынужден ослабить свою ударную группировку, выделив для борьбы с десантом до полка пехоты, четыре батареи и до роты танкеток и бронемашин. Учитывая сравнительно небольшой состав приозерной группировки противника, следует признать, что, оттянув на себя часть его сил, десант оказал весьма существенную помощь частям Красной Армии, действовавшим на восточном побережье Ладожского озера.

Десанты в районе Шлиссельбурга 09–29.09.1941 г. привлекли часть сил и средств противника на защиту побережья и тем самым способствовали проведению наступательных операций частей Волховского фронта с целью уничтожения Шлиссельбургской группировки противника.

Высадкой десанта в районе устья реки Тулокса 22–27.06.1944 г. и успешным решением поставленных ему задач на берегу была создана реальная угроза окружения отступавших вдоль побережья войск противника, что заставило его выделить для борьбы с десантом часть своих сил за счет группировки, действовавшей против советской 7-й армии. Кроме того, противник был лишен единственного удобного пути для переброски своих резервов из тыла и отхода частей с передовых рубежей, что, несомненно, способствовало успешному наступлению войск 7-й армии.

На Южном ТВД успешное проведение наступательной операции частями Одесского оборонительного района (ООР) для уничтожения дальнобойной артиллерии противника, обстреливавшей город, и его приморской группировки войск в значительной мере объясняется решительными действиями десанта, внезапно высаженного Черноморским флотом (ЧФ) 22.09.1941 г. В результате этой операции были разгромлены две пехотные дивизии противника, захвачены 19 орудий, 127 пулеметов, 36 минометов, 130 автоматов, 1150 винтовок, большое количество снарядов, мин, патронов и другого военного имущества; уничтожено свыше 1000 и взято в плен 260 солдат и офицеров. Советские части заняли важные позиции и лишили противника возможности производить артиллерийский обстрел Одессы и кораблей ЧФ.

В результате высадки десанта на Керченский полуостров и в Феодосию 26–31.12.1941 г. (ил. 4) противник вынужден был оставить позиции и оттянуть на борьбу с десантом значительную часть своих сил из-под Севастополя и с таганрогского направления, чем значительно было облегчено положение советских войск на этих направлениях. Кроме того, был захвачен плацдарм для развития наступательных операций по освобождению Крыма и на время ликвидирована угроза прорыва противника на Кавказ через Таманский полуостров.

Высадкой десанта в районе Станички в феврале 1943 г. ЧФ создал благоприятные условия для успешного проведения сентябрьской десантной операции, закончившейся захватом второй базы ЧФ – порта и города Новороссийска, разгромом



Ил. 4. Керченский десант 1941 г.

оборонявших Новороссийск дивизий противника и мощного оборонительного района на Таманском полуострове. Последующей высадкой десантов в районе Анапы, Благовещенской и Соленого озера в сентябре 1943 г. ЧФ весьма эффективно содействовал частям Северо-Кавказского фронта в успешном решении ими задач по ликвидации Таманского плацдарма противника, а впоследствии и в захвате побережья Керченского полуострова.

Наконец, высадкой десантов осенью 1944 г. на побережье и в порты Румынии и Болгарии ЧФ оказал существенную помощь частям Красной Армии в овладении такими важными пунктами и военно-морскими базами противника как Килия, Вилков, Измаил, Тульча, Сулина, Констанца и др. При этом было захвачено большое количество пленных, военных кораблей и торговых судов, складов, вооружения и других трофеев.

Десанты Азовской флотилии в летнюю кампанию 1943 г. западнее Таганрога и Мариуполя на северном побережье Азовского моря и в районе Темрюка на южном наводили панику в тылу врага, нарушали его прибрежные коммуникации и тем самым способствовали частям Южного и Северо-Кавказского фронтов в прорыве обороны противника на подходах к указанным выше пунктам и в освобождении северного побережья Азовского моря и Таманского полуострова. Действиями частей 56-й армии, высаженных Азовской флотилией в ноябре 1943 г. севернее Керчи, был завоеван плацдарм на Керченском полуострове, ставший впоследствии базой для развития наступательных операций

частей Отдельной приморской армии при ликвидации крымской группировки противника. Последующей высадкой десанта в районе мыса Тархан на северном побережье Керченского полуострова и непосредственно в Керченский порт 10–23.01.1944 г. Азовская флотилия способствовала наступательным операциям войск ранее высаженной ею 56-й армии.

На Днепровском и Дунайском речных ТВД, содействуя наступательным операциям Красной Армии вдоль Дуная, Краснознаменная Дунайская флотилия в период 1944–1945 гг. произвела высадку 13 десантов, значительно облегчивших разгром ряда опорных пунктов противника на побережье Дуная, а также захват ряда важных населенных пунктов и городов Радуевац, Прахово, Опатовац, Герьен, Дунапентель, Естергом, Тат, Вена и др.

На реке Припять Краснознаменная Днепровская флотилия высадила семь десантов, своими действиями поспособствовавших частям Красной Армии в овладении такими важными городами и населенными пунктами как Здудичи, Петриков, Барки, Почапуев, Пенковичи, Пинск и др.

На Дальневосточном морском и речном ТВД высадкой десантов летом 1945 г. в порты Северной Кореи, Сахалина, на Курильские острова и побережье Амура и Сунгари Тихоокеанский флот (ТОФ) и Краснознаменная Амурская флотилия оказали существенную помощь частям Красной Армии в разгроме японцев как на материке, так и на островах. Морскими десантами были заняты такие важные пункты как Фугдин, Синьчунжень и Цзямусы на реке Сунгари; порты Юки, Расин, Сейсип на побережье Кореи; Торо, Эсутору и Маока на Сахалине и ряд островов Курильской гряды².

Несмотря на то, что в ряде десантных операций имелись организационные и технические недостатки, они оказали весьма существенное влияние на ход борьбы Красной Армии на приморских направлениях, способствуя устойчивости их в период обороны и успешному продвижению в период наступления.

¹ Салагин Я. Т. Опыт десантных операций в Отечественную войну 1941–1945 гг. – М., 1947. С. 5.

² ЦАМО. Ф. 238. О. 1584. Д. 170. Позит. 127/4696. Кор. 13672.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Сергей Алексеевич – ГУ ТО Управление спортивными сооружениями (Тула), начальник отдела, кандидат технических наук.

Ефимов Сергей Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук.

Жарский Анатолий Петрович – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военных наук, член-корреспондент РАН.

Жмодиков Юрий Леонидович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), заведующий передвижной выставкой.

Жуков Дмитрий Юрьевич – Главное Управление боевой подготовки ВС РФ (Москва), заместитель начальника, начальник Организационно-планового управления, генерал-майор.

Заводсков Иван Николаевич – филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (Сызрань), заместитель начальника факультета – начальник учебной части; аспирант.

Зинченко Илья Викторович – в/ч 52020 КТОФ (Петропавловск-Камчатский), заместитель командира по ВПР, полковник.

Игошин Константин Георгиевич – Государственный исторический музей (Москва), заведующий сектором истории России XIX – нач. XX вв. научно-экспозиционного отдела.

Изонов Виктор Владимирович – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Ильина Татьяна Николаевна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник (хранитель фонда), кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Ильясов Тимур Тагирович – Музей истории города Уфы, директор, кандидат исторических наук.

Ирютин Алексей Сергеевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), начальник отдела.

Кадосов Павел Викторович – Храм Рождества Христова на ул. Коллонтай (Санкт-Петербург), священник; магистр богословия, магистр педагогики.

Казарез Артем Павлович – Дальневосточный федеральный университет (Владивосток), аспирант; главный специалист Дирекции Школы педагогики ДВФУ.

Канев Иван Александрович – ФКУ «Информационный историко-научный центр – Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации» (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Кириллова Дина Андреевна – Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына (Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Кирилов Михаил Николаевич – ВУНЦ ВМФ «ВМА», заместитель начальника кафедры ОПД БП МП ВИ (ВМ) (Санкт-Петербург), капитан 1-го ранга, доктор военных наук.

Климович Людмила Валерьевна – Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, доцент, кандидат исторических наук.

Колесников Юрий Николаевич – в/ч 73966 (Москва), ВРИД командира, подполковник.

Коровин Владимир Викторович – Юго-Западный государственный университет (Курск), профессор, доктор исторических наук.

Кручинин Андрей Сергеевич – Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва), заведующий отделом.

Кудзеевич Леонид Владимирович – Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Кузнецов Алексей Андреевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), начальник отдела, советник РАН, кандидат исторических наук.

Курсанина Наталия Леонидовна – Коллегия экспертов и оценщиков ювелирных изделий и антиквариата, эксперт-искусствовед (Москва).

Курукин Игорь Владимирович – Российский государственный гуманитарный университет (Москва), профессор, доктор исторических наук.

Кушницр Олег Русланович – Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (Санкт-Петербург), специалист научно-просветительского отдела.

Лебедева Светлана Соломоновна – Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, старший научный сотрудник, профессор, доктор педагогических наук.

Лихачёва Ольга Сергеевна – Алтайский государственный университет (Барнаул), научный сотрудник ОС НИОКТР, кандидат исторических наук.

Ломакин Николай Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник (хранитель фонда).

Лукин Валерий Евгеньевич – Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого (Санкт-Петербург), начальник отдела, кандидат исторических наук.

Мегорский Борис Вадимович – независимый историк-исследователь (Санкт-Петербург).

Миловидов Валерий Борисович – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации МО РФ (Москва), научный сотрудник.

Милосердов Дмитрий Юрьевич – Государственный Дарвиновский музей (Москва), заведующий сектором отдела фондов.

Мироничев Евгений Павлович – Музей Карельского фронта (филиал Национального музея Республики Карелия) (Беломорск), научный сотрудник.

Мионов Юрий Александрович – военный историк-исследователь (Ардатов).

Михайлов Александр Владимирович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Михайлов Андрей Александрович – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент.

Молтусов Валерий Алексеевич – Музей истории города Уфы, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Морген Александр Владимирович – ВИ (ВМ) ВУНЦ ВМФ «ВМА» (Санкт-Петербург), заместитель начальника, капитан 1-го ранга.

Румянцев Андрей Георгиевич – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, главный архивист, кандидат исторических наук.

Федечкин Алексей Дмитриевич – исследователь, кандидат исторических наук (Москва).

Черепов Олег Валерьевич – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, аспирант.

Шептура Владимир Николаевич – Главное управление связи Вооруженных сил Российской Федерации (Москва), начальник 3-го управления, генерал-майор, кандидат военных наук, член-корреспондент РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)</i> . Мемории Петра Великого	3
<i>А. П. Жарский (Санкт-Петербург), В. Н. Шентура (Москва)</i> . Взгляды на организацию управления и связи в высших звеньях управления Русской императорской армии (ставка–фронт–армия) накануне первой мировой войны (1914–1918).....	33
<i>Ю. Л. Жмодиков, А. Г. Румянцев (Санкт-Петербург)</i> . История знамени ополчения С.-Петербургской губернии 1812 года	46
<i>Д. Ю. Жуков (Москва)</i> . Военизированные формирования курдов в составе русской армии	53
<i>И. Н. Заводсков (Сызрань) Л. В. Климович (Ульяновск)</i> . Ульяновское высшее военное инженерное училище связи в 1930-е гг.: роль в системе военно-патриотической подготовки молодежи	66
<i>К. Г. Игошин (Москва)</i> . Иностранное влияние на развитие материальной части российской полевой артиллерии в эпоху наполеоновских войн	74
<i>В. В. Ионов (Москва)</i> . К вопросу о действиях противотанковых резервов 6-й гвардейской армии в оборонительной операции 5–8 июля 1943 г.	92
<i>Т. Н. Ильина, [А. Н. Митяев] (Санкт-Петербург)</i> . Пушки В. С. Барановского. История создания. Каталог коллекции.....	102
<i>Т. Т. Ильясов (Уфа)</i> . Музыка войны: кураисты на полях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	125
<i>А. С. Ирютин (Москва)</i> . Десанты морской пехоты Северного флота в 1941–1944 гг.	134
<i>П. В. Кадосов (Санкт-Петербург)</i> . Изобретатель безопасного способа сушки пироксилина полковник Иван Никонович Захаров (1866–1929) и его документальный фонд в научном архиве ВИМАИВиВС	159

<i>А. П. Казарез (Владивосток)</i> . К вопросу о предвоенном развитии организационной структуры стрелковой дивизии РККА (1938–1941).....	170
<i>Д. А. Кириллова (Москва)</i> . Страницы истории Крымского кадетского корпуса. 1920–1929 годы.....	180
<i>М. Н. Кирилов (Санкт-Петербург), И. В. Зинченко (Петропавловск-Камчатский)</i> . Пропаганда в войсках и среди населения противника в ходе Первой мировой войны.....	193
<i>Ю. Н. Колесников (Москва)</i> . Формирование китайских и монгольских частей в составе русской армии в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг.	206
<i>В. В. Коровин (Курск)</i> . История создания и реконструкции памятника героям-саперам на северном фланге Курской дуги.....	220
<i>А. С. Кручинин (Санкт-Петербург)</i> . «Перенести борьбу в Россию»: трагический финал генерала Я. А. Слащова-Крымского.....	233
<i>Л. В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)</i> . Отчет об имуществе военной лжи Марс: к истории офицерского досуга периода Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.....	256
<i>А. А. Кузнецов (Москва)</i> . Ядерная политика США в доктринальных документах администрации Байдена.....	274
<i>Н. Л. Курсанина (Москва)</i> . Символы на офицерском холодном оружии японской императорской армии периода Мэйдзи (1868–1912).....	283
<i>И. В. Курукин (Москва)</i> . Большая цена «маленькой войны»: расходы и потери Персидского похода 1722 г.	297
<i>О. Р. Кушнин (Санкт-Петербург)</i> . Пропаганда использования трофейного вооружения на Ленинградском фронте.....	301
<i>С. С. Лебедева (Санкт-Петербург)</i> . Зарубежный Союз русских военных инвалидов (1920–1938).....	316
<i>О. С. Лихачева (Барнаул)</i> . Об одном типе кинжалов раннего железного века с территории Алтая и Минусинской котловины.....	323
<i>Н. В. Ломакин (Санкт-Петербург)</i> . На стыке жанров.....	334
<i>В. Е. Лукин (Санкт-Петербург)</i> . Владимир Николаевич Адрианов – военный топограф, конструктор, художник.....	343
<i>Б. В. Мегорский (Санкт-Петербург)</i> . Новый источник по строевому обучению петровской пехоты.....	352

<i>В. Б. Миловидов, А. Д. Федечкин (Москва).</i> Опыт использования артиллерии ОАГ ВМФ в боях под Вязмой и Ржевом осенью 1941 г.	366
<i>Д. Ю. Милосердов (Москва).</i> Традиционное огнестрельное оружие в ханствах Средней Азии XIX – начала XX вв.	377
<i>Е. П. Мироничев (Беломорск).</i> Р. И. Панин – командир 42-го стрелкового корпуса 14-й армии Северного фронта в 1941 году.....	393
<i>Ю. А. Миронов (Ардатов).</i> Первая отдельная экспериментальная реактивная батарея гвардии капитана И. А. Флёрова	403
<i>Ю. А. Миронов (Ардатов).</i> Боевая эффективность реактивной артиллерии в Великой Отечественной войне.....	422
<i>А. А. Михайлов (Санкт-Петербург).</i> Двухсторонние маневры войск Петербургского и Виленского военных округов в 1903 г.	438
<i>А. В. Михайлов, С. А. Астахов (Тула).</i> Регламентированные и нерегламентированные сабли французской армии конца XIX – начала XX вв. (конструкции, технологии, материалы)	456
<i>А. А. Михайлов (Санкт-Петербург), И. А. Канев (Санкт-Петербург), О. В. Черепов (Белгород).</i> Образы и события отечественной военной истории на страницах прессы в первые месяцы Великой Отечественной войны.....	467
<i>В. А. Молтусов (Уфа).</i> Шведская полевая фортификация в Полтавской операции 1709 года	485
<i>А. В. Морген (Санкт-Петербург).</i> Морские десантные операции ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	496
Сведения об авторах	505

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

В 65 **Война и оружие. Новые исследования и материалы:** труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2023 г. / Под ред. С. В. Ефимова: в 4 частях. – Ч. 2. – СПб.: ВИМАИВиВС, СПбГУПТД, 2023. – 512 с.

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Одиннадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 2

Редактор *Н. В. Медведев*
Художник *Н. Ю. Якубовская*
Верстка: *А. В. Барашев*
Корректор *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 28.04.2023.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 16.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96
www.artillery-museum.ru



ISBN: 978-5-7937-2331-2



9 785793 723312